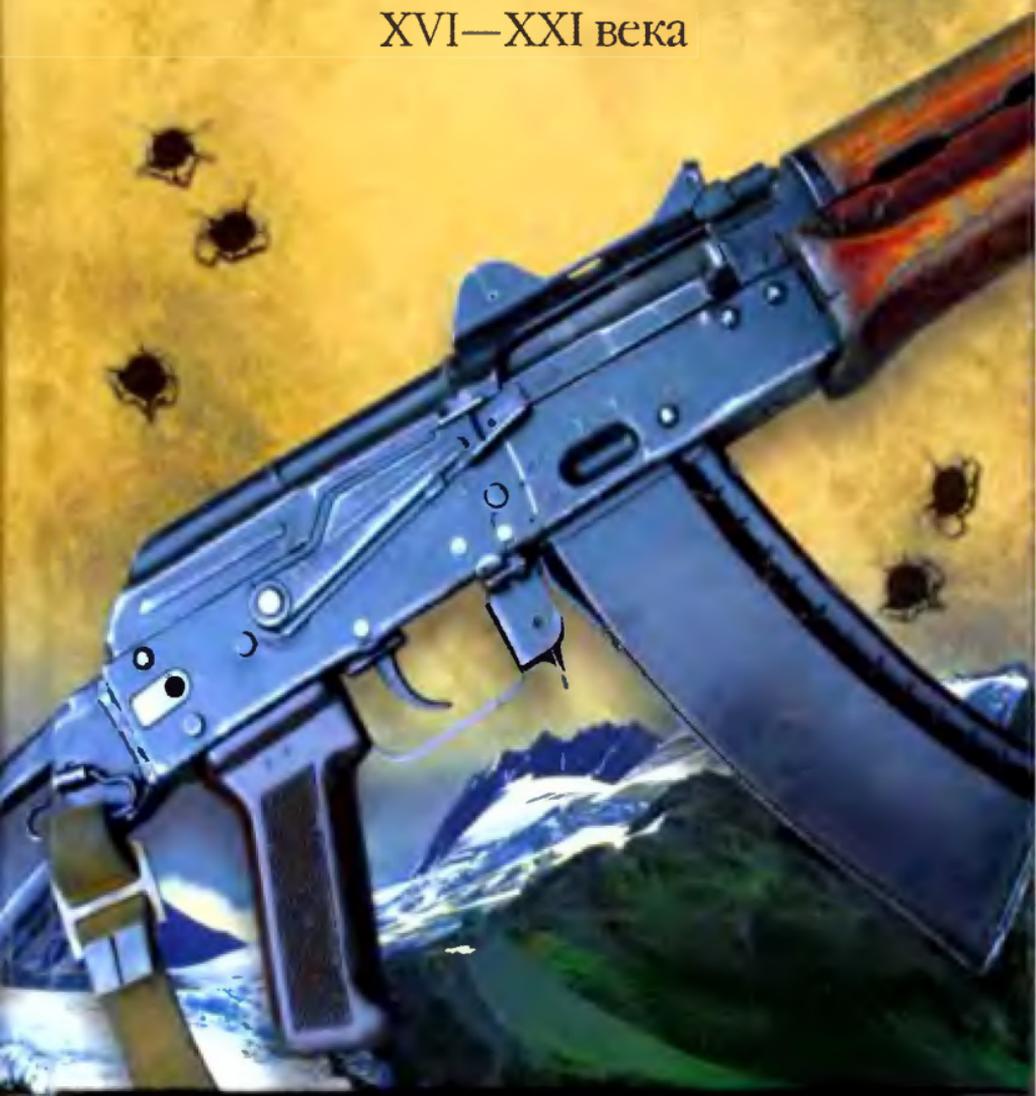

ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ РОССИИ

А.В. ШИШОВ

СХВАТКА ЗА КАВКАЗ

XVI—XXI века

ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ РОССИИ

А.В. ШИШОВ

•

СХВАТКА ЗА КАВКАЗ

XVI—XXI века

Москва
«Вече»
2007

Шишов А.В.

Ш65 Схватка за Кавказ. XVI—XXI века / А.В. Шишов. — М.: Вече, 2007. — 480 с. : ил. — (Военные тайны России).

ISBN 978-5-9533-2236-2

Кавказ в истории старой Российской державы занимает особенное место. С горным краем связано несколько столетий почти непрерывных войн, военных походов и конфликтов, мятежей и восстаний, вооруженных заговоров. Эти события следовали непрерывающейся чередой и закончились для империи только в последний день правления династии Романовых. Но и после этого мир не пришел на древнюю кавказскую землю, о чем свидетельствуют события наших дней.

Книга известного военного историка и писателя А.В. Шишова рассказывает обо всех войнах в Кавказском регионе, которые пришлось вести Московской Руси, Российской империи, Советскому Союзу и Российской Федерации с XVI до начала XXI века, о союзниках и противниках России, о выдающихся отечественных полководцах и дипломатах, защищавших интересы Отечества на южных рубежах.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-9533-2236-2

© Шишов А.В., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Правда истории всегда с трудом и болью входит в сознание человека и общества. В летописи любого государства есть «болевые точки», о которых спорят сегодня, как спорили в прошлые времена. Порой о них стараются забыть, исказить их непреходящую суть, но правда истории рано или поздно высвечивает страницы прошлого. В отечественном летописании кавказские события всегда ассоциируются с кровью и болью, как во времена стародавние, так и в день сегодняшний.

Кавказ в истории старой Российской державы занимает особенное, «огнедышащее» место. Он стал военно-политической проблемой уже для Московской Руси в XVI—XVII веках. Затем наступила эпоха Российской империи... С горным краем было связано более двух столетий почти непрерывных войн, военных походов и конфликтов, мятежей и восстаний, вооруженных заговоров. Для империи они следовали устрашающе непрекращающейся чередой и закончились для нее только в последний день правления династии Романовых. Но и после этого мир не пришел на древнюю кавказскую землю, о чем лучше всего свидетельствуют события наших дней.

Войны на Кавказе то вспыхивали, укладываясь, по сути дела, в одну военную кампанию, то растягивались на многие годы, а Кавказская война с «немирными» горцами длилась с перерывами едва ли не полвека. Но все они требовали от России большого напряжения сил и средств, многотысячных войск. И победы русского оружия на поле брани далеко не всегда достигались малой кровью.

Для России Кавказ никогда не был полигоном, на котором бы испытывалась военная сила. Через Кавказ Российская держава торила свой геополитический маршрут на Восток, войдя здесь в непростые для себя соприкосновения с миром ислама.

Россия пришла на Кавказ не по своей воле, а по зову истории, когда она раздвигала свои государственные пределы. Она, пожалуй, никогда не попадала в такое переплетение военных и политических страстей. Каждая кавказская война становилась для совре-

менников и более поздних исследователей обязательной загадкой, тайной во многих ее проявлениях. Причины такого явления кроются и в агрессивных, подрывных планах врагов России, и в тайной дипломатии, и в бесчисленных заговорах и изменах данным клятвам, и в коварстве действий противной стороны...

Россия в своем геополитическом развитии в конечном счете несла кавказским народам мир и спасение от османского и персидского порабощения, хотя никогда не забывала и о своих имперских, государственных интересах. С приходом русских на Кавказ там прекратились кровавые междоусобицы и исчезла работорговля, была обретена законность, появились надежды на культурный взлет и экономическое процветание. Но во все времена находились «темные» силы, которые противились этому процессу вооруженной рукой.

Может быть, поэтому каждая война, большая и малая, в горном краю окружена пеленой интригующей таинственности. Рассеять ее сегодня трудно: за два столетия бесследно исчезла масса документов, многие главные действующие лица ушли из жизни, не оставив нам в наследство своих мемуаров, дневников и просто записок. Недостаток исследовательского материала всегда порождает большое число самых противоречивых версий и гипотез.

Схватка за Кавказ — это и есть тайны кавказских войн... Их необычайно много еще и потому, что они все время пополняются новыми военно-политическими событиями. И эти события то украшают и приподнимают правду прошлого в сознании людей, то делают ее малопривлекательной и отталкивающей.

Глава 1

КАВКАЗ СРЕДИ ИСЛАМСКОГО МИРА. СБЛИЖЕНИЕ С РОССИЕЙ

Можно считать, что Кавказ стал притягательной военной добычей для своих южных соседей в лице Персидской державы и империи турок-осман с начала XVI века. Причин тому в истории видится несколько.

Во-первых, завоевателей и откровенных грабителей манила феодальная раздробленность кавказского края, когда у народов, проживавших там, существовало по несколько государственных образований. Но это было еще полбеда: соседи, говорящие на одном языке, враждовали друг с другом, и о каком-то союзе между ними для борьбы с общим, внешним врагом не шло и речи.

Во-вторых, некогда христианский и отчасти языческий Кавказ стал наполовину мусульманским, особенно Северный Кавказ и восточная часть Закавказья. Новое вероисповедание принесли сюда арабы, но новая религия не принесла в горы ни мира, ни единения. Даже наоборот — «новая» разобщенность по религии стала принимать трагический оттенок, когда один народ разбоями стал искать средства к существованию за счет труда другого народа.

В-третьих, историческое соперничество Оттоманской Порты и шахской Персии на кавказской земле приобрело более чем острый характер. Кавказ стал своеобразным полигоном, где две враждующие между собой могущественные силы Востока не раз сходились в битвах, в военных походах опустошая владения друг друга на Кавказе, подбирая себе союзников.

В-четвертых, Турция и Персия смотрели на Кавказ в своих широких экспансионистских планах под зелеными знаменами исла-

ма как на «проторенную дорогу» в своем движении на север. То есть на Кубань и Терек — и дальше на берега Волги. Речь шла о стратегических замыслах, которые ныне часто заменяют словами «геополитическая устремленность». И Стамбул (Константинополь), и Тегеран вели политику завоеваний. Кавказ для этой роли на протяжении нескольких веков подходил как нельзя лучше.

И, наконец, в-четвертых, кавказские государства, народы смотрелись легкой военной добычей для своих южных соседей еще и потому, что у них не было ни могучего покровителя, ни надежного и верного защитника. Ситуация стала меняться только тогда, когда на политическую арену Кавказа пришла, чтобы в ней остаться, Российская держава. Она утвердила себя в горном крае не только дипломатией и заботой о его хозяйственном развитии, но и ведением больше двух десятков победоносных войн и военных походов. То есть ценой жизни многих десятков и десятков тысяч русских воинов Кавказ стал достоянием России...

Турция и Персия стали «спорить» не из-за какой-то не поделенной пограничной территории: они оспаривали друг у друга господство на Ближнем Востоке. Война быстро «опалила» Кавказ: та и другая враждующие между собой восточные державы стремились утвердиться здесь, чтобы с севера «нависнуть» над соседом и получить прочие выгоды, которые добывались в ту эпоху вооруженной рукой.

С началом XVI века на Северном Кавказе больше всего преуспела Блистательная Порта, как называли свою империю турки-османы. В то столетие султанский вассал — Крымское ханство исторически «попало в свою стихию». Конные орды крымских татар постоянно ходили в грабительские набеги на Московское царство, Польшу и Литву, которые объединились в Речь Посполитую, Молдову. Главной целью набегов всегда был полон, «живой товар». Такие центры работорговли на Черном море, как Кафа (Феодосия) и Анапа, процветали: через их невольничьи рынки прошли сотни тысяч людей.

Естественно, что крымский хан ходил в грабительские — не завоевательные походы и по Северному Кавказу. Больших усилий здесь ему не требовалось, поскольку Ногайская орда (восточное крыло ханства) кочевала в степях к северу от рек Кубани и Терека. Набеги, в которых не раз участвовали и турецкие войска, сопровождалась разорением кавказских предгорий, истреблением насе-

ления и уводом его работоспособной части, особенно детей, в османскую неволю.

Особенно страдали от набегов крымских татар народы Черкесии и Кабарды, Большой и Малой. Река Кубань серьезным препятствием для конных тысяч ханских воинов никогда не была. А кабардинские земли, покрытые девственными лесами предгорий, тоже не служили надежной защитой для селений от вражеских нападений. В случае приказа из Стамбула конная ханская армия проходила дагестанским берегом Каспия в Закавказье. Там крымчаки поддерживали турок, воевавших против персов. Войско хана той же проторенной дорогой уходило домой.

Персия также стремилась распространить свою экспансию на кавказские земли. Сефевидский Иран, став обладателем Северного Азербайджана, части армянских и грузинских земель, стремился продвинуться еще дальше, на Северный Кавказ. Однако персидским захватчикам удалось прочно утвердиться только в прикаспийской части Дагестана, преимущественно южной. Горцы оказывали героическое сопротивление, да и к тому же у шаха были в то время большие проблемы внутри державы и на границах с турками-османами.

В такой ситуации самые разные кавказские народы искали помощи и защиты от турецкой, крымской и персидской агрессии. Таким союзником и защитником для них исторически становилось Русское государство, которое само имело в лице Крымского ханства и стоявшей за ним Оттоманской империи злейших врагов. Поэтому совместная борьба против общих врагов и стала основой давних уз дружбы.

Как известно, исторические связи Руси с Кавказом уходят в далекую древность. Еще в период существования древнерусского государства — Киевской Руси — предки нынешних кабардинцев, адыгейцев, черкесов (косоги) и осетин (ясы) входили в его состав. Длительное время в западной части Северного Кавказа существовало Тмутараканское княжество, довольно значительное по территории. Утверждение славян-русов в Тмутаракани имело большое значение в деле укрепления торговых и культурных связей Древней Руси с Кавказом.

Историк Н.П. Барсов подчеркивает исключительно важное для торгового и культурного общения с Кавказом значение утверждения славян в устье Дона и дальше на черноморском побережье:

«Если в X веке, — пишет он, — образовалась русская колония в Тмутаракани, то Кавказские горы должны быть известны на Руси. Летописец не упоминает их, но отношения русских князей с их населением — ясами (осетинами) и косогами (черкесами), начинающиеся со времени Святослава, не допускают сомнения в том, что уже тогда возникло на Руси их название Ясских гор, под которыми они известны в древних памятниках».

Другой известный отечественный ученый-этнограф и фольклорист В.Ф. Миллер посвятил ряд работ связям Древней Руси через Тмутараканское княжество с южными степными народами и Кавказом. Так, он отмечает следующее:

«В... Тмутаракани (образовался) центр, в котором завязывались самые живые и бойкие сношения Руси с соседними тюркскими и кавказскими народностями...

Благодаря своему приморскому положению и торговому значению этот город и его окрестности отличались самым пестрым этнографическим составом населения: здесь проживали и греки, составлявшие, главным образом, торговую часть населения, и готы тетрикситы, и представители разных тюркских племен — болгар, хазар, прежних властителей этих мест, и представители воинственных кавказцев — косогов и ясов, которые всегда вместе с тюрками давали обильный контингент в дружины, набираемые в Тмутаракани русскими князьями для похода на Русь в борьбе из-за уделов.

К сожалению, наша Киевская летопись мало интересуется этим захолустным княжеством, она упоминает о нем лишь случайно, когда тот или иной князь появляется оттуда на арену борьбы из-за уделов с наемными войсками. Только Мстислав, брат Ярослава, воевавший с косогами, занимал более продолжительное время стол Тмутараканский и таким образом поддерживал славянский элемент Подонья».

Тмутараканский князь Мстислав известен в истории Древней Руси не только своими войнами с косогами, которые вел успешно. Он основал первый русский храм на Кавказе, церковь Богородицы в Тмутаракани.

В X веке русичи под водительством князя-воителя Святослава избавили северокавказские народы от владычества Хазарского каганата. Ибн-Хаукаль в своей «Книге путей и царств», заканчивая главу, посвященную прикаспийским областям, пишет:

«В наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от буртасов, ни от хазар. Дело в том, что на всех них произвели нашествие руссы и отняли у них все эти области, которые и перешли во власть руссов; кто спасся от их руки, те расселились по соседним областям, желая находиться вблизи своей страны и надеясь заключить с ними (руссами) договор и вернуться под их владычество».

Когда наступила эпоха монгольских завоеваний (XII и XIV века), кавказские и русский народы оказались на одной стороне в противостоянии чингисидам, потомкам Чингисхана, поделившим его державу на несколько государств-улусов. Их ханы, особенно Золотой Орды, продолжили политику «потрясателя Вселенной».

Победа русского оружия на Куликовом поле эхом отозвалась на Северном Кавказе. Именно эта победа московского князя Дмитрия Донского стала решающим фактором для освобождения северокавказских народов от владычества Золотой Орды, в скором времени распавшейся на четыре ханства (царства) — Крымское, Казанское, Астраханское и Сибирское. Если последние при государе-самодержце Иване IV Васильевиче Грозном вошли в состав Российского государства, то в Крыму (и в степной части Северного Кавказа) еще несколько веков продолжали править чингисиды, ханский род Гиреев.

Геополитическое тяготение Кавказа к России усилилось с образованием в XV—XVI веках Русского централизованного государства, которое шаг за шагом стало продвигаться на юго-восток. Тому было историческое объяснение: шла настойчивая борьба с осколками Золотой Орды. Это особенно сближало Московское царство с народами Северного Кавказа, для которых в то время крымско-турецкая агрессия становилась главной внешней опасностью.

Показателен такой факт. В 1552 году войско царя Ивана IV Грозного одержало победу над Казанским ханством, находившимся в союзе с Крымским ханством и Османской Портой. Победа русского оружия нашла самый заинтересованный отклик у северокавказских народов. Буквально через месяц после взятия города-крепости Казани, в ноябре 1552 года, в Москву посольством прибыли «черкесские» князья.

Под именем «черкесов» в русских источниках с XVI века фигурируют все племена адыгской языковой группы, включающей в себя кабардинцев, адыгейцев и черкесов. В таком смысле термин «черкесы» и употребляется в описании событий того столетия.

«Черкесские» князья прибыли к царю Ивану IV Васильевичу Грозному с просьбой, чтобы русский государь «вступился в них (за них), а их з землями взял к себе, в холопы, а от крымского царя оборонил». Примечательно в этой просьбе то, что речь шла о вступлении в подданство, а не о заключении военного союза против общего врага в лице Крымского ханства. То есть в землях черкесов ясно видели, что только присоединение к России могло спасти население западной части Северного Кавказа от крымско-турецкого порабощения.

Русское государство, ведя борьбу с Крымским ханством, естественно, не могло равнодушно смотреть на то, что творилось на южных окраинах Дикой Степи, то есть на попытки турецкого султана и его вассала Крымского хана утвердиться на Северном Кавказе. Переход в подданство России многочисленных черкесских племен подрывал их позиции и в то же время закладывал здесь прочное начало русскому влиянию.

В противостоянии с Бахчисараем и Стамбулом, когда крымчаки своими набегами разоряли южные окраины Русского государства, черкесы могли оказаться ценными союзниками. Поэтому царь Иван IV охотно направил к черкесам своего полномочного посла Андрея Щепотева. Тот в августе 1554 года возвратился в Москву с известием, что черкесы «дали (присягу русскому государю) всею землею...»

Теперь Русское государство и черкесские племена вели совместную борьбу с разбойным Крымским ханством. Устанавливаются постоянные дружественные связи Москвы с черкесами, среди которых все большую роль стали играть кабардинцы и их князья.

Россия непосредственно приблизилась к Северному Кавказу в 1556 году, после покорения Астраханского ханства. Город-крепость Астрахань, каспийский порт в устье Волги, на долгие годы становится важнейшим центром, связавшим Русское царство с Кавказом вообще, а с Северным Кавказом в особенности. Речь шла о стабильных торговых, экономических, культурных и духовных связях. Кавказские купцы, прежде всего армянские и азербайджанские, начали прибыльно торговать в Астрахани, причем объем торговых операций постоянно увеличивался.

Ликвидация Астраханского ханства и вхождение его земель в состав России заметно изменило политическую ситуацию на Северном Кавказе, особенно в его восточной части. К Московскому

царству окончательно присоединилась Большая Ногайская орда. Ее правитель князь Измаил еще в 1552 году просил царя Ивана Грозного о принятии в русское подданство и о защите от крымцев и других его врагов.

Такая просьба князя Измаила внесла раскол в среду ногайцев. Его враг князь Казый с частью соплеменников откочевал на запад, в Приазовье, образовав здесь Малую Ногайскую орду, известную еще и как Казыев улус Крымского ханства. Земли его вошли в состав России только в конце XVIII — начале XIX веков, что стало закономерным итогом «Второй екатерининской турецкой войны» 1787—1791 годов.

Астрахань приобретает статус центра связей Русского царства с его южными соседями, хотя сухопутная граница пока соединяла его только с владениями дагестанского шамхала Тарковского. В 1557 году через Астрахань в Москву прибывают послы из шамхальства и Тюменского ханства. Дагестанские правители просили о принятии их в русское подданство и о защите от крымских татар и других своих врагов «со всех сторон».

В том же году подданство царя Ивана IV принимает и последняя группа черкесских князей с подвластными им горскими жителями. Прибывшие в 1557 году послы влиятельных кабардинских князей Темрюка и Тазрюта «били челом» государю, прося, чтобы его царство оберегало и их, как своих подданных, от врагов.

Исследователи считают, что «таким образом завершился процесс первоначального включения в состав Русского государства предков кабардинцев, адыгейцев и черкесов». Не случайно в 1957 году торжественно отмечалось 400-летие их добровольного присоединения к России.

В 50-х годах того же столетия в русское подданство вступили также и абазины, проживавшие в западной части Северного Кавказа.

Борьба против общих врагов во время правления царя Ивана Грозного принимает большой размах. Когда началась длительная, в начале успешная для русского оружия Ливонская война, в рядах царского войска, в 1558 году, оказались «черкасы пятигорские многие». Война в Ливонии велась одновременно с действиями против Крымского ханства. Здесь в поход пошли объединенные силы русских, черкесов и ногайцев. Или, как говорится в летописи, двинулись «над Крымским (ханом) промышляти».

Ливонская война длилась долго — с 1558 по 1583 год. «Злокозненный» Ливонский орден был в ней разгромлен, но затем она продолжилась против Швеции, Польши и Великого княжества Литовского (объединившихся в Речь Посполитую). Почти всю войну отряды пятигорских черкесов сражались против неприятеля Московского царства, а царские воеводы ходили походами против крымчаков и турок.

Черкесы Бештауские назывались пятигорскими в силу перевода слов: «беш» означает пять, «тау» — гора. Они проживали в районе современного курортного города Пятигорска, где одна из гор называется Бештау.

Царь Иван IV Васильевич Грозный постарался закрепить политический союз с Кабардой династическим браком. После смерти своей первой жены Анастасии Романовны он в 1561 году женился на Марии Темрюковне — дочери одного из влиятельнейших кабардинских князей Темрюка Айдаровича (Идаровича). Этот династический брак привел к тому, что Россия стала закрепляться на территории восточной части Северного Кавказа, торя туда путь через Астрахань.

Еще в 1559 году русскими был покорен город Терки (Тюмень), находившийся на одном из рукавов Терека. Он был заселен московскими стрельцами, донскими, гребенскими и уральскими казаками (получивших после название терских). Терки был обнесен деревянной стеной с башнями, то есть внешне выглядел как русская порубежная крепость.

В 1563 году Иван Грозный основал по просьбе своего тестя князя Темрюка укрепленный городок на Тереке специально для защиты оттуда Кабарды. В 1567 году на левом берегу Терека, напротив устья Сунжи сооружается новый русский укрепленный городок. Благодаря этим укреплениям перекрывался основной путь по суше от берегов Черного моря к Каспийскому, по которому ходила в набеги конница крымского хана. Теперь этот путь закрывался и для турок.

Строительство русских укреплений на Тереке и перенос сюда государственной границы Московского царства означало и оказание помощи православной Грузии, которая еще с конца XV века обращалась за покровительством к России, причем такие обращения от нее шли в Москву на протяжении более двух столетий. Но чтобы ей помочь, требовалось открыть дорогу с Северного Кавказа в Закавказье.

Наиболее удобный путь туда вел вдоль берега Каспия через владения шамхала Тарковского, который сильно «устеснял» набегами грузинскую область Кахетию. В 60-х годах русские войска с кабардинцами не раз ходили походами против шамхала. В 1578 году тому все же пришлось дать согласие на строительство русского укрепления на реке «Овечьи воды» (вероятно, это была река Койсу-Сулак).

В 1564 году государь Иван Грозный взял под свое покровительство кахетинского царя Левона II. Для его поддержки был послан воинский отряд. Затем связь в 70-х годах прервалась и была восстановлена только в конце XVI века. В 1585 году в Кахетию прибыл астраханский стрелецкий сотник Данилов с грамотой царя Федора Ивановича с предложением покровительства и политического союза. Такой союз был заключен в 1587—1589 годах после прибытия кахетинских послов в Москву.

Первые же попытки закрепления Русского государства на Северном Кавказе вызвали самую крайнюю реакцию Оттоманской империи и ее вассала Крымского ханства. В 1569 году султан Селим II послал большое турецкое войско, подкрепленное крымской конницей, под командованием Касим-паши в поход на Астрахань, чтобы отрезать Россию от Кавказа. Такие замыслы для истории были не новы.

Еще в 1563 году султан Солиман Великий «обнародовал» свои мысли заложить на речных берегах у Волги три сильных пограничные крепости. Одну — между Иловлей и Камышинкой, другую — у Царицына, третью — вниз по Волге.

В Стамбуле рассчитывали, укрепившись на волжских берегах, угрожать отсюда Русскому государству, приступить к завоеванию Северного Кавказа и одновременно начать действовать против персидских владений в Закавказье. То есть султан вынашивал далеко идущие планы: его держава находилась в расцвете военного могущества и еще не знала от русского оружия чувствительных поражений.

Султанская армия двинулась вверх по Дону (янычарская пехота шла на судах, водой везли и пушки) к тому месту, где ныне проходит Волго-Донской канал. Есть сведения, что в этом месте турки, чтобы не волоком сvezти свои суда в Волгу, попытались прорыть судоходной канал. В земляных работах участвовало 15 тысяч кавалеристов и 2 тысячи янычар. Работы шли медленно: сперва мешали сильные ветра, а затем рано наступившие холода.

Но из этой затеи проку не вышло. Специалистов-каналостроителей в экспедиционном войске султана не оказалось. Объем земляных работ выглядел колоссальным, и вскоре янычары взбунтовались. Касим-паша, так и не прорыв хотя бы малой толики канального пути, двинулся вниз по Волге, терпя «воинские бедствия». Сперва вольные донские казаки, частью согнанные незваными гостями с насиженных мест, и кочующие в приволжских степях калмыки основательно «потрепали» войска османов. На подходе к Астраханской крепости турки получили известие, что на выручку из готовившемуся к защите гарнизону из Москвы выступили значительные числом русские войска.

Тогда султанское войско, не подступая к самой Астрахани, повернуло назад, к турецкой Азовской крепости. Отступало оно через уже высохшую степь, часть пути держало по Манычской впадине с ее солеными озерами. По дороге турки и крымские татары понесли значительные потери от нападений казаков, черкесов и калмыков, от болезней, безводья и голода. В Азов пришли только остатки армии султана Селима II, преимущественно ханские конники. От янычаров, как говорится, не осталось в степях и следа. Брошенной в степи оказалась и артиллерия.

Однако в условиях ведения тяжелой Ливонской войны Русское государство не могло вести одновременно войну и на Юге. Поэтому царь Иван Грозный пошел, чтобы не осложнять дальше отношений с Турцией, на ликвидацию построенных на Северном Кавказе укреплений. Эта мера имела в международном плане положительный резонанс. Но в 80—90 годах того же XVI века русские крепости в Терской области возникли вновь. Причиной стало обращение за покровительством со стороны кабардинцев, дагестанцев и грузин. Одной Астраханью обойтись было нельзя.

То, что Русское царство стало обладателем Астрахани и вышло в своих государственных границах на берега Терека, не могло не сказаться на отношениях Москвы с Оттоманской Портой и Крымским ханством. Они сами претендовали на земли Северного Кавказа и на степи Нижней Волги. Поэтому посланник крымского хана Девлет-Гирея на переговорах в Москве в начале 1570 года заявил:

«А только Деи царь и великий князь дает мне Астрахань, и яз до смерти на царевы и великого князя земли ходити не стану, а голоден де не буду — с левою деи мне сторону литовский, а з дру-

гую сторону черкасы, и яз Деи стану тех воевати, тамо деи яз и сытнее того буду».

Царь Иван Грозный тогда на это предложение утвердительно-го ответа не дал. Крымский хан нарушил его в тот же год. Весной он вторгся со своей конницей в Кабарду, которая находилась под протекторатом Русского царства, а в следующем, 1571 году, совершил стремительный набег на Москву и сжег ее.

Ободренный таким успехом, хан Давлет-Гирей потребовал от царя Ивана IV Васильевича отдать ему Казань и Астрахань (то есть всю Среднюю и Нижнюю Волгу) и снести укрепленные городки на реке Терек. Московское царство, которое вело тяжелую Ливонскую войну, в сложившейся ситуации не желало обострять еще более отношения с Оттоманской Портой и Крымским ханством, порешило «город с Терки-реки... снести... и людей своих вывести в Азсторохань». Султану обещалось разрешение проезда его людей через Северный Кавказ к Каспию и обратно.

Снесение крепости на Тереке совсем не означало отказа Русского государства от дружеских отношений с Кабардой. Это было только вынужденной и временной уступкой Турции, что уже вскоре подтвердили последующие события на Кавказе.

В начале 90-х годов XVI века позиции России на Северном Кавказе заметно укрепились. На реке Сунже, на месте, где ранее стоял Терский городок, была возведена новая крепость. В Бахчисарае решили предпринять карательные меры к «непослушной» Москве. В 1591 и 1592 годах крымская конница совершает набеги на русские пределы, но уже без прежнего успеха. Гарнизоны в крепостях на Засечных линиях не дремали, отражая вражескую конницу. Русские не собирались «срывать» новый крепостной городок на Сунже.

Царь Федор Иоаннович (Иванович) 6 июля 1594 года отправил султану Мураду III грамоту. В ней писалось, что кабардинские земли, «горские черкасы», шамхалы являются холопами русских царей, что крепости «в кабардинской земле и в шевкальской», «на Тереке и на Сунже города поставлены по их челобитью и людей своих в тех городах устроили для береженья». То есть в царской грамоте прямо говорилось, что о сносе русских укреплений на южной границе государства не могло быть и речи.

Однако воцарившийся сын Ивана Грозного обещал султану пропускать османов через русские крепости и кабардинские земли в Дербент, Шемаху, Баку и другие закавказские города «безо

всякого задержанья и зацепки и дорогу... ратным и торговым людям через кабардинские земли отворити велели».

Такое обещание, данное Блестящей Порте, которая вела длительную и мало успешную для нее войну с шахской Персией, на деле выполнено быть не могло. Поэтому, когда конница крымского хана несколько раз в то столетие попыталась прорваться в тылы Персии в Закавказье берегом Каспия, то ей путь преграждали русские крепости. Штурмовать их крымчаки не решались, ограничивая дело «дипломатическими протестами» и «попутным» разграблением горских земель и угоном их скота, которое зачастую безнаказанно для них не проходило...

Русское царство в те годы закреплялось не только на реке Сунже. В 1588—1589 годах, откликаясь на просьбы Кабарды и грузинской Кахетии, близ устья Терека была построена крепость Терки. Ее не следует путать со старыми Терками, которые были основаны в 1563 году выше по течению Терека, вблизи границ Кабарды. Эта крепость имеет бурную историю: она несколько раз уничтожалась и восстанавливалась.

Отстроив новые Терки, русские войска начали действовать против шамхала Тарковского, который в то время стал придерживаться турецкой ориентации. Целью таких военных шагов было «открытие» пути через его владения в Закавказье, чтобы подать помощь Кахетии (Восточной Грузии). Но с началом Смуты в Московском государстве и польско-литовской интервенции такие действия против шамхала прекратились.

Перед Смутой в истории российского владычества на Кавказе и начались первые столкновения с горцами, равно как и первое подданство Грузии (Кахетии). Случилось это во время царствования сына Ивана Грозного — Федора Иоанновича (Ивановича). Тогда правил за этого безвольного государя ближний боярин Борис Годунов, родной брат царицы. Высочайшим указом на Терек были посланы войска для защиты «наших подданных», то есть Кабарды, которую сильно беспокоили своими набегами соседние горцы.

При царе Федоре Иоанновиче в подданство к нему и попросилась Кахетия с ее царем Александром II, которая не смогла сдерживать разбой, с которыми шли на нее воинские отряды шамхала Тарковского (шамхальство было упразднено в 1867 году). Более того, к Москве обратился с подобной просьбой правитель Персии

шах Аббас I: он просил повлиять на горцев Дагестана, совершавших набеги на персидские области. На одном из дальних рукавов Терека строится укрепленный городок Койсу.

В 1594 году царь Федор Иоаннович решил укрепить Терки. Он отправляет на Терек с отрядом (дружиной) стрельцов и казаков боярина князя Андрея Хворостинина. Прибыв на место, воевода двинулся в поход на столицу шамхальства город Тарки (не путать с Терки). Русские взяли его, но удержать городок в своих руках не смогли. Подвластные шамхалу дагестанцы и кумыки «открыли» действия на растянутых коммуникациях русских. Скоро у них в блокированных Тарках «обнаружилась» нехватка продовольствия, восполнить которую было почти невозможно. От непривычного климата начались повальные болезни. В строю оставалась едва половина ратников.

Тогда князь Хворостинин принял в той ситуации единственно правильное решение: он оставил Тарки (в 3 километрах от современной Махачкалы) и стал с сильно ослабленным отрядом отступать на Терек. Тут для него и разразилась настоящая военная беда: отряд вышел к своим ценой потери трех четвертей воинских людей.

В силу многих причин, и прежде всего взаимного тяготения друг к другу двух православных государств, Москва «не могла отвести своего взора» от гор Кавказа и находившейся за ними Грузии. Историк С.М. Соловьев писал о той ситуации на южных границах Русского царства следующее:

«Было ясно, что Московское государство в конце XVI века еще не могло поддерживать таких отдаленных владений, но тем не менее царь Федор принял тогда же титул «государя земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей».

Воцарившийся Борис Годунов, государь умный, но неудачливый, не забыл о Кавказе. Посланные на Терек войска успешно воевали на реках Сулаке и Сунже. Однако экспедиция на Тамхали не удалась: московские воеводы Бутурлин и Плещеев, стрельцы, оказались совершенно не подготовленными для ведения военных действий в горах. При отступлении они были «совершенно истреблены» горцами. Был потерян укрепленный городок Койсу. Пограничной русской крепостью продолжал оставаться только Терки (бывшая Тюмень).

Один из самых известных исследователей войн России на Кавказе В.А. Потто так описывает неудачный и поистине трагический поход войск царя Бориса Годунова в дагестанские предгорья Кавказа:

«Царь Борис не хотел оставлять дела, начатого Федором Иоанновичем, и, спустя десять лет, в 1604 году, вновь двинул на Терек сильные полки из Казани и Астрахани с воеводами Бутурлиным и Плещеевым. Опять условлено было с иверским царем, чтобы его грузинская рать выслана была на соединение с русской для совместного действия, и опять грузины не пришли, потому что были взяты шахом на его «кизилбашскую службу».

Тем временем русские воеводы с десятитысячным отрядом выступили от устьев Терека и, подвигаясь твердым шагом на Тарки, поставили крепости на Сулаке и Акташе. Отдельные части отряда производили поиски в Эндери, Исти-Су и по другим направлениям, забирая у жителей хлеб, скот и корм для коней. Кумыкская плоскость, казалось, была вся во власти русских, но более воинственное население уходило к шамхалу под Тарки с враждой и злобой за причиненное ему разорение. Тогдашний шамхал, этот Митридат для московских воевод, уклонялся от полевых действий и сосредотачивал свои силы в Тарках, оборона которых была приведена им в лучшее положение, благодаря указаниям, оставленным Хворостининым.

Прождав бесполезно долгое время подкреплений, обещанных из Грузии, воеводы подошли наконец к шамхаловой столице и, разделившись на две колонны, повели приступ. Старый Бутурлин, славившийся своей доблестью, шел со стрелцами; Плещеев — с боярскими детьми и казаками: донскими, яицкими, терскими и гребенскими. Перед штурмом войска целовали крест и слушали речь, в которой напоминалось им о костях братьев, здесь polegших, и о русской крови, вопившей об отмщении.

И стрельцы, и боярские дети, и казаки пошли на приступ с воодушевлением и овладели городом. Городские улицы и площади были устланы неприятельскими телами, а сам шамхал бежал к аварскому хану. Этот шамхал был уже дряхлый старик, почти лишившийся зрения, и потому, удалившись в столь трудную годину от дел, предоставил теперь шамхальствовать и действовать против русских сыну своему Султан-Муту, славившемуся военными способностями.

Овладев Тарками, Бутурлин стал возводить новую крепость. Наступившее позднее время года скоро, однако, приостановило работы, а недостаток жизненных припасов заставил воеводу отпустить половину стрелецких полков на зимовку в Астрахань. Войско, оставшееся в Тарках, должно было испытать в продолжение зимы многие лишения, а между тем предприимчивый Султан-Мут успел поднять весь Дагестан.

Чтобы возбудить и население Кумыкской плоскости, он двинулся с громадным скопищем на русский острог, поставленный на Сулаке. Стоявший здесь с небольшим отрядом князь Владимир Долгоруков, не имея запасов, чтобы выдержать осаду, зажег свое деревянное укрепление и отступил к Тереку. Тому же примеру последовал и острожек на Акташе.

Ободренный таким успехом, шамхал подступил со всей своей силой к Таркам и требовал, чтобы воеводы, очистив его столицу, также отошли на Терек. За последовавшим со стороны воевод отказом начались жестокие битвы. Неприятельской рати собралось из кумыкских владений, аварских и других лезгинских обществ более двадцати тысяч, но, не довольствуясь этим, новый шамхал обратился за помощью к туркам и ждал прибытия их вспомогательного отряда из Дербента. Воеводы, хотя и тревожились возможностью столкновения с турками, не бывшими в войне с Московским государством, но продолжали твердо отстаивать свое воевание.

Наконец, часть крепостной стены, за которой дрались русские, была разрушена, а вслед за тем и каменная башня, взорванная осаждающими, взлетела на воздух, похоронив под своими развалинами лучшие дружины московских стрельцов. Еще не смолк гул этого страшного взрыва, как Султан-Мут уже повел свою пехоту на приступ. Русские не дрогнули и отбили нападение со страшным для неприятеля уроном. Однако же и сами они потеряли много людей.

Истощенные стороны решились наконец вступить в переговоры. Русские воеводы требовали, чтобы шамхалова рать отошла от Тарков и дала им свободное отступление за Сулак, не поднимая оружия; чтобы шамхал принял на свое попечение тяжелобольных и раненых, которых придется покинуть в Тарках, а по выздоровлении отпустил бы их в Терки; наконец, чтобы в обеспечение договора он дал воеводам в аманаты своего сына, который последовал бы

с русским войском в Терки и находился бы там, доколе последний русский человек не будет отпущен из Тарков.

Соглашаясь на эти условия, шамхал, со своей стороны, потребовал, чтобы воевода Бутурлин оставил ему в заложники сына, который находился при нем и выдавался своим удальством из всех боярских детей, и чтобы русские не ходили никогда большой войной на Тарки. После решительного отказа Бутурлина принять эти два предложения шамхал от них отступился, но остальной договор утвердил и сына в аманаты выдал.

Оставив всех тяжелобольных и раненых на попечение шамхальцев, русские выступили из Тарков с песнями, с грохотом бубнов и потянулись беспечно к Сулаку. На радости прошла по рядам лишняя чарка зелена вина.

«Мы, — говорит историк Терского войска, — смягчаем в этом месте кумыкское сказание, которое выражается сильнее, но пусть его выражение будет преувеличением».

У дагестанцев был также праздник — день байрама. В шамхальском стане целое утро раздавалась пальба, завывали молитвенные азамы, в дополнение которых имамы сочли приличным украсить великий праздник правоверных достойным ислама делом — разрешением шамхала и его сподвижников от клятвы, данной неверным.

Это были первые столкновения русских с дагестанцами, которые ничего хорошего им не дали и не предвещали. Подобные действия Московского государства вызвали сильное раздражение Османской Порты и правителей Персии из династии Сефевидов. Они не желали видеть на Кавказе новых противников, к тому же еще и «неверных». И Турция, и Иран тогда были слишком сильны, чтобы Москва могла тягаться с ними на далеком Юге, путь куда русским войскам лежал только по Волге через Астрахань.

В следующие полтора столетия Россия стремилась не проводить на Кавказе значительных действий военной силой. Но при этом она не прерывала своих контактов с единой православной Грузией, хотя от активной помощи ей воздерживалась в силу многих веских причин, и прежде всего потому, что территориально не соприкасалась с ней.

Откровенное ослабление Русского государства в «злую годину» Смуты отразилось на положении дел на Северном Кавказе. Крымское ханство и Блистательная Порты заметно усиливают здесь свою

агрессивность, стремясь подчинить себе прежде всего адыгейцев и кабардинцев. Крымские ханы Гирей начали огнем и мечом насаждать среди них мусульманство.

Однако больших успехов в этом деле османы не добиваются. Ислам принимает только феодальная верхушка адыгов, с которой она была знакома еще с времен соседства с Золотой Ордой. Основная масса адыгов продолжала придерживаться своих древних полужыческих-полухристианских верований. Крыму и Стамбулу не удалось добиться прочной политической зависимости адыгских племен, на это пошли лишь отдельные князья, да и то с откровенной целью усилиться за счет соседей-владельцев.

Первая половина XVII века показала явную слабость позиций Турции и Крымского ханства на Северном Кавказе. Об этом свидетельствует следующий убедительный факт. В противостоянии с шахской Персией Стамбул в 1606, 1608, 1629 и 1635 годах намечал походы крымской конницы (усиленной турецкими войсками) в Закавказье, то есть в северные владения шаха. Однако большинство горского населения отнеслось к появлению в своих землях крымских татар и турок враждебно. К тому же русская крепость Терки тогда имела сильный гарнизон, о чем в Бахчисарае знали доподлинно.

Более активно вел себя персидский правитель Аббас I, правивший с 1587 по 1629 год. Он провел в стране административные и военные реформы, подорвал силу кызылбашской знати, укрепил личную власть, упорядочил финансовую систему. С помощью английских военных инструкторов была создана новая регулярная армия, большая часть которой получила на вооружение огнестрельное оружие и даже артиллерию.

Шах начал успешную войну с Османской империей за Кавказ. Обстановка была благоприятной: в 1603 году султан воевал с Австрией. Закавказье превратилось в арену ожесточенных боевых действий. Персы вытеснили турок из Дербента, Северного Азербайджана, Восточной Грузии. При этом Аббас I проявлял невероятную жестокость к местному населению. Англичанин Хэйнвей свидетельствовал: «Перед его бесчеловечностью тускнеет слава».

Господство турок-османов над большей частью Закавказья сменилось не менее жестоким игом персов. Правителем Шемахи назначается Зульфигар-шах Караманлы. По воле шаха образуется Дербентское наместничество, которое становится плацдармом для

вторжения в Дагестан. Из Дербента шахские военачальники стали совершать вторжения в дагестанские горы. Народы, проживавшие там, естественно, стали искать покровительства сильной державы, которой могла быть только Россия, тем более что на Тереке стояла русская порубежная крепость Терки.

Царь Грузии Александр в присланной царским воеводам в Терки грамоте писал: «Да с нами же нынеча лезгинские и шевкальские люди де били челом и хотят быть в вековых холопах под его царскою рукою». Стремление персидского владыки укрепиться в Дагестане и его успехи в войне с Турцией не могли не беспокоить Москву: за Терекком начинались владения Русского царства.

Шах Аббас I из Закавказья, оставив там сильные гарнизоны и своих наместников, вернулся в свою новую столицу город Исфаган. Но он не отказался от притязаний на Дагестан. Из Дербента и его округи изгоняются мусульмане-сунниты. В дагестанское приграничье переселяются тюркоязычные падары. В 1607—1608 годах произошли вооруженные столкновения горцев Табасарана с хорошо вооруженными шахскими войсками, которые одержали верх над табасаранцами.

После новых значительных успехов в войне с Турцией шах Аббас I решил завоевать Дагестан. В 1611—1612 годах, пройдя его южную часть, персы неожиданно натолкнулись на стойкое сопротивление союза горских вольных обществ Акуша-Дарго. Чуть ли не каждое селение акушинцев и даргинцев шахским войскам приходилось брать с боем. Многодневные бои прошли у аулов Урахи и Усиша. Персам пришлось отступить от горной области проживания вольных даргинских обществ.

Шахские войска в 1614—1615 годах повторили вторжения в горы Дагестана, но желанного успеха в Кайтаге и Табасаране они не получили. Завоевателям пришлось отойти к Дербентской крепости.

Персия после этой неудачи продолжила попытки завоевания Дагестана и других областей Северного Кавказа. Вскоре стало известно, что шах Аббас I «хочет итти войною на Кумыцкую землю и на кабардинских черкас». При этом он заявлял, что «ту де сторону очистил до Чернова моря, а сю де я сторону очищу и до Крыма». А Крымское ханство было союзником-вассалом Стамбула.

Такие угрозы правителя Исфагана стали известны на Кавказе. Терский сотник Лукин сообщал, что «кумыцкие де... люди...» говорили, что «им шах Басу не бивати челом и ему не служивати. А как

де на них пойдет, и имде всем против его стояти головами своими, а в землю его не пустити».

Угрозы дойти до Терека шах Аббас I подкрепил соответствующими повелениями. В 1614 году он приказал шемахинскому хану Шихназару подготовить к походу в Дагестан 12 тысяч воинов, чтобы захватить русскую крепость Терки и «посадить» в городке послушного ему «князя Гирея царем», а «кумыцкую землю соединить с Шемахою и с Дербенью вместе». Подобные вести серьезно встревожили дагестанцев. С Терека воеводами сообщалось, что на кумыцких князей и мурз нашел «великий страх», а помощи «кумыцкие люди все ждали» из Москвы.

Шах Аббас в отношении Северного Кавказа строил действительно стратегические замыслы. Планируя наступление через Дагестан, шах намеревался направить свои войска на дагестанский север из Восточной Грузии через Северную Осетию и Кабарду. При удачном стечении обстоятельств шах намеревался построить крепости на Тереке и Койсу и «поселить» в них свои гарнизоны. Таким образом, за Персией могла закрепиться северо-восточная часть Кавказа. При этом, естественно, русские с берегов Терека изгонялись.

От слов Аббас I перешел к делу. Посулами и угрозами он сумел привлечь на свою сторону одного из кабардинских князей — Мудара Алкасова, чьи владения тянулись до Дарьяльского ущелья. В 1614 году князь ездил к шаху, вернулся с «шахскими людьми» и по приказу Аббаса перевел свои «кабаки» на грузинскую дорогу и укрепил их «надолобами», чтобы «шах басовым бы человеком той дорогою ездити было бесстрашно».

Когда в Москве стало известно о планах персидского монарха, к нему был отправлен гонец с грамотой. В ней требовалось, чтобы шах Аббас с Россией «дружбу и братству помешки не чинил, нелюбья всчинал, на кабардинскую и на кумыцкую землю не вступал» как на земли подданных русского царя.

Возобновившаяся война между Турцией и Персией в Закавказье шла с перерывами с 1616 по 1639 год. Стамбул, как шах, стремился закрепить на Северном Кавказе, чтобы заручиться поддержкой горских владельцев и открыть дорогу своим войскам и крымской коннице к берегам Каспия. Турки слали богатые подарки владельцам и Шолоховой, и Казиевой Кабарды. Однако ханской коннице в те годы не удалось войти в Закавказье по берегу

Каспия, поскольку дагестанская дорога была закрыта русскими укреплениями на Тереке. Султану пришлось перевозить ханские войска из Крыма в Грузию на кораблях по Черному морю.

Тогда турки и крымский хан стали вмешиваться в феодальные междоусобицы на Северном Кавказе. Посланцы Стамбула и Бахчисарая стали часто появляться с богатыми подарками и деньгами у кабардинских, ногайских и кумыкских владельцев. Эмиссары должны были уговорить их принять участие в борьбе Оттоманской Порты за Кавказ. Но такие меры среди северокавказцев успеха не имели.

Мир с Блестящей Портой шах Аббас I подписал в 1618 году. На следующий год он приступил к покорению грузинских земель и Дагестана. По его повелению войско дербентского владельца вступило в приморский Дагестан и заставило Султан-Махмуда Эндереевского признать власть персидского правителя.

Шах Аббас воевал в Дагестане войсками своих вассалов. В 1620—1621 годах по его повелению дербентский Бархудар-султан и шемахинский Юсуп-хан совершили совместный поход в Самурскую долину Южного Дагестана, захватив и разрушив селение Ахты. Однако больших успехов на берегах Самура достичь они не смогли.

Смерть Аббаса I и вступление на шахский престол Сефи I, правившего с 1629 по 1642 год, не изменила политики Персии по отношению к Закавказью и Дагестану. Только планы стали более широкими, «без учета» отношения народов Северного Кавказа к завоевателям-персам.

Шах Сефи задумал в ходе покорения горного края возвести крепости на реке Сунже, Елецком городище и на Татартупе, то есть у верховьев Терека, почти у самого Дарьяла. Крепости намечалось возводить силами отряда Шагин-Гирея, местных жителей и 15 тысяч ногаев Малой орды. Все работы должны были проводиться под прикрытием 10-тысячного отряда шахских войск. Предполагалось послать, в случае необходимости, на Северный Кавказ 40-тысячную персидскую армию.

Однако таким планам шаха Сефи I не суждено было сбыться. Горские владельцы достаточно единодушно отказали ему в требованиях. Шамхал Ильдар, имея в виду строительство крепости у Елецкого городища, сказал персидским послам, что «земля де тут государева, а не Шахова». Кайтагский уцмий отказал выделить для

строительства 200 телег с людьми и 200 топоров. Отрицательно отнеслись к замыслам правителя Персии кабардинские князья, аварский хан и даже владетель Анdereевский.

Персия, занятая войной с Блестящей Портой, не могла послать на Северный Кавказ значительные войска. Шах Сефи нанес противной стороне ряд сильных ударов и вынудил Турцию подписать с ним в 1639 году мир, который подтвердил условия мирного договора 1612 года. Значительная часть Армении, Восточная Грузия, Северный Азербайджан и Южный Дагестан подпали под власть шаха. Персидское иго для этих земель сопровождалось безудержным грабежом местного населения, истреблением и угоном в неволю тысяч и тысяч людей.

Победоносно закончив длительную войну с Оттоманской империей, шах Сефи I мог теперь приступить к осуществлению своей мечты — завоеванию непокорного Дагестана и других горских областей. Это прямо подтолкнуло дагестанских владельцев искать покровительства у России.

Захват персами Дагестана был не в интересах Москвы. В 1642 году иранскому послу Аджибеку в Посольском приказе было официально заявлено, что «царскому величеству самому то наобно, чтобы на Койсе и Терках города поставить, потому что та земля царского величества». Такая позиция Русского государства заметно охладила пыл воинственного шаха.

Сменивший Сефи на престоле Аббас II, правивший с 1642 по 1667 год, вознамерился осуществить то, что не удалось его предшественнику, прославившему свое имя в войне с Турцией. Но политику «внедрения» в земли Северного Кавказа он изменил. Он начал с того, что стал смещать неугодных ему горских владельцев и заменять их послушными себе людьми. Первый же случай прошел удачно.

В 1645 году отряд шахских войск вошел в Кайтаг и сместил местного владельца — уцмю, который был открыто непослушен Аббасу II. Однако уцмий Рустам-хан собрался с силами и нанес персам поражение, заставив их бежать из его владений. Тогда разгневанный неудачей шах послал в Кайтаг более многочисленный отряд, который занял горную область и «недруга своего прежнего усмея... со владения ево согнал». На местный престол был возведен Амир-хан Султан. Персы задумали построить в уцмийстве крепость в селении Башлы.

События в Кайтаге заставили дагестанских владельцев обратиться за помощью к Московскому государству. Они понимали, что им в отдельности не устоять перед персами. Эндереевский владелец Казаналип писал царю Алексею Михайловичу:

«Яз (с) кызылбашским и с Крымом, из с турским не ссылаюсь, холоп ваш государев прямой. Да бью челом вам, великому государю: толко учнут меня теснить кызылбашеня, или иные наши недруги, учнут на нас посягать, и вам бы, великому государю, велеть меня дать на помочь астраханских и терских ратных людей и Большому Нагаю помогать».

На Терек Москвой были посланы дополнительные воинские силы. Одновременно шаху Аббасу II направили требование вывести свои войска из Дагестана. Мог возникнуть военный конфликт, и шах не стал испытывать судьбу: его войска с гор возвратились в Закавказье. Это заметно подняло престиж Русского царства на Кавказе и усилило ориентацию на него дагестанских земель.

Здесь показательно то, что даже шахский ставленник уцмий Амир-хан Султан обратился со словами заверения в верности к терскому воеводе. Он писал в Терки, что «будет под ево царскою и шах Абасова величества рукою в опчем холопстве», и если шах позволит, он «со всем своим владением ему, великому государю, правду свою даст, за все свое владение тотчас на Куране шерсть (то есть присягу) учинит, а послов своих к царскому величеству бити челом государю пошлет, и потому же будет в повеление под его высокою рукою вечном неотступном холопстве до смерти своей».

Поставленный шахом на место кайтагского уцмия Амир-хан Султан просил московского государя, говоря современным языком, дать ему двойное гражданство. Он желал, в силу смены обстоятельств, быть в «опчем холопстве», то есть одновременно служить двум сильным монархам. Вряд ли такое желание получить «второе гражданство» не настораживало и шахские, и царские власти.

Что же касается клятвы «на шерсти», то есть на Коране, то кавказские войны довольно скоро научили царских воевод и императорских военачальников не очень-то верить тем, кто клялся им в верности и миролюбии таким способом. История владычества России на Кавказе переполнена примерами того, как легкотакые клят-

вы давались сегодня, чтобы уже завтра забыть о данном клятвенном слове.

О таких событиях на Северном Кавказе в иранской столице Исфагане стало известно быстро. Шах не мог ни смириться с таким личным оскорблением, ни расстаться с мечтой завоевания Дагестана и всего Северного Кавказа: Персия находилась в расцвете своего военного могущества. Надо заметить, что на этот раз к походу в Дагестан шах готовился тщательно и долго, проведя его в 1651—1652 годах.

Шахская дипломатия при подготовке к походу потрудились на славу. Помимо собственно персов, в походе участвовали отряды из Шемахи и Дербента. Под угрозой расправы в нем приняли участие кайтагский уцмий Амир-хан Султан, шамхал Сурхай и Казанлип Эндереевский. Однако взять Сунженский городок такому разношерстному шахскому войску не удалось: оно отступило в Дербент с довольно богатой для себя добычей: «лошадей с 3000, да верблюдов с 500, да рогатой животины с 10 000, да овец с 15 000». Эта добыча была взята большей частью у кабардинских владельцев.

После неудачного похода на Сунженский городок дагестанским владельцам, нарушившим данные клятвы, пришлось «объясняться» за такое свое поведение перед царскими властями. В письме они объясняли, что набеговой войной ходили на подданных князей Кабарды, обижавших их подобными же действиями.

В письме говорилось: «А у нас з друзьями с русскими людьми дурна не было», и потому «русским людям ни единому человеку ни носа не окравили и ни одной соломины не тронов здорово выпустили для того, что с русскими людьми у нас недружбы не было».

Шах Аббас II выразил свой высочайший гнев по поводу неудачи похода к Сунженскому городку. Его не умилоствила даже богатая добыча, взятая на пастбищах кабардинцев. От своих планов в отношении Северного Кавказа он и не думал отказываться. С этой целью к Дербентской крепости собираются «8 ханов с кызылбашскими ратными людьми для нападения на русские крепости».

На завоеванной территории Дагестана шах намеревался построить руками местных жителей у Терков и у Соленого озера (Тузлук) крепости, поселить в каждой из них по 6 тысяч «ратных людей». То есть речь шла об изгнании русских с берегов Терека и о закреплении Персии на новой северной границе своих завоеваний. Однако и этому замыслу персидских владык в отношении дагестанских земель осуществиться не удалось.

После этого шах Аббас II отказался от прямых походов на Северный Кавказ, став заниматься «тайной дипломатией». Ее суть состояла в «возбуждении» горцев против своих владельцев, неугодных шаху, и их замене людьми послушными, в инспирировании в горах феодальных междоусобиц. Так что в горах после неудачных персидских походов спокойнее не стало.

«Тайная дипломатия» шаха заключалась и в другом. Он стал рассылать по Дагестану к местным владельцам фирманы с признанием их владельческих прав. То есть он высочайше «даровал» им родовые уделы. До нашего времени дошли такие фирманы, адресованные правителям Кайтага и Цахура. При этом Аббас II не скупился на дорогие подарки. Известно, что владельцы Дагестана охотно принимали такие послания и разного рода шахские подарки, но в остальном вели независимую от Персии политику...

Москва при всех великих трудностях тех трех десятилетий продолжала удерживать за собой Терки. При царе Михаиле Федоровиче, родоначальнике династии Романовых, туда был послан голландский инженер-фортификатор Клаусен, который усилил крепостные укрепления. Второй раз обновлялась в том столетии крепость при царе Алексее Михайловиче, отце Петра I. В 1670 году фортификационные работы велись под руководством шотландского полковника на русской службе Томаса Бехли.

Самой крупной военной операцией русских войск на Северном Кавказе (и едва ли не единственной) в XVII веке можно считать поход в 1625 году Терковского воеводы Головина в Кабарду для подавления «возмущения» в Кабарде. Оно стало отголоском действий в Астраханском крае беглецов из Калуги — атамана Ивана Заруцкого и «царицы» Марины Мнишек с ее сыном-«воренком». Они объявили его наследником царского престола после убийства своими телохранителями из числа касимовских татар «царя Дмитрия I», он же Лжедмитрий II, он же «тушинский вор», он же «второлживый самозванец», он же Богданка.

Даже в самое тяжкое для Русского государства время верность ему сохраняло большинство кабардинцев и их владетельных князей. В те годы они не раз принимали участие в походах русских войск против Крымского ханства, конные отряды которого не «уставали» разбойничать в кавказских предгорьях.

В XVII столетии усиливается тяга к России со стороны дагестанских народов, испытывавших на себе всю кровавую жестокость

завоевательных походов персидских шахов. Так, в 1610 году Тарковский владделец с рядом кумыкских князей принес в крепости Терки присягу на русское подданство. Но в дальнейшем шамхалу Тарковскому, как и большинству дагестанских владельцев, пришлось признать себя вассалом владыки Персии. Однако шамхал откровенно тяготился таким своим положением, о чем говорят многочисленные посольства, отправляемые им в Москву. Таких посольств с 1614 по 1642 год насчитывается тринадцать.

Не один шамхал Тарковский и князья прикаспийских кумыков тяготели тогда к Русскому царству. В первой половине столетия его подданным становится по своей воле и другой крупнейший дагестанский владетель — ушмий Кайтагский Рустем-хан.

Можно сказать, что в XVII веке Россия «бездействовала» на Кавказе, если поставить в сравнение правление царя Ивана IV Васильевича Грозного. Тогда с Северным Кавказом и Закавказьем в лице Грузии были налажены дружественные, родственные и единоверные связи, которые оказались в немалой степени растерянными.

Таким положением дел воспользовались султанская Турция и особенно шахская Персия. Покорив Кавказ, они распространили там мусульманство, уничтожив на Северном Кавказе остатки древнего христианства, и серьезно подорвали там влияние Русского государства. В итоге оно своей границей занимало только крайнюю восточную часть будущей Кавказской укрепленной линии, оставаясь в таком положении со времени Ивана Грозного до правления Петра Великого, то есть в течение долгих 152 лет.

Однако даже при таком положении дел отмечается тяга к России царей Грузии и Кахетии, князей Мегрелии (Мингрелии), угнетаемых турками-османами и персами. Они прибегали к покровительству и подданству Русского царства, как к державе единоверной, православной. Суть их прошений о принятии в русское подданство крылось в словах: «А кроме вас ни на кого надежды не имеем...»

Появление в Русском государстве после Смутного времени новой царствующей династии Романовых прямо сказалось на отношениях с Грузией, прежде всего с Мегрелией (Дадианской землей). Она занимала территорию от реки Цхенисцкали на востоке и реки Риони на юге до реки Ингури. Около середины XVI века Мегрельское княжество выделилось из состава Имеретинского княжества, и с 1550 года его владетели князья Дадиани признавали власть

имеретинских царей лишь номинально, вскоре став практически независимыми от них.

Мегрелия стала кровавой ареной схваток за грузинские земли Турции и Персии, в чем особенно преуспела последняя. В 1638 году царь Мегрелии Леон прислал с послом священником Гавриилом Гегеновой грамоту царю Михаилу Федоровичу о желании грузинского народа перейти в подданство России. В ней (в списке перевода) говорилось следующее:

«Такову грамоту прислал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси дадиянский Леонтей царь с послом своим с крестовым попом з Гавриилом декабря в 12 день.

А в грамоте его написано.

Превысочайшему, благочестивому, Богом хранимому самодержцу единому, начальнику веры христианские, царю государю московскому и всеа Руси многолетнему царю Михаилу и царствию твоему.

Рабтвой, дадиянский государь именем Лев в смиренном образе бьет челом и покланяетца и молит Бога, чтоб многолетнему сотворил Бог высоту великого царствия его государева. По сем молит и бьетчелом со всеми пребывающими zde Иверской (Иверия, Иверская земля — древнее название Восточной Грузии — Картли и Кахетии — и отчасти Южной Грузии. — *А.Ш.*) стороне православнии и верни по закону Христову и по учению апостолскому и ведмаго собора, и веруют во Святую Троицу и Пресвятую непорочную Богородицу и во едину святую апостолскую церковь и во святое едино крещение и чают воскресения будущего века.

И как-де уповают будущего века, так-де уповают от великого его царствия милость получитьи, потому что избрал Христос его великого государя и учинил начало царствовать надо всеми православными христианы, и ему-де со всем своим царством подобает кланяться ему великому государю.

И было де в Иверской земле 5 государей, и из них-де перской шах побил 2 государей, а достальных же 3-х государей государства Божиею помощию и его царским многолетним счастьем владеет он, Леонтей царь. И желал-де он от многово времени, чтоб ему служити его великому царствию, да не изыскал такова времени, как ему государю о том побить челом. А ныне де он послал к его великому царствию крестового своего попа именем Гаврила.

И поклоняетца его царскому величеству он, рабего, со святыми Божиими церквами и со святыми мощми и со главою своею и со всею областью своею и со всем державством своим, поддаетца служить его великому царствию и бьет челом, чтоб он, великий государь, пожаловал его, прислал к нему посла своего с своими царскими грамотами и принял бы их под свою царскую высокую руку, чтоб им всегда бытии под его царского величества рукою и служить бы им царствию его, яко и иные рабы его государевы. и иметь бы им от него, великого государя, себе помощь и заступление, чтоб им стоять о вере Христове».

В этой грамоте для будущих исследователей интересен, пожалуй, не сам факт просьбы о вступлении в русское подданство. Автор ее рассказывает о той ситуации, которая сложилась на грузинской земле в связи с вторжениями персидских войск. Он рассказывает о том, как «обходились» шахи с «5 государями», владельцами Иверской земли. Речь идет о царях Кахетии — Теймуразе I, Картли — Лаурсабе II, Имеретии — Георгии III, владельцах Мегрелии Левоне II Дадзиани и Гурии — Мамии (Мануиле).

В 1614 и 1614 годах персидский шах Аббас I предпринял два опустошительных похода в Восточную Грузию (Иверию). Во время первого похода он разорил Кахетию, захватил картлийского царя Лаурсаба II. Кахетинский царь Теймураз I был вынужден укрыться в Имеретии, пользуясь покровительством ее государя Георгия III. Персы жестоко расправились с Кахетией: было убито 100 тысяч местных жителей и столько же угнано в Иран, где кахетинцев поселили в центральных районах страны или превратили в рабов.

Когда персы ушли, Теймураз I попытался восстановить свою власть в Кахетии. Тогда шах Аббас I весной 1616 года с огромным войском вновь появился на земле Кахетии. Теймуразу I вновь пришлось спасаться в Имеретии. Царем православной Картли был назначен мусульманин царевич Баграт. Шах Аббас I упразднил Кахетинское царство и разделил его земли на две части: восточная часть была отдана мусульманскому правителю Гянджи Пейкархану, а западная — картлийскому Баграту.

Оставшийся без родовых владений царь Теймураз I обратился за покровительством к русскому царю Михаилу Федоровичу Романову. Его полномочным послом стал Харитон, игумен монастыря Кумурдо. В апреле 1618 года он выехал в Москву, куда прибыл

16 марта 1619 года. Игумен Харитон привез царю Михаилу Федоровичу отдельные грамоты от кахетинского царя Теймураза I, имеретинского царя Георгия III и гурийского владетеля Мамия. Весной 1621 года посол уехал обратно, увозя грамоты Теймуразу I, Георгию III и Мамии Гуриели. В них говорилось о возобновлении русско-грузинских отношений.

Весной 1616 года кахетинский царь Теймураз I послал в Москву грамоту, в которой рассказывал о последствиях второго похода шаха Аббаса I на Восточную Грузию. Изгнанный монарх надеялся на военную помощь от царя Михаила Федоровича в борьбе против Персии.

В марте 1623 года царь Теймураз I отправляет в Москву нового посла — архиепископа Феодосия. Тот, держа путь через Трапезунд, Константинополь, Кафу и Азов, прибыл на место в декабре того же года. В Москве он вел переговоры в Посольском приказе с думным дьяком И. Громотиным. Летом 1624 года архиепископ Феодосий отправился обратно.

В 1635 году Теймураз I отправил в русскую столицу посольство во главе с митрополитом Никифором с просьбой о покровительстве и военной помощи. 23 октября того же года посольство прибыло в Терский городок, а 8 октября следующего года — в Москву. Через три дня он был официально принят царем Михаилом Федоровичем. Из Москвы митрополит Никифор выехал на Кавказ 25 июня 1637 года.

Вместе с митрополитом Никифором в Грузию, к кахетинскому царю отправилось посольство князя Ф.Ф. Волконского и дьяка А. Хватова. Послы имели проект крестоцеловальной записи, то есть договора с Теймуразом I. В Терский городок они прибыли 10 октября 1637 года, 5 августа 1638 года — в лагерь Теймураза I. Долгие переговоры с ним проходили у Алавердинского монастыря. 23 апреля 1639 года кахетинский владетель подписал крестоцеловальную записку. В конце того же года послы вернулись в Москву.

В 1639 году митрополит Никифор во второй раз прибыл в Москву с грамотой Теймураза I об оказании денежной и военной помощи. 9 июня 1641 года он отправился обратно в Грузию с русскими послами князем Е.Ф. Мышецким и дьяком И. Ключаревым. До границ Грузии они добрались в августе 1642 года, привезя Теймуразу I жалованную грамоту царя Михаила Федоровича о приня-

тии Иверской земли под покровительство России. В грамоте говорилось:

«Бога единого безначального и бесконечного... в Троицы славимого, милостию мы, великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси самодержец, пожаловали есмя Иверские земли начальника Теймураза царя и сына ево царевича Давида, велели им дати сю нашу царскую жаловальную грамоту...

А принял дел наш блаженные памяти великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси самодержец под свою царскую высокую руку грузинского Леонтия царя, царева Александра царя, во оборону для православные христианские веры...

А в прежних годех присылали к нам великому государю бити он, Теймураз царь... что кизылбашской Абас шах Грузинскую землю повоевал. и церкви разорил, и ево, Теймураза царя, из ево земли изогнал...

А как дел ево, Александр царь, был под царскою величества рукою Российского царства, и они в те поры жили в покое и тишине и от всех своих недругов во оборони, и слыша предков наших царского величества грозное имя, никто на них не смел посягнути...

И мы великий государь писали о том к кизылбашскому Абас шаху с посланники нашими, с Васильем Коробьиным да з диаком с Остафьем Кувшиновым, чтоб Абас шах для нашии царствие братцкие дружбы и вперед на Грузинскую землю наступати не велел и мать бы ево и жену отдалему, Теймуразу царю...

И нам бы великому государю нашему царскому величеству ево, Теймураза царя, пожаловать, держать под нашею царского величества высокою рукою в нашем милостивом призренье и во обороне и в защищенье и от наших бы царского величества рукдля Христовы любви и для православные христианские веры отринуты не велеть. чтоб государство его при нашем царском величестве надежно было соблюдать...

Писана грамота на олександрійском на большом листу, вся русским письмом, богословие все и государево имянованье и титла по владимирского, буки фряжские болшие и кайма и фигуры золотом. Подписка дьячья на загибке, печать у грамоты золотая, весу в ней пятьдесят три золотника без чети, снурок, на котором привешена печать, ткан серебро з золотом с кистьми и с ворворки мерою в 2 аршина без чети. А делана та печать у государева Золотого Дела

в Приказе у боярина у князя Бориса Александровича Репнина. А за снурок деньги плачены из Посольского приказа».

14 сентября 1651 года владелец Имеретии целовал крест на верность московскому государю. После этого он отправил в Москву полномочное посольство в составе Л. Джапаридзе и архимандрита Евдемона. 19 мая 1653 года имеретинский царь Александр III получил жалованную грамоту царя Алексея Михайловича о принятии Имеретии в российское подданство.

В январе 1657 года к царю Алексею Михайловичу с письмом о переходе в русское подданство обратились жители горных областей Восточной Грузии — Тушетии, Хевсуретии и Пшави. Тушины, хевсуры и пшавы писали в Москву:

«Великий вседержатель государь, Великий царь и всех христиан государь, Алексей Михайлович!..

Мы же делаемся твоими подданными, бьем тебе челом и обещаем исполнять все твои приказания. Мы признаем одного Бога, а царем Теймураза; мы обитаем в наших укрепленных странах и никого не боимся; столько уже времени шах персидский воюет с Грузиею, а мы не впускали к себе ни одного излюдей его; где нам и попадались они, мы их убивали; полководца его мы обратили в бегство, а войско истребили.

Теперь, великий государь, шах разорил нашего царя, а мы ниоткуда не имели помощи; тогда мы просили у Бога, чтобы ты прислал нам нарочного, а с ним приказание... И мы твою волю исполняем; умоляем тебя, бьем челом, чтобы ты взял нас в свою службу и войско. С нынешнего дня мы приняли подданство твое».

Все вышеизложенные исторические факты свидетельствуют о том, что самые разные области Грузии искали подданства у России. Оно означало получение помощи в противостоянии с персами и турками: политической, военной, духовной и денежной. Такие устремления могли бы бесспорно стать тесными узами, если бы не одно «но»: Грузия не имела общей границы с Русским государством.

Один из выдающихся геополитиков и мыслителей старой России генерал Ростислав Андреевич Фадеев, беспристрастно исследуя восточную политику Российской империи, писал о ее соприкосновении с Кавказом следующее:

«Начиная с 16-го века почти каждое грузинское семейство могло молиться мученикам своей крови. В Москву одну за другой привозили грузинские святые, спасаемые от поругания мусульман. И царь, и простолудин с одинаковой скорбью слушали рассказы о неистовствах, совершаемых неверными над православным населением Грузии; самые сердечные чувства народа были задеты и влекли русских на путь, уже указанный и политикой, и торговлей.

И действительно, с XVI века начались попытки русских царей, с одной стороны, поддержать изнемогающую Грузию, с другой — утвердить свое торговое и политическое господство в прикаспийских странах. Эти попытки продолжались, развиваясь все в больших размерах, до конца XVIII века.

Сначала они представляли почти непреодолимые препятствия. Россия еще не соприкасалась с Кавказом; между ними лежала обширная пустыня, наполненная кочевыми хищниками и шайками бездомных удалыцов, почти непреодолимая. Но тем временем русский народ выростал, поселения раздвигались, пустыня превращалась понемногу в населенные области. В начале XVIII века все пространство от Оки до устьей Дона и от Казани до Астрахани было уже занято цепью сел и городов.

И с этого времени начинается целый ряд кавказских походов, совершенных при Петре Великом, Екатерине I, Анне Иоанновне, Екатерине II и Павле Петровиче; они становились все чаще по мере того, как Россия подвигалась к Кавказу. К концу века русское племя доросло до европейских рубежей своей земли — Черного моря и подножия Кавказа...»

Время царствования Петра I стало «новой эпохой» сближения России с Кавказом. К ее началу стало сказываться превосходство русского оружия над турками и Крымским ханством: героически обороняется от огромной султанской армии Чигиринская крепость, борется запиравшая Дон турецкая крепость Азов (правда, только со второй попытки), крымчаки терпят ряд поражений в своих набегах. Теперь уже Дикая Степь перестала быть преградой для походов царских воевод, подкрепленных казачеством, прежде всего донским.

Однако в кавказских делах в первые два десятилетия XVIII века Оттоманская Порта оказалась в более выгодном положении: Россия вела длительную Северную войну 1700—1721 годов со Швецией за выход в Балтику, то есть за возвращение древних новгородс-

ких земель-пятин на берегах Финского залива. И одновременно шел распад враждебного Турции сефевидского государства в Персии, которая в силу междоусобиц заметно ослабла. Поэтому Стамбул старался расширить свое господство на Кавказе, закрепляясь прежде всего на его черноморском побережье.

Петровские преобразования привели к тому, что в начале XVIII века стал складываться всероссийский торговый рынок. Развитие русской экономики приводит, в частности, к расширению торговых отношений с Северным Кавказом и Закавказьем, и вообще с Востоком. Этому благоприятствовал древний Волжско-Каспийский торговый путь, издавна освоенный русскими купцами. Крупными центрами товарообмена стали Нижний Новгород и Астрахань.

Развитие торговых дел на Северном Кавказе потребовало создания новых опорных пунктов. Главным из них продолжал оставаться Терский городок, стоявший при устье Терека. Но он продолжал оставаться, прежде всего, порубежной крепостью, вокруг которой появляются казачьи станицы. Терский городок как бы притягивал к себе местных русских поселенцев, прежде всего гребенских казаков. Они, как вольные поселенцы, проживали по левому берегу Сунжи и правому Терека в предгорьях («гребнях»). Средством их существования были ведение хозяйства и охота.

При царе Иване Грозном вольные гребенские казаки были привлечены на «государеву службу». Они составляли вооруженную охрану посольств и купеческих караванов, составляли часть гарнизона крепости Терки. Госсть по своему содержанию гребенцы несли службу тогдашних пограничных стражников. Жили вольные казаки на Сунже и Тереке долгое время в тесных дружественных отношениях со своими соседями — кабардинцами, чеченцами, кумыками, помогая терским воеводам строить такие же отношения с окрестными горцами.

Терский городок притягивал к себе вольных казаков. Поэтому не случайно рядом с ним появились пригородные слободы — Черкасская (Черкесская), Новокрещенская, населенная горцами, принявшими христианство, Окоцкая, получившая свое название от горского племени окочан.

Сами Терки стали притягательным центром торговли в восточной части Северного Кавказа. По свидетельству очевидца, в 1623 году слободы вокруг крепости были «велики». Вся торговля,

которую вели русские и восточные купцы, проходила в трех гостиных дворах — Старом, Новом и Билянском (Гилянском). Но то время было достаточно мирное, и потому в Терках торговое дело процветало.

После победного окончания Северной войны, когда Россия, ставшая империей, по Ништадтскому миру 1721 года стала обладательницей помимо берегов Финского залива еще и Эстляндии, Курляндии и Лифляндии, Петр Великий обратил внимание на Юг. Первый всероссийский император в 1722 году предпринял Каспийский (или Персидский) поход. Его результатом стало то, что под суверенитет России перешли все земли по западному и южному побережью Каспийского моря. Их приобретение было подтверждено соответствующим договором с Ираном в сентябре 1723 года. В нем говорилось:

«Во имя Всемогущего Бога!

Ведомо да будет, понеже от нескольких лет в Персидском государстве учинились великие замешания и некоторые того государства подданные, восстав против его, шахова в (величества) яко своего законного государя, не токмо в Персии великое разорение причиняют, но и весьма дерзнули подданным е. и. в. всероссийского, по древней между обоими государствами пребывающей дружбе и трактати в Персидском государстве торгующим, учинить убивство и разграбить на великое число цены их мнение.

И понеже тогда владеющее его шахово в. за теми в государстве его учинившимися великими замешаниями не был в состоянии над теми его бунтовщиками надлежащую управу дать, того ради е. и. в. всероссийское по истинной своей к его Шахову в. дружбе не хотя тех бунтовщиков по дального расширения и приближения к российским границам и Персидское государство до последней погибели допустить, сам оружие свое против тех бунтовщиков употребили некоторые города и места, на берегах Каспийского моря лежащие, которые от тех бунтовщиков в крайнее уже утеснение приведены были, от них оружием своим освободил и для обороны верных его Шахова в. подданных войсками своими засел, а между тем учинилось, что с другой стороны некоторые иные персидские бунтовщики таким образом усилились, что они столицей Персидского государства овладели и его тогда владеющее шахово в. со всею его шахового фамилией пленили и с престола низвергнули, и ос-

тался токмо сын его Тахмасиб, который по законному наследству после отца своего на престол вступил, и законным государем персидским учинился и, желая древнюю между обоими государствами пребывающую дружбу возобновить и вящее утвердить, отправил к е. и. в. всероссийскому своему великому и полномочному посланцу...

Того ради е. и. в. всероссийское, по своему к его шаху в. и к Персидскому государству имеющему доброжелательство, высочайшим своим монаршеским повелительным указом все милостивейше повелел, с ним, его шахом в. великим и полномочным послом, во оный трактат вступить, и тако со обеих сторон соглашенье, договоренье и постановлено.

1. Е. и. в. всероссийское обещает его шаху в. Тахмасибу добрую и постоянную свою дружбу и высокомонаршеское свое сильное вспоможение против всех его бунтовщиков и для усмирения оных и содержания его шаха в. на персидском престоле изволит как скоро токмо возможно потребное число войск конницы и пехоты в Персидское государство послать и против тех бунтовщиков его Шаха в. действовать, и все возможное учинить, дабы оных ниспровергнуть и его шахово в. при спокойном владении Персидского государства оставить.

2. А насупротив того, его шахово в. уступает е. и. в. всероссийскому в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции Гилян, Мазондрон и Астрабат, и имеют оные до сего времени вечно в стороне е. и. в. всероссийского остаться и в его подданстве быть...

3. И понеже невозможно есть, чтоб для отправляемого к его Шаху в. против его бунтовщиков е. и. в. войска потребное число лошадей как для конницы, так и под артиллерию и амуницию, и под багаж и провиант в так отдаленные края морем перевезено быть могло... того ради надобно, чтоб потребное число лошадей ссыскано было в тех провинциях, которые е. и. в. уступаются...

...А для пропитания оного войска, когда они против бунтовщиков пойдут, обещает е. и. в. хлеб, мясо и соль в пути везде приготовить, дабы в том скудности не было, только е. и. в. всероссийский должен за тот хлеб, мясо и соль платить деньги по уговоренной цене, как в сем трактате о том постановлено...

4. И будет между е. и. в. всероссийским и его государством и его шаховым в. в Персидском государстве вечная добрая дружба, и

обеих сторон подданным всегда ненарушимо позволено будет в оба государства переезжать и тамо по своей воле свободно жить и купечество свое отправлять...

5. И обещает е. и. в., что он всегда будет приятелем тем, кто шаху и Персидскому государству приятель, и неприятелем тем, которые шаху и Персидскому государству неприятели и противу оных имеет чинить вспоможение...

И что все сие крепко и ненарушимо содержано и исполнено будет, того ради я, его шахова в. великий и полномочный посол Исмаил-Бек, по данной мне от его шахова в. за его печатью полной мощи и власти, указом и именем его шахова в. сей трактат собственною своею рукою подписал и печатью утвердил и клятвой по закону моему укрепил, и против другой стороны е. и. в. всероссийского за великой большой е. и. в. печатью и за подписанием е. и. в. министров мне данный экземпляр в крепком и ненарушимом содержании всего того, что в сем трактате обещано, разменял.

Еже учинено в С.-Петербурге,
сентября 12-го дня 1723 г.

Империи всероссийской канцлер
граф Гаврило Головкин

Е. и. в. всероссийского тайный советник
барон Андрей Остерман

Е. и. в. всероссийского тайный
советник канцелярии Василей Степанов
Великий и полномочный посол Исмаил-Бек»

Этот русско-иранский договор примечателен не только тем, что российская сторона обещала новому шаху Надиру военную помощь против любых враждебных ему мятежных сил внутри страны. Договор предусматривал предоставление российской стороной вооруженной помощи Персии против вторгнувшихся на ее территорию афганцев и турок.

В 1724 году к всероссийскому государю Петру I Великому с посланием обратились армянские патриархи Исайя и Нерсес с просьбой принять армянский народ под покровительство России. Они писали, что турки, став обладателями большей части Армении и Грузии, готовы вторгнуться в Карабахскую и Шемахинскую провинции и «христиан всех побьют и погубят».

10 ноября того же года «император и самодержец Всероссийс-

кий» подписал грамоту патриарху Исае и всему армянскому народу о принятии их под покровительство России.

Тяга кавказского населения к России в 20-е годы не ослабевала. Так, в 1726 году к командиру русскими войсками в Дагестане генерал-майору В. П. Шереметьеву, чья штаб-квартира находилась в крепости Святого Креста, обратился грузинский князь Шеншия Давыдов. Он сообщал о желании его народа быть под покровительством России. В послании говорилось:

«... Прошу вас не оставить меня с подвластными и содержать в своей милости, и дабы я, низайший, принят был под высокую протекцию ее и. в. и владение мое чтобы оборонено было от наших неприятелей горских и прочих народов, и оное учинено не для нас беспомощных, но для единого христианского закона...»

Каспийский поход Петра I Великого, его суть, ведение и планы — отдельная часть этой книги. Скажем только одно: за два года — 1722 и 1723 политическая карта кавказского Прикаспия заметно изменилась, что сказалось и на будущем.

Тогда казалось, что в последние 12 лет петровского царствования Россия, благодаря в первую очередь своим военным усилиям, стала твердою ногою у подошвы Кавказа. И что завоевания в Прикаспии давали основания продолжить покорение соседних, уже горных областей. Стоял тогда только один вопрос: куда двинутся русские войска от берегов Каспия? Однако преемники Петра I на российском престоле, увы, его государственной мудростью безнадежно не обладали. Они не видели «кавказской перспективы» даже в будущем.

Но, как показало самое ближайшее время, петровские прикаспийские завоевания исторически оказались, как это ни странно звучит, преждевременными. И весьма обременительными для государственной казны, которая с берегов Каспия ожидаемых прибыльных доходов не получала. Содержание полков так называемого Низового корпуса и Каспийской военной флотилии казне «влетало в копеечку», не считая большой смертности в войсках от тропических болезней.

В Санкт-Петербурге, ко всему прочему, видели, что петровские приобретения, особенно северные провинции Персии, России не удержать. Тогда императрица Анна Иоанновна (Ивановна) решила избавиться от отяготительных владений на Юге. К этому империи подталкивал тот факт, что два издавна враждебных меж-

ду собой соседа — султанская Турция и шахская Персия заключили мирный договор. Он был подписан Стамбулом в Гяндже с Тахмисом (Тахмаспом) Кули-ханом (шахом Надиром). В такой ситуации внешнеполитическая обстановка для России резко менялась, причем не в самую лучшую сторону.

В 1732 году Россия, в обмен на союз против Турции, решила возвратить Персии прикаспийские — Астрабадскую и Мазандранскую — провинции, завоеванные в ходе Каспийской экспедиции Петра I. Тегеран в то время успешно воевал со Стамбулом. Войска выводились из гилянских городов Решт и Энзели. Первоначально российская государственная граница отодвинулась на север до реки Куры.

В 1735 году Россия вернула Персии города Баку и Дербент «с уездами». В тот год внутривосточная ситуация в Персии изменилась. Шах Аббас III, последний из династии Сефевидов, вступил на престол в 1731 году малолетним ребенком. Регентом при нем был Тамасп-Гули-хан (он же Надир-Али-хан). Через четыре года регент сверг Аббаса и захватил престол, войдя в историю под именем Надир-шаха.

Так в 1735 году кавказская граница России отодвинулась еще севернее и стала проходить по реке Сулак. То есть она сошлась с южной оконечностью границы Астраханского губернаторства, вернувшись в соседство с дагестанскими владельцами, как было до Петра I.

Правда, в том же 1735 году русскими в северном Дагестане, в дельте реки Терек, была построена Кизлярская крепость. Как писалось в «Актах, собранных Кавказской археографической экспедицией», Кизляр был «вплоть до 1763 г., так сказать, русской столицей на Кавказе». В том же году по повелению императрицы Анны Иоанновны все русские войска были «выведены» на северный берег Терека.

Такие действия тяжкого для отечественной истории режима «бириновщины» исследователями старой России (и нынешними) оценивались не однозначно. Так, адмирал А.М. Серебряков в своих «Мыслях о делах наших на Кавказе» писал:

«Но дано прочно утвердиться на этой границе... построена на Тереке крепость Кизляр и из-за Терека переведены семейные и терские казаки, основанные станицы: Каргалинскую, Дубовскую и Бороздинскую, которые с гребенскими казаками составили Киз-

лярскую линию, простиравшуюся до границ нынешнего Моздоцкого уезда, на протяжении 150 верст от Каспийского моря...»

Наиболее серьезные потери на Кавказе при императрице Анне Иоанновне Россия понесла в ходе Русско-турецкой войны 1735—1739 годов. По Белградскому мирному договору Кабарда «изымалась» из российских владений и становилась независимым «барьером» между двумя империями. Такое стало возможным, как ни странно, благодаря возвращению Персии петровских завоеваний — Гиляна, Астрабада и Мазандарана.

По русско-иранскому договору шах Надир обещал стать союзником России в случае ее войны с Османской Портой. Но вместо союзничества он заключил со Стамбулом сепаратный договор, поделив с ним Закавказье. Граница там между Турцией и Персией прошла по Грузии.

На этом Надир-шах, демонстрируя воинственность, не остановился. Он стал готовиться к большому походу на Северный Кавказ, угрожая русским владениям. Однако персы, появившиеся в дагестанских горах, встретили решительный отпор со стороны местных жителей, которым уже были знакомы жестокости шахских войск. Война в горах продолжалась с 1736 по 1743 год. Надир-шаху с остатками отрядов своих воинов пришлось уйти из Дагестана, так и не повидав берега Терека...

Кавказская политика России резко изменилась с воцарением в результате дворцового переворота Екатерины II, ставшей для отечественной истории Великой правительницей. Именно она, как неповторимая государстvenница, обратила свои взоры на Юг. Дела черноморские в екатерининскую эпоху прямо увязывались с делами на Кавказе.

Пожалуй, только с правления Екатерины Великой к горному краю стали относиться как к источнику хозяйственной деятельности, введению Кавказа в систему государственной экономики. Об этом свидетельствует докладная записка в Берг-коллегию Степана Вонявина, который руководил геологической экспедицией 1768 года в Осетию. Записка начиналась словами:

«Описание найденным в Осетии металлическим серебряным и свинцовым признакам...»

Этот документ интересен еще и тем, что в нем говорится о желании осетинских и ингушских старшин жить под покровительством России. Это не единственный факт, подтверждающий жела-

ние самых различных народов Кавказа оказаться под «высокой дланью» воинственной российской государыни, которая делала свою державу сильной, особенно на Юге, на Черноморье. Документов о том достаточно много. Среди них, к примеру, интересен такой, как Указ Святейшего Синода о назначении грузинского архимандрита Порфирия руководителем «Осетинской комиссии». В документе, среди прочего, говорится:

«А как-де по прошению осетинских Нгушевского уезда старшин и всего народа о принятии их в вечное е. и. в. подданство оный архимандрит по собственному его на то соглашению да гусарского полка капитан Дегтодий посыланы были к тому народу и по принятии от них присяги возвратились, но, будучи там, оный архимандрит по его прилежности не оставил проезжать и в Магаурский уезд и тамошний народ склонил в подданство и к присяге привел...»

Осетины, получив покровительство России, стали стремиться к переселению с гор на низины. Однако здесь они столкнулись с противодействием со стороны кабардинских князей Ахловых — Кайтуки и Келмана. Эти горские владельцы были готовы взять на себя любые функции местной российской администрации, вплоть до хозяйственной деятельности, лишь бы не допустить другой народ в эти предгорные места.

Князя Ахловы обратились с письмом к астраханскому губернатору генерал-майору П.Н. Кречетникову, в котором говорили о своей верности России и желании владеть Осетинским подворьем, то есть местом расселения в предгорье горцев-осетин. Князя просили назначить им царское «отцовское жалованье» и «нас защитить» от соседей-куртатцев и от «наших подвластных горских народов».

В том же октябре 1774 года астраханский губернатор получил прошение осетинских старейшин Куртатинского и Воддагирского уездов об оказании Россией покровительства и военной помощи Осетии. Горцы-христиане указывали на притеснения от своих соседей — кабардинских князей Ахловых, мусульман по вероисповеданию:

«...А особливо Малой Кабарды владельцы, а именно Ахлоевы и Мурадовы фамилии, теснят ловлением проезжающих в Моздок и отъезжающих отсюда людей наших без всяких вин и продают временем в посторонние места, а иногда и нам на выкуп за дорогую цену отдают».

В письме осетинских старейшин указывались условия, на которых православная Северная Осетия желала находиться под покровительством России. Документ был скреплен подписями основных старшин осетинских деревень и уездов. Их посланцы провели в крепости Моздоке переговоры с астраханским губернатором П.Н. Кречетниковым, который в начале правления императрицы Екатерины II отвечал за правительственную политику на Северном Кавказе.

В ноябре 1774 года в земли горцев-осетин для выяснения обстановки кизлярским комендантом Штендером был послан ротмистр Батырев, которому предписывалось ознакомиться с обстановкой в Куртатинском и Воддагирском уездах. В докладе о поездке в горы командированный туда кавалерийский офицер писал:

«По всей моей там бытности и ото всех осетинцев слышал я, что они отзываются о России доброжелательно...»

Когда светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический назначил командующим Кавказской укрепленной линии своего родственника генерал-поручика П.С. Потемкина, осетинские старшины в декабре 1782 года обратились с письмом к нему. В документе говорилось о верности осетинского народа России и православию и о желании поселиться на реке Терек. Письмо было не подписано, поскольку оно заканчивалось словами:

«За неумением нами никакого писания и вместо онаго прилагаем свои персты».

К слову сказать, население Северной Осетии в старой России верой и правдой служило ей. Достаточно сказать, что часть Терского казачьего войска составляли осетины. Особенно много их было в 1-м, 2-м и 3-м Сунженско-Владикавказских казачьих полках. Осетины храбро сражались в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов. В годы Первой мировой войны горцы-христиане выставили на Русский фронт национальные воинские формирования — Осетинский конный полк и Осетинскую пластунскую бригаду.

Екатерина Великая стремилась распространять российское влияние на области Северного Кавказа мирным, не военным путем, налаживая отношения с местными феодальными владельцами. Показательно в этом отношении письмо светлейшего князя Г.А. Потемкина шамхалу Тарковскому Бамату с извещением о принятии его в подданство России:

«Е. и. в. самодержицы всероссийской, всемилостивейшей государыни моей, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий всей легкой конницы регулярной и нерегулярной, флотом Черноморским и многими другими морскими и сухопутными военными силами, государственной Военной коллегии президент, екатеринославский и таврический генерал-губернатор, е. в. генерал-адъютант, действительный камергер, лейб-гвардии Преображенского полка подполковник, корпуса кавалергардов и Екатеринославского кирасирского полка шеф, мастерской оружейной палаты верховный начальник и орденов российских: Св. апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, военного Св. великомученика и Победоносца Георгия и Св. равноапостольного князя Владимира больших крестов, королевских прусского Черного Орла, датского Слона, шведского Серафима, польских Белого Орла и Св. Станислава и великокняжеского голстинского Св. Анны кавалер.

Высокостепенному и знаменитому шамхалу
Тарковскому Бамату:

По получении здесь всеподданнейшего вашего прошения е. и. в. благоволила снизойти на оное и принять вас под высочайшую свою державу. Сие вам уже известно из предварительного моего уведомления, вследствие которого теперь чрез г-на подполковника Федора Енгельгарда препровождаю высочайшую е. и. в. грамоту, утверждающую отличные преимущества и выгоды. Вам присвоится знаменитая степень тайного советника, почеть караула или конвоя, жалуются перо на шапку и определяется годовая денежная сумма на содержание войск, которые бы всегда на службу е. и. в. готовы быть могли. Я уверен, что оказываемое вам монаршие благоволение послужит к наивысшему умножению вашего усердия к службе сей великой монархини, под великодушным коей царствованием миллионы народа вкушают истинное благоденствие. Будьте и вы участником оного, и верьте об усердии к вам и истинном доброжелательстве моем.

Писано в С.-Петербурге октября 19-го дня 1786 г.
Князь Потемкин».

Таковыми складывались отношения России в начале воцарения императрицы Екатерины II с Северным Кавказом. Вернее,

с теми северокавказскими областями, которые исторически тяготели к ней, то есть с Кабардой, Осетией, Тарковским шамхальством. В Закавказье такие отношения строились прежде всего с грузинскими царями и князьями, с Армянской церковью, которая являлась стержнем национального единения Армении, находившейся под властью мусульманских правителей Персии и Турции. Показательно, что почти во всех таких посланиях к императрице Екатерине Великой стояли просьбы о военной защите.

Так, в январе 1767 года к ней обратился армянский патриарх Симеон, просивший даровать грамоту о подчинении ему всех духовных лиц Армянской церкви, находящихся на территории России. Казалось бы, послание патриарха касалось только дел церковных, но в нем были и такие строки:

«Просим всемогущего царя царей да за молитвы всех святых его оградить е. и. в., твердостью и славой распространяя владычествование высочайшей державы вашей... Да облечет вас крепостью на вся враги, ненавидящие же вас... И благословит Господь вас, государство ваше, рождение народ, военачальники и войска ваши...»

Императрица Екатерина II дала патриарху Симеону и его преемникам просимую грамоту о подчинении ему всех духовных лиц Армянской церкви, находящихся на территории России. В ней говорилось, что армянские духовные лица, прибывающие в Россию без письменных свидетельств от патриарха, приниматься не будут. Соответствующее высочайшее указание было дано «пограничным нашим начальникам» в Астрахань, Киев и Кизляр.

Грузия, раздираемая внутренними усобицами и окруженная со всех сторон иноверными врагами, просила об оказании материальной и военной помощи. В декабре 1782 года грузинский царь Ираклий II Теймуразович писал императрице Екатерине II:

«Всенижайше осмеливаемся мы просить, дабы всемилостивейшим ея величества покровительством защищены были и области наши, чтобы турецкий султан и персидский государь не признавали нас за своих неприятелей...»

Царь Картли и Кахетии Ираклий писал о том, что его царство опустошено персами, что Надир-шах считает своими провинциями и вассальными владениями, помимо Азербайджана и Дагестана, христианские Армению и Грузию. Говорилось, что его царство постоянно подвергается вторжениям персидских и дагестанских

войск. Российскую императрицу просили позаботиться с «помощью ея величества оружия» о возвращении Грузии ранее принадлежавших ей земель: Ахалцихской и Карской областей, захваченных турками, и Еревана и Гянджи, которые были отобраны персами. Говорилось о действиях бежавшего в Иран царевича Александра Бакаровича, претендовавшего на кахетинский престол и «приведшего народ в смятение».

В последнем случае российской дипломатии уже в следующем, 1783 году, удалось помочь царю Картли и Кахетии. Александр Бакарович был выдан Кубинским и Дербентским ханом Фетх-Али, доставлен в Москву и оттуда отправлен на поселение в Смоленск.

В 1782 году картли-кахетинский царь Ираклий II пишет несколько посланий, адресованных императрице Екатерине II и генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину с просьбой принять грузинскую землю в подданство России. Он просит светлейшего князя взять в свои руки «дела наши и границы наши». Благодарит за то, что в результате победы русского оружия в «Первой екатерининской турецкой войне» грузины, бывшие ханскими рабами в Крыму, получили свободу и смогли вернуться на родину. Что после Кючук-Кайнарджийского мира между Оттоманской Портой и Россией Грузия перестала платить туркам дань детьми. Что она готова платить другую османскую дань России, если та возьмет ее в подданство, то есть 70 копеек со двора в ее казну и для Санкт-Петербургского двора ежегодно привозить в Кизляр лучшего виноградного вина две тысячи ведер (турки получали 50 вьюков такого вина, который отвозился в Стамбул).

Чтобы спасти свое отечество от полного разорения и опустошения персами, картли-кахетинский царь «учинил клятвенное обещание на верность Е. И. В. самодержице Всероссийской и на признание покровительства и верховной власти Всероссийских императоров над царями Карталинскими и Кахетинскими». Текст присяги гласил:

«Аз нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред святым его Евангелием в том, что хочу и должен е. и. в. всепресветлейшей и державнейшей великой государыне императрице и самодержице всероссийской Екатерине Алексеевне и ее любезнейшему сыну, пресветлейшему государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному всероссийского импера-

торского престола наследнику, и всем высоким преемникам того престола верным, усердным и доброжелательным быть.

Признавая именем моим, наследников и преемников моих и всех моих царств и областей на вечные времена высочайшее покровительство и верховную власть е. и. в. и ее высоких наследников надо мною и моими преемниками, царями карталинскими и кахетинскими, и вследствие того отвергая всякое надо мною и владениями моими, под каким бы то титулом или предложением ни было, господствование или власть других государей и держав и отрицаясь от покровительства их, обязываюсь по чистой моей христианской совести неприятелей Российского государства почитать за своих собственных неприятелей, быть послушным и готовым во всяком случае, где на службу е. и. в. и государства всероссийского потребен буду, и в том во все не щадить живота своего до последней капли крови.

С военными и гражданскими е. и. в. начальниками и служителями обращаться в искреннем согласии. И ежели какое-либо предосудительное пользе и славе е. и. в. и ее империи дело или намерение узнаю, тотчас давать знать. Одним словом, так поступать, как по единоверию моему с российскими народами и по обязанности моей в рассуждении покровительства и верховной власти е. и. в. прилично и должно.

В заключение сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».

Георгиевский трактат освобождал Картли-Кахетинское царство от вассальной зависимости Персии, обеспечивал дипломатическую и военную защиту Восточной Грузии, вошедшую в состав Российской империи, на «вечные времена».

Георгиевский трактат в силу «древних традиций» европейской и иной тайной дипломатии имел четыре секретных статьи, так называемых «сепаратных артикулов». Они касались вопросов чисто военных и обеспечения безопасности Восточной Грузии после вхождения ее в состав России.

«Артикул сепаратный первый» требовал нормализации отношений Картли-Кахетинского царства с Имеретинским царством. То есть Россия была прямо заинтересована в прекращении распр между Грузией Восточной и Западной, которая находилась тогда в вассальной зависимости от Блестящей Порты. Прекраще-

ние вражды между двумя грузинскими царями позволяло Санкт-Петербургу избежать в это время ненужного военного конфликта со Стамбулом.

«Артикул сепаратный второй» гласил:

«Для охранения владений карталинских и кахетинских от всякого прикосновения со стороны соседей и для подкрепления войск его светлости царя на оборону е. и. в. обещает содержать в областях его два полных батальона пехоты с четырьмя пушками, которым провиант и фураж по их штатам производится будет в натуре от земли по соглашению его светлости с главным пограничным начальником (командующим Кавказской пограничной укрепленной линией. — *А.Ш.*) за положенную в штатах цену».

«Артикул сепаратный третий» устанавливал:

«На случай войны главный пограничный начальник всегда со стороны е. и. в. уполномочен быть долженствует с его светлостью царем карталинским и кахетинским согласить и положить на мере о защищении означенных земель и о действии против неприятеля, который не иначе как за общего врага разумеем быть должен. При чем постановляется, что ежели бы часть войск карталинских и кахетинских употреблена была для службы е. и. в. вне пределов их, то оным имеет быть производимо полное содержание противу прочих войск е. в.».

«Артикул сепаратный четвертый» указывал:

«Е. и. в. обещает в случае войны употребить все возможное старанием пособием оружия, а в случае мира настоянием о возвращении земель и мест, издавна к царству Карталинскому и Кахетинскому принадлежавших, кои и останутся во владении царей тамошних на основании трактата о покровительстве и верховной власти всероссийских императоров, над ними заключенного».

Принеся присягу на верность России, царь Картли и Кахетии Ираклий II установил добрососедские отношения с имеретинским царем Соломоном I, с которым ранее велись распри, и уполномочил князей «генерала от левой руки» Ивана Константинови-

ча Багратиона и генерал-адъютанта Гарсевана Ревазовича Чавчавадзе подписать знаменитый Георгиевский трактат. Так в истории назывался договор о признании картли-кахетинским царем покровительства и верховной власти России над Восточной Грузией.

Эти же полномочные лица с грузинской стороны подписали и «артикулы сепаратные». На переговорах в городе Георгиевске (Георгиевской крепости; солдаты и казаки называли ее Егорьевской) российскую сторону представлял командующий войсками в Астраханской губернии генерал-поручик Павел Потемкин, доверенное лицо императрицы Екатерины II и ее фаворита, «астраханского, саратовского, азовского и новороссийского государева наместника» светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического.

Так Россия по своей доброй воле закрепила в Закавказье. Ни сушей, ни морем она не была связана с Картли-Кахетинским царством, ни одна дорога (если не считать караванной тропы через Главный Кавказский хребет) не связывала русские пограничные крепости на Кавказской линии с Тифлисом, столицей Восточной Грузии.

Тогда не одна светлая голова в далеком Санкт-Петербурге задумывалась над тем, как будет осуществляться связь с новым территориальным приобретением екатерининской империи. Но выбор был сделан: Восточная Грузия по Георгиевскому трактату вошла в лоно России, которая, «стоя одной ногой» на пограничном Тереке, обязывалась защищать вооруженной рукой православные Картли и Кахетню. Так Российская держава перешла Кавказ и соприкоснулась здесь границами с империей турок-османов и Персией. А они уходили с Кавказа и не помышляли. Даже наоборот, хотели здесь усилиться.

Какой европейская Российская империя предстала перед восточными державами в лице султанской Турции и шахского Ирана, Кавказом с началом царствования Екатерины II Великой? Пожалуй, лучше всего нарисовал такую историческую картину генерал-мыслитель Ростислав Андреевич Фадеев в своих «Письмах с Кавказа»:

«...До 1830 года Европа была убеждена в неодолимом превосходстве своего оружия над остальным миром. Обучение азиатцев регулярному строю, принятое впоследствии, нисколько не поколебало этого убеждения; регулярные полки, персидские, турецкие

и индийские, так же не могли выдержать натиск европейцев, как в прежние времена не могли выдерживать его азиатские скопища.

Оказалось, что решительный перевес европейских войск зависел не только от их тактического превосходства, но еще более от неизмеримого превосходства нравственного. Естественно, что ввиду таких результатов остальной мир казался как бы безоружным перед Европой; его считали неспособным к серьезному сопротивлению, и поэтому в тридцатых годах алжирская война чрезвычайно всех удивила. Свидетели и участники наполеоновских войн не могли понять, каким образом французская армия не может одолеть сопротивление полудиких горцев и кочевников, каким образом даже победы ее остаются бесплодными, как сегодняшний успех нисколько не облегчает успеха на завтра, как занятие каких бы то ни было пунктов не умирят страны, между ними лежащей.

После полутора столетий сокрушительного превосходства европейцы встретили наконец вне своей части света серьезных противников и стойкое сопротивление. Дело было совершенно новое, но объяснялось просто. Посреди растленных государств азиатского мира, известных до того Европе, сохранились кое-где, в малодоступных местностях, обрывки древних населений, которых не коснулась язва, отравившая Восток; племена простые, воинственные, сильные именно отсутствием всякой централизации, которых потому невозможно было сокрушить одним ударом, а приходилось покорять человека за человеком. Люди эти мужеством равнялись европейцам, а превосходство регулярного оружия оказывалось часто бесплодным в дикой местности, где нельзя было действовать сомкнутым строем.

Прошло много времени, пришлось претерпеть много неудач, прежде чем применились к новым условиям войны. Кавказ, также как и Алжирия, был в военном отношении открытием особенного рода; мы встретили здесь азиатцев, которые, как воины, были вовсе не азиатцами; да кроме того, — такие сложные местные условия, что они сбивали с толку самых опытных военных людей.

Надобно вспомнить еще, что Алжирия — только миниатюра Кавказа. В нашей Алжирии все, и природа, и люди, далеко переросли размеры французской. Там — основанием всем действиям служило море; у нас — нужно было перевозить все степью; там — приморская равнина, на которой регулярное войско сохраняло свои преимущества, а за нею узкая полоса Атласа, не достигающая вы-

сотой даже второстепенных отрогов Кавказа. Главный горный центр Алжирии, Большая Кабилия, в которую французы не решались вступать прежде, чем не было покорено все вокруг, несмотря на свое название, не больше, чем отдельная группа Табасарани и Кай-тага, которую мы даже не покоряли, которая пала сама, как только был побежден Восточный Кавказ.

С кавказских вершин падают ледяные завалы, не уступающие массою любой горе Атласа; вместо алжирских рош скаты Кавказа осеняются темными первобытными лесами, в несколько десятков верст ширины и в несколько сот верст длины. Тут есть соседние страны, до того разъединенные вечными снегами, целою Лапландией, поднявшеюся в небо, что они совсем не знают одна другой.

Всегда обледеневшие перевалы; долины до того глубокие, что целый день нужно спускаться ко дну их; горные реки, увлекающие каменные глыбы, как булыжник, и такой ширины, что через них нельзя перекинуть другой мост, кроме веревочного; тысячи котловин, в которые можно проникнуть только по козьей тропинке, висящей между небом и землей, — вот театр действий кавказской армии, имеющий 1200 верст длины от Черного до Каспийского моря и с лишком 200 верст ширины. Кавказские горцы во столько же раз грознее алжирских арабов и кабиллов, во сколько окружающая их природа громаднее африканской.

Достаточно указать на один факт. Никогда алжирцы не могли взять, сколько ни пытались, ни один блокгауз, ни одну деревянную башенку, защищаемую двумя десятками солдат. Кавказские горцы брали крепости, где сидел гарнизоном целый батальон, обрешившийся на смерть и бившийся до последнего человека.

Русские встретили на Кавказе соединение всех препятствий в людях и в природе, какие только можно представить, точно Кавказ был нарочно устроен на северном рубеже Азии, чтобы навеки оградить эту часть света. С южной подошвы начинается уже коренная — растленная и беззащитная Азия...»

Так генерал Р.А. Фадеев, немало пововававший как на Северном Кавказе, так и в Закавказье, описывает этот огромный горный край, в котором России, начиная с середины XVIII столетия, пришлось вести целую серию кавказских войн. Она воевала с турками и персами, «немирными» горцами и с имаматом Шамиля, ей приходилось применять оружие при подавлении самых различных

мятежей и всевозможных вторжений через ее государственную границу на кавказском Юге, в борьбе с политическим террором, направленным против царизма.

Ни одна граница не стоила Российской империи так кроваво дорого, как порубежье кавказского Юга. Эта граница пришла на смену степного порубежья с Диким Полем, когда кровавую дань с Древней Руси и Московского государства собирали печенегы, половцы, крымские татары и другие кочевые народы, одним из источников существования которых был набеговый разбой. Россия, оказавшись на Кавказе, во второй раз столкнулась с набеговой войной на свои новые границы.

Такие военные события велись почти непрерывно до самого конца 1918 года. Затем эту эстафету, начиная с Гражданской войны, приняла Советская Россия. Ее «эстафетную палочку» по нынешний день «держит в своих руках» современная Российская Федерация. Крепко ли ее держит? О том судить читателям, современникам кавказских событий наших дней.

Подлинное, не уходящее, закрепление Российской империи на Кавказе началось со времени правления Екатерины Великой. 34 года ее правления, с 1762 по 1796 год, составили целую эпоху. Как писал один из отечественных исследователей, «только в царствование Екатерины II возобновилось влияние России на дела Кавказские, и с тех пор мы начали там утверждаться постоянно».

Но это уже отдельная страница кавказских войн России со всеми их победами и неудачами, оплаченных кровью тысяч людей, военными и дипломатическими тайнами, занавес над которыми время то приподнимает, то опускает. История «екатерининских войн» на Кавказе раз за разом переписывается «по велению времени», при этом всегда что-то «забывается», особенно когда это касается дел кавказских. Может быть, отчасти от этого история современников учит мало, наказывая за ее незнание или прямое игнорирование уроков прошлого гораздо чаще.

Глава 2

ПЕТР I ТОРИТ ЧЕРЕЗ КАВКАЗ ПЕРСИДСКУЮ ТРОПУ В ИНДИЮ

Ништадтский мир 1721 года подвел логический конец Северной войне. Швеции пришлось не только вернуть Русскому царству, доживавшему свои последние дни, древние новгородские земли-пятины по берегам Финского залива и устье Невы, но и поступиться другими землями по берегах Балтики. Появившаяся на свет Российская империя ратной рукой отворила себе «окно в Европу», став обладателем таких прекрасных портов на Варяжском море, как столичный Санкт-Петербург, Ревель, Рига, строящейся морской крепости Кронштадт. То есть держава, до этого обладавшая только одним Северным морским путем через Архангельск с надолго замерзающим Белым морем, теперь «встала» на балтийских торговых дорогах.

Выхода в Средиземноморье Россия при Петре I Великом не получила. Даже взятие турецкой крепости Азов, запиравшей выход с Дона в Азовское море, не решал проблемы. Да и к тому же Азов после неудачного Прутского похода пришлось вернуть Османской Порте. Но даже обладание им не давало Российскому государству никаких морских торговых выгод. Турецкие крепости Керчь, Енакиле и Анапа, ряд других надежно стерегли Керченский пролив. А черноморские проливы вообще были полностью в руках Турции.

В Стамбуле не зря считали Черное море своим внутренним бассейном, как и Мраморное море. А ведь оно когда-то называлось не Черным, а Русским морем. Его берега составляли или собственно османские владения, или земли подвластных султану Крымского ханства и Черкесии. При последнем русском царе и первом все-

российском императоре России Петре Великом не удалось закрепиться на Черноморье, хотя сил было затрачено много, людей погибли тысячи, а в далеком от моря городе Воронеже и других местах построен Азовский военный флот.

Россия, увеличившись заметно территориально, получив громадный вес в европейской политике, не могла расстаться с «мыслью о Востоке». Собственно говоря, история показала, что в своем геополитическом развитии Российское государство имело устремленность прежде всего не на заход солнца, а на его восход. Петр I не был бы одним из величайших реформаторов, если бы отказался от мысли утвердиться на Востоке. Он виделся ему в богатой Индии, к которой следовало проложить торговые пути, и в государствах Средней Азии, которые лежали на полпути к тому же сказочному Индостану.

Молодой империи, продемонстрировавшей Европе силу своей экономики, требовались устойчивые хозяйственные связи не только на Западе, но и на Востоке. Такое было понятно: без создания и укрепления новой широкой экономической базы государство никак не могло превратиться в сильную европейскую державу, уже вставшую на мировые морские торговые пути. Лучше всего это понимал государь-самодержец Петр Алексеевич Романов. Не зря же в мировой истории он получил проименование Великого.

Академик Е. В. Тарле в своей книге «Русский флот и внешняя политика Петра I» писал о новых внешнеполитических (говоря современным языком — геополитических) устремлениях выдающегося государя после победы над Швецией в Северной войне и завоевания выхода в Балтику:

«На Западе выход в море был найден. Прямая экономическая связь с Европой была создана, и мысль Петра обращается к Востоку. Персия, обширный восточный торговый караван-сарай, прямой при этом путь к волшебным богатствам Индии, приковывает к себе прежде всего внимание царя. Об Индии он думал, составляя в свое время инструкцию Бековичу-Черкасскому, об Индии шла речь и тогда, когда Петр хотел было отправить в 1723 г. Вице-адмирала Вильстера к о. Мадагаскару. Об открытии северного пути в Индию лелеялась мечта и тогда, когда за тридцать пять дней до смерти Петр подписал повеление об отправлении капитана I ранга Витуса Беринга на край Азии.

Снаряжая в 1716 г. Разведывательную экспедицию князя Черкасского в Хиву, Петр написал на его имя указ. В указе этом мы

находим любопытный пункт (7-й), относящийся к купцу (“купчине”), которого царь повелевает (не называя его и предоставляя выбор начальнику экспедиции) взять с собой. “Также просить у него (хана хивинского. — *Е. Т.*) судов, и на них отпустить купчину по Амударье реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут идти, а оттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или другими реками, а возвратиться из Индии тем же путем, или же услышит в Индии еще лучший путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать”.

Не довольствуясь этим, Петр приказал отрядить из этой же экспедиции в Индию морского офицера поручика Кожина, который под видом торгового человека (“под образом купчины”) должен был “разведать о пряных зельях и других товарах” и для того “прислать ему Кожину двух человек добрых людей из купчества, и чтобы оные были не стары...”»

Следует заметить, что Индия была для Петра I заманчивой с детства, «Александрией». Это была первая светская повесть, получившая хождение на Руси, фантастическая по содержанию, рассказывающая о завоевательном походе Александра Македонского в Индию в 325—326 годах до нашей эры. Для любознательного маленького царевича «Александрю» специально проиллюстрировали.

Воцарившись со старшим братом Иваном, Петр I не забывает о сказочной Индии. В 1694 году он отправляет в эту загадочную страну купца Семена Маленького, поставив перед ним задачу собрать о ней как можно больше сведений. Купец был снабжен «из казны» товарами и деньгами. В Астрахани московскому купцу определили в товарищи посадского человека Ивана Севрина, дали ему в сопровождающие целовальника, толмача, конвой. По царскому указу астраханский воевода выдал Семену Маленькому грамоты к правителям Персии и Индии.

В ноябре 1694 года купец с караваном стругов добрался до персидских берегов. Оттуда с купеческими караванами русский торговый гость добрался до индийской земли, посетил ряд ее городов, в том числе Дели и Агру. Семен Маленький был представлен правителю из династии Великих Моголов, вручив ему свою верительную грамоту. По всей вероятности, он вел для царя путевые записки.

Распродав привезенные из Москвы товары, купец со своими товарищами отправился из Индии в обратный путь. На этот раз Семен Маленький решил добраться до Персии морем. Но в Персидском заливе их судно было ограблено морскими разбойниками с острова Бахрейн. Царский посланец умер в Шемахе; на чужой земле окончили свою жизнь и другие участники путешествия в Индию. До Астрахани добрался только Иван Севрин, который и рассказал о горестной судьбе своих товарищей...

На Восток, на берега Каспийского моря Петра I манило не только желание найти пути в сказочную Индию, открыть в нее для отечества торговый путь. Старшина одного из туркменских колен (родов) Ходжи-Нефес рассказал ему древнее предание, что прежде река Амударья впадала в Каспийское море и несла в своих водах золотоносные пески. Российское государство тогда собственной добычи золота, как и серебра, не имело. За пушнину брались в Европе монетные деньги, которые в Москве перечекивались на рубли и копейки.

Подобный рассказ царь Петр I слышал и от одного армянского купца, бывшего в Москве. Он поведал молодому венценосцу о таинственной реке, которая текла в песках Средней Азии и называлась на местном наречии Золотой. Речь шла о реке Заравшан в Узбекистане, ранее впадавшей в Амударью. В ее пустынных окрестностях действительно нашли (уже в советское время) богатые месторождения золота.

Может быть, поэтому будущий всероссийский император так загорелся найти старое русло Амударьи, выходящее к Каспию. Ему было известно, что реку отвели от моря хивинцы, которые рядом плотин перегородили Амударью и направили ее к Аральскому морю. Создавая экспедицию, получившую в истории название Хивинской, царь без колебаний назвал кандидатуру ее начальника — Александра Бековича-Черкасского.

У этого человека была удивительная судьба. Сын кабардинского князя, он был в детстве похищен из отчего дома и продан в рабство. Такое видится рядовым жизненным событием среди горцев западной части Северного Кавказа. В Москве он оказался неведомым для истории путем, попав к князю Борису Алексеевичу Голицыну через приказ Казанского двора. Бекович-Черкасский приглянулся царю Петру I и тот послал княжеского воспитанника учиться за границу морским наукам. Когда Александр получил

офицерский чин, его воспитатель Голицын женил Александра на своей дочери красавице Марфе.

Известно, что Бекович-Черкасский был в числе лиц царского окружения. Государь не раз поручал ему различные поручения и был высокого мнения о способностях морского офицера. Поскольку Хивинский поход «совпадал» с задачей изучения каспийских берегов, то выбор самодержца случайным назвать нельзя.

Хивинской экспедиции Александра Бековича-Черкасского (кабардинского князя, до крещения носившего имя Девлет-Гирей) и Персидскому походу самого Петра I предшествовали кровавые события на Северном Кавказе, на южных границах России. К тому времени немногочисленные казачьи станицы на Тереке и за ним, на Гребнях, отстаивали свое существование постоянной упорной борьбой со своими соседями из числа «немирных» горцев. Шансов самостоятельно выстоять в таком противостоянии набиралось немного, и потому казачество променяло свою вольность на верное служение царю-батюшке под знаменами его астраханских воевод.

В 1707 году Терское казачье войско постигла большая военная беда. Страшный погром станиц устроил пришедший на Терек с Кубани Каиб-султан, большая часть конных «скопищ» которого составляли крымские подданные. Часть казачьих городков была разорена до основания, много людей убито, а еще большее число попало в плен и было продано в рабство. Однако и после такого разорения терцы удержались на родном Тереке.

Через пять лет на его левобережье царским указом было переселено Гребенское казачье войско с реки Сунжи. Они отстроили на новом месте пять станиц, которые в скором времени стали многолюдными и богатыми хозяйством: Червленая, Шедринская, Новогладковская, Старогладковская и Курдюковская.

Поводом для переселения на новое место гребенского казачества был веский, связанный прежде всего с защитой государственной границы на Северном Кавказе. Во время Прутского похода царь Петр I повелел одному из своих ближайших сподвижников казанскому и астраханскому губернатору Петру Матвеевичу Апраксину нанести отвлекающий удар по Крымскому ханству, по его степным владениям на Кубани. Одновременно этот военный поход был наказанием для крымчаков, совершивших в последние годы немало разбойных нападений на русские села в Поволжье.

В августе 1711 года Апраксин, немалую часть войска которого составляла легкая калмыцкая конница, появился на Кубани. Там он разослал отряды вверх и вниз по течению реки, которые пожгли и опустошили ханские селения. Царское войско и калмыки с богатой военной добычей возвратились обратно, а Петру I губернатор Казани и Астрахани донес, что он в ходе похода «полонил» восточное крыло Крымского ханства.

Но это было еще не все. На обратном пути домой Апраксин получил весть о том, что двадцать мурз крымских татар с конными отрядами, под общим командованием известного своими разбоями Чан-Араслана, идут из Саратовского и Пензенского уездов. Там крымчаки в том набеге разграбили немало русских сел и теперь с добычей и полонем возвращались назад. Апраксин отправил на перехват войска Чан-Араслана калмыцкого хана с его летучей конницей.

Калмыки напали на крымчаков, своих смертных врагов, отбили у них русский полон и добычу. Победа в степной битве была полной: из трех тысяч неприятельских всадников в живых остались только один мурза и два простых воина, которым удалось уйти на Кубань. Весть о страшном побоище подняла на ноги «все Закубанье». Новое войско крымских татар и черкесов, горя желанием отомстить калмыкам и Апраксину, кинулось в погоню. «Кубанцами» в числе семи тысяч предводительствовал Нурадин-султан.

5 сентября преследователи настигли войско казанского и астраханского губернатора на реке Чаны. В степи произошла «ужасная сеча», в которой конница крымского хана вновь оказалась наголову разбитой. Победенных крымчаков стала до самых берегов Кубани неотступно преследовать калмыцкая конница. Калмыки возвратились в свои становища из кубанских степей с несметным богатством — захваченными стадами «до полумиллиона голов». Царь Петр I оставил им в награду за верную службу всю взятую добычу.

В том походе губернатор М. П. Апраксин познакомился с Кабардой и крепостью Терки, с состоянием дел на кавказской границе государства, то есть на Тереке, поскольку он был ответственен за нее. Особенно заинтересовала его жизнь кабардинцев и гребенских казаков, участников рейда на Кубань. Пограничная крепость по нижнему течению Терека до берега Каспия была достаточно прикрыта станицами терских казаков. Такого же прикрытия Тер-

ки со стороны Кабарды, находившейся под «высокой царской рукой», не имелось. В силу этого пограничная крепость становилась уязвимой для нападений со стороны Кубани и гор.

Тогда Апраксин и обратил внимание на гребенских казаков с их прекрасными боевыми качествами, которыми они «перекрывали» свою малолюдность в противостоянии с соседями, отстаивая «свой уединенный мыс» между Терекком и Нижней Сунжой. Надо заметить, что апраксинское предложение переселиться на левый терский берег «противным» гребенцам не стало. Они в том же году переселились за Терек, поставив на новом месте пять своих городков. И стали в полном смысле этого слова пограничными стражниками.

Так сподвижник Петра Великого стал первым основателем Терской кордонной линии. В истории Терского казачьего войска говорится, что «развернулась потом от моря и до моря Кавказская линия, прославленная своими подвигами, проходящая сияющей полосой, как млечный небесный путь, через всю историю Кавказской войны в текущем столетии»...

Хивинская экспедиция имела целью исследование почти неизвестных берегов восточного Каспия и поиск торговых путей в Индию. Речь о каких-либо завоеваниях не шла, хотя Россия была готова взять под свой протекторат какие-то среднеазиатские земли вблизи оренбургских границ, как это было на Северном Кавказе.

Местом сбора экспедиционного отряда был назначен городок яицких казаков Гурьев близ самого устья современного Урала. Сам князь Бекович-Черкасский отплыл из Астрахани в 1714 году. Он имел указание царя обследовать восточные берега Каспия. Экспедиция со стороны смотрелась как демонстрация силы: в ее состав входило несколько бригантин и шхоут «Святой Петр». По итогам плавания была составлена карта «оним местам, где мы были». Предназначалась она для «топографического обеспечения» прежде всего морских военных сил.

Собственно говоря, это была не первая такая морская экспедиция на Каспии. Царь Петр I еще в 1699 году посылал небольшую эскадру для обследования западных и южных берегов Каспия. Но тогда начальник экспедиции датчанин Шельтруп попал в плен к персам и вскоре умер. Через год была отправлена другая экспедиция, о результатах плавания которой сведений не сохранилось. Но,

вне всякого сомнения, задачи перед ней стояли те же, что и перед Шельтрупом.

Поход флотилии бригантин в 1714 году вдоль восточных берегов знаменовался важным событием: Бековичу-Черкасскому удалось обнаружить в Балханском заливе пересохшее устье Узбоя-Актама, которое ошибочно приняли за высохшее устье Амударьи. Проводник из местных кочевников уверял, что близ проходящей в этих местах большой караванной дороги есть плотина, которая удерживает воды реки и не дает им пути в Каспий.

Совершив успешное экспедиционное плавание, князь Александр Бекович-Черкасский в 1715 году прибыл в Москву сличным докладом государю. Он рассказал ему о всех перипетиях трудного плавания, сказав, что если заручиться поддержкой прикаспийских туркменских племен, то можно плотину прокопать. Тогда у Петра I и созрел грандиозный план повернуть Амударью по старому руслу в Каспийское море и таким образом создать единый водный путь по Волге, Каспию, Амударье в Среднюю Азию, а из нее по суше — в Индию. Сухопутная Хивинская экспедиция стала частью этого петровского плана, поражавшего своим размахом современников.

Экспедиция имела сильный воинский состав — более двух тысяч человек. С Кавказа в Хивинский поход отправлялся конный полк гребенцов в пять сотен и часть терских казаков, преимущественно крещеных горцев. Отряд, который пополнили яицкие казаки и драгуны, простоял в бездействии в Гурьеве долго.

Причина была в том, что сам Бекович-Черкасский в 1716 году выбирал на восточном берегу Каспия возможные опорные пункты экспедиции и устраивал в них укрепления — Святого Петра, Александровское и Красноводское. Они были поставлены у мыса Тюп-Караган и у входа в Александровский и Балханский заливы. Это были места наиболее удобного сообщения по морю с Астраханью.

В том же году князь отправился в Гурьев морем с двумя ротами пехоты и многими мастеровыми людьми. До устья Волги — до Ракушечьей россыпи Александра Бековича-Черкасского сопровождали жена и дети. На обратном пути их барка (или лодка) попала в шторм и перевернулась. От всей его семьи в живых остался только маленький сын, которого чудом спас денщик князя Максим. Случившееся потрясло Бековича, но это не помешало ему исполнить волю государя.

Русский экспедиционный отряд выступил из Гурьев-городка только 7 июня 1717 года. Он двинулся по необъятной и неведомой сухой степи, где трава уже выгорала, по направлению к Хивинскому ханству, огражденному со всех четырех сторон от внешнего мира песками. В состав экспедиции входили 200 человек русских, армянских, бухарских и хивинских купцов. Последние воспользовались удобным случаем вернуться домой под надежной охраной царских воинских людей. Припасы и товары везли на верблюдах, телегах и арбах. Историк В.А. Погго писал об одной из задач руководителя Хивинского похода:

«По дороге, у плотин, заграждавших течение Амударьи к каспийскому бассейну, требовалось остановиться, чтобы устроить городок и произвести некоторые сооружения, долженствовавшие возвратить древнему Оксусу славное некогда течение его к морю Хвалынскому. В народе жило предание, что среднеазиатские ханы отвратили это течение, носившее великие богатства в виде золотого песка, к пустынному морю Аральскому именно для того, чтобы не дать Руси пробраться в глубину неведомого мира азиатских пустынь».

За шесть недель по безводной и голодной степи отряд Бековича-Черкасского, везя тяжести на верблюжьей «тяге», проделал путь почти в 1400 верст, претерпев «невообразимые лишения»; пало много лошадей. Проводником служил туркмен Ходжа-Нефес. По дороге отряд дважды подвергался нападениям киргизов (казахов) и туркмен, которые были отбиты на удивление легко. Наконец, экспедиция достигла озер, которые были образованы плотинами на Амударье.

Здесь русский отряд был атакован многотысячным войском хана Шир-Газы, состоявшим из конницы и ополченческой пехоты. Завязался «пищальный и лучный бой». Сражение длилось три дня. Спешившиеся казаки вели огневой бой из окопов, отражая вражеские атаки. Их потери не составили и десяти человек, когда хивинцев полегло около тысячи.

На четвертый день Шир-Гази начал переговоры, прислав в русский стан своих приближенных Кулунбея и Назара Ходжу. Хан клялся на Коране, что не сделает русским зла и больше не будет поднимать против них оружия. Офицеры под игру русских музыкантов угощались в ханском шатре. Князь Бекович-Черкасский получил приглашение посетить столицу Хивинского ханства. По-

верив данной клятве, он принял предложения хана Шир-Гази посетить древний город, а для лучшего размещения и обеспечения отряда продовольствием разделить его на пять частей.

Бекович-Черкасский согласился на такое предложение прежде всего потому, что у отряда кончались припасы. Лично с собой в город он взял большую часть офицеров и 700 человек казаков и драгун. Хану везли дорогие подарки: соболей, серебряную посуду, сукно. Прихватили даже позолоченную карету, которую «с бережением» везли из Астрахани. Она была запряжена цугом темно-серых лошадей. Хан Шир-Гази в долгу не остался: он подарил князю кровного скакуна с дорогим седлом.

Начальник экспедиции попался на «азиатскую хитрость», поверив хану, что в его столице нет места для размещения всего русского отряда. Позже участник Хивинского похода астраханский подьячий Михаил Волковоинов расскажет:

«И по тому мирному состоянию, и по договорам, и по просьбе хивинского хана, и за умалением у него князя Черкасского провианта отдал имеющиеся при своей команде государственных служилых людей для прокормления».

Когда части русского отряда втянулись в узкие улочки Хивы и пригородных селений, там их уже поджидали хитроумно устроенные засады. Нападение совершилось внезапно, и большая часть экспедиции оказалась истребленной, меньшая попала в плен и была обращена в невольников; рабство в ханстве процветало до самого вхождения его на правах вассала в состав Российской империи в конце XIX столетия.

Бековича-Черкасского и двух его сопровождавших — астраханца офицера-переводчика Михаила Заманова и Кирьяна Экономова схватили у самого ханского шатра, когда они хотели убедить Шир-Гази не творить зла. Их связали и тут же обезглавили. С убитых сняли кожу, набили сеном трухой, одели в мундиры и поставили в виде стражи у ворот дворца Шир-Гази. Голову князя Бековича хивинский хан послал в дар бухарскому эмиру. Тот отказался его принять, сказав, что послов и гостей не убивают.

Узнав о трагической гибели Хивинской экспедиции и князя Александра Бековича-Черкасского, царь Петр I приказал придворным на три дня одеться в траурные одежды.

В том же 1717 году из плена удалось бежать четырем участникам экспедиции, а спустя многие годы на родину сумели уйти еще

два хивинских раба, бежавших из неволи через Персию. Один из них, гребенской казак из станицы Червленной Иван Демушкин, рассказывал о том несчастном походе:

«До Амударьи киргизы и туркмены сделали на нас два больших нападения, да и мы их оба раза как мякину по степи развеяли. Яицкие казаки даже дивовались, как мы супротив их длинных киргизских пик в шашки ходили. А мы как понажмем поганных халатников да погоним по-кабардинскому, так они и пики свои по полю разбросают; подберем мы эти шесты оберемками. да и после на дрова рубим и кашу варим...

За один переход от Хивы хан наконец замирился и просил остановить войска, а самого князя звал в гости в свой хивинский дворец. Собравшись ехать к хану, Бекович взял с собой наших гребенских казаков триста человек, у каких еще были лошади, и мы отправились, прибравшись в новые чекмени и бешметы с галуном, а коней поседлали наборной сбруей.

Хива город большой, обнесенный стеной с каланчами, да только улицы в нем очень уж тесные. У ворот нас встретили знатнейшие хивинские вельможи; они низко кланялись князю, а нам с усмешкой говорили:

— Черкес-казак якши, рака будем кушай.

Уж и дали же они нам раки, изменники треклятые, трусы подлые, что умеют бить только лежачего. Справивши почетную встречу, повели они нас в город, а там у них были положены две засады за высокими глиняными заборами. Уличка, где эта ловушка была устроена и по которой мы шли, была узенькая и изгибалась, как змея, так что мы проезжали по два да и по три коня, и задним совсем не было видно передних людей за этими кривулями.

Как только миновали мы первую засаду, она поднялась и запрудила дорогу, и начали палить из пищалей. Наши остановились и не знают: вперед ли, назад ли действовать, а в это время показались новые орды с боков, и давай в нас жарить с заборов, с крыш, с деревьев и из окон домов. Вот в какую западню мы втюрились.

И не приведи Господи, какое там началось побоище: пули и камни сыпались на нас со всех сторон, и даже ликами трехсаженными донимали — вот как рыбу, что багрят зимой на Яике. Старшины и пятидесятники с самого начала крикнули:

— С коней долой, ружья в руки!

А потом все подают голос:

— В кучу, молодцы, в кучу!

А куды в кучу, коли двум-трем человекам с лошадыми и обернуться негде враспяжку, да и бились же не на живот, а на смерть, поколь ни одного человека не осталось на ногах. Раненые, и те отбивались лежащие, не желая отдаваться в полон хивинцам. Ни один человек не вышел тогда из треклятой трущобы: все там полегли, а изверги издевались даже над казацкими телами, отрезали головы и, вздевши их на длинные пики, носили по базарам.

Самого Бековича схватили раненого, поволокли во дворец и там вымучили у него приказ к отряду, чтобы расходились малыми частями по разным аулам. А когда войска разошлись таким глупым порядком, то в ту пору хивинцы одних побили, других разобрали по рукам и повернули в ясыри. С самого Бековича, после лютых мук, с живого содрали кожу, приговаривая:

— Не ходи, Девлет, в нашу землю, не отнимай у нас Амударьи-реки, не ищи золотых песков...»

Трагическая гибель князя Бековича-Черкасского и истребление русского экспедиционного отряда, которому предписывалось вежливое обращение с хивинцами: «чтоб с обывателями ласково и без тягостей обходиться» — не изменили восточных замыслов Петра I. Скорее всего наоборот, Восток становился для него, великого государственника, притягательной силой.

Итак, Петр Великий замыслил очередной план, который поражал своей задумкой и географическим размахом — найти торговый путь на Индостанский полуостров, будто по суше, рекам или морям Северного Ледовитого океана. Все же наиболее удобным, проще достигаемым и с достоверно известным оставался древний путь из Руси в Индию по Волге, Каспию, через Персию. Именно таким путем шли на Русскую земли восточные товары, в том числе и из Индии.

Часть этого пути была Российским государством уже обустроена. Нижний Новгород являлся крупным торговым центром. Здесь же строились мореходные суда, плававшие и по Волге. В волжском устье стояла Астраханская крепость, тоже немалый центр внешней торговли России. Русские купцы-мореходы хаживали к южным берегам Хвалынского (Каспийского) моря, к торговым городам Решт, Энзели, Баку. Но дальше — поближе к сказочной своими богат-

ствами Индии — им пути не было. Этот участок торговой дороги персы не отдавали никому, ни арабам, ни афганцам.

Считается, что у царя Петра к 1710 году окончательно созрела мысль о военном походе по кавказскому берегу Каспия на самый юг, к берегам Персии. А.П. Волынский в своем «Оправдании о Персидском деле» писал на сей счет следующее:

«...За несколько лет, прежде нежели я туда (в Персию. — *А.Ш.*) был послан, уже имел, конечно, Его Императорское Величество новое свое намерение... кроме меня и прежде меня довольно Его Императорское Величество о состоянии Персидского государства известен был от царя Арчила, грузинского и армянских патриархов, которые не хотели жить под игом персидским, неоднократно Его Императорское Величество, яко избавителя христианских обоих грузинского и армянского народов, просили о том из древних лет, и с тем от армянского и грузинского народов нарочных к Его Императорскому Величеству присланы тайно бывали, о чем и теперь в Коллегии Иностранной сыскать можно».

Волынский писал государю из Астрахани о том, что грузинский царь Вахтанг VI просит защитить христиан, живущих на Кавказе, и предлагает начать военные действия против шахской Персии. Губернатор докладывал в Санкт-Петербург:

«Вахтанг представляет о слабом нынешнем состоянии персидском и как персияне оружию нашему противиться не могут, ежели вы изволите против шаха в войну вступить, он, Вахтанг, может выставить на поле своих войск от 30 до 40 тысяч и обещает пройти до самой Гиспаганы (Исфагана. — *А.Ш.*), ибо он персиян бабами называет».

Подобные сообщения приходят и из Армении. О помощи многострадальному народу просит армянский владетель Минас Вардапед. Гандзасирский каталикос Нерсес пишет Петру I о тяжелой участи армян в странах мусульманского Востока и о том, что они ожидают помощь только от единой России. Среди прочего каталикос сообщает:

«...Персидские власти особенно рассвирепели, когда узнали, что на соединение с армянами прибудет принц грузинский Вахтанг с воинскими людьми».

Вся эта дипломатическая переписка с Кавказом шла через астраханского губернатора, через Посольский двор губернского центра. Сюда же стекается самая разная разведывательная информа-

ция о состоянии шахских войск, силе мятежников, выступающих против него, реальной военной помощи, которую русские войска могли получить от Грузии, армянского населения Закавказья, Кабарды, Осетии.

Благодаря стараниям астраханского губернатора А. П. Волконского, стремившегося отворить для России ворота Азии, с Персией уже был заключен выгодный для российского купечества (и для иранского тоже) договор. Его суть сводилась к следующему:

1. Русским и армянам разрешено было строить в Персии свои церкви.

2. Русские купцы получили право свободной торговли без таможенного осмотра товара.

3. Разрешено было вывозить через Россию в разные страны шелк-сырец, что позволяло сосредоточить всю торговлю шелком в руках русских купцов.

4. Разрешено построить большую пристань на западном берегу Каспийского моря.

5. В случае крушения русского корабля у персидских берегов местные власти должны были возвращать товары владельцам корабля и не брать пленных.

Петр I понимал, что «отворить» путь в Индию дальше берегов Каспия можно только вооруженной рукой. Но для этого России надо было утвердиться на кавказских и персидских берегах Каспия. И опять же только ценой значительных военных усилий, поскольку на Востоке привычная для Европы дипломатия, в том числе и тайная, особой роли не играла. Здесь все решала самая прозаическая сила.

Думается, что самодержец считал такое в своих замыслах наиболее осуществимым: надежда найти дорогу в Индийский океан через моря Северного Ледовитого океана выглядела довольно призрачной, хотя, как тогда казалось, и вполне осуществимой. Государь бывал в Архангельске, выходил на кораблях в Белое и Карское моря, о многом был наслышан от мореходов-поморов.

Было решено учредить Персидскую (или Каспийскую) экспедицию. В отечественной истории ее чаще называют Персидским (или Каспийским) походом Петра I. Государь сам назвал базу формирования войска для овладения каспийскими берегами Кавказа и Персии — город-крепость Астрахань. Она служила тогда морским портом России на Каспийском море, здесь же базировалась

пусть и немногочисленная военная флотилия. Персия же военного флота не имела.

Древнейшая часть города — Астраханский Кремль — был окружен каменной стеной высотой от 7 до 11 м, толщиной от 2,8 до 5,2 м. Крепостную стену усиливали семь башен, имевших по три, четыре и пять ярусов. Отдельные башни достигали 17-метровой высоты. Каждая башня имела бойницы для подошвенного, среднего и навесного «огненного боя». Четыре башни были глухими, а три — проезжими. Пречистенские ворота вели в так называемый Белый город, Никольские и Красные — к Волге. На ночь ворота наглухо запирались дубовыми створами, обитыми железом.

В Кремле находился Успенский собор, дом губернатора, архиерейские палаты, Троицкий монастырь с двумя церквями, приказная палата, Зелейный двор, жилые дома гарнизонных офицеров, местных дворян, посадских людей, монастырских и митрополичьих служителей. Всего в 1707 году в Астраханском Кремле насчитывалось 155 жилых дворов.

С восточной стороны к нему примыкал Белый город, превосходивший кремлевскую территорию раза в три. На стенах Белого города имелось 12 башен, семь из которых были проезжими: Гарянская, Кабацкая, Еосая, Спасская, Вознесенская, Решетчатая, Мочаговская. В этой части Астрахани находились Посольский, Житный, Табачный, Питейный и Кружечный дворы. Здесь же находился торговый центр города. Это были массивные каменные гостиные дворы. В Русском размещалось 75 купеческих лавок, в Индийском — 70. Меньшими размерами отличались Армянский и Персидский гостиные дворы. К ним примыкали торговые ряды: Большой, Рыбный, Мясной, Медовый, Калашный, Ветошный, Шапошный, Сапожный, Гарянский.

Пригородные слободы опоясывал земляной вал с деревянной стеной с 14 башнями: 5 глухими и 9 проезжими. Среди девяти слобод имелась Пушкарская, в которой большей частью жили служилые воинские люди.

Астрахань в начале петровского царствования стерегла государственную границу на Каспии. Недаром на городском гербе на лазоревом щите красовалась царская корона, а под ней — обнаженная белая восточная сабля с золотой рукоятью.

В состав огромной по территории Астраханской губернии входили следующие города с прилегающими землями: Астрахань, Гу-

рьев-Яицкий, Дмитриевск, Петровск, Самара, Симбирск, Сызрань, Терки, Царицын, Красный Яр, Черный Яр и Кизляр. То есть по Волге ее границы доходили до казанских земель.

Астрахань, благодаря царю Алексею Михайловичу, считается колыбелью российского военно-морского флота, став первой стоянкой боевых парусников для морского плавания. В 1720 году в предисловии к «Морскому уставу» Петр I написал:

«Корабельное дело доселе у нас такое странное, что едва о нем слыхали. Сему доброхотному монарху (отцу Петра Великого — Алексею Михайловичу) пришло на память, воспринял он намерение делать корабли и навигацию на Каспийском море. И по неотменному желанию Его Величества вывезен был из Голландии капитан Давид Бутлер с компанею мастеров и матросов, которые сделали корабль именем «Орел» (на 22 орудия. — *А. Ш.*) и яхту или галиот на Волге реке в Дединове и сплыли в Астрахань.

...И хотя намерение отеческое не получило конца своего, однако ж достойно оно есть всякого прославления понеже и довольно нам являет, какого духа был оный монарх, и от начинания того, яко от доброго семени, произошло нынешнее дело морское».

В исторических трудах часто пишут, что корабль «Орел» был сожжен разинцами, когда они захватили Астрахань. В действительности же вольные люди атамана Стеньки Разина руку на парусник не подняли, и он продолжал стоять вместе с яхтой («полукорабелем») на волжском притоке, реке Кутум, без дела и без движения.

В 1678 году было окончательно установлено, что днища и борта усудовсгнили, а палубные надстройки разрушились. Тогда астраханский воевода Матвей Тушкин «указал» разобрать «Орел» и яхту и годный лес передать на расходные нужды Делового двора. Такое «докончание» получила кораблестроительная программа царя Алексея Михайловича. Но великий сын продолжил достойное дело своего «тишайшего» отца...

Назначенный астраханским губернатором Артемий Петрович Волынский стал тем человеком, который принимал мореходные суда для Каспия, построенные на Казанской верфи. Присланный в Астрахань иноземный капитан Яков Ренталь совершил плавание с купцами на юг «отыскать удобную пристань, где б можно от всякого опасения и неудобства погоды обретаться кораблям и всяким мореходным судам».

В марте 1710 года капитан морского флота Яков Ренталь в докладной записке адмиралу Ф.М. Апраксину писал, что такое место на Каспийском море им найдено и осмотрено. Пристань он предлагал построить в бухте города Баку, но на то требовалось разрешение Шемахинского хана, вассала персидского шаха. С результатами длительного разведывательного плавания к юго-западным берегам Каспия был ознакомлен царь Петр I, он остался доволен трудами капитана-иностранца на русской службе.

Губернатор Волынский имел поручение составить карту Каспийского моря. Основную работу над ней проделал поручик Федор Соймонов и капитан Яков Ренталь. Рисованная карта имела название «Картина плоская моря Каспийского от устья Волги реки протоки Ярковской до устья Куры реки по меридиану. Возвышения в градусах и минутах. Глубины в сажнях и футах. Рисована в Астрахани 1719 года октября 15».

В конце 1721 года в Астрахани строится пильная ветряная мельница для распиловки брусяного леса. Это позволило в январе следующего года начать строить так называемые островные (мореходные) лодки и ластовые суда, предназначенные для перевозки грузов, в том числе и военных. Каждое такое плоскодонное судно брало на себя несколько ластов грузов; ласт по весу равнялся 120 пудам. Строили их в большой спешке в ожидании прибытия государя, в своем большинстве из сырого леса.

Вниз по Волге идут караваны речных судов с провиантом: хлебом, солониной, бочками уксуса и белого вина. Но хлеба воинским людям, собиравшимся в Астрахани, не хватает. Тогда Волынский, по приказу царя, идет на крайне непопулярную меру среди горожан. Он велит своим чиновникам составить опись провианта, имевшегося в амбарах у городских обывателей. Излишки отбирались в казну с условием возврата, когда весной по первой полной воде прибудет караван с хлебом.

Все это было заслугой губернатора А.П. Волынского, который трудился под царским оком, как говорится, не покладая рук. Одновременно с делами административными, хозяйственными и посольскими ему приходилось присматривать за границей по Тереку. В ноябре 1721 года там стало неспокойно: «немирные» горцы большими силами начали совершать в целях грабежа нападения на казачьи станицы. Дело могло обернуться серьезным военным конфликтом.

Тогда астраханский губернатор, собрав имевшиеся у него под рукой воинские силы, двинулся к Тереку и 5 декабря остановился в гребенском Щедринском городке. Отсюда и повелись военные действия против «неистовых» горцев. Волинский сообщал в Москву:

«При сем доношу, что я по окончании известных вам терских дел, с которыми довольно было труда, но слава Вышнему, что надобно было, то не упущено. Однако же порубили и в полон взяли сколько могли и бродили по болотам и степям как хотели и так счастливо сию начатую на Востоке компанию окончил, а шпаги из ножен не вынимал».

...Приготовления к походу в Персию Петр I начал через пять лет после официального завершения Северной войны, то есть в феврале 1722 года. Войскам, заранее сосредоточенным в городах Верхней Волги — в Ярославле, Угличе, Твери, Волочке, было приказано построить 200 островных лодок и 45 ластовых судов. Солдаты превратились в заправских корабелов, благо плотничать из них могли многие. К концу мая царский указ был выполнен, и новопостроенные суда собраны воедино в Нижнем Новгороде.

К этому же времени в Нижнем Новгороде сосредоточились и армейские войска, назначенные в Персидскую экспедицию. В число войск вошли два испытанных полка петровской гвардии из числа «потешных» — Преображенский и Семеновский, которым в ходе войны со шведами не раз приходилось на веслах и под парусами принимать участие в речных, озерных и морских плаваниях и баталиях. То есть недостатка в достаточно опытных матросах на малых парусных и гребных судах не было.

Первые суда из Нижнего Новгорода отправились вниз по Волге к Астрахани 2 июня. Каждая островная лодка брала на борт до 40 человек с их личным оружием и снаряжением. Больше месяца с волжских берегов виделась непривычная картина: на юг по реке тянулись лентами десятки судовых караванов. В назначенное место все суда и войска прибыли в первой половине июля.

Каспийская военная флотилия создавалась, как и все тогда в императорской России, с большими усилиями. Петр своей рукой летом 1722 года заложил Астраханский морской порт, куда стали собираться суда, предназначенные для Персидского похода. Официально военный порт был основан высочайшим указом от 4 ноября 1722 года. Тогда же была начата постройка боль-

шой верфи. Астраханское адмиралтейство просуществовало достаточно долго.

В те дни стороннему человеку казалось, что в Астрахани среди населения преобладают военные люди, настолько много их прибывало в город по волжскому пути. У пристани Ивановского монастыря на реке Кутум раскинулся быстро разраставшийся вширь военный лагерь из палаток и шалашей, благо тростника на речных берегах хватало всем. 2 июля государь приказал губернатору А. П. Волынскому:

«Солдат всех в лагерь назначенный поставить и велеть все островные лодки вытащить на берег и проконопатить, а прочие надлежит починить. Ластовые суда ввести в реку Кутум и нагружать припасами...»

Петр I лично осматривал суда, собираемые по его указам в состав Каспийской военной флотилии. Приказывалось на месте устранять недоделки. Так, на островных лодках было приказано доделать рулевые крюки и петли. Для хранения питьевой воды на судах во время похода изготовили тысячу бочек: бочаров собирали со всей Астрахани и ее пригородов.

Транспортные (ластовые) суда делятся на пять эскадр. Командиром первой был назначен капитан Геслер, второй — капитан Вильбоа, третьей — капитан-лейтенант князь Василий Урусов, четвертой — капитан-лейтенант Петр Пушкин и пятой — капитан-лейтенант князь Иван Урусов. Пристрастный смотр ластовым судам и их готовности к дальнему морскому походу проходил на реке Кутум.

Для устранения недоделок в самый короткий срок не хватало не только мастеровых людей, но и простых рабочих рук, особенно на тяжелых работах. Тогда государь приказал «пересмотреть» всех колодников, содержащихся в астраханском остроге:

«Колодников, которые содержатся в смертных убийствах, оставить в остроге, а остальным составить списки и определить в адмиралтейские работы».

Русский флот Каспия по воле Петра был создан в самые короткие сроки. С Балтики прибыли морские офицеры, участники Северной войны на море. Многие из них прославили свои имена: Соймонов, братья Урусовы, Золотарев, Юшков, Лунин... В числе капитанов кораблей были опытные иноземцы на русской службе, не раз бороздившие каспийские воды, — Вильбоа и Карл фон Верден.

Корабельная армада, сосредоточенная у Астрахани, какой-то стройности в корабельной классификации не имела. Действительно, в Персидском походе приняло участие много судов самых различных типов. Один из исследователей отечественного флота петровского времени Б. Г. Островский по этому поводу писал следующее:

«Большое количество судов петровского флота не должно вводить нас в заблуждение. Суда того времени, все эти двухдонные, трехдонные фрегаты, гекботы, шнявы, корабли бомбардирские, бригантины, галеры, яхты, галиоты, боты, флейги и т. д. отнюдь не отличались боевыми и мореходными качествами. Они имели массу дефектов, с современной точки зрения совершенно не допустимых и приводивших подчас к немалым бедствиям во время плаваний и сражений. Суда обычно были малого водоизмещения, осадка не соответствовала расчетам, имели значительный дрейф, рангоут был слаб, множество всяких ненужных надстроек мешало управлению парусами и артиллерией...

При лавировке суда требовали большого искусства от моряков, и потому заслужить звание опытного капитана было в то время делом не легким».

Поражали и сами названия кораблей и транспортных судов, построенных специально для похода в Персию, о чем рассказывает «Табель о составе Каспийской флотилии в 1724 году». Так, гекботы, строившиеся в Нижнем Новгороде, носили названия городов и местностей: «Нижний Новгород», «Симбирск», «Царицын», «Зинзили», «Тму-Таракань», «Аралат»... Гекботы, построенные в Казани, имели «географическую привязку» к Персии и Кавказу: «Гилян», «Ряш», «Дагестан», эверс «Дербент». Много названий было связано именами древнегреческих и древнеримских богов: «Марс», «Венус», «Вулкан», «Меркуриус»... Посыльные суда — почтботы именовались по своему прямому назначению: «Почтальон», «Курьер», «Штафет», «Сокол».

Возглавить Каспийскую флотилию в ходе Персидского похода император Петр I поручил Федору Матвеевичу Апраксину (с 1717 года генерал-адмирал; во время Ништадтских переговоров получил право поднимать на флагманском корабле личный кейзер-флаг). Пожалуй, лучшей кандидатуры и быть не могло для этой цели. Учитывались боевые заслуги Апраксина в войне на море против флота Шведского королевства, его жизненный опыт, напористость и доверие самодержца.

Как потом оказалось, Каспийский поход для Апраксина оказался гораздо опаснее, чем даже рискованные боевые действия против шведов на Балтике. Генерал-адмирал чуть не погиб от коварной руки пленного лезгина, жителя селения Эндери (Андреевской деревни). Покушавшийся был отправлен в Астрахань и посажен в так называемую «Черную палату». О дальнейшей его судьбе сведений нет.

...Перед началом похода в Персии началась настоящая междоусобная война, которая вполне «давала» право российскому монарху оказать помощь шаху, против которого на мятеж поднялось полстраны. Но с ним надо было установить контакт. Петр I для этого посылает в Шемаху офицера Степана Чеботаева с «особыми письмами и манифестами» в сопровождении 15 человек конвоя (каптенармус, капрал и 13 солдат). О результатах этой командировки ничего не известно, но, скорее всего, своей цели она не достигла.

В Грузию 2 июля из Астрахани к царю Вахтангу VI перед походом был направлен с письмами «бывшего царя Арчила Вахтанговича кравчий имеретинец князь Борис Турхистанов». Он должен был передать грузинскому царю, намеревавшемуся быть в Персидском походе союзником императора Петра I, такой наказ:

«Когда пойдет в случение к нам во владения Персидские, чтобы заказал под смертью никакого разорения и тесноты не чинить; чтобы жили в домах и никакого страха не имели, понеже от того много зла посеется может, первое — разбегутся и нам все пусто будет, второе — что мы всех огорчим и через то все потеряем...»

Академик Е. В. Тарле в одной из своих работ так объяснял причины выступления Петра I в морской поход по Каспию летом 1723 года, а не позже, хотя еще не все приготовления к нему завершились:

«Большое восстание на восточных границах Персии крайне затрудняло для шаха сколько-нибудь серьезную организацию обороны. Имея сведения об этом, Петр, собственно, и решился объявить поход. Восстание давало ему разом две выгоды: во-первых, оно парализовывало часть сил шаха, а во-вторых, — облегчало царю возможность мотивировать свое предприятие желанием помочь «дружественному» тегеранскому властителю в его борьбе против мятежных подданных».

Как водится во всех войнах и военных кампаниях, они начинались не без причины на то. В городе Шемахе «персиане» учинили погром каравана русских купцов: они были ограблены и «побиты»

среди бела дня, товары их расхищены. Шемахинский хан и его стражники оказались безучастными свидетелями (скорее всего — заинтересованными лицами) случившегося разбоя. Требование о возврате разграбленного местным владельцем — вассалом шаха Персии было полностью проигнорировано.

Персидский поход начался 15 июля 1723 года. В этот день суда с войсками стали один за другим выходить из Астрахани, держа курс к волжскому устью, а оттуда в открытое море и к кавказскому берегу. За устьем они сбивались в корабельные эскадры.

Вперед флотилии и сухопутных войск императором Петром I было послано царское обращение к персам и другим народам, живущим на западном берегу Каспия. Документ был составлен на персидском и татарском языках и размножен как прокламация. Российский государь возвещал, что идет во главе воинских сил помогать «нашему верному приятелю и соседу», «знатнейшему шаху персидскому» против бунтовщиков.

В этом же воззвании к населению противной стороны говорилось, что бунтовщики, обнажившие оружие против своего монарха «и наших российских людей, по силе трактатов и старому обыкновению для торгов туда приехавших, безвинно и немилосердно порубили, а их пожитки и товары на четыре миллиона рублей похитили, и таким образом противу трактатов и всеобщего покоя нашему государству вред причинили».

В своем обращении российский самодержец торжественно обещал местным жителям всяческую охрану их жизни и имущества от грабежей и насилия со стороны русских войск. Это обещание Петра I оказалось не пустым звуком и привлекло к нему личные симпатии как дагестанцев, так и персов. Дисциплинированность петровских войск на чужой территории стало одним из залогов успешности Персидского похода.

...Поход начинался одновременно и на море, и на суше. Суда флотилии несли на себе пехоту, артиллерию и экспедиционные тылы. Конница, как иррегулярная, так и регулярная драгунская, двигалась вдоль берега моря. Она вошла в земли Дагестана через Моздокскую степь.

Петр I лично предводительствовал сухопутными экспедиционными войсками и фактически командовал флотилией во время ее плавания к берегам Кавказа. Корабли флотилии во всем своем множестве зашли в Аграханский залив, подойдя к устью Терека.

Император сошел на берег и осмотрел город-крепость Терки. Он остался недоволен его расположением в сырой и нездоровой местности, что приводило к постоянным болезням людей и высокой смертности. Пехоте и артиллерии было приказано высаживаться («свозиться») на берег в стороны от Терок южнее, ближе к устью реки Койсу, «в песчаных буграх».

Флотилия подошла к назначенному месту высадки ранним утром 27 июля и стала на якорь. Петру I не терпелось съехать на берег, и он торопил лейтенанта Соймонова с подготовкой лодки. Шлюпка, над которой развевался императорский флаг, быстро пошла к дагестанскому берегу. Но вблизи него начиналось мелководье, а у самой береговой кромки далеко тянулись густые заросли камыша. Тогда четыре гребца прыгнули в воду и на доске перенесли государя на берег. Лейтенант Соймонов шел по пояс в воде и поддерживал императора рукой.

Всероссийский венценосец первым ступил на берег. С песчаных холмов открывался прекрасный вид на древнее Хвалынское море и степь, на краю которой, на юге, виднелись остроконечные горы. При входе в Аграханский залив смотрелась многочисленная русская флотилия, украшенная разноцветными флагами: «это была эмблема... будущего цветущего состояния края».

В тот день на Каспийской военной флотилии, как и на всем Российском императорском флоте, служили торжественный молебен. Это был викториальный день Гангутской победы над шведской эскадрой. Гангутом Петр Великий гордился всю жизнь, настолько значима была она для завершения Северной войны. Едва закончилось молебствие провозглашением «многолетия», как корабли окутались белыми облаками порохового дыма орудийного залпа. Пустынная местность у устья Сулака дрогнула от грохота десятков русских пушек, словно извещавших о вступлении императора России на дагестанскую землю.

В тот же день войска были свезены на берег, где начал обустриваться походный лагерь. Петр I самолично выбрал для него место, удобное для размещения тысяч людей. Пехота и артиллерия провели на берегу Аграханского залива несколько спокойных дней в ожидании конницы, которая шла на соединение через Кумыкскую плоскость.

Экспедиционной кавалерии в начавшемся Персидском походе и пришлось выдержать первое боевое столкновение с местными

горцами. Часть ее под командованием бригадира Ветерани была послана занять Эндери (Андреевскую деревню), находившуюся недалеко от впоследствии построенной крепости Внезапной. Местный владелец решил встретить русских вооруженной рукой. Перед Эндери, в густом лесу, по которому проходила узкая и извилистая дорога, горцы устроили засаду. Бригадир Ветерани допустил грубейший просчет, не выслав вперед разведки. Поэтому передние кавалерийские эскадроны с началом огневого боя понесли от пуль чувствительные потери в людях.

После этого Ветерани допустил вторую грубейшую ошибку: вместо того, чтобы как можно скорее миновать лесное ущелье, он спешил своих драгун и повел в теснине оборонительный бой, чего делать в той ситуации никак было нельзя. Ошибку старшего начальника исправил храбрый полковник Наумов. Видя критическое положение отряда, он повел свой драгунский батальон (драгуны были тогда ездящей пехотой. — *А.Ш.*) вперед и, атакуя всюду неприятеля, ворвался в Эндери. Селение было взято приступом и разорено, много горцев попало в плен. Так отряду бригадира Ветерани была открыта дорога к Аграханскому заливу.

Поражение отряда Ветерани получило долгую жизнь в преданиях кумыкского народа. В них рассказывалось о том, как рейтары императора Петра Великого были сброшены с горной кручи сильным натиском чеченцев. В действительности все было совсем не так.

Когда Петру I доложили о происшествии, он решил наказать за нападение местные «горские племена». Калмыцкому хану Аюксу было послано «приглашение» вторгнуться за Терек. Тот, устроив около Эндери свою ставку, начал привычно опустошать своей конницей ближнюю и дальнюю округу, построив на Мичике в Большой Чечне укрепление.

После «прохода» через Андреевскую деревню конница уже беспрепятственно соединилась с главными экспедиционными войсками. После этого государем был отдан приказ продолжить движение на юг по суше. Вдоль берега двинулась и Каспийская военная флотилия, готовая огнем корабельной артиллерии поддержать армейские части.

Когда русские войска перешли реку Сулак, стали прибывать посольства от шамхала Тарковского и других горских владельцев. Они изъявляли российскому государю свою покорность и верность.

В искренность сказанного особой веры не было. В том сомневался и сам Петр I, хорошо понимавший «лукавый характер азиатцев». Не случайно он писал генерал-адмиралу Апраксину:

«Все они принимали меня с приятным лицом, но сия приятность их была такова же, как проповедь, о Христе реченная: «Что нам и Тебе Иисусе Сыне Бога живого».

Тем не менее император обнадеживал каждого из прибывавших к нему посланцев своим покровительством. Русские войска между тем продолжали свое движение вперед. В город Тарки, столицу шамхальства, они вступили 12 августа с распущенными знаменами и музыкой, под барабанный бой. Сам Петр I верхом, в парадном платье, ехал впереди гвардейских Преображенского и Семеновского полков, а за ним в карете, запряженной цугом, следовала императрица Екатерина I, которая редко покидала мужа в его походной жизни.

Тарковский шамхал Адиль-Гирей встретил императора верст за пять до города. Он приветствовал его, сойдя с коня, а потом преклонил колени перед каретой Екатерины I. Принятый в Тарках весьма радушно, Петр I прогостил у шамхала несколько дней. Хозяин преподнес высокому гостю в подарок шелковый персидский шатер и дорогого аргамака серой масти со сбруей с золотыми украшениями.

Шамхал Тарковский предлагал императору взять с собой в поход все его войско, но тот ограничился только несколькими искусными наездниками, которые могли вести разведку и быть толмачами. Взамен их он отправил к Адиль-Гирею двенадцать солдат, которые составили шамхалу почетный караул. Они оставались в Тарках до самой кончины Петра Великого.

15 августа, после обедни в походной церкви гвардейского Преображенского полка, Петр I положил несколько камней на землю, предложив сделать то же самое и всем присутствующим. Так на берегу Каспия появился высокий каменный курган. Спустя какое-то время на этом самом месте появился морской военный порт и городок, названный Петровском.

На следующий день войска вновь двинулись вперед. Теперь они двигались походным порядком с «бережением». Стало известно, что один из самых могущественных дагестанских владельцев каракайтагский уцмий Ахмет-хан собрал значительные силы и готовится преградить путь русским. Действительно, войско уцмий

численностью до 16 тысяч человек попыталось под Утемишем остановить продвижение петровской экспедиции.

Произошел сильный бой, в котором действовала и артиллерия. Горцы были разбиты, селение Утемиш сожжено, а взятые пленные повешены в отместку за убийство есаула и трех казаков по приказу уцмья Ахмет-хана. А эти люди доставили ему от императора России письмо самого миролюбивого содержания. Петр Великий совсем не собирался обнажать оружие против дагестанского правителя Каракайтага. О том утемишском бое он впоследствии рассказывал:

«Горцы... бились зело удивительно: в обществе они не держались, но персонально бились десперантно, так что, покинув ружья, резались кинжалами и саблями».

...Русские войска двинулись дальше на юг все тем же берегом Каспия, на древнюю Дербентскую крепость. 23 августа император Петр Великий совершил торжественный въезд в город-крепость: он отворил перед русскими свои ворота без боя. Местный хан, его вельможи и городское духовенство «со всем народом» встречало государя России перед воротами «с хлебом и солью». Дербентский хан в приветственной речи сказал:

«Дербент получил основание от Александра Македонского, а потому нет ничего приличнее и справедливее, как город, основанный великим монархом, передать во власть другому монарху, не менее великому».

После этой речи один из знатных дербентских беков преподнес Петру I на серебряном блюде, покрытом персидской парчой, ключи от города. Все эти вещи ныне хранятся в Санкт-Петербурге, в знаменитой Кунсткамере, устроенной основателем Российской империи при Академии наук.

У самых крепостных ворот выстроились пешие ханские воины с множеством отрядных значков. Затем было вынесено дербентское священное знамя Алия, которое оказалось «поверженным» к ногам Петра Великого. Такой церемонии древний город — «Золотые ворота Кавказа» — еще не видел в своей многовековой истории.

В тот день произошло еще одно событие. Местный летописец мирза Хедер Визеров говорит, что, когда российский государь подъехал к крепостным воротам, случилось сильное землетрясение и что Петр I, обратившись к встречавшим его, сказал:

«Сама природа делает мне торжественный прием и колеблет стены города перед моим могуществом».

...Покорение Дербентского ханства стало последним актом петровского Персидского похода. На Каспии разразился страшной силы шторм: морская стихия потопила у Дербента 12 транспортов (ластовых судов), которые доставили из Астрахани хлеб для войск. Еще 17 судов, тоже груженных провиантом, буря уничтожила у острова Чечень. С собой же продовольствия по суше экспедиционные войска везли немного.

Перед Петром I встал вопрос: наступать ли дальше на Шемахинское ханство и город Баку или на какое-то время прервать Персидский поход, продолжив его в гораздо более благоприятных условиях? Но выдилось, что из-за отсутствия провианта войска не могли двигаться дальше на юг. Император решил возвратиться в Астрахань с большей частью экспедиционных сил.

В Дербентской крепости был оставлен достаточно сильный гарнизон. Остальные войска все тем же дагестанским берегом Каспия двинулись в обратный путь. Близ Сулака, где от него отделяется небольшая речка Аграхань, Петр I приказал заложить крепость Святого Креста, в которой тоже был оставлен гарнизон. На Сулаке император получил сразу несколько вестей о «возмущении» в Дагестане, начавшемся вскоре после страшного разгрома уцмий Каракайтга.

Признаки «возмущения» были замечены еще во время возвращения экспедиционных войск на Терек. Разбойные «партии немирных горцев» стали нападать на отставших солдат, грабить обозы, а под самыми Тарками был убит трубач императорского конвоя. То есть прикаспийские горы начали «дышать» войной. Войной, привычной для Северного Кавказа, имевшей название набеговой, служившей для горцев одним из средств существования во все времена.

В то же самое время пришло тревожное сообщение из Дербента. Окрыленный уходом из-под крепости почти всех войск русских казикумыкский хан совершил нападение на редут, возведенный близ города на реке Дубасе. Горцы повели штурм укрепления, но его малочисленный гарнизон сражался отчаянно, выйдя из боя победителем. Нападавшие потеряли шестьсот человек, не считая раненых, и два отрядных (аульных) знамени.

Однако Петр I понимал, что начавшееся «возмущение» может охватить большую часть Дагестана, и тогда «скопища» горцев мо-

гут двинуться на русские укрепления по Тереку, на дербентский гарнизон, строящуюся крепость Святого Креста. А это могло привести к неоправданным потерям и серьезному военному конфликту. Требовалось действовать в той ситуации решительно и демонстрационно сильно.

Чтобы подавить мятежные очаги, в горы Дагестана был отправлен экспедиционный отряд под командованием атамана Краснощекова, состоявший в своем большинстве из донских казаков и калмыков. Удар наносился прежде всего по владениям каракайтаского уцмия, не смирившегося с понесенным под Утемишем поражением: «Атаман Краснощеков... истребил решительно все, что только еще оставалось там от прежнего погрома. Дагестан присмирел...»

Поход русских по суше и морю вдоль кавказского берега Каспия на юг, вне всякого сомнения, произвел должное впечатление на население подвластных шаху Персии земель. Здесь давно не видели похода такого многочисленного войска и особенно такого небывало большого числа кораблей. Это нашло свое выражение в народных преданиях. Так, сохранился следующий письменный источник, в котором говорилось следующее:

«В 1138 году Геджры, (т. е. хиджры, мусульманского летоисчисления. — Ред.) повелитель России и Казани, Петр, да упокоит Бог душу его, с победоносным войском, переправясь через Терек и Койсу, вступил во владения Дербента. Жители оногo вышли навстречу сему могущественному царю с ключами города и были очастливлены ласковым словом его.

Когда он подъезжал к Кирхклярским воротам, случилось землетрясение, природа, как заметил государь, хотя сделать ему торжественный прием, поколебав стены перед его могуществом. Во время пребывания его в Дербенте некоторые офицеры его войска принесли ему жалобу, что жители не продают им хлеба; добродушный царь, желая лично удостовериться в справедливости их жалобы, взял с собой переводчика и двух солдат и направился в первую попавшуюся улицу, Мемень Куче, вошел в один двор и застал хозяйку, раскладывающую только что испеченные чуреки.

Государь просил ее продать им 4 чурека, предлагая за них цену, которую она сама назначит, но хозяйка отвечала, что без позволения мужа она не может продать им хлеба, потому что годичный запас их оказывается недостаточным для продовольствия собствен-

ного их семейства; сказав это, она разломилась один чурек на 4 части и подала по куску каждому из них, решительно отказавшись от платы, которую ей предлагали.

Император, довольный добротой этой женщины, наградила мужа ее и повелел каждому бедному семейству выдать по 2 четверти муки и по 20 аршин холста, что и было немедленно исполнено.

Развалившиеся места стены Дербента были возобновлены по его же приказанию.

Наконец, назначив правителем города Имам Кули Бека Курпи и оставив части своих войск в Нарыдж-Кале (Дербентской крепости. — *А.Ш.*), Петр I возвратился в Россию».

...В Астрахань император Петр Великий вернулся осенью 1723 года. 13 декабря он совершил торжественный въезд в первопрестольную Москву через триумфальные ворота. На них был изображен город Дербент, который венчала лаконичная надпись:

«Основан героем — покорен Великим».

Вернувшись в Россию, Петр I не расстался с мыслью завершения Персидского похода, так неожиданно прервавшегося, и приближения к заманчивой Индии. Командующим русскими войсками на берегах Каспия был оставлен генерал-майор Матюшкин, который получил от государя определенные инструкции.

Для упрочения российских позиций на Северном Кавказе, в приграничье Архангельской губернии, высочайшим повелением в крепость Святого Креста переселялось все Терское казачье войско. По рекам Сулаку и Аграхани водворялась тысяча семейств донских казаков. Их поселения получили название Аграханского казачьего войска.

Теперь на берегах Терека оставались одни гребенцы. Но после Хивинского похода князя Бековича-Черкасского число их заметно сократилось. На восстановление прежней численности ушло полвека. Гребенцов тоже хотели переселить на Сулак, но следствием таких слухов стали волнения среди них и желание уйти на Кубань к казакам-некрасовцам. Узнав об этом, Петр I принял разумное решение: они оставались на Тереке, чтобы «недремно» оберегать Терскую линию, то есть продолжать исполнять задачи пограничной стражи.

Генерал-майору Матюшкину еще в 1722 году ставилась задача организации экспедиции для занятия города-крепости Баку и ус-

тройства в Бакинской бухте базирования части Каспийской военной флотилии. Обладание Дербентом и Баку прочно обеспечивало удержание западного — кавказского побережья Каспийского моря и приближало Россию к границам собственно Персии.

Для завоевания Баку и в дальнейшем прикаспийских персидских провинций выделялся особый отряд в составе двух батальонов пехоты под командованием полковника Шипова. Когда тот запросил у императора подкрепления, то Петр I ответил ему так:

«Не дам. Стенька Разин с пятью сотнями казаков не боялся персиян, а я тебе даю два батальона регулярного войска».

В ноябре 1722 года отряд полковника Шипова на небольшой эскадре, которой командовал капитан-лейтенант Соймонов, вошел в Энзелийский залив. Высадка десанта у Пери-Базара и занятие Решта, столицы провинции Гилян, прошли беспрепятственно. Персы уступили город без боя по той причине, что они были ошеломлены появлением русского войска на своем берегу. После взятия Решта большая часть эскадры ушла к устью реки Куры: Соймонов имел приказ государя найти там место для строительства города, который должен был стать административным центром Восточного Закавказья.

Тем временем шахские власти в Гиляне пришли в себя: они стали требовать от полковника Шипова оставить Решт, угрожая в противном случае принудить его к тому силой. Пока шли такие переговоры, русские пехотинцы успели превратить каменное здание городского караван-сарая в настоящее укрепление. Одной из сильных сторон его было то, что во дворе оказался колодец. Когда Шипов ответил на требования противной стороны категорическим отказом, персы открыли боевые действия.

Шахские войска и местные ополченцы предприняли за день два штурма караван-сарая, но каждый раз русские успешно отбивались. Один из приступов шел при жестком артиллерийском обстреле караван-сарая. В ходе того боя погиб помощник Шипова храбрый капитан Рязанов, который со стены проводил рекогносцировку неприятельских сил.

Когда наступила ночь, 15-тысячное войско персов расположилось на ночлег, проявив обычную свою беспечность на войне. Шипов воспользовался этим и ночью сделал вылазку силами трех рот пехоты. Удар по неприятельскому лагерю наносился с двух сторон. Когда в ночи раздались дружные крики «ура!», разбуженных

персов охватила такая паника, что в темноте они начали поражать друг друга и вскоре обратились в повальное бегство. На рассвете взору русских предстал брошенный лагерь, где лежали только одни мертвые тела, которых насчитали больше тысячи. Русским пришлось сразу же заняться захоронением их, чтобы избежать возникновения эпидемии: стояла сильная жара.

После этого ночного дела положение отряда полковника Шипова в Реште заметно упрочилось. Теперь ему на какое-то время не приходилось опасаться новых атак на город и укрепленный караван-сарай. К тому же неприятель ночных действий не проводил. За занятием Гиляна последовало овладение приморскими провинциями Мазандеранской и Астрабадской, на что больших усилий не потребовалось.

Пока на самом южном берегу Каспия проходили такие события, в Астрахани, Нижнем Новгороде и Казани были построены новые суда для Каспийской флотилии, понесшей сильный урон во время жестокого шторма у берегов Дагестана. К лету 1723 года флотилия имела в своем составе 73 судна самого различного назначения. Конечно, они строились наскоро, с лихорадочной поспешностью, и потому не обладали хорошими мореходными качествами, но вполне годились для проведения десантных операций с учетом того, что Персия военного флота на Каспии не имела, если не считать больших лодок.

Одновременно с этой операцией генерал-майор Матюшкин приступил к покорению Бакинского ханства. 21 июля 1723 года русский десантный отряд высадился на берег около Баку и «обметался рогатками», то есть укрепил свой лагерь на берегу рогатками на случай нападения ханской конницы. Вскоре из крепости действительно последовала сильная вылазка, которую отбили без особого труда и почти без потерь.

Артиллерийским обстрелом с кораблей, которые встали в бухте на шпринг, русские пушкарки быстро заставили замолчать орудия Бакинской крепости. Блокада ее длилась всего четыре дня. На пятый день осажденные выкинули белый флаг: они убоялись угрозы генерала Матюшкина поджечь город орудийным огнем, отчего «никто из жителей не спасется». 26 июня русские войска вступили в Баку, где их трофеями стали 80 разнокалиберных пушек.

Так всего за два неполных года Россия стала обладательницей всего кавказского побережья с сильными крепостями Дербент и

Баку, а также трех персидских провинций. Император Петр Великий был настолько обрадован таким победным завершением Персидского похода, что произвел Матюшкина в генерал-лейтенанты. Поздравляя его с одержанными победами, самодержец писал, что более всего он доволен приобретением Баку, «понеже она составляет всему нашему делу ключ».

Однако покорение прикаспийского Кавказа еще не означало утверждения здесь российской власти. По крайней мере, какая-то часть местного населения и феодальных правителей высказывала спокойствие «только наружное». В Сальянах произошел случай, который оставил кровавый след в истории Персидского похода. Историк В.А. Потто описывает его так:

«Вскоре после занятия Баку Матюшкин отправил в соседнюю Сальянскую область небольшой отряд из батальона драгун, под командой подполковника Зимбулатова. Сальянский наиб Гуссейнбек встретил русские войска дружелюбно и распорядился, чтобы солдаты размещены были удобно. Все это, при свойственной русской натуре беспечности, привело к тому, что офицеры стали ездить в гости к наibu не только без прикрытия, но даже и без оружия. Однажды, когда все пировали таким образом в замке Гуссейна, толпа наемных убийц, подсланных, как говорят, его матерью, кинулась на офицеров и умертвила их самым варварским образом. Та же участь готовилась всему батальону, но драгуны, вовремя предупрежденные, сели на суда и отплыли в Бакинскую крепость».

После этого случая враждебное отношение стало замечаться во многих местах новоприобретенных Россией земель на Каспии. В Гиляне не прекращались нападения на отряд полковника Шипова. Хотя русская пехота выбила войско персов из Решта, те продолжали его блокировать с суши. Протекающий в пригородах Решта ручей Сиарутбар стал «заповедной линией» между сторонами, то есть линией фронта. Когда русские переходили Сиарутбар, то персы «спешили спасти свои животы», но на следующий же день снова возвращались на «свой» берег ручья, «ведя себя вызывающе».

Теперь экспедиционными войсками в Гилянской провинции командовал опытный воин, бригадир В.Я. Левашов, участвовавший еще в Азовском походе царя Петра I в 1696 году. Он участвовал и в делах против «закубанских» горцев и крымских татар. В его послужном списке были походы петровской армии, начиная с Нарвы и кончая Дербентом.

Назначая бригадира на смену Шипову (тот был назначен начальником русских войск в Сальянах в звании генерал-майора), Петр I не ошибся в выборе. Левашов сразу же стал действовать в Персии исключительно наступательно. Он двинул по нескольким направлениям подвижные, хотя и малочисленные колонны, желая очистить страну от враждебных сил на большом пространстве: от Решта до Мосула и от Кескера до Астары.

Русские отряды одерживали убедительные победы над персами. Под Рештом были разбиты и рассеяны «скопища», державшие в блокаде шиповский отряд. Пехота Левашова дошла до Лошомодана, загнала неприятеля в Фумин, взяла штурмом хорошо укрепленный Сагман и, наконец, овладела важным Кескером, стоявшим на перекрестке оживленных дорог. Однако конечная эффективность этих побед оказалась на удивление низкой. В.А. Потто писал о них так:

«Все эти дела были громкие в военном отношении, но, к сожалению, не оставившие после себя никаких прочных следов в завоеванном крае. Разбитые в одном месте, персияне свободно переходили в другое, и Левашову приходилось иногда отбиваться разом в нескольких пунктах, не имея возможности самому утвердиться ни в одном».

В последние два года жизни императора Петра Великого к нему несколько раз обращались с прошениями о помощи представителям Армении. Так, в 1724 году в Санкт-Петербург пришло известное послание патриархов Исаяи и Нерсеса с просьбой принять армянский народ под «высокое» покровительство России. Вот его перевод:

«В листе армянском к е. и. в. блаженной и вечнодостойной памяти от Исаяи и Нерсеса, патриархов, и прочих знатнейших особ армянских из собрания армянского от 18 октября 1724 г. По переводу написано.

По Божьей милости великому самодержцу цесарю и государю Петру Алексеевичу нашему, нижеписанные последние рабы страны армянской Исаяи и Нерсес, патриархи и прочие, которые ниже печати свои приложили, наперед сего о всех наших нуждах чрез четыре или пять писем в. в. доносили, но ни на которое резолюции не получили. И для того в такой безнадежности обретаемся, что якобы мы от в. в. (вашего величества. — *А. Ш.*) в забвении ос-

тавлены, понеже чрез три или четыре уже года живем в таком распутии, яко овцы без пастыря, и на единого токмо Бога и на в. в. полагаем надежду, а кроме в. в. ни на кого надежды не имеем.

До сего времени некоторых неприятелей мы имели со всех четырех сторон, по возможности от оных оборонялись и себя содерживали, а ныне пришло турецкого войска множество, и многие персидские города побрали, а именно: Теврис, Нагшивань, Эриван, Тифлис, Боргалюхазах, и намерены прийти в Генжу и к нам, о чем с великими слезами просим учинить нам как наискорее вспоможение хотя морем на нашу сторону. А о хлебе и прочем чтоб оные воинские люди не сумневались, мы можем приготовить хлеба тагаров (мера веса. — *А. Ш.*) тысяч пять или шесть, токмо б повелеть им придти в провинции Карабахскую и Шемахинскую вскорости.

А ежели не будут, то по сущей истине турки поберут все месяца в три и христиан всех побьют и погубят, а мы иной надежды кроме в. в. не имеем. Того ради повторне просим в. в. ради Христа и Креста Господня приказать нас высвободить, в чем мы полагаемся на волю в. в.

Иван Карапет, присланный по указу в. в., хотел от нас ехать и просил у нас письма, но мы его удержали при себе, первое, для опасности его в дороге, другое, между нашими народы для лутчего оных воздержания. И что мы до сего времени над басурманами учинили, то все делали по соизволению и надеясь на милость в. и. в., и просим паки не оставить нас в своем императорского величества защищении и милости.

У того листа красная печать, в которой Исая, патриарха, имя, да чернильных девять печатей, под которыми подписано:

Иван Карапет, Уган Юзбаши,
Тархан Юзбаши, Багги Юзбаши,
Аван Юзбаши, Сергей Юзбаши,
Мелик Меглюк, Мелик Григоре.

Переведено в С.-Петербурге февраля в 22-й день 1725 г. С слов купецкого армянина Луки Ширванова».

10 ноября того же 1724 года от имени императора Петра I армянским патриархам Исаяе и Нерсесу, юзбашам Авану и Мирзе,

всему армянскому народу была послана грамота о принятии их под покровительство России. Таких грамот, скрепленных большой государственной печатью, было изготовлено две. Они были отправлены в Закавказье с двумя армянскими священниками, возвращавшимися на родину.

...Сейчас можно только гадать, как бы развивались дальнейшие события на персидском направлении и какие далеко идущие планы строил на каспийском Юге всероссийский император Петр I. Таких достоверных письменных свидетельств тому нет. Но смерть великого государя в 1725 году изменила на берегах Каспия и на Кавказе многое. Главное состояло в том, что присутствие здесь России стало быстро умяляться.

Воцарившаяся Екатерина I хотя и заявила о своем желании продолжить предначертания мужа, но она не обладала даже в малой толике его государственными достоинствами. «Птенцы гнезда Петрова» на деле оказались только хорошими исполнителями удивительной в истории воли самодержца. Никто из них, даже А.Д. Меншиков, не был похож на будущего Потемкина-Таврического. То есть в Санкт-Петербурге никто не ратовал за продолжение осуществления первоначальных замыслов Петра Великого в отношении Кавказа, Персии и пугей в Индию. По крайней мере, не настаивали перед вдовой-государыней: при дворе плелись одна за другой интриги, и никому не оставалось дела до каких-то заморских земель южнее Астрахани.

Императрица, словно по инерции, все же несколько усилила Низовой (Персидский) корпус войсками. Но вызвано это было не столько продвижением еще дальше на юг, ближе к Индостану, сколько выявившимися несогласиями между Оттоманской Портой и Россией. И хотя эти две державы сообща вели войну против Персии, отношения между ними были непрочны по той причине, что в Стамбуле все чаще стали говорить о собственном желании владеть всем Закавказьем, Гилянском и немалым участком каспийского побережья.

Однако для утверждения на Каспии Турции предстояло прежде всего вытеснить русские войска из приморских провинций Персии. Положение тех в Гиляне, Мазендаране и Астрабаде становилось все опаснее. Низовой корпус удерживал за собой только отдельные пункты, повсюду действовали разбойные шайки, делая дороги небезопасными, податей в российскую казну никто не пла-

тил. Снабжение русских войск шло из Астрахани, а Каспийское море нередко штормовало и делало морской путь опасным для судов любых классов и в гораздо поздние времена.

Постепенно стали сдаваться персам отдельные позиции. Были оставлены Сальяны, а их гарнизон отошел в Баку. Русские посты покинули берега Куры, отойдя тоже к крепости в Бакинской бухте. Это ободрило персов, и они «располагали идти» к этому городу, чтобы засесть у нефтяных источников и отсюда начать блокаду Баку.

Неспокойно стало в Дагестане. Дербентскому гарнизону теперь приходилось днем и ночью находиться в состоянии высокой бдительности, чтобы не быть неожиданно атакованным с гор. Шамхал Тарковский, обласканный Петром I и высказавший ему столько слов о своей преданности России, вступил в союз с казикумыкским ханом и уцмией Каракайтгага. Теперь все трое только и думали о том, как бы разорить русские укрепленные поселения на реке Сулак.

Со стороны казалось, что положение русских на Сулакской линии почти безвыходное. Но на деле получилось все совсем иначе. Когда 25-тысячное войско шамхала, «столпившееся на Сулаке», перешло в наступление, на пути «скопища» оказался небольшой Аграханский редут. Его защищал маленький гарнизон из 50 солдат-пехотинцев и сотни терских казаков под командованием подполковника Маслова.

Шамхал начал «тесную» осаду земляного редута. Однако его гарнизон не только отчаянно защищался, но и сумел провести дерзкую вылазку, которую венчал удар в штыки нескольких десятков масловских солдат. Вылазка так повлияла на умонастроения горцев, что они, перессорившись между собой, разошлись по аулам. Тарковский шамхал остался только со своими воинами, и ему тоже пришлось отступить от Аграханского редута в Тарки.

За эту победную страницу истории кавказских войн России все защитники редута получили награды. Для офицеров это было повышение в чине, а для нижних чинов немалые денежные награды. Унтер-офицеры получили по рублю серебром, а рядовые — по 50 копеек серебром.

Командующий русскими войсками на Кавказе генерал-лейтенант М.А. Матюшкин не думал оставлять такие вероломные действия шамхала не наказанными. Он приказал генерал-майору Кропотову пойти военным походом в шамхальские владения и «истре-

бить» те аулы, которые участвовали в нападении на Аграханский редут, угнать их скот.

Кропотову предписывалось «всячески трудиться, чтобы его, шамхала, добыть в свои руки». За голову изменника и клятвопреступника Матюшкин пообещал от двух до пяти тысяч рублей серебром. Две — если ему привезут мертвого шамхала, пять — если доставят живого, годного для показательного судебного разбирательства. Экспедиция в шамхальство выполнила свою задачу, но горского владельца «не добыла», поскольку тот вовремя бежал из своего стольного града, не думая его защищать.

Осенью экспедицию повторил полковник Еропкин. Его отряд дошел до столицы шамхальства: Тарки был взят, а шамхальский дворец разгромлен. Сам шамхал оказался загнанным в неприступные дагестанские горы. Военной поддержки беглец там не получил. Лишившись по сути дела всего, он одумался и весной добровольно явился в русский лагерь около Кумтер-Кале, сдавшись «с повинной головой» с откровенной надеждой на помилование и сохранение за своим родом немалых владений южнее пограничного Терека.

Командующий М.А. Матюшкин приказал арестовать шамхала как государственного преступника, ведь он присягал на верность России. Его судили и сослали в мурманскую Колу Архангельской губернии, где он и закончил свой жизненный путь. Императрица Екатерина I повелела уничтожить Тарковское шамхальство как таковое. Матюшкин был произведен в генерал-аншефы. Позднее шахская Персия, овладев немалой частью Дагестана, восстановила шамхальство, которое стало ее вассалом.

Между тем ряды полков Низового корпуса заметно редели не от пуль и сабель персов, а от пагубного влияния на здоровье людей жаркого, влажного климата южного Прикаспия, прежде всего от малярии. Из Астрахани не успевали подвозить пополнения. Серьезно заболел испытанный в кавказских и персидских делах Матюшкин, и императрице Екатерине I пришлось удовлетворить его просьбу об отставке, отпустив с Каспия в Москву.

Замену ему в Санкт-Петербурге долго не находили, пока государыня не остановилась на кандидатуре генерал-аншефа князя Василия Владимировича Долгорукова. Это был опальный вельможа последних лет петровского правления (за участие к судьбе царевича Алексея он был лишен чинов и знаков отличия и был сослан в

Казань на вечное жительство). В отечественной истории Долгоруков известен прежде всего жестоким усмирением на Дону восстания Кондратия Булавина.

Прибыв на Кавказ весной 1726 года, почти 70-летний генерал-аншеф В. В. Долгоруков свое командование начал с того, что лично познакомился с подчиненными ему войсками. Действовал он круто: по его настоянию многие военачальники и офицеры были немедленно удалены из кавказских войск, как не понимающие характера «местной войны». Уже одно это делало честь новому командующему.

Всему оставшемуся командному составу было увеличено денежное содержание, а войскам назначены «двойные рационы». Впервые кавказские казаки стали получать жалованье, которое у них после Долгорукова отобрали. Князь писал по этому поводу императрице Екатерине I:

«В русском войске есть две иностранные роты — армянская и грузинская, из которых каждая получает казенное содержание; русским казакам не дают ничего, а между тем они служат больше и неприятелю страшнее. Я определил им также денежные выдачи, ибо, по моему мнению, лучше платить своим, нежели чужим. Правда, армяне и грузины служат изрядно, однако же казаки действуют гораздо отважнее».

Новый командующий позаботился и об улучшении санитарного положения войск. Он совершил инспекционную поездку не морем, как это делалось до него, а по суше. Верхом он проехал весь путь из крепости Святого Креста до провинции Гилян через Дербент и Баку верхом «по-калмыцки», имея при себе только походные вьюки. Персам таким образом было показано в февральскую распутицу подчинение русским «и воды, и суши». Впоследствии князь В. В. Долгоруков писал:

«От роду моего не видывал, чтобы кто в мои лета начал жить калмыцким манером...»

Инспекционная поездка позволила генерал-аншефу Долгорукову уяснить картину военных действий, которые велись в зоне его ответственности. Он убедился, что успех русского оружия возможен только при ведении наступательных операций, прежде всего в горах, что вполне возможно, что уже в самом скором времени его войскам придется в Персии столкнуться с турками, «этими мнимыми приятелями». Видел он и другое: его поездка произвела силь-

ное впечатление на местных ханов, султанов и прочих владельцев. Потому они и встречали командующего повсеместно с необыкновенными почестями.

Долгоруков в самое короткое время провел ряд успешных наступательных «движений». Он без труда присоединил к России Кергеруцкую область, Астару, Ленкорань и Кызыл-Агач. Командующий приказал поставить в них укрепления с русскими гарнизонами «во страх неприятелям, чтобы не думали о нашей слабости». Его действия, как считается, стали продолжением петровских замыслов на Персидский поход.

Князь В. В. Долгоруков в начале следующего царствования получил производство в генерал-фельдмаршалы и оставил Кавказ. Теперь единого командования там не стало: уезжая в Санкт-Петербург, он поручил начальство над русскими войсками в персидском Прикаспии Левашову, а в Дагестане — генерал-лейтенанту Румянцеву, отцу великого екатерининского полководца П. А. Румянцева-Задунайского, героя сражений при Ларге и Кагуле.

В то время задачи русских войск на Каспийском театре военных действий резко изменились: после отъезда Долгорукова от них потребовали воздержаться от наступательных действий. Такая позиция официального Санкт-Петербурга сразу же ободрила персов. Аббас Кули-хан (будущий Надир-шах) объединился на время с самозванцем Измаилом, который выдавал себя за сына-наследника умершего шаха. Они решили напасть на русских в Реште с двух сторон, от Кескера и Лахиджана.

Генерал Левашов имел в Реште совсем мало войск. Но он блестяще вышел из вызревшей критической ситуации. Во главе небольшого отряда он выдвинулся от побережья в горы и занял позицию на пути, который связывал Кескер с Лахиджаном. Когда перед русскими появилось войско Аббас Кули-хана, то оно было стремительно атаковано, разбито и рассеянное обращено в бегство.

После победного окончания боя генерал Левашов сразу же повернул отряд против Измаила. И здесь он неожиданно столкнулся с третьей военной силой, которая тогда имелась в Персии. Это было войско шахского визиря Карчи-Баши, которое выступило в поход на самозванца Измаила. Визирь никак не ожидал встретиться с русскими, но ожесточенный бой состоялся сразу. Персы, преследуемые, бежали в Лахиджан, из которого, в свою очередь, поспеш-

но бежал со своими отрядами Измаил. Лахиджан был присоединен к российским владениям в Персии.

Безнаказанно ушедший из Лахиджана Измаил потерпел от русских одно за другим три поражения — при Шефи, за рекой Казимой около Рутума и в Муганьской степи, уже на территории Северного Азербайджана. Вскоре против самозваного шахского сына-наследника ополчились сами персы. По свидетельству иранских историков, они заманили Измаила в ловушку, убили, а голову отправили в город Решт к русскому генералу.

Отряд Левашова только-только возвратился из похода в Решт, как появился новый противник, более грозный и опасный. Афганский военачальник Салдан-хан, распорядившись в то время на большей части территории Персии, занял провинцию Мазендран и прислал Левашову требование очистить Гилян и уйти в Россию. Генерал, в свою очередь, послал афганцам ответное требование в течение суток покинуть российские владения.

Чтобы подтвердить свои слова силой, Левашов составил небольшой отряд из 250 человек под командованием майора Юрлова и направил его против Салдан-хана. 20 декабря 1728 года отряд подошел к Лахиджану, где и произошло первое в истории столкновение русских с воинственными афганцами. Их насчитывалось четыре тысячи конных воинов, «закованных с головы до ног в железную броню». Афганцы по своей воинской организации совсем не походили на персидские «скопища».

Один из участников боя под Лахиджаном вспоминал: «Но мы, как древние греки, не считали врагов». 250 солдат-пехотинцев с криками «ура!» устремились в штыковую атаку, разбив противника в первой же атаке. На поле боя пало 600 афганцев. Победители взяли в качестве трофеев 450 лошадей, три знамени и сотни единиц холодного и огнестрельного оружия. Из трех ханов, командовавших афганцами, один был убит, а два других, будучи ранеными, бежали. Самого Салдан-хана с простреленной ногой телохранители сумели спасти, увезя в свою ближайшую крепость Казвин.

На какое-то время в северных областях Персидского государства установилось относительное спокойствие, хотя разбои происходили повсеместно. Однако в начале 1731 года «немирные» персы вновь стали собираться в большие партии. Это заставило Левашова в апреле 1731 года вновь создать экспедиционный отряд в 300 человек под командованием капитана Бундова. Тот получил

приказ взять и уничтожить неприятельское укрепление (ретраншемент) в Фумине. Он стал пристанищем крупных «мятежных шаек». Отряд выполнил дело «молодецки»: укрепление было взято и разрушено, то есть скрыто до основания руками пленных и солдат.

Разбитые в Фумине персы бежали в Кергеруцкую область и стали там усиливаться. Тогда капитан Бундов проследовал к Кергеру и там вторично разбил неприятеля, «превосходного в силах». На этот раз бой отличался жестокостью и кровопролитностью: русские потеряли четверть людей. Это объяснялось тем, что персы уже изучили тактику действий противника и вели столкновения «европейски более грамотно». Теперь победы русскому оружию давались гораздо более дорогой ценой.

В Дагестане у генерал-лейтенанта Румянцева тоже было неспокойно. Здесь от российского подданства отказались кюринцы и соседние с ними горские общества. Их посланцы заявили русскому командующему с вызовом следующее:

«Воровство и грабеж — наши занятия, также как ваши — соха и торговля. Грабежом жили наши отцы и деды, и если мы оставим их ремесло, как требуют русские, то будем вынуждены погибнуть от голода».

С таким отказом от законности миропорядка, нежеланием отказать от набегов на соседей Россия на Кавказе столкнется еще не раз. Собственно говоря, это было одной из главных причин многолетней Кавказской войны и многих мятежей в горном крае и карательных экспедиций русских войск за Терек и Кубань, в горы.

Румянцев начал наводить порядок в Дагестане вооруженной рукой после того, как «курелы», по всей видимости, жители Самурского округа, совершили большой набег на Северный Азербайджан, дойдя до берегов реки Куры. Румянцев доносил о том в Санкт-Петербург следующее:

«Курелы... предерзостно ворвались в Сальянскую область, побили и пленили много русских людей, магазины с нашим провиантом сожгли без остатка, пожитки пограбили и учинили несказанные свирепства».

Несколько частных экспедиций в горы не смогли замирить «курелов». Тогда в поход пошел сам генерал-лейтенант Румянцев, который в бою около аула Магдама нанес мятежникам разгромное поражение. Их предводитель, Качай, был убит, а потери в людях

оказались чувствительными. Потери русского отряда в 300 человек оказались тоже серьезными: более 70 человек было убито и ранено.

Те события дали полкам Низовского (Персидского) корпуса, воевавшего на берегах Каспия, прекрасную боевую закалку и опыт горной войны, славу первых кавказских побед. Это были следующие полки: Кабардинский, Куринский, Ширванский, Апшеронский, Дагестанский, Тенгинский, Навагинский и Ставропольский. Боевой путь всех их был долог, и они прекратили свое существование с ликвидацией старой Русской армии в начале 1918 года. Правда, некоторые из них возродились на короткое время в рядах белой Добровольческой армии на Юге России.

События в Дагестане после смерти Петра Великого историки считают зачатками, прообразом Кавказской войны, которая начнется с «легкой руки» царского наместника на Кавказе генерала от артиллерии А.П. Ермолова через 92 года.

Что же дали русскому воинству те первые боевые столкновения в дагестанских горах, на Кавказской пограничной линии и в Персии? Об этом хорошо сказал В.А. Потто в своей исследовательской работе под названием «Кавказская война»:

«Решимость с горстью людей бросаться на многочисленные скопища, отвага, предприимчивость, известная самостоятельность младших чинов, навык ориентироваться и применяться к условиям боя и местности, одним словом — те качества, которыми отличалось позднее большинство кавказских офицеров, очевидно, родились еще на персидской почве, а затем передовались преемственно от одного полкового поколения к другому».

...Россия ушла из Персии после восшествия на престол императрицы Анны Иоанновны (Ивановны). Наступило время «бирюзовщины», одно из самых мрачных в отечественной истории. Генерал-фельдмаршал князь В.В. Долгоруков, опекавший кавказские дела в Санкт-Петербурге, сразу же попал в опалу, будучи заточен в Шлиссельбургскую крепость. Его оттуда вызволила голько императрица Елизавета Петровна, вернув ему фельдмаршальский чин, награды и назначив президентом Военной коллегии.

Попал в немилость и генерал-лейтенант Румянцев, который был отозван из Дагестана. Теперь русскими войсками командовал на каспийских берегах один генерал Левашов. Императрица стала тяготиться дорогостоящей войной в Персии, которая не приносит

ла казне никакой выгоды. Была и другая причина ухода русских войск из персидских владений. В Санкт-Петербурге опасались, что шах Надир, разгромив турок, может обратить свои взоры на север.

По заключенному мирному трактату Российская империя возвращала Персии ее провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад. Генерал Левашов вывел стоявшие там полки Низового корпуса в Баку. Вскоре боевому сподвижнику Петра I Великого пришлось уступить свой пост немецкому принцу, генерал-лейтенанту на русской службе Людвигу Гессен-Гомбургскому (автору доноса на В.В. Долгорукова), ставленнику бироновщины — «немецкой партии» при российском императорском дворе.

Гессен-Гомбургский прибыл на Кавказ весной 1732 года, когда обстановка в горном крае заметно осложнилась из-за оставления русскими войсками персидского Прикаспия. Повсеместно усилились разбои, с которыми русское командование совладать оказалось не в силах. Близ стен Дербента был убит бригадир Лукей. Под Тарками попала в засаду и была истреблена воинская команда из 30 человек. В селении Эндери сошло до десяти тысяч чеченцев, которые стали угрожать нападением на Кавказскую линию.

Немецкий принц ситуацией совершенно не владел. Прибывший с ним генерал-лейтенант граф Дуглас, командовавший войсками на реке Сулак, решил предпринять экспедицию в Чечню. Он поверил ложным слухам, что чеченцы, собравшиеся в Эндери, большей частью разошлись по своим аулам. В поход двинулись совсем небольшие силы — 500 человек пехоты и конницы под командованием полковника Коха.

Когда русский отряд вступил в дремучий предгорный лес, он был атакован горцами. Бой длился целый день, и полковнику Коху пришлось отдать приказ об отступлении. Потери русских только убитыми составили 200 человек. Потери были чувствительными, свидетельствующими о том, что ни граф Дуглас, ни его помощник Кох не имели понятия о характере войны в горных лесах и о том, как надо выходить в горах из боя.

У России были шансы удержать за собой приобретения Петра Великого в ходе Персидского похода на кавказском побережье Каспия. Но тут на арену вышла Оттоманская Порта, решившая нанести по персидским тылам разгромный удар конной армией Крымского ханства. Не обращая внимания на дипломатические протес-

ты Санкт-Петербурга, турецкий султан отдал повеление хану Крыма пойти в поход на Персию кратчайшим путем, через Кубань и Дагестан, то есть пройти по российским владениям на Кавказе.

Принцу Гессен-Гомбургскому в такой ситуации оставалось только одно: защитить государственную границу силой оружия. В июне 1733 года он, собрав войска, действительно занял выгодную позицию на берегах реки Сунжа, в районе современного города Грозного (по другим данным, у Исти-Су на Кумыкской плоскости). Войска (2500 человек) были разделены на три колонны. Первые две — генерала Еропкина и князя Волконского — перерывали дороги, ведущие от Сунжи на восток. Третьей, резервной, колонной начальствовал сам принц Людвиг Гессен-Гомбургский.

Битва состоялась 11 июля. Конница крымского хана — примерно 25 тысяч всадников повела атаку на русских со стороны аула Большой Чечен, где расположился вражеский стан. Удар пришелся на колонну князя Волконского. Тот собирался было уже отступить, как к нему подоспел с драгунами генерал Еропкин и принц с пехотой. Крымцы не дали прибывшему противнику перестроиться из походного положения в боевое и атаковали огромной конной лавой. Русский левый фланг в силу этого был опрокинут.

Еропкин (будущий рижский губернатор) оказался в гуще рукопашной свалки и получил сабельное ранение в лицо. Принц Гессен-Гомбургский спасся благодаря только резвости своего коня. Казалось, что ханское войско могло уже праздновать знатную победу. Но тут несколько пушечных залпов в неприятельское конное скопище на левом фланге резко изменило картину битвы. Ханская конница сразу пришла в страшный беспорядок. Русская пехота и кавалерия за несколько минут привели себя в порядок и отчаянными атакующими усилиями вырвали у врага победу.

Конная армия крымского хана в итоге бежала подальше, продолжая помышлять о прорыве через Дагестан в Персию: приказ турецкого султана был строг. Победителям досталось двенадцать знамен. Эти трофеи были отправлены в Санкт-Петербург, где с большим торжеством их повергли к стопам императрицы Анны Иоанновны.

Что же делал после победного сражения принц Гессен-Гомбургский? Он даже и не думал воспользоваться плодами блестящей победы, одержанной при соотношении сил один к десяти! С наступлением темноты принц приказал отступить за Сулак и

без всякой на то надобности заперся в крепости Святой Крест. Крымская конница в итоге беспрепятственно вошла в Дагестан.

Это было равно поражению русских войск на Кавказе. Зиссерман, автор истории славного Кабардинского полка, писал о тех и последующих событиях на Кавказе:

«Я убежден, что ни один из предшественников немецкого принца — ни Матюшкин, ни Левашов, ни Румянцев — не заперлись бы в крепости, что было противно даже духу нашего войска. Конечно, боевые кавказские генералы не дали бы татарам опомниться и горячим преследованием заставили бы их рассеяться. Теперь вышло совершенно иначе. Пока русские сидели в крепости, разбитые татары бросились на гребенские городки, полонили сотни русских людей, взбунтовали весь южный Дагестан и даже пытались овладеть Дербентом. Три дня главные их силы бились под стенами этого города с небольшим отрядом полковника Ломана, но, будучи отражены, потянулись наконец к Шемахе, в персидские владения.

Часть их с награбленной добычей пошла, однако же, обратно в Крым и на реке Куме, повыше урочища Мажар, столкнулись с Красношековым, который шел на Сулак с полторатысячной донской партией. На помощь к крымцам подоспели десять тысяч калмыков, некрасовцев и закубанских горцев. Окруженный со всех сторон, Красношеков устроил вагенбург и засел в осаду. Бой длился двое суток, а на третьи на помощь русским подошли кабардинцы, под предводительством одного из старейших владельцев их, Бамата Кургонина, который оказался шурином калмыцкого вождя Дундука Омбы, а потому, свидевшись с ним в тот же день, стал уговаривать его пропустить казаков без боя.

«Русские идут на Сулак, а не на тебя, — говорил он, — так мой совет не ввязываться в чужое дело. Если ты будешь драться заодно с татарами, то я стану за русских».

Эта угроза подействовала. К тому же Дундук давно искал случая примириться с русским правительством, и потому ночью отступил со своими калмыками к Кубани. С его уходом осада была снята, и Красношеков благополучно достиг Дагестана.

С прибытием Красношекова принц выказал более военной решимости и приказал генералу Еропкину наказать дагестанцев за их возмущение. Еропкин двинулся прямо в Башлы, столицу, и двадцать первого октября взял ее приступом. Потеря наша при

этом была громадна — в четыреста человек, но зато уничтожение аула, считавшегося в крае неприступным по своим укреплениям и местоположению, сразу восстановило авторитет русского оружия, и горы присмирели.

Но так как ворота в Дагестан по-прежнему были открыты, то по следам пробившихся татар продолжали двигаться все новые и новые толпы, под личным предводительством крымского хана. Со стороны принца не было даже попытки остановить эти вторжения.

Зато чеченцы встретили хана в лесистом ущелье за Сунжей и нанесли ему такое поражение, что целый отряд крымских татар буквально был истреблен озлобленными горцами. В память этой победы чеченцы поставили в ущелье каменную башню, назвав ее Хан-Кале, то есть «Ханская крепость», отчего и самое ущелье получило впоследствии свое известное всем название Ханкальское.

...То, что почти весь Дагестан оказался занят крымскими татарами, сильно обеспокоил Санкт-Петербург. Императрица Анна Иоанновна и ее окружение теперь больше не доверяли «военному дарованию» принца Гессен-Гамбургского. В Дагестан был спешно отправлен генерал Левашов, проживавший в своей тамбовской вотчине. Но на Кавказской линии ему ничего не оставалось делать, как только удерживать местных горцев от мятежей, а русским войскам удерживаться на занимаемых позициях.

Когда в долине Самура начались «возмущения», туда был отправлен генерал Еропкин, который разорил четырнадцать селений и тем самым замирил горную область. Пока проходили эти события, завершились переговоры между Россией и шахской Персией: последней в 1735 году возвращались все города и земли, завоеванные у ней Петром I Великим.

Путь на Индостан, который так хотел заполучить великий российский реформатор-государственник, Россия не получила. Все петровские труды за десять лет после его смерти пошли прахом: линия государственной границы опять отодвинулась на Терек.

По договору с Персией уничтожалась крепость Святого Креста. Вместо нее на Тереке закладывается пограничная крепость Кизляр. Сюда с берегов Сулака переводятся еще так недавно поселенные там терцы и аграханцы. Терцы переименовывались в Кизлярское казачье войско. Аграханцы расселились тремя станицами — Коргалинской, Дубовской и Бороздинской. Их казачье войско получило название Терско-семейного.

Через сто лет, в 1836 году, эти два войска, ввиду их малочисленности, соединили в один полк Кавказского линейного казачьего войска, получившего название Кизлярского. Когда линейцев разделят на Кубанское и Терское казачьи войска, Кизлярский полк войдет в состав последнего под названием Кизляро-Гребенского.

...Торговые пути, обладание ими до и после петровской эпохи являлись мощным катализатором экономического развития любого государства на карте мира. Поэтому в поисках путей в заманчивый своими сказочными богатствами Индостан (современные Индия, Пакистан и Бангладеш) Петр Великий большим оригиналом не был. По этому поводу хорошо высказался известный исследователь Е.В. Тарле в своей работе «Русский флот и внешняя политика Петра I»:

«Конечно, это не были лживо приписываемые впоследствии (вплоть до наших дней) Петру английскими, французскими и немецкими памфлетистами проекты «завоевания Индии». Петр хотел только, чтобы Россия поскорее наверстала упущенное, чтобы ей тоже довелось принять участие в торговле с великим Индостаном, которая уже с XVI века обогащала Португалию и Испанию, с XVII века — Португалию, Голландию и Англию, а со второй половины XVII столетия — еще и Францию. Речь шла о торговле, а не о покорении далекой колоссальной страны с ее пестрым и огромным населением.

Но что касается Персии, то речь шла отнюдь не только о посылке туда разведывательной экспедиции, которая могла бы помочь ориентироваться в дальнейших шагах к устранению прямых сношений с Индией. Персия сама по себе, а не только как возможная транзитная территория, была необычайно важна для русской торговли.

Имело значение и то обстоятельство, что Персии грозило турецкое нашествие, а допустить ее завоевание турками Петр ни в коем случае не хотел. Потому что это создало бы прямую опасность уже и для всего Астраханского края, последний же и так не был достаточно обеспечен при близком соседстве восточных кавказских племен, вассалов Персии.

Нечего удивляться, что если мечты о русской торговле заносили Петра к Чукотскому мысу и, как увидим дальше, даже на Мадагаскар (о нем почти ничего у нас тогда не знали), то гораздо более сильно овладела им в эти годы мысль о Каспийском море и о Пер-

сни. Которые сами по себе могли представлять большой экономический интерес для России и через которые гораздо короче путь до Индии, чем если идти туда морем из Петербурга.

Идея персидского похода 1722—1723 годов была с самого начала вполне ясна сотрудиникам и соратникам Петра. Достигнув блестящих успехов своей цели на Балтике, Петр устремил взгляд на Каспийское море. Экономические интересы России были, безусловно, могучим стимулом и при Азовских походах, и при ведении труднейшей борьбы на побережье Балтийского моря, и при попытках попутно утвердить свое влияние в Мекленбурге. Теперь, после Ништадтского мира, царя с особенной силой охватило стремление установить и укрепить русские торговые связи даже с самыми отдаленными странами земли...»

Все это действительно было так. В Персидском походе Петра Великого видится историческое дерзание, инициатива, готовность к военному риску. Такие черты были во все времена свойственны смелым пионерам, пролагающим своими трудами новые пути. Петр I пошел в поход на Дербент и Баку, дальше на Персию в самой сложной для России дипломатической обстановке. Пройдет меньше века, и его попытку продвинуть государственную границу на персидскую территорию повторит Екатерина II, тоже Великая.

Первый всероссийский император, в отличие от императрицы Екатерины II, в своих персидских замыслах столкнулся с могущественной коалицией, враждебно смотревшую на Россию, ее военные и территориальные успехи. За спиной Оттоманской Порты зримо стояли Франция и Англия. И та же Англия посылала свой флот в Балтику для поддержки терпящей поражение Швеции. Петр Великий не мог это не знать и не видеть дипломатической изоляции.

Неудачный Прутский поход стал тому излишним подтверждением. Царской России тогда пришлось на время отказаться в пользу султанской Турции от таких земель и городов, как Грузия и Армения, Гянджа и Шемаха, Нахичевань. Но Дербент — «Золотые ворота Кавказа», портовый Баку, Ленкорань и три персидские провинции Прикаспия остались за ней. Другое дело, что племянница Петра Великого императрица Анна Иоанновна отказалась от завоеваний своего почитаемого дяди.

Отсутствие письменных и мемуарных свидетельств все же окружает цели Каспийского (или Персидского) похода Петра I большой тайной. Хотел ли он завоевать прямой торговый путь на Ин-

доста́н? Или желал по суше продолжить Персидский поход до земель Индии? Об этом спорят не только отечественные историки.

Исследователи задаются и таким вопросом: как далеко дошел бы великий реформатор российского Отечества, не будь того злополучного шторма на Каспии, который оставил без провианта экспедиционные войска, стоявшие уже в Дербентской крепости?

Сегодня можно только гадать в спорах и на бумаге, не виделась ли Петру Великому с древних дербентских крепостных стен заманчивая Индия. О том государь, вне всякого сомнения, делился мыслями с ближайшими сподвижниками. Но тех дерзновенных мыслей история до нас не донесла. К сожалению, не все великие помыслы оставляют в ней подлинный, документальный след.

Глава 3

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ ПОВТОРЯЕТ ОШИБКУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Любому присоединению, завоеванию или покорению в мировой истории всегда что-то причинно предшествовало. Так было и с появлением русских войск за Большим Кавказским хребтом, первоначально в православной Грузии. С началом второй половины XVIII столетия ее положение стало отчаянным по причине намерений соседей — шахской Персии и султанской Турции, которые смотрели на христианскую соседку как на свою «законную» военную добычу. С которой именем аллаха можно было делать все, что только захочется. В истории так оно и было.

В начале 1780-х годов персидский шах Мурад стал грозить царю Картли и Кахетии Ираклию II кровавым вторжением. Что за этим могло последовать, в Тифлисе иллюзий строить не приходилось. Грузинский царь обратился за помощью туда, откуда она только и могла прийти — к России, к Екатерине II Алексеевне, императрице единой, северной державы. У правителя Восточной Грузии это была одна-единственная возможность обрести для своего народа не просто поддержку, а вооруженную защиту.

Картли-кахетинский царь Ираклий II Теймуразович отправил императрице Екатерине II письмо с прошением принять его царство под покровительство России. Письмо было передано через генерал-фельдмаршала князя Г.А. Потемкина. В нем говорилось:

«...Всепресветлейшая, державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Дождались мы сих наиболее благополучных времен, в которых великая милость вашего и. в. возсияла над нами, светскими разными

случаями доведенные мысли наши в уныние и изсохшия кости наши воскресли, получа мы указ вашего и. в., которой пренаполнен монаршими вашими милостями, ваше величество соизволили пожаловать орден благовернаго князя Александра Невского вашему рабу сыну моему Георгию, за что ваши мы рабы купно с фамилиею моею престолу вашего и. в. с наиглубочайшим нашим почтением осмеливаемся с земным поклоном принести всенижайшую нашу благодарность.

Притом ваше и. в. соизволили повелеть, чтоб вашему величеству представляемы были чрез его светлость генерала Потемкина дела наши и границ наших, и такое ваше всемилостивейшее повеление приняли мы с достодолжным повиновением и почитаем за неописанное счастье как для нашей фамилии, так и для наших областей.

Ваше и. в., освященнейшими вашими мыслями всенижайше прошу признавать рабов ваших, меня и детей моих, за таковых ваших наивернейших рабов, которья во всякое время по все высочайшим и по всемилостивейшим вашим повелениям находятся в готовности и в покорности и желают по возможности оказывать услуги свои так усердно, как и собственную жизнь.

По повелению вашего и. в. всенижайше осмелились мы представить как прежния наши прошения, так и нынешния ко всевысочайшему двору через светлейшего князя генерала Потемкина, дабы оныя вашему и. в. чрез нево донесены были, и потому всемилостивейшая государыня всенижайше осмеливаюсь просить, если что в наших всенижайших прошениях соизволите усмотреть не по всевысочайшему вашему соизволению, то не лишать нас монарших ваших милостей, и да пребудем мы, рабы ваши, под всемилостивейшее ваше покровительство без перемены.

Вашего Величества
всенижайший раб Ираклий.

Писано в Тифлисе 21-го декабря 1782 года».

Просьба Ираклия II была уважена. Великая всероссийская государыня действовала привычно решительно. Уже 5 августа 1783 года в Георгиевской крепости — городке Георгиевске (ныне на юге Ставропольского края) был подписан трактат, известный в истории как «Георгиевский». В его первом артикуле говорилось:

«Его светлость царь карталинский и кахетинский именем своим, наследников и преемников своих торжественно навсегда отрицается от всякого вассальства или под каким бы то титулом ни было, от всякой зависимости от Персии или иной державы и сим объявляет перед лицом всего света, что он не признает над собой и преемниками иного самодержавия, кроме верховной власти и покровительства е. и. в. и ее высоких наследников и преемников престола всероссийского императорского, обещая тому престолу верность и готовность пособствовать пользе государства во всяком случае, где от него то требуется будет...»

Так над Картли-Кახетинским царством, то есть Восточной Грузией, установился российский протекторат со всеми вытекающими отсюда международными последствиями.

Восточная Грузия получила защиту силой оружия. 15 ноября того же года русский экспедиционный отряд: два батальона пехоты с четырьмя полевыми орудиями вступил с музыкой в город Тифлис. Отрядом командовал племянник светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического — генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин, будущий граф и генерал-аншеф. По пути он заложил крепость Владикавказ (ныне столица Северной Осетии), связав ее цепью полевых укреплений с городом-крепостью Моздоком на Кавказской пограничной линии.

Путь в Закавказье был труден. Потемкину-«младшему» принадлежит честь открытия этого пути через Главный Кавказский хребет. Это по его приказу русские солдаты переоборудовали древнюю караванную тропу, проходившую через воспетое поэтом Михаилом Лермонтовым Дарьяльское ущелье, «в некое подобие дороги». В дальнейшем ее расширят и благоустроят, защитят укреплениями в горах. Она и станет знаменитой Военно-Грузинской дорогой, которая на многие годы единственно соединит по суше Россию с ее закавказскими губерниями.

Шах Али-Мурад не ожидал появления русских войск в Тифлисе и отказался от мысли вновь опустошить земли Восточной Грузии. При тегеранском дворе только самые отчаянные головы готовы были вступить в войну с Россией. Царь Ираклий II решил, что внешняя опасность миновала, и в феврале следующего, 1784 года, экспедиционный отряд тем же путем возвратился на Северный Кавказ. Была оставлена и Владикавказская крепость, надобности в которой по тому времени в Санкт-Петербурге не видели.

Прошло всего лишь одно десятилетие. Лакомая и практически беззащитная земля Картли-Кахетинского царства снова стала искушать персидских завоевателей, не раз оставлявших в истории Грузии печальный след совершаемыми зверствами. Шах и его ханы видели в своей соседке прежде всего легкую военную добычу, которую можно было брать раз за разом на протяжении нескольких столетий. Это была историческая участь древней Иверии.

Во главе Ирана после многолетних междоусобных войн утверждается Ага-Магомед-хан из тюркского племени Каджаров. Он стал основателем новой шахской династии, которая правила Персией до начала XX столетия, когда Каджаров сменила династия Пехлеви.

Свирепый Ага-Магомед-хан жаждал славы. Во главе огромной армии он стремительно двинулся в Закавказье, по пути присоединяя к себе войска Гянджинского, Эриванского, Нахичеванского и других мусульманских ханств. В горном Карабахе осаждается крепость Шуша.

23 мая 1795 года шахская армия неожиданно появилась перед Тифлисом. На следующий день небольшое войско царя Ираклия II, к которому не пришел на помощь никто из других грузинских царств, было разбито перед стенами города. Из Тифлиса бежали все, кому было на чем бежать. Вождь каджаров решил преподать Грузии кровавый урок и повелел своим жаждущим добычи и пленников воинам «предаться варварской резне и грабежам».

В Санкт-Петербурге о разорении Тифлиса узнали поздно: гонцы, меняя лошадей, пробирались с риском для жизни через теснины Кавказа, затем мчались под охраной казачьих конвоев по кубанским и донским степям, неслись на почтовых тройках по российским просторам.

Екатерина II ответственные решения принимала без долгих раздумий. Российская империя была оскорблена — находившееся под ее покровительством Картли-Кахетинское царство подверглось страшному погрому. Государыня не колебалась, повелев готовить войска к походу в Персию.

Россия приняла вызов от шахской Персии. Она добросовестно выполняла свои обязательства по Георгиевскому трактату 1783 года. Одновременно удовлетворялись просьбы дагестанских правителей. Кроме того, виделась прямая опасность усиления на южных российских границах воинственного Каджара. Не получив должного отпора в Восточной Грузии, войска иранцев могли двинуться и на

Северный Кавказ, и в русские пределы. О чем не раз заявляли до и после тифлисского погрома шахи Персии и подвластные им мусульманские ханы.

Формирование экспедиционного корпуса шло по высочайшему указу. Командовать им первоначально поручили будущему российскому генералиссимусу графу А. В. Суворову-Рымникскому, чье имя было широко известно не только на европейском континенте. Он представил на утверждение императрице список генералов, которых хотел бы взять в Персидский поход: Исленева, Буксгевдена, Шевича и донского казачьего атамана Исаева. Все они были проверены войнами, в которых набрались опыта вести боевые действия в самых трудных условиях.

Суворов был далек от придворной жизни, иначе бы он внес в этот список двух братьев последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова. Потому императрица была удивлена, не увидев в представленном на ее утверждение экспедиционного генералитета графов Валериана и Николая Зубовых. Последний к тому же был женат на дочери полководца Натальи Александровне — «Суворочке».

Поскольку Персидский поход обещал немалую воинскую славу и щедрые награды, Платон Зубов умело повел придворную интригу. К дню получения им княжеского титула фаворит именовался в официальных документах так:

«Его сиятельство граф Зубов, генерал-фельдцейхмейстер, главноуправляющий инженерной частью; генерал-адъютант Ее Императорского Величества императрицы всероссийской; шеф кавалергардского корпуса, главнокомандующий легкою Екатеринославскою кавалериею и Вознесенскими казачьими войсками; генерал-губернатор Екатеринослава, Вознесенска и Тавриды; кавалер российских орденов св. Андрея, св. Александра Невского и св. Владимира большого креста первого класса; прусских: Орла Черного и Красного; польских: Белого Орла и св. Станислава и великого герцогства Гольштинского — св. Анны».

Зубовская интрига при дворе закончилась тем, что через пять недель, в феврале 1796 года, А. В. Суворов отказался от должности главнокомандующего в походе русских войск через Дагестан для покорения «немирной» Персии, границы которой начинались в южном Дагестане, с Дербентского ханства.

Теперь на это место претендовал командующий войсками Кавказской линии И. В. Гудович. Но его решили отправить с сильным

8-тысячным отрядом в Тифлис. В итоге «придворных раздумий» во главе экспедиционного корпуса оказался генерал-аншеф 24-летний Валериан Зубов, самый младший из братьев, к слову сказать, имевший от Суворова блестящую характеристику. Всего за Кавказ намечалось отправить 35-тысячное войско.

Персидский поход для императрицы Екатерины II Великой и особенно ее фаворита имел большой смысл. Есть все основания считать, что в 1796 году Персидский поход находился в тесной связи со знаменитым «Греческим проектом», обновленным в редакции графа Платона Зубова. Согласно замыслам последнего фаворита всероссийской государыни генерал Валериан Зубов, «покончив» с Персией (или завоевав ее?), должен был прорваться через сердце Османской Порты — Анатолию и угрожать столице турок-османов Стамбулу-Константинополю с малоазиатских берегов.

В это же время полководцу А.В. Суворову-Рымникскому с войсками надлежало перейти через труднопроходимые Балканские горы и взять город Адрианополь. Он стоял на самых ближних подступах к столице Блистательной Порты со стороны Европы и в последних русско-турецких войнах считался ключом к Стамбулу.

Сама же императрица Екатерина II, находясь лично на Черноморском флоте адмирала Ф.Ф. Ушакова с фаворитом Платоном Зубовым, должна была осадить турецкую столицу со стороны моря. Севастопольская корабельная эскадра с началом этой операции приступала к блокаде пролива Босфор...

Валериан Зубов от корнета до полковника конногвардейца дорос всего за четыре года. В 1790 году он отпросился у «матушки-государыни» в действующую армию, на войну с турками. Та написала всеильному светлейшему князю Тавриды, чтобы он «доставил Зубову случай отличиться». Но в то время шла нешуточная борьба между Потемкиным и Платоном Зубовым за влияние на императрицу. И потому, как говорили злые языки, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией, назначил волонтера Валериана Зубова на такую артиллерийскую батарею, что после первой же вражеской бомбардировки столичный полковник уцелел просто чудом.

Однако в первом же боевом деле Валериан Зубов продемонстрировал у всех на глазах подлинную личную храбрость. В ходе суворовского штурма Измаила, беспримерного по кровопролитию в мировой военной истории, полковник Валериан Зубов шел в пер-

вых рядах атакующих, бравших крепостную ограду у Килийских ворот. Той штурмовой колонной командовал генерал-майор М.В. Голенищев-Кутузов. За «примерность» в бою брат фаворита был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Императрица добавила к Георгиевскому кресту еще чин бригадира и чин полковника лейб-гвардии Измайловского полка, что тогда равнялось чину армейского генерал-майора.

Затем Зубов-младший участвовал в Польских кампаниях 1792 и 1794 годов. Суворов хвалил его за доблесть и бесстрашие. Он писал императрице о том, прибавляя, что было бы хорошо, если граф ко всему прочему стал еще и «послушным». Обладающий «симпатичными» душевными качествами молодой генерал скоро стал любимцем действующей армии. Нижние чины видели в нем суворовского отца-командира и были готовы идти за ним в огонь и воду.

В одном из рядовых боев, а именно при переправе через реку Западный Буг, верстах в 20 от Варшавы генерал-майор Зубов лишился ноги. Дело обстояло так. Казаки-черноморцы донесли, что поляки рушат мост через реку. Зубов поспешил туда с Софийским карабинерным полком. На речном берегу он оказался вместе с гренадерским полковником Рароком. Поляки сделали в том бою с противоположного берега последний пушечный выстрел. Ядро в полтора фунта весом метко ударило во всадников, чьи кони стояли бок о бок. Графу оторвало левую ногу, полковнику — правую ногу. Последний скончался тут же от большой потери крови.

Полковые медики в ближайшей лошине сделали Валериану Зубову удачную операцию, и он, хотя и стал инвалидом, остался жив. Екатерина II «в одночасье» осыпала его дождем монарших наград: чин генерал-поручика, ордена Святого Георгия 3-й степени и высший в Российской империи Андрей Первозванного, 300 тысяч рублей на уплату долгов, соболья шуба, роскошный дворец на Большой миллионной улице, принадлежавший некогда Густаву Бирону...

Непосредственное формирование экспедиционного корпуса было возложено на И. В. Гудовича. Валериан Зубов, после трехлетнего лечения, к тому времени был уже в строю: английские ортопеды так удачно сделали ему протез, что он мог свободно ездить на коне и сутками оставаться в седле.

Впоследствии кавказские горцы и персы назовут русского генерала-инвалида «кизил-ага», что в переводе означало «золотая

нога». Его имя на Кавказе окружают легенды. Думается, что у Валериана Зубова, произведенного перед походом в генерал-аншефы, обладавшего задатками способного военного вождя, было будущее победоносного полководца.

Императрица Екатерина II утвердила новый состав генералитета экспедиционного корпуса, отправлявшегося в ханства Северного Азербайджана, подвластные Персии. Это были генералы князь Цицианов, Римский-Корсаков, поступивший на русскую военную службу ганноверец Беннигсен, старый знакомый Зубова по измайльскому штурму донской казачий атаман Платов и граф Апраксин.

«Назначенные» в поход войска стали собираться у города-крепости Моздок на исходе марта 1796 года. Из Ставрополя первыми подошли полки: Нижегородский и Астраханский драгунские, Хоперский казачий. За ними по весенним степным дорогам пылила «царица» полей инфантерия — пехота. В станицах на Тереке готовилось в дальний поход местное казачество.

Согласовывались совместные действия с Каспийской военной флотилией (Персия на Каспии военного флота не имела). Ей предстояло сопровождать вдоль берега идущие на юг войска, подвозить из Астрахани собранные там различные армейские припасы, подкрепления в людях, высаживать на неприятельском побережье морские десантные отряды.

К выступлению состав экспедиционных сил определялся в 13 тысяч человек. На подходе было еще несколько полков. Переправа через Терек состоялась у станицы Каргалинской. 8 апреля первым реку перешел Хоперский казачий полк. На следующий день выступил авангардный отряд в составе Волгского и Донского полковника Машлыкина казачьих полков. Они двинулись вперед по дагестанскому побережью Каспия.

За авангардом двинулся передовой отряд старого генерала Савельева, прославившегося на Кавказе руководством героической обороны станицы терских казаков Наурской, осажденной большими силами горцев из Чечни.

Генерал-аншеф В.А. Зубов прибыл к войскам 12 апреля. На следующий день он подписал «Расписание» по действующему корпусу. Он, для удобства управления и боевого применения, был разделен на четыре бригады: две пехотные — генералов Булгакова и Римского-Корсакова и две кавалерийские — генералов Беннигсе-

на и Апраксина. Вся иррегулярная кавалерия вверялась в командование донскому атаману Матвею Платову.

18 апреля началось наступательное движение на город-крепость Дербент, столицу одноименного ханства, вассала персидского шаха. Древний город с крепкой цитаделью своими мощными двойными стенами надежно запирает в удобном, самом узком месте прибрежную полосу всего в три километра шириной между Большим Кавказским хребтом и Каспием. Дербентские крепостные стены уходили аж в море.

Крепость Дербент, основанную в 438 году, на протяжении многих столетий называли Золотыми воротами Кавказа. За четырнадцать веков к его крепостным стенам то с юга, то с севера много раз подходили разноязычные войска. И далеко не всегда им открывались ворота Дербента, и не всегда им удавалось с боем врываться в эти ворота Кавказа.

Для Персии, вассалом которой являлся дербентский Ших-Алихан, Золотые ворота Кавказа значили многое. Особенно после того, как Петр I Великий совершил свой Каспийский поход — тогда к России отошли прикаспийские иранские провинции. Не случайно Дербент в переводе с иранского означает такие понятия, как «узкий проход», «ущелье», «дверной засов».

Первым вошел во владения дербентского хана передовой отряд генерал-майора Савельева. 18-летнему Ших-Алихану в специальном послании было предложено заключить с русскими оборонительный и наступательный союз против Персии. При этом хану обещалось высокое покровительство Российской империи. Но воинственно настроенный вассал шаха оставил письмо без ответа, а появившиеся перед стенами крепости казачьи разъезды приказал встретить пушечными выстрелами.

Поскольку авангарду экспедиционного корпуса штурм Дербента с хода был не по силам, Валериан Зубов приказал Савельеву отойти от крепости на «крепкую позицию» и там дожидаться подхода главных сил, которые двигались в одной походной колонне. При этом предписывалось стеречься внезапного нападения ханского войска. Стать лагерем надлежало вне видимости с крепостных стен. В противном случае бездействие русского отряда могло только поднять боевой дух ханских воинов.

Тем временем корпусные войска форсировали реку Сулак, пределав за день переход в 40 верст. Через Сулак была устроена паром-

ная переправа. По пути следования с дагестанцами складывались самые добрые отношения. Русских приветливо встретили жители города Тарки. Местные жители-кумыки привозили на стоянки для ночлега много свежей рыбы и продавали ее дешево. Валериан Зубов приказал разбивать походные лагеря вне горских аулов, чтобы не стеснять их жителей обилием людей и лошадей. Горские торговцы стали постоянными гостями на местах стоянок.

Владелец южных земель Дагестана — шамхал прислал навстречу генерал-аншефу Зубову для приветствия своего сына. Жители гор и особенно каспийского побережья всерьез опасались вторжения персидских конных полчищ на Терек. Угрозы шаха Каджаров пустыми словами на Кавказе не назывались. Поэтому дагестанцы видели в русских войсках ту силу, которая в случае нашествия персов могла прийти им на помощь.

Чтобы не позволить дербентскому хану получить помощь от шаха, было решено охватить крепость с двух сторон — с севера и юга. Обходной маневр через горы осуществлял отряд генерал-майора Булгакова. В его состав вошли два драгунских полка — Астраханский и Таганрогский, два казачьих — хоперцы и терское Семейное войско, батальон и еще четыре роты гренадер и два батальона егерей при шести полевых орудиях.

Булгаковский отряд вошел в Кавказские горы 29 апреля у аула Хаматеткали. В табасаранских владениях русских встречал сам Кади-хан. По пути следования отряда старейшины аулов говорили о своей преданности России. За хорошую плату серебряной монетой закупалась часть провианта, поскольку большого обоза с собой в горы отряд взять не мог.

С первого дня трудная дорога в горах с частыми подъемами и спусками заставляла воинов обходного отряда напрягать все силы, чтобы вовремя выходить в места назначенных лагерных стоянок. Ночевать приходилось под открытым небом, часто — под дождем. Обозные телеги, орудия, зарядные ящики приходилось тащить в ущельях на руках. Поэтому командир отряда закрепил все походные тяжести за полками и ротами.

Из-за прошедших ливней горные речушки вышли из берегов и однажды ночью затопили походный лагерь булгаковских войск. Высоко в горах стояла прохладная погода, особенно по ночам. В довершение ко всем бедам в обходном отряде стали падать кони, испробовавшие в пути какой-то ядовитой травы.

Операция по окружению Дербентской крепости завершилась успешно: Зубов с севера и Булгаков с юга вышли к ней почти одновременно. Высланные вперед казачьи сотни и разъезды надежно перекрыли все дороги и тропы, ведущие к Золотым воротам Кавказа.

Осада Дербента началась 2 мая. В этот день главные силы экспедиционного корпуса подошли к крепости на дальность видимости. Казачьи разъезды были встречены ханской конницей в четырех верстах от города, за стены которого вышли и пешие воины Ших-Али-хана. Перестрелка продолжалась около трех часов. С подходом на поддержку казаков драгунской кавалерии дербентцы поспешили укрыться в крепости, завалив ее ворота камнями и бревнами.

За ночь Валериан Зубов разместил войска в осадном лагере, который обустроили в четырех верстах от города на равнине. Драгуны заняли позиции в пригородных садах, разбросанных под отвесными скалами. Проведенная рекогносцировка показала, что действовать здесь успешно можно было только пехоте. Поэтому части драгун и казаков было приказано спешиться.

Особенностью Дербентской крепости являлось то, что перед ее стенами находилось несколько мощных, хорошо защищенных башен, доступ в которые был возможен только с помощью приставных лестниц. В каждой из них мог в безопасности отсиживаться большой отряд стрелков из ружей, которые вели огонь через многочисленные узкие бойницы. Такие гарнизоны вынесенных вперед крепостной ограды башен получали поддержку ружейными залпами и пушечной пальбой с близких городских стен.

Генерал-аншеф Валериан Зубов решил начать осаду со штурма одной из таких башен. На ночной штурм отряжался батальон Воронежского пехотного полка, подкрепленный двумя ротами гренадер. Приступ, которым командовал полковник Кривцов, решили проводить без привычной в таких случаях артиллерийской поддержки.

К намеченной для захвата передовой башни воронежцы и гренадеры подошли скрытно, тихо приставив к ней штурмовые лестницы. Сигнал тревоги среди защитников башни прозвучал только тогда, когда солдаты дружно полезли наверх. Из бойниц стали стрелять почти в упор, на головы штурмующих полетели камни. Полковник Кривцов, получивший три ранения в голову, не смог даль-

ше командовать приступом. Сменившему его майору Веревкину прострелили обе ноги. Уже в самом начале боя были ранены все офицеры атакующих. Убитых же солдат оказалось всего шесть человек. Видя такое дело, руководивший ночным приступом генерал-майор Римский-Корсаков, чтобы не терять зря людей, приказал отступить от башни.

На следующий день Зубов приказал начать закладку осадных батарей, которые по принятому в русской армии правилу возводили только по ночам. В таком случае на рассвете неприятель мог совершенно неожиданно для себя увидеть направленные на него орудия осадных батарей и на восходе солнца почувствовать всю силу и меткость артиллерийского огня.

Позиции осадных батарей возводились как можно ближе к крепости. Ночь не позволила дербентцам помешать таким осадным работам. Одновременно копались осадные траншеи, которые вскоре оказались всего в 400 саженьях от крепости. Со стен все время велся частый ружейный огонь, который не помешал работе землекопов.

Несколько дней русская артиллерия залповым огнем бомбардировала крепость. Даже невооруженным глазом было видно, какое замешательство начиналось на стенах среди ханских воинов после каждого орудийного залпа в их сторону.

В те дни к генералу Булгакову явились посланцы армянских селений с берегов реки Самур. Они просили принять их в российское подданство. В этих селах были пойманы посланцы Ших-Алихана, которые выбрались из осажденного города на лодках и морем добрались до устья Самура. У них оказались письма к Хамутайхану Казикумыкскому и воинственным лезгинам. Владелец Дербента обязывался расплатиться за помощь невольниками из числа русских пленных и «похвальными грамотами» от шаха Персии.

8 мая в десять часов утра начался новый штурм башни, которым на сей раз руководил генерал Булгаков. В приказе главнокомандующего экспедиционным корпусом говорилось:

«Башню надо взять непременно, штурм произойдет на глазах всего Дербента, и неудача может повлечь за собой торжество персиян, которые издревле привыкли трепетать перед русским именем».

Штурмовая колонна состояла из двух гренадерских рот Воронежского полка и батальона Кавказского егерского корпуса. Воронежцы, не отвечая на ружейный огонь из башни, подошли к ней и

приставили штурмовые лестницы. Гарнизон башни со стен крепости частым огнем не позволили атакующим взойти наверх. Тогда русская артиллерия дала несколько выстрелов по верху башни ядрами, основательно повредив ее верхний ярус. Оборонявшиеся там ханские воины, спасаясь, стали выпрыгивать из бойниц и бежать к близкой крепостной стене. Там им спускали веревки и поднимали беглецов наверх.

Ружейная пальба с верха башни прекратилась. Когда первые штурмующие во главе с поручиком Чекрышевым взобрались наверх, там уже не было ни одной живой души. Засевших же в нижних ярусах защитников башни перебили в рукопашной схватке. Для этого воронежские гренадеры разобрали доски и балки и вместе с ними обрушились на врага вниз.

Пока шел штурм башни, егерский батальон, рассыпавшись в цепь, вел жаркую перестрелку с дербентцами, находившимися на крепостной стене. Егеря сорвали их попытку совершить вылазку из крепостных ворот с тем, чтобы ближней ружейной пальбой отбить русских от башни. В захваченном передовом крепостном укреплении оставили караул, который стал прицельно обстреливать верх стены.

За ночь с северной стороны Дербента заложили еще две осадные батареи. Последовавшая затем двухдневная бомбардировка крепости из полевых пушек (орудий крупного калибра русские не имели) вконец сломила упорство дербентского гарнизона, насчитывавшего несколько тысяч воинов. Большинство из них входило в состав городского ополчения.

Одно из посланий Ших-Али-хана все же дошло до Хамутай-хана. Крупный отряд его конников верстах в десяти от осадного лагеря напал на обоз Кавказского гренадерского полка, который порожняком пошел встречать транспорт с провиантом, шедший с Терека. Нападавшие не успели разбить обоз: они разграбили четыре повозки, убили двух солдат и увели с собой в город десять обозников с лошадьми.

Оказавшийся невдалеке казачий пикет поднял тревогу. Вдольгонку за ханским отрядом пошел Хоперский казачий полк, по пути к которому присоединились две сотни горцев, которых привел брат дружественно настроенного к России Кази-хана — Мурза-бек. Однако в горах догнать налетчиков и отбить попавших в плен обозных солдат не удалось.

Генеральный штурм Дербентской крепости был назначен на 10 мая. Перед этим артиллерийским огнем была разрушена угловая башня с южной стороны. Древним же стенам, чья монолитная кладка держалась уже свыше тысячи лет, полевые орудия причинить вреда просто не могли. Моральный же урон пушечные залпы наносили ханскому гарнизону несравненно более заметный.

Но штурм не состоялся. Утром 10 мая на стене вывесили огромный белый флаг. Огонь осадных батарей сразу же прекратился. Затем растворились крепостные ворота, и в окружении многочисленной свиты из города вышел Ших-Али-хан с повешенной на шею в знак покорности драгоценной саблей. Вместе с ним находилась его родная сестра княжна Беке, которая была единственным человеком, которого юный хан мог послушаться. Воины гарнизона длинной вереницей выходили навстречу русским войскам и складывали в установленном месте свое личное оружие.

Седой 120-летний старец приветствовал победителя в лице генерал-аншефа Валериана Зубова короткой речью. А затем поднес ему на блюде серебряные ключи от города. Это был тот самый старейшина, который 74 годами ранее поднес те же ключи от Дербента, на том же самом месте первому всероссийскому императору-полководцу Петру I Великому.

Овладение Золотыми воротами Кавказа стоило победителям 11 офицеров и 107 нижних чинов, по разным причинам выбывших из строя. Потери ханского войска при защите Дербентской крепости неизвестны.

В крепости были взяты следующие трофеи: 28 орудий, 5 знамен и 11 тысяч единиц различного огнестрельного и холодного оружия. Много оружия горожане и ханские воины, естественно, припрятали по домам. В сдавшуюся крепость под полковую музыку и барабанный бой был введен русский гарнизон из четырех пехотных батальонов. Комендантом Дербента был назначен генерал-майор Савельев. При этом враждебных действий со стороны горожан не наблюдалось.

По меркам Кавказа Дербент был довольно большим и значительным городом. В нем проживало около 10 тысяч человек, из которых 3 тысячи были армяне. В городе имелось более 2 тысяч жилых домов, 450 купеческих лавок, 6 караван-сараяв (восточных гостиниц), 15 мечетей, 30 шелковых фабрик и 113 бумажных. Разумеется мелких, кустарного производства.

Во время праздничной церемонии, 13 мая, состоялось приведение в российское подданство жителей столицы Дербентского ханства. Оно проходило с участием полковых и армянских священников и местных мулл.

Ших-Али-хан, лишенный наследственного владения, оказался почетным пленником в русском лагере, пользовавшимся большой свободой. Вскоре, во время джигитовки на собственном иноходце, он бежал в горы. Побегу сперва не придали большого значения. Но вскоре Ших-Али-хан объявился в Горном Дагестане, где стал поднимать горцев на войну с русскими, впоследствии причинив им немало хлопот.

Генерал-аншеф Валериан Зубов за взятие Дербентской крепости удостоился полководческой награды — ордена Святого Георгия высшей, I-й степени. В высочайшей наградной грамоте говорилось:

«Во уважении за усердную службу и мужественные подвиги, оказанные им в предводительстве войск, вступивших в Персию, где он, достигнув города Дербента, благоразумными и искусными распоряжениями своими принудил оной к сдаче».

За крепость Дербент участники Персидской экспедиции получили немало наград. Все генералы удостоились Анненских лент. А храбрый гренадерский поручик Чекрышев стал кавалером ордена святого Георгия 4-й степени. Для младших — обер-офицеров русской армии это была редкая боевая награда.

Весть о столь быстром падении неприступного, как считалось на Кавказе, особенно с виду, города-крепости Дербента быстро распространилась по Дагестану и Северному Азербайджану. Горские владетельные князья и старейшины, до того опасавшиеся прихода армии безжалостных персов, стали прибывать в город, чтобы изъявить царскому главнокомандующему дружественные чувства к России...

Войска экспедиционного корпуса получили под Дербентом две недели на отдых. Ожидалось прибытие свежих сил с Кавказской укрепленной линии, а из Астрахани — судов с боеприпасами и провиантом. Из Астрахани к Дербенту вышла Каспийская военная флотилия, которая задержалась там из-за штормовой погоды.

Валериан Зубов отправил в Северный Азербайджан (Южный, собственно персидские владения, находился за рекой Аракс) несколько сильных отрядов. Им ставилась задача мирным путем, а в

случае отказа — военной силой, добиться от правителей небольших мусульманских ханств признания над ними протектората России. При отказе, разумеется, от вассального подчинения Тегерана.

В Дербенте окончательно установилась мирная жизнь. Поскольку Ших-Али-хан сбежал, Валериан Зубов назначил местным правителем родногодядю беглеца — Кассим-хана. В эти дни к русскому главнокомандующему прибыли посланцы Хамутай-хана. Он извинялся за нападение своих людей на обоз и возвращал захваченных в полон обозных солдат.

Командиры высланных вперед отрядов действовали успешно. Генерал-майор Рахманов без сопротивления занял город-крепость Баку, расположенный в просторной и очень удобной для стоянки судов бухте. Отряд генерала Булгакова занял Кубинское ханство. Впереди этих армейских войск шел со своими казаками атаман Матвей Платов, нацеливавшийся на Муганьскую степь и берега реки Куры.

Еще до начала развертывания экспедиционных сил в Северном Азербайджане к кавказским берегам подошла Каспийская военная флотилия. Она бросила якорь у Низабатской пристани, доставив туда из Астрахани запас провианта. Зубов направил туда Хоперский казачий полк. Ему предстояло принять и препроводить в главную квартиру привезенные морем припасы. Их погрузили на огромный караван, состоявший из 250 обозных фур и сотни верблюдов.

Русские войска, переправившись через реку Самур, продолжили продвижение на юг. 11 июля авангардный казачий отряд Платова уже стоял на берегах реки Ата-чай, а главные корпусные силы — на реке Гелгели. Персидский поход продолжал складываться вполне удачно. Лазутчики доносили, что шахская армия Аракс пока не переходила.

С Кавказских гор пришла весть, что беглый Ших-Али-хан вербует в свое войско горцев, намереваясь действовать в тылу у русских на их коммуникациях. Тогда генерал-майор Булгаков получил предписание «стать на квартиры» в Кубинском ханстве и оттуда «наблюдать» за действиями дербентского беглеца и его союзника — хана Казикумыкского.

15 июня Каспийская военная флотилия под флагом адмирала Федорова стала спускаться вдоль кавказского побережья на юг, к городу Баку. Флотилия состояла из фрегата с сильной артиллери-

ей и три военные шхуны. На борту находился десантный отряд из 700 бывших запорожцев, ставших казаками-черноморцами под командованием полковника Головатого. В состав десантных сил входили также две роты Кабардинского пехотного полка.

16 июня в ставку главнокомандующего прибыл Бакинский хан, который просил принять его под «высокое» покровительство Российской империи. Он отказывался от персидского подданства. Были уважены и подобные просьбы владельцев Шемахинского и Ширванского ханств. У последнего персы разграбили и разрушили столичный город. Мустафа-хан Ширванский считался едва ли не самым влиятельным мусульманским правителем в Северном Азербайджане.

Хан Шемахи при этом сделал поистине широкий дружественный жест. Он выдал каждому платовскому казаку по рублю денег серебром, а их усталых лошадей заменил на своих, свежих. На Востоке подобное означало очень многое.

Степь к тому времени стала выгорать, и лошадям, обозным верблюдам стало все труднее находить корм. Поэтому главные корпусные силы перешли в лесное урочище Курт-Булак, в 30 верстах от Шемахи с множеством родников, с чистой питьевой водой и отменным подножным кормом для коней. Урочище находилось на пересечении нескольких дорог...

Довольно скоро Валериану Зубову пришлось испытать на себе вероломство восточных владык за свою доверчивость. Причем измена свила гнездо в самом русском походном лагере, и брат фаворита едва не поплатился за дела своей собственной жизнью.

К нему из Санкт-Петербурга прибыл брат персидского шаха Нури-Али-хан, правитель одной из прикаспийских провинций. За год до начала Персидского похода он бежал в Россию, опасаясь мести грозного Али-Магомела. Причина была для Востока веская: хан не захотел уступить брату-шаху редкой красоты жеребца, купленного им за четыре тысячи золотых монет. Правитель Тегерана в подобных случаях отказа своим желаниям был скор на расправу. Родственные связи при этом во внимание никак не принимались.

Нури-Али-хан совершил, спасая свою жизнь, тайный побег. В Санкт-Петербурге он просил заступничества у императрицы Екатерины II. Когда Валериан Зубов отправился в поход, с ним отбыл из столицы и беглец. Он вместе со свитой почти в сотню иранцев содержался за счет российской казны.

Шахский брат считался претендентом на персидский престол. Так, по указанию императрицы, к нему относился и Валериан Зубов. Но тот оказался способен на самую низкую измену. В это время шекинский и карабагский ханы, не желая «разделять участь» владельцев Баку, Кубы и Шемахи, вступили между собой в тайный сговор о противодействии русским. На открытое вооруженное сопротивление они могли решиться, разумеется, только в случае вступления шахской армии в Северный Азербайджан.

Как то ни странно, но к ханам-заговорщикам присоединился и дербентский Кассим-хан. В заговор был вовлечен и брат персидского владыки. Ему поставили следующее условие: за организацию нападения на лагерь экспедиционного корпуса и убийства русского полководца он получал в жены красавицу дочь карабагского владетеля.

Только случай помешал осуществить этот злой замысел. Брат шаха любил заниматься джигитовкой на любимом скакуне. Но однажды его конь споткнулся, всадник в седле удержался, уронив, однако, на землю папаху. Подбежавший казак поднял ее и вернул владельцу. Но поскольку он оказался человеком бывалым и на войне бдительным, то сумел незаметно припрятать выпавшую из папахи записку.

Она была передана через казачьего сотника Зубову и прочитана с помощью надежного толмача. Ее автором оказался один из ханов-заговорщиков, правда, из-за осторожности не подписавшийся. Вероломный и неблагодарный Нури-Али-хан был взят под стражу и отправлен в Астрахань под строгий надзор местного губернатора.

Хотя проведенное следствие не дало прямых улик против владельцев Шеки, Карабага и Дербента, генерал-аншеф Валериан Зубов приказал занять войсками Шекинское и Карабагское ханства. За ханами сохранили их власть, но заставили, по восточному обычаю, выдать аманатов — заложников из сыновей самых знатных вельмож. Комендантом Баку назначается генерал Цицианов (грузинский князь Цицишвили).

20 июня во главе большого конного отряда с гор спустился Ших-Али-хан. Он совершил нападение на азербайджанский город Кубу, столицу одноименного ханства, добровольно принявшего подданство России. Зубов поставил в Кубе русский гарнизон, а подвижной провиантский магазин корпуса прикрыл кавалерийской бригадой генерала Беннигсена.

... Не встречая вооруженного противодействия, русские войска взяли под контроль всю обширную территорию к югу от реки Куры до реки Аракс, то есть овладели почти всем Северным Азербайджаном. Шахские войска из-за Аракса все не показывались.

Предназначенные для Персидского похода войска продолжали подтягиваться к главным силам Валериана Зубова. Из России пришли Углицкий пехотный и Острогожский легкоконный полки. Прибыла часть гарнизона Дербента (две роты Казанского пехотного полка). Началась подготовка к переносу военных действий за Аракс, на территорию Южного Азербайджана.

Ших-Али-хан вновь спустился с гор и опять напал на город Кубу, прошелся по тылам русских войск, угнал 90 пар волов, часть с обозными фурами. Хан вместе с союзниками-казикумыкцами занял селение Алпаны в одноименном ущелье. Там под знаменами Ших-Али-хана скопилось, по завышенным сведениям местных жителей, до 15 тысяч воинов-горцев. Такой дезинформацией, по всей видимости, решили запугать русский гарнизон, стоявший в Кубе.

Генерал-майор Булгаков выслал в Алпанское ущелье на разведку роту егерей под командованием капитана Семенова. После обнаружения неприятеля к нему на поддержку прибыл отряд подполковника Бакунина: три роты егерей, сотня казаков с двумя полевыми орудиями. Бакунин решил, не дожидаясь подхода основных сил кубинского отряда, идти вперед и атаковать неприятельский лагерь, который находился в селении Алпаны. Офицеры, собранные на военный совет, единодушно одобрили такое решение.

Егерский батальон с сотней казаков в темную, непроглядную ночь втянулся в узкое лесное дефиле. Дорога, которая извивалась по Алпанскому ущелью, больше напоминала избитую ямами и рытвинами тропу. Почти всю дорогу две полевые пушки с зарядными ящиками пришлось нести на руках. Егеря, меняясь взводами, помогали артиллеристам подниматься вверх. К рассвету, когда вдали показалось селение Алпаны, люди выбились из сил.

Алпаны находилось на покатости горы, имея перед собой глубокий лесистый овраг. Дорога близ него стала лучше. Здесь Ших-Али-хан и устроил засаду, будучи заблаговременно предупрежден своими дозорами о приближении русских. Когда их колонна стала выходить из дремучего леса, ханское войско с яростными криками

ринулось в атаку из близкого оврага. Основной удар пришелся на тучасть колонны, где находились орудийные расчеты. Пушки, не сделав ни одного выстрела, сразу стали вражескими трофеями.

Из-за внезапности нападения егерский батальон, не успевший развернуться для боя, понес большие потери. Всего в Алпанском ущелье погибло около 250 человек. В рукопашных схватках погибли почти все офицеры, в том числе подполковник Бакунин и капитан Семенов.

Уцелевшие во время внезапной атаки егеря и казаки отступили от оврага к лесной опушке, где находились сложенные в штабеля бревна. Укрывшись там, они стали отбиваться от наседавших горцев до тех пор, пока на помощь не подоспел Углицкий пехотный полк под командованием полковника Стоянова с несколькими орудиями.

Горцы, увлеченные азартом, казалось бы, победного для них боя, заметили подход нового русского отряда только тогда, когда в их ряды ударил первый картечный залп. Ших-Али-хан, командовавший боем в Алпанском ущелье, тоже оказался застигнутым врасплох. Вскоре его войско оказалось окруженным с трех сторон. Не прошло и часа, как «превосходное» в силах ханское войско оказалось совершенно разбитым.

Противник, конный и пеший, в полном беспорядке бежал в горы, стремясь укрыться в лесах от преследовавших их пехотинцев-угличан. В бегстве горцы бросали своих раненых и вещи, которые были сняты с убитых солдат и офицеров. По свидетельству пленных и местных жителей, ханское войско в тот день только убитыми потеряло до двух тысяч человек. Причиной таких больших потерь стали картечные залпы в упор и штыковые удары рот Углицкого пехотного полка.

Прибывший в Алпаны генерал-майор Булгаков не стал довольствоваться одержанной полной победой над Ших-Али-ханом. Он решил в наказание казикумыкцев опустошить их селения. Войска, имея надежных проводников, двинулись к горным аулам. Тогда сам Хамутай-хан явился с повинной в русский лагерь. Чтобы отклонить угрозу собственного разорения, он заявил о безусловном выполнении им всех требований противной стороны.

Булгаков такие требования высказал. Хамутай-хан вооруженной рукой изгнал из своих владений отряд Ших-Али-хана, даламанатов. Были возвращены угнанные из-под Кубы обозные вола. И со

всем «своим народом», который представляли ханские приближенные, горский правитель присягнул на подданство всероссийской государыне.

Истребление части отряда подполковника Бакунина в Персии объявили крупной победой над «неверными». По указанию шаха Али-Магомед-хана в Тегеране дело в Алпанском ущелье отпраздновали торжественно, с иллюминацией. Дербентский вассал, лишенный русскими отцовского престола, получил большое доверие иранского самодержца.

Действия Ших-Али-хана задержали главные силы экспедиционного корпуса в Шемахе более чем на месяц. Тем временем с Кавказской укрепленной линии пригнали для ремонта кавалерии 500 коней — то есть для замены выбывших из строя по разным причинам. В корпусной лагерь под надежной охраной прибыли последние обозы, доставившие грузы с Каспийской военной флотилии.

Чтобы «замирить» Кубинское ханство, Валериан Зубов с помощью сестры Ших-Али-хана — княжны Беке вызвал к себе ее младшего брата Гассан-бека, скрывавшегося у дагестанцев. Ему гарантировалась личная безопасность. После беседы с ним русский главнокомандующий передал ему в управление Кубинское ханство.

Затем генерал-аншеф Зубов направил свои действия в сторону Грузии. Там, на пути к Тифлису, лежали владения гянджинского хана Джавата. Здесь ожидалось встретить серьезное вооруженное сопротивление. Дело было в том, что во время последнего нашего посещения персов на грузинскую столицу правитель Гянджи со своими воинами участвовал в кровавом погроме города Тифлиса и его окрестностей.

На столицу ханства Гянджу двинулся 3-тысячный отряд генерал-майора Римского-Корсакова. 13 декабря 1796 года он подошел к крепости, известной своей мощью и высокими двойными стенами. Однако штурмовать ее не пришлось. Хан Джават предусмотрительно выехал навстречу русским и сразу же заявил о своем добровольном переходе под «высокое» покровительство России.

Он был типичным восточным правителем. Спустя всего несколько лет, когда огромная конная персидская армия подойдет к реке Аракс, Джават-хан изменит данной присяге. Князю Цицианову, царскому наместнику и главнокомандующему на Кавказе,

придется штурмовать Гянджинскую крепость и овладевать ханской столицей с боем.

Одновременно с движением отряда генерала Римского-Корсакова экспедиционный корпус пошел на юг и разбил походный лагерь на водоразделе Северного и Южного Азербайджана. Знамена полков русской армии поднялись у слияния рек Куры и Аракса. Для участников Персидского похода это было знаменательным событием.

Шахская армия все не давала о себе знать, хотя на противоположном берегу Аракса начинались собственно персидские владения. В том, что вокруг русского стана рыскали вражеские лазутчики, сомневаться не приходилось. Валериан Зубов понимал, что неприятель в числе нескольких десятков конных воинов мог появиться достаточно внезапно. Поэтому усиливается сторожевая и дозорная службы, ведется дальняя конная разведка, через штабных толмачей опрашивается едва ли не каждый путник, следующий по своим делам из Персии.

Фаворит императрицы задумал заложить на месте слияния двух больших рек укрепленный город и даже придумал ему название — Екатериносерб. Теперь корпусной походный лагерь расположился на обширной равнине, примыкавшей к левому берегу реки Куры. За ней начиналась Муганьская степь, где проживали кочевые азербайджанцы.

Казачья конница атамана Матвея Платова переправилась на персидский берег Аракса. Усиленные казачьи разъезды прошлись по всей территории Южного Азербайджана и дошли до прикаспийского города Гиляна. Шахской армии нигде не было видно. Гарнизоны персидских городов при появлении русских закрывали перед ними крепостные ворота.

Шах Каджаров упорно избегал вооруженного столкновения с русскими войсками. Мудрый восточный правитель, он был, конечно, не прочь прославить себя новыми военными победами и повторить опустошительный набег на Картли-Кахетинское царство. Но он знал, сколь быстро русские покорили ханства Северного Азербайджана, его вассалов, овладели Золотыми воротами Кавказа и пришли на помощь царю Ираклию II. С серьезным противником шутить не приходилось.

Однако такая осторожность Али-Магомеда-хана крылась и в другом. В это время он во главе своей армии умирал мятежные

окраины государства Каджаров, всерьез опасаясь за собственный трон и столичный Тегеран. Среда персидской знати постоянно таила в себе угрозу придворного заговора. Отношения с соседями — турками-османами и особенно афганцами оставляли желать много лучшего.

Шаха тревожило и то, что воды Каспия, к которому на юге примыкали самые процветающие персидские провинции, оказались полностью в руках русских. Их Каспийская военная флотилия курсировала вдоль побережья, высаживая десанты черноморских казаков. Те на своих мореходных лодках смело вступали в морские бои с лодками-киржими с неприятельскими солдатами и всегда брали над ними верх.

...Персидский поход войск России под командованием генерал-аншефа Валериана Зубова, начавшийся со взятия крепости Дербент, обещал быть удачным. В считанные месяцы в российское подданство перешли Дербентское, Бакинское, Кубинское, Карабагское, Шемахинское и Гянджинское ханства. Весь западный — кавказский берег Каспия был занят русскими войсками, равно как и Мугань. С местным населением складывались добрые, доверительные отношения. Восточная Грузия теперь была прикрыта со стороны Персии.

Путь в Южный Азербайджан был открыт и разведан партиями платовских казаков. Экспедиционный корпус должен был с началом 1697 года вновь прийти в наступательное движение. Современники считали Персидский поход во многом выигранным: «персиане» сдавали, по сути дела, без боя одну территорию своих закавказских владений за другой.

Внешнеполитическая ситуация складывалась для официального Санкт-Петербурга удачно. Ему оставалось только воспользоваться результатами похода зубовских войск. То есть утвердить за Российской империей мусульманские ханства Северного Азербайджана. Тем более что их правители и население присягнули на верность России и ее государыне почти без пролития крови.

Императрица Екатерина II, вне всякого сомнения, предвидела такой ход исторических событий. Только этим можно объяснить то, что она своим высочайшим указом назначила графа и Георгиевского кавалера Валериана Зубова наместником Кавказского края вместо генерала Гудовича.

Такое решение стало своеобразной наградой для предводителя Персидского похода. Отзывы современников в адрес его участников были самые лестные. Так, один из них отмечал, что в 1796 году «прославилось могущество, дисциплина, храбрость и терпение русских воинов».

Можно только предполагать, как бы в дальнейшем развивались события за Кавказом и дальнейший ход Персидской экспедиции. Известно, что генерал-аншеф В.А. Зубов намеревался пройти со своим действующим корпусом по территории собственно Персии, сразиться в генеральном сражении с армией шаха Ага-Магомеда и сурово наказать его за оскорбление Российской империи, нанесенное ей кровавым погромом в Тифлисе.

Но... Неожиданная смерть императрицы Екатерины II, следовавшая 6 ноября 1796 года, сразу все перевернула в кавказской политике России. Разом обрушились все планы Персидского похода и все планы на будущее самого графа Валериана Зубова.

Известие о том, что Екатерина Великая ушла из жизни, а новым всероссийским императором стал ее сын Павел I, пришло в Закавказье только в середине декабря. В корпусную штаб-квартиру павловский указ привез специальный курьер подполковник граф П.Х. Витгенштейн, будущий генерал-фельдмаршал. С получением этих известий все военные действия войск экспедиционного корпуса прекращались до получения новых высочайших указаний.

Без особых промедлений генерал-аншеф Валериан Зубов 16 декабря привел к присяге новому государю России вверенные ему войска. Задержка с присягой была чревата опасностью. Ее принятие проводилось в русской армии по давно установившейся традиции.

В парадный строй становились полки и батальоны, эскадроны и казачьи сотни, батареи и корабельные экипажи. Барабанщики пробивали «генерал-марш». Потом составлялся общий круг или каре строем внутрь. Зачитывался царский манифест и текст присяги на верность новому самодержцу, служился торжественный молебен. Затем войска снова образовывали линейный строй, гремело многократное «ура». Церемония приведения войск к присяге заканчивалась 101 выстрелом из пушек. В торжественной церемонии участвовали и местные феодальные владельцы со своими наследниками, приближенными и чиновниками.

Валериан Зубов в те дни, по всей видимости, понял, что на екатерининском «Греческом проекте», модернизированном его

старшим братом, уже князем Платоном. надо поставить крест. И дело было даже не в том, что воцарившегося императора Павла I Петровича не устраивал план нанесения удара по Стамбулу-Константинополю через кавказские владения Персии. Новый государь, как стало известно с самого первого дня его правления, не разделял внешнеполитических видов своей великой матери и тем более ее фаворитов. Братья Зубовы у него никаких симпатий не вызывали.

Павел I начал круто и неоправданно резко менять внешнеполитический курс России. Такое положение дел довольно скоро привело к дворцовому перевороту. Бывшие екатерининские вельможи составят заговор, и император будет убит ими. В России воцарится его сын Александр I, который поведет Российскую империю своим путем, изменив отношение и к Кавказу.

Русские войска, стоявшие на берегах Аракса и готовые наступать дальше, еще не успели «остыть», как в Санкт-Петербурге на самом высочайшем уровне признали блистательные результаты Персидского похода... ничтожными. Из императорского окружения был удален еще вчера всемогущий фаворит князь Платон Зубов. Опала пала и на его младшего брата генерал-аншефа Валериана Зубова.

В том же декабре 1796 года стало известно, что война с шахской Персией, уже по сути дела начавшаяся, прекращается в одностороннем порядке, без каких-либо переговоров участвовавших в ней сторон. Такая война на Кавказе не входила во внешнеполитические планы нового самодержца России.

В середине того же декабря все полковые командиры экспедиционного корпуса внезапно получили именные высочайшие указы о немедленном возвращении вверенных им полков в российские пределы. Подобных примеров русская армия в своей истории еще не знала.

Со стороны казалось, что такого рода игнорирование свыше главнокомандующего с его правами и обязанностями, официально даже еще не отрешенного от своего поста, могло внести серьезную дезорганизацию в войска экспедиционного корпуса. А на войне такое всегда было чревато известными последствиями. Однако этого не произошло, как видится, во многом благодаря личным качествам Валериана Зубова.

Современники отмечают, что, чувствуя личную ответственность за судьбы вверенных ему императрицей Екатериной II сол-

дат, казаков и офицеров, он внешне с достоинством перенес нанесенную ему новым монархом личную обиду. Забыв об уязвленном самолюбии, фактически отстраненный от занимаемой должности, Зубов занялся организацией отвода войск назад, в Россию, через ханства Северного Азербайджана и дагестанское побережье Каспийского моря.

На военный совет в корпусную штаб-квартиру приглашаются все полковые командиры. На нем генерал-аншеф предложил свой план обратного отхода на Терек. Генералы и полковники полностью согласились с предложениями опального полководца. Все согласились и с тем, что угроза столкновения с конной армией персидского шаха не исключена. Тот мог бы вознамериться «победно изгнать» русских из своих вассальных владений к северу от реки Аракс.

После военного совета отдается приказ войскам стянуться в походные лагеря. Из Персии возвращаются платовские казачьи партии. Первым получило приказ отправиться на Терек Семейное казачье войско (полк) для «поправления лошадей». Пехотным полкам и батальонам предписывается идти в Баку, где в море стояла Каспийская военная флотилия с транспортными судами. Казачья конница и регулярная кавалерия собирались воедино на берегах Куры, в Муганьской степи.

Война на Кавказе официально никаким высочайшим документом из Санкт-Петербурга не прекращалась. Император Павел I словно «не видел» шаха Каджаров, на которого его венценосная мать «обнажила меч» за кровавый Тифлисский погром, что на глазах всей Европы уязвило честь и достоинство Российской империи. Опальный полководец Валериан Зубов в своих действиях старался полностью избежать разрозненного отвода корпусных сил из Северного Азербайджана.

На сборы войск ушло немногим более месяца. В первой половине февраля 1697 года генерал-аншеф В.А. Зубов отправил в северную столицу донесение о начале отвода экспедиционного корпуса за Терек, в российские пределы. А сам начал заниматься вопросами обеспечения войск провиантом и фуражом. Делал это он уже по собственной инициативе: на последнем военном совете генерал-аншеф официально объявил собравшимся высочайшую волю и сложение с себя полномочий главнокомандующего. Но их сложение не означало отказ от этих обязанностей.

Высочайшим рескриптом Павла I бывший главнокомандующий Персидской экспедицией русских войск увольнялся в отставку с оставлением в прежнем воинском звании. На эту должность никто не назначался.

Войска, которые до похода стояли на Кавказской укрепленной линии, возвращались к местам прежней дислокации. Там их должен был лично принимать «пылавший гневом» генерал Гудович. Возвращение в Россию было безрадостным, с прежними дорожными тяготами и без каких-либо военных стычек по долгому пути.

Один из участников Персидского похода командир артиллерийской батареи А. П. Ермолов, будущий герой Отечественной войны 1812 года и зачинатель Кавказской войны, в своих воспоминаниях рисовал безрадостную картину возвращения войск в Россию. Полки, по его словам, выходили за Терек все-таки поодиночке, каждый сам по себе. Ермоловская батарея «пробралась» степью прямо на Астрахань. И таких случаев набиралось немало.

С русскими войсками ушло довольно много армян: 375 семейств, 2500 душ. В своем большинстве они поселились в городе Кизляре, в одной из крепостей Кавказской линии. В пути их обеспечивали казенным провиантом, помогали переправлять имущество через реки.

Для защиты Картли-Кахетинского царства в Закавказье остался только небольшой воинский отряд генерала-майора А. М. Римского-Корсакова. Он зазимовал в Гянджинской крепости, «наблюдая» местное ханство. Но и он в течение 1797 года возвратился на Кавказскую линию, пройдя туда окольным путем через Дарьяльское ущелье.

Так по воле императора Павла I внешне бесславно завершился Персидский поход русских войск 1796 года. Начавшийся с серьезного успеха — взятия сильной крепости Дербент и приведения под «высокую руку» России большей части мусульманских ханств Северного Азербайджана. И закончившийся фактическим возвращением персидскому шаху всех этих присоединенных к Российской империи земель.

То есть случилось нечто необычное для войн прошлого и настоящего. По крайней мере, аналогов подобному найти в мировой военной летописи довольно сложно.

В истории древнего Иранского государства год 1796-й записан поистине красной, победной строкой. Придворный шахский ис-

торик так описал это неожиданное и потому радостное для персов событие:

«Монархиня, — говорит он, — назначила главнокомандующим посылаемого ею войска военачальника, у которого одна нога была оторвана ядром, а вместо нее сделана золотая, почему его и прозвали кизыл-аяг, то есть золотоногий. Ему поручено было в командование 40 000 пехоты и 20 000 конницы, с несметною артиллериею. (Историк шаха Ага-Магомеда во много раз приумножил численность русского экспедиционного корпуса. — *А.Ш.*)

По прибытии к Дербенту он хотел овладеть им, разгромив ядрами его стены. Но так как стены были прочнее, шире и толще скалы, то ядра не произвели в них ни малейшего вреда. При этом Ших-Али-хан Дербентский множество людей покрыл кровью (то есть убил. — *А.Ш.*), но ему изменил некто Хазар-бек, и русские взяли город.

Кизыл-аяг явился в Муганьской степи. Шах, узнав об этом, поспешил к Ардебилю с бесчисленною армиею, покрывшею все горы и долины, и с таким торжеством выступил против врага, что кизыл-аяг потерял всякую надежду к спасению. А потому, видя себя, подобно воробью в когтях ястреба или ягненку в объятиях волка, он совершенно потерялся, не зная, что предпринять.

Вдруг пришло известие, что солнце шапочная (хуршид-кулаг) монархиня скончалась. Пользуясь этим случаем, кизыл-аяг поспешил в Россию, бросив на произвол судьбы весь обоз, который сделан добычей шахских войск — милость великого и всемогущего Аллаха!»

Так шахский летописец в своем историческом писании рассказал о попытке России раздвинуть свои государственные пределы за Большой Кавказский хребет, и одновременно обезопасить православную христианскую Грузию от дальнейшего разорения мусульманской Персией. Можно утверждать, что эта попытка в царствование Екатерины II для россиян имела глубокие нравственные корни.

Все же придворного историка шаха Али-Магомеда следует поправить. Особенно в выступлении персидской армии против экспедиционного корпуса генерал-аншефа Валериана Зубова. Русская сторона узнала о новом вторжении огромной конной армии персов из письма дагестанского владельца шамхала Тарковского. Оно попало в руки генерал-майора Булгакова тогда, когда тот с корпус-

ным авангардом находился в нескольких переходах от Терека, а остальные войска еще только покидали места своей постоянной дислокации.

Где же находился шах Ага-Магомед-хан Каджар тогда, когда, собственно говоря, начался Персидский поход? Была ли его конная армия, потрясавшая воображение жителей Кавказа, числом в несколько десятков тысяч всадников? Почему русский экспедиционный корпус так и не вошел в боевое соприкосновение с войсками персов? Что же было на самом деле?

Шахская армия ушла из Северного Азербайджана, на этот раз даже не приближаясь к границе Картли-Кахетинского царства, так же стремительно, как и ринулась через реку Аракс из Персии на север. Причина крылась не в том, что русские войска собирались перешагнуть через Терек, о чем в Тегеране от лазутчиков узнали достаточно своевременно. Причиной, очень веской, стало то, что власть новой династии — Каджаров в Персидской державе признали далеко не все, особенно кочевые и полукочевые племена (не персы) на ее окраинах.

Когда генерал-аншеф Валериан Зубов начал осаду Дербентской крепости, шах Ага-Магомед находился со своей армией в Хорасане, в городе Мешхеде — южнее современной Туркмении. Хорасанцы, отличавшиеся сепаратизмом и в более поздние времена, тогда взяли за оружие, подняв мятеж против нового правителя. Огромная провинция не желала признавать над собой власть Тегерана.

Узнав о том, что Золотые ворота Кавказа вот-вот падут, шах поспешил, загоняя коней, в свою столицу. Но почти всю армию ему пришлось оставить в Хорасане под командованием одного из каджарских ханов. Он торопился организовать оборону Тегерана и начать сбор новой армии, поскольку судьба Персии и основанной им царствующей династии в 1796 году была поставлена на карту.

Дальнейшие кавказские события показали, что Ага-Магомед-хан спешил из Хорасана в Тегеран действительно зря. Хотя время гола было позднее (трава в степях уже выгорала) и потому не располагало по восточным меркам к большим военным мероприятиям, владыка Персии от войны с Россией и не думал отказываться. Он приказал всем военачальникам — губернаторам, вождям племен и начальникам крепостных гарнизонов состоять в готовности к большому походу опять на север, за Аракс. Такой поход для персов был

желателен, поскольку из двух последних и недавних они вернулись домой с богатой добычей.

Однако выступить «вот-вот» шах не мог по известным причинам. Поэтому он из столицы громогласно объявил, что свое появление в Закавказье он наметил на весну будущего — 1797 — года. Весной степи покроются сочной зеленой травой, и тогда персидской коннице не будет угрожать бескормица и падеж лошадей. Ага-Магомед-хан Каджар объявил в своих указах и о цели карательного похода под Кавказские горы:

«Я накажу неверных, дерзнувших выйти из Европы в персидские владения... и вознамерившихся похищать земли у правоверных».

Современники сходятся на том, что родоначальник династии Каджаров был умным человеком, достаточно предусмотрительным и осторожным. Он прекрасно понимал, как и его будущие преемники и наследники на тегеранском престоле, что Персия находится в серьезной опасности. Узел противоречий с ее северным соседом крылся в Кавказе. Россия, которая перед этим не раз громила на поле брани и на море могучего западного иранского соседа — Османскую Порту, вполне могла разгромить и не маленькую по территории Персию.

Надо отдать должное шаху Ага-Магомеду. В такой действительно непростой для себя ситуации он избрал правильную стратегию выжидания. Персидский владыка не бросился сломя голову биться с русскими за мусульманские ханства Северного Азербайджана, а даже оттянул от реки Аракс все имевшиеся там у него войска, кроме крепостных гарнизонов. В таком положении оказалась почти вся северная Персия.

Стратегические расчеты шаха оказались верными, без «прорасчетов». Действительно, со смертью императрицы Екатерины II политическая ситуация на Кавказе резко изменилась в самую благоприятную для Персии сторону. Вряд ли в Тегеране могли предположить такое: русские войска сами стали уходить из Закавказья. И более того, Россия не делала даже намека на свое желание оставить за собой покоренные то силой, то уговором азербайджанские ханства. О таком исходе начавшейся войны персы могли только мечтать. Особенно после того, как казацьи партии «прочесали» в поисках шахских войск несколько северных провинций собственно Ирана.

Однако шах Каджар не был бы им, если бы вдруг отказался от своей врожденной воинственности. Узнав об уходе русских войск и их маршрутах детально, Ага-Магомед стал действовать с присущей ему энергией. Тем более что мятеж в Хорасане был уже подавлен вооруженной рукой. То есть он вновь занес над закавказскими землями (и вполне реально — над дагестанскими землями) свой безжалостный меч.

Персидский властитель смело двинулся в Закавказье, как и было им объявлено. весной 1797 года. Он выступил в поход во главе 60-тысячной конной армии. Перейдя реку Аракс, шах для начала обрушился на Нагорный Карабах, сумев в этот раз взять крепость Шушу, хотя ее защитники держались мужественно. После этого персидская конница вошла в Ширванское ханство, которое «отдалось под покровительство российской государыни».

Можно теперь только гадать, куда бы из Ширвана двинулась персидская армия — на Тифлис или Баку, на Дербент или дальше к Тереку. Во всяком случае, несчастная христианская Грузия вновь оказалась под ударом мусульманских войск.

Ход дальнейших военных событий пресек случай. На четвертый день пребывания в Шуше Ага-Магомед-хан был разбужен ночью шумом ссоры между двумя своими рабами — грузином по имени Садук и таким же невольником Коладагом. Разгневанный шах приказал их умертвить. Но так как дело было ночью и в пятницу, посвященную по мусульманским канонам молитвам, то исполнение смертного приговора отложили до утра следующего дня.

Приказав «взять жизнь» у двух своих рабов, шах Каджар написал сам себе смертный приговор. Отчаяние придало силы приговоренных к мучительной казни. Когда шах уснул, Садук и Кададаг прокрались в его шатер и ударом кинжала убили своего хозяина. Так погиб персидский шах Ага-Магомед-хан, бывший евнух, на 63-м году от рождения. Это был безжалостный восточный правитель-тиран, обгабивший свои руки кровью многих десятков тысяч людей.

После этого убийства угроза Грузии сразу отпала: персидская армия сразу возвратилась на родину. После гибели Ага-Магомед-хана в Персии началась междоусобная борьба за освободившийся шахский престол: бескровной она не стала.

В той борьбе победили Каджары, удержавшие за собой верховную власть. На престол вступил племянник убитого шаха — Фегх-

Али, при котором Персия и Россия потом будут выяснять отношения в течение почти тридцати лет.

Уход за Терек русских войск повлек за собой смену власти в Дербентском ханстве. Когда 20 мая 1797 года генерал Савельев вывел из крепости гарнизон, город почти сразу же занял Ших-Алихан, пришедший с небольшим воинским отрядом. Он выгнал из Дербента брата Гассан-бека и первого городского бека (управителя) Хадыря. Первому из них он намеревался выколоть глаза, но младшего брата хана спасло заступничество сестры Беке и матери. Дербентскому владельцу им пришлось уступить.

Все же скитание по горам Дагестана многому научило беглого шахского вассала. Когда он узнал о смерти императрицы Екатерины II и воцарении ее сына Павла I, он увидел в этом известии «птицу удачу» для себя. Он послал несколько писем стоявшему против него с гарнизонным отрядом генералу Булгакову. В посланиях он говорил о желании наладить дружественные отношения с Россией. В обмен, разумеется, на признание за ним прав дербентского владельца...

Персидский поход 1796 года в российской истории, в истории кавказских войн оставил больше вопросов, чем ясности. Тайной так и осталось его продолжение. До сих пор исследователи высказывают различные гипотезы относительно возможных вариантов развития событий в Закавказье.

Нет ответа на то, хотела ли великая воительница Екатерина II завоевать Персидскую державу. Или она, защищая оскорбленное кровавым тифлисским погромом население, хотела покарать за совершенное злодейство шаха Каджаров, отучить его посягать на кавказские земли, добровольно вставшие под «высокую руку» Российской империи.

Есть гипотеза о том, что Персидский поход должен был стать частью имперской программы по присоединению к России Кавказа, как Северного, так и Закавказья. В пользу этой гипотезы говорит многое. Достаточно привести примеры тому, как самые различные кавказские народы искали защиты у России и добровольно желали вступить в ее подданство. Всего лишь несколько из многих примеров.

1638 год. В Москву приходит грамота царя Мингрелии Леона к царю Михаилу Федоровичу, основателю династии Романовых, о желании грузинского народа перейти в подданство России.

1641 год, мая 31. Жалованная грамота царя Михаила Федоровича кахетинскому царю Теймуразу I о принятии Иверской земли под российское покровительство.

1657 год, январь. Письмо представителей тушин, хевсуров и пшавов царю Алексею Михайловичу о переходе их в русское подданство.

1711 год, марта 4. Грамота царя Петра I Алексеевича владетельным князьям Кабарды и всему кабардинскому народу о согласии принять кабардинский народ в подданство России и защитить их от внешних врагов.

1724. Послание армянских патриархов Исаяи и Нерсеса императору Петру I Великому с просьбой принять армянский народ под покровительство России.

1786, октября 14. Письмо князя Г.А. Потемкина шамхалу Тарковскому Бамату с извещением о принятии его в подданство России...

И, наконец, гипотеза о том, чтобы Персия, прежде всего ее азербайджанские провинции, должны были стать в ожидавшейся войне с Блестящей Портой исходным плацдармом для прорыва русских войск через Турецкую Армению и Анатолию к столичному Стамбулу, который в ту эпоху европейцы, и особенно в России, называли только как Константинополь.

Какая из этих версий является наиболее реалистической, неизвестно. Все они покрыты завесой исторических тайн. Можно достоверно констатировать только следующее: у великой по размаху внешнеполитических деяний Екатерины II были действительно великие замыслы по расширению пределов Российской державы.

Как же сложилась судьба несостоявшегося во всем блеске полководца Валериана Зубова после 1696 года? При императоре Павле I все братья Зубовы попали в опалу. Виновник персидских побед граф Валериан Александрович поселился в своих немалых имениях в Курляндии, оказавшись под присмотром местной полиции. Его старшего брата светлейшего князя Платона Зубова самодержец лишил почти всего: положения, влияния и большей части огромных имений, на которые государством был наложен секвестр. От придворной службы был отставлен и самый старший из Зубовых — граф Николай Александрович, генерал-поручик и шталмейстер двора.

Неуравновешенный по характеру и поступкам Павел I однажды на свою голову смягчился и вернул братьев Зубовых в столицу. Прощение в 1800 году коснулось и Валериана Зубова: он был вызван из Курляндии в Санкт-Петербург. Там его снова приняли на военную службу с чином генерала от инфантерии. Императорским указом он назначается директором столичного 2-го Кадетского корпуса.

Зубов-младший в этой должности проявил себя способным администратором, заботившимся о воспитанниках, улучшении их образования и содержания. При нем была закончена постройка новых капитальных зданий этого военно-учебного заведения.

На педагогическом поприще и раскрылись, как свидетельствовали современники, самые замечательные человеческие черты графа В.А. Зубова. Он по-отечески заботился о кадетях, родители которых не имели «приличного» состояния — то есть не имели средств на то, чтобы дать своим сыновьям хорошее дворянское образование. Новый директор стал широко практиковать прием в кадеты сверх штата. При этом родители юных дворян вносили только посильную денежную сумму, а прочее относилось решением Валериана Зубова на хозяйственные расходы кадетского корпуса. Если порой у родителей вообще не оказывалось денег, то в таком случае генерал от инфантерии платил в казну из собственных средств.

Примечателен такой факт. Когда директор 2-го Кадетского корпуса ушел из жизни, то сразу выяснилось, что таких «негласных» воспитанников, содержащихся в основном за счет личных средств графа Зубова-младшего, в корпусе оказалось 212 человек (!).

В разбирательстве такого необычного дела принял участие сам император Александр I Павлович. Он повелел отпустить на их содержание из государственных средств особую сумму. Тем самым государь дал возможность зубовским «подопечным» завершить образование и «выйти» в офицеры.

Военные заслуги Валериана Зубова все же не остались при императоре Павле I незамеченными. Он выказал за то ему высочайшую милость, назначив членом Государственного совета. Хотя граф имел на самодержца много личных обид, в том числе и за «необласканные» в 1797 году войска экспедиционного корпуса, он не принял сколько-нибудь заметного участия в заговоре против сына Екатерины II.

Старшие же Зубовы — Платон и Николай без всяких колебаний вступили в ряды заговорщиков и самым активным образом участвовали в событиях в ночь на 12 марта 1801 года. Суворовский зять граф Николай Александрович, как известно, оказался одним из главных виновников трагической кончины императора Павла I. За такой придворный «подвиг» он не поднялся выше должности шефа Сумского гусарского полка.

Воцарившийся Александр I не оставил без «внимания» и другого участника убийства своего отца — князя Платона Зубова, бывшего последнего фаворита любимой бабушки. Тот вскоре оказался совсем не у дел и посвятил остаток своей жизни увеличению собственных капиталов. Платон Зубов развил в себе к старости скряжничество до немислимых размеров, поражающее столичное общество.

Генерал от инфантерии и Георгиевский кавалер граф В. А. Зубов ушел из жизни 21 июня 1804 года. Жизнь главнокомандующего русскими войсками в Персидском походе оборвала «водяная болезнь», или «водянка», на 34 году. Его судьба состояла из резкого взлета и столь же резкого падения. В обоих случаях он был во многом «обязан» тому старшему брату Платону. Ни тот, ни другой потомства после себя не оставили.

Екатерининский кавказский полководец был похоронен в Сергиевской пустыни, расположенной под Санкт-Петербургом. Впоследствии над его могилой воздвигли каменную церковь во имя христианского святого мученика Валериана.

Старшие братья — Николай, Дмитрий и Платон, надо отдать им в том должное, чттили память своего младшего брата. В скором времени они за свои деньги устроили при церкви святого Валериана богадельню. Так в старой России назывались приюты для солдат-инвалидов, изувеченных в войнах. Тридцать человек таких увечных воинов многие годы находили здесь покой, кров и пропитание.

Глава 4

ЦАРСКАЯ ГРУЗИЯ И ХАНСТВА КАВКАЗА ПОД СЕНЬЮ ИМПЕРИИ

Одной из самых противоречивых и спорных фигур в осуществлении Россией кавказской политики на рубеже двух веков — XVIII и XIX — стал генерал от инфантерии Павел Дмитриевич Цицианов. Именно ему Российская империя была во многом обязана присоединением большей части современной Грузии и «повторного» подчинения ряда мусульманских ханств Северного Азербайджана. При чем известно, что во многих случаях Цицианов действовал на свой страх и риск, далеко не всегда имея на совершенные им деяния соответствующие полномочия, словно под диктовку требований военного времени.

Грузинский князь, он же главнокомандующий и царский наместник, выполнял по обе стороны Большого Кавказского хребта, прежде всего в Грузии, в Закавказье, важную для Российской империи миссию. Можно, забегаая вперед, утверждать, что он выполнял ее с поразительным размахом, понимая ее державную значимость. Цицианова в истории старой России можно даже назвать одним из эталонов исполнения монаршей воли.

Оглядываясь в далекое и совсем не далекое прошлое, можно утверждать, что этот персонаж на российской исторической сцене малоизвестен или вовсе неизвестен для любителей старины. А между тем великий русский поэт А.С. Пушкин посвятил ему такие, несущие в себе огромный заряд исторической правды, поэтические строки:

*И восною тот славный час,
Когда, кочуя бой кровавый,*

*На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый,
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным селом
Явился пылкий Цицианов...*

...Происходил он из древнего рода грузинских князей Цицишвили, переселившихся в Россию в 1725 году, сразу после смерти Петра Великого. Многие грузинские семьи, вынужденные бежать из родных мест, где свирепствовали то турки, то персы, нашли себе пристанище на русской земле, ставшей для них вторым Отечеством.

Цицианов мог гордиться древностью своего рода, происходившего из картлинских и кахетинских князей, находившихся в родстве по женской линии с грузинскими царями. Первоначально его предки носили фамилию Панаскетели, потом Цици-Швили, а уже будучи в российском подданстве получили название Цициановы. История княжеского рода в наиболее известных лицах такова.

Первым обладателем княжеского титула в роду стал Захарий Панаскетели. Он был возведен в княжеское достоинство грузинской царицей Тамарой Великой (1165—1213 гг.) за свои заслуги перед Грузией и ее царствующей династией.

Потомок его Така Панаскетели, пристав (губернатор) таоский, в ранге царского командующего, в 1302 году разбил 60-тысячное турецкое войско, напавшее на грузинские земли. Вскоре княжеский род породнился с царствующей фамилией: княжна Сити-Хатун Панаскетели стала супругой царя Вахтанга IV.

Ее племянник Цици Панаскетели был главнокомандующим войсками Грузии в последних годах XV столетия. И по его имени потомки стали называться Цици-Швили (то есть в переводе с грузинского — сыновья Цици). Многие представители княжеского рода занимали в Грузии важные государственные должности и отличались в битвах против турок, персов, горцев и внутренних междоусобицах. Дочь Нодара Цици-Швили была замужем за имеретинским царем Арчилом.

Родился будущий царский наместник на Кавказе 8 сентября 1754 года в Москве. К тому времени фамилия Цицишвили для удобства произношения и написания на русский лад была переде-

лана на Цицианова. Прадед его — Паата Цицишвили (Павел Захаревич Цицианов) нашел убежище в России вместе с царем Картли Вахтангом VI, состоя в его свите. Князь получил поместье и служил в звании капитана в Грузинском гусарском полку.

Отец, Дмитрий Павлович, стал придворным и служил по гражданской части. Мать была урожденной княжной Давидовой Елизаветой Михайловной. Двоюродная сестра будущего кавказского наместника — Мария Георгиевна, стала последней грузинской царицей (в исторической литературе она почему-то обычно именуется теткой П.Д. Цицианова).

Род князей Цициановых был записан в V части родословных книг Тифлисской и Московской губерний Российской империи. Герб князей Цициановых внесен в V часть российского «Гербовника».

Воспитание в небогатой семье княжич получил для своего времени хорошее: знал грамоту и счет, закон Божий... Судьба готовила ему военную профессию, как и для почти всей мужской половины российского дворянства, достигшей юношеского возраста. Не случайно наиглавнейшим предметом воспитания в семьях дворян на несколько веков оставалась военная история, ратная родословная дворянских и аристократических фамилий, благо гордиться им было чем.

В детском возрасте записанный в полк (по установившейся традиции), князь Павел Цицианов начал армейскую службу со всеми ее неизбежными тяготами рано. По служебной лестнице шел хорошо, начиная с прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка. Да и было от чего — в жизни ему приходилось надеяться только на себя, к числу состоятельных семейств он не принадлежал. Старался, себя не жалея. Отличался напористостью, исполнительностью и требовательностью. Последняя черта разовьется в нем до жестокости. Зачастую вынужденной для событий на Кавказе.

То, что Цицианов стал в тридцать с небольшим лет командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка, говорит о многом. Прежде всего о том, что службу царский офицер правил примерно. А тут и война «подвернулась» — Русско-турецкая 1787—1791 годов. Ему на ней откровенно повезло — воевать довелось под знаменами восходящего в зенит полководческой славы А.В. Суворова, познавая победы под Фокшанами и на реке Рымник, под Измаилом и Мачиным. А перед этими славными делами русского

оружия ему довелось отличиться под крепостью Хотин, при отражении сильной вражеской вылазки.

То есть послужной список молодого грузинского князя из рода Цицишвили можно было считать безупречным, как говорится, «дай бог каждому» армейскому офицеру. Впрочем, чем-то особенным для русской армии эпохи войн Екатерины II Великой он не смотрится: с такими, весомыми на будущее послужными списками полковых командиров с огромным боевым опытом тогда было предостаточно.

Не случайно в суворовской переписке фамилия Цицианова встречается неоднократно. И всегда как командира деятельного, умеющего начальствовать над воинским отрядом, отличаться в делах против турок-османов. Лестная характеристика Суворова-Рымникского среди людей военных той поры «золотого екатерининского века» значила многое.

Еще раз повоевать под суворовским командованием П.Д. Цицианову, теперь уже генерал-майору, довелось в Польше, в 1794 году. Царство Польское, входившее на таких правах в состав Российской империи, имело собственную русскую армию. И поэтому при подавлении вспыхнувшего там восстания под руководством Тадеуша Костюшко русским войскам пришлось вести настоящую войну.

Сводный отряд князя Цицианова прикрывал от повстанцев Белоруссию. В самом начале «возмущения» он умело удержал за собой важный в военном отношении город Гродно. Дело в том, что варшавское правительство, посылая на восток многочисленные отряды, стремилось вынести боевые действия с польской территории в Литву, Белоруссию, Подолию. Там всегда находилась поддержка со стороны националистически настроенной польской шляхты.

Первый самостоятельный бой генерал-майор Цицианов провел 24 августа 1794 года под Любанью. Тогда он, имея гораздо меньшие силы, наголову разбил 5-тысячный отряд варшавского генерала Стефана Грабовского, сумевшего переправиться через реку Западный Буг и пытавшегося прорваться в направлении на город Минск.

Русский отряд, действовавший по тревоге, настиг противника, устремившегося было к переправе через реку Птичь. И не давая ему счастливо выйти из-под удара, навязал боевое столкновение.

В ходе жаркого боя поляки, понеся большие потери, рассеялись по окрестным лесам, оставив победителям всю артиллерию и обоз. Виктория гродненского отряда получилась громкой.

Суворов в письме генерал-майору И.И. Моркову, командиру «летучего» корпуса, выделенного генерал-фельдмаршалом П.А. Румянцевым-Задунайским для усиления суворовских войск, собственноручно дописал следующее:

«Во взаимность тех уведомлений, что Ваше Превосходительство мне сообщили, я вам сообщаю приятную новость, что вся та куча мятежников, что чрез внезапное нападение в Минскую губернию нас всех там встревожила, 26-го сего августа под Любанью Генерал-Майором Цициановым в плен взята».

Убедительная победа под селением Любань впервые показала истинные способности военачальника. Не случайно А.В. Суворов в одном из всегда лаконичных приказов по войскам писал:

«...Сражаться решительно, как князь Цицианов».

Генерал-майору в Польскую кампанию довелось крупно отличиться еще раз. И опять против генерала Грабовского, только теперь Павла. Русские отряды находились в постоянном движении, подвергая разгрому неприятельские. Польские повстанцы вели маневренную войну, стараясь уйти от прямых столкновений, поскольку почти всегда в них они, даже при численном превосходстве, терпели тяжкие поражения. Но разбитые или рассеянные, они вновь собирались с силами, создавая опять опасность для российской администрации.

Цицианов настиг войско «генерал-майора литовских войск» Павла Грабовского в приграничье Царства Польского. И в скоротечном бою разгромил его, поведя затем неотступное преследование. Остатки мятежных поляков, избежавших пленения, рассеялись по лесам. Граф Александр Суворов-Рымникский в письме от 2 октября командиру корпусу генерал-поручику барону И.Е. Ферзену (впоследствии графу и генералу от инфантерии) сообщал с похвалой:

«...Так сокрушен Грабовский от князя Цицианова».

Тот 1794 год грузинский князь провел на самом «горячем» месте — в местности, где сходились территории Польши, Белоруссии и Литвы. К городу Гродно не раз подступали «мятежнические» войска, но им приходилось отступать прочь совершенно разбитыми и деморализованными очередной неудачей.

Военные действия в приграничье Царства Польского закончились для варшавской армии полным поражением. Суворов рапортом об окончательном успехе дела докладывал командующему русской действующей армии генерал-фельдмаршалу П.А. Румянцеву-Задунайскому:

«...В тот же день (6-го ноября) явились ко мне генералы Мокрановский, Велегурский, Павел Грабовский и Хлевинский с покорностью. Первым двум даны паспорта в Галицию, третьему в дом отца, а последнему в Литву (также прежде сутками князь Юзеф Понятовский, благомыслящий нам)».

Успешное командование Цициановым крупным воинским отрядом в Царстве Польском отметили в Санкт-Петербурге. И достаточно высоко. Императрица Екатерина II награждает князя, генерал-майора российской службы Военным орденом Святого Георгия III степени. Помимо того он получает в собственность крупное поместье в Минской губернии с 1500 душами крепостных крестьян, что делало его крупным помещиком.

Польские заслуги и предопределили дальнейшую судьбу генерала П.Д. Цицианова. Уже в скором времени он получает большую перспективу в служебной карьере. Только теперь на Кавказе, куда он так стремился...

С давних пор христианские народы Грузии и Армении имели тяготение к православной России. Закавказье, исторически раздробленное на мелкие царства и ханства, постоянно враждовавшие между собой, просто не могли противостоять восточным завоевателям в лице султанской Турции и шахской Персии. Вопрос вообще стоял о самом существовании грузинского и армянского народов.

Кровожадные (иначе их и не назовешь за злодеяния) завоеватели «...разиня рты свои, как змеи окружают нас, — писал графу Панину еще при императрице Екатерине II в 1774 году грузинский царь Ираклий II, — персияне, как львы, смотрят на нас, а лезгины остряют зубы свои против нас, как голодные волки».

Перед Грузией исторически вставала дилемма — или быть поработенной до конца тираниями Востока, или перейти под державную власть доброжелательной России. Народы Закавказья сами обращали к ней свои взоры и просьбы о помощи. Да и Российское государство само стремилось к присоединению земель Кавказа, как опорного стратегического плацдарма с побережьями сразу двух

морей. Тем более что одна за другой шли ожесточенные войны с могущественной Османской империей.

Все эти причины привели к заключению в 1783 году в северокавказском городе Георгиевске трактата между всероссийской императрицей Екатериной II и царем Восточной Грузии (Картли и Кахети) Ираклием II. По Георгиевскому договору в Грузию вводились русские войска для вооруженной защиты ее от воинственных соседей. То есть Картли-Кахетинское царство переходило под протекторат России.

Однако вскоре тяжелые войны в 1784—1791 годах сразу на два фронта — против Османской Порты и королевства Швеции — отвлекли внимание России от кавказских дел. Положение Грузии опять ухудшилось. Над ней продолжала нависать внешняя опасность, готовая в любой год разразиться новым опустошительным нашествием или турок, или персов. Со стороны гор Дагестана и ханств Северного Азербайджана совершались частые разбойные набеги, тысячи людей уводились в полон.

В последнее десятилетие XVIII века над православными грузинским и армянским народами в который уже раз стали сгущаться тучи военной беды. В соседней Персии в междоусобной борьбе побеждает бывший евнух Ага-Магомед-хан, положивший начало новой шахской династии Каджаров. Он жаждал завоеваний со славой и богатой добычи прежде всего на закавказских землях.

Огромная иранская армия (около 60 тысяч конников) в 1795 году переходит реку Аракс, которая разделяет Азербайджан на Северный и Южный. Персы начинают опустошать долины и горные ущелья Закавказья. Страшному разграблению подверглись Карабахское, Шекинское и другие ханства. Шах Ага-Магомед посылает к картли-кахетинскому царю Ираклию II гонимым требованием разорвать союз с Россией и подчиниться Персии.

Такое требование воинственный шах Каджаров подкреплял грозными словами. Он угрожал, что сделает «...из крови российских и грузинских народов реку текущую».

Царь Ираклий II, надеясь на скорую помощь, ответил дипломатическим отказом. Что, собственно говоря, и требовалось новопеченному шаху, поскольку для любого вражеского вторжения требовался хоть какой-то предлог. Персидская конница со стороны Гянджи врывается в Восточную Грузию. Помощь же военной силой могла подоспеть только лишь в ноябре месяце.

Для защиты столицы Картли-Кахетинского царства — города Тифлиса Ираклий II смог собрать войско численностью около 2500 человек. Из Западной Грузии ему в поддержку пришел только небольшой отряд добровольцев. Ага-Магомед-хан появился перед Тифлисом с девятью тысячами всадников. Грузины сражались героически, но битву под стенами города проиграли.

Персы взяли древнюю столицу Грузии. За девять дней своего пребывания в ней шахские воины полностью разграбили и почти полностью разрушили Тифлис, уведя всех оставшихся в живых жителей в плен. Исторические записи свидетельствуют:

«... С каждым рассветом дня толпы персидских войск вместе со своим повелителем устремлялись в столицу Грузии. Там персияне предавались полному неистовству. Они отнимали у матерей грудных детей, хватили их за ноги и разрубали пополам, уводили женщин в свой лагерь, бросая детей на дороге. Река Кура была запружена трупами».

Таким же образом персы в том походе властвовали и издевались над жителями ханств Северного Азербайджана. В 1794 году по велению шаха ослеплены 20 тысяч местных жителей, и в доказательство исполнения приказа Ага-Магомед-хану доставили «двадцать тысяч пар вынутых глаз».

Получив известие о тифлисской трагедии, императрица Екатерина II отдает распоряжение, подлежащее немедленному исполнению:

«... Подкрепить царя Ираклия, яко вассала российского против неприятельных на него покушений».

Такое волеизъявление главы Российского государства, чьи границы проходили по кавказской территории, получили широкую огласку. Шах Каджаров грозил злой судьбой не только Восточной Грузии. Опасаясь вторжения персов, к императрице Екатерине II обратились за защитой и дагестанские владельцы.

Шел 1795 год. В ответ на вторжение шахской армии в Картли-Кахетинское царство и кровавое тифлисское злодеяние, Россия объявила Персии войну.

По повелению из Санкт-Петербурга в Восточную Грузию и Дагестан направляются первые воинские части: около трех батальонов пехоты (почти три тысячи штыков) при шести полевых орудиях, один кавалерийский эскадрон, казачьи команды (около 400 казаков) и 500 сабель калмыцкой конницы.

В следующем, 1796 году, формируется Кавказская армия из трех корпусов: Главного, Кавказского и корпуса генерал-поручика Булгакова. Всего численность армии составляла 21 тысячу человек, в том числе 9 тысяч конницы. Основную массу ее составляли казаки — терские, донские, черноморские, волжские.

Для действий непосредственно против Персии из этих сил создается особый экспедиционный корпус численностью почти в 13 тысяч человек. В его состав вошла Каспийская военная флотилия, дагестанский отряд генерала М.Г. Савельева и русские гарнизоны в Восточной Грузии, которыми командовал полковник Сарыхнев.

Во главе экспедиционного корпуса встал генерал-аншеф Валериан Зубов, младший брат последнего екатерининского фаворита Платона Зубова. Его ближайшим помощником, вернее — сподвижником стал грузинский князь генерал-майор П.Д. Цицианов. Их роднили не только кавказские заботы, но и то, что они прошли суворовскую «науку побеждать».

Так началась война с Иранской державой, которая вошла в отечественную историю и историю Кавказа как второй Персидский поход 1796 года. Первый совершил, и весьма успешно, в 1722—1723 годах первый всероссийский император Петр I Великий.

Действия русских экспедиционных войск в прикаспийском Дагестане и Северном Азербайджане — отдельная тема для исторических дискуссий. Павел Цицианов в том походе отвечал за «экспедиционную политику». Он был тем человеком, который убедил бакинского Гусейн-Кули-хана присягнуть на верность России, ее императрице.

Смерть Екатерины Великой перечеркнула все планы Персидского похода. В декабре 1796 года воцарившийся император Павел I отозвал русские войска из Закавказья...

Генерал-майор Цицианов, исполнявший в 1796 — начале 1797 годов должность коменданта Бакинской крепости, временно оказался не у дел. Он ушел в отставку, не теряя, однако, прямого интереса к кавказским делам. Павел Дмитриевич словно чувствовал, что в них его судьба...

В начале 1798 года скончался престарелый картли-кахетинский царь Ираклий II. С выводом русских войск из Восточной Грузии там снова стала складываться обстановка прежних лет. Тем более что перед этим Ага-Магомед-хан вторгся в Карабах и взял

крепость Шушу, привычно учинив в этой области кровавый погром. Но дальше его 60-тысячная конная армия никуда не двинулась: в июне 1797 года спящий шах был убит своими рабами, которых он приговорил к смертной казни.

Тогда персидская армия ушла из Карабаха домой. Но такой исход вражеского вторжения мог оказаться просто временной поддержкой нового погрома закавказских земель. Понимая это, наследник Ираклия II обращается к России, к императору Павлу I с просьбой о военной помощи. Что, между прочим, предусматривалось Георгиевским трактатом.

Картли-кахетинский царь ради спасения не только Восточной, но и всей Грузии, ее многострадального христианского народа жертвовал всем, что было в его силах. Он даже управлять обязывался «...по тем законам, кои из высочайшего двора даны быть имеют». От себя же Ираклий III обязывался без особого на то повеления российского государя никаких узаконений не вводить.

Накануне наступления XIX века русские войска под командованием генерала Лазарева, перейдя Большой Кавказский хребет, вновь вступают на грузинскую землю. Вместе с войсками в Тифлис прибыл полномочный министр Грузии при ее царе действительный статский советник П.И. Коваленский. Он сразу же сосредоточил в своих руках управление Картли-Кახетинским царством. Или как писал один из современников:

«Коваленский... полностью овладел царем... Картли и Кахетии».

Глава российской администрации в Восточной Грузии действовал по прямому указанию императора Павла I. Тот открыто заявил о своей позиции в кавказских делах:

«Я хочу, чтобы Грузия была губернией...»

Так оно в скором времени и случилось во многом благодаря грузинскому князю в эполетах генерала русской армии, Павлу Цицианову.

В силу объективно сложившихся исторических обстоятельств древняя Иверия переходила в российское подданство. В противном случае стоял вопрос о истреблении или полном порабощении ее христианского народа мусульманскими соседями, находившимися тогда в зените своего военного могущества.

Высочайшие манифесты о присоединении Грузии к России новый император Александр I Павлович обнародовал 12 сентября

1801 года. В первом говорилось об учреждении управления Грузией и о назначении П.И. Коваленского ее правителем. Вторым манифестом было обращение всероссийского монарха к грузинскому народу об учреждении внутреннего управления Грузии. В нем говорилось:

«Божиею милостию мы, Александр Первый, император и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем обитателям царства Грузинского, кому о том ведать надлежит.

Покровительство и верховная власть Российской империи над царством Грузинским всегда налагали на монархов Российских и долг защиты. В 1796 г., после сильного впадения к вам Аги-Магомед-хана, в Бозе почившая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна послала часть войск своих. Столь успешное тогда не токмо спасение царства Грузинского, но и счастливое покорение всех областей и народов от берегов Каспийского моря до рек Куры и Аракса ограждали вас от всяких опасностей; оставалось только внутренним благоустройством благоденствие ваше утвердить навеки.

Но внезапное и скоропостижное отступление войск российских из Персии, Армении и из пределов ваших испровергли справедливое ожидание ваше. Все потом претерпленные вами бедствия — нашествие неверных и иноплеменных народов, разорение городов и селений, порабощение и увлечение в плен отцов, матерей, жен и детей ваших, наконец, раздор царской фамилии и разделение народа между разными искателями царского достоинства — влекли вас в междоусобные брани. Окружающие вас хищные народы готовы были напасть на царство ваше и ненаказанно растерзать его остатки. Соединением всех сил зол не токмо народ, но даже и имя народа грузинского, храбростью прежде столь славного во всей Азии, потребовалось бы от лица земли.

Стоя в бездне сей, неоднократно призывали вы покровительство российское. Вступление войск наших и поражение Омар-хана Аварского приостановили гибель вашу, устранив всех хищников, наполняющих горы кавказские, и тех, кои раздирают область Персии и Великой Армении; затихли крамолы посреди вас, и все мы единодушно и торжественно воззвали власть российскую управлять вами непосредственно.

Мы, вступая на Всероссийский престол, обрели царство Грузинское, присоединенное к России, о чем и манифест в 18-й день января 1801 г. издан уже был во всенародное известие.

Вникая в положение ваше и видя, что посредство и присутствие войск российских в Грузии и доньне одно удерживает пролитие крови нам единоверных и конечную гибель, уготованную вам от хищных и неверных сопредельных вам народов, желали мы испытать еще, нет ли возможности восстановить первое правление под покровительством нашим и сохранить вас в спокойствии и безопасности.

Но ближайшие по сему исследования наконец убедили нас, что разные части народа грузинского, равно драгоценные нам по человечеству, праведно страшатся гонения и мести того, кто из искателей достоинства царского мог бы достигнуть его власти, поелику против всех их большая часть в народе столь явно себя обнаружила. Одно сомнение и страх сих последствий, возродив беспокойства, неминуемо были бы источником междоусобий и кровопролития.

Сверх того, бывшее правление даже и в царство царя Ираклия, который духом и достоинством своим соединил все под власть свою, не могло утвердить ни внешней, ни внутренней безопасности; напротив столькократно вовлекло вас в бездну зол, на краю коей и ныне вы стоите и в которую по всем соображениям должны вы будите низвергнуться, если мощная рука справедливой власти от падения сего вас не удержит».

Далее во втором высочайшем манифесте Александра I указывалось о лишении прав всех царствовавших ранее династий на грузинский престол. В манифесте эта мысль была высказана так:

«...Сила обстоятельств сих, общее по сему чувство наше и глас грузинского народа преклонили нас не оставить и не предать на жертву бедствия язык единоверный, вручивший жребий свой великодушной защите России. Возбужденная надежда ваша сей раз обманута не будет. Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и так уже обширнейшей в свете империи приемлем мы на себя бремя управления царства Грузинского.

Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращение их

скорбей учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона...

Наконец, да познаете и вы цену доброго правления, да водворится между вами мир, правосудие, уверенность как личная, так имущественная, да пресекутся самоуправство и лютые истязания, да обратится каждый к лучшим пользам своим и общественным, свободно и невозбранно упражняясь в земледелии, промыслах, торговле, рукоделиях под сенью законов, всех равно покровительствующих. Избытки и благоденствие ваше будет приятнейшею и единою для нас наградою.

Дан в престольном граде Москве,
сентября 12-го дня 1801 г.
Александр».

Император Александр I Павлович, только недавно принявший на себя бразды правления Российской державой, был обеспокоен положением на южных границах и особенно угрозе Грузии со стороны шахской Персии. Тогда он и вспомнил о князе Цицианове. На Кавказе требовался государственный муж решительный, знающий тот край, умеющий заставлять подчиняться местных феодальных владельцев.

На выборе императором такого человека сказалась и позиция генерала Цицианова в восточных делах, которую он не раз высказывал, будучи при дворе. Он открыто говорил:

— В Азии все убеждения и переговоры суть ничто, а сила — все. Такой силой на Кавказе должна стать только Россия...

У грузинского князя была своя позиция в отношении восточных деспотий. Неважно, каких — то ли это был шах Персидской державы, то ли владелец «родового» ущелья в горах с десятком аулов. Цицианов, получивший европейское воспитание, видел в этих правителях людей, осуществлявших свое господство в соответствии с варварскими традициями. Значит, и бороться с ними, приводить их в российское подданство можно было и варварскими методами. Как это делал, к примеру, «железный хромец» Тимур (или Тамерлан).

То есть Цицианов был из когорты тех, кто считал (разумеется, ошибочно), что цивилизацию на Востоке и других «окраинах» европейского континента надо вколачивать железным кулаком. А та-

кое, как известно, почти всегда было чревато военной конфликтностью.

Однако только-только воцарившийся император Александр I Павлович самостоятельного решения по грузинскому вопросу, как и по назначению князя Цицианова в Тифлис, не принимал. У него было два совещательных органа — Государственный совет и так называемые «молодые друзья» государя. Это были Строганов, Кочубей, Новосильцев и Чарторийский. В споре этих двух органов при государе и решалась судьба и Грузии, и присутствия России на Кавказе.

Государственный совет состоял из «екатерининских орлов», которыми тогда верховодил (но ненадолго) князь Платон Zubov. Он и вышел победителем в столкновении с «молодыми друзьями» в лице Кочубея. Те считали, что надо заботиться о внутренних реформах, а не о внешней экспансии и расширении территорий. Государственный совет рекомендовал Александру I принять Картли-Кахетинское царство в состав Российской империи по следующим трем причинам:

Во-первых, обнаружившиеся после смерти царя Георгия Ираклиевича конфликты внутри царской фамилии грозят слабой православной христианской стране, находящейся во враждебном окружении, пагубным междоусобием.

Во-вторых, открытое покровительство, которое с давнего времени Россия дарует грузинской земле, требует, чтобы для собственного достоинства империи Картли-Кахетинское царство сохранено было в целостности.

И, наконец, в-третьих, спокойствие южных российских границ может обеспечиваться только «по вящей удобности обуздать своеволие горских народов».

...Князь П. Д. Цицианов (чин генерала от инфантерии — то есть полного генерала он получит за взятие крепости Гянджа) 11 сентября 1802 года назначается главнокомандующим русскими войсками на Кавказе, как в Закавказье, так и на Северном Кавказе. Кроме того, он получает должности инспектора Кавказской пограничной укрепленной линии, астраханского губернатора и главноуправляющего Грузии. Официальный же титул царского наместника значился так: «Инспектор Кавказской линии и главнокомандующий на Кавказе».

Исследователи разных времен считают, что наместника для Кавказа лучше император Александр I назначить не мог. Как пи-

сал С. Эсадзе, Цицианов «пользовался заслуженной славой отважного командира и выдающегося администратора, а сверх всего он был грузин по происхождению». К этим его качествам и «кипучей энергии» добавлялся «резкий и повелительный дух» и «острый ум, свободно язвивший всякого, кто вызывал у него гнев или презрение». Действия царского наместника отличались «присущей ему решительностью и твердостью».

Государь поставил перед ним достаточно четкие задачи: «Знакомя его с планом графа Зубова... император повелел внести ясность и порядок в запутанные дела края, стараться быть чутким, справедливым и твердым, добиваться доверия к (российскому) правительству не только в самой Грузии, но и в разных соседних областях...»

Император Александр I Павлович в своем высочайшем рескрипте на имя князя П.Д. Цицианова говорил:

«Не расширение власти моей и не приумножение собственных польз России я в сем искал, но единственно желал успокоить народ, мятежами внутренними и внешними обуреваемый, издавна России преданный и древнею своей приверженностью особенное ее участие заслуживающий...»

Грузинский князь из рода Цицишвили становится лицом, лично ответственным перед государем за огромный южный край. Александр I ставит перед ним задачу расширения влияния России на Кавказе, обеспечения здесь безопасности государственной границы.

Еще до своего приезда в Тифлис с Кавказской пограничной укрепленной линии царский наместник проделал огромную дипломатическую работу. Зимой 1802—1803 годов он заключил отдельные дружеские союзы со многими горскими правителями — шамхалом Тарковским, ханами Аварским и Талышинским, владельцами Табасаранским и Каракайтагским.

Цицианов сразу позаботился о том, чтобы обезопасить земли Картли и прежде всего Кахетии, да и самого Тифлиса от разбойных набегов с гор джаро-белоканских лезгин. Они были «старинными врагами грузин», ведя против них прибыльную набеговую войну. Именно на это было направлено возведение первых трех укреплений русских войск в Восточной Грузии, прикрывших собой прежде всего ее столицу.

Таковыми фортификационными сооружениями незамедлительно стали: первое у брода Урдо, второе — в местности, названной

Царскими Колодцами (для контроля над Алазанской долиной), и третье — вблизи тех же Царских Колодцев, в Карагаче. Но эти укрепления служили не только преградой для вторжений воинственных горцев-лезгин. Они позволяли «держатъ приобретенный край в повиновении».

К слову сказать, с легкой руки князя Цицианова Царские Колодцы и в начале XX века продолжали оставаться местом в Кавказском военном округе, в котором располагался один из самых больших гарнизонов Российской Императорской армии, которая почти всегда называлась как Русская армия.

О том, что за короткий отрезок времени — по февраль 1806 года успел сделать царский наместник в горном краю, с уважением писал генерал А. П. Ермолов, прозванный еще при жизни «проконсулом Кавказа»:

«За Кавказом, в командование Князя Цицианова, покорены Елесуйские владения, Джарская область, Шурагель, Ханства: Гянджинское, Нуха, Карабаг, Ширван, Дербент, Куба и Талыш, Княжества: Мингрелия, Имеретия, Гурния и Абхазия».

Каждое такое территориальное приращение к Российской империи получало высокую оценку в столичном Санкт-Петербурге, при дворе. Так, после присоединения к России Мингрельского княжества кавказский наместник был награжден орденом Святого Александра Невского.

Но это далеко не все из «территориальных» деяний царского наместника на Кавказе Павла Дмитриевича Цицианова. Главноуправляющий Грузией начал с того, что превратил ее восточную часть (Картли и Кахетию) в российскую губернию, упразднив здесь монархию. Смена власти закончилась депортацией царской семьи в город Воронеж. Туда выслали вдовствующую царицу Марию Георгиевну и ее детей. А она была двоюродной сестрой (теткой) князя Цицианова.

Смена власти — вряд ли в Санкт-Петербурге и в Грузии могли такое предвидеть — произошла очень резко. Царевич Александр Ираклиевич тоже претендовал на отцовский престол, и старший брат Георгий XII приказал взять его под стражу. Семейные отношения в вопросах престоловладения на Кавказе никогда не отличались теплыми родственными узами, и потому Александра ожидала вероятнее всего явная казнь или тайная смерть.

Царевич со своими единомышленниками (а такие у него уже были) бежал сперва в Кавказские горы, к лезгинам. После этого он

стал «союзником» персов. Во что такой союз с шахом вылился для грузинской земли и Российской империи? А в то, что царевич Александр три десятилетия «наводил» на родину ее стародавних врагов — Персию и ориентированных на нее горцев. Одновременно титулованный беглец поддерживал «из-за бугра» разного рода недовольных в Грузии существующим положением вещей, то есть российской властью.

О личности царевича Александра можно сказать только одно: он не разбирался в средствах для достижения поставленной цели. Родной Грузии он наделал за свою жизнь очень много зла.

Когда князь Цицианов прибыл в Тифлис, то у него сразу нашелся прекрасный помощник — генерал Иван Петрович Лазарев, который отлично разбирался в политической и военной ситуации, сложившейся в Восточной Грузии и на ее границах. Он писал в Санкт-Петербург, что Тифлис стал центром всех интриг, направленных против России, что царская фамилия «есть первая пружина на всем волнениям».

В Тифлисе ширились слухи о приготвлении царевичей (в первую очередь называли Александра) к походу вместе с лезгинами на город. При таких обстоятельствах князь Цицианов, получивший сведения, что царица Мария, вдова Георгия XII, собирается бежать из Тифлиса, пришел к заключению о назревшей необходимости арестовать ее и отправить вместе с детьми в Россию. И это несмотря на то, что она приходилась ему двоюродной сестрой.

Высылке вдовствующей царицы Марии Георгиевны и членов царской семьи в Россию, разумеется — на самых почетных условиях, предшествовали кровавые дворцовые события. Рассказать о них, думается, лучше свидетельством очевидца генерал-майора Сергея Тучкова, служившего в Грузии, который оставил после себя «Записки». В них он описывает следующее:

«Сия особа, вторая супруга царя Георгия XII, имея с небольшим тридцать лет от роду, была весьма чувствительна и притом слабого здоровья. За несколько времени перед сим происшествием кн. Цицианов посылал неоднократно ген. Лазарева, чтобы уговорить ее ехать в Россию. Она никак на то не соглашалась, отговариваясь слабостью здоровья, тем более, что приходится ехать верхом до самой границы, что почти необходимо.

Ген. Лазарев показал ей один раз небольшие русские дрожки, на которых можно было проехать по сей дороге. Но она отвечала, что никогда не ездила на таком экипаже и что никогда не согласится сесть на оный. Тогда велел он сделать довольно спокойные и хорошо убранные носилки, или портшез, по-грузински трахтереван называемые, — экипаж, употребляемый в Грузии пожилыми женщинами.

Лазарев сам встал в оные и велел себя носить мимо ее окон, оставиваясь перед оными и хваля перед ней спокойность сего экипажа. Все предложения ген. Лазарева делаемы были царице с некоторого рода насмешкой и недовольным уважением. Она жаловалась на то кн. Цицианову и не получала никакого удовлетворения; отговорка же ее ехать заставила их принудить ее к тому силою.

И так ген. Лазарев, окружив ночью дом ее батальоном егерей, сказал ей, что до рассвета должна она будет непременно выехать, что он объявляет ей сие именем кн. Цицианова, действующего по повелению императора Александра. На сие отвечала она ему:

— Князь Цицианов был некогда мой подданный; а император российский не знаю, какое имеет право со мною так поступать: я не пленница и не преступница, притом слабость здоровья моего, как вы сами видите, не позволяет мне предпринять столь далекий путь.

Ген. Лазарев говорил ей много против того; но она сказала ему: — Дайте мне отдохнуть, завтра увидим, что должно будет делать.

С сими словами вышел он от нее.

С рассветом вместе со многими офицерами вошел он в ее комнату и нашел ее сидящею на прешироком диване или софе, как-овые употребительны в Азии. С ней сидела старшая ее дочь и еще две женщины, и все накрыты были большим одеялом. Ген. Лазарев стал принуждать ее к отъезду, а она представляла ему прежние отговорки.

Тогда ген. Лазарев, выйдя на галерею, окружающую дом, сказал своим офицерам:

— Берите ее и с тюфяками, на котором она сидит.

Едва они коснулись дивана, как у царицы, ее дочери и у всех бывших тут женщин появились в руках кинжалы. Офицеры отступили, а двое из них выбежали на галерею; один кричал ген. Лазареву:

— Дерутся кинжалами.

А другой солдатам:

— Егеря, сюда!

Генерал, услышав сие, сказал последнему:

— На что егерей?..

С этим словом вошел он в комнату, в которой по причине раннего утра не довольно было еще светло, да и занавеси у окна были опущены. Однако же увидел он царицу, стоявшую на полу подле дивана; а дочь ее, девица довольно высокого роста, стояла позади ее на диване, возвышенном от пола меньше фута. Царица, увидев ген. Лазарева, сказала:

— Как вы немилосердно со мной поступаете! Посмотрите, как я больна. Какой у меня жар!

И при этом она подала ему левую свою руку. Но лишь только взял он ее за руку, как правой ударила она его в бок кинжалом, повернула кинжал и в то же мгновение выдернула из тела. Говорят, якобы она за несколько дней пред тем брала уроки у одного известного лезгинского разбойника, оставившего свой промысел, как действовать сим оружием.

Она пробила его насквозь, а дочь (царевна Тамара. — *А.Ш.*) хотела дать ему еще удар по голове большим грузинским кинжалом. Но так как он от великой боли согнулся, то она промахнулась, и удар сей пал матери ее по руке несколько пониже плеча. И она рассекла ей руку до самой кости. Генерал-майор Лазарев едва мог дойти до дверей, упал и кончил жизнь.

При сем смятении тотчас дали знать кн. Цицианову, ген. кн. Орбелианову, коменданту и полицмейстеру. Все, кроме кн. Цицианова, поспешили прибыть и нашли царицу и прочих стоящими на прежних местах с кинжалами в руках. Кн. Орбелианов начал говорить царице, чтоб бросила кинжал, но она ничего ему не отвечала и ничего не делала.

Тогда полицмейстер армянин (Сургунов. — *А.Ш.*), бывший еще при последнем царе в сей должности, носивший грузинское платье, взял в руки теплую свою шапку, ухватил ею кинжал царицы и, выдернув из руки, причинил ей тем еще несколько ран на ладони. После этого она упала без чувств; а вступившие егеря обезоружили прочих женщин, с осторожностью оборотив ружья прикладами и прижимая их оными к стенам покоя. Тот же час начали их отправлять в путь, причем приказали осмотреть, не имеют ли они спрятанного под одеждою оружия.

Молодая царевна, сидя уже на дрожках и увидя сие, вынула из кармана маленький перочинный ножичек, бросила егерям и сказала с усмешкой:

— Возьмите, может быть, и это для вас опасно...»

Генерал-майор С.А. Тучков, судя по описанию событий в дворцовых покоях вдовствующей царицы Марии, был невольным участником «ликвидации» картли-кахетинской династии, то есть лишения ее трона и отправки царской семьи на новое местожительство по ту сторону Большого Кавказского хребта, в Воронеж. «Операция», вне всякого сомнения, проходила по замыслу князя Цицианова, который поручил ее исполнение своему помощнику Лазареву, который и поплатился за «имперские интересы» своей жизнью. Правда, смерть у этого действительно боевого генерала оказалась на удивление бесславной.

После высылки из Грузии царица-вдова Мария была водворена в воронежский Белогорский монастырь, затем была отпущена на жительство в Москву. Она умерла там в 1850 году на 81-м году жизни. Прах ее был перевезен в Грузию и предан земле в Мцхетском соборе.

Генерал И.П. Лазарев был погребен в тифлисском Сионском соборе. «Грузины ожидали репрессий вроде истребления города и казни жителей, но князь Цицианов их успокоил, и они толпами собрались на похороны Лазарева, который пользовался расположением и любовью народа».

Оправданием царскому наместнику Цицианову в тех событиях было одно: у Грузии в ее исторической перспективе, можно об этом даже не спорить, не было иного выхода, как войти под протекторат Российской империи. В противном случае ее ждала более чем печальная судьба, окажись она в «кровожадных» руках персов или турок.

Не без интереса следует заметить, что российские историки как-то стороной обходили депортацию семьи последнего картли-кахетинского монарха в Россию и события, связанные с ней. Вероятнее всего, шло дело о самолюбии династии Романовых и прежде всего императора Александра I, одного из самых светлых имен в императорском созвездии России...

Цицианов показал себя большим дипломатом, по восточному тонким, далеко не всегда прибегавшим к силе оружия, присоеди-

няя к России новые территории. Главноуправляющий Грузией и фактический представитель государя к югу от Астрахани не только силой привлекал на службу Александру I горских правителей и азербайджанских ханов, местную знать. Бекам, ханам и князьям присваивались офицерские и порой даже генеральские звания, выплачивалось постоянное жалование из государственной казны, вручались орденские и другие награды, именные подарки. Простой же народ мечтал больше всего о мирной жизни.

Князь Цицианов в числе первых своих правительственных мер уничтожил теперь уже в бывшем Картли-Кахетинском царстве прежние полицейские власти в селах, а именно моуравов (наместников). Он называл их «народными пиявками». Но при этом главноуправляющий Грузией не считал ни полезным, ни даже возможным коснуться прав агаларов (господ) в сельской местности.

Однако русскому главнокомандующему на Кавказе очень трудно было управляться с местными владельцами, которые противились любой законности, ограничивающей их власть над подданными. Здесь порой не помогала ни дипломатия, ни применение военной силы. Хотя генерал от инфантерии Цицианов в силу своего характера не «скупился» в своей наместнической деятельности ни на то, ни на другое.

Надо сказать, что «самостийные» горские феодалы самым жестоким образом властвовали над простым людом. Шамхал Тарковский бросал негодных ему горцев-крестьян в темную сырую яму, забивал палками, выкалывал глаза. Аслан-хан Кюринский отбирал у подвластных ему горцев дочерей и выменивал на них лошадей у соседей-чеченцев. Агалар-хан Казикумыкский применял к провинившимся подданным пытки каленым железом, отрезали уши, лил на бритые головы кипящее масло. И подобных примеров известно много.

Совсем не случайно царский наместник А.П. Ермолов, видя в таком поведении кавказских феодалов одну из причин возмущений горцев из числа простых людей, писал в 1817 году, в первый год официального «открытия» Кавказской войны:

«Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования общества. Вот образец нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество...»

Такое время требовало и соответствующих управителей над ханами. Князь Цицианов прекрасно знал многих местных владель-

цев еще по Каспийскому походу генерал-аншефа Валериана Зубова. Зная их нравы и нормы поведения в среде местной знати, сам обращался с ними грубо и высокомерно. Вел он себя так на Кавказе в полном соответствии с законами тех лет и той действительности. Так Цицианов писал султану Элисуйскому:

«У тебя собачья душа и ослиный ум... Доколе ты не будешь верным данником великого моего государя императора, дотоле буду желать кровью твоею мои сапоги вымыть...»

Элисуйский султан был из числа недовольных, еще совсем недавно самовластных феодалов. Русская администрация и законы России лишали их таких постоянных источников личного обогащения, как грабительские набеги на соседей и торговля людьми.

Генерал от инфантерии Цицианов, имея под рукой сравнительно небольшие силы регулярной армии, постоянно опирался на воинские отряды местных князей и ханов. Зачастую во время проведения очередных экспедиций он просто набирал добровольцев. Такая тактика поведения царского наместника давала только положительные результаты в деле расширения российского влияния на Кавказе.

Ведение переговоров всегда предшествовало военным походом князя-наместника. Так, когда встал вопрос о присоединении Джаро-Белоканских джамаатов (вольных обществ), где проживали лезгины и азербайджанцы, Цицианов обратился к ним с воззванием. В нем он собственноручно написал и такие слова:

«Кто силу в руках имеет, тот с слабым не торгуется, а повелевает им».

Цицианов без особых усилий добивается присоединения к России Мингрелии, владетельный князь которой Георгий Дадияни в 1803 году подписал «просительные пункты». В апреле 1804 года эти пункты подписали также царь Имеретии Соломон II и владетель Гурии князь Вахтанг Гуриели. Одновременно шло присоединение к России мелких ханств и султанатов Северного Азербайджана. Часть из них, находившаяся в вассальной зависимости от Персии, шла под покровительство Российского государства добровольно.

Здесь, в восточном Закавказье, князь Цицианов столкнулся сначала с глухим, а затем уже с открытым сопротивлением Персии. Та, как и на время притихшая после последней проигранной войны Оттоманская Порта, не хотела признавать включение грузин-

ских, армянских, азербайджанских, горских и прочих кавказских земель в состав Российской империи.

Причина того была проста. Ведь и для османского султана, и для иранского шаха Кавказ веками оставался желанным местом совершения грабительских походов, дававших богатую добычу. Только десятки тысяч уводимых навсегда в неволю людей давали огромные военные барыши. Да и кроме того, нашествия мусульманского воинства совершались на «неверные» народы, исповедовавшие православное христианство.

Ни Стамбул, ни Тегеран не желали признавать акты присоединения кавказских народов и областей к России, настойчиво требуя отвода русских войск аж за Терек. В таких требованиях они находили поддержку Британии и Франции. Париж и особенно Лондон имели в Малой Азии немалые собственные интересы.

Англия к тому же весьма рьяно оберегала самую большую жемчужину в своей королевской короне — близкую от Кавказа Индию. Поэтому каждый шаг России в южном направлении вызывал беспокойство в туманном Альбионе. Уже не говоря о Персидских походах Петра Великого и екатерининского полководца Валериана Зубова.

Главноуправляющий Грузией настойчиво, шаг за шагом увел из-под персидского влияния закавказские земли, прежде всего в Северном Азербайджане. Причем делал он это последовательно, направляя свои «территориальные» деяния от тифлисской штаб-квартиры по направлению к Каспию и реке Аракс. За ней начинались уже собственно персидские владения, Южный Азербайджан.

С начала 1803 года русские войска при поддержке местных добровольческих формирований — кавказской милиции стали подчинять России ханства, расположенные севернее реки Аракс. Тем самым подрывалось персидское могущество в Закавказье, обеспечивалась безопасность границ Грузии, еще совсем недавно страдавшей от постоянных набегов мусульманских соседей.

Серьезное сопротивление «цициановскому натиску» оказало только Гянджинское ханство, одно из феодальных владений, принадлежавших когда-то грузинским царям. Оно выгодно располагалось на правом берегу реки Куры до устья реки Алазани. На востоке и юго-востоке граничило с ханством Карабагским (или Шушинским), а на юге — с Эриванским. На западе река Дзегам

отделяла владения Гянджи от земель шамшадильцев, а на севере река Кура — от Кахетии.

Такое стратегически выгодное расположение делало ханство ключом в борьбе России с Персией за Северный Азербайджан. Цицианов прекрасно понимал ситуацию вокруг Гянджи и потому старался разрешить вопрос о присоединении Гянджинского ханства прежде всего мирным путем.

Еще в 1796 году, во время Каспийского похода генерал-аншефа Валериана Зубова, гянджинский Джавад-хан добровольно сдал русским собственную резиденцию, и так же добровольно присягнул на подданство России, ее императрице Екатерине II. Хан не зря считался большим хитрецом и коварным политиком среди своих соседей, которые, собственно говоря, от него тоже далеко не ушли. Когда экспедиционные войска «белого царя» ушли из Закавказья, владыка Гянджи сразу же отказался от недавно данной торжественной клятвы.

Но такое было бы еще полбеды. Джавад-хан стал всячески содействовать персидским вторжениям в грузинские земли, не «забывая» и о военной добыче сам. И более того — поддерживать там любые антирусские интриги местных князей, власть которых царский наместник сильно урезал, ставя их административную деятельность в рамки законности.

Князь Цицианов, как главнокомандующий на Кавказе, не стал, разумеется, долго терпеть такое поведение коварного соседа Картли и Кахетии. Он потребовал прекратить интриги, на что ответа не получил. Правитель Гянджи, зная малочисленность русских войск в Грузии, проявил излишнюю самоуверенность, стоившую ему жизни, а ханскому семейству — потомственных владений.

Главнуправляющий Грузии решил покорить Гянджинское ханство силой оружия, лично возглавив военную экспедицию. Для этой цели создается сильный отряд: 17-й егерский полк, батальон кавказских гренадер, два — севастопольцев, три эскадрона Нарвского драгунского полка при 11 полевых орудиях. К 20 ноября 1803 года армейский отряд сосредотачивается в пятнадцати километрах от Тифлиса у деревни Саганчуле.

Через два дня экспедиционные войска выступили в поход, пополняясь в пути добровольцами — кавказской милицией, преимущественно азербайджанской, конной. Прибыв 28-го числа в Шамхор, генерал Цицианов направил Джавад-хану довольно уважитель-

ное послание, напомнив правителю Гянджи о принятии им шесть лет тому назад российского подданства и данном клятвенном обещании. После этих строк письмо дальше носило уже почти ультимативное содержание:

«Вступив во владение Гянджинское, — писал князь Цицианов, прекрасно зная Джавад-хана лично, — объявляю вам о причинах прихода сюда:

Первое и главное; что Гянджа с ея округом во время царицы Тамары принадлежала Грузии и слабостью царей грузинских была отторгнута от оной. Всероссийская Империя, приняв Грузию в свое высокомошное покровительство и подданство не может... оставить Гянджу яко достояние и честь Грузии в руках чужих...

Третье: Купцы тифлиские, ограбленные вашими людьми, не получили удовлетворения...

А по сим трем причинам я сам с войском пришел брать город, по обычаю европейскому и по вере «мною исповедуемой» должен не приступая к пролитию человеческой крови, предложить Вам о сдаче города и требовать от Вас ответ двух слов по вашему выбору «да» или «нет», т.е. сдадите или не сдадите.

Буде же не желаете, то ждите несчастного жребия, коему подпали некогда Измаил, Очаков, Варшава и многие другие города. Буде завтра в полдень не получу ответа, то брань возгорится, понесу под Гянджу огонь и меч, чему Вы будите свидетель и узнаете, умею ли я держать слово».

Хитроумный Джавад-хан прямо не отказался сдавать крепость. В своем ответе царскому наместнику он тянул время, отписав уклончиво, неопределенно и пространно. Ответ его Цицианову был составлен в лучших традициях «цветастой» восточной дипломатии.

Теперь главнокомандующему русскими войсками на Кавказе выбирать не приходилось: хан сам указал ему путь дальнейших действий. Он отдал приказ выступать на крепость Гянджу и в пути начать подготовку к ее штурму. От Шамхора войска пошли прямо на столицу враждебного России ханства, соучастника похода персидского шаха на Тифлис.

Сам князь во главе авангарда ушел несколько вперед главных сил отряда. Вместе со своим ближайшим помощником генерал-майором С.М. Портнягиным он вел за собой малые силы: один эскадрон нарвских драгун полка полковника П.М. Карягина (Ко-

рякина), начинавшего армейскую службу рядовым пехотным солдатом под знаменами Румянцева-Задунайского, два батальона егерей полка Ф.Ф. Симоновича, батальон кавказских гренадер с семью пушками. Авангард быстро выдвинулся в окрестности Гянджи. Цицианов решил такими силами провести рекогносцировку крепости.

Ханское войско изготовилось для боя с русскими. В садах, окружавших Гянджинскую крепость, среди каменных и глинобитных оград, представлявших собой подобие полевых укреплений, воины Джавад-хана попытались оказать стойкое сопротивление. Нападать на русских они начали из хитроумно устроенных засад. Завязался жаркий бой, ружейная пальба все время переходила в рукопашные схватки. Столкновения в садах продолжались около двух часов.

Наконец, сопротивление ханских воинов повсюду было сломлено: они отступили из садов за крепостные стены, затворив за собой ворота. Противник потерял в том бою только убитыми 250 человек. На сторону победителей перешли в качестве военнопленных двести шамшадильцев и триста армян. Они не хотели сражаться за подвластного «персиянам» правителя.

Авангард князя Цицианова тоже понес в схватке за городские сады немалые потери. После боя в трех пехотных батальонах и драгунском эскадроне насчитали 70 человек погибшими и около тридцати ранеными. По всей видимости, счет легкораненым не велся и потому в цициановскую реляцию о победном столкновении с ханским войском они не попали.

Овладев предместьями города-крепости, кавказский наместник обложил Гянджу и стал вести осаду. Начались привычные в таком случае земляные работы: устраивались траншеи, создавались засадные «места» на случай вражеских вылазок, устанавливались на батарейных позициях полевые орудия. Все осадные работы «устремлялись» только к одной цели — овладению ханской столицей, правителю которой — Джавад-хану в те дни отказали в доверии подданные.

Гянджа действительно занимала исключительно выгодное положение в самом центре земель Закавказья. В этом князь Цицианов и его преемники на посту царского наместника убедятся еще не раз. Ко всему прочему она являлась ключом к Северной Армении (Эриванскому ханству) со стороны Большого Кавказа.

Крепость, расположенная на левом берегу реки Гянджи (правом притоке Куры), имела форму шестигульника до трех с половиной версты в периметре и считалась одной из сильнейших в Закавказье. Она была обнесена старинными двойными стенами, высотой в 6—8 саженой и до 4 — толщиной. Снаружи располагалась глинобитная стена, внутри — каменная. Стены имели большое число бойниц для стрелков. Крепостную ограду усиливали шесть фланкирующих башен. И над всеми этими укреплениями, внутри крепости, возвышалась грозная, с виду неприступная цитадель.

Проведя рекогносцировку, Цицианов видел всю мощь последнего убежища Джавад-хана, но понимал, что отступать от Гянджи ему не приходится. Все же он еще надеялся покорить ханство миром. Штурм крепости откладывался до последней крайности. Царский наместник пять раз возобновлял предложения о добровольной сдаче Гянджи, но каждый раз безуспешно.

К тому времени о неприятеле были собраны достаточные сведения. Среди них была и такая информация: отличавшийся жестокостью и истинным коварством хан перед самым приходом русских приказал силой согнать за крепостные стены во множестве гянджинских женщин и детей. Тем самым они приносили свои жизни в залог мужской верности тех, кто встал на защиту крепостных стен.

Гянджинскому владельцу в ходе переговоров прямо указывалось на такой, далеко не европейский, способ принуждения воинов к стойкости и мужеству. Ведь женщины и дети могли безвинно пострадать и при бомбардировке крепости, и при ее штурме. Однако Джавад-хан категорически отказался выпустить за крепостные стены семьи своих воинов и слуг.

Минул старый, 1803 год. 2 января на военном совете принимается решение о генеральном штурме в ближайшую ночь. На приступ предстояло пойти под самое утро, когда притупляется бдительность ночной стражи на стенах, а осажденный гарнизон спит крепким, хотя и тревожным на войне сном.

По диспозиции главнокомандующего на Кавказе войска делятся на две штурмовые колонны. В их состав, кроме русских воинских людей, входило около 700 человек азербайджанского ополчения и добровольцев из соседних с Гянджой ханств. То есть желающих отомстить Джавад-хану за прошлые злодеяния в соседних с его владениями землях оказалось предостаточно.

Легкой азербайджанской конной милиции, как «...недостойной по верности своей...» (князь Цицианов не доверял местным мусульманским правителям, многократно изъявлявшим верность России, а потом отказывавшимся от данных клятв), было приказано оцепить крепость со всех сторон. Задача конников состояла в том, чтобы воспрепятствовать бегству из крепости, за которую шел бой. Цепь всадников стала вокруг садов и городских предместий.

Для подстраховки конной милиции дополнительно выставались пикеты из казахских, шамшадильских, бергаминских, дему-гасальских ополченцев. Такие меры предосторожности лишними не виделись: в случае бегства Джавад-хан мог грозить российским владениям из близкой Персии. А противником он являлся искусным, коварным и... влиятельным.

Всем штурмующим и находящимся в оцеплении строго-настро-го приказывалось не трогать женщин и детей, не совершать грабежей ни местных жителей, ни возможных беглецов.

3 января 1804 года, ровно в 5 часов 30 минут начался знаменитый в истории кавказских войн штурм Гянджинской крепости.

Первая штурмовая колонна под личным командованием генерал-майора Портнягина в количестве 857 человек шла на приступ со стороны Карабахских ворот. В ее состав вошли двести спешенных драгун и по батальону севастопольских и кавказских grenадер.

Второй штурмовой колонной командовал полковник Карягин. Он вел в бой два батальона егерей, прекрасных стрелков в количестве 585 человек. По диспозиции приступа этой колонне предстояло провести ложную, отвлекающую атаку со стороны Тифлиссских ворот. То есть сделать, как тогда говорили, «фальшивую» атаку.

Резерв каждой штурмовой колонны состоял из одного батальона пехоты. Сам генерал П.Д. Цицианов имел под рукой главный резерв: стрелковый батальон майора Белавина, всю отрядную артиллерию (11 пушек) и две сотни казаков. Общий резерв штурмующих войск мог быть введен в дело только в случае крайней необходимости.

В темную, морозную ночь войска, держа в строю порядок, вышли из осадного лагеря. Штурмующим удалось в предрассветной мгле тихо подойти совсем близко к крепости, прежде чем их заметили со стен. В крепости сразу же началась тревога. По идущим на приступ ударили почти в упор пушки, стоявшие заряженными,

обрушился град камней, началась ружейная пальба, засвистели стрелы (было и такое оружие уханских воинов).

Бойцы полковника Карягина в самом начале приступа удачно миновали первую — глинобитную стену по приставным лестницам. Но в узком коридоре между двумя стенами им стало в буквальном смысле этого слова «жарко». В него оборонявшие бросали с высоты каменной стены в большом числе пропитанные в нефти зажженные бурки, шкуры, разное тряпье. Однако это не устрасило карягинских егерей: они стали, приставив лестницы, брать и вторую стену крепостной ограды.

Первым взошел на каменную стену майор Лисаневич, известный в кавказских войнах своей бесстрашностью и удачными действиями. Он вел за собой на приступ егерский батальон. Солдаты, оказавшись на стене, повели штыковой бой вдоль ее и скоро овладели крайними башнями.

В одной из них — Хаджи-Кале — егеря наткнулись на самого Джавад-хана, который руководил из башни отражением штурма. Гянджинский хан, оседлав большую пушку, как коня, отбивался саблей от наседавших на него и телохранителей русских пехотинцев, которые ворвались в башню со стороны стены. Здесь клятвоотступник и нашел свою смерть.

С другой стороны крепостной ограды колонне генерал-майора Портнягина удалось пробить в глинобитной стене кирками и ломami немалую брешь. Однако ворваться с ходу в коридор между двумя стенами атакующим сразу не удалось. Им пришлось штурмовать верх стен с помощью приставных лестниц под неистовый барабанный бой. Две такие попытки оказались неудачными.

И только с третьего раза колонна гренадер и спешенных драгун, ведомая генерал-майором Портнягиным, взошла на каменную стену. Третий раз отразить атаку русских ханским воинам у Карабахских ворот не удалось. После этого начались схватки за крепостные башни.

Тем временем егеря полковника Карягина, ложная атака которых оказалась такой удачной, спустились со стен внутрь крепости и открыли Тифлисские ворота, расчистив их от завала. Ужас охватил обороняющихся, увидевших, как сотни русских стрелков, поблескивая ружейными штыками, спускаются с криками по лестницам с крепостной стены и открывают ворота тем, кто находился с внешней стороны стены.

Шел кровопролитный бой. В этот час на центральной площади крепости метались в страхе и молились около девяти тысячни в чем не повинных женщин и детей. Начальники штурмовых колонн приказали солдатам отводить их в уже захваченные башни, подальше от выстрелов и резни.

Ожесточенного сопротивления, как на каменной стене, внутри гянджинской крепости не получилось. Лишь у ханской мечети произошел действительно ожесточенный рукопашный бой, закончившийся гибелью последних пяти сотен воинов Джавад-хана. Остальные повсюду сдавались в плен. Делали они это отчасти и от того, что стали свидетелями гуманного отношения русских к своим семьям.

При штурме погиб средний сын хана — Гусейн-Кули-ага. Два других — старший и младший — сумели на веревках спуститься со стен и улизнуть. Вероятнее всего, их, опознав, пропустили через конные пикеты.

Гянджинская крепость пала под натиском атакующих кавказских войск к полудню. Над ее цитаделью взвился российский стяг. Теперь для победителей открывалась прямая дорога на берега Аракса, за которым находились провинции Южного Азербайджана.

В сражении за город-крепость Гянджуханское войско потеряло 1750 человек только убитыми. 18 тысяч воинов Джавад-хана, сложив оружие, сдались в плен. Трофеями победителей стали 12 орудий и девять знамен, личное оружие поверженного гарнизона, хранившиеся в крепости большие запасы боевых зарядов и продовольствия. Потери атакующей стороны составили 17 офицеров и 227 нижних чинов убитыми и ранеными.

Падение считавшейся сильной крепостью Гянджи произвело на правителей Персии должное впечатление. Но в Тегеране даже и не помышляли о разрешении территориальных споров с Россией мирным, переговорным путем. При шахском дворе только и было разговоров о новом опустошительном набеге в земли Закавказья.

Желая убедить противников Российской империи в том, что ее войска уже никогда не оставят завоеванного ханства, князь Цицианов приказал провести на следующий же день торжественное богослужение в стенах крепости. Для этой цели приспособили главную мечеть, в которой разместили утварь походной полковой церкви. Священники отпели погибших.

Царский наместник и главнокомандующий на Кавказе своим приказом переименовал город Гянджу в честь императрицы Елизаветы Алексеевны — в Елизаветполь. Само ханство ликвидировалось и под названием Елизаветпольского округа присоединялось к России. Такой шаг князя Цицианова не встретил ни сопротивления, ни ропота среди местных жителей, которые, как виделось, нисколько не сожалели о том, что лишились своего жестокого и немилосердного правителя.

В Санкт-Петербурге высоко оценили одержанную на Кавказе победу. Царский наместник стал полным генералом — то есть генералом от инфантерии (пехоты). Высочайший указ о том был подписан 4 февраля 1804 года, то есть спустя ровно месяц после взятия Гянджинской крепости.

Генерал-майор Портнягин удостоился Военного императорского ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й степени. Майор Лисаневич, полковник Карягин и подполковник Симанович были награждены орденами Святого Георгия 4-й степени. Теперь во всех официальных документах они именовались Георгиевскими кавалерами.

Павла Михайловича Карягина, чья штурмовая колонна первой ворвалась в Гянджинскую крепость, ждала еще одна высокая императорская награда. Он был назначен шефом 17-го егерского полка, особо отличившегося в ходе приступа.

Для низших чинов, участников победного штурма, вскоре будет отчеканена специальная серебряная медаль необычного размера, диаметром в 33 миллиметра. На ее лицевой стороне, во все поле медали, был изображен вензель императора Александра I, увенчанный императорской короной. На оборотной стороне шла прямая семистрочная надпись: «За — труды — и храбрость — при взятии — Ганжи — генвоя 3. — 1804 г.». Медаль носилась на ленте ордена Святого Александра Невского.

Гянджинская медаль имела интересную судьбу. Боевую награду учредили 16 июля 1804 года императорским повелением, объявленным министру финансов действительному статскому советнику А.И. Васильеву. В апреле 1805 года на Санкт-Петербургском монетном дворе отчеканили 3700 серебряных медалей и выслали их в Тифлис главнокомандующему генералу от инфантерии П.Д. Цицианову. Тот, подтверждая в июне получение медалей, сообщил в столицу, что выдачу их откладывает.

В сентябре того же года царский наместник обратился к Александру I с прошением изменить надпись на реверсе медали — сделать ее следующей: «За — храбрость — при взятии — Ганжи — штурмом — генваря 3. — 1804 г.». И раздать заслуженные боевые награды только 1560 солдатам и унтер-офицерам, действительно участвовавшим в победном и кровопролитном приступе. Остальные 2140 штук предлагалось переплавить в слиток серебра, продать его и полученные деньги израсходовать на строительство колокольни в столице кавказского наместничества городе Тифлисе.

Разрешение на то императора Александра I было дано в январе 1806 года. Однако гянджинская медаль с такой надписью в истории неизвестна. По-видимому, проект осуществлен не был, так как в феврале того же года князь Цицианов был предательски убит...

Не столь удачен оказался поход генерал-майора В.С. Гулякова в Джаро-Белоканскую область против хана Сурхая Казикумыкского, состоявшийся почти одновременно с Гянджинским. Тот собрал шесть тысяч лезгин, перешел с ними на правый берег реки Алазани и готовился совершить «привычный» разбойный набег на грузинские земли. Рядовым его по количеству горцев, пожелавших принять участие в набеге, назвать было нельзя. Только Сурхай-хан оказался в своих помыслах человеком недалеким, словно забывшим, что теперь грузинские земли стали частью российских владений.

Гуляков с небольшим отрядом быстро перешел Алазань, разбил неприятеля и, преследуя его, имел неосторожность втянуться в тесное Закатальское ущелье. Там 15 января экспедиция попала в засаду, где в самом начале ожесточенного боя пуля сразила генерала. Отряду пришлось отступить из ущелья и отойти на Алазань, заняв там позицию на случай повторного набег лезгин на Кахетию.

При получении такого прискорбного известия князь Цицианов отправил противной стороне столь грозное послание, что уже в первых числах апреля в Тифлис съехались депутаты от вольных обществ джаро-белоканских лезгин. Прибыли и их горские союзники: елисуйский султан «с персидскою, по словам Цицианова, душой» и самухский владелец Шерим-бек с сыновьями гянджинского хана, бежавшими во время штурма Гянджинской крепости и скрывавшимися у него.

Кавказский наместник обложил горских владельцев и лезгинские вольные общества данью. Они присягнули на вечную покор-

ность российским государям. Один из ближайших сподвижников Цицианова — полковник П.М. Карягин сказал по этому поводу:

«Наш князь, сделав музыку из ядер и пуль, всякого хана по своей дудке плясать заставит...»

Вскоре после взятия Гянджи началась затяжная первая Русско-иранская война, длившаяся с 1804 по 1813 год.

Непосредственной причиной войны стали события в Восточной Армении. Эриванский хан Махмуд обратился к персидскому владыке Баба-хану, получившему после восшествия на престол имя Фетх-Али-шаха, с просьбой вассала поддержать его в притязаниях на единоличное господство в армянских землях. Такое согласие Тегеран ему дал, надеясь таким шагом упрочить свои позиции в Закавказье.

Кавказский наместник, к которому в Тифлис стекалась вся разведывательная и иная информация, понимал, что ему скоро придется столкнуться с Персией. В апреле 1804 года Мирза-Шефи, шахский министр, известил всех соседних владельцев, прежде всего вассалов своего правителя:

«...Повелитель мой, подобный Искандеру (Александру Македонскому. — *А.Ш.*), с войсками, волнующимися как море, двинулся из столицы своей в Бам, которому по случаю такой чести стал завидовать небесный рай».

О масштабах территориальных притязаний Фет-Али-шаха на Кавказе рассказывались просто небылицы. Его «державство» персидский владыка всерьез собирался победно пройти с огнем и мечом до Кизляра и Моздока, то есть до Кавказской линии и еще дальше. Шахские приспешники писали, к примеру, в Грузию следующее:

«Не слыхано и невиданно такого колеблющего землю войска: ...всю грузинскую землю они (персы) взроют на десять вершков...»

В Тегеране произошли события, которые говорили прямо, что Русско-иранская война уже не за горами: шах торжественно «пожаловал Грузию», как свою вотчину, беглому царевичу Александру. Он самолично опоясал его драгоценным мечом и велел сделать ему «перстень царский». Такое событие в персидской столице имело на Кавказе «сильное звучание».

Наследный принц Аббас-Мирза и эриванский хан Махмуд при- слали князю Цицианову письма, по содержанию схожие друг с другом как две капли воды. Суть их сводилась к тому, что русским для

спасения собственных жизней следовало как можно быстрее оставить Кавказ, иначе шах мог «прогневаться» на них и покарать неверных. Эриванскому хану кавказский главнокомандующий ответил так:

«На глупые и дерзкие письма, каково было ханское, с прописанием к нему еще повелений, словами льва, а делами теленка, Баба-хана, русские привыкли отвечать штыками...»

События разворачивались следующим образом. После смерти в 1799 году армянского патриарха Россия поддержала кандидатуру Даниила, получившего на выборах убедительное большинство голосов. Хан Махмуд, считавший себя всемогущим человеком, приказал взять под стражу новоизбранного патриарха, а на его место поставил «своего» человека — Давида. Он преклонялся перед персами и ни в чем не перечил эриванскому хану.

Такое событие, бившее по достоинству России, главноуправляющий в Грузии оставить без внимания просто не мог. Он самым решительным образом потребовал восстановить Даниила в прежнем сане. В ответ самоуверенный правитель Эриванского ханства стал готовиться к войне, а так как имел всего семь тысяч воинов, то запросил военной помощи у Баба-хана, еще не коронованного как персидский шах, своего покровителя.

Тот словно ждал такого повода для похода в Закавказье. Он быстро собрал в столице Южного Азербайджана — городе Тавризе 40-тысячную армию. Прибывший в Тифлис иранский посол Якуб-бек вручил генералу от инфантерии Цицианову надменное требование вывести русские войска со всей территории Закавказья. Или, говоря иначе, сильная в то время Персия потребовала от России убраться вон за Большой Кавказский хребет. В случае отказа глава династии Каджаров грозился сделать требуемое им вооруженной рукой.

Такое наглое требование со стороны Баба-хана исходило от знания соотношения воинских сил. До 1803 года в Грузии находилось всего 7 тысяч русских войск, а именно: Тифлисский, Кабардинский, Саратовский и Севастопольский мушкетерские, Нижегородский и Нарвский драгунские полки. С 1803 года, по мере расширения российского влияния в Закавказье, стала увеличиваться и численность регулярных армейских частей. Но ввиду осложнения отношений России с наполеоновской Францией прибытия больших сил на Кавказ не ожидалось. Царскому наместнику о том было

дано знать, и он мог рассчитывать только, как говорится, на собственные силы.

В Тегеране знали и то, что внешнеполитическая ситуация в Европе вокруг Российской империи оставляет желать лучшего. Баба-хан доподлинно знал, что у его северного соседа вот-вот должны начаться большие войны с наполеоновской Францией, Швецией и султанской Турцией. И они действительно вспыхнули, только чуть позже...

Цицианов, хорошо усвоивший суворовскую «науку побеждать», не стал дожидаться вражеского вторжения в Грузию, а решил открыть военные действия сам. Полководец задумал сразу же взять инициативу в начавшейся войне в собственные руки. Он свято верил в высокие ратные достоинства русского солдата: его боевую выучку, мужество и бесстрашие, неприхотливость к походным тяготам.

К городу-крепости Эривани направляется отряд русских войск в количестве 4295 человек при 20 полевых орудиях. В его состав вошли: два батальона Саратовского мушкетерского полка, три — Кавказского гренадерского полка, полтора батальона егерей, два батальона тифлиских мушкетер, четыре эскадрона нарвских драгун, три сотни кавказских линейных казаков и три сотни конной грузинской милиции (князья и дворяне). Ожидалась немалая помощь со стороны армянских добровольцев.

Силы отправлялись в Эривань небольшие (по восточным меркам), но по своей профессиональной готовности превосходили любого противника в Закавказье. Генерал от инфантерии о том прекрасно знал и потому действовал в своих расчетах наверняка.

Авангард сформированного под Тифлисом отряда выступил в направлении ханской крепости Гумры под командованием генерал-майора Тучкова 2-го, будущего героя Отечественной войны 1812 года. Цицианов с главными силами вышел вслед через два дня, 10 июля.

У урочища Гумры русский передовой отряд встретился с превосходящим по силам отрядом конных персов. Среди них находился грузинский царевич Александр со своим братом Теймуразом, мечтавший с помощью шахской армии вернуть себе грузинский престол. Тучков решительно ударил по врагу первым и после непродолжительного боя обратил его в бегство. Вскоре к урочищу подоспел с войсками главнокомандующий.

У крепости же Гумры русским пришлось задержаться. Из Эривани к Цицианову прибыли посланцы Махмуд-хана для ведения переговоров. Тот объявлял царскому наместнику о готовности присягнуть на верность российскому императору. При этом взамен требовалось только одно -- отвод назад, в Грузию, воинского отряда. Эриванский владделец хитрил в открытую: от Тавриза к нему на помощь спешила во всем своем множестве шахская армия.

Время играло только на Махмуд-хана. Но Цицианов вовремя получил от добровольных разведчиков-армян сведения о том, что огромная персидская армия выдвигается на Эривань. Самым достоверным стало сообщение бежавшего из стана персов пленного грузина, воспользовавшегося случаем вернуться в отечество: он исполнял при сардаре (командующем) чиновничью должность кафеджи.

Генерал от инфантерии Цицианов не стал медлить с принятием решения, не откладывая планы относительно самой Эривани на будущее. Русский отряд ускоренным маршем двинулся вперед по труднопроходимым горным дорогам. Но все же первым подойти к городу-крепости он не успел: неприятельская конница опередила его.

Выйдя к 20 июня 1804 года к Эчмиадзинскому монастырю, расположенному близ Эривани, русские обнаружили перед собой 20-тысячную шахскую армию под командованием наследного принца Аббас-Мирзы: он подошел к крепости раньше. С ним в последующем полководцам России придется скрещивать оружие не раз.

У Эчмиадзина, в котором находился главный монастырь армянской церкви, авангард генерал-майора Портнягина провел бой с неприятелем. Русский отряд, состоявший из казаков и конных грузинских добровольцев, был встречен из монастырских садов сильным перекрестным огнем из ружей и фальконетов. Линейные казаки спешили и выбили в рукопашной схватке персов из садов.

Однако взять сам Эчмиадзинский монастырь, хорошо укрепленный, авангарду было не под силу: главные силы находились еще только на подходе. Пехота прошла при жаре и безводье 44 версты. Из батальонов на назначенное для походного лагеря место сразу пришло при знаменах человек по 60. Остальные люди тянулись по дороге и собрались все вместе только к полуночи.

Утром 20 июня завязался бой, в котором приняла участие почти вся конница Аббас-Мирзы. Русские, построившись в каре, взаимно фланкирующие друг друга, отбивали бешеные наскоки персов, исходивших в крике, картечным огнем. До рукопашных схваток делу не доходило. Тогда сын шаха приказал обскákat с флангов позицию пехоты противника и взять его обозы: вагенбург имел слабое прикрытие.

Заметив опасность, генерал-майор Тучков поспешил занять водяные мельницы, находившиеся справа. В них засел унтер-офицер Вернер с 40 кавказскими гренадерами. Персидская лава, озадаченная внезапным ружейным залпом, приостановилась. Тут по ней и ударили со всей решительностью два эскадрона нарвских драгун, посланные князем Цициановым из главного каре: их успех был полный.

Под вечер вражеская конница тысячными толпами стала выходить из зоны артиллерийского обстрела. Напрасно прискакавший на поле битвы Аббас-Мирза в гневе старался навести среди своих всадников хотя бы видимость порядка. В том бою единственным успехом шахской армии стал захват двух отставших обозных телег, которые тут же были разграблены. Одна была солдатской артели, другая с палаточным ящиком. И еще — шахские сарбазы отрубили голову павшему солдату из Саратовского полка и с гордостью унесли ее с собой.

Три дня персы держались от русских на дальность пушечного выстрела. Цицианов двинулся к селению Канакиры, где имелась единственная переправа через быструю реку Зангу. В селении укрылись обозы. К Эчмиадзинскому монастырю были отправлены две пехотные роты: персы, заметив их приближение, сами бежали из стен монастыря.

30 июня русские войска переправились через Зангу, в боевых порядках миновали Эриванскую крепость и двинулись на неприятельский лагерь, который находился в 8 верстах от города. Видя это, наследный принц Аббас-Мирза решил дать противнику настоящее полевое сражение, введя в бой все свои наличные силы, то есть 20 тысяч воинов.

Второй сын Фетх-Али-шаха Каджара (Баба-хана) был уже назначен отцом виалагдом (наследником престола) помимо старшего брата Магомед-Али, рожденного от грузинки. Аббас-Мирза многие годы старался стать военным реформатором. Будучи с дет-

ства наместником (беглер-бегом) Азербайджана (Южного), он старался реорганизовать вверенные ему войска по европейскому образцу. В этом ему помогали английские и французские инструктора, особенно чиновники посольства наполеоновской Франции. Но все подобные попытки усовершенствовать персидскую армию заметного успеха не имели.

Аббас-Мирза командовал в Русско-персидских войнах 1804—1813 и 1826—1828 годов северной группировкой шахской армии, вернее — ее главными силами. С 1827 года отец доверил наследнику всю свою армию. Однако во всех главных сражениях с русскими виалагд терпел только сокрушительные поражения.

Европейцы видели в наследном принце человека для Востока весьма интеллигентного и практичного, хотя и со слабым характером. Он не имел той силы воли, которой обладал Баба-хан. Аббас-Мирза оставил после себя 24 сыновей и 26 дочерей. Старший его сын, Мохаммед-Мирза, в 1834 году займет шахский престол Персии.

...Подступивший к Эривани наследный принц имел под своими знаменами 12 тысяч пехоты и 8 — конницы. Полководцем он был уже зрелым и опытным, подкрепленный к тому же ближайшими военачальниками отца, не раз ходившими в походы на земли Закавказья. Аббас-Мирза принял верное в той ситуации решение: разгромить противника еще на марше.

Но его войска запоздали с исполнением задуманного. Цицианов уже имел достаточно полное представление о неприятельской армии, занимавшей выгодные от природы позиции у реки Арпачай. Многочисленность персидского воинства его не смущала. Князь решил продолжить наступательное движение всем отрядом. Однако теперь русским пришлось перестроиться из походного порядка в боевой. Больше нигде не задерживаясь, они двинулись прямо на арпачайскую позицию.

Шахская конница, вдвое превосходившая весь русский отряд, попыталась атакой конной лавы опрокинуть его. Однако кавалерийские наскоки кавказцам удалось отбить прежде всего артиллерийским огнем. Два десятка полевых орудий, поставленных в первую линию, вели залповый огонь. В итоге шахская конница, совершенно расстроенная, поспешно бежала с поля боя в походный лагерь Аббас-Мирзы. Наследный принц с трудом привел ее в прежний порядок.

Виалагд больше не решился испытывать судьбу на берегах Арпа-Чая. К 25 июня он отвел свою армию на новую позицию у селения Камарлу. Это позволило противнику выйти к Эривани. Но перед этими двумя событиями стороны имели несколько жарких столкновений, в которых персы окончательного успеха не имели.

Кавказский главнокомандующий, не имея сил для охвата и последующего разгрома неприятельской армии, в пять раз превосходившей его отряд (не считая Эриванского гарнизона), составил следующий план на военную кампанию 1804 года. Он решил в постоянных, больших и малых боевых столкновениях вытеснить войска наследного принца Аббас-Мирзы с территории Восточной Армении и заставить ее уйти обратно за реку Аракс. И только после этого заняться осадой Эриванской крепостью, которая к числу слабых не относилась.

Такие бои шли чередой с 20 по 30 июня. Шахские войска последовательно сбивались то с одной, то с другой позиции, откатываясь каждый раз все дальше и дальше от Эривани. «Зачинщик» первой Русско-иранской войны благоразумно занял выжидательную позицию, чтобы в любом исходе противостояния постараться остаться «на плаву». То есть сохранить за собой ханский престол.

Особенно яростный бой произошел на берегу реки Занги, где персы возвели полевые укрепления, намереваясь в них укрепиться и отсидеться. Цицианов послал на их штурм батальон 19-го егерского полка, покрывшего себя славой в войнах на Кавказе. Стрелки ударили в штыки и «вымели» батальоны шахской пехоты из укреплений прочь.

Удачными оказались и действия батальона Кавказского гренадерского полка, которым командовал подполковник Козловский, «жадный к славе и оказанию храбрости». Гренадеры, сменившие уставших егерей, атаковали горный гребень и сбросили оттуда неприятельскую пехоту.

Среди отличившихся в том бою оказался поручик граф М.С. Воронцов, будущий генерал-фельдмаршал и наместник Кавказа. Во время рукопашной схватки на берегу Занги он проявил «примерное волонтерство», то есть добровольно примкнул к идущим в штыковую атаку егерям. Он участвовал в отбитии двух неприятельских пушек.

После боя генерал от инфантерии П.Д. Цицианов составил на имя государя наградную реляцию на наиболее отличившихся в том

бою командиров. В наградной список попал и гвардейский поручик Воронцов. О нем царский наместник отзывался так:

«Не могу не рекомендовать особенно находящегося при мне за бригад-майора, не сменяющегося, лейб-гвардии Преображенского полка поручика графа Воронцова, который деятельностью и попечительностью своей заменил мою дряхлость, большую мне служит помощью и достоин быть сравнен с его сверстниками. О сем дерзаю всеподданнейше представить, зная священные правила справедливости Вашего Императорского Величества, по строгости коих, служба его молодого офицера, обещающего много для пользы службы, заслуживает всеконечно всемилостивейшего Вашего Императорского Величества внимания к ободрению его».

По ланному цициановскому представлению будущий генерал-фельдмаршал и кавказский наместник граф М.С. Воронцов удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени. Одновременно с Георгиевской наградой он получил чин капитана.

Десятидневные боевые столкновения привели к желаемому результату: Аббас-Мирза в конце концов спешно ушел за Аракс. Персы бросили при этом в своем походном лагере много армейских тяжестей. Преследовать отступавших было просто некому: у Цицианова под рукой оказалось всего 30 казаков терского Семейного и Гребенского полков. Эта горстка храбрецов бросилась преследовать (!) вражеские толпы, устремившиеся к переправе через реку Аракс. и отбила четыре знамени и четыре фальконета.

В жарком сражении 30 июня генерал-суворовец Цицианов полностью переиграл наследного принца, получив, таким образом, возможность заняться Эриванской крепостью. К тому дню численность шахской армии с учетом подоспевших подкреплений уже достигла 27 тысячи человек, более чем на две трети состоя из легкой конницы.

К тому времени русский отряд заметно пополнился армянскими добровольцами. Следует отметить, что на полях битв с персами отличились проявленной доблестью отряды священников Г. Манучаряна и Н. Аштаракечи. Такое было понятно: Россия во все времена несла армянскому народу только избавление от векового рабства, худшей доли.

Кавказский главнокомандующий, выставив по Араксу цепь сторожевых постов, приступил к осаде крепости Эривань, став готовить штурм этой древней твердыни. Она имела двойную стену с

17 башнями. Правда, артиллерия оказалась слабой — всего 22 разнокалиберных орудия. Хан имел за стенами 7 тысяч воинов, и к тому же вооружил 6 тысяч местных жителей-мусульман. Овладение Эриванью вырисовывалось задачей не из легких. Ведь предстояло брать штурмом крепость, гарнизон которой в три раза превосходил числом осаждавших!

Хитрый Махмуд-хан вновь заявил о готовности стать вассалом императора России, верно служить ей, восстановить на патриаршем престоле Даниила, платить ежегодную дань в 80 тысяч рублей. Но крепостные ворота открывать русским он не собирался. В такой ситуации тем приходилось уповать только на решительный приступ. Цицианов прекрасно понимал, что стоит за клятвенными заверениями правителя Эриванского ханства.

Неповиновение Махмуд-хана, считавшегося клятвенным вассалом России, грозило поколебать то значение, которое русская власть приобрела за Кавказом после гянджинского штурма, и поставить в затруднительное положение царского наместника, «сильного не численностью войск, а славою их непобедимости».

Тегеран начал в Закавказье против России то, что сегодня называется «идеологической или информационной войной». Шахские послания — фирманы к князьям стали расходиться по всей Грузии. В одном из них, адресованном «к старшинам и всему населению Кахетии», говорилось:

«Известно, что Грузия составляет часть иранских владений. По оплошности грузинских царей, заблужденные русские уже начали помышлять утвердиться в этой стране. Александр-мирза и Теймураз-мирза прибыли к нашему двору. Наша высочайшая воля состоялась для оказания покровительства этим царевичам и отторжения Грузии от проклятых русских. А потому ныне, удостоя их высочеством монаршими милостями, командировали мы их к наследнику нашему Аббас-мирзе, которого отрядили в Грузию с 50 000 армией. Царевичи будут находиться при нем и служить в его отряде. Мы же сами снимемся из столицы и направимся в Грузию, а оттуда в Кизляр. По милости божией, те страны будут очищены от гяуров, русские истреблены мечами победоносных воинов, и царевичи будут утверждены в Грузии. А потому вы должны собрать свои ополчения и быть в готовности, чтобы, по прибытии нашей армии в те страны содействовать ей в истреблении русских».

Когда необходимые приготовления к штурму уже завершались, пришло тревожное сообщение от сторожевых пикетов на Араксе. Персидская армия под водительством все того же Аббас-Мирзы подходила к реке. Только теперь ее численность была не 20 тысяч человек, а все 40. И теперь ее главнокомандующим был сам Фетх-Али-шах, лично прибывший на войну. Такие сведения «выложили» захваченные вражеские лазутчики. Наследный принц опять спешил на помощь эриванскому хану, слезно просившему «подсобить» ему в войне против неверных.

Умудренный жизненным опытом Махмуд-хан предпочитал гибкость в политике. Однако в данном случае он просто забыл, что самое опасное место, когда двое раскачиваются на одной доске, это ее середина. Владетель Восточной Армении решил сделать ставку на собственную роль третьей силы, чтобы попасть в милость любому победителю. Или Персии, или России.

Узнав о новом приближении шахской армии, хан на сей раз отважился на вылазку за крепостные стены. Вероятнее всего, этого потребовал от него Аббас-Мирза. Одновременные атака персидских войск и вылазка осажденного гарнизона назначались в ночь на 15 июля. Однако попытка сдвоенного удара не увенчалась ожидаемым успехом. Наоборот — персы потерпели в ту ночь полный разгром.

Цицианов получил достоверные сведения о готовящемся ударе. В ту ночь русский отряд не стал ожидать на занимаемой позиции подхода атакующего с двух неприятеля. По приказу царского наместника три тысячи пехотинцев, перейдя реку Зангу вброд, одним ударом отбросили назад вышедшее из крепости ханское войско, которому досталось немало картечных выстрелов в упор. Персы, гонимые штыками кавказских гренадер, едва успели затворить за собой городские ворота.

Затем гренадеры, егеря и мушкетеры, построившись в несколько немногочисленных каре, смело атаковали главные неприятельские силы, которые к началу ночного боя успели расположиться на господствующих высотах. Не отвечая на беспорядочную стрельбу, пехотинцы под мерный барабанный бой, наступая быстрым шагом, скоро оказались в мертвом пространстве для вражеских стрелков. За несколько десятков метров до персидской позиции барабанный гул сменился частой дробью. Русские стрелки броси-

лись на приступ. В завязавшейся на высотах рукопашной схватке шахским солдатам не помогло даже очевидное численное превосходство.

Подлинный героизм в ту ночь показал гарнизон небольшого земляного редута на берегу реки Занги, который обороняло 56 офицеров и нижних чинов Саратовского мушкетерского полка, которыми командовал штабс-капитан Цыренов. Они не только отбили все атаки шахских сарбазов численностью до 3 тысяч человек, но и сами трижды поднимались в штыковые контратаки.

Князь Цицианов потом писал, что стойкость горстки мушкетер-саратовцев «превосходила всякое воображение». Впоследствии историки назовут подвиг русских воинов в битве у реки Гарни-Чай «баснословным».

К слову сказать, в ту ночь большая часть цициановского отряда в деле участия не принимала. Персы в своем наступательном порыве так и не сумели дойти до походного лагеря противника, до штаб-квартиры кавказского главнокомандующего, хотя достоверно знали его местонахождение.

Ожесточенного и продолжительного сражения, как ожидалось, в ту ночь и утро не получилось. Потеряв полторы тысячи человек (среди которых оказалось три хана), 7 пушек и 4 знамени, наследный принц Аббас-Мирза счел за благо отступить за реку Гарни-Чай. Потери кавказских войск в тех атаках составили всего 69 человек убитыми и 117 — ранеными.

То поражение персидской армии обычно приписывают доблести кавказских войск и «дурным» распоряжениям шаха и его сына-наследника. Фетх-Али-шах после битвы приказал повесить лазутчика, который донес ему о недостатке снарядов и пороха у «гяуров». Показания лазутчика между тем были совершенно верны. Если бы персы начали атаку противника всего сутками раньше, то действительно поставили бы его в критическое положение: транспорт с боевыми припасами прибыл в осадный лагерь лишь за несколько часов до начала ночного сражения.

Блокада Эриванской крепости продолжалась до конца августа 1804 года. Осадная артиллерия отсутствовала, и потому о сколько-нибудь серьезных бомбардировках вражеского стана речь не шла. Хан Махмуд, зная об этом, упорствовал в сдаче. Царский наместник в ходе переговоров довольствовался только одними угрозами, поскольку не имел ни одного орудия крупного калибра.

Очень скоро цициановский отряд стал испытывать острую нужду в продовольствии и боеприпасах. Получить же то и другое на месте возможности не виделось. Персы выжгли на корню все посевы зерновых в ближайших окрестностях Эривани и конными отрядами перерезали коммуникации русских. Персы небольшими конными партиями нападали на фуражиров, отдельные обозные повозки и просто одиночных людей. Противодействовать таким вражеским действиям Цицианов не мог: кавалерии у него почти не оставалось, так как большую часть драгунских лошадей пришлось употребить под вьюки для перевозки в осадный лагерь провианта из Эчмиадзинского монастыря, где хранились его запасы.

Угроза голода стала неотвратимой. Продовольствие уже выдавалось на человека в половинном количестве, изредка добавляя к нему фунт конского мяса. Перспектив к улучшению суточной порции, как наместник ни ломал голову, не виделось.

Наступала осень. В войсках из-за болезни «обнаружилась» значительная смертность. Одной из многих жертв желтой горячки стал шеф 9-го егерского полка Цехановский, что сильно огорчило князя Цицианова. Благодаря стараниям этого офицера полк был «доведен до высочайшей степени храбрости и исправности».

Ханский гарнизон таких тягостей пока не испытывал. Моральный дух его был высок — еще бы, при таком численном превосходстве и крепости двойных древних стен. К тому же малочисленность противника не позволяла тому осуществлять надежную блокаду всех городских ворот.

Чтобы уменьшить расход продовольствия, Цицианов отправил в Тифлис всю грузинскую дружину, которая тяготилась трудностями осадной жизни. Пройдя 30 верст, князя и дворяне со своими слугами самым беспечным образом расположились на ночлег. Здесь на них и напал с персами царевич Александр. 150 человек оказалось в плену вместе с генерал-майором князем Иваном Орбелиани. Их всех отвезли в Тавриз и заключили в тюрьмы, забив в кандалы и надев на шеи тяжелые колодки.

Царевич Александр, ободренный успехом, во главе 6 тысяч конников появился в Памбакской провинции на путях сообщения Цицианова с Грузией. Персы занялись грабежами армянских селений, совсем забыв о войне. В Тифлисе началась такая тревога, что из дома наместника стали вывозить в городскую цитадель документы, казну и ценные вещи. Непокойно стало и на Военно-

Грузинской дороге: из-за нападений «немирных» горцев связь с Кавказской укрепленной линией прервалась.

Когда обо всех этих событиях стало известно в Санкт-Петербурге, то там посчитали, что отряд Цицианова обречен на неизбежную гибель, настолько неравными выдвинулись силы воюющих сторон. Однако тот с завидным упорством продолжал стоять под стенами Эриванской крепости, уповая только на чудо.

Цицианов попытался наладить доставку провианта в осадный лагерь. Чтобы получить снабжение, князь послал на разведку команду в 109 человек при одной пушке во главе с майором Монтрезором. Отряд пробился через вражеское кольцо в горы, но там, измученный зноем и жаждой, был окружен силами грузинского царевича Александра в 6 тысяч персов, на воцарение которого в Тифлисе шах строил далеко идущие планы.

Отряд майора Монтрезора в неравном геройском бою под Караклисом был почти весь истреблен: дав последний залп, русские пошли в штыки. Спасти удалось одному лишь солдату, в плен попало 15 израненных людей. О той схватке в горах донские казаки из станицы Раздорной сложили песню «Князь Цицианов под Эриванью»:

*Ой в восемьсот толичка было
Да было сорок втором, сорок во втором, во втором году,
Как под славным было, под славным городом было
Под Рива... да под Риванью.
Ой там стоял да стоял, стоял-то там Синция...
Синциянов-князь.
Ой не один он там стоял,
Да стоял со своим отря... со своим отрядом.
Ой недостало там в него да во князя Синциянова
Солдатам да провья... ой да провьянту.
Майора Ризо... да Ризорова:
«Поезжай же ты, поезжай, да майор же ты Ризоров,
За провья... за провьянтом.
Ай ну возьми же с собой, ой да ты, Ризоров, возьми
Солдат тре... солдат трезвых».
«Да не надо же мне вот мне, князь Синциянов,
Солдат тре... солдат трезвых!
Вы дозвольте мне узять солдат горьких пья... горьких пьянщиков.
Я со пьяницами, Синциянов-князь, со пьяницами
Дело сде... дело сделаю».*

В такой ситуации царский наместник собрал 31 августа военный совет. Собравшиеся отрядные командиры, среди которых находились и предводители национальных формирований (так, Джафар-Кули-хан Хойский участвовал в осаде с отрядом конницы почти в 700 сабель), большинством голосов решили снять осаду. До лучших, естественно, времен. На военном совете сам Цицианов высказался за штурм крепости.

Падение столицы Эриванского ханства и присоединение Восточной Армении к России было отсрочено на целых 23 года.

4 сентября русский отряд снял блокаду с Эриванской крепости и, слабо преследуемый персидской конницей, стал отходить в российские пределы, в Восточную Грузию.

Во время дневки у Эчмиадзинского монастыря князь Цицианов приказал архиепископу Иоаннесу собрать все драгоценности первопрестольного монастыря и на 11 вьюках отправить их в Тифлис, дав охрану груза тифлисских гренадер. Архиепископом Иоаннес вывел на жительство в Грузию одиннадцать тысяч армянских семей. Царский наместник лично назначал им места для поселения.

14 сентября цициановский отряд вступил на грузинскую землю с большими потерями. За десять дней пути заболело 450 человек, из которых треть умерла.

Цицианов глубоко переживал Эриванскую неудачу. Главноуправляющий Грузией писал в донесении императору Александру I:

«Не могу без стеснений сердца видеть себя в течение тридцатилетней моей службы вторым только в российской армии генералом, принужденным снять из-под города блокаду, не взявши его».

Под «первым генералом» он разумел князя Голицына, который потерпел обидную неудачу при осаде в 1769 году турецкой крепости Хотин в верхнем течении реки Днестр. Император постарался утешить удрученного неудачей главнокомандующего на Кавказе. Он отвечал ему:

«Одно неудовольствие, какое я имею, есть то огорчение, в котором вы находитесь. Никто, конечно, кроме вас, не станет сравнивать происшествий под Хотинном с настоящим случаем, но многие отдадут справедливость как предпримчивости духа вашего, так и тому, что вы столь малыми силами так много сделали в одну кампанию».

Государь был прав: первая кампания Русско-иранской войны не стала упреком для русских кавказских войск. Поэтому за нее

генерал от инфантерии П. Д. Цицианов удостоился очень высокой орденой награды — Святого Владимира I-го класса...

Энергичный царский наместник решил той же зимой повторить Эриванский поход. Но в полках, стоявших в Грузии, оказался недокомплект в пять тысяч человек. Так что идти в большой поход было не с кем.

Тогда князь Цицианов поставил новые боевые задачи Каспийской флотилии. Ей предстояло взятием города-крепости Баку и «угрозой Зензели и Рящу» (иранские города Энзели и Решт на южном берегу Каспия. — *А.Ш.*) отвлечь внимание главных сил шахской армии.

Все же в самом начале следующего, 1805 года, князь Цицианов, воспользовавшись «смутами» в Эриванском ханстве, двинул в Шурагельскую область отряд генерал-майора Несветаева и объявил ее окончательно присоединенной к России. Появившееся у границ Шурагели 3-тысячное войско Махмуд-хана было разбито. Оно бежало в Эривань, преследуемое по пятам одним-единственным русским пехотным батальоном в 400 штыков, который даже занял Эчмиадзинский монастырь и прошелся строем под стенами Эриванской крепости, вызвав в ханском стане страшную панику.

Шурагель была важна для стратега Цицианова. Она прикрывала Грузию не только со стороны Эриванского ханства, но и со стороны турецких крепостей Карс и Ардаган.

Сразу после возвращения из Эриванского похода царский наместник начал переговоры с Ибрагим-ханом Карабагским, склоняя его к принятию российского подданства. Как только слух о том дошел до Тегерана, шах, опасаясь потери в Закавказье еще одного вассального ханства, с давних пор находившегося в зависимости от Персии, послал в Карабаг значительное войско. И в то же время шах старался щедрыми обещаниями привлечь на свою сторону Ибрагим-хана.

Но 80-летний карабагский владелец знал по собственному опыту коварство шахского двора и имел перед глазами живой пример в правителе Шигазском. Тот, поверив торжественной клятве шаха, прибыл в Тегеран, где был изменнически убит. Поэтому Ибрагим-хан не поддавался обещаниям. Более того, он мужественно вышел со своим войском на битву с персами и наголову разбил их при Дизане.

Поздравляя карабагского хана с большой победой, генерал от инфантерии Цицианов между прочим писал ему следующее:

«Жаль, что самого (главнокомандующего) не изловили, ибо, не истребив и не вырвав корня, дерево всегда вырастает, да и оскорбление, нанесенное Баба-хану разбитием его сардаря, так велико, что к весне надлежит ожидать от него еще большего числа войск».

Сильная и довольно обширная крепость Шуша, столица Карабагского ханства, лежала всего в 80 верстах от персидской границы по реке Аракс. Поэтому сосредоточение в Шуше значительных русских сил позволяло начать военные действия против Персии с одной из самых слабых ее сторон: крепость имела стратегическое для Закавказья значение.

Цицианов поспешил с окончанием переговоров, пригласив карабагского владельца в Елизаветполь для подписания трактата. Ибрагим-хан прибыл туда, и 6 февраля 1805 года царский наместник лично принял у него присягу на верность государю России. Хан обязался платить подать в 8 тысяч червонцев ежегодно. Ему же дарована была драгоценная сабля, знамя с российским гербом и обещаны неприкосновенность прав и сохранение его владений. Внуку его, взятому в аманаты с постоянным проживанием в Тифлисе, определили от правительства ежегодное содержание в 10 тысяч рублей. Помимо этого, хан обязывался за свой счет содержать один батальон русских войск, расположенный в крепости Шуша.

Вслед за Ибрагим-ханом, 20 мая того же 1805 года, принял подданство России Селим-хан Шекинский, женатый на дочери карабагского владельца. Мать Селима была грузинка, и через нее он состоял в родственных связях с княжескими фамилиями Грузии. Прославленный герой Бородина генерал от инфантерии П. И. Багратион приходился ему родным дядей.

Царский наместник помог Селим-хану вновь занять престол в городе Нухе: тот изгнал своего обидчика брата Мамед-Гасана, который в борьбе за власть ослепил другого своего брата Фет-Алибека. Не случайно Цицианов в письме государю о «перестановках» в Шекинском ханстве приложил особую записку о подробностях семейного дела, чтобы дать понятие «об адской хитрости и вероломстве» правителей, среди которых ему приходится действовать во имя России.

Впрочем, следует сказать правду. Селима вынудила принять российское подданство исключительно вражда с соседом ханом

Ширванским, войско которого уже приближалось к границам Шекинского ханства. То есть могла вспыхнуть маленькая феодальная война, одна из бесчисленных в истории Кавказа.

В междоусобицу вмешался Цицианов: для защиты Нухи он отправил русский воинский отряд и в то же время известил владельца Ширвана, что так как владения Селима вошли в состав Российской империи, то всякое покушение против них будет жестоко наказано русским оружием.

С занятием Шекинского ханства джаро-белаканские лезгины оказались между двумя русскими отрядами, один из которых стоял на реке Алазани, другой — в Нухе. И тогда случилось то, чего так желали жители Восточной Грузии — вековые набеги разбойных партий, доходивших порой до стен Тифлиса, стали почти невозможными.

Русские войска вводятся и в Карабаг. В крепости Шуше гарнизоном встал отряд из 6 рот 17-го егерского полка с 3 орудиями под командованием майора Лисаневича. Выбор Цицианова пал на него потому, что «сей отличной храбрости офицер» пользовался полным доверием местных жителей. За два года изучив азербайджанский язык, он приобрел на местного хана такое влияние, что тот по его убеждению три раза отсылал обратно шахских послов, не слушая ни угроз, ни щедрых их обещаний.

Прибытие в Шушу русских войск оказалось как нельзя кстати. На границах Карабага, то есть России, начинала сосредотачиваться большая персидская армия. Сам Баба-хан оставался в городе Султани. Наследный принц Аббас-Мирза, занимавший Тавриз значительными силами, выдвинул на север два сильных авангарда: один со стороны Эривани, другой — к Худоперинскому мосту на Араксе.

Положение кавказского главнокомандующего Цицианова виделось крайне затруднительным. Он не знал, на каком из этих двух направлений неприятель нанесет главный удар. 50-тысячная персидская армия могла легко подавить своей численностью и здесь, и там те незначительные силы, которыми располагал царский наместник. У него во всем Закавказье имелось не более 7 тысяч штыков. Если бы эти силы (или большую их часть) удалось сосредоточить в одном месте, то при испытанной доблести русских войск разгром персов виделся бы несомненным.

Однако об этом не приходилось даже и мечтать. Перед полководцем Цициановым стояла многотрудная задача так расположить

заслоны на возможных путях движения вражеских войск, чтобы можно было поддерживать внутреннее спокойствие в огромном крае, вошедшем в состав Российской империи. Чтобы одним видом русских воинских отрядов «нейтрализовать» действия прошахских сил. Чтобы надежно прикрыть линию государственной границы в Закавказье.

Поэтому суворовец генерал от инфантерии П. Д. Цицианов предписывал майору Лисаневичу действовать в Карабаге наступательно и «разбить персиян». И вообще вести нападения на врага таким образом, чтобы всячески препятствовать персам приближаться к Араксу. Главнокомандующий писал шушинскому коменданту:

«В подобном случае ничто не действует так, как сюрпризы, например, посадить пехоту на лошадей карабагской конницы, ночью сделать большой переход, спешиться и действовать егерями...»

Кавказ второй год «жил» Русско-иранской войной. Царский наместник писал в Санкт-Петербург:

«Остановить войну, раз она началась уже в минувшем году из-за того, чтобы не допустить вторжения в Грузию, теперь уже не в моей власти. Для прекращения ее есть только два способа: заключить мир или же довести неприятеля до невозможности продолжать оную (то есть войну) ...»

Однако миром на российско-персидской границе в Закавказье даже и не «пахло». О мире воинственный Фетх-Али-шах Каджар даже не помышлял: он видел себя в войне с Россией только победителем...

Между тем положение на границе стало проясняться, когда персидская армия двинулась к границам Карабага. Со стороны же Эривани действия ее ограничились только тем, что Мехти-хан Каджарский 13 июня ввел в крепость 3-тысячный персидский гарнизон и арестовал старого правителя Мамеда, сам приняв титул Эриванского хана.

Двумя днями раньше передовой отряд шахского войска численностью до 10 тысяч человек перешел реку Аракс сразу в нескольких местах и подтянулся к джебраильским садам. Отрядом конницы начальствовал Пир-Кули-хан.

В этом случае персы удачно обошли Худоперинский мост, где стоял заградительный отряд майора Лисаневича. Тот сделал быстрый марш-бросок и своим пехотным батальоном разбил непри-

теля в упорнейшем бою. Часть авангарда вражеской армии оказалась прогнанной за Аракс. Но русским после победы пришлось поспешно возвратиться в Шушу: местный хан призвал их для укрощения «бунта», возникшего в городе, конечно же не без участия персидских лазутчиков.

Кавказский главнокомандующий очень надеялся на то, что в ходе нового вторжения противной стороны в Закавказье его армянское население, особенно в Карабаге, окажет русским войскам серьезную помощь. Князь Цицианов обратился со специальным воззванием к карабагским армянам, в котором говорилось:

«...Воспримите прежнюю свою храбрость, будьте готовы к победам и покажите, что вы и теперь те же храбрые карабагские армяне, как были прежде страхом для персидской конницы...»

Но край был за последние годы разорен до предела шахским воинством и самим Ибрагим-ханом. Большинство карабагских армян покинуло родину. Повсюду, где еще недавно были цветущие земли, теперь виднелись только развалины сел, остатки обширных шелководческих садов, да запущенные и заброшенные поля. В горном крае не нашлось более отважных военачальников — Меликов, способных создать добровольческие воинские отряды на случай войны.

У Цицианова не было особых надежд и на карабагского Ибрагим-хана, обещавшего ему в случае войны с Персией выставить конное ополчение. На стойкость ханских воинов положиться было никак нельзя.

Бороться с летучими отрядами вражеской конницы было трудно за неимением достаточных воинских сил. Рассеявшись по краю, персы стали истреблять посевы и предавать селения грабежу. Передовые неприятельские отряды вошли в Аскаран и уже готовились ворваться в Елизаветпольский округ, в бывшее Гянджинское ханство.

Обо всем этом Лисаневич докладывал в Тифлис, в штаб-квартиру наместничества, или в Елизаветполь, где в это время обычно пребывал главнокомандующий. Князь Цицианов решил подкрепить его отряд на случай возможных действий неприятеля против Шушинской крепости. Но сколько-нибудь больших воинских сил в Карабаг он, естественно, отправить не мог, поскольку их он не имел.

Из Елизаветполя была незамедлительно отправлена поддержка: один батальон 17-го егерского полка с майором Котляревским,

рота Тифлисского полка и два полевых орудия. Всего 493 бойца. Общее начальство над русскими войсками в Карабагском ханстве поручалось шефу 17-го егерского полка полковнику Карягину. Генерал от инфантерии в этогочеловека верил как ни в кого другого: его подвиги в начавшуюся эпоху кавказских войн носили поистине легендарный характер.

... Войско под личным предводительством Аббас-Мирзы снова перешло реку Аракс и вошло на карабагские земли. Однако решительностью действий наследный принц, откровенно говоря, не отличался. Это показали его действия против немногочисленного отряда прославленного ветерана кавказских войн, полковника Павла Михайловича Карягина, который выбил персов из замка Шах-Булах. Узнав об этом, Аббас-Мирза привел к замку шахскую армию и повел с Карягиным переговоры о сдаче горной крепости.

Крепкие и высокие стены Шах-Булаха позволяли русским егерям считать себя в безопасности от вражеской конницы. Но им грозил скорый голод, поскольку запасы провианта быстро таяли. С помощью командира местных добровольцев мелика Аванеса удалось по ночам добывать немного продовольствия в окрестных армянских селах, но это не спасало положения. Скоро осажденные стали питаться только травой и лошадиным мясом.

Полковнику Карягину удалось переслать в цициановскую штаб-квартиру донесение, в котором говорилось буквально следующее:

«Если ваше сиятельство не поспешите на помощь, то отряд погибнет не от сдачи, к которой не приступлю, но от голода».

Но главнокомандующий русскими войсками на Кавказе, находясь в Елизаветполе, в те дни почти не имел сил, с которыми бы мог сразу после получения письма выступить против шахской армии. Войска шли из Тифлиса ускоренным маршем. Кавказский наместник мог ответить Карягину только так:

«В отчаянии неслыханном прошу вас подкрепить духом солдат, а Бога прошу подкрепить вас лично. Если чудесами божьими вы получите облегчение как-нибудь от участи вашей, для меня страшной, то постарайся меня успокоить для того, что мое при- скорбие превышает всякое воображение...»

Карягинские егеря все же смогли добыть немного провианта. Выйдя ночью из замка, они смогли из засады без единого выстрела переколоть вражеский разъезд и увести к себе всех лошадей. Наконец, Аббас-Мирза потерял терпение в ходе переговоров с русским

полковником. Он предложил ему за переход на службу в шахскую армию и сдачу Шах-Булаха большую награду и почести от отца. Русским же солдатам обещалось, что им не будет сделано ни малейшей обиды.

Карягин решил воспользоваться таким случаем, попросив на размышления четыре дня. Аббас-Мирза даже согласился пропустить его вестника в Елизаветполь с письмом к князю Цицианову и дал ему возможность собрать провиант в горных армянских селениях, зачастую недоступных для «хищников-персов».

Русским все же пришлось оставить Шах-Булах и отступить, следуя вдоль подошвы гор, к Мухрану. Причиной ухода Карягина из замка стало то, что ожидался приезд к персидской армии самого Фетх-Али-шаха. Тогда о продолжении переговоров не могло быть и речи. Вражеское конное войско и так на много дней задержалось под стенами небольшой горной крепости, вместо того чтобы идти к Елизаветполю и далее на Тифлис.

Русские, взяв обе пушки, вышли из замка с наступлением ночной темноты, оставив на стенах часовых, которые всю ночь громкой переключкой вводили в заблуждение сторожевые дозоры персов. Под утро мелик Аванес увел горной тропой из Шах-Булаха часовых.

Неприятель обнаружил, что замок пуст, только под утро. Наследный принц послал в преследование конницу Пир-Кули-хана, но тот пошел вдогон по другой дороге. Когда персы все же обнаружили карягинский отряд, тот остановился на отдых в садах, верстах в пяти от Мухрана, занятого отрядом П.С. Котляревского. Русские пробились в крепость, но только после жаркого боя, когда два их орудия несколько раз переходили из рук в руки.

Полковник Карягин отправил из Мухрана два письма: донесение главнокомандующему о своем новом местоположении и ответ Аббасу-Мирзе на его предложение. В последнем им писалось:

«...В письме своем изволите говорить, что родитель ваш имеет ко мне милость, а я вас имею честь уведомить, что, воюя с неприятелем, милости не ищут, кроме изменников; а я, поседевший под ружьем, за счастье сочту пролить мою кровь на службе Его Императорского Величества».

Действия отряда полковника Карягина в Карабаге заметно задержали шахскую армию. Но персы, заняв Аскаранский замок, отрезали Шушинский гарнизон егерей майора Лисаневича от глав-

ных сил русских. Тогда Цицианов отправил отряд Карягина на усиление Шуши.

У входа в Аскаранское ущелье на него вышел с главными силами своей армии Аббас-Мирза. Русским егерям пришлось занять оборону на берегу реки Аскарани, на высоком холме, где находилось обширное мусульманское кладбище с многочисленными надгробными камнями и гумбетами — малыми мечетями с минаретами.

Персы, численностью от 15 до 25 тысяч конницы, ободренные ничтожным количеством русских, атаковали холм до полного наступления ночи. Карягин удержал за собой кладбище, но этот успех стоил ему почти половины отряда — 197 человек убитыми и ранеными. Неприятель на следующий день уже бросал в конные атаки тысячи всадников: русские были блокированы, а их позиция весь день обстреливалась из орудий. На третий день персы «отняли» у русских воду, поставив на берегу четыре батареи фальконетов — малокалиберных длинноствольных пушек, возимых на верблюдах.

Положение русского отряда стало критическим. В нем оставалось не более 150 человек, годных к бою. Но карягинцы продолжали воевать, делая вылазки из своего лагеря. В одной из них команда поручика Ладинского в штыковом ударе дошла едва ли не до самого вражеского лагеря, добыла воду и принесла с собой 15 фальконетов. Сам Ладинский впоследствии рассказывал:

«Я не могу без душевного умиления вспомнить, что за чудесные русские молодцы были солдаты в нашем отряде. Поощрять и возбуждать их храбрость не было мне нужды. Вся моя речь к ним состояла из нескольких слов:

— Пойдем, ребята, с Богом. Вспомним русскую пословицу, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, — а умереть же, сами знаете, лучше в бою, чем в госпитале.

Все сняли шапки и перекрестились. Ночь была темная. Мы с быстротою молнии перебежали расстояние, отделявшее нас от реки, и, как львы, бросились на первую батарею. В одну минуту она была в наших руках. На второй персияне защищались с большим упорством, но были переколоты штыками, а с третьей и четвертой все кинулись бежать в паническом страхе. Таким образом, менее чем в полчаса мы кончили бой, не потеряв со своей стороны ни одного человека. Я разорил батареи, набрал воды и, захватив 15 фальконетов, присоединился к отряду».

Войско Аббас-Мирзы продолжало держать в осаде крепость Шушу и отряд полковника Карягина. Когда у осажденных на берегу Аскарани кончились последние сухари, они двинулись на Шах-Булахский замок, чтобы или его взять штурмом и укрепиться в нем, или умереть под его стенами. Однако погибать героям первой Русско-иранской войны в ближайшие дни не довелось: к Елизаветполю подоспели войска из Тифлиса, и генерал-майор Цицианов 11 июля двинулся в Карабаг, где «паслась» шахская армия.

15 июля он с авангардом из 4 батальонов переправился через реку Тертер (Тер-Тер). Здесь неприятельская конница попыталась помешать переходу русским на противоположный речной берег, но те перекрылись заслоном из сборной сотни донских и линейных казаков под командованием гребенского есаула Фролова 2-го. Сотня выдержала удар вражеской конницы в две тысячи сабель и отразила его.

Персидская армия поспешила уклониться от наступающего противника, не ввязываясь в полевое сражение. Сам Фетх-Алишах с 40-тысячной армией поспешил уйти обратно за Аракс, оставив в Северном Азербайджане только войско наследного принца Аббас-Мирзы

Крепость Шуша и отряд полковника Карягина были деблокированы. Героев осадных дел ждали заслуженные награды. Поручик Ладинский, будущий командир Эриванского карабинерного полка (бывшего 17-го егерского), удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени, редкой награды для младших офицеров.

Узнав, что Цицианов ушел из Елизаветполя, Аббас-Мирза со своей конницей обходным движением двинулся к столице бывшего Гянджинского ханства, надеясь на содействие части местных жителей. Персы осадили Елизаветполь, два дня бомбардируя его из фальконетов. Небольшой гарнизон, засевший в старинной крепости, совершил удачную вылазку силами 200 пехотинцев, 50 казаков и 300 армян-добровольцев. Персов выбили из городского предместья, но схватка в садах завершилась неудачей.

В это время к Елизаветполю приближался отряд полковника Карягина, который отводился на заслуженный отдых. Аббас-Мирза отступил к Шамхору и, возбудив мятеж среди шамшадильцев, вознамерился идти на Тифлис, который остался почти без прикрытия. Опасность городу грозила большая. Полковник

Карягин, больной, еще не оправившийся от нескольких ранений, вышел из Елизаветполя 25 июля с отрядом, не превышавшим 600 штыков.

К счастью, случайное обстоятельство задержало Аббас-Мирзу на месте и дало возможность Карягину, до подхода главных сил, нанести наследному принцу поражение. Шедший из Тифлиса к Елизаветполю небольшой транспорт наткнулся на дзегамской равнине близ Шамхора на персов и был атакован конницей Пир-Кулихана. Прикрытие транспорта, состоявшее из 300 солдат, устроив из груженных арб полевое укрепление, при помощи грузинских погонщиков защищалось отчаянно. Погиб командир транспорта драгунский поручик Донцов, второй офицер — прапорщик Платковский через свою запальчивость попал в плен; отбить его не успели. Оставшиеся без командиров солдаты стойко отбивались еще четыре дня.

Вечером 27 июля показался карягинский батальон в 600 штыков. Русские с ходу атаковали походный лагерь Аббас-Мирзы, ворвались в его окопы и овладели вражеской батареей. Не давая неприятелю опомниться, атакующие развернули пушки и повели огонь по вражеской коннице. Персы обратились в «полное» бегство. Трофеями победителей стали походный лагерь и обоз войска наследного принца, несколько орудий, знамена, много пленных, среди которых оказался раненый грузинский царевич Теймураз Ираклиевич, младший брат шахского ставленника Александра.

Аббас-Мирза бежал за реку Аракс, потерпев еще одно поражение в Дилижанском ущелье от жителей Казаха. Так закончилась военная кампания 1805 года. Граф Ростопчин писал кавказскому наместнику:

«У вас совершаются дела баснословные, слыша о них, дивишься им и радуешься, что имя русских и Цицианова гремит в странах отдаленных...»

Устремления князя Цицианова шли дальше обеспечения безопасности российских владений со стороны Персии и Блистательной Порты. Он понимал, что не имея ни одного порта ни на Каспийском, ни на Черном морях, удержаться в Закавказье было сложно. Единственным сообщением с Россией по-прежнему оставалась Военно-Грузинская дорога, обустроенная руками русских солдат. Но путь через высокогорье был доступен не во всякое время года.

Между тем переговоры со Стамбулом об уступке портового Поти не привели ни к каким результатам. Тогда, чтобы как-то помочь делу, Цицианов заложил в Мингрелии, в устье реки Хопи, небольшое укрепление Редут-Кале. И в то же время, пользуясь войной с Персией, царский наместник решил занять Баку и утвердиться в южной части Каспийского моря.

Но для того, чтобы обеспечить безопасность пути из Тифлиса к берегу Каспия, требовалось привести в российское подданство Ширванское ханство. Начались переговоры с его владельцем Мустафой-ханом. Тот и не отказывался принять подданство России, но и не спешил выполнять требования Цицианова, уклоняясь полными предложениями от прямого ответа.

Условия, предложенные хану Ширвана, включали в себя те же пункты, которые подписывали владельцы Шеки и Карабага. Но Мустафа-хан считал себя знатнее своих соседей. Он требовал признания власти его почти над всем восточным Закавказьем, которым некогда правили его предки с титулом Ширван-ханов. Будучи известен своей скупостью, он не только отказывался платить ежегодную дань, но и требовал назначения себе высокого постоянно жалованья.

Все же за лето переговоры с Мустафой-ханом продвинулись. Он принял все условия царского наместника, но отказывался встретиться с ним, продолжая отсиживаться в своем горном убежище на Фит-аге. Главноуправляющий Грузии ни в чем не желал уступать хану Ширванскому, который должен был дать присягу на верность России в его присутствии. Как говорил Павел Дмитриевич, «сие необходимо для почести и достоинства Российской империи».

Цицианов упрекал хана в том, что получая от шаха подарки и заключая трактат с Россией, тот хочет по-персидски служить сразу двум господам — России зимой, а «зайцу Баба-хану летом». Однако и такие упреки не действовали на владельца Ширвана.

Желая «заставить Мустафу-хана думать и поступать так, как он, Цицианов, хочет, кавказский главнокомандующий призвал продвинуться с несколькими батальонами к границам Ширвана под предлогом осмотра Арешской крепости. По трактату с Селим-ханом в ней предполагалось поставить русский гарнизон.

Демонстрация военной силы на Мустафу-хана не подействовала. Тогда настойчивый генерал от инфантерии с полномочиями

наместника императора Александра I на Кавказе решил с войсками вступить на территорию Ширванского ханства. Его владетель получил о том официальное уведомление из Тифлиса.

В последний день ноября 1805 года главноуправляющий Грузией со всем отрядом переправился при Мингечауре через Куру и в семь переходов дошел 11 декабря до водопроводной канавы Бурум-арх, в пяти верстах от Новой Шемахи. Посланное отсюда Мустафа-хану приглашение прибыть в русский военный лагерь для подписания трактата успеха не имело, как и прежде. Хан упорно отказывался покинуть свое горное крепостное убежище, хотя Цицианов гарантировал ему такую же полную безопасность, «какую хан имеет в своем гареме».

Подозревая, что Мустафа-хан умышленно тянет переговоры — Русско-иранская война все продолжалась, князь Цицианов написал ему 15 декабря следующее:

«Против воли объявляю вам войну и иду встретить вас в самом Фит-даге, когда вы непреклонны к миру и не даете мне удовлетворительного ответа; вы же защищайтесь и побеждайте меня, — в том воля ваша».

После такого вызова на войну последовала новая демонстрация военной силы. Русский отряд покидает походный лагерь и занимает гору Чартму, которая находилась всего в 15 верстах от Фит-дага. Такая довольно решительная мера наконец-то подействовала на ширванского феодального правителя.

Мустафа-хан заколебался: его коннице с русской пехотой тягаться в бою не приходилось: перед глазами стояли одни поражения персидской конницы Аббас-Мирзы. Он позволил посланному к нему майору Тарасову убедить себя отправиться на свидание с царским наместником. На первый раз, по желанию осторожного хана, встреча состоялась в отдалении от русского лагеря, в открытом поле, без палатки и беседы в ней с толмачами, с назначенным числом конвоя с каждой стороны.

Владетель Ширвана вступил в подданство Российской империи. Правда, в трактате не обговаривался ввод русского гарнизона, но обуславливалась возможность возведения двух полевых укреплений в устье реки Куры и в Джевате. Но Мустафа-хан обязывался отвечать за безопасность караванов, следующих через Ширван в Грузию, давая для их сопровождения верных чиновников и конвой. Размер дани определялся в 8000 червонцев.

Таким образом, благодаря редкой энергии, настойчивости и искусству восточной дипломатии Цицианов подчинил своей воле и России гордого потомка гордых Ширван-шахов. Такое известие вызвало в Тегеране откровенное уныние и еще большее озлобление на «неверных». Теперь путь из Грузии к Каспию преграждало только единственное ханство — Бакинское, уже присягнувшее на верность России.

Еще перед открытием кампании 1805 года, желая помешать наступательным устремлениям шаха и отвлечь часть его сил с главного театра военных действий, Цицианов приказал Каспийской флотилии из Астрахани двинуться на юг вдоль берегов Кавказа. Морякам ставилась прежде всего задача захвата богатой иранской провинции — Гиляна, изгнание враждебных России сил с западного морского побережья и, конечно же, обеспечение безопасности развивающейся на Каспии российской торговли.

На князя П. Д. Цицианова, как главнокомандующего, при назначении на должность возложили обязанности начальника над Каспийской военной флотилией. И вместе с этим организацию военно-морской экспедиции на юг Каспия, которая получила название Гилянской. Провинция Гилян, завоеванная Петром Великим, уже принадлежала России с 1723 по 1732 год. Морской поход имел целью занятие городов Решт и Баку. Причем взять последний военным морякам предписывалось на обратном пути.

Еще в 1803 году был определен штат Каспийской военной флотилии: 2—4 корвета, 2—4 брига, 2—4 люгера, 2 бомбардирских судна и 6—10 транспортов. Но к началу Русско-иранской войны в составе флотилии имелись один фрегат, одна яхта и пять галиотов. Для решения поставленных задач силы набирались, можно сказать, небольшие.

Командование Гилянской экспедиции князь Цицианов возложил на генерал-майора Иринарха Ивановича Завалишина, воевавшего под знаменами Суворова и посвятившего ему поэму «Сувороида». За отрицательное отношение к войне, объявленной Павлом I Англии, император «исключил из службы» боевого генерала. Он был уволен со службы одним указом с князем Цициановым, Ермоловым, Чичаговым и Платовым.

Воцарившийся на отцовском престоле Александр I вернул в 1804 году Завалишина на службу, назначив его шефом Астраханского гарнизонного полка и инспектором всех гарнизонных войск

на Кавказе. Ему же поручался надзор за Астраханским казачьим войском и Каспийской военной флотилией.

Цицианов до этого уже предлагал Завалишину занять пост гражданского управителя Грузии, чин тайного советника, Анненскую ленту и большое денежное содержание. Однако страстный почитатель суворовского гения, в 14 лет ставший подпоручиком прославленного в войнах Фанагорийского полка, не пожелал расстаться с военным мундиром. И он отказался от довольно лестного предложения.

Командовавший Каспийской флотилией капитан-лейтенант Веселаго получил приказ Цицианова взять в устье Волги на борт кораблей сухопутный десант. Это были шесть рот Казанского пехотного и две роты 16-го егерского полков, прошедших боевую закалку на Кавказской пограничной укрепленной линии. Всего 1300 человек (боевой состав — 1155 штыков) при четырех полевых орудиях. Непосредственно десантниками командовал «опытный в боевом ремесле» егерский подполковник Асеев.

Одновременно от моряков-«охотников» требовалось сформировать десантные отряды из состава корабельных экипажей, что и было исполнено. Астраханский комендант помог изыскать недостающее оружие для каспийцев.

Беспрепятственно пройдя вдоль кавказских берегов, флотилия 23 июня подошла к Энзели, главному иранскому порту на Каспии. Появление русских кораблей стало полной неожиданностью для шахских властей. Поэтому сопротивление экспедиции было оказано самое слабое, хотя узкий пролив, ведущий с моря к городу, был защищен укреплениями, у которых стояли беспорядочные толпы вооруженного народа.

Генерал-майор Завалишин и капитан-лейтенант Веселаго, устроив военный совет, решили без промедлений прорываться к городу. В пролив вошло три галиота — небольших 2-мачтовых судна прибрежного плавания. Они имели на борту сильный десант.

Один из галиотов, поддержанный пушечным огнем с других кораблей, прорвался-таки к Энзели под яростным обстрелом с берега. Персы, защищавшие прибрежные укрепления, разбежались. В проливе трофеями русских стали три неприятельских судна и восемь фальконетов с запасом свинцовых ядер. Другой артиллерии энзелийский гарнизон не имел. Персы сдали портовый город противнику, по сути дела, без боя.

С флотилии в Энзели был высажен десант под командованием самого Завалишина. В помощь пехотным ротам с кораблей сошло на берег 450 вооруженных моряков. Оставив часть сил для обороны Энзели, начальник экспедиции повел на Решт небольшой отряд в 800 человек при трех орудиях. Часть людей вверх по реке двигалась на шлюпках. По пути десантники захватили город Пери-Базар.

Дальше продвинуться к Решту удалось только на семь верст из 14. Трудно проходимую узкую дорогу перегородил отряд персидских войск числом примерно в семь тысяч человек. Завалишин энергично атаковал неприятеля, стоявшего на высотах в «превосходных силах». Однако взять сам город Решт не удалось. Когда десантники дошли до широкого оросительного канала, то оказалось, что каменный мост через него был разломан. Здесь русские оказались под перекрестным огнем.

На решение Завалишина отступить к Энзели повлияло то, что его ближайший помощник егерский подполковник Асеев получил тяжелое ранение, хотя покинуть строй отказался наотрез. Неприятель преследовал отходивших десантников большими силами с такой горячностью, что пехоте не один раз приходилось штыками «вырывать» свои орудия из рук ликовавших было персов.

Завалишин, не взяв Решта, не смог выполнить один из приказов царского наместника. Он должен был отправить из захваченного города письмо Цицианова шаху Фетх-Али с «вежливым» требованием оплатить издержки Эриванского похода русских войск и возвратить 12 орудий, которые были захвачены еще Ага-Магомедханом при кровавом разорении им Тифлиса. В письме, среди прочего, князь писал правителю Персии:

«Войска моего Государя, как буйный вихрь, выворачивающий столетние дубы, не хотящие преклониться перед ним, оставляют безвредно камыш, нагибающийся до лица земли при его проходе. Таков мой Государь Император, таковы и войска его, с коими, не останавливаясь, пройду и в Индию, буде единое слово изрещи изволить».

...Почти месяц находилась экспедиция на гилянском берегу. Постоянно шли бои. Тем временем невыносимая жара и большая влажность сделали свое дело — в десантном отряде появились сотни больных. Вскоре от пленных были получены данные о том, что шах отправил на помощь губернатору Гиляна шесть тысяч солдат с артиллерией.

Это известие заставило генерал-майора Завалишина идти к Энзели, где в случае большого дела можно было опереться на огонь корабельной артиллерии. Вскоре флотилия потеряла одно судно: во время шторма один галиот выбросило на береговые камни и разбило. 20 июля начальник экспедиции приказал десантникам вернуться на корабли. Флотилия беспрепятственно вышла в море и взяла курс на Баку. Начальник экспедиции решил исполнить, по крайней мере, вторую часть поставленной ему кавказским наместником задачи.

12 августа Каспийская флотилия бросила якорь в Бакинской бухте. От имени главнокомандующего на Кавказе князя Цицианова начальник Гилянской экспедиции начал переговоры с Гуссейн-Кули-ханом о сдаче города. Успеха они не имели. Бакинцы вместо ответа отправили свое имущество в горы и приготовились к отчаянной защите города.

Тогда с кораблей флотилии началась бомбардировка столицы ханства, которая продолжалась одиннадцать дней с восьмидневным промежутком. Выход из строя двух мортир (их разорвало во время выстрела) из имеемых четырех и быстрое израсходование всех зарядов к единственному единорогу сделало бомбардировку крепости мало действенной. Огонь из орудий меньшего калибра не мог разрушить трехаршинные крепостные стены. К тому же морская качка сильно мешала точности прицеливания.

К концу августа высаженный на берег десант овладел передовыми укреплениями Баку и высотами, господствовавшими над городом. Ханский гарнизон, вышедший из крепости, был разбит подполковником Асеевым. Однако бои и особенно повальные болезни сильно уменьшили численность экспедиционного отряда: в строю оставалось всего 700 человек. Кончались боеприпасы, начались перебои с продовольствием.

Сомнительность успешного завершения Гилянской экспедиции заставила генерал-майора Завалишина 3 сентября снять осаду с Бакинской крепости и 9-го числа уйти в море. На такое решение повлияло известие о том, что дербентский хан Шейх-Али и Сурхай-хан Казикумыкский со своими войсками спешат на помощь бакинскому хану. Они действительно прибыли к Баку, заметно пополнив ряды его гарнизона. Цицианов был очень огорчен таким поступком Завалишина. Он писал ему:

«Скажу вашему превосходительству, что если бы я не ходил по горнице на костылях от изнурившей меня болезни, то я бы полетел сам на выручку славы русской и скорее лег бы под стенами Баку, нежели дал бы кичиться Гуссейн-Кули-хану тем, что он ослабил русские войска и что они ничего ему не сделали...»

Должен заметить и то, что лучше бы вам было совсем не свозить десант, тогда бы хан счел, что вы приезжали его пострашать, а войска назначены были против Решта: сие заключение было бы для нас гораздо полезнее, чем взятие двух пушек и трех знамен храбрейшим из храбрейших Асеевым...»

По поводу взятых у войска бакинского хана трех отрядных знамен Цицианов не без иронии писал следующее:

«С получением знамен, взятых вами у бакинского хана, я устыдился, и еще сто крат стыднее бы мне было отправить их к высочайшему двору, ибо одно из них сделано из бахчи (платок, в которые товары завертывают), другое из онучи, которой персияне обертывают ноги вместо чулка, а третье — холстинное, лезгинского покроя, но самого низкого. Знамена я здесь брал, но ни одного такого не видел...»

Далеко от Баку Каспийская флотилия не ушла. Она прибыла к острову Сара, близ Ленкорани, перекрывая там морские пути в севера на юг, в Персию. С Цициановым была установлена связь: он приказал экспедиции вернуться к Баку и попытаться еще раз овладеть городом-крепостью. Однако новая попытка овладеть Баку с его многочисленным гарнизоном успеха не имела.

Тогда Завалишин обратился за помощью к царскому наместнику. Цицианов понимал, что обескровленному болезнями Гиланскому экспедиционному отряду, не имевшему сильной артиллерии, не взять сильной крепости. Князь собрал отряд численностью менее двух тысяч человек и с присущей ему решительностью двинулся через Ширванское ханство на Баку. Кавказский наместник, в силу сложившихся обстоятельств, начал военную экспедицию, которая стала для него роковой.

Цицианов, стараясь загладить «дурное впечатление», созданное в Закавказском крае нерешительными действиями Завалишина и Каспийской флотилии, предписал ему снова идти к Баку. Намечалось еще раз предложить местному хану условия принятия российского подданства.

Проект трактата отличался от других только тем, что все доходы ханства предполагалось обратить в казну империи, а хану назначить большое годовое содержание в 10 тысяч рублей. Внутреннее управление в городе Баку должно было подчиняться особым правилам, так как он относился к числу портовых, а Россия всегда покровительствовала торговле. В Бакинскую крепость вводился гарнизон численностью в 800—1000 человек с пушками.

Тем временем с флотилии на Апшеронский полуостров высадился десантный отряд, подкрепленный «охотниками» из корабельных экипажей. Флотилия стала на якорную стоянку, а генерал-майор Завалишин повел десантников к Баку на соединение с подходившим к городу цициановским отрядом. Бакинский Гусейн-Кули-хан, предвидя грозные события, заперся в крепости. Для обороны ее войска имелось вполне достаточно.

Оставить Завалишина стоять под стенами Баку до наступления весны, разумеется, было нельзя по многим причинам, начиная с нехватки провианта и кончая «унижением» достоинства Российской империи. Потому генерал от инфантерии Цицианов, по его выражению, решил идти «на выручку русской славы». К слову, эта мысль последнее время сильно тревожила князя. Экспедиция начиналась, несмотря на зимнее время, холод в горах и ненастную погоду.

Впрочем, то, что царский наместник начинал Бакинскую экспедицию именно зимой, имело свое оправдание. Было известно, что большие снега, выпавшие с началом зимы в горном крае от иранского Тавриза до Карабага, отнимали у персов всякую возможность оказать помощь шахскому вассалу — бакинскому хану.

С другой стороны, главноуправляющий Грузией писал в Санкт-Петербург, в рапорте от 27 ноября 1857 года, что если ему удастся взять Баку, присоединить Ширванское ханство, а затем закончить зимнюю кампанию покорением Эривани, то тогда можно будет объявить шаху, что Россия «дает ему мир». То есть ставит свою государственную границу по рекам Куре и Араксу.

Как всегда деятельный и энергичный, но на этот раз полный мрачных предчувствий, Цицианов занимался приготовлениями к походу. На всем, что касалось его лично, лежала «печать его тяжелого расположения духа». Очевидцы потом скажут, что князь «точно предвидел свою кончину». Незадолго перед этим он писал своему другу В.Н. Зиновьеву:

«Государь ко мне милостив и обещает отсель взять меня к себе... Помолись, чтобы я выехал цел или жив. Я выведу тебе славную лошадь, под именем Заид-хан, росту большого, езды прекрасной, и тебе она по завещанию назначена, хотя бы я здесь умер или убит был. Я считаю тебя ездоком и охотником, а она моя любимая лошадь, всегда на ней бывал в сражениях...»

Впоследствии генерал Ладинский рассказывал о таком странном случае, которому был свидетель. Когда Цицианов собирался в поход на Баку, живя в Елизаветполе, на крыше его дома каждую ночь появлялась собака и страшно выла. Ее убили, но на ее месте стала появляться другая, и зловещие завывания по ночам не прекращались, тревожа и не давая покоя больному князю. Загадочный факт вызвал у всех суеверные ощущения. И ожидания эти, к сожалению, исполнились.

Войска, назначенные в экспедицию, выступили из Елизаветполя 23 ноября 1805 года. В отряде насчитывалось 1600 человек и 10 полевых орудий. Пехоты набралось 1050 штыков: два батальона Севастопольского полка, 6 рот стрелков 9-го егерского полка и 128 человек из Тифлисского полка. Отрядную кавалерию составляли 332 донских и линейных казаков, местных азербайджанских добровольцев.

Пароксизмы (припадки) изнуряющей лихорадки, повторявшиеся по несколько раз в день, окончательно подрывали здоровье наместника во время похода. Его нередко снимали с лошади и клали на землю. Лежа на бурке под мокрым снегом и дождем, он выдерживал сильнейшие припадки. А потом догонял ушедший вперед отряд на привалах.

Экспедиционный отряд прошел Ширванское ханство «мимоходом». Князь Цицианов традиционной церемонией принесения ханом и его приближенными клятвы верности присоединил Ширван к России.

Когда земли Ширвана были пройдены, кавказский наместник известил Гуссейн-Кули-хана, что идет на него с твердым намерением взять город Баку или умереть под его стенами. Бакинский владделец на письмо не ответил, но, по всей видимости, известил о его содержании Тегеран.

После трудного перехода через Шемаханские горы русский отряд вступил в пределы Бакинского ханства. 30 января 1806 года войска остановились походным лагерем близ урочища Нахар-бу-

лах. Сюда же прибыли десантники генерал-майора Завалишина. Соединившись, два отряда представляли из себя серьезную военную силу, учитывая еще и наличие Каспийской флотилии, стоявшей у берегов Апшерона.

Из походного лагеря князь Цицианов и потребовал от Гуссейн-Кули-хана безусловной сдачи города. Тот, после недолгих переговоров, ответил, что отдается милосердию российского государя. Но, как показали последующие события, бакинский хан замышлял втайне гнусное и черное дело. Думается, что главноуправляющий Грузией притупил присущую ему бдительность в отношении так хорошо знакомых ему азиатских владетельных феодалов.

Наступил день, назначенный для сдачи Баку. Утром 8 февраля главнокомандующий вышел к собравшимся начальным людям в полной парадной форме. Он объяснил, что ему следует быть так одетым, ибо он от лица государя императора Александра I принимает город и ключи от него. По тогдашнему обычаю подан был завтрак, пили водку, и князь, против обыкновения, налил себе большую рюмку.

Затем все поехали в пустой форштадт, оставленный ханскими воинами, предварительно занятый небольшим отрядом пехоты, которому после официальной церемонии предстояло занять крепость. Князь Цицианов был в то утро бодр и спокоен.

Из форштадта он ровно в 9 часов отправился на встречу с Гуссейн-Кули-ханом. Кавказского наместника сопровождали только два человека — подполковник князь Елизабар Эристов, исполнявший роль толмача, и пеший гребенской казак, который должен был принять от них лошадей. Назначенным местом встречи был колодец, отстоявший от крепостной стены не более чем на сотню саженей.

Ворота города были закрыты, а крепостная стена была густо усыпана ханскими воинами. Время шло, а Гуссейн-Кули-хан все не показывался. Тогда наместник приказал подполковнику князю Эристову съездить к крепостным воротам и напомнить бакинскому владельцу, что ему, как представителю императора, неприлично ожидать далее.

В эти минуты открылись крепостные ворота и из города выехали почетные беки (бакинские старшины) и комендант с символическими ключами от города. Беки преподнесли хлеб-соль и сказа-

ли, что их владыка опасается русских войск и потому сам быть на церемонии не может. Делегаты просили Цицианова лично успокоить правителя насчет его дальнейшей участи.

Кавказский главнокомандующий отвечал им, что если хан сомневается в его намерениях, то пусть выезжает с тысячным конвоем, а он будет один с князем Эрстовым. Цицианов кроме того заметил, что в случае прекращения переговоров он вернется к хану не иначе, как с штурмовыми лестницами. И что он рад видеть в лице Гуссейн-Кули-хана своего старого знакомого еще по Персидской экспедиции 1796 года. После этих слов он возвратил городским старшинам хлеб-соль, прибавив, что примет их только из рук самого правителя.

В это время отворилась в стене калитка, и бакинский владелец, заинтересованно наблюдавший за всем, что происходило у близкого колодца, выехал из крепости. Его сопровождали два вооруженных нукера. Он подал Цицианову ключи от Баку и дружески облобызался с князем.

Дальнейшие события, связанные с предательским убийством генерала от инфантерии П. Д. Цицианова, изложены в трех версиях, в достоверности которых сомневаться не приходится.

Версия первая.

Едва Цицианов освободился из объятий хана, как два всадника, подъехавшие в это время из крепости, разом выстрелили в русского генерала из пистолетов и, соскочив с коней, обезглавили его кинжалом. В ту же минуту ворота Баку распахнулись и из них вылетел большой отряд конницы. Всадники окружили Гуссейн-Кули-хана и убитого кавказского наместника, взяли их и поскакали обратно в крепость.

Князь Эрстов какое-то время бежал за ханом, «осыпая его укоризнами», но тот приказал одному из своих телохранителей пристрелить офицера. Одновременно с крепостной стены началась частая стрельба из пушек и ружей по форштадту, в котором находился русский пехотный отряд. Под ядрами и пулями тому пришлось отступить в походный лагерь.

В основе другой версии убийства лежит официальное донесение генерал-майора Завалишина в Санкт-Петербург.

В донесении говорится, что убийство произошло тогда, когда князь сидел на войлоке, дружески беседуя с Гуссейн-Кули-ханом. Перед ними стояли два перса, а позади их Ибрагим-бек, ханский

приближенный. Когда по азиатскому обычаю Гуссейн передал Цицианову кальян, то по условию, оговоренному заранее, бек pistolетным выстрелом почти в упор убил его. Другая pistolетная пуля насмерть поразила и подполковника Эристова.

Ханские воины, густо занимавшие ближайший участок крепостной стены, радостными криками приветствовали совершенное у них на глазах предательское убийство. Со стены раздался пушечный залп по русскому пехотному отряду, стоявшему недалеко от колодца, у которого проходили переговоры. Между тем убийцы подхватили тела убитых и «умчали их с собой» в крепость.

Голову кавказского наместника князя Цицианова Ибрагим-бек отвез в Тавриз к наследному принцу Аббас-Мирзе. Тот пожаловал убийце за совершенное дело титул хана и дал ему в управление смежные с Талышским ханством земли.

Такое «примечательное» событие, случившееся под стенами Бакинской крепости, не осталось без внимания придворных шахских летописцев. Персидский историк писал:

«Голова князя Цицианова, полная отваги и предприимчивости, и руки его, крепкие мышцами, распространявшие власть, были отсечены от трупа и отправлены в Ардебиль (ставку Аббас-Мирзы. — *А. Ш.*). А оттуда с большим торжеством препровождены в столицу, в Тегеран, к персидскому шаху».

Есть еще и третья версия той трагедии, может быть самая достоверная. Это рассказ старого бакинца по имени Хадж-Урбан, бывшего в ханской свите во время совершения убийства:

«В день, назначенный для свидания с князем Цициановым, Гуссейн-Кули-хан вышел за городские ворота пешком; ключи от крепости не выносили, а шли только для переговоров; ключи же были отданы уже после того через год генералу Булгакову. С одной стороны от хана шел Казем-бек, друг и сподвижник его, с другой — Керим-бек. Все трое имели с собой вооруженных нукеров. Я был тогда нукером у Казем-бека и сопровождал его на это свидание.

На том месте, где дороги расходятся, разостланы были бурки. Все трое сели на них и стали ожидать прибытия князя Цицианова. Князь ехал верхом в сопровождении конвоя, который остановился на дороге, а князь отделился от него со своим адъютантом и двумя казаками. Подъезжая к хану, он и князь Эристов сошли с лошадей, а казаки приняли их и отвели к конвою.

В это время жили у нас в Баку два персидских хана; они присланы были шахом как будто бы провести воду из моря в крепостной ров, а на самом деле, чтобы наблюдать за Гуссейн-ханом и не допускать его сближения с русскими. У Гуссейна был двоюродный брат, Ибрагим-бек, который с малолетства его ненавидел, старался ему вредить и сам домогался власти. Он-то и вошел в тайные переговоры с персами и взялся убить Цицианова, чтобы раз, навсегда поссорить бакинцев с русскими. Гуссейн-хан ничего об этом не знал.

Увидя с крепостной стены, что Цицианов сел на разостланную бурку, Ибрагим вышел из крепости с двумя своими нукерами. Одного звали Амир-Аиза, другого Сеид. Делая вид, что идут без цели, они держались влево от дороги и вдруг быстро повернули в ту сторону, где сидел Цицианов. Хан сам был поражен их внезапным появлением и делал головою знаки, чтобы они удалились. Но Ибрагим и его нукеры в один момент выхватили ружья, выстрелили разом, — и Цицианов упал убитым. Убит и находившийся с ним офицер-переводчик.

Конечно, не знавший об этом намерении, хан был потрясен убийством. «Дай бог, чтобы дом твой провалился!» — крикнул он Ибрагиму; но ибрагимовские нукеры, не обращая внимания на брань и угрозы хана, бросились на труп убитого, отрезали ему голову, а самое тело унесли в Баку.

В ту же ночь Ибрагим, вместе с Сеидом, бежал в Тавриз, где и представил голову наследному принцу. Ибрагим-бек был принят за это в персидскую службу и сделан начальником отряда.

На том месте, где русские поставили теперь памятник, тогда у нас был глубокий овраг, в который свозили нечистоты. В этот грязный овраг жители бросили труп Цицианова и зарыли его в землю.

Когда пораженный всем случившимся Гуссейн-хан вернулся домой, оба персидских хана явились к нему с поздравлениями. «Дай бог, чтобы лицо Ибрагима сделалось черным, — отвечал им хан, — он поссорил меня навек с русскими, и я удивляюсь, с чем вы меня поздравляете...»

Таков записанный рассказ очевидца. Вполне возможно, что этот человек пытался оправдать своего хана, будучи телохранителем одного из его приближенных. Все может быть...

Предательское убийство царского наместника в ходе переговоров с бакинским ханом стало теми минутами, когда решался воп-

рос о достоинстве, чести и славе имени России в глазах ханского войска, горожан и... близлежащей Персии. К сожалению, оставшийся старшим в экспедиционном отряде генерал-майор Завалишин оказался ниже своего положения и проявил в той конфликтной ситуации откровенное малодушие. Под предлогом действительного недостатка провианта и большого числа больных (как будто этого обстоятельства не случалось прежде), он приказал поспешно отступить от крепости. Он сделал это вопреки требованиям офицеров отряда немедленным и грозным штурмом отомстить за подлое убийство главнокомандующего. На этом особенно настаивал егерский подполковник Асеев.

Гибель Цицианова, видимо, крайне удручающе подействовала на Завалишина. Он приказал обоим отрядам — елизаветпольскому и десантному погрузиться на корабли флотилии и отплыл в море, сначала на обжитый остров Сары. Оттуда, через месяц, Каспийская флотилия ушла к берегам Северного Дагестана. Сухопутный отряд, высадившийся на берег, берегом Терека ушел в Кизлярскую крепость, где он был оставлен на Кавказской пограничной линии.

Уход Каспийской военной флотилии и экспедиционного русского отряда от стен «вызвал к Завалишину общее нерасположение». Собственно говоря, для той ситуации оправданий ему не находилось.

В донесении на имя императора Александра I начальник Гилянской экспедиции генерал-майор Завалишин с горечью писал: «...Мы заведены в такую западню, из которой разве единая только десница Божия вывести нас может».

В лице князя П.Д. Цицианова Россия понесла невосполнимую утрату. Он находился в Закавказье всего три года, но за это короткое время совершенно изменил политическую карту горного края. Приняв в свое управление маленькое Картли-Кახетинское царство — Восточную Грузию, он раздвинул кавказские границы Российской империи от Черного моря до Каспийского.

Цицианов оставил после себя России Закавказье почти в границах начала XX века.

И все эти деяния были совершены в то трудное для России время, когда держава занималась приготовлениями к великим войнам против наполеоновской Франции. В той исторической ситуации кавказское наместничество не могло рассчитывать на серьезные во-

инские подкрепления: прибытие на Кавказ одного-единственного полка пехоты считалось уже громадным подкреплением.

Генерал от инфантерии Цицианов мог быть по праву назван одним из первых полководцев кавказских войн. Успешное начало с поразительно малыми силами первой Русско-иранской войны, штурм Гянджинской крепости и другие боевые действия лучшее тому подтверждение. Не случайно Ермолов так высоко ценил его заслуги в «силовом» утверждении России на Кавказе, в защите новых южных государственных границ.

Показал себя Цицианов и как умелый администратор. При нем приступили к разработке дороги с Кавказской линии в Грузию, «возобновлен» город-крепость Владикавказ и учреждено «правильное» почтовое сообщение по военно-грузинскому тракту. Среди непрерывных военных усилий по расширению закавказских пределов империи, главноуправляющий Грузией хлопотал об учреждении в Тифлисе гимназий, о присылке учителей русского языка, о доставке книг и многом другом. Не говоря уже о введении законности в действиях местной администрации, резкого ограничения самоуправства ханов и князей.

Впоследствии, когда Баку будет взят генералом Булгаковым, прах знаменитого кавказского героя будет предан погребению в городской армянской церкви при огромном стечении местных жителей. Спустя шесть лет новый главнокомандующий на Кавказе маркиз Ф.О. Паулуччи прикажет перенести прах своего предшественника в столицу Грузии, в тифлисский Сионский собор.

Перенесение праха совершалось с печальной торжественностью 27 ноября 1811 года. Гроб был поднят и вынесен на руках офицерами Бакинского гарнизона. Присланные сюда главнокомандующим его помощники — князя Чавчавадзе и Эристов, Туманов, сопровождали траурную процессию до самого Тифлиса. Повсюду войска выходили ей навстречу, чтобы отдать воинские почести славному кавказскому вождю, когда-то предательски обезглавленному и зарытому:

*...Без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок...*

Весь Тифлис вышел навстречу процессии и в безмолвии сопровождал прах доблестного полководца и князя, чей род нисхо-

дил к династии последних картли-кахетинских царей, ставшего полномочным представителем Российской империи на Кавказе. Траурная процессия завершила свой ход у древнейшего православного храма Иверийской земли, где уже была вырыта могила.

По приказанию маркиза Паулуччи над могилой был поставлен памятник с красноречивой надписью, рассказывающей историю страшной гибели Цицианова, «которого враги, быв слабы победить силою, умертвили изменнически». В эпитафии говорилось:

«Под сим монументом сокрыты тленные останки Цицианова, коего слава переживет прах его».

...Гибель генерала от инфантерии П.Д. Цицианова, русского главнокомандующего на Кавказе, памятно отразилась в песнях, которые пели солдаты и казаки. В одной из них, времен русско-иранских войн. — «Гудович и персидский шах», пелось:

*На зоре то было все на зорюшке,
На белой заре на утренней,
На закате было солнца красного.
Проявились у нас вести новые,
Вести новые, грузинские.
Растворялись горы крутые,
Круты горы Кавказские,
Засверкали пики вострые.
Пики вострые казацкие.
Как пошли войска российские
На того шаха персидского.
Напередидет Гудович-гриф,
Он грозит шаху персидскому:
«Ты (...), ты персидский шах!
Ты почти отрезал голову
Славному князю Цицианову?
На кого ты, (...), понадеялся?»
«Я понадеялся на Грузию, на грузинских князей,
Больше всего на Александрушку на царевича».*

Цицианова помнили на Кавказе на всем протяжении XIX столетия. В представлении кавказского наместника генерал-адъютанта князя М.С. Воронцова императору Николаю I от 8 марта 1846 года по делам Северного Азербайджана говорилось:

«...Имя (Цицианова. — А. Ш.), дела и намерения всеми считаются здесь священными...»

Хорошо помнили на Кавказе о бесстрашном главнокомандующем еще в начале XX века. Популярнейший тогда журнал «Восточной», издававшийся Военным министерством, в номере 170 за 1911 год писал:

«Военные подвиги генерала П. Д. Цицианова составляют много блестящих страниц в летописи кавказской войны. Благодаря его выдающейся деятельности, была успокоена Грузия, усмирены лезгины, присоединены к России Имеретинское царство и Мингрельское княжество и несколько ханств; под его же руководством прошел боевую школу целый ряд военачальников, составивших себе на Кавказе громкое имя. Для увековечивания памяти выдающегося полководца, в 1891 г. последовало высочайшее повеление о назначении кн. Цицианова шефом 156-го пех. Елисаветпольского полка».

Полк, получивший почетное наименование, был сформирован 6 ноября 1863 года в станице Курджинской Кубанской области и принимал участие в завершении Кавказской войны. Затем он отличился в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов на Кавказе. В той войне за освобождение православной Болгарии пехотинцы елисаветпольцы потеряли погибшими и ранеными свыше восьмисот бойцов.

За боевые отличия в сражениях против турецкой армии Елисаветпольский пехотный полк «коллективно» награждался дважды. Сперва почетнейшим Георгиевским знаменем с надписью «За взятие кр. Ардагана 4 и 5 мая и сражения на Аладжинских высотах 3 октября 1877 года». Второй боевой наградой елисаветпольцев стала «полковая музыка», марш — «поход за военное отличие», данный за проявленное геройство в сражении на Девебойнских высотах 23 октября 1877 года.

В Первой мировой войне 156-й пехотный Елисаветпольский полк сражался в рядах Отдельной Кавказской армии генерала от инфантерии Н. Н. Юденича, преобразованной в 1917 году в Кавказский фронт. В боевую жизнь елисаветпольцы вошли в числе первых: их полк был расквартирован на конечной приграничной железнодорожной станции Сарыкамыш...

Грузинский «грозный» князь, он же полководец русской армии на Кавказе Павел Дмитриевич Цицианов, за какие-то четыре

неполных года своего наместничества сделал для России великое дело. Именно он заложил принципиальные основы военной и административной политики Российского государства в горном крае.

Исследователи дают его деятельности, как кавказского наместника, высокую оценку. Белоэмигрант Г.Ф. Танутров, не известный современным любителям отечественной истории, так отозвался о результатах присоединения Грузии к России для ее народа:

«...Грузия освободилась от постоянного гнета со стороны персов и турок. Перестали платить дань лезгинам. Начали отходить в область преданий набеги, разрушения сел и городов, увод пленных. Перестали выкалывать глаза лицам, провинившимся против шахов. Перестала Грузия посылать дань не только деньгами, но и молодыми девушками и юношами для гаремов (Имеретия, например, должна была ежегодно доставлять туркам 80 пар девушек и юношей).

Разрозненным и зачастую враждующим между собой грузинским государствам грозило полное порабощение соседями. В XVII и XVIII веках персы так поработили Восточную Грузию, что трудно было отличить ее от остальных провинций шаха. Тегеран сделался местом жительства грузинской аристократии. Персия требовала, чтобы грузинские цари и князья принимали магометанство. Целый народ в области Лазика перешел в мусульманство. В одно грузинское тело отдельные грузинские царства и княжества (Кахетия, Карталиния, Имеретия, Мингрелия, Гурия, Абхазия, Сванетия) объединились только под русской властью, чего не было со времени царствования Тамары (в XII веке). После 1801 года Тифлис стал как бы столицей Кавказа».

При Цицианове современная Грузия объединена в единое целое еще не была, только большая ее часть встала под российские знамена. А другая, меньшая, получила перспективу воссоединиться с большей частью грузинской земли. Процесс этот смотрится в истории противоречивым, сложным, порой сопряженным с внешними и внутренними военными конфликтами. В них русская армия — ее кавказские войска — почти всегда становилась одним из главных действующих лиц. Как тут было не вспомнить образ первого кавказского наместника генерала от инфантерии П.Д. Цицианова, его мысли и поступки, задуманные планы, реализованные им далеко не полностью.

Семен Эсадзе, один из исследователей истории вхождения Кавказа в состав Российской истории, писал: «За три с половиной года

своего правления Цицианов раздвинул границы российских владений от Черного моря до Каспийского». Что же дало это России — о том историки спорят и по нынешний день.

Такая проблема вызывает нескончаемый интерес не только у отечественных исследователей. Многие зарубежные авторы считают, что столь стремительное продвижение и «захватническая» политика России на Кавказе была чревата опасными для нее последствиями. Так, англичанин Джон Бадли в своей книге «Завоевание Россией Кавказа», опубликованной в Лондоне в 1908 году, писал на сей счет следующее:

«...Две великие магометанские державы, а также Великобританию и Францию, не могли не встревожить быстрое продвижение России. Более того, Ганджа и другие ханства все еще считались вассалами персидского шаха, и сколь бы шатким ни было господство Персии, она на Востоке, как и Турция на Западе, скоро поняли, что войны с Россией не избежать».

По поводу этих мыслей Джона Бадли следует заметить, что не со времени кавказского наместничества князя П.Д. Цицианова в Стамбуле и Тегеране поняли, что им придется воевать с Россией. Эти войны шли уже не одно столетие. Персия рвалась через Дагестан на берега Терека и еще дальше. Османская империя воевала с Россией сперва силами Крымского ханства, а потом уже султанские войска шли походами на днепровскую крепость Чигирин и на Астрахань через причерноморские и донские степи....

Человек, по воле императора Александра I взявший в свои умелые руки всю военную и административную власть на кавказском Юге России, не был и не мог быть авантюристом, как порой он рисуется сегодня. В той ситуации человек подобного склада ума и реализации жизненной позиции мог быть только великим государственным деятелем.

Авантюристом князь Цицианов не был, хотя его руками была осуществлена смена власти в Восточной Грузии. А вот конкистадором Кавказа его можно назвать. Ведь не как главноуправляющий Грузией, а как кавказский главнокомандующий он присоединил к Российской империи почти все Закавказье. Конкистадор князь Цицианов при заключении соответствующих договоров силой оружия или угрозой ее применения расширил пределы державы, сумел защитить ее границы в начале первой Русско-персидской войны.

Неправедная гибель остановила его победную поступь в горном крае. Другие царские наместники доведут до логического завершения его ближайшие планы: сокрушат в двух войнах шахскую Персию, присоединят к России Эриванское ханство — Восточную Армению, другие закавказские и северокавказские земли. И все это будет совершаться с «отсылкой» на первого здесь царского наместника.

Хотел ли еще дальше шагнуть на Юг российский конкистадор князь Цицианов? Письменных свидетельств, по крайней мере достоверных, тому нет. Но скорее всего на такой вопрос можно ответить утвердительно.

Глава 5

КАВКАЗСКАЯ УКРЕПЛЕННАЯ ЛИНИЯ — ГРАНИЦА ДЕРЖАВНОЙ РОССИИ

Кавказская война 1817—1864 годов, самая длительная война, которую когда-либо вела Россия, имела свою предысторию, полную загадок, тайн, домыслов и версий. Любая ее версия в современном Российском государстве неизменно может вызвать самые жаркие споры, которые далеко не всегда «покоятся» на достоверных исторических фактах. Либо такие факты подаются со всей очевидностью тенденциозно. Можно сказать, что сегодня «кавказская история» стала делом для исследователей в известной степени «опасным». Иначе говоря, она сейчас весьма спорна, чего в недалеком прошлом не было.

Одной из таких исторических тайн Кавказской войны стали события, связанные с перенесением боевых действий с пограничной укрепленной линии на правобережье Кубани, созданной во многом благодаря трудам А.В. Суворова, в Черкесию. То есть то, каким образом война пришла на земли «закубанских народов» еще до официального начала собственно Кавказской войны.

Эти события связаны были в первую очередь с именами двух больших полководцев и государственных деятелей екатерининской эпохи — генерал-фельдмаршалов Г.А. Потемкина-Таврического и И.В. Гудовича. Перешагнуть же Кубанскую линию их заставили обстоятельства большой государственной важности, а именно Русско-турецкая война 1787—1791 годов. То есть причины были более чем веские...

Самый величественный для российской истории фаворит императрицы Екатерины II генерал-фельдмаршал светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический был человеком самого высокого госу-

дарственного ума. Свидетельство тому — его деяния на юге России. Потемкин оказался в екатерининскую эпоху, прозванную еще и «золотым веком русского оружия», самым главным пограничником империи.

Две «Екатерининские турецкие войны» заметно изменили политическую карту Северного Причерноморья. То есть Российская держава твердо встала на берегах Черного моря, в далекой древности носившего название Русского моря. Потемкин, как главнокомандующий российскими войсками, то и дело занимался укреплением государственных границ, приблизившихся к Дунаю и вставших на берегах реки Кубань.

В последнем случае это стало результатом вхождения в состав России Крымского ханства — «крымской занозы». За несколько веков своего существования этот осколок Золотой Орды, на престоле которого сидели Гирей — прямые потомки Чингисхана, принес своим соседям бесчисленные беды, страшные людские потери. Через крымские невольнические рынки прошли сотни тысяч полоняников, продаваемых в турецкое рабство.

Озаботился «светлейший князь Тавриды» и кавказскими делами, за которые он был ответственен перед матушкой-государыней. К 1790 году неразрывной пограничной линии на Северном Кавказе еще не существовало. Требовался деятельный большой военачальник, который был бы способен ее обустроить и защитить от посягательств турок, с которыми вторая война 1787—1791 годов еще не закончилась.

Выбор Потемкина пал на генерал-аншефа Ивана Васильевича Гудовича, отличившегося в войне против Османской Порты. Он и был послан на Северный Кавказ на должность командующего бывшей Кубанской армии. Существовала она самое короткое время и своей численностью на армию «совсем не тянула», будучи в лучшем случае небольшим по составу отдельным корпусом.

Императрица Екатерина II одобрила выбор Г.А. Потемкина, которого она боготворила. Генерал-аншеф И.В. Гудович получает высочайший рескрипт о своем новом назначении. В нем говорилось, что он направляется к «командованию войск у Кавказа и Кубани, где настоящие обстоятельства требуют начальника отличных достоинств».

...На Северный Кавказ Гудович отправился из потемкинской штаб-квартиры в последних числах декабря 1790 года. Главно-

командующий русской армией на юге России поставил перед ним непростую задачу укрепить пограничную Кавказскую линию. Задача виделась в ходе войны с Османской Портой весьма серьезной: неприятель имел на восточных берегах Черного моря ряд крепостей. Из них самой сильной являлась Анапа, расположенная вблизи Керченского пролива и как бы запиравшая собой со стороны Кубани Азовское море.

Турция во всех войнах против России делала большие ставки на мусульманские народы Северного Кавказа. Османы всячески старались восстановить против своего врага «закубанские народы», которые еще совсем в недавнем времени участвовали в набегах ханской крымской конницы на южнорусские земли. Земли донского казачества, как приграничные, постоянно подвергались таким ударам из степи.

Главной добычей крымцев и их союзников были люди — полон, который захватывался для последующей продажи в турецких городах и портах Крыма. Работоторговля процветала по всему кавказскому Причерноморью.

Султанская держава открыто считала Закавказье и Северный Кавказ своими исконными владениями, или, как ныне модно говорить, «сферой своих жизненных интересов». Турки в силу этого оставили в памяти народов, населявших этот горный край, самый печальный след. Особенно для христиан — грузин и армян.

Как известно, исторически Грузия, Армения, Кабарда, Осетия, другие кавказские земли тянулись к России. Российская империя, продвигая свои государственные границы на Юг, со всей неизбежностью столкнулась здесь с интересами империи турок-османов. Это привело более чем к десятку русско-турецких войн, если считать войны Восточную (или Крымскую) и Первую мировую.

Кавказская пограничная укрепленная линия служила передовым рубежом России на ее юге. Тем рубежом, который почти три столетия находился в огне больших и малых войн, нападений и прорывов. Южная граница с времен возникновения Древней Руси была местом массы хлопот и тревог, источником огромных людских и материальных потерь.

Присоединение к Русскому царству в 1557 году Астраханского ханства, что было сделано по воле царя Ивана IV Васильевича Грозного, привело к возникновению Кавказской пограничной линии.

В тот год прекратил свое существование еще один осколок Золотой Орды, который граничил с дагестанскими землями.

Именно тогда Московское государство вошло в непосредственное соприкосновение с горскими народами западного побережья Каспийского моря. Причем отношения начали складываться мирно, во взаимном уважении друг друга. Торговля же на берегах Каспия виделась для всех живущих здесь перспективной и многообещающей.

Здесь проходил древний торговый путь. Русским, персидским, бухарским, арабским и другим восточным купцам были хорошо известны морские и сухопутные прибрежные пути-дороги по Каспию, который на Руси назывался Хвалынским морем, по Волге и ее притокам. Забота об упрочении торговых связей, их сохранения и обеспечения безопасности всегда присутствовала в деятельности великих князей Владимирских и Московских, русских царей.

Такая забота виделась во все исторические эпохи. Но постоянно тревожное состояние государственной границы на Юге ушло в прошлое только после присоединения к России Крымского ханства и Кавказа. До этого она постоянно «похлахла» огнем военных бед.

Со времени царя Ивана Грозного и началось продвижение русских границ к предгорьям Кавказа. Вступление в 1561 году монарха в брак с дочерью старшего князя всей Кабарды Темрюка Айдаровича — Кучиной, принявшей при крещении русское имя Мария, стало толчком для закрепления России на Северном Кавказе.

Династический брак имел далеко идущие цели. Князь Темрюк пытался соединить усилия кабардинских князей в противостоянии Крымскому ханству, от которого на земли горцев постоянно истекала военная угроза. За Крымом зримо стояла держава турок-османов, зарившихся на кавказские земли. Русское подданство князя Кабарды во главе с Темрюком Айдаровичем приняли еще в 1557 году.

Воинственные соседи «теснили» тестя царя Ивана Грозного. По его просьбе около устья Терека появились русские ратные люди, которые возвели там небольшую крепость, получившую название Терского городка. Степная крепостица встала на месте так называемого Тюменьского городища. Теперь недалекая Кабарда в случае сильного набега крымских татар могла опереться на помощь русского гарнизона. Его основу составляли стрельцы, вооруженные «огненным боем» — пищальями-ручницами.

В Москве о Терском городке не забывали. В 1594 году сын Грозного царь Федор Иванович (за которого фактически правил ближний боярин Борис Годунов, брат его жены) сделал попытку расширить на Юге государственную границу. На берега Терека посылается небольшое число войско под начальством воеводы князя Хворостинина. Военная экспедиция имела только частный успех. В летописи говорилось:

«В Тарки... пришли многие Шавкальские и Кумыцкие люди и Черкассы и Государевых людей побили».

Воцарившийся «на Москве» Борис Годунов, правитель умный и дальновидный, предпринял новую попытку закрепить на Тереке. Туда отправляется волжским путем воинский отряд под командованием воевод Бутурлина и Плещеева. Начало похода обнадеживало: шамхал Тарковский бежал из Тарок в горы. Взяв его столицу, русские начали укреплять городок и заложили еще одну крепостицу на реке Тузлук. Но в 1605 году шамхал получил помощь от турок и разбил царских воевод.

Можно сказать, что все первые попытки перенести государственную границу Московского царства в предгорья Кавказа оказались неудачными. К слову сказать, каждый раз это делалось очень небольшими воинскими силами.

В последующее столетие и даже больше южным рубежом Русского государства оставались степи вблизи Астрахани. Никаких географических начертаний тогда государственная граница не имела, да и не могла иметь.

Однако во время правления Петра I Великого ситуация в кавказском Прикаспии в корне изменилась. Первый всероссийский император в 1722 году провел Персидский (или Каспийский) поход. К тому времени на Тереке уже закрепились первые общины русских терских казаков. Астрахань с ее судостроительными верфями «открыла» еще больше морские ворота России на Каспии.

Петровский Каспийский поход для России завершился новыми территориальными приращениями. По миру 1724 года с шахской Персией империя получила новые земли на южном берегу моря до города Астрабада. Теперь российская граница переместилась далеко на Юг и проходила совсем близко от иранской столицы.

Петр I упраздняет пограничную крепость Тарки и закладывает новую — Святой Крест. Она располагалась на более выгодном ру-

беже — на берегу реки Сулак и позволяла контролировать большее пространство каспийского побережья.

Частью собственно иранской территории Россия владела чуть больше десяти лет. В 1735 году императрица Анна Иоанновна добровольно вернула Персии отцовские завоевания. Взамен Россия получила значительные экономические выгоды от торговли на Каспийском море. Одновременно были расформированы полки так называемого Низовского корпуса, которые стояли гарнизонами в южных прикаспийских провинциях. Это заметно «облегчило» казенные расходы.

После такого щедрого «подарка» персидскому шаху государственная граница России вновь возвратилась на берега Терека. Основанием для Кавказской пограничной линии стали город-крепость Моздок и укрепленные казачьи станицы.

О пограничных стражниках — терских казаках следует сказать особо. Их отдаленными предками были городовые казаки и крестьяне Рязанского княжества, бежавшие в конце XV века на Северный Кавказ. Они поселились в верховьях Терека, у гребня Кавказских гор. Отсюда и пошло их название — гребенские казаки. Поселения возникли у впадения Аргуни в Сунжу. В следующем столетии сюда переселились донские казаки с реки Калитвы.

Датой образования Терского казачьего войска стал 1577 год. Тогда терские казаки успешно держали оборону в Терском городке от ханского войска крымских татар, в устье реки Сунжи.

В Москве поняли, что восточные границы враждебного Руси Крымского ханства, вассала турецкого султана, надо «держать» крепкой вооруженной рукой. Через пять лет после героической защиты Терского городка с Дона прибыла еще одна партия казаков-переселенцев, которые осели на реке Акташ.

Так исстари вольные казаки становились надежным заслоном на путях набегов крымских и ногайских татар. Русское правительство снабжало степных порубежных стражников оружием, воинскими припасами, продовольствием и награждало за «государеву» службу «денежной казной». Казачья служба на Юге больше всего напоминала каждодневное «состояние войны» со своими соседями.

К 1665 году воинственно настроенные горцы вытеснили казаков с гор в предгорья. А в 1707 году большинство казачьих городков было уничтожено войском «кубанского султана» Каиба.

В 1712 году остатки казаков-гребенцов переселились вниз по Терек.

Петр I во время Персидского похода лично ознакомился с состоянием части российской границы на Юге. Он понял, что ее надо укреплять прежде всего силами казачества. В 1722 году на берега рек Аграхань и Сулак поселяются донские казаки с семьями. Новое казачье войско получило название Аграханского, позднее — Семейного.

В 1735 году по указу из Санкт-Петербурга это войско переселили на Терек. После этого на кавказской границе России образовалось три войска терских казаков — Гребенское, собственно Терское и Кизлярское. Последнее получило название от основанной в том же году пограничной крепости Кизляр. Каждое войско по численности бойцов равнялось конному полку.

Жизнь требовала постоянно укреплять Кавказскую пограничную линию. В конце царствования императрицы Елизаветы Петровны на левом берегу Терека, в 200 верстах от Кизляра, образовывается селение — осетинский аул Моздок. Его население составили осетины и кашинцы, принявшие православие.

Моздок первоначально защищали земляные укрепления и засека. Но в ходе «Первой екатерининской турецкой войны», в 1769 году, крепостная ограда усиливается и в Моздоке ставится армейский гарнизон: один батальон пехоты и 40 артиллерийских орудий. В те годы турецкий султан и его военачальники-паши грозились победно дойти до берегов Волги.

Во время царствования Екатерины II Кавказская пограничная линия приобретает грозный вид. Для связи крепостей Кизляр и Моздок возникают пять укрепленных казачьих станиц — Калиновская, Мекенская, Наурская, Ишерская и Голюнчаевская. Их заселяют 517 семьями Волжского казачьего войска. Из этих станиц составляется Моздокский казачий полк. Промежутки между ними усиливаются двумя полевыми редутами.

Прародительницей Кавказской укрепленной пограничной линии принято считать Азовско-Моздокскую пограничную линию. Она была создана на российском юге в 60—70-х годах XVIII столетия. Защищалась она местными казаками и армейскими войсками.

Завоевание русскими войсками в 1771 году Крыма привело к ликвидации восточного «крыла» ханства — Ногайской орды. По приказу Г.А. Потемкина занимается полуостров Тамань и часть

Кубанской степи, прилегающей к Азовскому морю. Но при этом река Кубань продолжала оставаться «зоной повышенной опасности»: через нее из Черкесии «закубанские народы» постоянно совершали разбойные набеги. Поэтому принимается решение возводить прибрежные полевые укрепления. Первоначально их было ровно десять, с гарнизонами от двух полков с артиллерией до одной пехотной роты без пушек.

После окончания «Первой екатерининской турецкой войны», в 1774 году, русские войска оставили укрепления на правом берегу реки Кубань. Южная граница России оказалась разорванной.

Светлейший князь Г.А. Потемкин, «государственный муж» в самом лучшем понимании этих двух слов, вскоре вышел с докладом государыне. В нем указывалось, что линия от Моздока до Азова оказалась неприкрытой и что в случае новой войны с султаном (она действительно не заставила себя долго ждать) этим могут воспользоваться турецкие войска, стоявшие гарнизонами в крепостях черноморского побережья Кавказа. Речь в первую очередь шла о крепости Анапа.

К потемкинскому докладу в Санкт-Петербурге отнеслись с должным пониманием. В казне находятся деньги, и высочайшим решением на юге страны началось строительство новой пограничной укрепленной линии. Она должна была пройти от Моздокской крепости на северо-запад. Ее протяженность определялась в 250 верст. Географически она шла параллельно границам обширной тогда Астраханской губернии и земель Донского казачьего войска.

На новой укрепленной линии расположили десять пограничных крепостей — Екатерининскую (впоследствии город Екатеринодар), Павловскую, Мариинскую, Георгиевскую, Андреевскую, Александровскую, Северную, Ставропольскую, Московскую и Донскую. Линия получила название Степной Кубанской.

Она продолжалась и далее на север, доходя до земель донского казачества. Здесь в степи устраивалась линия форпостов. Они занимались небольшими отрядами донских казаков и военнообязанных калмыков.

С началом укрепления южной границы там потребовался деятельный военачальник, способный довести задуманное дело до конца, оградить кубанское приграничье от набегов горцев Черкесии. На Кубань в 1778 году отправляется генерал-аншеф А.В. Суворов-

Рымникский. Он на месте решает возобновить ранее возведенные укрепления от устья реки Кубань до степной крепости Ставрополь.

Всего за шесть недель намечается возвести 8 земляных укреплений и 19 фельдшанцев. На проведение этих фортификационных работ назначается три тысячи человек. Такие пограничные укрепления состояли из глубоких рвов, брустверов, укрепленных турами и мешками с песком, имели перекидные мосты через ров, которые в случае тревоги и на ночь поднимались. Благодаря таким мерам набег «закубанских народов» на какое-то время прекратились.

Кавказская пограничная линия начинала принимать свой конечный образ. В 1783 году по официальным документам она делилась на две части: на Моздокскую и Кубанскую. Первая проходила по левому берегу Терека (три крепости и девять казачьих станиц) и Кубанской степи (девять полевых крепостей). Вторая шла по правому берегу реки Кубань и состояла из «суворовских» 8 крепостей и 19 фельдшанцев.

Поскольку предвоенная ситуация торопила, генерал-аншеф А.В. Суворов-Рымникский строил свои укрепления скоро и без необходимого инженерного обеспечения их долговечности. Устроенные его трудами земляные укрепления со временем под действием ветров и дождей стали разрушаться. Такое, впрочем, было вполне естественно и неизбежно.

Главнокомандующий русской армии на юге России Г.А. Потемкин, носивший еще эполеты генерал-поручика, получает от императрицы задание построить новую линию пограничных укреплений. Она должна была проходить от станицы Екатеринодарской по реке Малке до реки Лабы, впадающей восточнее в Кубань.

Речь шла о закреплении позиций России на Северном Кавказе. На реке Малке, против Большой Кабарды, строятся три казачьих станицы и два форпоста, а между Малкой и Кубанью, против Малой Абадзы, Константиногорская крепость, четыре форпоста и один штерншанец. По правому берегу Кубани — три небольшие крепостицы: Прочный Окоп, Григориполисская и Кавказская (позднее на этих местах возникнут казачьи станицы), девять редутов и одна казачья станица. Постройка всех этих укреплений по времени уложилась в 1783—1791 годы.

Принимается и другое важное решение. Одновременно со строительством на южной границе новой укрепленной линии, в

1784 году, закладывается Военно-Грузинская дорога. В последующем она сыграла большую роль в закреплении Российской империи на Кавказе...

Появление на Кавказской пограничной линии нового командующего — генерал-аншефа И.В. Гудовича открыло новую страницу в ее летописи. Один из самых прославленных полководцев екатерининской эпохи начал укрепление позиций России на Северном Кавказе с того, что победно провел в 1791 году Анапский поход и ликвидировал на время сильную турецкую крепость на черноморском побережье.

Пока турки не восстановили укрепления Анапы, «подпитка» антироссийских настроений горцев западной части Северного Кавказа из Стамбула заметно снизилась, но не прекратилась. В биографии Гудовича штурм Анапской крепости стал георгиевским триумфом, настолько высоко был оценен императрицей Екатериной II Великой его полководческий подвиг. Но финальный аккорд Русско-турецкой войны 1787—1791 годов на Кавказе не решил главных проблем на юге державы.

Вскоре после возвращения из Анапского похода, уже после подписания мира в Яссах, который подвел итоги очередной войны между Россией и Османской Портой, Гудович получил новое высочайшее повеление. Государыня потребовала от него укрепить Кавказскую линию, то есть южную границу империи. К тому времени ее командующий уже достаточно обстоятельно и лично ознакомился с пограничными крепостями и казачьими станицами. Для этой цели было совершено несколько инспекционных поездок из Георгиевска до Тамани и берегов Каспия.

Свои соображения по переустройству пограничной укрепленной линии генерал-аншеф представил в Санкт-Петербург в декабре 1792 года. Деятельный Гудович указал, что многие полевые укрепления, редуты и даже крепости находились, по его авторитетному мнению, не на «должном месте». Показательно, что все выносимые на суд государыни предложения обосновывались соответствующими расчетами «на местности» и в финансовом отношении.

Что предлагалось для более надежного прикрытия государственной границы на Северном Кавказе? Для начала это было устройство 12 новых станиц Волгского и Хоперского поселенных казачьих полков. Их предлагалось расположить от реки Малки до

полевого укрепления Прочный Окоп включительно. Но это было еще не все в казачьем освоении южного приграничья.

Далее от Прочного Окопа, по правобережью Кубани до устья реки Лабы предлагалось поселить по императорскому указу донских казаков. К тому времени область Войска Донского уже теряла свое многовековое значение пограничного края. Поэтому обращение к донскому казачеству с его богатыми боевыми традициями со стороны командующего Кавказской пограничной линии случайным совсем не было.

На рассмотрение императрицы был представлен действительно интересный документ государственного мужа. Гудович, известный хозяйственник, обращал внимание на весь Прикубанский край, стоивший государству значительных материальных трат и не приносивший пока экономических выгод. Он предлагал заселить обширные безлюдные пространства черноземной степи пока 10 тысячами малоземельных государственных крестьян. Генерал-аншеф писал в представлении:

«...Дабы сей край приготавлился впредь к пользе государственной и к поданию доходов, а стража границ около оною не оберегала бы пустых земель и лесов».

Главный пограничник Юга словно видел далеко вперед будущее кубанских земель в границах Российского государства как богатейшей житницы с многонаселенными селами и процветающими городами. И что немаловажно для державы — с новым сильным казачьим войском в предгорьях Кавказа, на Кубани и Тереке.

В столичном Санкт-Петербурге утвердили обстоятельный план генерал-аншефа и георгиевского кавалера И. В. Гудовича по усовершенствованию Кавказской пограничной укрепленной линии. Речь шла о ее большей части: от устья Терека и до Екатеринодара. В Правительствующем Сенате плану дали самую высокую оценку, указав на государственный подход к проблеме его автора.

Все же в «предположения» Гудовича в столице внесли ряд изменений и дополнений. Вместо Волгского и Хоперского казачьих полков приказано было поселить в новостроящихся станицах донских казаков. Для этого высочайшим указом назначалось шесть Донских казачьих полков. Они уже находились в то время в Прикубанье, неся службу по охране государственной границы.

Гудович обустроивал Кавказскую линию с присущей ему энергией. К 1794 году она приняла совершенно иной вид. На участке

от устья Терека до реки Малки, помимо ранее существовавших крепостей (Кизляра, Наура, Мозлока и Екатериноградской близ впадения реки Сунжи в Терек), появляется еще одна пограничная крепость — Шелкозаводская. Расширяется Константиногорск близ горы Бештау, в пяти верстах от современного города Пятигорска. По правому берегу Кубани воздвигаются новые укрепления — казачьи станицы Усть-Лабинская, Кавказская...

На Северном Кавказе шел процесс налаживания дружественных отношений с горскими народами. Под убеждением генерал-аншефа Гудовича в российское подданство вступают дагестанский владетель шамхал Тарковский и хан Дербентский. В Кабарде, чтобы покончить с самоуправством местных князей, учреждаются родовые суды. В крае заметно оживляется торговля...

Однако не все было просто. Казаки шести Донских полков, назначенных на переселение, решительно отказались исполнить указ: они не хотели покидать родные, хорошо обжитые места. Во всех шести полках по получению высочайшего указа императрицы Екатерины II началось брожение, готовое вылиться в открытое неповиновение многих сотен вооруженных людей.

Шесть казачьих полков, так отличившихся в недавней русско-турецкой войне, взбунтовались в мае 1792 года. Они оставили на линии своих старшин и, захватив полковые знамена, ушли к себе на тихий Дон. Там вернувшиеся казаки подняли настоящее восстание против матушки государыни, которое пришлось подавлять силой. Правда, дело о больших вооруженных столкновениях не дошло.

Только в августе 1794 года с Дона на Кубань прибыла наконец тысяча казачьих семейств со своим скарбом, скотом, запасами семян. Они основали в кубанских степях, так мало похожих на донские, шесть новых укрепленных станиц. Все они получили названия от прежних пограничных укреплений: Кавказская, Темижбековская, Григориполисская, Прочноокопская, Воровсколеская и Темнолеская. Станицы были сведены в новый Кубанский казачий полк. Или, иначе говоря, в полк пограничной казачьей конной стражи.

Следует заметить, что донцы на удивление быстро обжились на новом месте. Людьями они в обыденной жизни были неприхотливыми, трудолюбивыми. Гудович оказывал переселенцам всю возможную помощь. Он предвидел, что именно казачеству суждено обжить для России этот богатый и пустынный тогда Кубанский

край, из которого были изгнаны кочевавшие здесь ранее орды крымских татар. В набеги на южнорусские области они ходили не только из Перекопа.

Помимо устройства новых казачьих станиц и пограничных крепостей, проект И. В. Гудовича предусматривал возведение пяти редутов — Ладогского, Тифлисского, Казанского, при урочище Сухой Дуб в Воровском лесу и одного штерншанца при урочище Песчаный Брод. Их возвели только к 1801 году.

Редуты строились как полевые фортификационные сооружения, рассчитанные на небольшой армейский гарнизон в 90 человек. Казачьи станицы защищались земляным валом с неглубоким рвом или деревянным палисадом. Как показали события Кавказской войны, этого оказалось вполне достаточно, чтобы отражать нападения «немирных» горцев — воинов имамов.

С именем Гудовича связано переселение на Кубань бывшего славного Запорожского войска, сошедшего с исторической сцены в 1775 году по воле императрицы Екатерины II. Главнокомандующий русской армии на юге России Г. А. Потемкин в свое время создал из бывших запорожцев Бугское казачье войско, названное «кошем верных казаков». Название отличало их от тех запорожцев, которые ушли «до турка» за Дунай, образовав там новую Сечь, став подданными султана-иноверца. Бугские казаки некоторое время несли пограничную стражу на новой российско-турецкой границе в Северном Причерноморье.

В русско-турецкой войне 1787—1791 годов новое казачье войско, предводимое в боях атаманами Сидором Белым, Харьков Чепегой и Антоном Головатым, «выказало» примерную доблесть. Из бугских казаков составили прибрежную гребную флотилию, которая содействовала наступательным армейским операциям. «Верные казаки» истребили вражеский галерный флот в Днепровском лимане, участвовали во взятии Очаковской, Березаньской и Измаильской крепостей. При штурме последней бугские казаки по диспозиции А. В. Суворова действовали в составе речного десанта. Переправившись с острова Чатал во внутрь неприятельской крепости, они завязали там тяжелый для себя бой.

Из «коша верных казаков» возникло новое казачье войско, получившее название Черноморского. Оно устроилось на новых местах, образовав по берегам Днестра и Южного Буга 25 куреней — селений с главной резиденцией войсковых властей в

Слободзее. Однако больших задач по прикрытию границы они не имели.

Едва черноморское казачество успело обжиться на новом месте, как оно получило высочайшее повеление всероссийской императрицы Екатерины II готовиться к переселению на берега нижнего течения реки Кубань. Такой указ вышел с «легкой руки» генерал-аншефа И. В. Гудовича и «светлейшего князя Тавриды» Г. А. Потемкина. Теперь бывшим запорожцам предписывалось «держать» крайний западный участок Кавказской пограничной линии.

В Санкт-Петербург отправилась делегация Черноморского казачьего войска во главе с войсковым судьей полковником Антоном Головатым. Его хлопоты в столице увенчались успехом. Государыня Екатерина Алексеевна пожаловала черноморскому казачеству в июне 1792 года остров Фанагорию со всей правобережной кубанской землей от устья реки до Усть-Лабинской крепости и на север до Ейского укрепления на берегу Азовского моря.

Черноморское казачье войско с семьями и домашним скарбом выступили в путь на Кубань после получения из столицы высочайшей грамоты на владение подаренной землей, большого Белого знамени, серебряных труб и войсковой печати. Или как тогда называлось — войсковых клейнодов. Императрица подарила черноморским казакам от себя на новоселье хлеб-соль на блюде из чистого золота с такой же солонкой.

Первой отправилась на Кубань гребная казачья флотилия, которая 25 августа заняла Тамань. Оттуда черноморцы разослали сторожевые отряды по войсковой земле и приступили к несению дозорной службы на пограничной линии. Довольно скоро им пришлось иметь дело с «закубанскими народами», с отрядами абреков.

За лодочной флотилией на восток двинулось и все остальное войско (его служивая часть) во главе с кошевым атаманом Харько Чепегой. Войсковой судьей полковник Головатый с небольшим числом казаков остался в Слободзее, чтобы по весне переправить на Кубань казацкие семьи. Само же Черноморское казачье войско зимовало у Ейского городка в землянках и только в следующем году заняло отведенные для поселения земли по Кавказской пограничной черте. Командующий линией генерал-аншеф Гудович постарался своей властью облегчить обустройство новых пограничных стражников на Кубани.

В 1794 году казаки-черноморцы основали на самом речном берегу, в Карасунском Куте, войсковую столицу. Город был назван в честь императрицы Екатерины II Великой. Екатеринодар, которому было суждено стать столицей Кубанского края, возник на том самом месте, где некогда стоял заложенный великим полководцем России А. В. Суворовым-Рымникским Архангельский редут.

Обустройство пограничной линии черноморскими казаками можно было по тому времени считать образцовым. По извилистому берегу полноводной Кубани они поставили 60 постов и батарей и более сотни сторожевых пикетов. С берегов Днепра на кавказскую границу была перенесена своеобразная линейная фортификация запорожского казачества, надежно помогавшая ему в вековой борьбе с Крымским ханством и панской Речью Посполитой.

Пограничные посты представляли из себя небольшие четырехугольные редуты с земляным бруствером и неглубоким рвом, которые огораживались кругом колючим терновником. Внутри устраивались помещения для людей и лошадей. В таком виде казачьи сторожевые посты, часто вооруженные в малом числе разнокалиберной артиллерией, назывались кордонами. Внешне они походили на малые полевые крепостицы.

Численность гарнизона такого кордона зависела от его местонахождения и грозивших опасностей. В нем могло нести службу от 50 до 200 казаков. Жизнь показала, что таких сил хватало не только для того, чтобы отбить нападение отряда «немирных» горцев, но и подать скорую помощь соседней порубежной заставе, если она подверглась нападению из-за Кубани.

Сторожевые пикеты представляли собой небольшие, плетенные из гибкой и прочной ивы шалаши с двойными станами. Промежутки между ними наполовину заполнялись землей. Такое оборонительное и одновременно жилое помещение окапывалось небольшим рвом. На пикете при холоде и в непогоду сторожевые казаки разводили огонь прямо посередине шалаша.

Пикет являлся временным пристанищем для пограничной стражи. Его, как правило, устраивали на живую нитку, и он не предназначался для постоянного проживания в нем дозорных. Размещалось в пикете от трех до десяти казаков вместе с конями.

Наконец, казачья батарея представляла собой нечто среднее между кордоном и пикетом, имела команду от 8 до 25 черноморс-

ких казаков и вооружалась, за редким исключением, малокалиберными пушками.

Обязательным сооружением на кордоне, батарее и пикете являлась «каланча» — сторожевая вышка и «фигура» — сигнальная вежа, обмотанная сеном или соломой. Это были надежные вестники линейной тревоги — своеобразный степной телеграф. Или, как его обыкновенно называли казаки, маяки. В общем-то такая система охраны границы была известна славянским племенам с далекой древности, поскольку им приходилось на протяжении многих столетий вести напряженную борьбу с кочевыми степными народами Дикого поля — печенегам, половцам и другими...

Такой устроенной и обустроенной Кавказская пограничная укрепленная линия стала при ее командующем генерал-аншефе И. В. Гудовиче, покинувшем Георгиевск в 1796 году. То есть Россия твердо встала на новых землях в предгорьях Кавказа — на правом берегу Кубани и левом берегу Терека. На тех степных землях, которые были пастбищами для последнего осколка Золотой Орды — Крымского ханства. Теперь в северокавказские степи за казаками — пограничными стражниками шли землепашцы из самых разных российских губерний.

Созданию Кавказской пограничной линии, в которую столько сил, энергии и задумок вложили Г. А. Потемкин-Таврический, А. В. Суворов-Задунайский, И. В. Гудович, да и сама самодержавная государыня Екатерина II Великая, стало для России жизненной необходимостью. Создание этой линии было продиктовано требованиями военного времени и защиты собственных государственных границ на Юге. То есть это явилось велением исторического развития Российской державы, ее геополитической устремленности.

Пограничное укрепление Российской империи на Северном Кавказе, а в скором времени и в Закавказье, не является для истории чем-то новым, «дикивинным», или, как порой звучит в дискуссиях с полярными точками зрения, «агрессивным» по отношению к Кавказу. Раздвижение российских пределов, в том числе и на Юг, было исторической закономерностью. А государственные границы, как известно, требуется охранять надежно.

Глава 6

ВОЙНА В ЧЕРКЕСИИ. ТУРЕЦКАЯ АНАПА — КАВКАЗСКИЙ ИЗМАИЛ

России в екатерининскую эпоху чрезвычайно везло на великих государственных мужей. Пальма первенства в этой когорте, вне всякого сомнения, принадлежит Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому. Он, среди прочего, прекрасно понимал все значение для империи укрепления южной границы, в том числе и на Северном Кавказе. Он словно бы предугадывал значение хлебородных южных степей, бывших обширных владений Крымского ханства для будущего процветания России.

Главноуправляющий юга России, теперь уже в звании генерал-фельдмаршала, входит к императрице Екатерине II с одним предложением за другим. Среди прочего, он написал в столицу, что Кавказской пограничной укрепленной линии требуется единый начальник. И обязательно в лице боевого генерала.

Такое пожелание объяснялось просто. Турецкая крепость Анапа — «кавказский Измаил» — находилась, как говорится, под бомбом. Южнее ее шла вереница других вражеских причерноморских крепостей. К тому же «закубанские народы» то замирялись на какое-то непродолжительное время, то вновь открывали набеговую войну через реку Кубань. Мира на ее берегах не предвиделось на многие лета. В этом был кровно заинтересован прежде всего Стамбул.

Выбор Потемкина пал на генерал-аншефа Ивана Васильевича Гудовича. Ему и вверили в подчинение Кубанскую армию, теперь уже бывшую. Организационно она состояла из двух немногочисленных корпусов: Кавказского, стоявшего на самой пограничной линии, и Кубанского, расположенного в... Воронежской губернии. В русские кавказские войска еще входили два донских и один ураль-

ский казачьи полки, полевая артиллерия в малом числе и небольшая военная флотилия на Каспийском море, которая базировалась в Астрахани.

Гудович в ранге командующего Кавказской пограничной укрепленной линии прибыл на Кубань в последних числах января 1791 года. «Вторая екатерининская турецкая война» уже близилась к победному завершению, а на Кавказе больших дел все не было.

Штаб-квартира командующего располагалась в небольшом степном крепостном городке Георгиевске — как раз посередине пограничной линии. Гудович на местах провел инспектирование вверенных ему войск, ознакомился с системой укреплений. Он сразу понял, что главная опасность сейчас исходит не от разбойных отрядов горцев-абреков, а от османской крепости Анапы. Она держала контроль над Керченским проливом, была сильна в фортификационном отношении, имела крепкий гарнизон и могла в любое время получить всю необходимую помощь из Турции.

Анапская крепость к тому же служила в идущей Русско-турецкой войне своеобразным генератором враждебных действий черкесских племен против южной границы России. Поэтому генерал-аншеф И. В. Гудович решил «выкорчевать» эту главную турецкую занозу на черноморском побережье Кавказа...

Анапа в далекой древности была известна как Синдонская гавань, затем как Горгиппия. В руках турок-османов оказалась в 1479 году. И все это время она продолжала оставаться одним из притягательных центров торгового судоходства на Черном море.

Следует отметить, что портовая Анапа доставляла радость далеко не всем жителям Черкесии. Она стала крупным центром торговли невольниками на берегах Черноморья. Турция, в которой торговля рабами много веков считалась прибыльной отраслью хозяйственной деятельности, не только открыто провоцировала междоусобные конфликты, сопровождавшиеся захватом «живого товара». Стамбул сквозь пальцы смотрел на подобную деятельность своих союзников и вассалов. Это касалось и Кавказа.

Многие исследователи отмечают, что торговля «живым товаром» на османских рынках «была важнейшей экономической нитью, связывавшей адыгских феодалов с Турецкой империей и во многом способствовавшей их политической ориентации на Турцию в первой половине XIX века». И, разумеется, в конце предыдущего столетия.

В противостоянии двух империй — Российской и Османской — официальный Стамбул трезво смотрел на вещи. Стратегическое значение Анапы виделось предельно ясно. Поэтому султан Абдул-Гамид не пожалел огромных денег на модернизацию крепости с помощью французских фортификаторов. Они работали два года на берегах удобной для больших и малых парусников бухте, много столетий назад обжитой мореходами самых разных народов Черноморья и Средиземноморья.

Крепость Анапа в последней Русско-турецкой войне в царствование Екатерины II оказалась «твердым орешком». До Гудовича русские войска уже дважды подступали к ней, чтобы овладеть ею. Однако по разным причинам эти операции успеха не имели: то просто не хватало войск, то сказывалась острая нехватка провианта и фуража, то мешали повальные болезни, выводившие из строя людей лучше, чем пушечные залпы с крепостных стен.

Так, в сентябре 1787 года не удалось военное предприятие под начальством генерал-аншефа Тикелли. В марте 1790 года неудача постигла экспедицию генерал-поручика Бибикова. Это привело к тому, что в Стамбуле после двух серьезных неудач русских поверили в неприступность своей кавказской крепости. Из Анапы турки продолжали грозить и Кавказской пограничной линии, и Крыму, оказавшемуся в руках «неверных».

Подготовку к походу на Анапу генерал-аншеф Гудович начал с первых дней своего появления на Кубани. Задачу взять ее во что бы то ни стало поставил перед ним сам Потемкин. «Светлейший князь Таврический» прозорливо смотрел на будущее всего Кавказа в пределах Российской империи. Поэтому он и обрисовал И. В. Гудовичу поле его новой деятельности не в общих чертах, а с определением конкретных целей.

Подготовка к новому походу на «кавказский Измаил» заняла более двух месяцев. Из разных русских крепостей, как с миру по нитке, собиралась полевая артиллерия. Составлялись выючные транспорты, закупались арбы для подвижного войскового магазина и поднятия понтонов. В назначенное место свозились различные армейские припасы.

Для экспедиционных войск назначается два сборных места. Полки Кавказского корпуса сходились к пограничному посту Темижбек на берегу Кубани. С севера от города Воронежа шел Кубанский корпус, которым командовал генерал-майор Загряжский.

Его путь лежал к Ейскому укреплению на берегу Азовского моря. На порубежной линии оставлялось достаточно воинских сил, чтобы пресечь возможные вылазки «немирных» горцев.

Приказ о сборе войск за подписью генерал-аншефа Гудовича был строг. 4 мая у Темижбека стояло под ружьем 11 батальонов пехоты, 24 эскадрона кавалерии при 24 орудиях полевой артиллерии. Войска имели при себе двойной комплект патронов и снарядов.

Экспедиционная инфантерия состояла из Владимирского, Воронежского, Казанского и Тифлисского пехотных полков. Они имели большой недокомплект в людях и насчитывали по тысяче человек в каждом. Фактически каждый из полков имел двухбатальонный состав. Из Кавказского егерского корпуса бралось в поход три батальона отличных стрелков, испытанных бойцов войны в горах, по 500 человек в каждом.

Кавалерия состояла из Астраханского и Таганрогского драгунских полков по восьми эскадронов в каждом. Эти силы дополнялись четырьмя эскадронами Ростовского, тремя — Нарвского и одним эскадроном Каргопольского карабинерских полков. Все кавалерийские полки, уходившие под Анапу, имели большой недокомплект нижних чинов и офицеров. Карабинерские и драгунские эскадроны насчитывали всего по сотне всадников.

Казачьей конницы набиралось немного: полки — Хоперский, Волгский, донские Кошкина и Луковкина (по именам полковых командиров). Эти силы легкой иррегулярной конницы дополняли две сотни гребенских и полторы сотни терских семейных казаков. Все они хорошо знали условия ведения войны в горах и лесах Кавказа.

Кубанский корпус собрался в полном составе только к 10 мая. В Ейское укрепление пришли Нижегородский и Ладожские мушкетерские, Владимирский и Нижегородский драгунские, два Донских казачьих полки. Корпус имел всего 16 полевых орудий.

Приказом Гудовича для прикрытия Кавказской пограничной линии оставлялось 9 пехотных батальонов, 17 кавалерийских эскадронов, 3 казачьих полка и всего 10 пушек. Начальство над оставшимися на линии войсками поручалось опытному генерал-майору Савельеву...

Шла большая война, и все участники Анапской экспедиции горели желанием прославить русское оружие не только на берегах Дуная. Взятие неприступного Измаила и гром суворовских побед был

у всех на слуху. Поэтому в экспедиционных войсках царил высокий боевой дух, на который не повлияли две предыдущие неудачи.

Командующий мог быть уверен в своих бойцах, отдавая приказ о начале похода на Анапу. Русские войска выступили от поста Темижбек, двигаясь на запад по правому берегу Кубани. Впереди двигалась бдительная сторожевая застава из казаков. Дневки делались через два перехода. 22 мая войска подошли к Талызинской переправе. Через два дня сюда подошли с Приазовья полки генерал-майора Загряжского. Теперь экспедиционный корпус оказался в полном сборе.

У Талызинской переправы сразу же началось наведение понтонного моста через реку Кубань. На случай неприятельского нападения одновременно стали возводить полевое предмостное укрепление.

В начавшейся экспедиции генерал-аншеф Гудович постарался соблюсти все меры предосторожности. На пути к месту форсирования водной преграды устраивались укрепленные посты и редуты, в которых оставлялись небольшие гарнизоны. Они обеспечивали тылы и коммуникационную линию войск, уходивших в поход.

Переход через реку Кубань экспедиционные войска совершили беспрепятственно. Умело построенный понтонный мост надежно связал два речных берега. Движение по нему шло днем и ночью.

Но не все было так просто. «Немирные» черкесы попытались разрушить наведенный мост, спуская в кубанские воды, выше наведенной переправы, стволы больших деревьев и направляя их по речному течению вниз. Но такая «диверсия» успеха не имела.

Главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин-Таврический позаботился об усилении экспедиционных сил. В одном переходе от Анапы к главным силам Гудовича подошло подкрепление из Крыма. Через Тамань из состава Таврического корпуса на Кубань прибыл воинский отряд под командованием генерал-майора Шица. Прибывшие войска доставили с собой 90 штурмовых лестниц, без которых в предстоящем деле было просто не обойтись.

Перейдя через пограничную реку Кубань, русские войска оказались на территории Черкесии. Генерал-аншеф Гудович пони-

мал, что успех экспедиции во многом зависел от того, как поведут себя местные «закубанские народы» — племена черкесов, населявших западную часть Северного Кавказа. Поэтому он, как человек предусмотрительный и большой дипломат от природы, дал знать горским владетелям-князьям и узденям (дворянам), жившим вблизи Анапы, что идет по их земле только с целью бить турок, с которыми Россия состояла в войне.

Для налаживания дружественных отношений с горцами Закубанья делалось многое. Русский командующий приказал отпустить на волю плененных черкесов, нападавших с оружием в руках на фуражиров. Походным колоннам строго приказывалось не травить и не топтать посевы местных жителей, не делать им никаких обид. За этим Гудович следил лично, не останавливаясь перед суровым наказанием виновных.

Все было как на большой войне. С нач. лом Анапского похода конные разведки сторон бдительно стерегли друг друга. Все же думается, что османы не очень-то верили в то, что русские после двух полнейших неудач попытаются в скором времени вновь подступить к Анапе. Однако появление на Кавказской линии известного военачальника в лице генерал-аншефа Гудовича не могло не насторожить анапского коменданта-пашу.

Как бы то ни было, но на всем пути неприятель не тревожил русские войска. Только перед самой крепостью турецкая и черкесская конницы в несколько тысяч всадников попытались преградить путь авангарду экспедиции. Неприятель заблаговременно занял господствующие над дорогой высоты на берегах реки Нарпсухо у места, удобного для переправы через нее.

Бриг-дир Поликарпов, командовавший авангардным отрядом, приказал с ходу форсировать Нарпсухо и решительно атаковал врага. Гудович отправил в поддержку несколько драгунских эскадронов. Но большого боя не получилось: турки и их союзники быстро оставили удобные позиции за рекой и обратились в бегство.

В тот же день русские войска расположились походным лагерьем всего в четырех верстах от крепостной ограды Анапы. Началась ее осада с суши и подготовка к генеральному штурму.

Рекогносцировку османской крепости Гудович провел лично. В сопровождающие он взял тех офицеров, которые уже повоевали под ее стенами. Рекогносцировка показала следующее. Со времени последней неудачной экспедиции генерал-поручика Бибикова

турки заметно подновили и усилили анапские укрепления. При чем сделали это умело, исходя из профессиональных инженерных расчетов на местности.

Султанские фортификаторы особое внимание уделили усилению верхов крепости. Заметно углубили и подновили рвы с каменными эскарпами и контрэскарпами. Мощный крепостной вал протяженностью около 700 саженей, упиравшийся концами в море, усилили, по образцу Измаила, крепким палисадом. В целом Анапская крепость имела внушительный вид и для своих, и для чужих. Сильнее ее на черноморском побережье Кавказа не виделось.

Случайно взятые в плен анапские турки дали ценные сведения о вооружении крепости. Ее гарнизон имел 83 орудия и 12 мортир, большей частью крупного калибра. Гарнизон состоял из 10 тысяч турецкой пехоты и примерно 15 тысяч крымских татар и горцев. На рейде стояло несколько крупных судов, имевших на борту пушки. Нужды в продовольствии и боеприпасах осажденные не испытывали: русские, еще не имевшие сильного и многочисленного корабельного флота, не могли в войне контролировать Черное море.

Комендантом Анапской крепости был опытный трехбунчужный Мустафа-паша, а его ближайшим помощником — сын известного султанского полководца Батал-паши, пытавшегося в свое время возмутить против России горские народы и прорвать Кавказскую пограничную линию в самом ее центре. Однако его войско было наголову разбито, а на месте боя заложена казачья станица Баталпашинская.

Анапский гарнизон был силен еще и другим. В крепости нашел свое последнее прибежище самозванный «пророк» шейх Мансур. Он долгое время возбуждал горцев в ряде областей Северного Кавказа против «неверной» России. Собранное шейхом войско оказалось разгромленным, а самому Мансуре с небольшим числом своих приверженцев пришлось искать спасения у турок. «Пророк» оказался предвестником появления на Северном Кавказе, прежде всего в его восточной части, движения мюридизма и имамов.

Историки так оценивают роль шейха Мансура в последующих кавказских событиях. По их мнению, он начал «первым проведовать и вести... священную войну против неверных русских на Кавказе», и, хотя потерпел неудачу в попытке объединить... дикие племена гор и лесов, он был первым, кто внушил им, что без реформированного исламского вероучения (то есть принятия

идей мюридизма. — *А. Ш.*) им «не видать свободы и независимости, которыми они так дорожат».

Генерал-аншеф И. В. Гудович, зная все это, не мог рассчитывать на легкий успех возглавляемой им военной экспедиции. Да и скорее всего, ознакомившись с походными материалами Тикелли и Бибикова, он не мог рассчитывать на бескровное овладение Анапой. Дело предстояло трудное, связанное с большими людскими потерями, а в случае успеха — славное.

На следующий день после прихода на место командующий расположил войска на левом берегу реки Бугур. Левый фланг походного стана протянулся по дороге, которая вела к другой турецкой крепости — Суджук-Кале. Она находилась на морском побережье южнее (ныне там раскинулся город-порт Новороссийск). Отряд Таврического корпуса генерал-майора Шица стал лагерем на правом берегу Бугура.

Хорошо продуманным расположением осадного лагеря турецкая крепость отрезалась от окрестных гор, густо поросших вековым лесом. С них местные союзники османов несколько раз пытались подать помощь анапскому гарнизону, но каждый раз безуспешно.

Первую осадную батарею силой в 10 орудий русские заложили в ночь на 13 июня. Турки узнали о ее появлении только с восходом солнца, и потому грозный вид близких русских пушек произвел на них пугливое впечатление. По батарее началась артиллерийская пальба. Затем Мустафа-паша отправил на вылазку до полутора тысяч пехоты и конницы. Гудович предвидел такой поворот событий: он поставил на прикрытие осадной батареи две сотни стрелков-егерей, поручив командование предстоящим боем генерал-майору Загрязскому. Ему и выпала честь отбить первый выход неприятеля за крепостную ограду.

Егеря подпустили огромную толпу конных и пеших османов на дальность прямого ружейного выстрела. Только тогда от батарейной позиции прогремел стройный залп. После этого егеря ударили в штыки. Нападавшие в рукопашном бою были опрокинуты и преследуемы почти до самых городских ворот. С вала по егерям ударили почти в упор с десятков пушек, и только тогда они повернули назад, подобрав убитых и раненых товарищей.

Первый боевой успех ободрил участников экспедиции. Возводятся еще две осадные батареи — на 10 и 12 орудий. Свои орудия

поставили на батарейные позиции и в отряде Таврического корпуса. Каждая осадная батарея получила определенный сектор обстрела неприятельской крепости.

Бомбардировка Анапы началась с рассветом 18 июня. Османы отвечали на первых порах энергично, имея заметное преимущество в количестве орудийных стволов, к тому же больших калибров, и демонстрируя наличие изрядного боезапаса. От исхода контрбатарейной борьбы зависело многое: и число потерь при готовящемся штурме, и моральное состояние противных сторон, и в конечном счете сама судьба «кавказского Измаила». Или, говоря иначе, итоги Русско-турецкой войны на кавказских берегах Черного моря.

Все же русским пушкарям удалось достаточно быстро продемонстрировать меткость своей стрельбы. Где-то днем ответный огонь турок стал ослабевать, и заметно.

Ночью окрестности Анапы осветились громадным заревом сильного пожара внутри крепости. Как потом выяснилось, русские бомбы и брандскугели подожгли приметный издали дом анапского коменданта, гарнизонный провиантский магазин и ряд других зданий в городе. Осажденные безуспешно боролись с пожарами, хотя море было рядом.

Вражеские батареи почти весь следующий день молчали, подавленные метким огнем противника. Многотысячный анапский гарнизон больше не отваживался на вылазки ни днем, ни ночью. Это было большой тактической ошибкой Мустафы-паши, который мог бы так держать русские войска в большом напряжении, а у османов поднялся бы боевой дух.

Генерал-аншеф Гудович по прошлым делам хорошо знал султанское воинство. Поэтому поведение османского гарнизона подсказало ему, что защитники Анапы и горожане после двух дней артиллерийских бомбардировок «достаточно» упали духом. Паше с парламентаром и трубачом было отправлено письмо, в котором предлагалось сдать крепость на почетных условиях. В таком случае туркам гарантировалась личная безопасность, сохранность их «носимого» имущества и право свободного ухода из Анапы.

Мустафа-паша согласился было на такие почетные условия и сдачу вверенной ему султаном крепости. Но этому воспротивился «пророк» шейх Мансур. В возникшей конфликтной ситуации он вышел победителем, и коменданту гарнизона пришлось ему уступить.

Между тем положение экспедиционных войск становилось все более затруднительным. Гудович имел всего 12 тысяч человек, и с такими силами было трудно с известной степенью надежности блокировать вражескую крепость с «открытым морем». К тому же она относилась к числу сильных в фортификационном отношении. Русским противостоял 25-тысячный гарнизон, не терявший надежду на прибытие морем сильных подкреплений.

Согласно показаниям пленных в окрестных горных лесах скопилось до восьмидесяти тысяч турок, среди которых оказалось много черкесов. Они постоянно беспокоили русских: нападали на фуражиров и вели перестрелки. Лошадей теперь приходилось пасти под надежной охраной уже на расстоянии пяти верст от осадного лагеря. Ближе трава была вытоптана и съедена.

Вести «правильную» осаду крепости было невозможно: отсутствовала крупнокалиберная артиллерия и квалифицированные военные инженеры. В довершение всего из Крыма прибыл курьер с письмом от генерал-аншефа Каховского. Он сообщал, что огромный по количеству вымпелов султанский флот показался у устья Днестра. Вне всякого сомнения, эта корабельная армада должна была пройти мимо крымских берегов и показаться перед Анапой. Тогда Мустафа-паша получал усиление гарнизона и мощную поддержку многих сотен крупнокалиберных корабельных орудий.

Командующий Анапской экспедицией собрал военный совет. На нем единодушно принимается решение, «призвав Бога в помощь», без промедления штурмовать крепость. Другого выхода в складывающейся ситуации не виделось. Было ясно, что генеральный приступ должен был обязательно вылиться в кровопролитный бой на крепостных укреплениях и в самом городе...

Русско-турецкая война 1787—1791 годов под конец ознаменовалась штурмами двух сильных султанских крепостей — сперва Измаила на Дунае, а затем Анапы на Кавказе. Та и другая победа русского оружия в военной истории стали блестящими полководческими деяниями. Общим в судьбе этих двух твердынь было то, что они стерегли две крайние северные точки обширных владений Османской Порты.

Рекогносцировки показали, что наиболее слабым местом крепостной ограды виделась ее юго-восточная часть. Здесь вал и ров имели меньший профиль и внешне смотрелись менее внушительно. На этом направлении к Анапе вели удобные подходы. Ближе

крепость «рассмотреть» не удалось, поскольку турки открывали с вала пушечный огонь по группам русских всадников, среди которых «скрывался» под драгунским плащом генерал-аншеф.

Генеральный штурм был назначен на 21 июня 1791 года. Диспозицией командующего «к проведению атаки на крепость Анапу» экспедиционные войска делились на четыре штурмовые колонны силой по 800 штыков каждая, с двумя частными резервами по 600 человек и одного общего резерва в две тысячи штыков и сабель. При общем резерве находилось 16 полевых орудий.

Первой (левофланговой) штурмовой колонной командовал полковник Чемоданов. Ей предписывалось собраться для построения у самой крайней осадной батареи капитана Нелюбова. По диспозиции колонне предстояло атаковать крепостную батарею на «кургане» — приметной возвышенности у самого берега моря в черте города.

Колонне полковника Самарина, четвертой по счету и состоявшей преимущественно из мушкетеров Нижегородского полка, ставилась задача атаки средних крепостных ворот и овладения подъемным мостом. В случае успеха русские резервные войска по опущенному мосту могли беспрепятственно ворваться в Анапу.

Двум другим штурмовым колоннам — второй полковника Муханова и третьей полковника Келлера — не указывалось ясно определенной точки направления приступа. В диспозиции говорилось, «что вторая колонна держится от первой в полтораста шагов, третья от первой в двухстах».

В диспозиции от штурмовых колонн требовалось, что «когда они взойдут на крепостной вал, строиться на валу, стараясь овладеть батареями». То же самое требовал в своей измайльской диспозиции от «чудо-богатырей» генерал-аншеф А. В. Суворов-Рымникский. Общее командование первыми двумя колоннами осуществлял генерал-майор Булгаков, двумя другими — генерал-майор Депрерадович. Каждый из них имел в своем распоряжении частный резерв. Схожее распределение ролей было и в суворовской экспозиции на штурм Измаила.

Войска Таврического корпуса составили пятую штурмовую колонну в 1300 человек (вместе с частным резервом). Командовал ею полковник Апраксин. По диспозиции этой колонне предписывалось следовать правым берегом реки Бугур и овладеть ближайшими городскими воротами со вторым подъемным мостом. Счита-

лось, что штурмовая колонна Апраксина в ходе приступа наносит отвлекающий, или, как тогда говорили, «фальшивый», удар.

Двумя частными резервами командовали подполковник Лебедев и премьер-майор Веревкин. Им указывалось в диспозиции идти вслед штурмующим. Частные резервы сразу вводились в дело в двух случаях: при неудаче первого приступа и для развития атакующих усилий уже по ту сторону крепостной ограды.

Гудович приказывал большому, то есть общему, резерву, «при котором остались все знамена ведущих штурм», построиться впереди осадного лагеря, «противу среднего каре», и ожидать приказаний командующего. Командовал общим резервом бригадир Поликарпов, столь решительно действовавший в бою на реке Нарисуху.

В диспозиции не забывалось и о том, что в тылу осадного лагеря, в горном лесу таился многочисленный неприятель. Удар с тыла мог внести расстройство в ряды штурмующих. Поэтому Гудович сформировал специальный отряд для отражения ожидавшегося вражеского удара с близлежащих гор. Численность его определялась в 4144 человека. Защищать тыл поручалось генерал-майору Загряжскому.

Для охраны походного вагенбурга оставлялось 326 стрелков с семью пушками. Но они могли вступить в дело только в том случае, когда неприятельская атака с гор могла развиваться успешно.

В итоге из 12 170 человек, составлявших боевую силу экспедиционных войск, на приступ Анапской крепости отряжалось только 6400 штыков и сабель, то есть немногим больше половины. Выделить большее количество бойцов генерал-аншеф Гудович не мог: не позволила обстановка. Под Анапой русские оказались как бы между двух огней — со стороны крепости и со стороны гор, благо еще то, что не подошел султанский флот.

Войска начали выстраиваться впереди походного лагеря тогда, когда вечерняя заря уже догорала. Солдаты, казаки и офицеры за день проверили личное оружие. В палатках и шалашах оставлялось все лишнее, что могло помешать в бою. С наступлением полной темноты штурмовые колонны и частные резервы двинулись на сборные пункты, соблюдая полную тишину и должный порядок. От скрытности хотя бы начальных передвижений зависело многое в предстоящем приступе. В первую голову — внезапность нападения на вражескую крепость.

Колонна тавричан полковника Апраксина шла вперед вдоль морского берега и сумела скрытно подойти совсем близко к крепости. Ее частный резерв пока оставался в строю перед осадным лагерем.

Ровно в полночь по приказу командующего осадные батареи открыли интенсивный огонь, метая в крепость бомбы. Под грохот артиллерийской канонады штурмовые колонны придвинулись к Анапе еще ближе. Орудийная пальба стихла также по команде. Через час-другой османы успокоились и снова стали устраиваться спать. Но Мустафа-паша повелел оставить на валу густую цепь часовых, а на батареях — бодрствующие орудийные расчеты.

За полчаса до рассвета со всех осадных батарей снова открыли беглый огонь. Огневой налет на фоне восходящего за Кавказскими горами солнца стал сигналом к общей атаке. Штурмовые колонны в полном молчании устремились на приступ.

В анапском гарнизоне в ту ночь, по всей видимости, не ожидали генерального штурма. Вне крепости даже не были выставлены сторожевые пикеты. Однако Мустафа-паша, умудренный опытом, все же решил поостеречься. По его приказу с наступлением темноты впереди главных городских ворот укрылись в засаде человек 200 пехотинцев.

Вражеская засада на войне вела себя на редкость беспечно, поскольку подобравшиеся к ней в ночной темени русские егеря в одну минуту перекололи турок штыками без единого (!) выстрела с их стороны. Османы, сидевшие в засаде, в прямом смысле проспали и нападение противника, и собственные жизни.

Колоннам атакующих удалось беспрепятственно и скрытно подойти к крепостному рву. Условным сигналом для начала штурма стал мушкетный выстрел. Только тогда осажденные узрели перед собой смертельную опасность. Часовые на валу подняли тревогу, которая перекинулась в город. Гарнизон во всем своем множестве поспешил на крепостной вал.

По штурмующим с вала осажденные повели все усиливающийся ружейный огонь, который, впрочем, из-за темноты особой меткостью не блистал. Тем более что стрельба велась в большой спешке. Скоро ударили крепостные батареи, и над головами атакующих засвистели ядра и картечь.

Яростная пальба с вала и бастионов не помешала штурмовым колоннам спуститься в крепостной ров там, где это было возмож-

но, без лестниц, которые требовались для восхождения на вал. Его внешний обвод отличался большой крутизной и взойти на него можно было только по приставным лестницам.

Левифланговая колонна полковника Чемоданова раньше других подошла к крепости и спустилась в ров. Впереди шли егеря, ведомые в бой капитаном Добросклонским. Однако колонне с первых минут схватки за вал пришлось туго: с батареей и кавальеров повелся жестокий огонь в упор. Все же подчиненные с большими потерями взошли на вал, в штыковых схватках захватив вражеские батареи, заставив их замолчать.

В числе первых взошли на вал капитан Воронежского полка Митякин и капитан Владимирского полка Чичагов. С крепостной стены было сброшено турецкое знамя. Командир штурмовой колонны бесстрашный полковник Чемоданов в самом начале боя получил три ранения и был вынужден передать командование колонной подполковнику Лебедеву, подоспевшему в трудную минуту с частью резерва.

Еще более сильное сопротивление встретила вторая колонна полковника Муханова, составленная из спешенных драгунских эскадронов. Все же драгуны ворвались на вал и захватили несколько стрелявших орудий. Подоспевший на помощь частный резерв из Нижегородского драгунского полка (едва ли не самого прославленного в российской армии и в ходе кавказских войн) дружным ударом захватил соседнюю батарею, орудийные расчеты которой бежали в город.

Когда стало светать, спешенные драгуны уже очистили от османов свой участок крепостной ограды и, спустившись с вала вниз, завязали бой в самой Анапе. Вторая штурмовая колонна взошла на вал, пожалуй, раньше других колонн.

Третья штурмовая колонна полковника Келлера атаковала самое сильное анапское укрепление — бастион левее средних крепостных ворот. Атакующие понесли здесь самые большие потери и под огнем были вынуждены задержаться во рву. Полковник Келлер получил тяжелое ранение и выбыл из строя. Руководство приступом взял на себя премьер-майор Веревкин, который вовремя подоспел с частным резервом. Штурм бастиона продолжился: под ружейным огнем солдаты по лестницам все лезли и лезли вверх.

Когда они взошли на вал, бастион уже находился в руках атакующих из колонны полковника Самарина, подоспевших на по-

мощь. Начало приступа отметились большим числом убитых и тяжелых ранений среди офицеров, которые по традиции русской армии еще с петровских времен шли в бой впереди своих подчиненных.

Менее удачными оказались действия колонны тавричан. Полсотни егерей, посланных для «диверсии» на лодках, рано открыли стрельбу и переполошили турок, ночевавших на берегу моря еще до того, как колонна приблизилась к крепостному рву. Поэтому штурмующих в первую же минуту с крепостных верхов встретил дружный и сильный огонь. Когда началась пушечная стрельба, тавричане отступили.

Пока генерал-майор Шиц и полковник Апраксин наводили прежний порядок в колонне, от командующего прискакал посыльный. Гудович, наблюдавший за ходом приступа, изменил тавричанам направление атаки. Их егеря тем временем вели с лодок ружейную перестрелку.

Когда из всех четырех штурмовых колонн пришли донесения об овладении валом и батареями на нем, генерал-аншеф усилил атакующих. Из главного резерва в бой под начальством бригадира Поликарпова пошли шесть сотен пехотинцев и три драгунских эскадрона.

Пока опускался подъемный мост у средних городских ворот, драгуны, подскакавшие к ним, спешили. Плотной колонной кавалеристы, оцетинившись штыками, ворвались по мосту в крепость. Их натиск оказался настолько неудержимым, что османы оказались потесненными до самого центра города.

Мустафа-паша старался не терять нити управления битвой за Анапу. Он бросил всех имевшихся у него под рукой людей против русских драгун, которые прорвались дальше всех штурмующих. В центре города завязался нешуточный рукопашный бой, в котором драгуны дрались почти в окружении. Всюду шла частая ружейная пальба, люди дрались штыками и прикладами, шашками и ятаганами, кинжалами.

Бригадир Поликарпов сумел дать знать командующему о непредвиденной задержке продвижения вперед из центральных городских кварталов. Гудович направил в крепость всю остававшуюся в главном резерве кавалерию. Это было рискованное решение, но в противном случае османы могли истребить драгун. Тем более что вражеские орудия с правой части вала еще вели огонь.

Истомившиеся в ожидании приказа владимирцы, нижегородцы и астраханцы по опущенному мосту влетели в крепость. Часть их сразу же спешила, а другие продолжили атаку в конном строю. Драгунский эскадрон владимирцев капитана Васильева налетом взял еще стрелявшую неприятельскую батарею. Поручик Доможиров быстро развернул захваченные пушки и стал осыпать толпы неистовавших султанских воинов картечью. Благо зарядов на батарее оказалось много и беречь их не приходилось.

Эскадрон Владимирцев капитана Гладкого и эскадрон Астраханцев офицера Пишчевича пронесли по улицам города до самого берега моря. Драгуны клинками поражали всех, кто пытался встать у них на пути. С этой минуты то там, то здесь осажденные стали, бросая оружие, сдаваться в плен. И в это же время в крепость ворвалась через открытые ворота пятая штурмовая колонна, состоявшая из мушкетеров Брянского полка и спешенных казаков. Тавричане частью сил и довершили очищение вала от неприятеля.

Теперь натиск штурмующих в сторону морского берега стал общим. Как говорилось в победной реляции, враг «бежал и топился в море». Анапский гарнизон мог отступать только к береговой черте. Когда уже рассвело — около пяти часов утра, генерал-аншеф отправил в бой свой последний резерв — четыре сотни егерей с несколькими орудийными расчетами и кавалерийский эскадрон, который он взял из отряда генерал-майора Загряжского.

Свежие егерские роты и стали той последней каплей в сражении за Анапу в победной чаше русских. Новым атакующим ударом враг «был совершенно побит, начал бросать ружья, сдаваться в плен и кричать «Аман»». Героизм и жертвы русских войск не привели бы, быть может, к такой блестящей победе, если бы не одно обстоятельство. Генерал-аншеф Гудович не случайно распорядился оставить в тылу у штурмующих колонн более трети штыков и сабель. С гор спустились черкесы и турки, вознамерившиеся нанести удар в спину атакующим.

Еще в самом начале битвы за Анапу горцы, видимо надеявшиеся на легкую добычу, напали на вагенбург с целью разграбления обозных повозок. Но ночное нападение стрелки отбили. Отряд же генерал-майора Загряжского неприятель не беспокоил до самого рассвета, находясь, очевидно, в полном неведении о том, как идет штурм крепости.

Когда совсем рассвело, с гор невооруженным глазом можно было увидеть, что жаркий бой идет уже в самом городе. Тогда союзники Мустафы-паши, численностью до восьми тысяч человек, устремились к Анапе. Но на их пути встал заслон из гребенских и терских семейных казаков. Они, не теряя присутствия духа, спешили и приняли бой на шашках. Терцы устояли, хотя и потеряли в схватке пятую часть казаков убитыми и ранеными.

Видя вероятность прорыва многотысячного отряда горцев в тыл штурмующим, бригадир князь Щербатов начал выдвигать им навстречу беглым шагом пехоту. Та изготовилась для штыкового удара. Одновременно на помощь терцам поспешили три эскадрона Таганрогского драгунского полка. Драгуны подполковника Львова в плотном строю опрокинули пешего неприятеля и заставили его искать укрытия в горном лесу.

Однако горцы и турки снова пошли в атаку из леса, прикрывшись огнем нескольких легких пушек. Только теперь они атаквали в другом месте. Уловив начало такого маневра, генерал-майор Загряжский отправил в штыковую контратаку пехотинцев подполковника Спешнева. После непродолжительного рукопашного боя нападавшие вновь отступили в горный лес. После этого они выходили из него еще не раз: горцы храбро рвались в бой с шашками и кинжалами, но после удара русской пехоты в штыки отступали.

Пока на лесной опушке проходили большие и малые рукопашные схватки, сама турецкая крепость сдалась. Сражение за Анапу завершилось тем, что остатки ее гарнизона русская конница загнала в море. Стоя по горло в воде, даже самые воинственные фанатики кричали теперь только одно-единственное слово:

— Аман! Аман! Аман!..

Так пала самая крупная крепость Османской Порты на черноморском побережье Кавказа. Победителям достались богатые военные трофеи: 83 пушки, 12 мортир, 3 богато украшенных драгоценными камнями булавы — знаки генеральской власти в султанской армии и более 130 различных знамен и отрядных значков. Большинство из них оказались разорванными знаменосцами. Из целых отобрали 43 наиболее ценных и отправили в потемкинскую штаб-квартиру.

Трофеями стало и личное оружие 25 тысяч гарнизонных турок и их союзников из ближних мест Черкесии. По всему городу в огромные кучи складывались тысячи ружей и пистолетов, сабель и

шашек, ятаганов, пик, кинжалов, пороховниц и прочей воинской амуниции. На многочисленных крепостных складах нашлись изрядные запасы провианта. Уцелели и гарнизонный пороховой погреб, и склад артиллерийского боезапаса. Выставленным около них караулам довелось пресечь не одну попытку поджечь и взорвать их.

Наличие больших запасов в Анапской крепости свидетельствовало о том, что ее многочисленный гарнизон с сильной артиллерией мог держаться долго и без помощи со стороны моря.

Османе потеряли при штурме только убитыми до восьми тысяч человек. Почти столько же утонуло в море, пытаясь добраться до стоявших на рейде турецких судов. Спасти же таким способом удалось только одной-двум сотням людей. Причиной было то, что корабельные экипажи в страхе поднимали якоря и ставили паруса, стремясь как можно скорее уйти в открытое море. Турки боялись, что победители начнут палить из трофейных пушек. Днем на виду Анапы уже не виделось ни одного паруса.

Из войска Мустафы-паши в плен сдалось 13 532 человека. Победителей числом было гораздо меньше. Пленных отправили через Тамань в Тавриду. Среди пленных оказалось все командование анапского гарнизона.

Среди пленников оказался и шейх Мансур, прозванный «лже-пророком». Это был человек, который организовал несколько нападений на Кавказскую пограничную линию и учинял расправы над теми, горцами, кто желал жить в мире с Россией. Под знаменами шейха Мансура был совершен налет на крепость Кизляр.

Мансура отправили в Санкт-Петербург. Там он предстал перед императрицей Екатериной II. Предводителя «немирных» горцев отправили в ссылку в Беломорье, в Соловецкий монастырь. Там он спокойно и умер от старости. К слову сказать, шейха взяли в плен не без труда. Он засел с 16 своими приверженцами в большой землянке и стал отстреливаться. Узнав об этом, Гудович приказал взять «лжепророка» живым и невредимым, что и было исполнено.

Анапская победа русскому оружию досталась ценой немалых потерь. В ходе штурма погибли 18 офицеров и 912 нижних чинов, а ранены, соответственно — 61 и 1924. Такие цифры приводились в победной реляции. Ведомость боевых потерь в отряде тавричан генерал-майора Шица не сохранилась.

Описывая впоследствии битву за турецкую крепость Анапа, И.В. Гудович, ставший уже генерал-фельдмаршалом, указал сле-

дующие потери среди своих кавказских войск. Как командующий, он свидетельствовал, что из 7200 участников победного штурма погибло в тот день 1240 человек, а еще 2415 получили ранения. Такую разницу можно объяснить следующим: много тяжелораненых (как это было под Измаилом) скончалось в последующие дни, а какая-то часть легкораненых в тот день не явилась в полковые лазареты на перевязку.

На следующий день после взятия Анапы генерал-аншеф отправил сильный отряд пехоты и кавалерии для овладения другой неприятельской крепостью — Суджук-Кале, стоявшей на берегу моря южнее. Но русский отряд нашел ее пустой и полуразрушенной. Турецкий гарнизон на судах бежал так поспешно, что «забыл» на крепостных валах три десятка орудий.

Гудович не видел никаких возможностей удержать Суджук-Кале в своих руках: она имела удобную бухту для стоянки больших кораблей и потому тогда в систему Кавказской пограничной линии «не вписывалась». Было приказано взорвать вражеским же порохом крепостные валы, а пушки заклепать и утопить в море. Отряд для их перевозки лошадей не имел.

...Султанский флот, имевший более тысячи артиллерийских орудий, опоздал к Анапе, подойдя к ней на третий день после падения крепости. Армада в несколько десятков вымпелов с десантом на борту встала на якорь на внешнем рейде. Османский флотоводец — капудан-паша еще не знал об участии «кавказского Измаила». К берегу пошло только три кирлангача — парусные суда для перевозки грузов и десантников, вооруженных малокалиберными пушками. С моря русский осадный лагерь не просматривался, да и Гудович приказал соблюдать возможную в таком случае маскировку.

Русские, не показываясь на берегу и не стреляя, терпеливо поджидали, когда суда подойдут на дальность верного картечного выстрела. К вечеру один кирлангач вошел в Анапскую бухту. С берега прокричали по-турецки приглашение от Мустафы-паши сойти на берег капитану. С кирлангача спустили шлюпку, которая пошла к берегу. Когда она оказалась на мелководье, из-за ближайших домов в воду бросились высокорослые гренадеры и взяли всех прибывших в плен. Сдался под наведенными орудийными стволами и экипаж кирлангача.

На султанском флоте все оставалось спокойным: на кирлангаче не нашлось человека, который бы выстрелом из пушки поднял

тревогу. Утром на турецких кораблях увидели жуткую картину. К бортам волнами прибило сотни трупов утонувших в ходе штурма османов и тех погибших воинов Мустафы-паши, которых Гудович приказал бросить в море. Причиной такого приказа стало то, что победители оказались не в состоянии в ближайшие дни захоронить такое огромное количество павших врагов. Погода стояла жаркая, и потому возникла реальная опасность возникновения эпидемических заболеваний.

Экипажи турецких кораблей сразу же взбунтовались и потребовали немедленного ухода прочь от Анапы. Капудан-паше пришлось подчиниться, поскольку всеми доступными мерами он не смог восстановить порядок на флоте. Поэтому речи о высадке десанта и артиллерийской бомбардировке крепости, захваченной русскими, уже не шло. Султанский адмирал приказал поставить паруса и взять курс на Босфор. Больше к берегам Черкесии он не возвращался.

Анапскую же крепость в той Русско-турецкой войне постигла участь Измаила. Она тоже перестала существовать как таковая. Сделано это было по приказу командующего генерал-аншефа И. В. Гудовича.

Пленные и солдаты срыли крепостную ограду до основания, «вернув» землю вала обратно в ров. Сам город предали огню. Из крепости вывезли орудия и сколько могли пороха и снарядов. Все это погрузили на суда, которые прислал из Тамани генерал-аншеф Каховский. Оставшиеся боеприпасы побросали в бухту и городские колодцы. Крепкие крепостные палисады обложили связками сухого тростника и подожгли. Подорвали батарейные позиции и гарнизонный каменный пороховой погреб.

Взятием Анапы — «кавказского Измаила» — и завершилась на Кавказе «Вторая екатерининская турецкая война». 29 декабря 1791 года был подписан Ясский мир, по которому река Кубань оставалась государственной границей России.

По мирному договору закубанские племена черкесов признавались независимыми от Османской Порты. Разрушенные до основания крепости Анапа и Суджук-Кале (как и дунайский Измаил) отходили обратно к Турции, но та принимала на себя ответственность (формальную) за дальнейшие вооруженные набеги горцев Черкесии на Кавказскую укрепленную пограничную линию.

Однако такое «высокое» обязательство Стамбула оказалось, как говорится, «вилами на воде писанным». Это показали все последу-

юшие русско-турецкие войны и особенно Кавказская война. Черкесия из планов султанского командования на новый вооруженный конфликт с Россией никогда не «выпадала».

За одержанную победу Ивана Васильевича Гудовича ждали полководческие награды. Императрица Екатерина Алексеевна державной рукой наградила генерал-аншефа за взятие Анапской крепости Военным орденом Святого великомученика и Победоносца Георгия 2-го класса и драгоценной шпагой, украшенной алмазами. В наградном орденском листе говорилось:

«Во уважение усердной службы, радения и точности его в исполнении предположений главного начальства, искусства и отличного мужества, оказанного им в походе со вверенным ему корпусом, отражая неприятеля, и при взятии штурмом города Анапы».

Так за будущим российским генерал-фельдмаршалом утвердилась слава большого полководца. Мерилом его боевой славы стала турецкая крепость Анапа — «кавказский Измаил» и укрепление Кавказской пограничной линии, которая с конца XVIII столетия до середины следующего века многократно испытывалась на прочность.

В отечественную историю Анапский поход русских войск вошел как начало боевых действий в Черкесии. На «закубанскую» область расселения кавказских горцев султанский Стамбул и его европейские покровители пытались опереться в четырех последующих войнах. Это — Русско-турецкие войны 1806—1812 и 1828—1829 годов, Крымская (или Восточная) 1853—1856 годов. И не только в эти военные годы.

Глава 7

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ К РОССИИ. ПАСКЕВИЧ-ЭРИВАНСКИЙ

Граница России с Персией в Закавказье на протяжении всей первой четверти XIX века оставалась «прозрачной» и потому спокойствия на ней не замечалось. Особенно там, где с Грузией граничило Эриванское ханство, вобравшее в себя большую часть земель Восточной Армении. Исторически вопрос о начале второй Русско-иранской войны был предрешен, вопрос стоял только о времени ее начала и о ее продолжительности.

Первая Русско-иранская война 1804—1813 годов закончилась подписанием Гюлистанского мирного договора. Тогда Фетх-Али-шах из династии Каджаров признал присоединение к России Грузии, Дагестана и ханств Северного Азербайджана. Однако персидский владыка всячески тянул с решением вопроса о разграничении пограничных земель в районе озера Гокча (ныне Севан), явно не желая уходить даже из малой части армянских земель.

В Санкт-Петербурге постарались предупредить назревавший военный конфликт и удержать шаха от «необдуманных» поступков. В Тегеран была послана дипломатическая миссия. Однако ее прибытие в персидскую столицу возымело обратное действие: восточный владыка и его окружение расценили дипломатический ход императора Николая I как свидетельство слабости России в военном отношении.

Полномочное посольство генерал-майора А.С. Меншикова, правнука знаменитого сподвижника Петра Великого, не добилось в Тегеране желаемых результатов. Более того, персы перехватывали все его письма в Тифлис, адресованные русскому главнокомандующему на Кавказе генералу от инфантерии А.П. Ермолову. Шах-

ские власти не желали и слушать о каком-то разграничении «их земель» у озера Гокча.

Пока шли переговоры, наследный принц Аббас-Мирза стягивал войска к границам российской Карабахской (Карабагской) провинции. Резервная шахская армия сосредотачивалась у Агара. Эриванскому сардару (он же и хан) было велено выступить первым.

В Тифлисе и на берегах Невы не случайно тревожились вероятностью большого военного конфликта с державой династии Каджаров. К 1826 году Персия, благодаря трудам английских военных инструкторов, реформировала свою армию под европейский образец. Численность регулярной пехоты теперь составляла 38,5 тысяч человек, а иррегулярной стало всего 5 тысяч человек. Конницы, преимущественно племенных ополчений, набиралось до 94 тысяч всадников, не считая особой охранной стражи Аббас-Мирзы. Полевая артиллерия насчитывала 42 орудия, которые обслуживали 910 солдат и офицеров. Но при этом, разумеется, о каких-то высоких боевых качествах этих войск говорить не приходилось.

В начале 1826 года можно было констатировать следующее. Персидскому шаху — «Превысочайшия и Прехвальныя степени, Великодержательную власть древнюю Великих Государей, Персидских Царей, приемшему, Магометанских Царей честью превосходящему, коего мудрость, правосудие и милосердие, подобно благотворным лучам солнца освещают, животворят и благодетельствуют наисчетному множеству народов, сильнейшему и могущественнейшему Персидского Государства Обладателю и многих народов на Восток, украшающему собой корону Царств, Его Величеству, Пресветлейшему Фет-Али-шаху Каджарскому» удалось создать армию, во много раз превышающую русские войска в Закавказье. Тех насчитывалось всего 10 тысяч бойцов, из которых на границе с Персией набиралось всего около трех тысяч человек.

При таком реальном соотношении сил шахская армия была вымуштрована британскими инструкторами, ассигнована сотнями тысяч английских фунтов стерлингов, снаряжена на европейский лад. То есть на этот раз русским войскам противостояла в качественном отношении совершенно иная сила шахской Персии.

В Тегеране не делали от своих покровителей большой тайны из планов войны с Россией. Командующий отцовской армией на-

следный принц Аббас-Мирза намеревался быстрым маршем вклиниться в Закавказье, захватить Тифлис и вытеснить русских из Грузии и Северного Азербайджана далеко за Кавказский хребет и даже за Терек. То есть речь шла о прежних планах, которые можно и было только назвать «наполеоновскими».

На что надеялись и рассчитывали в тот год в Тегеране? Надежды и расчеты строились на «видимой» слабости Российской империи. На Востоке вооруженное выступление тайных обществ декабристов восприняли как государственный переворот, который должен был ослабить северного соседа и надолго отвлечь его внимание от Кавказа.

... Война или иначе — схватка за Эриванское ханство началась без объявления войны «по-европейски» 19 июля 1826 года. Огромная регулярная 60-тысячная армия, сопровождаемая многотысячной иррегулярной конницей Аббас-Мирзы, подкрепленная войском владельца Эривани, перешла через пограничную реку Аракс и «распылилась» тысячами всадников по западной части Северного Азербайджана, став грабить сперва здесь, а потом и на сопредельных грузинских территориях. То есть какой-то определенной цели вторжения в действия персидских больших и малых ханов пока не просматривалось. Главный удар по пределам России виделся со стороны Карабаха.

Царский наместник на Кавказе генерал от инфантерии А. П. Ермолов, он же главнокомандующий русскими войсками, думается, ожидал такого «поступка» от шаха. Поэтому война какой-то неожиданностью для него не стала, и он приказал действующим войскам Отдельного Кавказского корпуса сходить к столице наместничества городу Тифлису. Однако по разным причинам этот приказ не смог вовремя дойти до всех полков в местах их квартирования и гарнизонов. Да и к тому же войск для действий в поле набиралось крайне мало.

Персидская конница пошла к городу Елисаветполю (бывшей и сегодняшней Гяндже) и отдельными отрядами появилась в Иверии, всего в 70 верстах от Тифлиса. Одновременно мусульманская конница Гассан-хана Эриванского стала разбойничать на востоке Грузии. Шахские войска при этом старались не ввязываться даже в скоротечные бои с русскими войсками, «употребляя весь свой воинский пыл» над жителями селений и небольших городков.

Когда сведения о событиях в Закавказье дошли до Санкт-Петербурга, император Николай I, еще не остывший после прошло-

годних декабрьских событий на Сенатской площади в столице, высказал свое высочайшее неудовольствие действиями заслуженного кавказского полководца. И потребовал от него самых решительных действий для «наказания персиян». Но для того, чтобы их «наказать», требовалась достаточная военная сила и что самое главное в той ситуации — доверие государя. А вот его-то у А.П. Ермолова и не было.

Ермолов был известен своим близкими связями со многими декабристами, слыл вольнодумцем и к тому же не поспешил с приведением к присяге на верность новому императору Николаю I кавказских войск. Последнее обстоятельство и решило его судьбу. При императорском дворе вдруг заговорили, что будто бы он сам спровоцировал войну с Персией, чтобы снискать себе новую славу. Из столицы на Кавказ срочно отправляется известный военачальник, герой Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенант Иван Федорович Паскевич, который уже успел стать любимцем нового всероссийского самодержца. На первый случай он имел должность «командующего войсками под главным начальством Ермолова».

Паскевичу предстояло заменить на посту тифлисского наместника «опасного» Ермолова, находившегося уже в опале. Тот, всерьез опасавшийся после восстания декабристов своего ареста, понял без лишних напоминаний безвыходность положения. И он написал императору прошение об отставке, которое, естественно, было сразу же удовлетворено. Поданное прошение лишь немного упредило события.

Еще до получения ермоловского письма 12 марта государь предписал начальнику Главного штаба генералу И.И. Дибичу объявить опальному вольнодумцу об отставке. Уведомляя своего наместника на Кавказе об отставке, самодержец писал ему:

«По обстоятельствам настоящих дел в Грузии, признав нужным дать войскам, там находящимся, особого Главного начальника, повелеваю Вам возвратиться в Россию и оставаться в своих деревнях впредь до моего повеления».

Речь шла и об отставке опального полководца, и его ссылке (правда, кратковременной) в деревню, то есть в имение на Орловщине в селе Лукьянчикове. Ермолов после получения отставки прожил в Тифлисе еще месяц, улаживая там различные дела. Ночью 3 мая он навсегда оставил Тифлис. Впереди его ждала царская опа-

ла и более тридцати лет вынужденного бездействия. Большую часть этих дней Алексей Петрович прожил в Москве, в своем доме на Пречистенском бульваре.

Увольнение в отставку такой неординарной личности, какой являлся Ермолов, не могло пройти бесследно для внимания российской общественности. Так, известный баснописец И.А. Крылов откликнулся на его отставку двумя баснями — «Конь» и «Булат». В первой из них говорилось о неумении плохого наездника использовать прекрасного боевого коня. Во второй басне рассказывалось о булатном клинке, заброшенном и ржавеющем без пользы делу.

«Гусарский поэт-партизан» Денис Давыдов в своих «Анекдотах о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове» писал следующее:

«...Прибыв в Москву, Ермолов посетил во фраке дворянское собрание: приезд этого генерала, столь несправедливо и безрассудно удаленного от служебного поприща, произвел необыкновенное впечатление на публику; многие дамы и кавалеры вскочили на столы и стулья, чтобы лучше рассмотреть Ермолова, который остановился в смущении у входа в залу. Жандармские власти тотчас донесли в Петербург, будто Ермолов, остановившись на супротив портрета Государя, грозно посмотрел на него!!!»

Впоследствии император Николай I попытался как-то «уладить» отношения с человеком, пользовавшимся необыкновенной популярностью в русской армии и обществе. В 1831 году в Москве состоялась личная встреча государя с опальным полководцем, назначенным членом Государственного совета. В 1837 году отставной А.П. Ермолов за прежние заслуги на ратном поприще был пожалован в генералы от артиллерии. В истории российской императорской армии это был редчайший случай, чтобы полководец имел два звания полного генерала — от инфантерии (пехоты) и от артиллерии.

...Планы, выстроенные в Тегеране, сразу же стали давать сбой. В первые дни главные силы наследного принца Аббас-Мирзы неудержимо продвигались в долину реки Куры к Елисаветполю, чтобы перерезать эту коммуникацию с Тифлисом и затем выйти к столице кавказского наместничества. Но на этом пути персидская армия совершенно неожиданно для себя столкнулась с неспасаемым сопротивлением гарнизона крепости Шуши. Расположенная на

высокой скале, она была неприступной и испокон веков являлась оплотом Карабаха. Но главной ее бедой оставалось отсутствие источника воды.

Персы осадили Шушу, в которую они не смогли ворваться с ходу. Осажденный гарнизон и население города при летней жаре оказались в тяжелом положении. 1300 русских солдат (девять рот егерей и один Донской казачий полк при четырех полевых орудиях) под командованием полковника Реута даже и не помышляли о сдаче крепости врагу.

Наследник шахского престола прислал коменданту Шушинской крепости ультиматум. Полковник Реут после его получения издал приказ по гарнизону, в котором писал:

«...Остаюсь совершенно уверенным, что всякий из моих товарищей до конца выполнит воинский долг перед Отечеством».

Еще официально не отправленный в отставку генерал от инфантерии А. П. Ермолов получил собственноручное императорское «Высочайшее предписание выступить немедленно против персиян». Оно было зачитано всему командному составу кавказских войск. В «Предписании» говорилось:

«С прискорбием читал Я донесение ваше, Алексей Петрович. Стало, не всегда добрые намерения венчаются успехом, и за скромность и миролюбие наше платят нам коварством.

Сколь не избегал Я войны, сколь не избегал оной до последней крайности, но не дозволю никогда, чтобы достоинство России терпеть могло от наглости соседей безумных и неблагодарных. Хотя надеюсь и полагаю, что происшедшие военные действия суть собственное нахальство Сардаря Эриванского, но в Государствах, столь благоустроенных, каково Персидское, можно, требуя удовлетворения, и самим оное себе доставлять; а потому, и предписать вам немедленно выступить против Эриванского Сардаря, и Эривань с его областью занять вами; вы и 15 тысяч Русских достаточный мне залог успехов.

Прочее увидите в предписании; одно здесь прибавлю: вы Христианский вождь Русский; докажите Персианам, что мы ужасны на поле битвы, но что мирный житель может найти верный покров и всегдашнее покровительство среди стана нашего...

Вам искренне доброжелательный
Николай».

Императорское «Предписание» прямо указывало на конечную цель войны для России — город Эривань и земли христианской Восточной Армении, находившиеся под персидским владычеством. То есть речь шла об обладании Эриванским ханством.

...Ермолов, как говорилось выше, больших воинских сил в Закавказье не имел. Но он сразу отправил к Елисаветполю отряд генерал-майора князя В.Г. Мадатова, который первым «открыл» боевые действия против главных сил шахской армии, оказавшейся уже у Шамхора. Туда же царский наместник отправил и Паскевича, прибывшего в Тифлис, хотя по плану ведения войны они сразу же «разошлись» во мнениях. Ермолов приказал николаевскому фавориту от Елисаветполя идти на выручку шушинскому гарнизону. Начальнику Главного штаба И.И. Дибичу (будущему генерал-фельдмаршалу Дибичу-Забалканскому) был отправлен рапорт:

«...Войска в команде Г. Генерал-Адъютанта Паскевича на сие предназначенные, состоят из двух батальонов Херсонского гренадерского полка, шести рот Грузинского гренадерского, шести рот 7-го карабинерского, одного батальона Ширванского пехотного, и одного батальона 41-го егерского полков, Нижегородского драгунского полка, 700 Донских Казаков и артиллерии 16 батарейных и 8 легких орудий. При войсках будет находиться Грузинской конницы до 600 человек.

В настоящих обстоятельствах действия против Аббас-Мирзы есть важнейший предмет, и по числу войск, которыми могу я располагать, я употребил на оный все возможные средства...»

Когда Паскевич соединился с Мадатовым, большое сражение еще не предполагалось. Русское войско у Елисаветполя теперь насчитывало около 7 тысяч человек при 22 орудиях. Оно не шло по численности даже в примерное сравнение с персидской армией. Три дня ушло на заготовление провианта, производство «примерных» маневров для боя. Немногочисленную пехоту разделили на 13 полубатальонов для лучшего управления ею в случае полевой батальи.

Выступление к Шуше было назначено на 9 часов утра 13 сентября. Но ночью в русский лагерь прибыли два армянина. Один из них служил переводчиком русского языка у Аббас-Мирзы. Они сообщили, что наследный принц, собрав армию воедино, двинулся на Елисаветполь.

Теперь сражения было не миновать. Паскевич приказал выступить навстречу подходившей вражеской армии, чтобы не дать ей возможности избежать столкновения. Боевые порядки русских выстроились в три линии; имелся небольшой резерв. В первой линии в атакующих колоннах расположились 4 полубатальона егерей и пехотинцев Ширванского полка с 12 орудиями. Во второй встали 4 полубатальона карабинеров и гренадеров Грузинского полка. Третью боевую линию составил прославленный Нижегородский драгунский полк.

На флангах первой линии встали два Донских казачьих полка и иррегулярная конница грузинского и азербайджанского ополчений. На флангах второй линии — два полубатальонных кара с двумя орудиями в каждом. Резерв состоял из трех полубатальонов Херсонского гренадерского полка и 6 орудийных расчетов.

Противники встретились в семи верстах от Елисаветполя. Место встречи и стало полем брани дня 13 сентября 1826 года. По случайности сражение разыгралось вблизи могилы знаменитого поэта древнего Востока Низами.

Аббас-Мирза имел в Елисаветпольском сражении 15 тысяч регулярной пехоты и 20 тысяч конницы, то есть имел 5-кратное превосходство в силах. Персидская артиллерия состояла из 25 орудий, не считая большого числа малокалиберных фальконетов, возимых на верблюдах. Почти вся пехота стояла в центре боевого порядка. На флангах наследный принц расположил 6 батальонов сарбазов и конницу. Артиллерия расположилась равномерно по всей линии. Армейские тяжести, чтобы они не мешали походному движению, было приказано оставить за Тертером.

Наследник шаха начальствовал над всей армией и ее центром. Правым флангом командовал его старший сын Магомед (ставший впоследствии правителем Персии), левым — шахский зять Аллаяр-хан.

Еще не успели русские войска остановиться, а их артиллерия произвести первые выстрелы, как персидская армия начала общую массированную атаку, с явным расчетом решить исход битвы одним ударом. Со стороны атака выглядела внушительно: 18 батальонов сарбазов, подойдя в неровных линиях к противнику, открыли ружейный огонь.

Паскевич действовал смело, приказав полубатальонам ширванцев, грузинцев и егерей ударить в штыки. Их удар поддержал

дивизион драгун-нижегородцев. Шахская пехота оказалась разбитой и, преследуемая буквально по пятам, стала отступать. Так уже в самом начале сражения вражеский строй оказался разорванным.

Но именно в такой, казалось бы победной, ситуации и наступили критические минуты. Персидская конница и фланговые пехотные батальоны стали обтекать русский строй с флангов. Но и тут генерал Паскевич проявил завидную распорядительность. Он взял из резерва батальон херсонских гренадер, 4 орудия и дивизион драгун, выдвинув эти силы влево. Неприятельское «покушение» было отбито в первой же схватке.

Однако на правом фланге ситуация складывалась гораздо опаснее. Здесь конница персов стала всей своей массой теснить чуть более полтысячи казаков и кавказских ополченцев в сторону Елисаветполя. Неприятельские же пехотные батальоны сильно напирали на две роты херсонцев и дивизион драгун-нижегородцев. Те с трудом отбивались, удерживаясь на занимаемой позиции.

Тогда генерал-лейтенант Паскевич решился на рискованный маневр в ходе битвы. Три правофланговых полубатальона карабинеров получили приказ зайти неприятелю в тыл и «пресечь их сообщения». Такие действия оказались на редкость удачными: враг, не упорствуя, начал отходить к близлежащим горам, рассеиваясь в них. Это был новый успех, и два полубатальона гренадер-херсонцев пошли в преследование, погнав перед собой врага ударами в штыки.

Теперь шахские воины думали только о собственном спасении. Их преследование вели отряженные легкие силы генерала Мадатова. Ему удалось на курганах окружить часть неприятельской пехоты, которая несколькими картечными выстрелами была принуждена к сдаче в плен. Преследование велось на расстоянии 12 верст, после чего вследствие усталости людей и лошадей прекратилось.

В непродолжительном Елисаветпольском сражении персы потеряли до двух тысяч человек убитыми и ранеными, 1100 — пленными. Победителям достались два походных лагеря, четыре знамени, одно орудие и один фальконет, 80 зарядных и патронных ящиков. Остальную артиллерию персы заблаговременно увезли благодаря тому, что шахские пушкари в атаку не ходили. События дня свидетельствовали о том, что решительных целей на битву Аббас-Мирза не строил, решив в ней не упорствовать.

Потери победителей оказались небольшими: убито три офицера (среди них известный своей храбростью батальонный командир ширванцев подполковник Греков) и 43 рядовых. Ранено 9 офицеров и 240 нижних чинов.

Елисаветпольская победа дала генерал-лейтенанту И.Ф. Паскевичу славу полководца: 7 тысяч русских разбили 35 тысяч персов, «образованных по примеру европейскому». Он был награжден Золотым оружием — шпагой, украшенной бриллиантами, с надписью: «За поражение Персиян при Елисаветполе». Почти сразу же Паскевич получил производство в генералы от инфантерии.

Следствием Елисаветпольского сражения стало то, что армия наследного принца Аббас-Мирзы на какое-то время перестала существовать: он укрылся за пограничной рекой Аракс с одной артиллерией и личной охраной. Его же пехота и конница разбежалась в горном краю, «самостоятельно» пробираясь в последующие дни на ту сторону Аракса.

Оправившись, Аббас-Мирза возобновил военные действия. Во время набега на Карабах персы увели к себе 600 семей местных кочевых жителей с их стадами. Одновременно шахские «агенты возбудили волнения в Ширванском ханстве», которые были подавлены присутствием военной силы.

Тогда Паскевич во главе сильного отряда неожиданно для неприятеля перешел Аракс у селения Марельян. «Демонстрация» удалась: Аббас-Мирза сразу же отступил от границы к Ардебилю, прикрывшись конными заслонами. Русские обратили их в бегство, но заходить далеко на иранскую территорию не стали. Было отбито до пяти тысяч голов скота, которые пошли на «мясные порции» войскам.

Через неделю поисковый отряд вернулся на свою территорию, перейдя Аракс уже в другом месте. Угнанные карабахские кочевники воспользовались случаем и возвратились домой. Персидские отряды, которые разбойничали в Карабахской, Ширванской и Шекинской провинциях, сочли за благо побыстрее удалиться из них. На этом и закончилась, собственно говоря, кампания 1826 года...

Военная кампания следующего года началась в марте месяце, когда персы возобновили грабительские набеги на сопредельную сторону. Император Николай I потребовал от нового наместника и главнокомандующего на Кавказе начать поход на Персию безог-

лагательно. Но стояла весенняя распутица, провиант и обозы еще только собирались.

Все же, выполняя волю государя, Паскевич двинул в Эриванское ханство авангардный отряд под командованием генерал-адъютанта К.Х. Бенкендорфа (родного брата А.Х. Бенкендорфа). Тако-го «шахматного хода» противной стороны персы явно не ожидали. Русские, перенеся все тяготы горного пути, в середине апреля заняли древний армянский город Эчмиадзин и знаменитый Эчмиадзинский монастырь, стоявшие на подступах к Эривани.

Чтобы прикрыть земли Северного Азербайджана от грабительских налетов с территории Южного Азербайджана, царский наместник расположил на Араксе отряд под командованием опытного кавказского генерала Н.П. Панкратьева. Такая мера оказалась достаточно действенной для разбойных шаек: их набеги резко сократились.

Главноуправляющий на Кавказе вошел в сношение с бывшим владельцем Карабаха Мехти-Кули-ханом, удалившимся в Персию еще в 1822 году. Хан этот, опасный своими набегами, кочевал с тремя тысячами семейств и мог во всякое время выставить до четырех тысяч вооруженных всадников. Он принял предложение Паскевича перейти в подданство России и под прикрытием русских войск переселился обратно в Закавказье.

...Обезопасив таким образом свои тылы, Паскевич в начале мая во главе 15-тысячного корпуса, совершив быстрый марш-бросок в горах, соединился со своим авангардным отрядом, который расположился уже под стенами Эривани. Началась блокада крепости; на берегу реки Занги стали возводить батареи. Но прибытие крупнокалиберной осадной артиллерии из России ожидалось только в сентябре.

Паскевич в новой военной кампании воспользовался ермоловским планом, поняв, что без взятия Эривани поход в Персию, на столицу Южного Азербайджана город Тавриз невозможен. Эриванский гарнизон был силен, мог ударить и в спину, и прервать коммуникации с Грузией. Поэтому новому царскому наместнику пришлось согласиться с доводами своего гораздо опытного предшественника, которые ранее им оспаривались.

Суть ермоловского плана состояла в следующем: не задерживаясь под стенами сильной крепости, для начала просто блокировать ее, притом как можно плотнее и небольшими отрядами. Глав-

ным же русским силам неуклонно двигаться вперед, стремясь разгромить в поле главное вражеское войско. А затем уже заняться осадой и подготовкой штурма Эривани. К тому же 40-градусная летняя жара, случавшаяся летом в Араратской долине, могла превратить осадные работы в настоящую пытку для солдат-землекопов, лишенных к тому же, как правило, и крыши над головой.

Отчасти Паскевича убедил в правильности ермоловского плана ссыльный декабрист, бывший гвардейский капитан Михаил Пущин. Он отменно знал осадное дело, и потому наместник назначил его главным «техническим» руководителем подготовки будущего штурма Эриванской крепости. Пущин заменил в должности инженера осадных войск нерадивого полковника Литова.

Блокада Эривани была поручена генерал-майору Красовскому. Ему приказывалось удерживать главную позицию в горах около селения Джангули, где свежий воздух благоприятствовал здоровью людей. Такое расположение позволяло прикрывать Эчмиадзинский монастырь, где находились войсковые запасы и госпиталь для больных и раненых. При этом надежно защищались дороги в Грузию. Сам же Паскевич с главными силами двинулся в поход на юг, по долине Аракса, чтобы взять Нахичевань и крепость Аббас-Абад.

Одновременно генерал-майору Панкратьеву, чей отряд располагался на «левом фланге фронта», было приказано защищать коммуникации и препятствовать набегам Магмет-мирзы. Тот стоял за Араксом, имея под своим начальством 12 тысяч шахских войск, преимущественно племенной конницы.

20 июня главные силы русских сосредоточились на речке Гарни-чай, в 50 верстах от Эривани. Паскевич разбил их на две походные колонны. Первой командовал генерал-майор князь И.М. Вадбольский, второй — генерал-лейтенант князь Г.Е. Эристов. Авангардом по-прежнему начальствовал генерал-адъютант Бенкендорф.

В поход через Нахичевань к Аббас-Абаду войска выступили 31 июня. Жара доходила до 43 градусов на солнце, поэтому переход в 72 версты был проделан за шесть дней. Колонны двигались по выжженной полупустыне, с большими обозами и артиллерийскими парками. Дело с питьевой водой обстояло плохо. Но кавказцы, имея на плечах всю походную амуницию, шли бодро, с песнями.

26 июня авангард занял Нахичевань. На противоположном берегу Аракса показался отряд вражеской конницы числом до трех

тысяч всадников, которым командовал Наги-хан. Но несколько метких пушечных выстрелов заставили персов уйти с речных берегов в горы. Нахичеваньские кочевники вместе со своим Эсан-ханом приняли подданство России. У них на провиант было закуплено несколько тысяч голов рогатого скота. Заинтересованное в хорошей плате серебряной монетой, местное население стало поставлять в походный лагерь и другие съестные припасы. Лагерь расположили по течению родника Нахи, славившегося чистотой воды.

К крепости Аббас-Абад русские подступили 1 июля. В первую же ночь были отрыты осадные траншеи и возведено несколько батарей, вид которых на рассвете привел в изумление вражеский гарнизон, состоявший из двух батальонов пехоты. Крепость возводилась под руководством английских фортификаторов и примыкала к Араксу. Ее ров имел ширину в шесть метров и глубину более четырех метров, хорошо простреливался с флангов.

Пришедший в себя неприятель начал частую стрельбу по осаждавшим. Это сразу же помогло русским пушкарям: выстрелы выказали орудийные амбразуры. Паскевич приказал подавить огонь крепостной артиллерии и одновременно пробить брешь в стене, там, где она виделась тоньше. К вечеру пушки персов замолчали. Русские придвинулись к крепости еще ближе, устроив осадную батарею прямо перед одним из бастионов Аббас-Абада.

Поставленные на батарейные позиции осадного полуколысца 24 орудия продолжали громить вражескую крепость. Ее стена во многих местах обрушилась. Вскоре появилась огромная брешь, которую персы по ночам уже не успевали заделать. Но шахский гарнизон упорствовал, надеясь на скорую помощь от Аббас-Мирзы.

Действительно, уже вскоре наследный принц, собрав в Хое 16-тысячное войско, показался перед русским авангардом. Тогда генерал от инфантерии Паскевич, оставив в осадном лагере часть сил, двинулся навстречу Аббас-Мирзе. Он взял с собой для битвы всю кавалерию, 8 батальонов пехоты и всего несколько полевых орудий. Едва форсировав реку Аракс, русские оказались под ударом шахской конницы. Однако драгуны, уланы и казаки-донцы отразили конную лаву, а подоспевшая пехота вынудила ее уйти с речного берега.

Аббас-Мирза не ожидал, что противник нападет на его походный лагерь. Но русские, совершив по каменистому руслу марш-

бросок в 15 верст, неожиданно обрушились на персов и обратили их в «полное» бегство. Отличились нижегородские драгуны, которые в преследовании захватили два шахских знамени, на одном из которых красовалась многозначительная надпись: «Победное».

Этот бой вошел в историю войн на Кавказе, как дело у ручья Джеван-Булак. Персы потеряли только убитыми до 400 человек, среди которых оказалось трихана Каджаров, шахских родственников. Победителям, потерявшим трех офицеров и 38 нижних чинов, в качестве почетного трофея досталось любимое драгоценное ружье Аббас-Мирзы вместе с его оруженосцем. Сам наследный принц на резвом иноходце сумел уйти от преследовавших его донских казаков.

После победы у ручья Джеван-Булак отряд Паскевича вернулся к Аббас-Абаду. Ее гарнизон узнал о поражении шахского наследника отпущенного знатного пленника. Комендант крепости сардар Магмет-Эмин-хан попытался схитрить, запросив три дня на размышления. Под вечер персидский гарнизон капитулировал.

Церемония капитуляции состоялась в семь часов утра 7 июля. Оружие сложили 2700 человек. Трофеями победителей стали 23 орудия. После торжественного молебна из них был произведен победный 101 пушечный выстрел. После войны император Николай I подарит наследному принцу Аббас-Мирзе все трофейные орудия Аббас-Абадской крепости. Немалое удивление победителей вызвал вид одного из бастионов: огромная брешь в нем была заложена большими мешками бумаги из хлопчатника.

За крепость Аббас-Абад генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич удостоился ордена Святого Владимира 1-й степени.

...Русские войска в главных силах вернулись под Эриванскую крепость. За время их отсутствия там произошли серьезные события. Сперва местный Гассан-хан совершил сильную вылазку и попытался овладеть Эчмиадзинским монастырем. Но ничего путного у него из этой затеи не вышло. Тогда он запросил скорой помощи у Аббас-Мирзы. Тот действительно быстро пришел на помощь осажденным, имея 10 тысяч пехоты и 15 тысяч конницы при 22 орудиях. Персы обошли стороной русский осадный лагерь и расположились у селения Аштарак на Эчмиадзинских равнинах. Эриванский гарнизон вторично подступил к монастырю.

Отряд генерал-лейтенанта Красовского оказался в крайне затруднительном положении. Требовалось срочно помочь Эчмиадзи-

ну, но дорогу к нему перекрыла неприятельская армия, занимавшая к тому же крепкую позицию между обрывистым берегом речки Абарони и горой Алагез. Это не смутило Красовского, и он смело пошел на выручку осажденному Эчмиадзинскому монастырю.

Он мог взять с собой всего лишь около двух с половиной тысяч бойцов: четыре пехотных батальона, пять сотен казаков и 12 орудий. Однако за ночь русский отряд, двигавшийся по узкой горной дороге, не успел миновать вражескую позицию. Утро застало его у входа в ущелье вблизи селения Аштарак. Аббас-Мирза уже поджидал противника на противоположном речном берегу.

В надежде пробиться через вражеский заслон генерал-лейтенант Красовский приказал продолжить движение. Персы позволили русским втянуться в ущелье, после чего открыли с фланга губительный огонь из всех своих 22 орудий. Одновременно их многотысячная конница зашла в тыл русскому отряду: так кавказцы оказались в окружении. Завязался кровопролитный для обеих сторон бой.

Русским, обремененным большим обозом и артиллерией, оставалось только одно — пробиваться вперед. Отряд Красовского пробился к Эчмиадзинскому монастырю дорогой ценой, потеряв убитыми и ранеными половину своего состава и почти весь обоз. Но к нему на выручку уже, поспешая, подходили главные силы Паскевича. Узнав об этом, Аббас-Мирза сразу же отступил от Эривани к реке Аракс, остановившись походным лагерем у замка Каракалы. 5 сентября кавказский главнокомандующий прибыл в Эчмиадзин. Там уже находилась осадная артиллерия, прибывшая наконец-то из России.

...Началась «правильная» осада Эриванской крепости. Сперва Паскевич решил овладеть Сардар-Абадом — преддверием Эривани, в котором затворился двухтысячный ханский гарнизон. Он засел за крепкими, почти всюду двойными стенами. 13 сентября осаждавшие стали подводить к нему через обширный сад траншеи. Заметив это, персы совершили вылазку и стали вырубать сад, но их загнали обратно за крепостные стены картечью.

14 сентября подтянутая к Сардар-Абаду осадная артиллерия открыла огонь. В ходе бомбардировки рухнула одна из башен, образовалось несколько больших брешей. 19 сентября из крепости вышел ханский парламентар, просивший три дня на раздумья. Ему дали 24 часа, угрожая в противном случае штыковой атакой. С на-

ступлением ночной темени Гассан-хан сумел улизнуть через противоположные к русскому лагерю ворота Сардар-Абада и бежал в близкую Эривань.

Беглецов в ночи преследовали и достаточно удачно: ханские отряды были рассеяны в горах. Их потери составили полтысячи человек убитыми и 250 — пленными. В Сардар-Абаде нашлось 16 разнокалиберных орудий, а самое главное — огромные хлебные запасы, в которых осаждавшие стали испытывать большую нужду.

24 сентября Паскевич лично провел рекогносцировку Эриванской крепости. Она не зря считалась в Персии одной из сильнейших. Расположенная на крутом берегу Занги крепость имела двойные стены с башнями и водяной ров. К югу, на расстоянии в четверть версты, располагался сам город, окруженный крепкими каменными стенами. Эриванский гарнизон состоял исключительно из мусульман: ханских дружинников и шахских сарбазов.

Царский наместник приказал войскам подтянуться к Эривани. Они усилились национальными формированиями. Еще в мае 1827 года он предписал тифлисскому губернатору Сипягину приступить к формированию добровольческих батальонов из местных жителей — армян и грузин. Тот набрал три дружины добровольцев: две армянские и одну грузинскую. Они, выступив из Тифлиса к Эривани, значительно выросли по пути. Так, 1-я армянская дружина численностью в 117 человек пришла в составе уже почти тысячи человек.

Первая пробная бомбардировка осажденной крепости прошла в ночь на 26 сентября: орудия метали бомбы. В следующую ночь заложили осадные траншеи под сильнейшим огнем из крепости, на который приказывалось не отвечать ни одним выстрелом, чтобы не прерывать инженерные работы и возведение осадных батарей.

Пушечная канонада потрясла эриванские стены уже 28 сентября. Жители стали умолять хана Гассана, так удачно спасшегося из Сардар-Абада, сдать город. Но тот, гордясь успешной защитой крепости от русских в 1808 году, не терял надежды получить помощь от Аббас-Мирзы и силой подавил ропот армянской части горожан. Правда, до поры до времени.

По тем временам Эриванский хан считался лицом значительным в обширном Персидском государстве. Как правителю ключевого приграничного ханства, ему было присвоено высокое воинс-

кое звание сардара. В иранской иерархической лестнице он являлся третьим человеком. Гассан-хан носил также титул «беглербея», что давало ему от имени шаха неограниченные полномочия. Он имел собственное войско, двор и диван (ханский совет). И полное право на жизнь своих подданных армян. Весь существующий строй в Эриванском ханстве держался на неограниченной власти правителя и страхе. Шариатский судлишь освящал его.

В своих путевых заметках А.С. Грибоедов, хорошо знавший механизм власти в Персидской державе, так характеризовал систему управления в Эриванском ханстве:

«Лестница слепого рабства и слепой власти здесь беспрерывно восходит от бека, хана, беглербея и каймака и, таким образом, выше и выше».

Мощь бомбардировки осадными орудиями быстро дала о себе знать: юго-восточная башня с частью крепостной стены рухнула через сутки. 29 сентября наместник Кавказа предложил Гассан-хану сдать крепость на условиях свободного выхода шахского гарнизона. Правитель и тиран Эривани ответил гордым отказом. Он попытался привлечь к обороне города армян, но безуспешно. Те не хотели ни защищать Эривань от русских, ни укреплять его.

Тем временем осадные траншеи подводились все ближе и ближе к стенам крепости. Возводились новые осадные батареи. От их огня в крепостной ограде появились новые проломы. Беспрерывность и грохот артиллерийского огня поколебали стойкость осажденного гарнизона. Хан выслал парламентаров с изъявлением своего согласия сдать крепость, но просил подождать решения наследника тегеранского престола. Хитрая уловка не удалась. Теперь уже Паскевич потребовал сдачи Эривани без всяких условий.

Всю ночь 1 октября шла артиллерийская дуэль. Кавказский главнокомандующий приказал подвергнуть крепость сильной бомбардировке, чтобы разрушить ее укрепления и тем самым обеспечить успех предстоящего штурма. Одних бомб было брошено 900 штук. Пожары охватили Эриванскую крепость, освещая округу. На рассвете пальба утихла, и персы увидели, что осадные траншеи дошли до крепостного рва. Очевидец писал:

«Я бы желал, чтобы ты сам лично был свидетелем сей... картины! Нет слов описать ее в полной силе! Скажу тебе только, что все четыре стены Эривани, мало сказать, были освещены как нельзя более, нет! Они, казалось мне, все были огненные и сыпали на себя

град ружейных и картечных пуль! В это же время до сорока наших разнородных орудий не огонь — ад открыли против крепости! Двадцатичетырехфунтовые пушки по части разрушенной стены стреляли картечами, а остальные громили ее бомбами, ядрами и гранатами. Только соедини в воображении своем все это вместе, и прибавь еще к тому с обеих сторон гром выстрелов, треск и шум разрушающихся стен, строений, визг пуль, ядер, дикий крик гарнизона».

Картина артиллерийской подготовки штурма действительно впечатляла. Ядра и бомбы проделывали в стене новые бреши. Ханские воины в страхе, что русские сейчас в колоннах пойдут на приступ, спешно занимали проломы, стараясь хоть как-то заделать их бревнами и камнями. Тогда осадные батареи стреляли уже картечью на поражение людей.

Эриванский властелин, видя неизбежность падения крепости, колебался. Он откровенно боялся мести шаха за сдачу Эривани. Гассан-хан все еще надеялся на выручку от иранской армии: до Аракса, как говорится, было для конницы рукой подать.

Пока Гассан-хан так раздумывал, в городе произошло «возмущение». Сотни армян, вооружившись чем попало, бросились на крепостные стены, прогнали с них почти без сопротивления ошеломленных сарбазов и стали размахивать белыми платками. Русские же войска стояли под крепостью в готовности к штурму.

Видя, что творится на крепостных стенах, русская пехота через бреши и отворенные жителями ворота вошла в город. Сопротивления со стороны персов встречено не было. Шесть рот лейб-гвардии Сводного полка (из сосланных на Кавказ нижних чинов полков, участвовавших в восстании декабристов) стали занимать караулами стены и башни Эриванской крепости, посты у замолкших орудий. Сильный отряд занял северные городские ворота, чтобы пресечь возможную попытку ханского войска прорваться сквозь кольцо осадных войск.

Крепость пала тогда, когда через несколько часов после входа русских в город сардар Гассан-хан, его телохранители и собравшиеся у главной мечети три тысячи сарбазов в молчании сложили оружие.

Эриванцы-армяне высыпали на улицы, приветствуя своих избавителей. Просветитель-демократ Хачатур Абовян в романе «Раны Армении» так описал волнующую картину вступления русских войск в древнюю Эривань:

«Солдаты стали входить в крепость, а в тысячах мест, в тысячах окон люди не в силах были рот открыть, — так душили их слезы. Но у кого было в груди сердце, тот ясно видел, что эти руки, эти застывшие, окаменевшие, устремленные на небо глаза говорят и без слов, что и разрушение ада не имело бы для грешников той сцены, что взятие Эриванской крепости для армян...

Старики, дети, девушки, старухи... бросаются на шею солдатам и замирают у них на груди в душевном умилении. С тех пор как Армения потеряла свою славу, с тех пор как армяне вместо меча подставили свою голову, не видели они такого дня, не испытывали подобной радости».

Победа русского оружия и освобождение Эривани от персов-мусульман вызвали самый широкий отклик от армян-изгнанников с родной земли, вынужденных бежать в чужие страны. Так, армяне из далекой Индии писали архиепископу Нерсесу Аштаракскому:

«Армения воскресла из пепла... солнце жизни взошло над Ара-ратской долиной... и в этом наша нация обязана человеколюбивой московской нации, среди которой мы всегда можем жить безопасно и защищенно».

Столь же горячий отклик освобождение Эривани вызвало и у других народов Закавказья. Они веками страдали от нашествий персидских полчищ, когда их земли предавались безжалостному мечу и всепоглощающему огню. Тысячи и тысячи людей, угоняемых в рабство в ненавистную Персию, бесследно исчезали для родины. Теперь же историческая ситуация для Восточной Армении менялась в корне.

Православная грузинская и армянская григорианская церкви во второй Русско-персидской войне оказали войскам России самую деятельную поддержку. Так, архиепископ Нерсес Аштаракский еще 29 июля 1826 года обратился с воззванием к армянскому народу, призывая «вместе с полками воинства Российского... в случае необходимости не пощадить и последней капли крови нашей».

Примечательно, что православное духовенство не только призывало народ к вооруженному сопротивлению персам, но и становилось во главе добровольческих отрядов. Одних из них доблестно возглавлял шамшадинский епископ Г. Манучарян, который, как и Нерсес, участвовал в боях с шахскими войсками еще во время наместничества князя Цицианова. Лишь архиепископ Саркис, захваченный в плен персами, был принужден ими обратиться к бес-

страшным защитникам Шуши с призывом сдаться. И простой народ ему этого не простил...

Победители взяли в Эриванской крепости богатые трофеи: знамена, 38 пушек, две гаубицы, 9 мортир, 50 фальконетов, тысячи единиц холодного и огнестрельного оружия, полторы тысячи пудов пороха и много артиллерийских снарядов. В главном пороховом погребе удалось вовремя найти и погасить горящий факел: мощный взрыв в самом центре крепости мог лишить жизни многих людей. На гарнизонных складах хранилось до четырнадцати четвертей муки, зерна и круп, достаточных кавказцам на пять месяцев.

В плену оказалось много знатных персов: сам эриванский сардар, многоханов, в том числе Касум-хан, командир батальона шахской гвардии. Комендант крепости Суван-Кули-хан был пойман в одном из подземелий. Победители за время осады потеряли убитыми и ранеными всего 52 человека, в том числе трех офицеров.

Главнокомандующий на Кавказе И.Ф. Паскевич за знатную победу удостоился полководческой награды — ордена Святого Георгия 2-й степени. В наградном рескрипте говорилось:

«За отличное мужество, твердость и искусство, оказанные при покорении Сардар-Абада и важном завоевании знаменитой в Азии крепости Эривани».

Так пал давний оплот персидского владычества в Закавказье — Эриванская крепость. Значение победы русского оружия царский наместник на Кавказе и полководец Иван Федорович Паскевич отметил такими словами:

«Самое приобретение Эривани, по знаменитости ее, по сосредоточению в ней торговли персидской и турецкой, по местоположению на границе трех государств доставляют нам выгоды неизъяснимые».

...Восточная Армения — Эриванское ханство — вошла в состав Российской империи. Было создано временное правление во главе с распорядительным генерал-лейтенантом А.И. Красовским. Ему давалась власть областного начальника и командующего войсками Эриванской области. Для «пособия» в состав правления вводились архиепископ Нерсес и комендант крепости Эривань подполковник Бородин.

Война продолжалась. В городе ставился сильный русский гарнизон. В него вошли четыре полка 20-й пехотной дивизии с ее

штатной артиллерией, пионерская (саперная) рота, два казачьих полка, дивизион улан и добровольческие формирования — армянское и грузинское пешие ополчения, отряд азербайджанской милиции. Ожидалось, что неприятель предпримет попытку вернуть себе теперь уже бывшее Эриванское ханство.

В ходе второй Русско-персидской войны наместник Паскевич постарался взять под контроль события, происходящие в Закавказье. В сентябре 1827 года он получил надежного помощника. Император Николай I своим указом прикомандировал к собственной канцелярии шефа корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфа, в качестве чиновника для специальных поручений служашего МИДа Х.Е. Лазарева. Выходец из известной армянской семьи, он на собственные средства организовал Московский институт восточных языков.

По заданиям Паскевича Лазарев организовал сбор информации о положении в Персии, в самом Закавказье, в соседней Османской Порте. Донесения дублировались и ложились на стол самому государю.

Для решения вопросов, связанных с Закавказьем, высочайшим указом создается так называемый комитет 1827 года. Его возглавил управляющий штаба Его Императорского Величества граф Толстой. В состав комитета вошли малороссийский военный губернатор князь Репнин-Волконский, командир поселенного резервного корпуса граф Витт и начальник штаба военных поселений генерал Клейнмихель.

Комитет выдвинул проект укрепления границы с Персией: предлагалось переселить туда 80 тысяч малороссийских казаков, что позволило бы государству создать защитный пояс из христиан среди иноверцев. И хотя в столице России такой план получил одобрение, император Николай I утверждать его не стал.

Паскевич, как наместник на Кавказе, выдвинул, познакомившись с планом комитета графа Толстого, встречное предложение. Он предложил присоединенные к России Эриванское и Нахичеванское ханства отдать в качестве «царской награды» тем местным ханам, которые доказали свою верность империи. Императорский фаворит вообще негативно относился к отмене своим предшественником А.П. Ермоловым ханского правления в закавказских провинциях с мусульманским населением. Однако такое предложение одобрения в Санкт-Петербурге не получило...

Овладение Эриванским ханством не привело к окончанию Второй персидской войны. Понимая это, Паскевич выступил в поход на столицу Южного Азербайджана город Тавриз. Первым «искать» неприятеля на персидскую территорию двинулся авангардный отряд генерал-лейтенанта Эристова. Он, беспрепятственно переправившись через Аракс, прошел Дорадинское ущелье и занял город Маранд. Местное азербайджанское население встречало русские войска дружелюбно.

Стало известно, что Аббас-Мирза стоял всего в 20 верстах, в городе Хое. Положение его виделось плачевным: шахская армия таяла прямо на глазах наследного принца. Сарбазы разбежались куда глаза глядят толпами: на них не действовали ни кары, ни увещевания. Скоро в Хое осталось всего три тысячи человек с 12 орудиями. С такими силами продолжать войну смысла не виделось.

Первый министр шаха Аллаяр-хан пытался наладить оборону Тавриза. Но его усилия оказались тщетны: из 60 тысяч горожан, способных носить оружие, в армию записались единицы. Хан при мобилизации пошел на крайние меры. Нарушителям его приказов отрезали уши и носы, выкалывали глаза. Но количество желающих сразиться с «неверными» от этого почти не прибавлялось.

Тем временем отряд князя Эристова подошел к Тавризу. 13 октября, приказав палить из пушек, Аллаяр-хан вывел свое 6-тысячное войско для боя за крепостные стены города. Но после третьего пушечного выстрела (!) со стороны русских шахская пехота разбежалась, а персидская конница и «ожесточенная чернь» дружно бросились... грабить дворец наследного принца Аббас-Мирзы, охрана которого «исчезла».

Аллаяр-хан, лишившийся войска и уstraшенный беспорядками в городе, укрылся в одном из домов на его окраине. Перед этим к нему явился в сопровождении большого чи сла мулл глава азербайджанского духовенства тавризский муштеид (муджтахид) Ага-Мир-Фетгах, тайный враг правящей шахской династии Каджаров. Он потребовал не защищать Тавриз, чтобы избежать кровопролития. Но Аллаяр-хан приказал спрятать ключи от запертых городских ворот.

Тогда муштеид обратился к верующим с призывом разломать крепостные ворота, что и было сделано. Из них навстречу русскому авангардному отряду вышла процессия духовных лиц и знатных горожан. Князь Орбелиани приказал генерал-майору Н.П. Панк-

ратьеву с частью сил под барабанный бой и полковую музыку занять тавризскую цитадель, главный же походный лагерь расположился перед крепостными стенами. На всякий случай к дому английских посланников приставили караул.

Без труда был разыскан Аллаяр-хан, который вместе с талышским ханом Кельб-Гуссейном оказался в плену. Тавризскими трофеями русских стали два знамени, 31 пушка, 9 мортир, два фальконета, до трех тысяч ружей, местный арсенал и запасы провианта. Литейный завод по производству артиллерийских снарядов и... «повелительный» жезл наследного принца Аббас-Мирзы.

Генерал от инфантерии Паскевич с главными действующими силами кавказских войск подошел к Тавризу несколько позднее. Его торжественно встретила депутация во главе с тавризским военным губернатором, который пообещал обеспечить русских продовольствием. В городе царский наместник получил письмо от шахзаде Аббас-Мирзы, в котором тот впервые заговорил о возможности мирного завершения войны: он откровенно боялся, что его «вотчина» — Южный Азербайджан — выйдет из повиновения: добровольцы из числа местных жителей стали присоединяться к войскам противника, а в городе Ардебиле восставшее население даже разоружило шахских сарбазов. Жители Тавриза открыто праздновали свое освобождение из-под власти ненавистных Каджаров.

Персидские войска поспешно оставляли территорию Южного Азербайджана, уходя с них на юг. Русские за время похода по ту сторону Аракса силой взяли три крепости, не считая добровольно сдавшегося Тавриза. Трофеями стали 112 пушек, не считая мортир и большого числа фальконетов. Сложили оружие девять батальонов обученной по-европейски шахской пехоты. В плену оказались два сардара и 12 ханов. Вся остальная персидская армия попросту разбежалась. Сам Фетх-Али-шах в великом страхе перед дальнейшим продвижением русских на юг оставил собственную столицу Тегеран.

Аббас-Мирза, не имея на то отцовского слова, решил начать переговорный процесс. К Паскевичу был отправлен Каймакам, третье лицо в иранском кабинете министров. Он имел тайное поручение взбунтовать против русских жителей Тавриза. Но от лазутчиков кавказскому наместнику стало известно о таком тайном задании посланника: он приказал задержать его в семи верстах от города и под почетным караулом препроводить в местечко Карашелик.

Для ведения предварительных переговоров туда был отправлен действительный статский советник Обрезков.

Стороны договорились о встрече Паскевича с наследником шаха на Марагской дороге в Дехкоргане, в 60 верстах от Тавриза. При этом русская сторона решительно отказалась от навязчивого посредничества дипломатов из английской миссии в Персии. По этому поводу главнокомандующий на Кавказе докладывал в Санкт-Петербург:

«Англичане не скрывают своего опасения, что Азербайджан по всей справедливости может за нами остаться, и тогда могущество их истинного союзника рухнет. Здесь, в Тавризе, в корне их настоящего влияния, кроме Аббас-Мирзы, несмотря на расточительность их дипломатов, никто их не только покровительствовать, но и терпеть не будет; с утратой Азербайджана английские чиновники могут сесть на корабли в Бендер-Бушире и возвратиться в Индию».

Обрезков выставил противной стороне следующие условия: мирные переговоры могут начаться только после ухода всех шахских войск в саму Персию южнее озера Урмия, а русские войска занимают весь Южный Азербайджан. В противном случае военные действия возобновлялись. К тому времени создается управление этим краем. Отряд генерал-лейтенанта Вадбольского направился к крепости Ардебиль, где хранилась немалая часть запасов неприятельской армии.

24 октября генерал от и инфантерии Паскевич устраивает в Тавризе военный парад. На него специально приглашается из Тегерана английский посланник при шахском дворе полковник Джон Макдональд. Он не скрывал своего изумления выправкой и бодростью кавказских войск, состоянием их артиллерии. Главному военному советнику шаха «предоставили возможность» увидеть, как рота пионеров и пехотный батальон занимаются исправлением дорог, идущих от Тавриза.

Шах-задэ согласился со всеми предложениями противной стороны, высказанными Каймакаму относительно переговоров. Аббас-Мирзе, любителю пышных церемоний, на равнине близ озера Урмия была устроена самая торжественная встреча, которой тот оказался откровенно доволен. Официальным уполномоченным России на переговорах стал прибывший с берегов Невы дипломат А. С. Грибоедов.

Переговоры для победителей в войне складывались трудно. Грибоедов, среди прочего, потребовал уплаты военной контрибуции в сумме 20 миллионов рублей и значительных территориальных уступок России, то есть Эриванского и Нахичеванского ханств. Только 28 ноября Аббас-Мирза согласился на удовлетворение этих требований.

Пока в Дехкоргане шли мирные переговоры, в Тегеране английские дипломаты трудились не покладая рук. Свое слово сказал и Стамбул, который после Наваринского морского сражения усердно готовился к очередной Русско-турецкой войне. В итоге шах приказал задержать уже отправленные контрибуционные деньги, лишил сына-наследника всех полномочий для ведения мирных переговоров и отказался утверждать предварительное соглашение, достигнутое в Дехкоргане. Война грозила вот-вот возобновиться.

Для продолжения переговоров с русским командованием из Тегерана выехал шахский министр иностранных дел Абдуль-Хасан-хан, получавший от английской миссии ежегодное жалованье в три тысячи золотых туманов. Под предлогом «нездоровья» он добирался до Дехкоргана целых 22 дня и прибыл к столу переговоров только 5 января 1828 года.

Но к его встрече генерал от инфантерии Паскевич успел хорошо подготовиться. Левый фланг кавказских войск по его приказу продвинулся в Мешхинское ханство. Это давало им возможность в случае возобновления войны сразу же стеснить неприятеля. На последнем свидании с наследным принцем наместник Кавказа сказал ему прямо:

— Я давно примечал, что персияне хотят меня провести и нарочно казался отдавшимся в обман. Но мое молчание происходило только оттого, что наш левый фланг был еще позади. Теперь мы готовы идти дальше, к шахской столице...

Абдуль-Хасан-хан на первых беседах не хотел и слышать о требованиях русской стороны. Тогда «сардар белого царя» объявил достаточно «громогласно» о походе на Тегеран. Кавказские войска начали продвижение вперед на всю ширину своего фронта. Шахская армия при этом себя не «проявляла». Занимается город Урмия. Сдается 2-тысячный гарнизон Ардебиля, имевший 27 пушек (из них 4 оказались русскими, захваченными персами в Ленкорани) и которым командовали сыновья наследного принца Мехмет-мирза и Джангир-мирза.

Тем временем главные силы кавказских войск во главе с Паскевичем двигались по прямой дороге на Тегеран. Царский наместник по пути всячески поддерживал недовольных шахской властью. Более того, тавризский муштеид открыто пообещал выставить против Каджаров на стороне России 12 тысяч азербайджанской конницы.

Положение Фетх-Али-шаха стало критическим. О продолжении войны за неимением армии не могло быть и речи. Персидская держава разваливалась изнутри: в ней уже начались вооруженные междоусобицы, в которые на стороне врагов династии Каджаров могли запросто вмешаться русские штыки.

Договаривающиеся стороны съехались в деревушке Туркманчай по дороге из Тавриза в Тегеран. Здесь в 12 часов ночи с 9-го на 10 февраля 1828 года и был подписан Туркманчайский мирный трактат между Россией и Персией.

Историки часто задаются вопросом: почему именно в двенадцать часов. Астролог шах-задэ посчитал это время самым благоприятным для своего хозяина. Паскевич против мнения придворного звездочета ничего не имел. Мирный договор от имени своих государств подписали наследный принц Аббас-Мирза и царский наместник на Кавказе генерал-адъютант И.Ф. Паскевич. Туркманчайский трактат о мире состоял из 16 статей, важнейшими из которых являлись следующие:

Согласно 3-й статье Персия «уступала Российской империи в совершенную собственность ханство Эриванское по сю и по ту сторону Аракса и ханство Нахичеванское». Теперь российская граница в Закавказье проходила по реке Аракс.

По статье 6-й Россия получала от побежденной стороны 20 миллионов рублей серебром военной контрибуции (10 куруров или 5 миллионов туманов). Большая часть требуемых денег была уже выслана из Тегерана.

Статья 8-я подтверждала свободу мореплавания русских на Каспии и исключительное право России иметь здесь военный флот.

По мирному договору стороны в течение четырех месяцев обязаны были освободить всех военнопленных. Давалось «совершенное и полное прощение» всем жителям Южного Азербайджана, которые оказывали поддержку русским войскам. Российская сторона признавала за шах-задэ Аббас-Мирзой из династии Каджаров законное право на наследство отцовского престола.

Военная контрибуция оказалась непосильным бременем для шахской казны. Прием денег (8 куруров) победителями затянулся до 4 марта. Женам Фетх-Али-шаха и его придворным пришлось сдать в казну бриллиантовые пуговицы. В переплавку пошли золотые дворцовые канделябры. Шаху пришлось даже заложить свой трон. На восьмом куруре финансовые возможности Персии оказались исчерпанными. Тогда Паскевич приказал генерал-майору Панкратьеву с сильным отрядом оставаться на иранской территории и ожидать доставки двух последних куруров военной контрибуции.

Кавказские войска в походных колоннах начали покидать персидскую территорию. 8 марта город Тавриз был «возвращен» его прежнему владыке Аббас-Мирзе. По реке Аракс встала дозорами российская пограничная стража...

За убедительную и скорую победу во второй Персидской войне полководец Иван Федорович Паскевич удостоился «графского достоинства Российской империи со славным проименованием Эриванского». Он получил в награду миллион рублей серебром из сумм, поступивших в счет военной контрибуции. Правда, государственное казначейство выдало ему этот наградной миллион в основном ассигнациями.

Фетх-Али-шах наградил своего победителя — графа Паскевича-Эриванского орденом Льва и Солнца, украшенного бриллиантами, на такой же цепи, стоимостью в 60 тысяч рублей. Это была высшая орденская награда Персии.

По высочайшему указу 15 марта 1828 года учреждается специальная серебряная наградная медаль, впервые отчеканенная диаметром 26 миллиметров. На ее обратной стороне шла грехстрочная надпись «За = персидскую = войну» с узорной подчеркивающей линией под ней. На лицевой стороне, по обе стороны поля медали, изображены полувенком две лавровые ветви, перевязанные внизу лентой, между которыми указаны в две строки даты войны — «1826, 1827 и 1828». Над ними, в самом верху медали, — лучезарное «всевидящее око».

Медаль предназначалась для награждения только участников военных действий, как нижних чинов, так и офицеров. Носилась она на комбинированной Георгиевско-Владимирской ленте. Кавалеристы награждались медалью с несколько измененным рисунком. «Предшественниками» этой награды за вторую Русско-пер-

сидскую войну были медали «В память 1812 года» и «За взятие Парижа 1814 года».

Завершение Персидской войны победой император Николай I отметил высочайшим приказом по Отдельному Кавказскому корпусу. О наградной медали в нем говорилось следующее:

«...Да послужит знак сей памятником мужества и примерного кроткого поведения вашего. Да будет он новым залогом верной службы Российского войска и Моей к вам признательности».

...Как царский наместник на Кавказе, где на его северных склонах шла война с «немирными» горцами, генерал от инфантерии Паскевич-Эриванский спешил укрепить новую границу с Персией, которая никогда в истории спокойствием не отличалась. Даже в мирное время для несения пограничной охраны требовалось значительное число людей, прежде всего казаков — исторических порубежников старой России. Все же кавказский наместник скоро нашел выход из положения.

Было принято предложение генерала А.И. Красовского на мирное время создать армянский легион из 1500 человек пехоты и 500 человек конницы. Император с таким предложением согласился, и уже в конце февраля 1828 года началось формирование Эриванского армянского батальона и 1-го конного армянского полка.

...Весной 1828 года всем и в России, и в Персии казалось, что вторая Русско-иранская война закончилась победно для русского оружия и столь убедительно, что нового столкновения на берегах Аракса еще долго не предвидится. И что все человеческие жертвы победителями уже принесены на алтарь Отечества. Однако небо над Закавказьем и сопредельными землями спокойствием не дышало. Вскоре едва не выпыхнула третья по счету война между Россией и Персией.

В Тегеране по ходатайству И.Ф. Паскевича-Эриванского сменился министр-резидент России в Персии. Им был назначен троюродный брат жены кавказского наместника Александр Сергеевич Грибоедов. Собственно говоря, повое назначение отвечало и его желаниям. Его предшественником с ермоловского времени был венецианец, медик по образованию С.И. Мазаревич, умный и «отлично-спокойный» дипломат.

Грибоедов непродолжительное время состоял советником при Мазаревиче. Будучи человеком блестящего ума и превосходных

способностей, прежде всего литературных, он на посту первого лица в российском посольстве оказался «бесполезным для службы» в мусульманской стране.

Считается, что действия Грибоедова — пылкого по характеру известного дуэлянта и крайне неосмотрительного посла страны-победительницы — возбудили вскоре негодование лично против него Фетх-Али-шаха и персов, как знати, так и «базарной черни», религиозных фанатиков. Повод для озлобления и жажды мщения Грибоедов дал сам. Дело состояло в следующем.

Туркманчайский мирный договор строго предусматривал обмен военнопленными. В своей массе это были персы, среди которых насчитывались десятки ханов и беков. Но в статьях трактата о мире ничего не говорилось о людях, которые были захвачены в рабство на закавказских землях, особенно в Грузии, в давних персидских вторжениях. Учету они практически никакому не поддавались, о местонахождении таких полоняников родственники имели известия в самых редких случаях.

Побеги из чужеземья на родину были опасны и потому редки. Из рабства выкупались почти исключительно люди богатые. Правда, духовенство Грузии и Армении часть своих средств тратило на выкуп обездоленных рабов, используя для этого самые различные пути.

Пример такого человеколюбия подавала во все времена Русская православная церковь. Так, она долгое время занималась выкупом российских воинов, которые оказались в плену в ходе русско-турецких войн и которых османы, как рабов, старались упрятать в свои самые отдаленные провинции — пашалыки, прежде всего в страны Магриба. Так в Северной Африке тогда назывались три современных государства — Марокко, Алжир и Тунис. Поиском и выкупом русских военнопленных и отправкой их на родину занимались монахи-странники и российский консул в Гибралтаре.

Грибоедов как полномочный посол вознамерился вернуть в Грузию и Армению как можно больше полоняников, считая, что они теперь имеют полное право на российское подданство. Но с точки зрения дипломатии того времени вопрос этот смотрелся как крайне запутанный и трудно разрешимый. Вопреки советам и предостережениям своего переводчика-армянина, хорошо чувствовавшего ситуацию, Грибоедов самым категорическим образом потребовал выдачи нескольких подданных своей страны. Это были жен-

щины, взятые в плен во время одного из последних вторжений персов в Грузию. Известно было, что они находились в гареме Аллаяра-хана в должности прислужниц.

Но Аллаяра-хан был не просто местным аристократом, а зятем шаха, то есть членом правящей династии Каджаров. Поэтому в Тегеране претензии к нему со стороны российского посла были однозначно расценены как оскорбление особы самого персидского монарха. Об этом кричали на всех столичных базарах, которые являлись многие столетия средоточием политической жизни главного города Персии. Именно на тегеранских базарах обычно начинались народные волнения и восстания, мятежи против власти, происходили частые кровопролития.

Наверное, Грибоедову это надо было предвидеть. Требования его, вероятно, были предъявлены вследствие недостаточно тонкого понимания им вещей в персидском свете и с явным намерением автора «Горе от ума» доказать всем в Тегеране свое влияние и могущество при ханском дворе. Но в окружении шаха по-прежнему «верховодили» английские дипломаты и те лица, чьи услуги ими хорошо оплачивались.

Хотя Фетх-Али-шах не мог не видеть в требовании министра-резидента России нарушение персидских обычаев, но, не желая отвечать на требования посла России полным отказом, он позволил ему взять пленниц самому. Посланные в ханский гарем конвойные казаки привели их в посольский дом. И персы, увидевшие в этом явное неуважение русских к особе шахского зятя, к самому владыке Каджарскому и к существующим в стране вековым обычаям, взволновались.

Волнение это случилось, естественно, на крупнейшем городском базаре, где всегда в избытке находилось «взрывоопасного материала» в лице «городской черни». Думается, что в той ситуации не поспешил «на монеты» и лично сам оскорбленный Аллаяра-хан. Многотысячная толпа, вооруженная чем попало, ринулась к дому российского посольства, внешняя охрана которого, состоявшая из шахских сарбазов, сразу же разбежалась.

Казаки из конвоя мужественно приняли неравный, смертельный бой, который закончился внутри дома. Грибоедов и казаки, несколько человек других служителей посольства защищались от толпы фанатиков до последнего. Сам посол отчаянно защищался шашкой и пал под ударами нескольких кинжалов. Сражаться он

умел, участвуя добровольцем в Отечественной войне 1812 года в рядах сперва Московского, затем Иркутского гусарских полков.

В шахском дворце прекрасно были осведомлены о том, что происходило в день 30 января 1829 года вокруг российского посольства. Вне всякого сомнения, злодейское убийство министра-резидента России и сопровождавших его людей, около сорока человек, произошло при прямом попустительстве Фетх-Али-шаха. Вернее, с его молчаливого одобрения действий своих подданных.

Подобные примеры история знает. Равно знает и то, что злодейское убийство полномочного посла грозило в данном случае или возобновлением меньше года назад закончившейся второй Русско-иранской войны, или спустя какое-то время началом новой, третьей Персидской войны. Первыми ее опасность осознали в Тегеране. Там поняли, что в случае нового военного конфликта с оскорбленным северным соседом Персии не приходилось рассчитывать даже на небольшие победы. Ее могла ждать только более худшая участь побежденной страны, чем это было годом ранее, в 1828-м.

Тегеран переполошился не на шутку. Именитые посланцы восточного владыки поспешили в далекий Санкт-Петербург. «Извинительную миссию» возглавил принц Хосров-мирза.

На берегах Невы пока решили не предпринимать никаких ответных действий. Когда посланцы Фетх-Али-шаха прибыли в северную столицу России, то они с поклоном преподнесли всероссийскому императору огромный индийский бриллиант, доселе неизвестных им размеров. Он вошел в историю как алмаз «Шах». Среди подарков значились двадцать древних манускриптов, два кашмирских ковра, жемчужное ожерелье и прочие шахские дары баснословных цен.

«Извинительная миссия» преуспела в своих целях, которые ни для кого секретом не являлись. Император Николай I принял подарки и официальные извинения за убийство русского посла. виновные, разумеется, из числа «базарной черни» Тегерана, уже понесли наказание. Государь тут же одарил Хосров-мирзу и членов его свиты бриллиантовым орлом, перстнями с бриллиантами и изумрудами, золотыми часами, редкими мехами, сервизами, изделиями из фарфора и несколькими тысячами золотых червонцев. Персии прощался последний курур серебром для выплаты военной контрибуции.

Причиной таких поистине царских милостей были, конечно, не персидские дары и даже не алмаз «Шах», подлинное украшение современного Алмазного фонда Московского Кремля. За «низкое» убийство посла А.С. Грибоедова Персия платила нейтралитетом во время начавшейся войны России с Турцией, которая велась за Дунаем и на Кавказе.

По этой причине, думается, и не случилась третья Русско-иранская война. Но это не бесспорное утверждение: слишком многое в дипломатической коллизии вокруг Персии и ее кавказских помыслов в начале 1829 года по сей день окутано завесой таинственности.

Глава 8

1845 ГОД. АПОГЕЙ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ. ДАРГИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Россия в своем летописании не знала более продолжительной войны, чем Кавказская. Естественно, ее история полна самых различных перипетий, в которых русское оружие не всегда блистало. Причины тому видятся самые разные, и потому их видимая таинственность по сей день приковывает к себе подлинный исследовательский интерес.

Пожалуй, с начала 90-х годов XIX столетия больше всего разговоров ведется о событиях 1845 года, вернее о печально известной Даргинской экспедиции, предпринятой в горы только что назначенным царским наместником и главнокомандующим на Кавказе графом (за взятие Дарго он получил княжеский титул) М.С. Воронцовым. При этом многие пишущие о войне с имаматом Шамиля как-то забывают, что именно неудача похода на столицу имама — укрепленный аул Дарго — стала переломным эпизодом для всего хода Кавказской войны.

Здесь, пожалуй, следует обратиться к авторитетному мнению генерала Ростислава Андреевича Фадеева, выдающегося мыслителя-геополитика старой России. Специалисты считают, что его работы по восточной, кавказской политике Российской империи являются одними из лучших отечественных исследований. О политике императора Николая I на Кавказе в 1840-х годах он писал следующее:

«...Главное начальство на Кавказе было вверено покойному князю М.С. Воронцову, облеченному полномочными правами. Постоянные неудачи предшествовавших походов приписывали

тогда не ложной системе, но неискусному командованию лиц, которым было вверено начальство. Полагаясь на громкую известность князя Воронцова, ждали самых решительных успехов с первого шага его на Кавказе.

Первоначальное военное предприятие князя Воронцова, даргинский поход, было решено под влиянием этих ожиданий и исполнено по образцу прежних экспедиций, только в больших размерах; но оно же было и последним предприятием в этом роде. Урок был достаточный. Поход, предпринятый в горы с многочисленным и превосходным войском, снабженным всевозможными средствами, одушевленным личным предводительством знаменитого и уполномоченного генерала, кончился потерей пяти тысяч человек и трех орудий, без малейшего результата.

С тех пор произошел перелом в Кавказской войне. Нельзя сказать, чтобы князь Воронцов заменил прежние головоломные экспедиции цельной системой, вполне примененной к настоящему положению дела. Во время его начальствования наступление происходило систематически только в одном углу военного театра, на чеченской плоскости...

Со всем тем образ действий князя Воронцова был проникнут одною общею идеею и действительно произвел благодетельный перелом в Кавказской войне».

Даргинская экспедиция имела поучительную предысторию в начале 1840-х годов. Она связана прежде всего с крупными успехами Шамиля в создании мусульманского государственного образования — имамата. Вождь «немирных» горцев сумел объединить под своими знаменами и личной властью вольные общества Горного Дагестана и тейпов Чечни. Имаматом Шамиль руководил через фанатично (пока) преданных ему наибов.

Российское присутствие на Северном Кавказе поколебалось рядом военных неудач. В 1840 году произошло восстание в казало-сь бы «замыренной» Чечне, укрепления Черноморской береговой линии подверглись нападениям черкесских племен. В следующем году отряды Шамиля напали на Аварию. В 1842 году неудачей закончилась военная экспедиция генерала П.Х. Грабе в Ичкерню. В 1843 году Шамиль захватил Аварию, нанес поражение русским войскам в Северном Дагестане. Вспыхнули восстания в шамхальстве Тарковском и Мехтулинском ханстве. В 1844 году

на сторону имама перешел генерал-майор царской службы, султан Елисуийский Даниель-бек...

В столице царского наместничества Тифлисе такая консолидация враждебных России сил на Северном Кавказе (в его восточной части) не прошла незамеченной. Не случайно в июне 1841 года главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Е.А. Головин писал военному министру князю А.И. Чернышеву:

«Можно сказать утвердительно, что мы еще не имели на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль. Стечением обстоятельств власть его получила характер духовно-военной, той самой, которую в начале исламизма меч Мухаммеда поколебал три части вселенной».

Усиление Шамиля было связано в те годы не столько с его военными успехами и военными неудачами войск Отдельного корпуса, сколько с социальными процессами, которые происходили в горах. Иначе говоря, имам Шамиль оказался в удивительно выгодной идеологической позиции, которой не обладал ни один из его предшественников. Пожалуй, лучше всего о том сказал генерал Р.А. Фадеев в своем аналитическом труде «Шестьдесят лет Кавказской войны», почти забытом в Отечестве в прошлом, XX веке:

«... Главная опасность для русского владычества на кавказском перешейке состояла не столько в неодолимости гор, как в настроении племен, окружающих горы. Если бы враждебная нам сила ограничивалась независимыми горцами, эту опасность можно было бы рассчитать математически и всегда противопоставить ей достаточные средства. Но как уже сказано, вся разница между покорными и непокорными мусульманскими племенами состояла только в относительной крепости их земли; одним этим они мерили свои отношения к нам.

Всякое вторжение мюридов влекло за собой восстание мирных, так что в случае внешней войны невозможно было рассчитать обширность пожара, который мог разгореться в нашем тылу. Все вокруг мюридов не только сочувствовало им, но даже было направлено почти официально к тому, чтобы при первой возможности протянуть им руку. В этом отношении управление краем было еще более ошибочным; чем самый образ ведения войны.

В мусульманстве вся общественная и частная жизнь людей, все отношения определены раз и навсегда шариатом; так что в чисто

мусульманском духе всякое законодательство становится невозможным: оно навеки утверждено неизменной волею божией, и все люди, совершенно равные между собою, одинаково обязаны ему повиноваться.

На практике в мусульманских землях существуют многие нарушения этого коренного закона; но правило неизменно, и мюридизм, подчинив все духовному закону беспрекословно, только довел до конца учение, общее всем мусульманам. Истолкователями закона, естественно, должны быть духовные, которые этому учатся, и потому введение в какую-нибудь страну законоположения по шариату предает всю власть над народом духовенству. Нечего и говорить, что на Кавказе мусульманское духовенство было втайне предано мюридизму. Это учение осуществляло самые задушевные убеждения и желания его.

При пражнем племенном устройстве духовенство не пользовалось влиянием. Горские и подгорные племена подчинялись или владетелям, или высшему сословию, или народному собранию; но вообще управлялись по древнему обычаю, иногда очень сложным и уравновешенным образом.

С двадцатых годов началось уничтожение властей, созданных народною жизнью, и стало распространяться господство шариата. К этому одинаково стремились и кавказское начальство, и Шамиль со своими последователями. Мюридизм напрягал все силы, чтобы истребить местных правителей и высшие сословия, искоренить стародавние народные обычаи, разделявшие и отличавшие племена, заменяя их повсеместным владычеством шариата и духовенства.

Кавказское начальство делало то же самое в покорных обществах, по вполне понятной причине: ему легче было основать народное управление на шариате, писаном законе, чем на неизвестных племенных обычаях, которые надо было еще привести в ясность и узаконить в такое время, когда на Кавказе не существовало даже правильно организованных местных властей.

Но только по этой системе русскими руками обрабатывали почву, на которой потом сеяли мюридизм. Учение исправительного тариката разносилось по Кавказу лицами, состоявшими на русском жалованье. Чего было ждать от населения, вооруженного и невежественного, которому ежегодно проповедовали самые зажигательные идеи, между тем как оно видело своими глазами бесси-

лие русского оружия против мюридизма, сбросившего маску? Естественно, все подгорное население ждало только удобного случая, и мюридизм мог питать самые фантастические надежды...»

Такова, по Р.А. Фадееву, была подоплека неудовлетворительного «идеологического состояния» почвы для проведения в 1845 году глубокой Даргинской экспедиции. Или, иначе говоря, именно в 1840-е годы мюридизм торжествовал в горах Дагестана, Чечне и отчасти в Черкесии и ряде других горных областях. Но имамат Шамиля смог по многим причинам утвердиться только на чеченской и большей части дагестанской земле. Как бы сегодня не писали отдельные авторы, победного шествия имамата и идей мюридизма по Северному Кавказу не произошло. И дело здесь не только в присутствии русских войск, которые продолжали вести военные действия против «немирных» горцев.

Воронцов сменил на посту главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерала А.И. Нейдгардта. Принимая поручение императора Николая I «замирить» Кавказ, граф М.С. Воронцов получил самостоятельность в принятии решения на ответственные военные действия. Будучи достаточно опытным военачальником, умелым администратором и тонким политиком, он совершенно не был знаком с условиями ведения горной войны, тем более в условиях Кавказа, который стал для николаевской империи узлом самых удивительных противоречий.

К его прибытию на Кавказ в окружении государя в конце 1844 года уже вызрел план завершения войны с Шамилем, высочайше утвержденный в декабре. Его суть состояла в том, чтобы одним решающим ударом разгромить противную сторону. Поэтому Воронцов перед отъездом из Санкт-Петербурга получил изстрогих и лагоничных уст монарха следующее повеление:

- «1) Разбить, буде можно, скопища Шамиля.
- 2) Проникнуть в центр его владычества.
- 3) В нем утвердиться».

То есть вопрос о Даргинской экспедиции в принципе был решен на берегах Невы. Почему именно о Даргинской? Потому, что к середине 1840-х годов столицей имама Шамиля стал высокогорный аул Дарго, хорошо укрепленный и прекрасно защищенный самой природой. Селение и было «центром владычества» Шамиля, к которому, в случае опасности, должны были быстро стянуть-

ся «скопища» имама, то есть главные силы мюридов из гор Дагестана, Малой и Большой Чечни.

В ходе похода русских войск на Дарго им действительно пришлось столкнуться с главными силами войска мюридов, а не только с местным ополчением. Многие опытные кавказские генералы, когда новый главнокомандующий, только прибывший на театр войны, поднял вопрос о необходимости скорой организации Даргинской экспедиции, высказали свои протесты. Но граф Воронцов был непреклонен: в Санкт-Петербурге от него ждали самых решительных, победных действий.

Собственно говоря, идея нанесения дальнего удара по ставке имама Шамиля была не нова. Генерал-адъютант А.И. Нейдгардт, командовавший до Воронцова Отдельным Кавказским корпусом, поступил «прямодушно», не предприняв «бесцельного и погибельного Даргинского похода», на котором так настаивали в императорском окружении.

Более того, Нейдгардт, по окончании военной кампании 1844 года, составил следующее «предположение» (оперативный план) действий Отдельного корпуса на следующую кампанию. В нем говорилось:

«...Войска на всей Кавказской линии употребить в течение 1845 года к устройству Лабинской и передовой Чеченской линий, на заложение крепости в Маиоргуле или Ачхое, и для окончания построек в крепостях и укреплениях Надеждинской, Владикавказ, Воздвиженской, Грозной, Куринского укрепления и Внезапной, ограничиваясь при сем одной только обороною наших пределов от набегов горцев».

Предположение это он представил на высочайшее государя императора «благоусмотрение». Но в Санкт-Петербурге мыслили о кампании 1845 года совсем иначе, и решение о смене главнокомандующего на Кавказе было уже фактически принято. Оставались только формальности, выражавшиеся в подписании соответствующего императорского указа и отправке в почетную отставку Нейдгардта, человека на царской службе вполне заслуженного.

В Санкт-Петербурге, в Главном штабе еще не осознавали, что глубокие рейды в горы желаемых результатов не приносили. С уходом русских войск на равнины мюриды опять занимали прежние позиции, которые защищались ими при новой горной экспедиции противника. Каждый раз это обходилось для сторон немалы-

ми людскими потерями. То есть требовалось в ходе горной войны менять тактику боевых действий, но чтобы дойти до осознания этого, потребовалась драматическая Даргинская экспедиция. Имам представлял из себя незнакомую и малодоступную горную страну, и борьба с ним требовала изменений и в стратегии Кавказской войны.

То, что тактика экспедиций в горы, когда войска уходили туда обремененные большими, малоподвижными обозами, была малоэффективной, на Кавказе осознали многие. Так, в ходе обсуждения возможности похода на Дарго командир Самурского отряда генерал князь М.З. Аргутинский-Долгоруков еще в августе 1844 года писал корпусному командиру о своих оправдавшихся опасениях:

«Войска, двинувшись вперед, будут иметь более или менее жаркие дела с неприятелем, что, однако ж, не помешает им, может быть, идти вперед. Неприятель, по мере движения нашего вперед, будет отступать вглубь страны, хотя, конечно, терпя урон от бою, но не расстраиваясь совершенно. Дальность отступления неприятеля будет зависеть от дальности движения войск наших, и неприятель, без сомнения, пользуясь местностью и большею подвижностью, всегда имеет возможность предохранить себя от наших решительных ударов...

Движение наше вглубь страны будет зависеть от запасов продовольствия, которые будем иметь с собою, но во всяком случае должно будет прекращено, так сказать, в виду более или менее сильного неприятеля, который при возвращении нашем не упустит случая преследовать войска наши, к чему также будет много способствовать большая его подвижность...

Таким образом, край, в который мы сделаем вторжение, будет опять оставлен нами. Кроме не которого разорения, которому подвергнутся жители, средства неприятеля, заключающиеся в его вооруженных силах, останутся без большого изменения...

Нельзя, однако ж, предполагать, чтобы войска при движении этом, которые необходимо должны быть, не расстроили материального своего состава. И тем не сделались бы менее способными к тем движениям, которые необходимо должны быть зимою, когда неприятель, пользуясь удалением войск наших на зимние квартиры, будет делать покушения возратить те потери, которые уже он имеет в настоящее время...

Наступательное движение наше в Аварию, Гумбет и Андию и возвращение оттуда без всяких по вероятности решительных результатов не может произвести выгодного для нас впечатления, как в жителях занятого ныне неприятелем края, так и во всех жителях Дагестана, ныне нам покорных...

Движение наше в край, который в следующем году необходимо должен быть прочно занят нашими войсками, откроет неприятелю самые удобные пути вторжения. И даже по неудачам, которые могут быть им теперь испытаны, научит его употребить на следующий год все средства к сильнейшему нам сопротивлению на более слабых пунктах его оборонительной линии...

Доложив Вашему превосходительству о последствиях вторжения, которые, по моему мнению, должны по вероятности последовать, я обращаюсь теперь к вопросу Вашего превосходительства, считаю ли я возможным вторжение в Аварию с войсками, для того предназначенными? Не давая решительного ответа, можно ли это сделать, я, однако ж, уверенный в войсках вверенного мне отряда, смело могу сказать, что войска эти сделают все, что от них будет требоваться. Более сильное сопротивление неприятеля увеличит только потери храбрых, но предприятие может удасться. Остается только решить, будут ли потери соответствовать последствиям этой экспедиции».

Этот документ, вышедший из-под руки генерала князя Аргунинского-Долгорукова и отправленный в адрес еще не уволенного в отставку Нейдгардта, стал известен заинтересованной общественности только в 1859 году. Публикация в «Военном вестнике», подтверждавшая опасения старых кавказских генералов в отношении Даргинской экспедиции, словно предсказала ее реальные последствия.

Так думали «старые кавказцы». Император же Николай I, изучив по карте Главного штаба расположение войск на Кавказской укрепленной линии, вернее — на ее левом фланге, высочайше соизволил повелеть:

«...Произвести наступательные движения в горы, для чего войска, собранные у Воздвиженской крепости, т. е. Чеченский отряд, двинуть к Маиортупу и в соединении у этого Аула с войсками, имеющими прибыть с Кумыкской плоскости через Куринское укрепление, оба отряда сии направить в Дарго (столицу

Шамиля), которое разорив, следовать в Андию; войскам же Дагестанского отряда в то же время произвести наступательное движение от Чиркея, через Салатау и Гумбет в Андию же. Сосредоточенные таким образом в Андии Чеченский, Кумыкский и Дагестанский отряды должны оставаться там такое время, какое нужно будет по соображению обстоятельств на месте, причем для вящего обеспечения Андии построить временное укрепление для 6-батальонного гарнизона».

Такой план, возможно, был хорош для командно-штабной игры на карте, но не для задуманной операции «проникновения» в самый центр владений имама Шамиля. Или, иначе говоря, оперативной ситуацией могли владеть только на месте, а не в далеком от театра Кавказской войны столичном городе на берегах реки Невы.

В главном штабе исходили при замысливании Даргинского похода из наличия сил на левом фланге Кавказской линии. Действительно, силы трех отдельных отрядов — Чеченского, Кумыкского и Дагестанского были значительны: 37 батальонов пехоты, саперный батальон, три роты стрелков, тысяча человек грузинской пешей милиции, 38 с половиной сотен конницы и 58 орудий.

Но, как показала подготовка к большому походу в горы, главнокомандующий М.С. Воронцов мог взять с собой только менее трети этих сил, а в кавалерии и того меньше. К тому же боевые и санитарные потери, задержка с прибытием пополнений приводила к большому недокомплекту людей в пехотных частях. Батальоны имели в среднем по 715 штыков вместо примерно одной тысячи. Наиболее укомплектованным на то время являлся Навагинский полк, батальоны которого имели по 828 штыков, менее укомплектованным был Прагский полк — всего по 547 штыков в батальоне. Стрелковые роты вместо 180 бойцов исчислялись в 132 человека.

Вне всякого сомнения, оказавшись на месте, Воронцов имел возможность ознакомиться со многими мнениями относительно похода на Дарго. Как человек здравомыслящий, он не мог не видеть рискованность предприятия, на котором настаивали в Санкт-Петербурге. Но не выполнить волю государя главнокомандующий Отдельным корпусом просто не мог: находясь столь малое время на Кавказе, он тогда еще не осознал правильность ермоловской тактики применительно к имамату Шамиля и тактические ошибки многих своих предшественников.

Даргинская экспедиция не потребовала большого времени для своей организации. Основу ее сил составили Чеченский отряд генерала А.Н. Лидерса и Дагестанский отряд генерала князя В.О. Бебутова, военачальников достаточно опытных и хорошо знакомых с ведением войны в горах. Лезгинскому и Самурскому отрядам ставились вспомогательные задачи: они вели отвлекающие действия, «наблюдая» за неприятелем в зонах своей ответственности. Главное командование экспедицией царский наместник М.С. Воронцов взял на себя.

В состав Чеченского отряда, уходившего в горы из крепости Внезапной, вошли следующие силы пехоты: 12 батальонов из семи полков — Литовского, Прагского, Замосцкого, Люблинского, Навагинского, Куринского и Кабардинского, две роты 5-го саперного батальона, рота Кавказского стрелкового батальона и две дружины (тысяча человек) Грузинской пешей милиции. Пехотные батальоны полного штатного состава, естественно, не имели: недокомплект был и в офицерах, и в нижних чинах.

Конница состояла из 13 сотен кавказских линейных казаков (из полков — Кавказского, Кубанского, Ставропольского и Моздокского) и кавказской милиции (Кабардинской, Дигорской и Грузинской).

Орудий в горы бралось 28 вместе с зарядными ящиками. Полные батареи для участия в походе взяли из Кавказской гренадерской, 14-й и 20-й артиллерийских бригад.

Обоз Чеченского отряда генерала Лидерса был громоздок. Перевозочные средства состояли из черводарского транспорта в 1000 вьючных лошадей и запасного парка 14-й артиллерийской бригады, состоявшей из 20 ящиков и 200 вьюков. Немалая часть провiantа для первых походных дней неслась на солдатских плечах. (Лошади черводарской породы использовались для вьючных перевозок в походах.)

Дагестанский отряд генерала Бебутова сосредоточился в Темир-Хан-Шуре. Он состоял из 9 неполного комплекта батальонов пехотных полков — Минского, Житомирского, Апшеронского и Кабардинского, двух рот 5-го саперного батальона, двух рот Кавказского стрелкового батальона. Отрядная кавалерия была немногочисленна, она состояла из трех сборных сотен кавказских линейных (полки терцев — Гребенской, Кизлярский, Семейный) и донских казаков, дагестанских всадников. Из 14-й и 19-й артилле-

рийских бригад бралось 18 орудий. Обоз состоял из такого же черводарского транспорта в тысячу вьючных лошадей и полубригады конно-подвижного магазина (380 вьючных лошадей).

Один из участников похода так отозвался о составе экспедиции: «Сравнительная для кавказских операций многочисленность отряда, многочисленность свиты, обозов и полная разнородность состава — все это подало повод к шутливому наименованию отряда — “армией Ксеркса”».

В своих «Воспоминаниях» А. М. Дондуков-Корсаков говорит, что такое название готовящейся экспедиции дали «старые кавказцы». По его словам, они видели в действительно большой свите царского наместника и сопровождавшем войска обозе серьезные препятствия для движения в горных лесах. Ксеркс известен в истории Древнего мира как персидский царь из династии Ахеменидов, обладавший огромной армией и правивший в 486—465 годах до нашей эры.

Подготовка к большому походу на столицу Шамиля аул Дарго велась не только в чисто военном отношении. Чтобы ослабить силы имама, против него была предпринята и моральная акция в виде двух прокламаций. Участник Даргинской экспедиции «очевидец» В. П. Норов (специалисты склонны считать, что это был капитан Норов из 3-го саперного батальона) описывает «пропагандистскую войну» в 1845 году так:

«Главнокандующий войсками на Кавказе и кавказский наместник граф Воронцов, согласно с Высочайшей волей — склонить немирные горские племена к покорности не силою оружия, а преимущественно добрыми мерами — еще с прибытием своим в марте месяце в Керчь, 14-го числа марта же, издал прокламацию к жителям Дагестана следующего содержания:

“Жители Дагестана!

Его Императорское Величество, удостоив меня Высочайшим доверием, соизволил облечь меня полною властью и повелеть мне водворить мир в стране вашей, восстановить порядок и спокойствие, возвратить всем племенам кавказским тишину и безопасность, которые одни могут обеспечить счастье и благоденствие края.

Многолетний опыт показал мне, что не с оружием в руках и не непрерывными враждебными действиями вы можете снискать сии благоденствия. Напротив того, упорствуя в дерзком сопротивлении,

вы подвергаете опасностям ваши семейства, вы нарушаете благосостояние вашей страны, которую вовлекаете в неизбежные бедствия войны; вы принуждаете правительство употреблять против вас меры строгости, кои будут для вас гибельны.

Жители Дагестана! Подумайте о затруднительном положении, до коего довели вас честолюбие и коварные нарушения некоторых людей, употребляющих во зло ваше доверие и вводящих вас в заблуждение. Подумайте о бедственных последствиях, какие неминуемо произойдут от продолжительного настоящего положения вашего.

Если же вы отвратите слух ваш от спасительных слов, мною к вам обращаемых, то будучи обязан сражаться с вами, я призову на вас гнев Божий за пролитую кровь. Но для меня было бы гораздо утешительнее, чтобы вы, вняв гласу рассудка, доставили мне случай привести в полное исполнение благодетельные предначертания Государя Императора. Единственная цель их состоит в том, чтобы прекратить претерпеваемые вами бедствия и даровать вам блага, каких вы можете желать.

Имейте полное ко мне доверие и знайте, что все, что бы не обещал я вам от имени Государя Императора, будет свято соблюдено и исполнено.

Ваша вера, ваши законы и обычаи, ваши жены и дети, ваше имущество, ваши земли останутся неприкосновенными. Могущество и прямотушии России будут надежными для них покровом и залогом вашего благоденствия.

От вас будет зависеть стяжать сии благодеяния. От вас же зависеть будет, отвергнув их, навлечь на вашу страну, на вас самих все бедствия войны.

Жители Дагестана!

Обсудите внимательно слова мои. Да послужат они вам руководством в ваших действиях. Мне же остается повторить: имейте веру во мне, положитесь на мои обещания, и вы увидите, что они свято будут исполнены”.

Того же 14 марта главнокомандующий, по Высочайшему повелению, для обращения в свои ряды находящихся в разных местах у горцев беглых наших солдат, обратился к ним с воззванием:

“Главнокомандующий войсками на Кавказе, генерал-адъютант граф Воронцов, объявляет сим по Высочайшему Государя Императора повелению всем русским солдатам, бежавшим из разных

полков и команд в горы до ниже означенного числа (14 марта 1845 года), что те из них, которые добровольно явятся из бегов, Всемилостивейше прощаются и поступят по-прежнему без всякого наказания или какого-либо взыскания на службу.

Таковой Всемилостивейшей Государя Императора милости исключаются:

1. Те из беглых, которые обвиняются в убийстве, и
2. Те, которые бежали с часов.

Главкомандующий надеется, что беглые солдаты поспешат воспользоваться Монаршим прощением и милостью и не захотят оставаться долее в нищете и среди иноверцев”.

Прокламация, переложенная на татарский язык, и воззвание на русском языке разосланы были с лазутчиками по принадлежности во всеобщее сведение.

Дагестанские племена, не вняв к радушному к ним обращению графа Воронцова, остались по-прежнему врагами русских: в разных местах бывшие у них совещания о покорности и водворения дружелюбных с нами отношений оканчивались, по наущению Шамиля и его приближенных, без всякого результата. Что же касается беглых солдат наших, то весьма немногие на воззвание главнокомандующего перешли по-прежнему в свои ряды; впрочем, взятому в плен, так равно и добровольно перешедшему к горцам, освободиться от них, есть дело трудное и требует необыкновенной смыслености».

...Даргинская экспедиция была объединена общим замыслом и конечной целью — взятием резиденции имама Шамиля. Известно, что перед походом Воронцов встретился со старым кавказцем генералом Р. К. Фрейтагом. Они имели между собой доверительную, откровенную беседу. После нее главнокомандующий утратил недавнюю полную уверенность в победном исходе похода. Только этим можно объяснить слова из его письма от 30 мая 1845 года военному министру князю А. И. Чернышеву:

«Повергните меня к стопам Его Величества, я не смею надеяться на большой успех нашего предприятия, но сделаю, разумеется, все, что будет от меня зависеть, чтобы выполнить Его желание и оправдать Его доверенность...»

Приказом датой выступления всех четырех воинских отрядов был назначен день 31 мая. Однако Лезгинскому отряду генерал-

лейтенанта Г. Е. Шварца пришлось двинуться в горы уже 25 мая. Он имел задачу не допустить усиления сил Шамиля лезгинами, которыми предводительствовал елисейский султан Даниель-бек и мулла Шабан. Получив известие о том, что отряд противника в две тысячи человек отправляется на усиление войска имама, Шварц поспешил нанести по неприятелю упреждающий удар. Он выступил в поход, взяв с собой два дивизиона спешенных драгун, две роты Тифлисского егерского полка и два орудия.

Противники встретились 31 мая у горы Кок. Разведка донесла неверные данные о войске Даниель-бека, недавнего генерал-майора русской службы. У него было не две тысячи воинов-ополченцев, а до пяти тысяч человек. Используя численное превосходство, лезгины у подошвы горы Кок «сильно атаковали» отряд генерала Шварца, но, потеряв убитыми до 150 человек, были отбиты картечью и штыками. Потери русского отряда в том бою составили 29 человек убитых и раненых.

Нападавшие лезгины после неудачного для них боя большей частью рассеялись по своим аулам, в толето больше не собираясь в значительные «скопища». На них удручающе подействовала гибель их имамского наиба Магомеда-Анджикула-Махмуда-оглы, сраженного в рукопашной схватке егерским подпоручиком Деменским.

После этого русский Лезгинский отряд остановил свое продвижение в горы, чтобы иметь возможность «наблюдать» за соседями-горцами, не давая им возможность пойти к Шамилю большими силами для действий против отряда Воронцова. Одновременно прикрывалась Лезгинская укрепленная линия, которая защищала Восточную Грузию с городом Тифлисом от разбойных нападений «немирных» горцев.

Самурский отряд генерала князя Аргутинского-Долгорукова пришел в движение 1 июня, выступив к берегам реки Кара-Косу, притока Сулака. Однако переправиться через нее в течение четырех дней не удалось по двум причинам. Во-первых, прошедшие сильные дожди сильно размывали берега. Во-вторых, на противоположном левом берегу русских поджидал неприятель под командованием одного из известных военачальников Шамиля — Кибит-Магомы. Перестрелка через Кара-Койсу продолжалась до 5 июня.

Отряд Воронцова, выступивший из крепости Внезапной 31 мая, пройдя по левому берегу Сулака через селения Чир-юрт и

Хубар, 3 июня в ауле Гертме соединился с Дагестанским отрядом. Шамиль знал о движении сил противника, но пока каких-то активных действий не предпринимал: ему еще не верилось, что русские решили зайти так далеко в его горные владения и напасть на его столицу Дарго. Во всяком случае, смелость Даргинской операции произвела на него известное впечатление.

Но при этом Шамиль оставался верен своей излюбленной тактике. Он не препятствовал продвижению русских войск в горы и при этом стремился всегда плотно закрыть им возможные пути отхода к своим крепостям. Горцы редко ввязывались в открытые большие схватки, предпочитая действовать из засад в горных лесах и ущельях, по которым проходили дороги. Обилием же их горный край не отличался.

Сделав дневку в Гертме, Воронцов приказал занять Теренгульский овраг, который мюриды оставили без боя. На следующий день русский отряд должен был выступить к селению Гумбет. Туда вели две дороги: одна шла через Мичикальский хребет, другая — через перевал Кырк. Однако данные о них были настолько противоречивы, что главнокомандующий выдвинул вперед сильный отряд при 8 горных орудиях под командованием генерала Д. В. Пассека, чтобы проверить дорогу через перевал Кырк.

Начальное движение отряда горцами не было замечено: они ожидали появления русских со стороны Мичикала. Им (около 3 тысяч человек) пришлось спешно перебираться на гору Анчимсер, которая господствовала над перевалом Кырк. Выполняя приказ Воронцова, генерал Пассек атаковал неприятеля на Анчимсере и занял господствующую высоту, потеряв 17 человек ранеными. Большого боя за перевал не случилось. При движении к Мичикальской позиции в отряде от изнурения, холода и голода пало до 200 лошадей; почти все они принадлежали грузинской конной милиции.

6 июня Дагестанский отряд выступил к бывшему укреплению Удачное, а Чеченский отряд подтянулся к горе Анчимсер. Первая неделя Даргинского похода обнадеживала его участников, особенно графа Воронцова. Неприятель сопротивления не оказывал, а позиции на горе Анчимсер сдал после непродолжительной перестрелки.

На такие настроения не повлияло даже то, что экспедиция началась не в самых лучших для такого предприятия погодных условиях. В горах шли снегопады, резко снизилась температура. На пе-

ревале Кырк мороз доходил до 6 градусов. По пути войскам приходилось разбирать завалы, устроенные горцами. Причем работать зачастую приходилось под свист пуль. Ночные караулы, не имея возможности разводить костры, мерзли. В результате у 200 человек в отряде были отморожены ноги. Иначе говоря, Даргинская экспедиция стала нести санитарные потери.

Затем авангард генерала Пассека занял с боем гору Зунумеер, находившуюся в пятнадцати верстах от Анчимсера. Благодаря этому перед русскими открывалась дорога к так называемым Андийским воротам. В эти дни в экспедиционном отряде «открылся падеж» лошадей: дороги были покрыты снегом, который лишал животных подножного корма.

13 июня русские стали готовиться к вступлению в область Андию. Но оказалось, что все ее селения в тот день поглощал огонь. Как сообщили лазутчики, Шамиль обманом заставил жителей покинуть жилища, которые были подожжены мюридами. Сам имам со своим войском отошел еще дальше, предоставив противнику без боя занять позицию на Буцуркальских высотах. Складывалось впечатление, что Шамиль усомнился в возможности противостоять русским, имевшим артиллерию, и потому открыл им путь в Андию. Но это был его тактический прием, военная хитрость.

Но уже на следующий день, утром 14 июня, Шамиль дал противнику сильный бой, выразившийся в перестрелках. До 6 тысяч горцев с тремя орудиями заняли высоты и до вечера 15-го вели обстрел русских позиций, расположенных ниже. Бой шел на линии между аулами Анди и Гогатль. Мюриды отступили, оставив противнику свои позиции. В этом деле экспедиционный отряд потерял убитыми шесть человек, в том числе одного обер-офицера. Среди раненых оказался батальонный командир Кабардинского полка князь А.И. Бяратинский, будущий генерал-фельдмаршал, принявший в плен имама Шамиля. Потери не свидетельствовали о каком-то действительно жарком бое.

Воронцов расположил свои войска походным лагерем между Анди и Гогатлем. Здесь выяснилось, что запасы продовольствия и фуража находятся на исходе. На исходе оказался и перевязочный материал. К тому же стояла ненастная погода, холода.

Главнокомандующий возложил задачу организации бесперебойной доставки провианта и фуража на командира Дагестанского

отряда генерала князя В.О. Бебутова. Однако на доставку довольствия ушло больше времени, чем рассчитывалось: «Ожидая прибытия транспорта, войска оставались в Андии трое или четверо суток без хлеба, получая только немного водки и мяса и деля один сухарь на десятерых...»

То ожидание транспорта с провиантом окончательно утвердило главнокомандующего русскими войсками на Кавказе во мнении, что вести горную войну с Шамилем надо по-ермоловски, закрепившись в Чечне и оттуда ведя системное, обеспеченное всем необходимым, наступление на имамат. И то, что действия против него со стороны Дагестана должны носить вспомогательный характер.

Генерал М.З. Аргутинский-Долгоруков, близко знавший Воронцова во время его кавказского наместничества, в своем рассказе о Даргинской экспедиции, опубликованном в «Военном сборнике в конце Кавказской войны, приводит такое его осознанное высказывание о событиях в Андии:

«...Если мы когда-нибудь пожелаем прочно утвердиться в Андии, то не со стороны Чиркея и Внезапной можем мы получить наше продовольствие; это почти невозможно летом и совершенно невозможно с осени до весны. Если обстоятельства заставят нас снова стать обладателями этой страны, то надо начать занятием и укреплением Майортупа, как левой оконечности передовой Чеченской линии, потом прорубить в два ружейных выстрела просеку по дороге от Майортупа к Дарго, устроить хороший форт для 4 или 5 батальонов в Дарго, а оттуда до Анди прогулка».

Эти слова М.С. Воронцова, одного из стратегов Кавказской войны, свидетельствуют о том, что еще в начале Даргинской экспедиции, но уже зайдя высоко в горы, он понял ошибочность ее замысла. И подсознательно то, что в борьбе с имамом Шамилем надо руководствоваться ермоловской тактикой, а не волеизъявлениями государя императора и его окружения, далекого от Кавказа и войны в его высокогорье.

Казалось бы, что в рамках разумного Воронцову следовало принять решение об отводе Чеченского и Дагестанского отрядов на исходные позиции. Он не сомневался в том, что его кавказские войска возьмут резиденцию имама штурмом. Но стоял вопрос: какой ценой будет достигнута эта победа? И, что не менее важно, станет ли взятие Дарго серьезным военным поражением Шамиля?

Повернуть с полпути и уйти с горной Андии в предгорья означало одно: отступление, пусть и почти бескровное. Горцы пока всюду отходили перед противником, не упорствуя в перестрелках, которые велись ими с дальних дистанций. Рукопашных схваток они пока избегали. Смириться с такой ситуацией будущий генерал-фельдмаршал и светлейший князь М.С. Воронцов не мог. Поэтому он и решил довести Даргинскую экспедицию до конца, не считаясь с возможными потерями.

Человек, прослуживший в рядах русской армии более полувека, имел репутацию способного и бесстрашного военачальника. Послужной список его выглядел впечатляюще. Начав армейскую службу по тому времени очень поздно (в 19 лет), воевал он часто. Боевым крещением для него стал в 1803—1805 годах Кавказ. В 1805—1807 годах воевал против наполеоновских войск, в 1809—1811 года — против турок на Дунае, в 1812—1814 — против Наполеона. Прославился в сражении при Краоне, в котором его войска целый день держались против неприятельской армии, предводительствуемой самим императором французов. Командовал армейским корпусом. В 1823 году граф Воронцов был назначен Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором. В этой должности участвовал в Русско-турецкой войне 1828—1829 годов. Кавказским наместником и главнокомандующим стал в 1844 году, в самый сложный период с Шамилем. Через десять лет по состоянию здоровья убыл в длительный отпуск и вскоре уволен в отставку.

...Русские войска не двигались вперед в ожидании подвоза провианта с 14 по 20 июня. Шамиль сосредоточил на Азалских высотах вокруг аула Андии около двух тысяч мюридов, которые издали время от времени обстреливали лагерь противника. Имам сам руководил действиями своих воинов. Воронцов приказал не отвечать на такую пальбу, чтобы беречь ружейные патроны. Было приказано беречь и главный провиант — сухари: суточная порция растягивалась на двое суток.

20 июня Воронцов во главе отряда, выйдя из аула Андии, занял перевал Речел, который отделял Андию от Чечни. Горцы после перестрелки поспешно оставили здесь свои позиции. К месту боя подоспел отряд Хаджи-Мурата, которому, преследуемому, тоже пришлось скрыться в горах.

26 июня из укрепления Евгеньевское подошел первый транспорт с провиантом. 4 июля подошел большой транспорт, охраня-

емый войсками генерала Бебутова. Им пришлось выдержать по пути несколько стычек с горцами, действовавшими из засад, и потому он задержался в пути на лишние четыре дня; потери составили 41 человек убитыми и ранеными.

Поход на аул Дарго главными силами начался утром 6 июля. Для прикрытия тыла в селении Гогатль оставлялся отряд полковника В.А. Бельгарда. Авангардом командовал генерал К.Я. Белявский, левой обходной колонной — полковник В.М. Козловский, правой — полковник барон П.П. Меллер-Закомельский, аррьергардом — генерал И.М. Лабынцев. Действиями главных экспедиционных сил начальствовал генерал Ф.К. Клюге фон Кюгенау, оставивший после себя обстоятельные воспоминания о Даргинском походе.

Всего на столицу имамата наступал отряд численностью в 9562 человека: 7940 пехотинцев, 1218 кавалеристов и 342 артиллериста. Отряд состоял из 10 с половиной батальонов пехоты, 4 рот саперов, 3 рот стрелков, 2 дружин пешей грузинской милиции, 4 сотен казаков и 9 сотен кавказской конной милиции (1133 всадника). Артиллерия состояла из двух легких и 14 горных орудий.

Отряд прошел до последнего перевала перед Дарго путь в 14 верст за полдня. Эти версты проходились авангардом в постоянных столкновениях с горцами, которые устроили по извилистой горной дороге в дремучем лесу немало больших и малых завалов, откуда наступающие русские обстреливались частым огнем из ружей. Ряд завалов (всего семь) пришлось брать штурмом. Во время таких схваток смертельное пулевое ранение получили генерал Б.Б. Фок и подполковник Генерального штаба Р.П. Левисон.

Завалы штурмовались авангардом генерала Белявского, причем особо отличились егеря 1-го батальона Литовского полка. Они выполнили приказ главнокомандующего, который гласил: «Не стрелять при штурме завалов, но брать их холодным оружием». Поэтому все семь завалов брались ударами в штыки головным батальоном авангарда.

Когда Шамиль понял, что русских остановить невозможно, он приказал жителям Дарго покинуть его, а мюридам умышленно поджечь брошенное селение. Имам с большей частью своих сил переправился через реку Аксай, «потянулся по противолежащим высотам». Другая часть его войска заняла левый берег Аксая, имея воз-

можность издали обстреливать идущего к горящему аулу противника. «Свое жилище» Шамиль сдал без боя.

Когда наступающие батальоны русских стрелков вышли из леса, перед их взорами открылся пылающий во всех концах Дарго. Авангард генерала Белявского спустился с гор и занял резиденцию имама. Бивак раскинули около аула, куда вскоре с отрядной конницей прибыл главнокомандующий.

Остальные экспедиционные войска спускались с гор всю ночь, а аррьергард прибыл к 8 часам утра следующего дня. Боевые столкновения 7 июля показали один серьезный изъян в организации Даргинской экспедиции: авангард отряда постоянно вырывался вперед, и следующие за ним силы не всегда вовремя оказывали впереди идущим огневую поддержку.

Отдельные современные исследователи Кавказской войны, прежде всего злополучной Даргинской экспедиции, пытаются изобразить взятие столицы имама Шамиля — высокогорного аула Дарго, — как военное предприятие, связанное с большими людскими потерями. Но так ли это было на самом деле? Потери воронцовского отряда (9562 бойца) в день взятия Дарго известны точно — 205 человек и «много лошадей». Погибло 36: один генерал, один штаб- и 2 обер-офицера, 28 солдат и 4 милиционера. Ранено — 137 (в том числе легко) и контужено 32 человека. То есть общие потери составили чуть больше двух процентов численности отряда, взявшего столицу имамата. Убитых оказалось немногим больше трети одного (!) процента.

Шамиль отказался защищать свою ставку, как это было в случае взятия русскими войсками аула Ахульго. Он решил нанести противнику поражение (или большие потери) при его уходе с высокогорья вниз. К тому же его людской урон в день 6 июля, по сведениям лазутчиков, тоже оказался значительным, но каким, истории не известно.

Дальше события под Дарго разворачивались так. Горцы всю ночь и утро 7 июля обстреливали пушечными ядрами лагерь противника со стороны селения Белгатой. Воронцов решил занять аул. Был сформирован отряд под командованием генерала Лабынцева из 5 батальонов пехоты, 4 рот стрелков, саперов и егерей, 4 казачьих сотен и 2 — грузинской конной милиции при 6 горных орудиях. Горцы было заняли оборону в жилищах Белгатоя, но кавказцы, перейдя реку Аксай, выбили их из аула.

За Белгатоем находилась открытая местность, которая позволила казакам и грузинам-милиционерам некоторое время преследовать защитников аула. Тем временем пехота генерала Лабынцева в рукопашных схватках отбила у мюридов кладбище у селения Цонтери и заняла там позицию. Когда отряд возвращался к Дарго, горцы попытались отрезать его у переправы через Аксай, но были отбиты огнем из горных орудий, понеся при этом большие потери. Воронцову даже пришлось высылать для огневой поддержки две роты егерей с несколькими орудиями.

Отряд, проводивший операцию у селений Белгатой и Цонтери, потерял 30 человек убитыми и 187 ранеными. Итогом боя стал отход русских из взятого ими аула и занятие вновь отрядами Шамиля левого берега реки Аксай. Понесенные потери оказались бесполезными, и царский наместник Воронцов это понял. Сожжение белгатойских хуторов (саманников), являвшихся собственностью Шамиля, настроения войск не подняло. Барон Н.И. Дельвиг о том дне писал:

«Уныние навели не потери, к чему так привыкли кавказские войска, а сознание в их бесполезности».

7-го числа Воронцов отдал приказ сжечь резиденцию имама, вернее предать огню то, что уцелело после еще не потухшего пожара. Речь шла не о саклях, а о дворце Шамиля и дворцовых, служебных постройках, которые мюриды-факельщики не тронули. Не тронули они и русские избы на западной окраине аула за нешироким рукавом Аксая, «служившие помещением изменникам беглым русским, бежавшим к Шамилю из своих рядов в разное время» (жившим около Дарго особой, отдельной слободой, преимущественно мастеровых разного рода).

День 8 июля прошел под окончательно сожженным и разоренным аулом Дарго так, как его описал в своих мемуарах В.И. Норов:

«...Священнослужители на избранном месте служили собором благодарственное молебствие по случаю счастливого занятия Дарго; при сем присутствовали: главнокомандующий и прочие генералы, а от войск наряжены были по 20-ти человек с каждого батальона. После молебствия совершена панихида о падших воинах 6-го и 7-го числа, а также и о несчастных пленных наших, замученных Шамилем в начале весны сего года у орехового дерева, на соседних с Дарго высотах Белгатойских...»

О последнем следует сказать особо. В Дарго в тяжелых условиях содержались 29 русских пленных — офицеров, юнкеров и ун-

тер-офицеров. Большинство из них оказалось в плену в 1843 году. Тогда войско мюридов овладело Былаканским укреплением, которое защищала мушкетерская рота Апшеронского полка под командованием поручика Доманского, и укреплением в Гоцатле, где гарнизоном стояла рота Тифлисского полка. Пленные сумели передать через лазутчика письмо командованию в крепость Грозная, в котором говорилось о своем тяжком положении.

Из Грозной с лазутчиком пришел ответ, в котором говорилось, что пленники могут надеяться на скорое освобождение, что при нападении на Дарго они получают свободу. Пленные письмо не уничтожили. Охрана их сразу же донесла Шамилю о том, что настроение русских как-то резко изменилось и они «повеселели». Имам приказал предать их пыткам и вызнать то, что послужило перемене настроения. Но допросы с пытками ничего не дали. Тогда было велено провести повальный обыск, и, казалось бы надежно спрятанный лист бумаги нашли. Нашелся и переводчик.

«По обычаю решать все немедленно, Шамиль тут же отдал приказание, чтоб всех 29 человек умертвить, дабы тем прекратить всякую для них надежду на освобождение. На другой день закованные и связанные невинные жертвы варварства приведены были на Белгатойские высоты, где привязали их всех вместе к ореховому дереву до 2-х сажен в объёме; между тем приготовлены были два орудия, заряженные картечью, и поставлены на самую близкую дистанцию от рокового для несчастных дерева. Приехал Шамиль; немедленно фитили из рук подлых наших же дезертиров опустились на затравки и два картечных выстрела положили конец существованию большей части несчастных; остальные, коих пощадила картечь, по приказанию Шамиля, наскочавшими мюридами были изрублены и изувечены страшным образом».

..Удерживать сожженный Дарго, находясь при этом во вражеском окружении, смысла никакого не было. Настроение в войсках оставляло желать лучшего: погода испортилась — шел дождь со снегом, провиант и фураж подходили к концу. Но уйти из аула, который становился ловушкой, Воронцов не мог до прибытия транспорта с продовольствием. Он тогда не знал, что горцы сумели по дороге в Дарго отбить часть обозов с продовольствием, много вьючных лошадей погибло в горных ущельях.

Возвращаться прежней дорогой экспедиционный отряд не мог по той простой причине, что неприятель счел бы это за свою

военную победу. Оставалось продолжить движение по горным лесам в направлении к укреплению Герзель-аул на территории Чечни. Об отступлении главнокомандующий не хотел и слышать. Оставалось только дожидаться прибытия транспорта с провиантом. Генералу Клюге фон Клюгенау было приказано с частью отряда идти навстречу транспорту, чтобы перегрузить в солдатские ранцы часть продуктов и боеприпасов и таким образом доставить их в лагерь у Дарго.

Походная колонна провиантского отряда показалась утром 10 июля. Его авангардом командовал генерал Д.В. Пассек, арьергардом — генерал В.М. Викторов. Горцы многократно предпринимали попытки отрезать арьергардную часть транспорта с продовольствием: арьергардное охранение с трудом отбивало такие атаки. В конце концов оно, после гибели Викторова и потеряв два орудия, отступило, оставив врагу часть вьюков.

Экспедиционный отряд отправился от аула Дарго в обратный путь 11 июля. Генерал Д.В. Пассек, известный своей «легендарной храбростью» и бесшабашной удачей (это стало причиной его гибели в той экспедиции), вновь командовал авангардом. Арьергард возглавил раненый полковник И.А. Ронжевский. Обозы разместились в середине походной колонны под прикрытием стрелковых рот. Раненых отправили в ТемирХан Шуру, для чего был сформирован специальный отряд из сил Дагестанского отряда.

Перед выходом из Дарго главнокомандующий издал приказ о бережливости, который был прочитан в каждой роте и сотне. В нем особо подчеркивалось о сбережении патронов и сухарного провианта:

«Храбростью и неустрашимостью войск предводимого мною отряда я совершенно доволен, но к неудовольствию моему я заметил, что войска стреляют часто попусту и при пальбе на месте боя, вероятно от поспешности, роняют патроны: я сам это видел. Кроме вреда, что эти патроны достаются неприятелю, который после того ими же стреляет в нас, храброму солдату стрелять попусту не должно. Начальникам частей прочесть это всем нижним чинам по роту и сказать, что я желаю, чтобы они стреляли редко, да метко, а патроны, как сухарь, про нужду берегли».

...Шамиль успел основательно подготовиться к началу движения воронцовского отряда от сожженного аула Дарго. Горцы применили испытанную тактику: дорога с гор во многих местах была

перекрыта завалами из поваленных деревьев и камней, при этом они не гнушались использовать для этой цели трупы людей и лошадей. Этим они стремились нагнать на противника физиологический и мистический ужас.

Участник Даргинской экспедиции, сражавшийся в рядах отрядного авангарда, описывает один из боев за овладение завалом, случившийся 11 июля:

«...Головной Люблинский батальон без приказа двинулся вперед и стал подходить к тому месту дороги, которое затоплено было глиною и где неприятель, готовя для нас решительный удар, воспользовался минувшею ночью и навалил на этом месте на протяжении до 30 сажень груды обнаженных и страшно изувеченных наших человеческих и конских трупов, доставшихся в его руки после дела вчерашнего числа; составив таким образом небывалый доселе завал из трупов и заняв боковые по сторонам высоты и местность впереди завала на полуружейный выстрел, горцы открыли убийственный по люблинцам огонь, лишь только они вступили на этот страшный завал.

Никакая сила уже не могла удержать люблинцев; они, по колено в глине, топчя трупы своих товарищей, стремились достигнуть поляны, поражаемые смертельным огнем; командовавший батальоном ротмистр Беклемишев, перерезывая себе дорогу через батальон, тщетно старался остановить люблинцев; они его не слышали, а может быть, и не хотели слушать...»

В ночь с 11 на 12-е число горцы окружили походный стан — вагенбург арьергарда и, по всей видимости, собирались его атаковать. Но наличие у русских нескольких орудий и зарядов картечи удержала Шамиля от ночного нападения. Однако спокойно спать противнику они не дали. Очевидец описывает ту ночь так:

«...Вагенбург лежал в котловине, окруженный со всех сторон на хороший ружейный выстрел горами. В полночь поднял всех на ноги залп из нескольких сот ружей кругом с гор, а затем в брани порусски отчетливо различались слова: “Гаур, гаур, есть генерал, давай его сюда, шкура на барабан”, и за повторением этих слов несколько раз следовали опять выстрелы, продолжавшиеся до ранней зари».

Постоянно атакая на походную колонну Даргинского отряда со всех сторон, свободно маневрируя по окрестным оврагам и лесам, отряды Шамиля, сами неся огромные потери, наносили каж-

додневно отступавшим большой урон, сумев отбить большую часть обоза. Пока противник по ходу движения занимался разбором завалов, горцы обстреливали их из ружей. Особенно много завалов оказалось на горном подъеме через хребет, который отделял аул Гурдали от соседнего селения Шуани.

Бой за обладание дорогой через горный хребет состоялся 14 июля. Генерал А.Н. Лидерс взял завалы штурмом, лично ведя вперед три колонны штурмующих, которых поддерживали своим огнем артиллеристы. Пока шли схватки за завалы, горцы напали на отрядный обоз, и хотя не отбили его, но успели порубить много раненых. В тот день потери экспедиционного отряда составили 61 человек убитыми и 220 ранеными, контуженными и пропавшими без вести. На следующий день погибло 15 человек, ранено и контужено 67 человек.

После захвата 16 июля с боем на высотах аула Шаухал-Берды, в Даргинском отряде патронов почти не оставалось. Раненых же стало вдвое больше — их насчитывалось уже около 1500 человек. Шамиль понимал, что русские могут получить помощь от Герзель-аула, и, собрав все свои войска воедино, он 17 и 18 июля несколько раз атаковал их походный лагерь у Шаухал-Берды. Однако эти нападения были отбиты, причем оборонявшаяся сторона потеряла в ходе двухдневных боев 12 человек убитыми и 31 ранеными. То есть об успешности этих последних нападений мюридов, исходя из нанесенных ими противнику потерь, говорить не приходится.

18 июля в 7 часов вечера по дороге из Мискита показался отряд русских войск, спешивший на помощь экспедиционным войскам. Это был генерал Р.К. Фрейтаг, начальник левого фланга Кавказской укрепленной линии. Перед выходом из Дарго царский наместник отправил ему приказ идти навстречу от укрепления Герзель-аула с силами, которые удастся собрать. Для верности приказ был послан пятью конными вестниками пятью различными путями. Фрейтаг привел с собой 7 с половиной батальонов пехоты, три казачьи сотни и 13 орудий. Кавказские войска соединились у урочища Мискит и расположились там лагерем.

Даргинский отряд, согласно официальному отчету, потерял с 13 по 20 июля убитыми 294 человека, ранеными — 778 и пропавшими без вести — 40 человек. Потери отрядов имама Шамиля неизвестны.

Отдохнув, войска 20 июля двинулись к Герзель-аулу. Горцы больше не показывались. В 4 часа дня главнокомандующий граф М.С. Воронцов въехал в это укрепление в сопровождении музыки и песен. Экспедиционным войскам был дан положенный отдых, после чего они разошлись по своим квартирам. Кавказскую милицию распустили по домам. Раненых и больных определили в госпитали и лазареты.

Так закончилась Даргинская экспедиция войск Отдельного Кавказского корпуса под командованием самого царского наместника на Кавказе. Захват очередной столицы имамата, резиденции Шамиля — селения Дарго — прошел успешно. Но то, что произошло после того, как русские войска вошли в горящий и безлюдный аул, ошеломило и участников экспедиции, и современников.

Из плана императора Николая I новый главнокомандующий Отдельным корпусом выполнил только его второй пункт: аул Дарго был взят, да еще малой кровью. Воронцов не смог реализовать первый и последний — третий пункты плана монарха. «Разбить, буде можно, скопища Шамиля» ему не удалось, равно как и утвердиться в «центре владычества Шамиля».

Кавказский наместник не мог не отметить храбрость, стойкость и неустрашимость войск Отдельного корпуса, участвовавших в Даргинской экспедиции. Был издан приказ № 69, в котором говорилось:

«Воины главного действующего отряда!

Наконец твердостью, усердием и неустрашимостью вы исполнили трудный и славный подвиг, повеление Государя нашего, оживления России и наше собственное желание. С самого начала кампании неприятель со всеми своими сборищами не смог вам противостоять; он оставил нам без боя и Хубарские высоты, и крепкую Бартунайскую позицию; он надеялся остановить нас на Мичикале, но славным подвигом взятия горы Анчимеера оттуда прогнан, преодолев все трудности природы, мы пошли к Андийским воротам, где он не смел нас ожидать и сам предал огню и опустошению богатое андийское население: за Андией он захотел держаться на позиции, но постыдно прогнан с оной горстью наших храбрецов.

Когда мы увидели опять сборища Шамиля на горах, мы опять пошли на них, рассеяли толпы их и дошли до самого Технуцала. Около Андии, где русские до сего еще никогда не были, мы жили

спокойно, сколько нам было нужно, но этого еще было не довольно; нужно было дойти до самого гнезда Шамиля. мы пошли в Дарго и хотя нашли дорогу труднейшую и леса, в которых они сильно защищались, ничто не могло нам противостоять, и Шамиль вынужден был начать разрушение своего жилища и заведений, которое мы после в полной мере довершили.

По затруднению доставлять туда продовольствие, было невозможно и бесполезно оставаться долго в Дарго, но мы пошли оттуда не назад, не отступая, но пошли опять прямо на него же; грудью сбили его с позиции у дер. Цонтери и потом, все наступая, гнали его с позиции на позицию, пока уже близко к Герзель-аулу мы соединились с храбрым генералом Фрейтагом, который по первому от нас призыву, собрав с невероятною скоростью сильный отряд, пришел к нам навстречу; тогда силы неприятельские обратились на наш арьергард, но и тут с потерей и со стыдом отбиты.

Такие подвиги не могли быть исполнены без урона, мы потеряли несколько достойных начальников и храбрых солдат; это жребий войны: истинно русский всегда готов умереть за Государя и отечество, но мы имеем то утешение, что ни один раненый, какого бы он не был звания, нами не оставлен, ни один не попался в руки неприятеля и мы вчерашнего числа дошли благополучно до нашего укрепления и вам можно будет отдохнуть от трудов и утешаться воспоминаниями о военных подвигах.

Государь будет вами доволен; слух о нашем походе долго будет служить в горах страшилищем для врагов наших и доказательством, что для русского солдата нет ничего невозможного.

Я горжусь тем, что имел честь вами начальствовать и разделять с вами труды и опасности; от всей души благодарю вас за усердие, терпение и неустрашимость, вами оказанные, и займусь теперь приятным долгом уведомить Всемилостивейшего нашего Государя о подвигах всех и каждого».

В приказе № 69 граф М.С. Воронцов, собственно говоря, дал личную оценку результатам Даргинской экспедиции, за которую он удостоился титула светлейшего князя. Вполне понятно, что в таком приказе он не мог говорить о понесенных людских потерях...

Как же оценивали Даргинский поход рядовые его участники — нижние чины Отдельного Кавказского корпуса? Солдаты мемуаров не писали, если разве только не считать разжалованных офи-

церов и волонтеров. Но в память об экспедиции к Дарго, о главнокомандующем Воронцове осталась солдатская песня, которая лучше всего передает настроение людей, участников событий летом 1845 года. Вот она, «воронцовская» песня:

Ура! Граф Воронцов, ура, ура, ура, ура!

*Мы шагнули молодцами
Через Андийские ворота;
Царские знамена с нами
Возле снежного хребта.*

*Против шашек, пух штыками
Дружно грянем мы ура!
От маршей мы отдохнули,
Русский Бог велик, ура!
Царь-Отец наш верно скажет:
«Ай, спасибо» за труды;
Всякому вождю из нас докажет,
Что его достойны мы;*

*Первый он ведет нас к бою
И лелеет как детей;
Барабан наш бьет к покою,
Он не спит среди ночей,
И от холода, от зноя
Терпит только за людей.*

Ура! Граф Воронцов, ура, ура, ура, ура!

*Указал царь православный
Цель похода нам Дарго;
Там приют Шамля давний;
Логовище там его.*

*Предстоит еще бой главный
Но кавказцам ничего.
Вот пришли... теперь штык славный
Встрепенись, тебе пора.*

*Чу... бегут. На всех страх равный
Ты нагнал, наш граф, ура!*

*Ура, князь Воронцов, ура, ура, ура, ура!
Ура, князь Воронцов, ура, ура, ура, ура!*

Один из героев Даргинской экспедиции граф К. К. Бенкендорф, «имевший честь командовать» пехотным батальоном, писал в своих мемуарах (впервые опубликованы на французском языке в Париже):

«Много крови было пролито с той и другой стороны. Дарго было в развалинах, Андия была одно время занята, Ичкерия пройдена с одного конца до другого; никогда еще наши знамена не проникали так далеко в горы, никогда еще дух войск не стоял на такой высоте, никогда еще не покрывали себя на Кавказе войска наши большей славой, никогда еще не обладали мы здесь столь значительными силами, и никогда еще не давали мы столько боев, а между тем могущество Шамиля осталось во всей своей силе.

Причина тому — очень ясная. Ошиблись в значении Дарго и Андии, еще раз обманулись в значении в горах наших бесполезных побед и еще раз ошиблись в результатах и последствиях нашего вторжения.

Главный результат кампании — это большой и основательный урок для будущего. Дай Бог, чтобы урок этот был плодотворен по отношению предприятия этих более смелых, чем полезных экспедиций, выполнение которых поручается лицам, мало знакомым с условиями ведения войны на Кавказе и слишком занятых своей воинской славой. Перед нами налицо опыт, купленный достаточно дорогой ценой, чтобы служить нам предостережением в будущем и чтобы утвердить среди нас более рациональные принципы, которые мы теперь и предлагаем для умиротворения края.

Эти принципы всегда во все времена использовались мудрыми и мыслящими деятелями, которым был близок край и которые в своих соображениях не увлекались ничем тем, что шло вразрез с общим благом.

В этой кампании Кавказская армия пожала новые лавры и получила новое право на признательность России, а будущие поколения, более нашего поколения счастливые, будут пожинать там,

где мы сеяли, и из этих чудных, еще диких и невозделанных ныне земель извлекут всю цену пролитой здесь нами крови.

Войска в эту кампанию к вождю, сумевшему руководить ими, преисполнились еще большим доверием, а Государь в героизме этой армии, для которой не было невозможного и твердость которой преодолела все препятствия, получил новую гарантию своего могущества.

Очевидно, что Шамиль припомнил эти снега и скалы Дагестана, которые не остановили наши войска, припомнил и кровавые бои в Чечне, которые никогда не могли утомить нас. когда, в своей проповеди в горах, весной 1846 года, незадолго до его вторжения в Кабарду, он говорил своим, со свойственной ему смелостью языка:

“Я готов всех вас отдать за один из этих русских полков, которых так много у Великого Императора, с русскими войсками весь мир был бы у моих ног, и все человечество преклонилось бы перед единым Богом, единый пророк которого Магомет, и я единый им избранный имам ваш”.

...Даргинский поход 1845 года символизировал собой один из самых крупных провалов в стратегии и тактике ведения официальным Санкт-Петербургом затяжной Кавказской войны. С этим в оценке похода, который в солдатской среде кавказцев получил название «сухарной экспедиции», исследователям надо, бесспорно, согласиться.

Но любой провал в разумных руках обычно ведет к пониманию его причин, видимых и невидимых. Тогда в корне меняется отношение к государственному делу, каким была для Российской империи Кавказская война, ставшая с самого своего начала клубком международных противоречий, поскольку о ее ходе и развитии пеклись не только в Санкт-Петербурге, столице наместничества на Кавказе в городе Тифлисе и высокогорных резиденциях Шамиля. О той войне многими десятилетиями «заботились» в Стамбуле и Тегеране, Лондоне и Париже, да и в ряде других европейских столиц, которые особо не симпатизировали к России.

Какие бы мнения сейчас не высказывались о руководителе Даргинского похода М.С. Воронцове, ставшем, находясь уже не у кавказских дел, генерал-фельдмаршалом, следует признать следующее. Под влиянием той экспедиции и переписки с отставным полководцем А.С. Ермоловым он достаточно скоро и убежденно

пришел к выводу, что стратегия и тактика Кавказской войны неверна, что ее надо в корне менять. В одном из донесений, опубликованном в «Военном сборнике», с места событий царский наместник с откровением писал:

«Все мы ... в Петербурге и здесь, были в самом полном заблуждении насчет свойства дороги от Анди в Дарго, только пройдя ее, мы могли убедиться в нашей ошибке; но несмотря на все встреченные нами трудности, для преодоления которых необходим был весь героизм наших войск, я не раскаиваюсь, что ходил туда...

Здесь, особенно после легкого нашего прибытия в Андию, распространилось общее мнение, что мы должны и можем идти в Дарго, и мне было стыдно возвратиться на плоскость, не разрушив гнезда главного нашего врага; все нравственное влияние было бы потеряно...»

К слову сказать, отдельные историки почему-то считают, что Даргинский поход 1845 года явился некой «вершиной» действий царских войск на высокогорье Чечни и Дагестана до середины 1840-х годов. В «Архиве графа Воронцова» имеется ермоловское письмо, которое свидетельски проливает свет на сей счет:

«...Итак, не говоря уже за себя, чье имя уже почти не вспоминается среди живущих, но за позднейшее время скажу, что несправедливо утверждаешь ты, что войска Русские не появлялись там, где они были в прошедшем 1845 году. Частию по самой той дороге, по которой ты шел на Дарго, покойный генерал Розен и генерал Вельяминов переправились через Аксай и далее в селение Беной...

Теперь в Москве пехотный Бутырский полк, который, помнится, был даже в Дарго. Оно не имело нынешней знаменитости, ибо не было подозреваемо о Шамиле, и верно его никто не знал. Владычествовал тогда Кази-Мулла...»

События лета 1845 года не свидетельствуют о каком-то крупном поражении Отдельного Кавказского корпуса в горах. Если 12-тысячный воинский отряд, находившийся в походе по неприятельской территории, теряет в боях по ходу обратного движения (но не во время взятия резиденции имама аула Дарго) около 4 тысяч человек убитыми, ранеными, больными и пропавшими без вести, то эта цифра не свидетельствует о его разгроме. А, как известно, войска Даргинской экспедиции не составляли и четверти русских войск на Северном Кавказе.

Серьезные исследователи прошлого и настоящего, которые не руководствуются какими-то конъюнктурными соображениями, сходятся в одном. В действительном главном звучании событий Даргинского похода. Он стал «пограничной вехой» в переменах в стратегии Кавказской войны. Именно с лета того года и император Николай I, и Главный штаб, и кавказское военное начальство отступились от практиковавшейся тактики «блиц-бросков» с задействованием большого числа войск и тяжелых вооружений (артиллерии прежде всего). Началось ермоловское планомерное наступление в горы Чечни и Дагестана, то есть в высокогорные владения имама Шамиля. В таких условиях солдат зачастую больше действовал не ружьем и штыком, а топором для рубки просек в «разбойных лесах». Такая тактика и привела к триумфу кавказских войск России, которые завершали горную войну под водительством генерал-фельдмаршала князя А. И. Барятинского.

Поход к Дарго, этой новой столице имамата, не стал трагедией для Отдельного Кавказского корпуса. Не то было соотношение сил и духа сторон даже в 1840-х годах, начало которых стало вершиной власти и успехов Шамиля в горных районах Чечни и Дагестана. Не случайно после событий с 1840 по 1843 год писалось следующее:

«...Теперь Россия имела дело не с разрозненными племенами, а с государством, в распоряжении которого были тысячи храбрых и фанатичных воинов, послушных воле одного человека».

Таким было эхо воронцовской Даргинской экспедиции в Кавказской войне. Именно с 1845 года начнется кривая падения военных и политических успехов Шамиля, которая приведет его в Гуниб, где он со своими последними мюридами сложит свое оружие и признает полное поражение от России. Победительница поступит с ним, как это хорошо известно, самым милостивым образом. Поймет это и сам бывший имам, вступивший в ее подданство и давший в том публичную клятву.

Глава 9

КРЫМСКАЯ ВОЙНА НА КАВКАЗЕ. СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ЦЕНА КАРСА

Крымская война 1853—1856 годов, известная в Европе больше как Восточная, начиналась как очередная Русско-турецкая война. Как и в предыдущих военных конфликтах с Россией, у Стамбула были немалые территориальные претензии к своему северному соседу — Крым и Закавказье. Наиболее горячие головы в султанском окружении вспоминали о «всем» некогда турецком черноморском побережье России: Северной Таврии, Абхазии, Черкесии, других областях Северного Кавказа.

Оттоманская Порта начинала войну как бы в одиночестве, но за ее спиной зримо стояли Франция и Англия. Пройдет совсем немного времени, и Крымская война со стороны недругов Российской империи примет коалиционный характер: после антинаполеоновских войн 1813—1814 годов и до Первой мировой войны 1914—1918 годов, то есть за целое столетие, в Европе пройдет одна-единственная большая континентальная коалиционная война (если не считать двух локальных, Балканских). В ней Российская империя Николая I окажется в полном одиночестве.

Новая Русско-турецкая война вспыхнула одновременно на Кавказе и в придунайских степях. Сначала военный гром грянул в операционной зоне русского Нурийского отряда, где первый вражеский удар принял на себя гарнизон поста Святого Николая.

Пограничный пост, расположенный по берегу моря севернее Батума, сперва назывался Шевкетели. Потом его переименовали в Пристань Святого Николая. Или просто — пост Святого Николая.

Он мало чем отличался от других приморских пограничных постов, состоя из нескольких десятков небольших деревянных до-

миков на берегу Черного моря. В них, помимо местных жителей, проживали начальник поста (или иначе — пограничной заставы), чиновники карантинно-таможенной службы, хранился провиант и располагалось несколько купеческих лавок. И все. Укреплений — никаких, поскольку пост — не крепость. Да еще со складом муки в три тысячи четвертей весом.

Начальник поста Святой Николай пехотный капитан Щербаков одним из первых на границе осенью 1853 года почувствовал «запах» войны с Турцией. Тревожащие вести из близкого Батума приходили с аджарцами, дружественно настроенными к русским. Тогда турки еще крепко держали в своих руках Аджарию с ее прекрасной Батумской бухтой. Все понимающий Щербаков отправил в Ахалцах своему начальнику генерал-лейтенанту князю И.М. Андроникову, тифлисскому губернатору, не одно срочное донесение с морской границы.

С поста виделось, что османы явно готовили на границе большую пакость. Морем подвезли в Батум несколько таборов — батальонов регулярной пехоты. На той стороне пограничного рубежа по ночам установили, тщательно замаскировав, несколько артиллерийских батарей, которых у русских здесь не было. В Батумской бухте заметно прибавилось фелук — мореходных парусников, небольших, но вместительных. Многие из них пришли к берегам Кавказа из Средиземноморья. Такое в портовом городе от местных жителей не скроешь.

Довольно скоро капитан Щербаков сообщил командованию Военно-Гурийского округа о проверенных достоверных фактах собирания в Батуме крупного десантного отряда. Тот переслал донесение царскому наместнику на Кавказе князю М.С. Воронцову. По настоянию генерал-лейтенанта Андроникова при дефиците воинских сил все же пограничный пост на морском побережье решили хорошо (исходя из возможностей) укрепить. В случае войны Пристани Святого Николая приходилось принимать на себя первый вражеский удар.

По приказанию тифлисского военного губернатора пограничная застава получила усиление: 255 стрелков (две неполные роты) из Черноморского линейного батальона и несколько конных казаков-кубанцев для ведения разведки и доставки донесений. Из укрепления Редут-Кале подвезли два легких полевых орудия.

Вскоре прибыли две сотни пешей гурийской милиции (мест-

ных ополченцев) под командованием князя Георгия Гуриели. Это о них кавказский наместник Воронцов доносил накануне войны императору Николаю I Павловичу:

«Для временной экспедиции они (гурийцы. — *А. Ш.*) очень хороши, ибо храбры по природе своей и любят тревоги военной жизни...»

Когда подошло такое солидное подкрепление, капитан Щербаков стал готовить пост к обороне с суши и с моря. Дозорами перекрыл горные тропы у границы. Каждая сотня гурийцев-милиционеров, каждый взвод стрелков-черноморцев и орудийный расчет получили участки (сектора) для обороны. Но на все эти приготовления оставались считанные дни, о чем русские могли только догадываться...

Султанский главнокомандующий Анатолийской армии Абди-паша получил из Стамбула (Константинополя) секретный приказ начать боевые действия заблаговременно, не ожидая официального объявления «священной войны». Начал спешно составляться десантный отряд. Перед ним ставилась следующая задача: не считаясь с потерями, захватить слабо укрепленный русский пост на морской границе и уничтожить его гарнизон. Только тогда турецким войскам открывалась прямая дорога по суше в Гурию. А дальше шел прямой путь в города Кутаис и Тифлис.

Абди-паша потребовал от начальников отряда морского десанта исполнения еще одного своего приказа: ни зверь, ни птица не должны вырваться из осажденного гарнизона с тревожной вестью в штаб русских кавказских войск. Тогда во многом обеспечивался дальнейший успех внезапных начальных действий турецких войск вдоль Черноморского побережья Грузии.

...В ночь на 16 октября 1853 года османский десант на 80 фелуках, вооруженных фальконетами, незаметно подошел к берегу у устья реки Натамбы, в трех километрах севернее поста Святого Николая. Огромная флотилия шла под покровом ночной темени под парусами и на веслах. Каждая фелука, помимо экипажа, несла на своем борту по 60—70 солдат с их снаряжением и припасами.

Впоследствии станут известны силы морского десанта — свыше пяти тысяч человек. Превосходство в людях над гарнизоном Пристани Святого Креста турки имели более чем десятикратное!

Высадка на берег в ночи прошла без шума — ослушниками грозили смертной карой. Султанские пехотные солдаты-аскеры, набранные из трапезундцев, лазов и кобулетцев, стали обходить пограничный пост, хоронясь в лесу, со всех сторон и готовиться к внезапной атаке.

Штурм поста начался с яростного обстрела. Шквал огня из фальконетов и небольших пушек обрушился на спящий пограничный гарнизон. Русские солдаты и офицеры, пограничные стражники, гурийские милиционеры, казаки-кубанцы, разобрав оружие, под грохот снарядных разрывов занимали свои места. По приказу капитана Щербакова двухорудийная батарея открыла ответный огонь. Вторжение же вражеских колонн ожидалось со стороны недалекого Батума.

Яростный обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Свалившаяся в ночи на пограничный пост тишина и стала сигналом к неприятельскому приступу. Пятитысячный турецкий десантный отряд с криками пошел в атаку на защитников поста Святого Николая. Главный удар наносился с тыла.

Мужественно и твердо встретили защитники поста внезапную первую атаку врага. Загремели ружейные залпы, а затем начался беглый прицельный огонь. Пули разили атакующих османов, стремившихся побыстрее взять верх числом в рукопашном ночном бою. Огонь стрелков картечью поддерживали пушкари. Случилось совершенно неожиданное для турок: русские отбили их первый приступ. Но за ним последовали другие, не менее настойчивые, массированные атаки.

Капитан Щербаков, воспользовавшись минутным затишьем, отправил в штаб Гурийского отряда и в Ахалцах к генерал-лейтенанту Андроникову вестников. Они сумели под покровом темени южной ночи незаметно миновать дозорную линию османского десанта и скрыться в близлежащем лесу. Внезапного прорыва русско-турецкой границы у анатолийского сераскира Абди-паши не получилось.

Гарнизон пограничного поста продолжал вести неравный бой, находясь в полном окружении. На каждого его защитника приходилось до десяти нападавших, не уступавших в вооружении. Под самое утро на пограничной заставе кончились боеприпасы. Атакующих теперь отбивали уже только в рукопашных схватках. Получив две раны, отважно бился в первых рядах гурийских мили-

ционеров князь Георгий Гуриели. Когда турецкая пуля смертельно ранила его в грудь, он передал командование своими ополченцами 16-летнему сыну Иосифу, тоже вскоре погибшему в том неравном бою.

Видя, что военный пост отстоять уже просто нельзя, последние его защитники на рассвете бросились в отчаянную контратаку, которая должна была решить их судьбу. Русские пехотинцы из Черноморского линейного батальона дружно ударили в штыки, воины-гурийцы — в шашки. Они пошли на прорыв сквозь вражеские ряды. И случилось в той ситуации настоящее чудо — бойцы капитана Щербакова прорвались в лесную чащу.

Вышли из окружения живыми, хотя и сильно израненными, только три офицера, 24 рядовых стрелка-черноморца и часть гурийских милиционеров. Они проложили себе дорогу штыками и шашками. Наседавшие на них османы побоялись преследовать остатки гарнизона в лесу, хотя день уже наступил.

Большая часть гарнизона пограничного поста Святого Николая, его доблестный начальник пехотный капитан Щербаков, почти две сотни гурийских ополченцев с князьями Гуриели — отцом и сыном — погибли со славой и честью в неравном бою.

Анатолийская армия султана лишилась фактора внезапности в войне на Кавказе, которую начал Стамбул. О том, как вело себя османское воинство на захваченных приграничных закавказских землях, лучше всего говорит следующее свидетельство:

«При взятии крепости св. Николая турки неистовствовали страшным образом. Они распяли таможенного чиновника и потом стреляли в него в цель; священнику (иеромонаху Серафиму) отпилили голову; лекаря пытали, допрашивая, куда он спрятал деньги, перерезали женщин и детей и, наконец, у одной беременной женщины вырезали ребенка и тут же на глазах еще живой матери резали его по кускам».

Новая Восточная война на Кавказе открывалась кровавой страницей, в которой зверствам османов не было никакого оправдания. По-разному можно назвать эту страницу той далекой войны. Но суть ее одна. Бесстрашие погибшего пограничного гарнизона даю новую славу русскому воинству, еще раз показавшему крепость братства воинов разных национальностей...

Сераскир Абди-паша, строя самые решительные намерения, считал, что прежде всего следует взять крепость Ахалцых (в пере-

воде — Новая крепость). От нее открывались удобнейшие пути с гор на равнину, в Мингрелию и Гурию. Потеря этого стратегически важного пункта грозила русским войскам разрывом коммуникаций между действующими отрядами Отдельного Кавказского корпуса.

Бывшая турецкая крепость, ставшая потом приграничной крепостью России, располагалась на левом берегу реки Посхов-чай (или Ахалцых-чай), в семи километрах от ее впадения в Куру. Город разместился в тесном ущелье посреди гористой и чрезвычайно пересеченной местности. Казалось, сама природа побеспокоилась о безопасности крепостного города, прикрыв его собой буквально с четырех сторон.

Ахалцыхская крепость состояла из цитадели в виде каменной огады на крутой голой скале и собственно крепости, расположенной на утесе ниже. Город был окружен двумя рядами каменных стен с удачно расположенными фланкирующими башнями. Крепость представляла собой сильно укрепленный форпост на русско-турецкой границе.

Благодаря волеизъявлению сараскира Абди-паши Ахалцых с самого начала военных действий оказался в эпицентре быстро развивающихся событий в приграничье. Еще в начале октября 1853 года главнокомандующий Анатолийской армией по указанию султана Абдул-Меджида заблаговременно сформировал и двинул против крепости 18-тысячный Ардаганский корпус. Во главе его был поставлен опытный ферик (дивизионный генерал) Али-паша, знавший горный край и противника.

Боевой состав Ардаганского корпуса состоял из 8 тысяч низама (регулярной пехоты) и 3 тысяч сувари (регулярной кавалерии), 13 полевых орудий. Традиционно немалую часть султанского воинства на Востоке составляла иррегулярная конница. В корпусе насчитывалось около семи тысяч башибузуков и ополчение местных воинственных курдских племен (куртинцев).

Русский Ахалцыхский отряд, прикрывавший Западную Грузию, заметно уступал корпусу ферика Али-паши численно, особенно в коннице. И даже в числе орудийных стволов турки имели преимущество, но только в пушках, а не в выучке орудийных расчетов.

Основу собранного у Ахалцыха сводного отряда составляли егеря Виленского полка. В отряд входили два батальона Белостокского и шесть рот Брестского пехотных полков, две легкие

батареи 13-й дивизионной артиллерийской бригады, два горных орудия, девять сотен донских казаков 2-го и 21-го полков, две дружины грузинской пешей милиции по 600 человек в каждой и Горийская конная дворянская дружина. Всего набиралось около семи тысяч бойцов.

Генерал-лейтенант князь Андроников, командир сводного Ахалцыхского отряда, через хорошо отлаженную армейскую разведку хорошо знал о намерениях Али-паши. Целый корпус и маршруты его движения трудно скрыть от посторонних глаз даже в горах. И хотя Андроников имел под своим началом опытных кавказцев, он все же отправил несколько тревожных донесений в Тифлис. Хотя на сколько-нибудь серьезную помощь рассчитывать в той ситуации ему не приходилось.

Все же Ахалцыхский отряд усиление, пусть и небольшое, получил. В близкую крепость Ахалкалаки прибыл еще один пехотный батальон Белостокского полка и пешая грузинская дружина в полтысячи ополченцев. Эти силы могли в трудный час стать ближним резервом гарнизона Ахалцыха. На большую помощь рассчитывать не приходилось. Увеличилось число орудий.

29 декабря турецкий Ардаганский корпус подступил к Ахалцыху, где его уже поджидали. Для начала Али-паша приказал блокировать крепость. Османы установили на окружающих высотах все свои 13 пушек и начали бомбардировку города. Но в контрбатарейной борьбе они проиграли русским пушкарям: огонь тех оказался гораздо более метким.

Ферику пришлось отложить генеральный штурм крепости, укрепления которой остались почти неповрежденными. Да и к тому же на приступ не хватало ни сил, ни решительности. Однако Али-паша, продолжая блокаду Ахалцыха, предпринял тактически грамотный ход. Он отважился на прорыв к городу Гори и далее к Тифлису через Ахалкалакский округ и Боржомское ущелье. Османы достоверно знали, что сколько-нибудь значительные силы русских преградить здесь им путь не смогут.

На острие наступательного удара ардаганцев оказалась совсем небольшая крепость Ахцур. Ее гарнизон состоял из четырех пехотных рот — по две от Белостокского и Брестского полков. Узнав о приближении турок, русские перекрыли Боржомское ущелье. Османы атаковали при поддержке пушечного огня и регулярной кавалерии. Вскоре на помощь ахцурскому гарнизону подоспели три

роты брестцев и грузинские ополченцы из числа местной пешей милиции.

Всю ночь с 6 на 7 ноября защитники Ахцура отбивали яростные вражеские атаки. Турки настойчиво рвались на равнину через Боржомское ущелье. В ночи среди камней и деревьев не раз завязывались рукопашные схватки. Ахцурский ночной бой закончился тем, что на восходе солнца кавказцы решительно ударили в штыки и обратили неприятеля в бегство, очистив от него все ущелье. Трофеями победителей стали пушка, четыре знамени и много брошенных ружей.

Ахцурское поражение заставило османов снять блокаду с Ахалцыха. Ардаганский корпус стал поспешно закрепляться на выбранной Али-пашой позиции: она виделась неприступной с фронта, да и к тому же находилась среди гор. Ферик разместил свои войска на участке от села Абаша до селения Нижний Суплис на правом берегу реки Посхов-чай, всего в двух-трех километрах от Ахалцыха. Султанского военачальника больше всего заботило то, что после поражения в Боржомском ущелье наступательный пыл ардаганцев заметно упал.

Паша и его штаб поняли, что «кавалерийским наскоком» русских не одолеть. Поэтому тактика войны в горах получила изменение. Закрепляясь на выбранных позициях, турки стали ожидать атаки противника. Али-паша рассчитывал отразить ее, чтобы потом и самому пойти вперед. Он даже предполагал на плечах отступающих ворваться в Ахалцыхскую крепость.

Тифлисский военный губернатор И.М. Андроников прибыл «на передовую» 12 ноября. Ознакомившись с положением дел, он не стал откладывать битвы. Рекогносцировка неприятельской позиции показала, что действовать надо быстро и решительно, поскольку к Ардаганскому корпусу подходили подкрепления. К тому же рекогносцировка, проведенная с участием офицеров службы Генерального штаба, показала, что турки продолжают возведение среди горных теснин полевых укреплений.

Решение военного совета отличалось полным единодушием. Его участников не смутило ни тройное превосходство турок, ни неприступность их позиции в горах, усиленной лесными завалами. Не смутили и донесения конной разведки о движении к Ахалцыху новых неприятельских войск из недалеких крепостей Ардаган и Карс.

Военный совет определит дату битвы и направления атакующих ударов. Хорошо укрепившихся турок решили атаковать на рассвете 14 ноября одновременно с двух сторон, направив удары с фронта — со стороны селения Нижний Суплис и на левый неприятельский фланг — по реке Посхов-чай.

Все наличные войска разделили на две атакующие колонны. Генерал-лейтенант Андроников распорядился: всем быть в совершенной готовности к наступлению, поскольку от слаженности действий колонн зависело многое: и начало приступа вражеской позиции, и уменьшение потерь от артиллерийского огня.

Сразу же было усилено боевое охранение, дабы избежать просачивания вражеских лазутчиков. Конные и пешие дозоры перекрыли окрестные горные тропы, задерживая на них любых путников. Приготовления к наступлению в русском лагере надлежало сохранить в тайне или хотя бы не дать султанскому командованию всей полноты картины происходящего.

Атаку ардаганцев с фронта, то есть в лоб, предстояло вести силами четырех батальонов пехоты. Их атакующие усилия поддерживались огнем 14 артиллерийских орудий. Эта колонна по числу пехотинцев была примерно равна другой, которой предстояло брать приступом левофланговую позицию неприятеля.

Второй колонной начальствовал командир 2-й бригады 13-й пехотной дивизии генерал-майор Е. П. Ковалевский. Основу его сил составил Виленский егерский полк. Его подкрепляли 9 сотен донских казаков, 14 легких горных орудий, 12 сотен пеших Тифлисской и Горийской грузинских дружин, три сотни осетинских ополченцев и две сотни дворян-добровольцев. Андроников постарался придать этой колонне как можно больше артиллерии любого калибра.

Замысел Андроникова на битву состоял в следующем. Турки, связанные оборонительным боем по фронту, не смогут перебросить на свой левый фланг у реки Посхов-чай сколько-нибудь значительного усиления, прежде всего регулярной пехоты. В колонне же Ковалевского имелось вполне достаточно кавалерии, чтобы прикрыть атакующих виленских егерей и ополченцев, а в случае успеха пойти в преследование неприятеля.

В своем замысле на предстоящее сражение генерал-лейтенант И. М. Андроников оказался прав. Именно удар этой атакующей колонны решил судьбу Ардаганского корпуса и дал русским в начавшейся войне отстоять Ахалцыхскую крепость.

...На рассвете 14 ноября войска генерал-майора Ковалевского выступили из лагеря без задержек и излишнего шума. В плотных походных порядках они прошли лощину за брошенным жителями селением Ивлит и вышли на высоты левого берега несущего среди камней быстрые воды Посхов-чай. 14 орудийных расчетов встали на указанные им позиции. Теперь Нижний Суплис находился на расстоянии прямого пушечного выстрела. Начало атаки оказалось удачным: вражеские дозоры только сейчас увидели русских, изготовившихся перейти через реку.

Сражение началось с артиллерийской дуэли. Расчеты горных орудий, которые на руках втащили на прибрежные скалы, открыли беглый огонь по турецким батареям, стараясь подавить их. Селение Нижний Суплис и противоположный речной берег покрылись шапками порохового дыма. Интенсивная перестрелка продолжалась довольно долго — вплоть до той минуты, пока штурмующие не ворвались на позиции ардаганцев.

Барабанщики проббили сигнал атаки. Два передовых батальона виленских егерей начали форсирование Посхов-чая. Одновременно с ними двинулись донские казаки и кавказские ополченцы. Они перебрались через глубокую и бурную горную реку с немалым для себя трудом, да еще под пушечным и ружейным огнем врага. Правда, за дальностью пальба турок не отличалась меткостью и наступающим кавказцам потерь почти не принесла.

Вскарабкавшись на противоположный берег Посхов-чая с помощью ремней, штыков, подаваемых рук товарищей, пехотинцы оказались на береговом обрыве. Конники шли правее, там, где вверх выходила неширокая лощина, удобная для прохода лошадей.

Тем временем артиллерийская канонада усиливалась: с обеих сторон на площади всего в одну квадратную версту стреляло более 30 орудий. Ни та, ни другая сторона снарядов не жалели, и их осколки находили все больше жертв.

На лобовой штурм фланговой позиции турок пошло шесть рот егерей, а две другие стали карабкаться вверх по крутой узкой дороге, пролежавшей у подошвы скал. Турки теперь вели сверху прицельный ружейный огонь с дистанции всего 70—90 саженей. Виленцы, сами стреляя не часто, с полным бесстрашием рвались вперед. Пример личной храбрости им подавали штабс-капитан Посальский и прапорщик Шестериков, бывшие впереди своих солдат.

Егерские роты, взобравшись на противоположный речной берег, выстраивались для штурма всего в 40 саженьях от вершины прибрежной горы. Перед ними выше находились завалы с укрытыми за ними семью орудиями, которые вели теперь огонь только картечью. Вражеские пехотинцы, укрывшись за поваленными деревьями и камнями, тоже вели частую стрельбу. По тому, как она велась, чувствовалось, что аскеры никак не ожидали появления штурмующих русских на скате обороняемой ими высоты.

Выстроившись у склона, цепь из егерских рот бросилась наверх. Не обращая внимания на частую пальбу, свист пуль и картечи, виленцы в считанные минуты с криками «ура!» и руганью взошли на высоту и оказались по ту сторону вражеских укреплений. Среди их защитников начался переполох, стрельба на горе почти прекратилась, и начался рукопашный бой, который втягивал в себя все больше и больше людей.

В том бою были свои герои. Первым ворвался на позиции турецкой батареи подпоручик Данилов, сразивший шашкой двух османов и погибший тут же у замолкших пушек от трех пулевых ранений. Отличился рядовой 2-й егерской роты Иван Рогозин. Он успел выхватить у бомбардира банник, которым тот хотел забить заряд, чтобы картечным выстрелом в упор расстрелять штурмующих.

В атаке батальоны виленских егерей, не задерживаясь на захваченных артиллерийских позициях, штыками погнали от них прочь неприятельскую пехоту. Тем временем на помощь от Посхов-чая спешили новые цепи пехоты отряда генерал-майора Ковалевского.

Неудержимость егерей ошеломила ардаганцев. Хотя они и вели стрельбу из-за всевозможных укрытий, но от торопливости пальбы страдала прежде всего меткость. Колонна атакующих виленцев и ополченцев бросалась в атаку с «примерным» воодушевлением, не оставляя отступающему неприятелю никаких шансов закрепиться где-либо.

Несколько позднее успех пришел и к тем пехотным батальонам, которые атаквали укрепленную позицию корпуса ферика Али-паши с фронта. Им пришлось в атаке труднее своих соседей, но поставленная перед ними боевая задача была все же выполнена.

На следующий день после победной Ахалцыхской битвы генерал-лейтенант И. М. Андроников в своей реляции в Тифлис особо

отметил мужественные действия русской пехоты. Он писал 72-летнему царскому наместнику генерал-фельдмаршалу князю Воронцову следующее:

«Пехота наша под ближайшими картечными выстрелами всей неприятельской артиллерии и под батальным непрерывным ружейным огнем переправилась через реку по грудь в воде. Приступ был так стремителен и единодушен, что неприятель при всей упорной защите должен был уступить, и первый шаг к отступлению был началом окончательного его поражения и совершенного расстройства...»

В том сражении начальник Ахалцыхского отряда показал себя новатором. Победа была достигнута новым для того времени построением атакующих в цепь. Чему, вопреки требованиям устаревших к тому времени воинских уставов, Андроников не препятствовал. Он поощрял подобную инициативу командиров пехотных рот и батальонов. Сообразуясь с обстановкой, егеря и ополченцы стихийно рассыпались в цепи и, выбив турок из селения Нижний Суплис, начали энергичное преследование разбитых ардаганцев.

Ради исторической правды следует пояснить сущность отмеченного выше новаторства — действия пехоты при наступлении цепью. При атаке в плотных колоннах, как требовали военные каноны того времени, картечь и скорострельные ружья в ближнем бою наносили наступающим огромные, ничем не оправданные на войне потери в людях. Когда же атаквали цепью, потери резко снижались.

В ноябре 1853 года в сражении под Ахалцыхом утвердилось то, чего не заметил перед битвой на реке Альме у селения Бурлюк главнокомандующий сухопутными и морскими силами России в Крыму светлейший князь А.С. Меншиков. Людские потери русских оказались тогда просто огромны...

Ахалцыхское сражение продолжилось в походном лагере Ардаганского корпуса: схватка за него носила самый ожесточенный характер. Аскеры ферики Али-паши защищались отчаянно, «цепляясь за каждый каменный дом большого селения Нижний Суплис, стреляя из окон и дверей, в садах — из-за деревьев, укрывшись за завалами на дорогах и тропах. Многие сакли атакующим пришлось брать штурмом. В дело шло все, что сражавшиеся имели под рукой.

Дивизионный генерал Али-паша оказался военачальником, хорошо знающим свое дело. Строя систему обороны своего лагеря,

он успел создать за Посхов-чаем несколько запасных позиций на высотах и среди скал. О большинстве из них, как показала баталия, русское командование не знало.

В конце концов большое горное селение и сады, окружающие его, были заняты. У минарета мечети суплиссские жители-мусульмане (они сражались в рядах османов), побросав на землю оружие, бросились навстречу штурмующим, прося о пощаде. Ни один из них не был тронут, ибо даже в пылбоя русские солдаты не нападали на безоружных.

После того как Нижний Суплис был полностью очищен от ардаганцев, наступление приостановилось. Требовалось привести в должный порядок роты, сотни и батальоны, вновь организовать колонны и идти дальше, выше в горы. Тем временем передовая цепь атакующих, увлеченная достигнутым успехом, шла все вперед и вперед. За ними из Нижнего Суплиса спешили колонны.

С каждой верстой местность повышалась и становилась все более труднопроходимой. Лучшие стрелки-«застрельщики» из всех трех полков Ахалцыхского отряда, участвовавших в сражении, не давали туркам закрепиться на запасных позициях. Те все же попытались «усидеть» на последней из них, у селения Малый Памач.

Здесь три табора регулярной пехоты по приказу Али-паши с двумя пушками, имея за спиной два кавалерийских эскадрона, встретили преследователей шквалом ружейного огня. Орудия стреляли «ближней» картечью. Однако цепь стрелков-«застрельщиков» не оплошала и ринулась в штыковой бой. Ардаганцы оказались выбитыми со своей последней запасной позиции, которая к тому же была защищенной лучше других. Ее защитники бросили пушки, даже не пытаясь увести их в горы.

Все же в битве под Ахалцыхом не все так победно складывалось для воинов-кавказцев. Случились и такие минуты, которые могли повернуть ход событий. В самый разгар событий на главной позиции Ардаганского корпуса, когда натиск атакующих еще как-то сдерживался, сильный отряд турок, посланный сераскиром Абди-паши на помощь ферику Али-паше, пошел на охват сражавшегося противника. Несколько батальонов низама и кавалерия спешили через Абас-Туманские горы ударить русским в тыл их правого фланга.

Все же генерал-лейтенант Андроников своевременно узнал о появлении у него в тылу вражеской конницы и идущей за ней пехоты. Перед тифлисским военным губернатором встала задача не

из простых: почти все его силы уже втянулись в дело. Тогда он пошел на известный риск, вызвав из боя шесть казачьих сотен и конную Горийскую дворянскую сотню, присовокупив к ним свой личный конвой.

Донцы и горийцы лихо вынеслись на подходивший турецкий отряд, который так и не успел развернуться для атаки. Произошел встречный бой несущихся друг на друга конных лав. Рубки османские конники не выдержали и повернули вспять, торопясь уйти от Нижнего Суплиса. В бегстве они смяли свои пехотные таборы, которые следовали в колоннах по горной дороге. Начавшие разбегаться в разные стороны аскеры попали под пики донских казаков и шашки грузинских азнауров.

В ходе этого столкновения на поле боя осталось более двух сотен турок, преимущественно пехотинцев. Горная дорога оказалась в руках кавказцев. Крутые склоны окрестных высот не позволили победителям пойти в преследование. Беглецы же в ближайшие несколько дней так и не смогли собраться в свои эскадроны и таборы.

Взятие главной позиции ардаганцев по времени совпало с окончанием боя на горной дороге. Когда вся кавалерия Ахалцыхского отряда пошла в преследование отступающих, ферик Али-паша оказался бессилён остановить повальное бегство султанских войск.

Впрочем, настойчивое преследование, длившееся четыре часа, большого успеха не имело. Немногие узкие горные дороги и тропы не позволили конникам перехватить хотя бы часть перемешавшихся между собой вражеских войск. К вечеру все было кончено. Утомленным за день бойцам и лошадям следовало дать заслуженный отдых. На поле битвы начался сбор тяжелораненых и оказание им медицинской помощи. Специальные команды подбирали брошенное неприятелем оружие и прочие трофеи.

Победа над Ардаганским корпусом Анатолийской армии оказалась полной. Князь И.М. Андроников в победной реляции писал: «С закатом солнца прекратился бой по неимению противников».

Командир Ахалцыхского отряда объехал вечером все свои войска, поздравляя их с одержанной победой. Посетил он и походный лазарет, чтобы добрым и похвальным словом укрепить силы раненых.

Ардаганский корпус ферика Али-паши потерял в тот день полторы тысячи убитыми и до двух тысяч ранеными. Дезертиров и

разбежавшихся оказалось гораздо больше. В плен попало только 120 человек, что свидетельствовало о жестокости рукопашных схваток и стойкости обороняющихся. Перестали существовать как боевые единицы два с половиной батальона низама, лучшей части султанской армии.

Победителям досталась почти вся вражеская артиллерия — 10 полевых пушек и одно горное орудие, два артиллерийских парка (90 вьючных ящиков с орудийными зарядами, 42 бочонка с порохом, 160 тысяч ружейных патронов), а также весь походный лагерь с запасами провианта и фуража, большое количество лошадей и обозных верблюдов, брошенного оружия.

Среди почетных трофеев оказались пять боевых знамен и штандартов ардаганцев, 18 отрядных значков. Была захвачена походная канцелярия корпусного начальника, документы которой в штабквартире Отдельного Кавказского корпуса раскрыли много интересной информации об Анатолийской армии сераскира Абди-паши. Все это было отправлено из Ахалцыха в Тифлис, к царскому наместнику.

Разбитые турки бежали от Ахалцыха, не имея нигде ночлега, до самого Ардагана. Что касается иррегулярной конницы племенных ополчений, то в своем большинстве она попросту разбежалась, вернувшись восвояси до получения своими вождями нового гневного султанского фирмана.

Потери Ахалцыхского отряда оказались несравненно малы для того дела, длившегося от восхода до захода солнца, когда прекратилось преследование. Погибли один офицер и 51 рядовой, раненых и контуженных набралось 311 человек. Среди грузинских милиционеров убитых было два человека, ранено и контужено — 54. Такие малые потери объяснялись стремительностью бросков в атаки и крайне низкой эффективностью стрельбы турецких батарей.

На берегах крутонравной горной реки Посхов-чай еще раз кровью скрепилось братство российского воинства. Один из участников Ахалцыхского сражения писал в популярнейшей в России газете «Русский инвалид» (№ 80, за 1854 год):

«Представители всех классов, всех сословий России сказали свое слово... в отдаленном Закавказье, не одни наши регулярные войска удивляют нас примерами несокрушимой твердости, всем известно участие, принятое в общем деле здешними местными ополчениями...

Когда Ахалцых... был обложен турецкими войсками, защита его лежала на 5-ти батальонах пехоты, 3-х сотнях донских казаков и конной... дружине Горийского уезда. В течение 16 дней эти защитники осажденного города оставались под открытым небом по всем фасадам... Ахалцыха, и ежедневные попытки неприятеля отражали не числом своим, а предусмотрительностью, стойкостью и уверенностью в доказанную несокрушимость своего оружия».

Ахалцыхская победа привела к полному изгнанию турецких захватчиков с древних грузинских земель. Они вошли в состав Российской империи как Посховский санджак. Депутация его жителей явилась к генерал-лейтенанту князю И.М. Андроникову с письменным изъявлением покорности России.

Сражение 14 ноября 1853 года на Кавказе имело еще одну, не менее важную сторону. Отряд кавказских войск, разгромив немалый Ардаганский корпус султанской армии, одержал в Крымской войне первую со стороны России большую победу.

Император Николай I, получив донесение кавказского наместника князя М.С. Воронцова, не поскупился на награды за одержанную победу. Победа на берегах реки Посхов-чай дала Ивану Малхазовичу Андроникову орден Святого Георгия 3-й степени. Он получил признание большого военачальника.

Участники славного дела под Новой крепостью — Ахалцыхом в традиционный для старой России «наградной день» — 1 января нового, 1854 года получили много орденов, солдатских Георгиев, досрочных офицерских званий и прочих воинских почестей. Особенно много наград выпало на долю Виленского егерского полка. Государь «всемиловитейше соизволил пожаловать» 1-му, 2-му и 4-му батальонам почетнейшие в русской армии Георгиевские знамена с надписью «За поражение турок 14 ноября 1853 года при Ахалцыхе». Командир полка генерал-майор Фрейтаг фон Лерингоф получил орден Святого Станислава 1-й степени. Награждены были все офицеры виленских егерей. Штабс-капитан Посальский и прапорщик Шестериков удостоились орденов Святого Георгия 4-й степени.

Каждой егерской роте выделялось по десять Знаков отличия Военного ордена — солдатских Георгиевских крестов. Вопрос о награждении нижних чинов решался коллективно, на общих ротных собраниях. Каждый солдат и унтер-офицер получил еще «за усердие» по два рубля денег.

В память об Ахалцыхской победе в Виленском егерском полку сложили песню. Впоследствии она по установленной традиции досталась в наследство 52-му пехотному виленскому полку Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича. В бесхитростной солдатской песне славился подвиг, совершенный русскими воинами под крепостью Ахалцых:

*За высокими горами,
Между быстрыми реками
Ахалцых стоит (2 раза).
Вдруг несметными толпами,
Регулярными войсками
Турок к нам валит (2 раза).
Ахалцых атаквали,
Штурмом взять его мечтали,
Заняли Суплис.
И султану доносили,
Будто русских всех разбили
И берут Тифлис.
Тут Андроников с егерями
Да с геройскими князьями
Вовремя поспел.
Приготовился он к бою,
Взял и виленцев с собою,
Да идти велел.
Тут отважно молодцами
Русские бросились штыками,
Гаркнули «ура!»
Турки дрогнули, бежали,
Ружья, пики побросали,
Еле уплелись.
Все пожитки растеряли
И, бежавши, повторяли:
“Вот тебе Тифлис!”*

...В первый год Крымской войны Ахалцыхская победа оказалась не единственной на Кавказе. Связано это было, как ни странно, с «размахом» планов Оттоманской Порты в отношении российского Кавказа, через который зачинатели «священной вой-

ны» намеревались «пробить брешь» на берега Кубани и Терека, к чему Стамбул подталкивали его союзники в лице Франции и Британии.

Начало войны на кавказском театре давало султанскому командованию, говоря языком арифметики, хорошие перспективы. На Кавказе в середине 1853 года имелось всего около 140 тысяч русских войск. Но почти все они были заняты борьбой с имамом Шамилем или стояли в городах гарнизонами. На государственной границе с Турцией находилось всего около 10 тысяч войск с 32 полковыми орудиями.

Санкт-Петербург еще до начала войны озаботился положением дел за Большим Кавказским хребтом. В сентябре 1853 года Севастопольская корабельная эскадра под флагом вице-адмирала Нахимова блестяще выполнила сложную задачу по переброске войск из Крыма в Абхазию. Морем была перевезена 13-я пехотная дивизия, насчитывавшая 16 тысяч бойцов, с артиллерией и двумя ракетными батареями. Казалось, что теперь безопасность русско-турецкой границы хорошо обеспечивалась.

Однако царский наместник на Кавказе князь М.С. Воронцов распорядился по-своему. Большую часть прибывшей дивизии он оставил в Сухум-Кале (современном Сухуми) и только меньшую часть отправил на усиление приграничного гарнизона Ахалцыхской крепости. Правда, наместник снял для защиты границы часть сил в Лезгинской кордонной линии, прикрывавшей Тифлис от набегов горцев Шамиля.

Такое решение смотрелось рискованным делом. Турецкий султан возвел имама Шамиля в звание генералиссимуса и очень надеялся на то, что его «немирные» горцы нанесут сильный удар в спину русским войскам в Закавказье. Впоследствии, в мае 1855 года, глава имамата получит из Стамбула «груз» знамен и отрядных значков. В сопроводительном письме говорилось, что Шамилю обещается пост валия (губернатора) города Тифлиса после его захвата.

К началу боевых действий в составе действующих сил Отдельного Кавказского корпуса насчитывалось не так уж много войск. Они состояли из 32 с половиной батальонов пехоты, 10 драгунских эскадронов, 26 казачьих сотен и 54 сотни грузинской милиции при 75 ролевых орудиях.

На берегах Невы, учитывая преклонный возраст кавказского наместника, носившего эполеты генерал-фельдмаршала, назначили

командующим Отдельным корпусом генерал-лейтенанта В.О. Бебутова. Корпусные войска на границе были разбросаны от Ахалкалаки до Эривани. Эти силы были разбиты на три отдельных отряда, каждый из которых прикрывал вверенное ему оперативное направление.

Гурийским отрядом командовал генерал-лейтенант князь Гагарин. Ахалцыхским — Андроников, одержавший блестящую победу в самом начале войны, разгромив у Новой крепости Ардаганский корпус турок. Главные же силы кавказских войск были сведены в Александропольский отряд, которым командовал лично Бебутов.

Султанское командование к началу войны имело на Кавказе значительные силы — до 70 тысяч войск и ему не приходилось заботиться о собственных тылах. Полководец Абди-паша главные свои силы сосредоточил у Карской крепости, одновременно собрав значительные отряды у Батума, Ардагана и Баязета. Главной целью первого наступательного броска являлись Ахалцых (здесь турки сразу же понесли тяжелое поражение) и Александрополь. Оттуда к столице кавказского наместничества Тифлиса вел прямой путь.

Император Николай I после переброски из Севастополя в Абхазию 13-й пехотной дивизии посчитал, что теперь в случае войны Отдельный Кавказский корпус сможет перейти в решительное наступление. Он так и написал своему наместнику князю Воронцову:

«...Желаю я, чтобы ты непременно перешел в наступление, направляясь на Карс, и, овладев оным, равно как и Ардаганом...»

Однако приказывать свыше и издали всегда легче, чем исполнять желаемое на месте. И наместник, и корпусной командир Бебутов опасались реального вражеского десанта в Абхазию. Поэтому и осталась для прикрытия ее берегов почти вся прибывшая пехотная дивизия. До этого по берегу Черного моря стояли лишь немногочисленные сторожевые посты. Так, в Сухум-Кале стояла воинская команда в 40 человек, а важный Редут-Кале защищался всего одной пехотной ротой.

Еще перед началом войны российскую государственную границу стали усиленно тревожить разбойные шайки башибузуков и куртинцев (курдов). Особенно тревожное положение сложилось в областях Восточной Армении — Шираке, Сурмалу и Эчмиадзине. Грабилось имущество селян, угонялся за кордон скот, сжигались

дома и христианские церкви. Местное население создавало отряды самообороны, но с разбоями удалось почти покончить только с помощью Александропольского отряда.

...Крымская война началась по обычаям восточного вероломства. Но успехи противника свелись только к уничтожению пограничного поста Пристань Святого Николая. Однако Ахалцыхская виктория отряда генерал-лейтенанта Андроникова «уравновесила» победное соотношение в войне на Кавказе. Главная же победа русского оружия в кампании 1853 года ожидалась впереди.

Сераскир Абди-паша во главе главных сил Анатолийской армии (40 тысяч человек) двинулся на Александрополь. От лазутчиков он имел достоверные сведения о малой численности русских войск, бывших там. В ночь на 2 ноября неприятель подошел к городу всего на 15 километров и остановился походным лагерем у Баш-Шурагели. Походный стан укрепили, разослав для разведки во все стороны конные разъезды.

Бебутов своевременно узнал о подходе к Александрополю больших неприятельских сил: о том сообщили дозорные партии. Навстречу войску Абди-паши без промедлений высылается 7-тысячный отряд генерал-майора князя Орбелиани. Перед ним ставится задача остановить дальнейшее продвижение турок и провести разведку боем.

Русский отряд двинулся к деревне Баяндур через селение Караклис. Абди-паше стало известно и о численности противника, и о его маршруте движения. Сераскир решил уничтожить выдвигавшихся ему навстречу русских, имея для устройства засады в лесистых горах достаточно времени. На флангах узкого дефиле в горах укрылась турецкая пехота, а 40-орудийная батарея изготовилась к стрельбе, по сути дела, в упор.

Генерал-майор Орбелиани не вел разведки неприятеля и даже не выслал вперед боевое охранение. Отряд спокойно прошел селение Караклис, перебрался через глубокий овраг и речку. На ее противоположном берегу он стал перестраиваться в походную колонну для дальнейшего следования по пересеченной местности.

Турецкая артиллерия в эти минуты и открыла губительный огонь залпами. Одновременно турецкая пехота стала выстраиваться для атаки. Возникли в русских рядах замешательство, и Абди-паша мог бы праздновать победу. К чести князя Орбелиани, он не растерялся, когда на его отряд обрушились из засады мощные пушечные залпы. Он приказал как можно быстрее выдвинуть из по-

ходной колонны полевые пушки, которые сразу же начали контр-батареиную стрельбу. Когда на позициях вражеских артиллеристов стали рваться бомбы, то среди них началось «волнение».

Сераскир Абди-паша сразу почувствовал, как стал угасать огонь его 40-орудийной батареи, и понял, что ожидаемая победа уплывает из рук. Поразмыслив, он не стал бросать в атаку пехотные таборы, а поступил более искусно. По приказу паши конный отряд в несколько тысяч всадников устремился в обход по узкой долине реки Арпа-чай. Здесь коннице путь преградил заслон из небольшого числа драгун, усиленный азербайджанской конной милицией. В ходе яростной сшибки туркам не удалось опрокинуть заслон, и они отступили, но недалеко.

По доносившейся издалека пушечной канонаде Бебутов догадался, что отряд князя Орбелиани столкнулся с главными неприятельскими силами. Еще не зная направления их действий и не рискуя оставить город Александрополь без прикрытия, командир Отдельного Кавказского корпуса послал не сильную помощь генерал-майору Орбелиани. Но этих сил в итоге хватило, чтобы Абди-паша отступил от государственной границы.

Не надеясь на успех, султанский полководец не стал ввязываться в большое сражение. Он решил отступить к Карской крепости. Получив сведения об этом от конной разведки, Бебутов понял, что опытный Абди-паша не хочет сразиться с ним на границе и всячески избегает прямого столкновения у Баяндур. Отсюда напрашивался вывод: туркам следовало навязать битву.

14 ноября Александропольский отряд пошел вдогон главным силам Анатолийской армии, отходившим к крепости Карс. Однако догнать неприятеля не удалось. После трех дней изнурительных марш-бросков Бебутов был вынужден дать своим войскам отдых. Вперед высылается конная разведка с задачей узнать, где находятся турки и что они предпринимают.

Разведка поставленную задачу выполнила и донесла, что вражеский корпус не пошел в близкий Карс. Сераскир Абди-паша во избежание обвинений в трусости решил дать сражение на своей территории, вблизи крепости. Отдав все необходимые распоряжения, полководец отбыл в Карс, передав командование войсками бывшему янычару Рейс-Ахмет-паше.

В самый последний момент Рейс-Ахмет-паша получил приказ главнокомандующего Анатолийской армией отступить за сте-

ны Карской крепости, но было уже поздно: русские стояли перед ним. Теперь генерального сражения сторонам было не миновать. Случилось это так. Как только Бебутов узнал, что турки становятся походным лагерем на Карской дороге у селения Баш-Кадыклар и укрепляют его, он поспешил туда.

На месте отдыха под небольшой охраной оставляются все походные тяжести. С собой приказывается взять провианта на пять дней, спирта по четыре порции на человека, зернового фуража для лошадей на пять дней и порожние повозки для больных и раненых.

Русские войска торопились. Но к их подходу неприятель все же успел устроить полевые укрепления, поставить на выгодных высотах артиллерийские батареи. Местность позволяла османам маневрировать как пехотными, так и конными резервами. В тылу лагеря находилась неплохая для гор дорога, по которой из крепости Карс могла быстро подойти конница.

Думается, что Рейс-Ахмет-паша чувствовал себя на занимаемой позиции достаточно уверенно. Однако сераскир Абди-паша, его начальник, такой уверенности не разделял, по-видимому, лучше зная боевые достоинства кавказских войск. Потому он и отправил запоздалый приказ об отходе к Карской крепости: в его сердце «заглянула» тревога за судьбу Анатолийской армии.

Александропольский отряд насчитывал в своих рядах всего 10 тысяч бойцов при 32 полевых орудиях. Неприятель, укрепившийся перед ним в походном лагере на высотах, исчислялся в 36 тысяч человек, из них 14 — конные ополчения курдских племен. Подступы к лагерю простреливались из 46 орудий.

Ранним утром 19 ноября русский отряд вышел к Баш-Кадыклару. Генерал-лейтенант Бебутов с высоты беспрепятственно осмотрел вражеские позиции. Турецкие войска уже вышли из лагеря и теперь выстраивались перед ним для атаки. Такое поведение их оказалось неожиданным: по пути в Александропольский отряд приходили слухи, что Абди-паша с анатолийцами продолжает отступление к Карсу.

Рейс-Ахмет-паша тоже обзирал с высоты ряды вышедшего к его лагерю противника. И он отдал приказ (занесенный в историю войн на Кавказе) по султанским войскам примерно такого содержания: паша повелел отыскать и заготовить как можно больше веревок; для чего (!) — чтобы связывать русских солдат и офицеров,

которые в этот памятный день 19 ноября начнут толпами сдаваться в плен!

Связанных этими веревками пленников турецкой конной страже предстояло (это тоже приказывал паша Рейс-Ахмет) погонять плетками по дорогам Анатолии до самого Стамбула. Там «неверные» должны были предстать перед глазами божественного султана. И только затем обратиться в османских рабов, закованных в цепи и продаваемых на невольничьих рынках Оттоманской Порты.

Сейчас трудно сказать, верил ли в такое чудо сам Рейс-Ахмет-паша. Но его приказание подняло воинственный дух подчиненных. Уверенность же в себе на войне всегда значила очень многое.

Штабные работники сераскира Абди-паши, с тактической точкой зрения, грамотно выбрали позицию для сражения с русскими. И так же грамотно построили главные силы Анатолийской армии на поле битвы. Дело при Баш-Кадыкларе подтвердило и первое, и второе.

Турецкие позиции располагались за рекой Мавряк-чай — притоке Арпа-чая, которая несла свои воды в обрывистом овраге. На своем левом фланге у селения Огузлы паша поставил шесть таборов пехоты и полк регулярной кавалерии. В центре — восемь таборов. На правом фланге стояло под прикрытием пехоты 20 орудий.

Рейс-Ахмет-паша позволил себе еще то, чего не мог сделать генерал-лейтенант Бебутов. Он создал из племенной курдской конницы и восьми таборов пехоты мощные крылья, которыми задумал охватить русский отряд в ходе сражения. В итоге получалось, что еще до начала баталии неприятель получал солидное преимущество в маневренности.

Бебутов провел рекогносцировку, которая не выявила слабых мест у анатолийцев. Тогда был отдан следующий приказ: атаку вести на селение Огузлы, что давало в случае удачи отрезать неприятелю прямой путь отступления к Карсу. Эту опасность должно было узреть и султанское воинство, особой стойкостью не отличавшееся.

Сражение началось в полдень артиллерийской дуэлью. Однако в огневой бой оба командующих, словно договорившись, ввели только половину артиллерии. Часть батарей держали в секрете друг от друга, иначе их могли обстрелять.

Русские войска стали выстраиваться на виду у неприятеля, в двух верстах от их построения. В первой атакующей линии шли четыре стрелковых батальона, которых поддерживали 16 полевых

орудий. Начальствовал над линией командир Грузинского гренадерского полка генерал-майор князь Орбелиани.

Фланги первой линии обеспечивались кавалерией. Справа наступали три дивизиона нижегородских драгун и сотня грузинской конной милиции под командованием генерал-майора князя Чавчавадзе. Слева генерал Багговут вел два дивизиона нижегородцев и 9 сотен линейных казаков-кубанцев. При кавалерии на флангах имелось по четыре конных орудия.

Генерал-майор князь Багратион-Мухранский командовал второй атакующей линией из трех батальонов эриванских карабинер и трех батальонов грузинских гренадер. Он приходился родственником знаменитому суворовцу генералу от инфантерии князю П. И. Багратиону, останки праха которого сегодня покоятся на Бородинском поле.

Третью (резервную) линию составили всего три роты эриванских карабинер. 4-й Донской казачий полк при двух полевых орудиях поставили прикрывать отрядный обоз.

...Башкадыкларское сражение началось с атаки русских. Анатолийцы отбили попытку первой линии наступающих ударить в штыки сильным ружейным и пушечным огнем из-за оврага и маскированной контратакой. В ходе этого столкновения выбыли все батальонные и почти все ротные командиры стрелков. Думается, что при таком соотношении сил трудно было рассчитывать на быстрый, сиюминутный успех. -

Начало битвы заметно ободрило пашу Рейс-Ахмета. Он приказал коннице, стоявшей на крыльях, охватить противника. Положение русского отряда, только что вышедшего из боя, стало критическим. Справа на кавказцев неслась регулярная кавалерия, слева башибузуки и курды. Отступившая первая линия быстро привела себя в прежний порядок, но при этом смертельное ранение получает генерал-майор Орбелиани.

Чтобы восстановить положение, Бебутов берет из резерва две роты Эриванского карабинерного полка и, обнажив шпагу, лично ведет их в штыковую атаку для поддержки левофланговых сил.

Произошло неожиданное: две-три сотни стрелков бесстрашным натиском установили равновесие на поле битвы, где сразилось почти 50 тысяч человек. Контратакующие турки штыкового боя не приняли и откатились назад. Первая линия русских пошла в новую атаку, идя на приступ уступами. Теперь удар наносился по

20-орудийной вражеской батарее, которая являлась центром позиции анатолийцев.

Тем временем нижегородские драгуны и казаки-линейцы генерала Багговута опрокинули неприятельскую конницу и пошли вперед. Они лихо перескочили через речку и вынеслись на горное плато. Но там их уже поджидало огромное каре турецкой пехоты. Скорее всего каре отбило бы кавалерийский наскок русских, как это почти всегда бывало в подобных случаях.

Вслед за конниками на плато вынеслись конные орудия казачьего дивизиона есаула Кульгачева. Ему и было суждено стать одним из главных героев Башкадыкларского сражения. Подскочив к каре на дистанцию всего в полсотню шагов (!), казачьи орудийные расчеты развернулись и стали расстреливать вражескую пехоту «ближней» картечью.

А вокруг каре, которое с первым залпом потеряло свою грозную стройность, и орудий есаула Кульгачева шла неистовая кавалерийская рубка. Казакам-линейцам с берегов Кубани под водительством подполковника Евсеева удалось опрокинуть атакующих султанских улан. Этот успех позволил нижегородским драгунам врубиться в уже полностью расстроенное пехотное каре. Турки, конные и пешие, не выдержавшие столь дружного натиска русских всадников, обратились в бегство.

Теперь важно было не выпустить удачу из рук, и генерал Багговут сразу же повел драгун и кубанцев в преследование. От этого теперь зависел ход дальнейших событий. Русская конница стала заходить в тылы тех турецких таборов, которые стали немymi свидетелями разгрома своего фланга. Только теперь победная чаша весов стала клониться в сторону русских. Анатолийцы разрозненными группами стали отходить в походный лагерь, а та пехота, что не участвовала в битве, словно по команде, бросилась тысячными толпами на свой левый фланг к селению Огузлы, откуда тянулась дорога на Карс. Османы поняли, что путь к отступлению для них может быть перехвачен.

Видя такую картину, Рейс-Ахмет-паша попытался выправить положение. Огромная масса конных курдов и башибузуков нахлынула на правый фланг первой линии русских, который прикрывала кавалерия князя Чавчавадзе. Его драгунам, сотне грузин-милиционеров и вовремя подоспевшим из резерва четырем сотням донских казаков пришлось целых три часа (!) отбивать непрерывные

наскоки легкоконных вражеских всадников, которые превосходили их числом в 8—10 раз!

Все же конникам князя Чавчавадзе удалось отбросить куртинцев к горе Караялу. Драгуны-нижегородцы удачно отбивались и сами сильно контратаковали. За три часа непрерывных схваток кавалеристы флангового прикрытия и их кони так измотались, что на исходе сражения не могли пойти вдогон бежавшим.

В ходе Башкадыкларского сражения наступил переломный момент. Уловив это, Бебутов ввел в дело всю отрядную артиллерию, которой командовал генерал Э.В. Бриммер. Орудийные расчеты встали в первую линию и бегло повели прицельный огонь. Турки теперь ничего не могли противопоставить русским пушкарям, стремясь только поскорее уйти от разящих залпов и покинуть поле брани.

Кавказская пехота под бой барабанов пошла в тот день в свою последнюю атаку. Штыковыми ударами она гнала перед собой перемешавшиеся таборы. Занятие русскими селения Огузлы и стало сигналом к общему бегству главных сил Анатолийской армии. Единственное, что удалось в той ситуации сделать Рейс-Ахмет-паше, так это прикрыть отступавшую в беспорядке султанскую пехоту регулярной кавалерией и курдской конницей.

Наступала ночь, а анатолийцы сохраняли свое заметное численное превосходство. Войска были измотаны, и генерал-лейтенант В.О. Бебутов приказал прекратить преследование и вернуться всем назад. Турки, курды и арабы-сирийцы (они составляли часть султанской пехоты) продолжали отступать по Карской дороге. Султанская армия в тот день потеряла до шести тысяч человек убитыми и ранеными, бросив весь походный лагерь, обоз и 24 орудия.

Среди трофейных пушек оказалось так называемое «башкадыкларское кровавое орудие», в силу обстоятельств оказавшееся в самом эпицентре жестокого рукопашного боя. Окрашенное в красный цвет, подарок султана Анатолийской армии, оно являлось ее талисманом. По свидетельству очевидцев, вокруг него пало до полутора тысяч турецких аскеров. Знаменитое орудие Крымской войны вместе с зарядным ящиком нашло последнее пристанище в Санкт-Петербургском артиллерийском музее.

Потери победителей в сражении при Баш-Кадыкларе составили погибшими всего 317 человек (9 офицеров и 308 нижних чинов). Раненых набиралось до тысячи человек.

В брошенном неприятельском лагере оказались огромные запасы самого разного военного имущества и артиллерийских снарядов. Все это пришлось предать огню и уничтожить, поскольку обозных повозок едва хватило на раненых и контуженных.

Башкадыкларское сражение прозвучало победной строкой в истории Восточной войны. Еще бы, русский отряд из 7 тысяч пехотинцев и 2800 кавалеристов нанес совершенное поражение главной турецкой Анатолийской армии в 36 тысяч человек и обратил неприятеля в поспешное бегство. Затем последовала не менее блестящая победа русского Черноморского флота в Синопском морском сражении.

За победу при Баш-Кадыкларе Василий Осипович Бебутов удостоился полководческой награды — ордена Святого Георгия 2-й степени. В высочайшем указе говорилось, что награждение производится «...за поражение турецкого корпуса Рейс-Ахмета-паши 19 ноября при Баш-Кадык-Ларе». Вместе с тем Бебутов подвергся широкой критике со стороны современников за то, что после победы не пошел на Карскую крепость...

Кампания 1853 года, благодаря Баш-Кадыклару и Синопу, поставила Османскую империю на грань военного поражения в столкновении с Россией. Европа не могла не отреагировать на это. В Париже и Лондоне поняли, что султанскую Турцию следует спасать. Восточная война превратилась из Русско-турецкой в коалиционную Крымскую, в которой держава императора Николая I оказалась в одиночестве против союза Франции, Великобритании, Турции и Сардинского королевства. Но это было еще не все: австрийская армия встала на российской границе...

В кампанию 1854 года Турция вступила с реорганизованной армией, над чем потрудились английские и французские специалисты. Для союзников Крым становился главным театром действий, но на Кавказе численность Анатолийской армии была доведена до 120 тысяч человек. Ее новым главнокомандующим стал Зариф-Мустафа-паша, опытный в военном деле, прославившийся человеком суровым и жестоким. Начальником армейского штаба — французский генерал Гюйон.

Стамбул не отказался от плана прорваться от границы к Тифлису и дальше на Северный Кавказ. Для захвата столицы кавказского наместничества выделялся Батумский корпус силой в 50 тысяч человек под командованием Магомеда Селим-паши. Его войска, как

главная ударная сила Анатолийской армии, усиливались до самого дня наступательной операции. Поход намечался через Гурию, а обеспечение намечалось вести через черноморское побережье: паровой англо-французский флот господствовал на Черном море. Русский парусный флот был блокирован в Севастопольской бухте.

Батумскому корпусу противостояли два отряда (под общим командованием генерал-майора Андроникова) Отдельного Кавказского корпуса. Гурийским отрядом командовал генерал-майор князь Гагарин, который к весне имел 10 с половиной батальонов пехоты, 2 казачьи сотни, 12 орудий и 34 с половиной (до четырех тысяч человек) сотни кавказских иррегулярных войск.

Во главе Ахалцыхского отряда стоял генерал-майор Ковалевский. Он имел в подчинении 8 пехотных батальонов, 9 казачьих сотен, 29 сотен (до 3500 человек) национальных кавказских дружин при 12 орудиях.

Анатолийская армия нанесла первый удар по правому флангу государственной границы России. В начале июня авангард Батумского корпуса под командованием Гасан-бея попытался на берегах реки Риони нанести поражение части русского Гурийского отряда. В ответ на это Андроников приказывает занять Нигоетские высоты. В бою у селения Нигоеты отряд полковника Эристова наголову разбивает вышедших на него турок.

Русским при Нигоети пришлось биться в окружении, но исход дела решили несколько ударов в штыки. Османы потеряли только убитыми до тысячи человек, два орудия и множество новейших французских ружей — подарок Стамбулу от императора Франции Людовика III.

После победы генерал-лейтенант Андроников с главными силами Гурийского отряда двинулся в направлении к Озургети. Он словно предчувствовал, что Батумский корпус перешел в наступательное движение. Теперь важно было не дать ему выйти с гор на оперативный простор, на равнину. В поход двинулось 11 с половиной батальонов пехоты, 4 сотни донских казаков при 18 полевых и горных орудиях, почти две тысячи грузинских ополченцев, составлявших 6 пеших и 5 конных сотен имеретинцев, 6 пеших гурийских дружин и личную дружину князя Джандиери. Всего набиралось 10 тысяч человек.

Выступление Гурийского отряда стало известно Магомеду Селим-паше. Он поспешил во главе большей части Батумского кор-

пуса (почти 34 тысячи человек) за реку Чолок, чтобы, укрепившись там, ожидать подхода русских. Турки устроили свой лагерь на высоком речном берегу, возведя с фронта перед ним полевые укрепления. Правый фланг прикрывался крутым, недоступным оврагом, левый — густым горным лесом, изрезанным оврагами. Батарейные позиции имели хороший обзор. Единственной слабостью батумцев в сражении на Чолоке была малочисленность их артиллерии: 13 орудий против 18 у противника.

Гурийский отряд вышел на берега Чолока 3 июня. Рекогносцировка показала всю силу вражеской позиции, поэтому ожидалась отчаянная оборона ее защитников. Военный совет кавказских войск высказался за штурм турецкого лагеря на противоположном речном берегу. Сражение началось в четыре часа утра 4 июня 1854 года.

Дело на Чолоке завязалось со стычек в предрассветных сумерках боевого дозора гурийцев князя Микеладзе с турецкими сторожевыми пикетами. Турки бежали к лагерю. Генерал-лейтенант Андроников старался не растрчивать сумеречное время. Начинается выдвижение вперед артиллерийских батарей. Часть гурийской и имеретинской милиции завязывает с османами жаркую ружейную перестрелку на правом фланге турок, создавая впечатление подготовки атаки через овраг. Это насторожило Селим-пашу и его европейских советников.

Завязалась артиллерийская дуэль. Пехотные батальоны кавказцев стали готовиться к фронтальной атаке. Вперед выдвигались лучшие стрелки — «застрельщики». События же на Чолоке развивались гораздо быстрее, чем того ожидали стороны.

Гурийцы, увлеченные преследованием сторожевых пикетов врага, в погоне за ними вышли прямо к вражескому лагерю. Оттуда выступил табор низама с одной полевой пушкой. Однако милиционеры отважно бросились «в шашки» и произвели страшную резню. Турки бежали назад, бросив пушку и батальонное знамя.

Первый успех стал сигналом общего штурма позиции Батумского корпуса. Русская пехота под вражеским огнем устремилась вперед. Батальоны прославленного в Кавказской войне Егерского полка имени князя Воронцова, пробежав через кустарник и болотца, форсировали Чолок и с ходу, работая штыками и прикладами, захватили передовую линию окопов. Оборонявшиеся здесь

аскеры бежали на вторую оборонительную линию, находившуюся заметно выше первой.

Однако фронтальная атака второй линии окопов «захлебнулась». Атакующие, которых встретили беглым ружейным огнем и картечью, залегли и стали отстреливаться. Егеря Воронцовского полка, неся потери, стали отходить назад. Ни они, ни заседавшие на них османы не видели, как на выручку своим спешат скрытые речным берегом два батальона стрелков Литовского полка.

Победная чаша весов заколебалась. Магомед Селим-паша усилил натиск на отходивших вниз по горному скату егерей. Одновременно в центре турецкой позиции стал создаваться ударный кулак из кавалерии и фланговых пехотных батальонов. Андроников видел это и без подзорной трубы. Тогда и отдал он свой знаменитый «чолокский» приказ: 18 орудий «дальней» картечью в первом же залпе накрыли изготовившуюся для атаки вражескую кавалерию. Конная лава на противоположном берегу реки в единый миг расстроилась и обратилась вспять.

Последующие залпы обрушились на полевые укрепления турок. Рушились брустверы и засыпались от разрыва бомб окопы. Турецкая пехота пришла в замешательство, ошеломленная таким жестким огневым налетом. Затем артиллерия кавказцев перешла на беглый огонь, подавляя батареи батумцев. Турки быстро проиграли контрбатарейную дуэль.

Видя успех огневого налета, Андроников посылает всю наличную кавалерию на правый фланг чолокской позиции с задачей любой ценой ворваться во вражеский лагерь. Одновременно в образовавшиеся от артиллерийского огня «бреши» пошли в атаку штурмовые батальонные колонны. Однако достаточно сил для общего приступа не набиралось, и тогда Андроников идет на большой осознанный риск: он отправляет в бой весь свой резерв, состоявший из нескольких рот пехоты Брестского и Белостокского полков.

В тот день победа отвернулась от султанского воинства. В едином порыве четыре сотни донских казаков и конные грузинские милиционеры заскакали в тыл сражавшемуся неприятелю. Турки, атакуемые конниками, стали «сворачиваться» в каре. В той схватке смертью храбрых погибли командир 11-го Донского казачьего полка полковник Харитонов и князь Кайхосро Микеладзе.

Когда вслед за конницей в укрепленный лагерь Селим-паши ворвалась русская пехота, сражение на реке Чолок стало быстро

завершаться. Батумский корпус, местами еще сопротивляясь, пришел в «обратное движение». Турки попытались зацепиться за два небольших тыловых лагеря, тоже укрепленных, но безуспешно. Только после этого османы обратились, как писалось в донесении, в «совершенное бегство».

Трофеями победителей стала вся корпусная артиллерия — 13 орудий с зарядными ящиками, имущество трех походных лагерей, вьючный транспорт из 500 мулов и... казна Магомеда-Селимпаша, которую финансовая служба Кавказского наместничества оценила без малого в полмиллиона российских рублей.

Турки в сражении потеряли до четырех тысяч человек убитыми и ранеными. Много башибузуков и курдов разбежалось. Потери Гурийского отряда исчислялись в полторы тысячи человек. Было убито 14 офицеров и 292 нижних чина, ранено и контужено — 42 офицера и 1149 нижних чинов.

Жестокое поражение 4 июня на берегах реки Чолок полностью лишило вражеский Батумский корпус боеспособности. А он замышлялся в Стамбуле как ударная сила Анатолийской армии для действий на Кавказе...

24 июня кавказские войска одержали в ходе Крымской войны еще одну убедительную победу, не дав туркам ворваться в Закавказье со стороны Александрополя. Сражение произошло у селения Кюрюк-Дара (или у горы Караяль), став для русского оружия тяжелым испытанием.

К лету 1854 года Отдельный Кавказский корпус усилился еще одной пехотной дивизией, двумя драгунскими полками и новыми формированиями грузинской милиции. Главные силы султанской Анатолийской армии — 60 тысяч человек стояли в Карсе. Оттуда и наносился наступательный удар по русскому Александропольскому отряду, которым продолжал командовать генерал-лейтенант В.О. Бебутов.

Турки выступили двумя сильными походными колоннами, оставив излишние обозы и тяжести в Карской крепости. Правой колонной командовал Керим-паша, левой, более многочисленной, — Измаил-паша, он же венгерский революционный генерал Кмети, перешедший на службу султану.

Когда анатолийцы на марше отправили к Карсу еще часть своих обозов, о чем донесла в штаб Бебутова конная разведка, там решили, что турки по каким-то причинам начали отход назад.

Тогда, поразмыслив, командир Отдельного Кавказского корпуса решил догнать и атаковать неприятеля. Александропольский отряд насчитывал 18 тысяч человек при 64 орудиях и 16 ракетных станках. Оставив для охраны тылов саперный батальон, две казачьи сотни при 16 орудиях, александропольцы двинулись вперед. Перед рассветом 24 июня они вышли к селению Мешко.

Случается же на войне такое: обе стороны готовились к нападению друг на друга в один и тот же день. И хотя противники наладили дозорную службу и разведку, ни Бебутов, ни Мустафа-Зариф-паша не имели достоверных сведений о планах друг друга.

Анатолийская армия и русский Александропольский отряд столкнулись на рассвете 24 июня и сразу же стали разворачивать боевые порядки для сражения у горы Караяль. Турки первыми оказались на ее вершине: втащив туда два орудия, они стали обстреливать противника, но за дальностью пальбы не нанося ему урона. Однако гора Караяль господствовала над дорогой в Александрополь и обладание ею значило много.

Понимая ее значение, Бебутов отправил на штурм горы, на которой засели турки, треть своей пехоты с кавалерией под командованием генерала Белявского. Остальные отрядные силы стали разворачиваться в две боевые линии против подходивших анатолийцев. Большая часть артиллерии стала впереди. Пока шло такое перестроение, османы начали наступление двумя колоннами. Пушки из колонны Измаил-паши повели обстрел русских, подступивших к горе Караяль. Тогда генерал Белявский приказал Нижегородскому драгунскому полку атаковать ближайшую вражескую батарею.

Нижегородцы пошли в атаку, опрокинули конный заслон батареи и ворвались на орудийные позиции. Изрубив артиллерийскую прислугу, драгуны увезли к себе четыре орудия.

Тогда бывший венгерский генерал Кмети начал массированную атаку силой в 22 пехотных табора. Впереди атакующих были поставлены стрелки, вооруженные современными ружьями-штуцерами (русские их не имели). Вперед пошла и вся кавалерия левофланговой колонны.

Атака первоначально имела заметный успех. Белявскому пехотному полку пришлось свернуться в каре, турки захватили два орудия донских казаков, лошади упряжек которых были убиты в самом начале дела. Но Нижегородский драгунский полк хорошо

помог в те минуты своей пехоте. Драгуны не только отбили назад две казачьи пушки, но захватили еще и вражескую батарею.

Двигавшаяся вперед беглым шагом, без выстрелов, русская пехота штыковым ударом опрокинула авангард колонны Измаил-паши и погнала ее назад. При виде этого батальоны стрелков-штурцерики покинули гору Караяль, чтобы не оказаться отрезанными от своих главных сил. К восьми часам утра случилось то, чего никак не мог ожидать султанский главнокомандующий Мустафа-Зариф-паша: одна из двух колонн Анатолийской армии, не подчиняясь его воле, пришла в обратное движение.

Тем временем правая колонна Керим-паши только начинала вступать в сражение. То, что колонны вражеской армии не были взаимосвязаны между собой, сильно помогло Бебутову. Взяв часть сил у генерала Белявского, праздновавшего победу, он начал атаку подходившей новой колонны анатолийцев. Ее удар пришелся на Кавказскую гренадерскую бригаду, но та выстояла до подхода сильного подкрепления.

Битва при Кюрук-Дара оказалась примечательным событием в истории российских ракетных войск будущего. Выпущенные со специальных станков ракеты, за которыми в полете тянулся длинный дымный шлейф, приводили в ужас султанских солдат. Потери от осколков при взрывах «хвостатых» снарядов много дополнялись потерями моральными.

Видя бесплодность первого столкновения, Керим-паша решил обойти русских с фланга, благо местность позволяла провести такой маневр. Но тут в атаку пошла Кавказская гренадерская бригада, поддержанная картечным огнем трех артиллерийских батарей. Гренадеры-кавказцы героически «пробивали» три боевые линии турок, состоявшие из 20 таборов пехоты. Стороны в ходе рукопашных схваток понесли большие потери. Так, 2-й батальон Грузинского гренадерского полка, атаковавший Арабистанский полк, потерял выбывшими из строя 450 человек. Все же гренадерская бригада сломала сопротивление неприятеля и заставила его отступить.

В девять часов утра сражение при Кюрук-Дара уже завершилось: обе походные колонны анатолийцев отступали. Последним всплеском битвы стал выход части войск колонны Керим-паши во фланг русским. Дело здесь завязалось настолько серьезное, что генерал-лейтенанту Бебутову пришлось послать на правый фланг свои последние резервы и личный конвой. В конце концов турки,

атакуемые с трех сторон и засыпаемые картечью, смешались и «ударилась в бегство».

Затем началось преследование армии Мустафы-Зариф-паши. Но оно прекратилось уже в час дня из-за усталости лошадей и людей. До походного лагеря аناтолийцев, до которого было около 10 верст, доскакали только конники сотен кавказских милиционеров. Остальные войска возвратились на поле битвы.

Анатолийская армия в кровопролитной битве в горах (она велась на фронте в пять верст) потерпела полное поражение. Ее потери составили 3 тысячи убитыми, 2 тысячи пленными и 15 орудий. Турки бежали в Карскую крепость, побросав по пути немало дальнобойных штуцеров, которыми Англия и Франция одарила султанскую пехоту.

Александропольский отряд понес в сражении у селения Кюрук-Дара серьезные потери, хотя они оказались во много раз меньше неприятельского урона. Погибли 21 офицер и 579 нижних чинов, ранения получили 2455 человек.

Разгром Анатолийской армии дался воинам-кавказцам с большим трудом. Не случайно газета «Кавказ» (№ 60 за 1854 год) писала: «Османцы показали такое сопротивление, какого никогда не видали от них старые служаки». Генерал-лейтенант В.О. Бебутов был отмечен беспримерной в истории России наградой для его чина — высшим в империи орденом Святого Андрея Первозванного...

Все тайные планы Стамбула по захвату Закавказья и лежащих севернее земель стали явными, разрушившись в первые два года Крымской войны. Серьезные поражения турок на кавказской границе России настолько ослабили их силы, что после дела у Кюрук-Дара наступательных операций Анатолийской армией больше не предпринималось. Да и к тому же часть османского войска участвовала без славы в затянувшейся осаде русской морской крепости Севастополь. Под ней союзники — французы, англичане, турки и сардинцы — несли ощутимые потери и от огня севастопольцев, и от эпидемий.

Пока в Крыму шла ожесточеннейшая борьба за главную базу Черноморского флота, на Кавказе назревали большие события. Новый царский наместник в Тифлисе и главнокомандующий русскими кавказскими войсками генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев сразу заявил о себе как о стороннике самых решительных, наступательных действий. Полководец стал готовиться к походу на

Карскую крепость, в которой сосредоточились главные неприятельские силы: большая и лучшая часть Анатолийской армии.

Взятие Карса однозначно облегчало участь осажденного Севастополя, защитники которого отразили уже не один генеральный штурм. Уничтожение вражеской армии, затворившейся в крепости, могло заметно повлиять на дальнейший ход всей Крымской войны, которая, за исключением горного Кавказа, складывалась для Российской империи неудачно.

Муравьев, не пользовавшийся личным расположением императора Николая I, так обосновывал необходимость похода на город-крепость Карс:

«Не собственно Карс нам нужен, а защитники его. С приобретением сей крепости не ключ приобретаем мы к Малой Азии, а поражаем все действующие силы неприятеля, который не сможет тогда более собраться и к будущей кампании 1856 года...»

Из военной истории старой России известно, что русская армия в XIX столетии брала крепость Карс четыре раза — в 1807-м, 1828-м, 1855-м и 1878 годах! В Восточную (Крымскую) войну кавказские войска подступали к османской твердыне, к воротам Анатолии в третий раз.

...Переход от границы к Карской крепости войска Отдельного Кавказского корпуса проделали беспрепятственно: генерал от инфантерии Муравьев, как опытный шахматист, хорошо продумал все походные перипетии. Но вел он с собой всего 24 с половиной тысячи бойцов при 76 орудиях. Русские обложили вражескую крепость к 18 июня 1855 года.

Горная крепость предстала перед кавказцами Муравьева во всем своем грозном величии. Первоклассные английские фортификаторы усовершенствовали и без того мощную крепость. В систему ее обороны были включены Шарохские, Чакмакские и Карадагские высоты. На них возвели современные по исполнению бастионы. Ниже Старой крепости, в двух верстах от нее, на скалистом берегу реки Карс-чай построили впечатляющий своими обводами бастион Араб-Табиа. Его вооружили орудиями большого калибра.

Фланги крепостной позиции (Карс по сути дела был большим крепостным районом) хорошо прикрывались скалистыми горами и обрывистыми речными берегами. Сообщение через «городскую» Карс-чай шло по каменным мостам и двум понтонным. Река по-

этому для маневра гарнизонными резервами препятствия не представляла, чего нельзя было сказать о тех, кто осаждал крепость.

К началу осады турецкий гарнизон состоял из 33 тысяч человек. Но это были не как в предыдущих войнах, в своем большинстве фанатики-ополченцы, а регулярные, по-европейски обученные войска. В Карсе на стороне османов сражалось много кадровых военнослужащих-иностранцев, участников польской революции 1830 года и венгерской революции 1848 года. После поражения восстаний повстанцы, перед которыми затворились двери по всей Европе, смогли найти убежище только в Османской Порте. Султан нуждался в хорошо знающих военное дело наемниках. А то, что они повоевали против русской армии, являлось лучшей рекомендацией...

Большинство поляков и венгров приняло мусульманскую веру и изменило свои христианские имена. Они принесли в Турцию ненависть к Российской империи Николая I. Почему бывшие революционеры в той войне оказались в Карсе, а не под, скажем, Севастополем? А потому, что Англия и Франция не пожелали видеть в рядах союзных войск в Крыму «мятежников», поднявших оружие против российской и австрийской монархий.

Муширом — главнокомандующим султанской армии в 1855 году был Вассиф-паша, малосведущий в военном деле человек. В действительности карским гарнизоном распоряжался военный советник мушира англичанин бригадир Виллиам-Фенвик Вильямс, человек деятельный и инициативный. Среди генералитета выделялись два паши — венгры Кмети и Кольман.

Британский комиссар при Анатолийской армии бригадир Вильямс являл собой «душу» обороны Карской крепости. Благодаря его стараниям крепость имела четырехмесячный запас продовольствия, достаточно огневых припасов. И во время блокады осажденные сумели возвести на Шарохских высотах новую сильную оборонительную линию, которая стала для противника во время генерального штурма неприятным сюрпризом.

...Муравьев лично провел рекогносцировку крепостного убежища Анатолийской армии. Все говорило о том, что речи о скором генеральном штурме вести не приходилось: гарнизон числом превосходил силы русских, крепостную ограду предстояло еще разрушить. Но турки сразу почувствовали решительность царского наместника. Фланговым маневром он перевел свои войска на виду у

защитников Карса на левый берег Карс-чая и стал осадным лагерем у селения Большая Тикма.

Такой тактический ход давал русским многое. Во-первых, перерезалась дорога на Эрзерумскую крепость и дальше, в центральные пашалыки (губернии) Анатолии. Именно оттуда ожидался подход подкреплений, поскольку османы уже потеряли приграничные крепости Ардаган, Баязет и Алашкерт. Во-вторых, кавказцы увидели свое превосходство духом над турками: те не вышли за крепостные стены, чтобы помешать противнику, выходящему в «тылы» Карса.

Став осадным лагерем на Эрзерумской дороге, Муравьев еще больше ужесточил блокаду вражеского гарнизона. Крепкими заставами перекрываются все пути сообщения города с окрестными селениями и горами. Там, где это требовалось, возводились полевые укрепления с достаточными гарнизонами. Тем самым турки лишались даже небольших источников получения провианта и фуража.

По всем ближним и дальним дорогам, в горах действовали летучие конные отряды. Они перехватывали неприятельские обозы и лазутчиков, уничтожали запасы продовольствия и корма для лошадей. Такие подвижные заслоны в своем большинстве составлялись из добровольческой кавказской милиции. В состав действующего Отдельного Кавказского корпуса входило более 12 тысяч таких милиционеров — грузин и армян, азербайджанцев и осетин, дагестанцев и курдов, кабардинцев и ингушей... Они составили 74 конных и 66 пеших дружин.

Осада Карса велась «правильная», по всем законам крепостной войны. Султанскому гарнизону предложили сдаться на почетных условиях, но те ответили гордым отказом. Вассиф-паша и его войско решили защищаться до последней крайности, благо Россия в Крымской войне успехами не блистала. Впрочем, Муравьев другого ответа и не ожидал.

Тогдарусские предприняли несколько попыток выманить осажденных в поле за линию крепостных укреплений. Однако действия кавалерийских разъездов, «задиравших» неприятеля, оказались малоуспешными. После нескольких конных сшибок турецкая кавалерия перестала выходить из крепостных ворот даже ночью.

Так тянулись день за днем. Блокада длилась уже около четырех месяцев. В крепости таяли запасы продовольствия, и вместе с ними

таяли силы гарнизона. Турки гибли в стычках с русскими дозорами; все больше голодных беглецов из Карса по ночам старались уйти в окрестные горы. Однако это удавалось немногим.

Пленные показывали, что две из трех самых больших городских мечетей, в которых хранились под надежной охраной провиантские запасы гарнизона, уже пусты. Больше всего страдала кавалерия, самая привилегированная часть султанской армии. Фуража в городе совсем не осталось, и изнуренных голодом лошадей пристреливали на провиант.

Перехваченные карские торговцы дали ценные сведения: Васиф-паша решил спасти остатки армейской кавалерии и выпустить ночью из крепости последних всадников — 2500 человек. Им предстояло «прокрасться» в Эрзерум. Беглецам в предгорье была устроена крепкая засада из драгун. В ночном бою турки полегли почти все. В плен попало только 13 офицеров и четыре сотни рядовых. Для осажденных известие о том, принесенное случайными беглецами, стало сильным ударом.

Стамбул находился в замешательстве. В Эрзеруме больших сил для оказания помощи Карсу никак не набиралось. Выручили союзники Турции: англо-французский флот перевез морем и десантировал в Сухуми войско Омер-паши численностью около 50 тысяч человек. Но осторожный Омер-паша не решился на наступательную операцию, боясь «оторваться» от морского побережья и лишиться поддержки союзного флота.

27 августа пал до того стойко и героически оборонявшийся Севастополь — его судьбу решил захват союзниками укреплений Малахова кургана. Русские войска не оставили сам город, а перешли по наведенному мосту на его Северную сторону, разрушив за собой переправу.

Участники осады Карса вспоминали, что известие о падении Севастопольской морской крепости болью отозвалось в сердцах кавказских воинов. Такого военного поражения Российская империя доселе еще не испытывала с времен сражения под шведской крепостью Нарва в 1700 году, в первый год Северной войны.

...Генерал от инфантерии Муравьев решил не откладывать больше генеральный штурм крепости. Была назначена его дата — 17 сентября. Атаку Карса военный совет решил начать со взятия укреплений Шарохских и Чакмакских высот, которые господствовали над городом и его цитаделью. Вспомогательный удар наносился

по неприятельской позиции на правом берегу Карс-чая. Ожидалось, что в таком случае Вассиф-паша не сможет маневрировать в ходе боя резервами.

Наиболее трудным виделся штурм Шарохских высот. Здесь в укреплениях сидели отборные стрелковые батальоны: гвардейский, шесть арабистанских и два спешенных кавалерийских эскадрона. Всего до четырех тысяч человек при 28 орудиях.

Согласно диспозиции главнокомандующего войска, отряженные на приступ, составили четыре штурмовые колонны — генералов Ковалевского, Мейделя, Нирода и Бриммера (резервная колонна). Кроме того, была сформирована отдельная группа князя Гагарина, предназначенная для ввода в прорыв крепостной обороны, и отдельный отряд генерала Базина. Уходящим на штурм бойцам дали ночь на отдых и выдали на два дня сухарей.

Первый орудийный выстрел утром 17 сентября прозвучал с бастиона Араб-Табиа. Выход в 4 часа штурмовых колонн из осадного лагеря турецкие сторожевые пикеты обнаружили через 45 минут. В первом броске атакующим из колонны генерала Мейделя удалось захватить часть укреплений на Шарохских высотах. Но когда перед ними оказался бастион Тахмас-Табиа, роты Грузинского пехотного полка попали под сильный перекрестный огонь и залегли. Большого успеха добиться они не смогли.

Колонне генерал-лейтенанта Ковалевского, получившего смертельное ранение в самом начале атаки, во вражеские укрепления ворваться не удалось. Более того, в предрассветных сумерках по какому-то недоразумению стрелки из второй линии колонны обстреляли шедшие первыми ротные колонны Виленского пехотного полка.

Резервному отряду князя Гагарина удалось взять люнет Ярым и дважды, под сильным вражеским огнем, подступиться к бастиону Юксек-Табиа. Во время второй атаки бастиона русские лишились почти всех старших офицеров. Турки, заметив замешательство в рядах противника, контратаковали его толпой пехоты в несколько тысяч человек и вернули себе люнет.

Удача из всех штурмующих колонн сопутствовала только отдельному отряду генерала Базина (2400 штыков, 2350 кавалеристов при 16 орудиях). Его бойцы в штыковой атаке взяли бастион Тиздель-Табиа. Установив здесь свои пушки, русские стали поражать меткими залпами соседние бастионы Томпсон и Зораб-Та-

биа. Затем и они берутся дружной атакой. Так пали все укрепления на Чакмакских высотах. В течение двух последующих часов с них велся артиллерийский обстрел Карской крепости.

Видя, что общий штурм Карса оказался неудачен, главнокомандующий Муравьев отдал войскам распоряжения вернуться в осадный лагерь. Было приказано сойти и с Чакмакских и Шарохских высот: обладание ими не нарушало всей системы Карской крепостной обороны.

Кровопролитный штурм 17 сентября стоил Отдельному Кавказскому корпусу убитыми 74 офицера и 2442 нижних чинов, ранеными — 178 офицеров и 4784 нижних чина. Пехотные батальоны первой линии лишились трети своего списочного состава. Турки, которые зашишались на хорошо укрепленных позициях, потеряли около четырех тысяч человек. Русские из захваченных 23 орудий смогли увезти с собой только четыре. Остальные были или заклепаны, или сброшены с круч.

После неудачного штурма обложение Карса возобновилось в прежних строгих правилах. Но цивилизованные законы войны соблюдались: стороны обменялись пленными. Вассиф-паша откровенно избавлялся от лишних едоков. Своих же в Карс принимали с большой неохотой.

Вскоре крепостной гарнизон стал терять дезертирами и умершими от болезней по 150 человек в день. Запасы провианта подходили к концу, хотя суточную норму солдатам резко сократили. В городских кварталах, где проживали армяне-христиане, зрело «возмущение». Обещанная помощь из недалекого Эрзерума все не подходила. А от затворившейся в Карской крепости Анатолийской армии оставалось едва ли половина людей...

12 ноября турецкое командование начало переговоры о капитуляции. Собственно говоря, их от имени мушира Вассиф-паши вел английский бригадир Вильямс. 16 ноября 1855 года карский гарнизон сдался на милость победителей, выйдя за стены города и сложив там знамена (в том числе 12 полковых) и оружие. Это была самая крупная победа России в Крымской войне на суше.

Первое, что было сделано с пленными — их накормили специально приготовленным обедом. Он состоял из русских шей с говядиной и каши. После этого местных ополченцев распустили по домам, а кадровых военнотружаших Анатолийской армии, в со-

провожении конных конвоев, большими партиями направили к государственной границе России, в плен.

Наградой за Карс генералу от инфантерии Николаю Николаевичу Муравьеву стал полководческий императорский Военный орден Святого Георгия 2-й степени. И почетное проименование к фамилии — «Карский»...

После успеха под Карсом полководец начал разработку смело-го по замыслу похода через Анатолию на Стамбул (он же христианский Константинополь), к проливам Босфор и Дарданеллы. Кавказский воитель Муравьев-Карский считал, что выход русских войск по суше к османской столице коренным образом изменит ситуацию в Крымской войне.

Русские пушки на берегах черноморских проливов могли полностью лишить союзников, ставших завоевателями клочка крымской земли, регулярных подкреплений, подвоза боевых припасов, провианта, воинского имущества. А паровому англо-французскому флоту вполне реально пришлось бы «омертветь» в водах Черного моря, когда в топку паровоходо-фрегатом «улетела» бы последняя лопата угля. Следует заметить, что у автора такого дерзкого, но не беспочвенного в той исторической ситуации плана в русских войсках на Кавказе сразу нашлось много сторонников.

Но... поход из Карской крепости на древний Царьград кавказских войск под водительством генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева-Карского в 1856 году не состоялся. Крымская война завершилась. Начались мирные переговоры воюющих сторон.

По поводу состоявшихся парижских переговоров подполковник Генерального штаба Аверьянов в своих «Записках» со всей справедливостью отмечал:

«Против наших неудач на Дунае и в Крыму одни только трехлетние победы и успехи кавказских войск в Азиатской Турции могли быть поставлены на весы на Парижском конгрессе, на котором так страдала вековая военная слава и народная гордость России...

Все завоевания кавказских войск... в несколько десятков раз превосходившие занятое союзниками пространство в окрестностях Севастополя и Кинбурна, были той ценой, которую России пришлось заплатить за возвращение Севастополя».

Если выразиться короче и проще, то за столом мирных переговоров во французской столице сухопутную крепость Карс обменяли на морскую крепость Севастополь. Такой обмен договариваю-

шие стороны нашли равноценным. С той лишь существенной разницей, что обладание главной базой русского Черноморского флота обошлось англичанам и французам во много раз дороже, чем кавказским войскам покорение Карской крепости. Такое соотношение в истории и не забудешь, и не утратишь.

Это и есть главная, второе столетие спорная, тайна Восточной (или Крымской) войны 1853—1856 годов.

Глава 10

«ТУРАНСКИЕ» ИЛЛЮЗИИ ЭНВЕР-ПАШИ. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОХОД НА ТЕРЕК

Первая мировая война стала с первых же дней Великой для всех ее участников. Величие мирового военного пожара крылось прежде всего в стратегических планах Берлина и Санкт-Петербурга, Парижа и Вены, Лондона и Стамбула, Токио и Софии... Война повергла в прах многие претензионные планы, в том числе и создания «Туранского государства». Его автор и исполнитель военный министр султанской Турции Энвер-паша «споткнулся» о железнодорожную станцию Сарыкамыш и волю русского генерала Николая Николаевича Юденича.

Турецкие армии в 1914—1918 годах так и не прорвались через Кавказ, не дошли победоносным маршем до Казани и Самарканда, как то задумывалось в Стамбуле под «сенью» советов высокопоставленных германских инструкторов. Энвер-паша верил в возможность создания великого «Туранского государства» до последних своих дней, будучи уже не военным министром султана Решада Мехмеда V, а всего лишь басмаческим курбаши в звании мушира, то есть маршала Турции...

Для русской армии мировая война на Кавказе началась с того, что ее высочайшим приказом императора Николая II обескровили. Верховное командование России, мотивируя тем, что Турция еще не вступила в войну, приказало Тифлису перебросить на Русский фронт два из трех Кавказских корпусов — 2-й и 3-й с частями усиления. На прикрытии государственной границы оставались только один первоочередной 1-й Кавказский корпус, 1-я и 2-я Кубанские пластунские бригады, казачья конница и прочие части.

Однако Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич-младший не мог серьезно обескровить приграничный округ на вот-вот образующемся турецком фронте. Из Средней Азии на Кавказ после мобилизации был переброшен 2-й Туркестанский корпус, состоявший из двух бригад неполного состава. Его стрелковые полки имели не по четыре батальона, а по три.

С вступлением в войну Турции Кавказский военный округ (в соответствии с планом мобилизации) был развернут в Отдельную Кавказскую армию, действовавшую на самостоятельном стратегическом направлении. По силе она оказалась намного слабее тех русских армий, которые были созданы с началом войны на европейском Восточном (Русском) фронте. В Петрограде (Санкт-Петербург в патриотическом порыве государя Николая II был переименован) резонно считали, что Кавказ не будет играть первостепенной роли, поэтому русским войскам ставились задачи только прикрытия границы, а не проведения стратегических наступательных операций.

Планы кавказского командования строились на основе четырех возможных политических вариантов участия Турции в европейской войне. Она началась по третьему варианту: Турция, решившая вначале соблюдать нейтралитет, в тяжелый для России начальный период войны на Западе изменила планы и напала на Закавказье. Задача русской армии в этом случае заключалась в том, что в то время, когда на Западе будет решаться судьба России, войска, остающиеся на Кавказе, станут охранять две главные коммуникации, соединяющие Закавказье с европейской частью страны, то есть железные дороги Баку — Владикавказ и Военно-Грузинскую дорогу, а также промышленный Баку.

Вместе с тем для Отдельной Кавказской армии дополнительно ставилась задача предотвращения появления турецких сил на территории Кавказа. Эта задача была выполнена в самом начале войны переходом русских войск линии государственной границы и вторжением собственно в Турцию. В дальнейшем намечалось вести активную оборону на занятых рубежах.

Но в эти намерения кавказского командования сразу же «вмешался» султанский военный министр Энвер-паша, автор плана создания силой оружия великого исламского «Туранского государства». Он самым серьезным образом предрекал турецкой военной силе прорыв через Кавказ, победы на Кубане и Тереке, победонос-

ные походы по Волге до Казани, а в Средней Азии — до древнего Самарканда.

Однако совсем иначе относился к противной стороне начальник штаба Кавказского округа, а с началом войны — армейского штаба генерал-лейтенант Н.Н. Юденич. Лично он много сделал для повышения боевой готовности кавказских войск. Но как он относился к оценке готовности русской армии в целом к Великой войне? Известно, что этот вопрос им ни публично, ни в частных беседах, будучи в эмиграции, не обсуждался. По всей видимости, это была болезненная тема для полководца, и поэтому он старался всячески избегать ее.

В отличие от Юденича многие известные участники событий Первой мировой войны, оказавшиеся кто в Белом, кто в Красном стане, делились в своих мемуарах и исследовательских трудах мнениями на сей счет. Отказать в правдивости их суждений трудно: они были не только очевидцами военных потрясений, но и людьми, которые стояли во главе сражающихся русских войск.

Во мнениях большинства таких лиц, оставивших после себя мемуарное наследие, сквозит мысль о неготовности русской армии к Великой войне. Один из вождей Белого движения на Юге России генерал-лейтенант А.И. Деникин в своих воспоминаниях «Путь русского офицера» высказывается достаточно резко:

«Россия не была готова к войне, не желала ее и употребляла все усилия, чтобы ее предотвратить».

Известный военный специалист Красной армии А.А. Брусилов, бывший царский генерал от кавалерии, Верховный главнокомандующий Временного правительства в 1917 году в своих мемуарах замечал следующее:

«Мы вступили в войну с удовлетворительно подготовленной армией.

Состав кадровых офицеров был недурен и знал свое дело хорошо, что и доказал на деле.

Хуже у нас была подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная.

Моральную подготовку народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее не допустили».

Это авторитетные свидетельства двух командующих Юго-Западным фронтом. Есть мнения участников и исследователей Великой войны иного, более категоричного тона. Так, военный исто-

рик А. М. Зайончковский в своем фундаментальном труде «Мировая война 1914—1918 гг.» дает действительно исчерпывающую картину готовности Российской империи, ее армии и флота к тяжким испытаниям, сокрушившим державу династии Романовых:

«Россия успела залечить свои раны (после русско-японской войны. — *А. Ш.*) и сделать большой шаг вперед в смысле укрепления своего военного могущества. Мобилизованная русская армия достигла в 1914 г. грандиозной цифры — 1816 батальонов, 1110 эскадронов (и казачьих сотен. — *А. Ш.*) и 7088 орудий, 85% которых могло быть двинуто на Западный театр военных действий.

В русской армии усовершенствовалось обучение, расширились боевые порядки, начала приводиться в жизнь эластичность их, было обращено внимание на значение огня, роль пулеметов, связь артиллерии с пехотой, индивидуальное обучение отдельного бойца, на подготовку младшего командного состава и на воспитание войск в духе активных и решительных действий.

Но с другой стороны, оставлено было без внимания выдвинутое японской войной значение в полевом бою тяжелой артиллерии, что, впрочем, следует отнести и к погрешности всех остальных армий, кроме германской. Не были достаточно учтены ни громадный расход боеприпасов, ни значение техники в будущей войне.

Однообразного понимания военных явлений и однообразного подхода к ним ни в русской армии, ни в ее Генеральном штабе достигнуто не было, — отмечал далее А. М. Зайончковский. — В то время, когда офицерский состав вышел на мировую войну обученным тактике согласно новому полковому уставу (1912 года. — *А. Ш.*), у высшего командного состава, за редким исключением, наблюдалось отсутствие твердых определенных взглядов, а нередко и совершенно устаревшие воззрения.

Генеральный штаб, начиная с 1905 года, получил автономное положение. Он сделал очень мало для приведения в жизнь армии единого взгляда на современное военное искусство. Успев разрушить старые устои, он не смог дать ничего цельного. С таким разноречивым пониманием военного искусства русский Генеральный штаб вступил в мировую войну.

Более того, русская армия начала войну весьма слабо снабженной всеми техническими средствами и огнеприпасами, имея у себя в тылу неподготовленную для ведения большой войны страну и ее

военное управление и совершенно неподготовленную к переходу для работ на военные нужды промышленность.

В общем, русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами».

Военный историк А. М. Зайончковский относится к числу серьезных исследователей Первой мировой войны. Его суждения о готовности русской армии к большой европейской войне явно не относятся к кавказским войскам и к личности полководца Н. Н. Юденича. Если бы у него в ранге командующего отдельной армией и самостоятельного фронта не имелось твердых воззрений на современное ему военное искусство, тогда бы и не было на Кавказе громких, убедительных побед русского оружия. А они следовали на горном театре войны одна за другой, сокрушая все «туранские» планы мушира Энвер-паши и его германских советников.

То есть реалии Великой войны свидетельствуют со всей убедительностью, что действовавшие под предводительством генерала от инфантерии Н. Н. Юденича Отдельная Кавказская армия и Кавказский фронт «плохими» назвать никак нельзя. Даже с тех исторических позиций, когда все при царизме называлось «плохим».

... Война на Кавказе началась так. 27 сентября Турция закрыла черноморские проливы для торговых кораблей стран Антанты и прежде всего для России. Этот шаг стал как бы актом неофициального объявления Стамбулом войны противникам Германии и Австро-Венгрии. Теперь в Европе знали, на чьей стороне и против кого будет сражаться турецкая армия, приведенная в «соответствие» германской военной миссией генерал-лейтенанта и мушира Лимана фон Сандерса.

Стамбул выжидал до середины октября 1914 года. Успехи немцев на Французском фронте создавали видимость скорого разгрома Антанты, и 16 октября соединенная турецко-германская эскадра под командованием немецкого контр-адмирала Вильгельма Сушона внезапно бомбардировала города Севастополь, Феодосию, Новороссийск, не принеся каких-либо серьезных разрушений. В состав эскадры входили германские линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау», которые вошли в состав военно-морского флота Турции под ее флагом, будучи переименованы (соответственно) в «Явуз султан Селим» и «Мидилли».

Теперь практически всеми турецкими кораблями командовали немецкие офицеры. Контр-адмирал Сушон приказал офицерам и матросам «Гебена» и «Бреслау» сменить фуражки и бескозырки на красные фески. Сушон пользовался такими широкими полномочиями, что часто отдавал приказы союзному флоту через голову султанского военного министра Джемал-паши. Флотом Турции фактически командовал он, а не адмиралы султана Решада Мехмеда V.

К слову сказать, отдельные современные исследователи высказывают мысль, что именно контр-адмирал Вильгельм Сушон своими бомбардировками российских черноморских городов спровоцировал вступление Османской империи в Первую мировую войну на стороне держав Центрального блока. Но это мнение во многом спорное, поскольку Турция готовилась к большой войне в Европе основательно и заблаговременно, подписав к тому же 2 августа союзный договор с Берлином.

У Сушона был хороший послужной список в командовании немецкими флотскими силами за пределами Европы. Его канонерская лодка «Адлер» участвовала в захвате островов Самоа в Тихом океане. После окончания Морской академии в Киле он служил в Главном командовании ВМФ и Адмирал-штабе. Во время Русско-японской войны был начальником штаба крейсерской эскадры в Восточной Азии. С 1913 года — командующим эскадрой Средиземного моря в составе линейного крейсера «Гебен» и легкого крейсера «Бреслау». В момент объявления войны находился в итальянском порту Бридизи. Получив приказ идти в Турцию, обстрелял алжирские порты Филиппивиль и Бон. В Стамбуле был назначен командующим германо-турецким ВМФ (впоследствии также и болгарским флотом).

Союзная эскадра под флагом Сушона после бомбардировки Севастополя, Феодосии и Новороссийска совершила нападение на Одессу. В ее гавани турецкими миноносцами была потоплена русская канонерская лодка «Донец». В Тифлисе эти сообщения восприняли однозначно: как начало войны Турции против России на Кавказе.

Российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов секретной телеграммой известил царского наместника на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова о случившемся:

«Турки открыли военные действия против незащищенного порта Феодосии и канонерки, стоявшей в одесском порту».

В ответ на откровенно враждебные акции со стороны Турции 2 ноября 1914 года Россия после некоторого «дипломатического» промедления объявила ей войну. 5 ноября такое же решение приняла Великобритания, а на следующий день — Франция.

Французский посол в Санкт-Петербурге (и Петрограде) Морис Палеолог в своих мемуарах «Царская Россия во время мировой войны» так описал события, связанные с началом военных действий Турции против России:

«Четверг, 29 октября (по новому стилю) 1914 г.

Сегодня, в три часа утра, два турецких миноносца ворвались в одесский порт, потопили русскую канонерку и обстреляли французский пароход «Португалия», причинив ему некоторые повреждения. После этого они удалились полным ходом, преследуемые русским миноносцем.

Сазонов принял известие с полным хладнокровием. Тотчас приняв распоряжения от императора, он сказал мне:

— Его Величество решил не отвлекать ни одного человека с германского фронта. Прежде всего нам нужно победить Германию. Поражение Германии неизбежно повлечет за собой гибель Турции. Итак, мы ограничимся возможно меньшей завесой против нападений турецких армий и флота.

Впечатление в обществе очень велико.

Пятница, 30 октября.

Русскому послу в Константинополе, Михаилу Гирсу, повелено требовать паспорта.

По просьбе Сазонова, три союзных правительства пытаются, тем не менее, вернуть Турцию к нейтралитету, настаивая на немедленном удалении всех германских офицеров, состоящих на службе в оттоманской армии и флоте. Попытка, впрочем, не имеет никаких шансов на успех, так как турецкие крейсера бомбардировали только что Новороссийск и Феодосию. Эти нападения без объявления войны, без предупреждения, этот ряд вызовов и оскорблений возбуждают до высочайшей степени гнев всего русского народа

Воскресенье, 1 ноября.

Так как Турция не пожелала отделиться от германских государств, послы России, Франции и Англии покинули Константинополь.

К западу от Вислы русские войска продолжают победоносно наступать по всему фронту.

Понедельник, 2 ноября.

Император Николай обратился с манифестом к своему народу: "Предводимый германцами турецкий флот осмелился вероломно напасть на наше Черноморское побережье. Вместе со всем народом русским мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорят роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря".

Я спрашиваю Сазонова, что значит эта последняя фраза, как будто извлеченная из сивиллиных книг.

— Мы будем принуждены, — отвечает он, — заставить Турцию дорого заплатить за ее теперешнее затмение. Нам нужно получить твердые гарантии по отношению к Босфору. Что касается Константинополя, то я лично не желал бы изгнания из него турок. Я бы ограничился тем, что оставил бы им старый византийский город с большим огородом вокруг. Но не более.

Вторник, 10 ноября.

Нападение турок нашло отклик в самых глубинах русского сознания.

Естественно, что взрыв изумления и негодования нигде не был сильнее, чем в Москве, священной метрополии славянского национализма. В опьяняющей атмосфере Кремля вдруг пробудились вновь все романтические утопии славянофильства».

...События, как на всякой войне после ее официального объявления, в 1914 году развивались стремительно. Уже 1 ноября высочайшим императорским указом на базе Кавказского военного округа, утратившего два корпуса из трех, начала разворачиваться Отдельная Кавказская армия.

В силу занимаемой должности царского наместника ее командующим назначается престарелый генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков, давно утративший многие качества большого военачальника. Начальником армейского штаба автоматически становится генерал-лейтенант Н. Н. Юденич. Помощни-

ком командующего становится генерал от инфантерии А.З. Мышлаевский: именно в его руках в первые дни войны с Турцией сосредотачивается все оперативное руководство русскими войсками на горном пограничном рубеже.

Отдельная Кавказская армия с первого дня своего существования стала отдельным, вполне самостоятельным фронтом Первой мировой войны. Она разворачивалась для ведения боевых действий на огромной приграничной полосе протяженностью, пока, в 720 километров от берега Черного моря до озера Урмия.

Из триумvirата, поставленного во главе русских войск на Кавказе, под ранг подлинного полководца подходил только один Юденич. Он обладал действительно богатым опытом Японской войны и организации боевой учебы в Кавказском и Казанском военных округах. Мышлаевский, номинально стоявший над ним в первые дни войны, являлся почетным профессором Николаевской академии Генерального штаба, не имевшим ни военного опыта, ни организаторских способностей. К слову сказать, дружба с этим человеком будет связывать Юденича до последних дней жизни в белой эмиграции.

Царский наместник Воронцов-Дашков был в таком преклонном возрасте, что «видеть» его во главе армии просто не приходилось, хотя в свое время, будучи офицером, он являл собой пример личной храбрости. Следует заметить, что, к чести наместника, он не претендовал на реальное командование кавказскими войсками и с началом войны передал все бразды правления в руки своего начальника штаба. Об этом знали и в далеком Петрограде, и в более близком Стамбуле.

В Тифлисе имелись достоверные данные о силе неприятеля. На начало войны султанская армия насчитывала 40 дивизий низама, то есть кадровых войск. Их дополняли 53 дивизии редифа — резервных войск. Ополчение — мустафиз, могло насчитывать до 100 тысяч человек. Кавалерия состояла из более чем 60 полков, примерно треть которых формировалась из ополчений курдских племен.

Против русских на Кавказе султанское командование выставило свою сильнейшую армию — 3-ю. Она состояла из трех армейских корпусов: 9-го, 10-го и 11-го. Каждый из них состоял из трех пехотных дивизий со штатной артиллерией. Кавалерия состояла из 2-й кавалерийской дивизии и иррегулярной курдской конни-

цы, численность которой оценивалась штабом Юденича в 4—5 дивизий.

Основные силы 3-й армии были развернуты в районе Эрзерумской крепости. 10-й армейский корпус стоял у Самсуна. На прикрытие государственной границы турки больших сил не выдвинули. Но было известно, что по приказу военного министра Энвер-паши из состава войск, действовавших против англичан в Месопотамии южнее Багдада, перебрасывалась на усиление 3-й армии одна из дивизий 13-го корпуса. Одновременно решался вопрос о переброске с иракского юга еще одной дивизии.

По уточненным данным, на начало боевых действий сила 3-й армии состояла из около 130 пехотных батальонов низама и реди-фа, примерно 160 кавалерийских эскадронов и конных курдских сотен, 270—300 орудий различных артиллерийских систем. Командовал 150-тысячной армией с ноября 1914 года генерал-лейтенант Гасан-Иззет-паша. Начальником его штаба был немецкий полковник (в скором времени генерал) Бронзарт фон Шеллендорф, прибывший в Турцию в составе германской военной миссии Лимана фон Сандерса. Имя этого человека Юденич знал еще с Маньчжурии: тот состоял наблюдателем от Германии при японской армии.

На начало войны (по состоянию на 2 ноября 1914 года) русская Отдельная Кавказская армия имела 120 батальонов пехоты, 127 сотен кубанских и терских казаков и 304 артиллерийских орудия. Серьезных резервов армия не имела, как и ближайших перспектив на их получение.

Кавказские войска, по плану мобилизации, были развернуты на трех направлениях. На приморском Батумском направлении находились отдельные части 66-й пехотной дивизии, 5-й Туркестанской стрелковой и 1-й Кубанской пластунской бригад, 25-я бригада пограничной стражи.

Южнее, на Ольтинском направлении, находилась 1-я бригада 20-й пехотной дивизии генерала Н.М. Истомина. Бригада, составлявшая основу Ольтинского отряда, была усилена 26-й бригадой пограничной стражи, 3-м Горско-Моздокским полком Терского казачьего войска и саперной ротой.

Главным направлением на горном театре войны являлось Сарыкамышское. Здесь были сосредоточены главные силы русских войск: 1-й Кавказский армейский корпус генерала Г.Э. Берхмана в

составе двух пехотных дивизий, 1-я Кавказская казачья дивизия, недавно прибывший 2-й Туркестанский армейский корпус (две стрелковые бригады) генерала В.А. Слюсаренко, 1-я Кубанская пластунская бригада генерала Пржевальского, 2-я Кубанская пластунская бригада генерала Гулыги и другие войска.

В состав 1-го Кавказского армейского корпуса входили 39-я пехотная дивизия генерала де Витта и 20-я пехотная дивизия. Первая дивизия состояла из бригад генералов Воробьева и Дубисского (пехотные полки: 153-й Бакинский и 154-й Дербентский, 155-й Кубинский и 156-й Елисаветпольский). Вторая дивизия — из двух бригад тоже двухполкового состава (пехотные полки: 77-й Тенгинский и 78-й Навагинский, 79-й Куринский и 80-й Кабардинский). Каждая дивизия имела однономерные артиллерийские бригады по два дивизиона. Из четырех дивизионов один был горный.

2-й Туркестанский армейский корпус состоял из двух стрелковых бригад: 4-й Туркестанской полковника Азарьева (13-й, 14-й, 15-й и 16-й Туркестанские стрелковые полки, артиллерийский дивизион) и 5-й Туркестанской генерала Чаплыгина (17-й и 18-й Туркестанские стрелковые полки, артиллерийский дивизион, саперный батальон и 26-я бригада пограничной стражи).

1-я Кавказская казачья дивизия, начальником которой был генерал Н.Н. Баратов, состояла из четырех полков: кубанских — 1-го Запорожского, 1-го Уманского и 1-го Кубанского и терского — 1-го Горско-Моздокского. Дивизия имела свою огневую поддержку: 1-й Кавказский казачий артиллерийский дивизион из двух батарей — кубанской и терской.

Тыловой армейской базой становилась крепость Карс, которую русские войска в предыдущих войнах с Османской Портой брали штурмом четыре раза, прежде чем она стала достоянием Российской империи. В Карсе заканчивала формирование 3-я Кавказская стрелковая бригада генерала Габаева. Там же квартировался 263-й пехотный Гунибский полк.

Армейские резервы пока состояли из прибывающей в Тифлис своим ходом Сибирской казачьей бригады генерала П.П. Калитина. Она была сформирована из 1-го и 2-го Сибирских казачьих полков и 2-й Оренбургской казачьей батареи.

Калитин, казак станицы Эссентукской Терского казачьего войска, Первую мировую войну закончит командиром корпуса в звании генерала от кавалерии. Затем окажется в белой эмиграции,

будет работать чернорабочим на автомобильном заводе в Париже. До конца своей жизни останется председателем Союза Георгиевских кавалеров. Последние годы жизни проведет в госпитале княгини Мещерской.

...Силы русской и турецкой армий оказались примерно равными, если не считать того, что обеспечение резервами у Гасан-Иззет-паши обстояло намного лучше. В то время русские на скорое усиление надеяться не могли, так как все подготовленные пополнения направлялись против австро-венгров и германцев. Если на Сарыкамышском направлении силы кавказцев превосходили турок, то на Ольгинском направлении формируемый отряд генерала Истомина уступал им в пехоте в шесть раз, в артиллерии — в три. Можно было предположить, что именно здесь может разыгаться приграничное сражение.

Великая война на Кавказе «открылась» так. Первыми начали активные действия русские. Это делало честь армейскому штабу, сумевшему быстро отмобилизовать войска приграничного военного округа и выдвинуть их к линии государственной границы. Штабная культура генерала Юденича и его подчиненных, особенно оперативного отделения, оказалась на высоте.

Для неприятеля полной неожиданностью стало то, что уже 15 ноября разведывательные отряды 1-го Кавказского корпуса, с ходу заняв приграничные горные рубежи и перевалы, еще не покрытые снегом, начали выдвижение в направлении Эрзерума. Турецкая пограничная жандармерия почти всюду отступала без стрельбы, поспешно сжигая караульные помещения, конюшни и запасы фуража. Жандармы все делали в спешке, опасаясь, что казаки и русские пограничные стражники будут стараться пленить их.

После таких первых событий войны на горных дорогах начались столкновения с боевым прикрытием главных сил 3-й турецкой армии. Это были скоротечные, но достаточно упорные бои силами казачьих сотен и отдельных авангардных батальонов пехоты. Речи о вступлении в дело главных сил сторон пока не шло.

О первых днях мировой войны на Кавказе сохранилось немного достоверных свидетельств. Пожалуй, наиболее интересные воспоминания оставил после себя Ф.И. Елисеев, начавший войну в чине хорунжего кубанского 1-го Кавказского полка. Затем последовало участие в Гражданской войне, которую он начал подьесаулом. Командовал Корниловским конным полком, а в 1920 году —

2-й Кубанской казачьей дивизией. В белой эмиграции написал мемуары «Казачи на Кавказском фронте 1914—1917». Елисейев так описал свой первый бой:

«Получен боевой приказ по бригаде — как двигаться полкам. Наш полк назначен головным, а от Таманского полка назначена разведывательная сотня.

Разведывательная сотня таманцев прошла мимо нас. В темноте по силуэту дивного коня командира сотни я узнал 2-ю есаула Закрепы. Мой друг и однокашник по военному училищу хорунжий Николай Семеняка — младший офицер этой сотни, значит, он первым и раньше меня вступит в бой с турками, констатирую я и желаю ему отличиться. Он твердый, “натурный” человек и с дороги не свернет. Я только жалел, что в ночной тьме не вижу его и не могу пожелать ему полного и обеспеченного успеха в первом же бою.

Во всех сотнях стояла напряженно-серьезная тишина в ожидании выступления. Сотни стояли спешенными. Казаки и офицеры говорили между собой тихо, словно боясь, как бы турки не подслушали их. Чувствовалось, что каждый из них думал о войне и переживал — что даст нам утро?

Выступили. Шли шагом, не торопясь. Дорога извилистая. Расчет таков, чтобы к рассвету подойти к турецкой границе. Мы были в верстах трех от нее, как услышали впереди и вправо от себя выстрелы. Мы поняли, что разведывательная сотня таманцев натолнулась на турок.

Уже светало. Справа скачет к нам казак-таманец и докладывает полковнику Мигузову, что “разъезд хорунжего Семеняки напоролся на турок, турки открыли огонь и пэрэбили казаков, хорунжий тоже ранитый и лыжить промиж вбитых и послали мэнэ просить пиддэржку, мий конь тож ранитый”. И показал на круп своего коня. Позади седла зияла рана. Потный рыже-золотистый конь тяжело дышал. Мигузов направил его в главные силы к генералу Николаеву. То был младший урядник Краснобай.

“Семеняка ранен. Какое счастье быть раненным в первом же бою!” — думал я. Ведь это же геройство! И я был рад за своего друга.

Где была разведывательная сотня таманцев, мы не знали, но Мигузов сразу же выбросил своих две сотни — 1-подъесаула Алфёрова прямо по дороге на персидское пограничное село Базыргян, а

4-ю есаула Калугина на сильный турецкий пост Гюрджи-Булах, что у Малого Арарата. Алферов выскочил с сотней наметом, а Калугин широкой рысью. Скоро сотни скрылись от нас в неровностях местности. Остальные четыре сотни полка, сосредоточившись за одним из отрогов гор, спешились.

Скоро впереди нас затрещали очень частые выстрелы. То 1-я сотня вступила в бой с турками, в первый бой нашего полка.

Пост Гюрджи-Булах отстоял от нас на север версты на три. Скоро мы услышали выстрелы и оттуда. То вступила в бой и 4-я сотня.

Мы стояли под горой и ждали. Все офицеры направили свои бинокли в стороны ведущих бой сотен, но ничего не увидели из-за скал. Доносилась ожесточенная стрельба. Командир полка волновался и усиленно всматривался в свой старый бинокль (трубчатый), чтобы узнать: что же делается в его сотнях? Но гребень отрога скрывал от нас поле боя. Так и стояли мы в невеликий час, другой. Наконец от Алферова рысью скачет казак. Все наши взоры перенеслись на него. Нервный полковник Мигузов не выдержал и закричал:

— Да скорей же! Дав-вай сюда донесение! — и вырвал из рук бумажку.

“Занял гребни гор. Веду перестрелку с турками. Прошу дать поддержку!”, — писал подъесаул Алферов, и мы все слушали это остро, сосредоточенно.

— Э-э, подъесаул Маневский! Пошлите в помощь Алферову одну свою полусотню, — обратился полковник к нашему командиру сотни уже более спокойно.

Мы с хорунжим Леурдой переглянулись, как бы молча спросили друг друга: кого из нас пошлет Маневский? И кто из нас будет счастливец?

— Хорунжий Елисеев! Возьмите свою первую полусотню и скачите в район 1-й сотни, — официально бросил командир Маневский, впервые обращаясь ко мне “по чину”.

Коротко козырнув и не рассуждая, командуя спешенной сотней:

— Первая полусотня — садись!.. За мной!

Маневский перекрестил нас. Широким наметом, обогнув кряж, бросились в направлении 1-й сотни. Подскочив к подошве второго гребня, мы увидели вправо 1-ю сотню в цепи по самому гребню, ведущую перестрелку. Алферов позади цепи прогуливался во весь рост. За спиною у него белый башлык.

— К пешему строю. Слезай! — кричу-командую почти на карьере, и казаки, мигом скатившись с седел, выхватили из-за плеч винтовки и побежали ко мне.

— В цепь!.. Вперед! — командую, и казаки по булыжникам и камням, спотыкаясь и скользя по сухому каменисто-глинистому крутому подъему горы, карабкаются вперед и вперед, держа относительное равнение боевого строя. Ни у кого из нас не ощущалось чувство страха, а была одна цель — как можно скорее добраться до гребня и как можно скорее вступить в бой. Но как только казачьи папахи показались на гребне, рой пуль пронесся над ними, и мелкие камушки рикошетом осыпали нас.

— Ложитесь, ложитесь, ваше благородие!»! — крикнули ближайšie казаки, но вправо от нас подьесаул Алферов ходит позади своих казаков во весь рост — как же мне ложиться, прятаться от пуль? И отскочив чуть назад, я стал, как и Алферов, прогуливаться, следя за огнем казаков, которые открыли его немедленно же с казачьим запалом.

Турецкий гребень был чуть ниже нашего. За ним — первое турецкое село, над которым развевался их флаг на высоком древке.

Перестрелка затянулась. Было уже за полдень. Солнце слепило казаков, так как смотрело им в глаза. Результата боя не было видно. Но вот мы услышали какие-то крики слева, южнее нас, и тут же увидели казачьи папахи на каменистом турецком завале, командовавшем над всей местностью. То храбрый подьесаул Домарацкий по личному почину со взводом казаков выбил оттуда турок.

Он кричал с высоты командиру сотни подьесаулу Алферову:

— Ка-зак Су-хи-нин уби-ит, приш-ли-те но-сил-ки.

С занятием Домарацким “ключа позиции” турки зашевелились. Из села, что перед нами, группами они стали отходить на запад. Мы поняли, что исход боя предрешен. Огонь турок уменьшился. Быстрыми перебежками казаки перемахнули ложбину и заняли их позицию. Кучи гильз валялись везде. На участке 1-й сотни убегали турки и курды в белых штанах. На самом правом фланге, у поста Гюрджи-Булах, 4-я сотня есаула Калугина наконец сломила сопротивление турок. Они побежали. И с нашего высокого участка видно, как один из взводов сотни под командованием сотника Дьячевского ровно на закате ясного осеннего дня лавой,

стремительным аллюром неизъезженных казачьих коней атаковал уходящих турок. Они бегут, но мы видим, как заметно уменьшается расстояние, и вот турки остановились, побросали винтовки и подняли руки вверх. Их быстро окружили казаки.

Вся наша цепь первой и третьей сотен вскочила и побежала к селу, над которым еще развевался турецкий красный флаг с белым полумесяцем и звездой. Флаг сорван. Он высился над таможней. У входа стоит перепуганный старик-таможник. Казаки его не тронули, и лишь гурт белых гусей стал их добычей. Мы не ели и не пили со вчерашнего дня.

Я смотрю на казаков. Все веселы. В поту, в пыли. Папахи круто сдвинуты на затылки. Полы черкесок отвернуты за пояса. Все держат винтовки в правой руке горизонтально, готовые ежесекундно вскинуть их, если того потребует случай. И ничего в них не было от регулярной армии.

После боя, после первого боя в их жизни, они излучали какое-то молодечество. безграничную удаль, братскую дружественность и, словно после «кулачек» в своей станице, полную удовлетворенность боем, воспринятым как привычная забава».

Тот бой в летописи кубанского I-го Кавказского полка примечателен тем, что в его рядах появился первый фронтовой Георгиевский кавалер. Начальник армейского штаба генерал-лейтенант Н.Н. Юденич утвердил представление на героя боя за Гюрджи-Булах казака Подымова — серебряный Георгиевский крест 4-й степени.

После первого победного боя в полку несколько переделали знаменитую и любимую «Ермоловскую». Теперь она звучала несколько иначе, но по-прежнему браво и заразительно:

*И Алферов будет с нами,
Нам с ним весело идти!
Без патронов, мы на шашки,
Каждый против десяти.*

*Наша грудь всегда готова
Встретить вражескую рать!
Полк Кавказский наш удалый
Не умеет отступить.*

Подобные схватки шли на линии государственной границы весь первый день войны. Только на следующее утро границу перешли главные силы 1-го Кавказского армейского корпуса: заслоны турецкой пограничной жандармерии были сбиты почти повсеместно, так как неприятель не упорствовал, поспешно оставляя свои посты.

Корпусной командир генерал Г.Э. Берхман действовал решительно. 39-я пехотная дивизия с ходу завладела Зевинской позицией и двинулась в Пассинскую долину. Вскоре войска 1-го Кавказского корпуса заняли важную в тактическом отношении Кепри-Кейскую позицию, но сразу за ней столкнулись со значительными неприятельскими силами.

Не менее успешно начал наступление по сопредельной территории и Эриванский отряд. Он двинулся на Чингильские высоты, овладел древней крепостью Баязет (с которой не раз была связана слава русского оружия, воспетая писателем Валентином Пикулем) и Караклисом. Была занята Алашкертская долина. Так, уже в самые первые дни войны левый фланг Кавказского фронта получил надежное обеспечение.

Но на большой войне, как говорится не зря, дураков бывает мало. Неприятель оказался готов к такому ходу событий при развертывании боевых событий, то есть к первым шагам русских. Гасан-Иззет-паша и Бронзарт фон Шеллендорф, многочисленные немецкие советники в 3-й турецкой армии быстро парировали наступательный выпад Отдельной Кавказской армии.

Уже через два дня после начала войны на Кавказе русские авангардные отряды были атакованы передовыми частями 9-го и 11-го турецких корпусов. Им, ввиду опасности обхода своего правого фланга, пришлось отойти к государственной границе. Более того, четырехдневные бои при Кепри-Кее закончились не в пользу кавказцев, которым пришлось оставить и Зевинскую позицию. Генерал Берхман смог остановить на линии границы контратаковавших турок только с подходом полков туркестанских стрелков.

Первая «пристрелка» сторон показала, что ни той, ни другой стороне на легкий успех надеяться не следовало. Только в пограничном Кепри-Кейском сражении потери русских составили около 10 тысяч убитыми, ранеными и обмороженными. Турки понесли потери несколько меньше.

Юденич внимательно следил за развитием событий, стараясь не потерять инициативу в войне. Его оперативники вовремя «за-

метили» появление на правом фланге сперва наступавшего, а потом отступавшего 1-го Кавказского корпуса крупных неприятельских сил. Чтобы не допустить прорыва ими линии государственной границы, к селению Караурган спешно, по железной дороге, стал перебрасываться недавно прибывший на Кавказ 2-й Туркестанский корпус.

Однако стрелков-туркестанцев опередила 1-я Кубанская пластунская бригада генерала М.А. Пржевальского. Это был человек, который лично прекрасно знал театр военных действий: выпускник Михайловской артиллерийской академии и Академии Генерального штаба, девять лет пробыл на посту секретаря российского генерального консульства в Эрзеруме, занимаясь сбором разведывательных сведений и изучая этот регион. Его казачья пехота вовремя прикрыла угрожаемый участок границы и сделала фронт на правом фланге Отдельной армии устойчивым и надежно обеспеченным.

Генерал Е.В. Масловский, один из авторитетных отечественных исследователей Первой мировой войны на Кавказе, не раз по достоинству отзывался о героизме кубанских пластунов. О действиях бойцов генерала Пржевальского он писал:

«Вернувшись в Кагызман, бригада двинулась форсированным маршем.

Бывшие в голове три батальона уже 2 ноября перешли в наступление против 33-й турецкой дивизии.

Энергичным движением пластуны к вечеру отбросили турок.

На следующий день вся бригада (всего пять батальонов, так как 1-й, полковника Расторгуева, был на приморском направлении) решительно атаковала турок и отбросила их, обеспечив левый фланг корпуса.

В ночь на 4 ноября по соглашению с генералом Баратовым, как только наступила темнота, оставив к югу от Аракса один батальон, с остальными четырьмя быстро перешла вброд через быстрый и широкий Аракс и атаковала с фланга и тыла турок.

При этом, ввиду трудности переправы через широкую реку с быстрым течением, ночью, в холодные ноябрьские дни, когда уже выпал снег, генерал Пржевальский первый с разведчиками переправился вброд, приказав всем переправляться вслед, не раздеваясь и держась группами за руки. Переправа была осуществлена быстро и неожиданно для турок.

Внезапным ударом пластуны опрокинули турок и внесли в их ряды смятение. Затем, выполнив блестяще задачу, пластуны перед рассветом таким же порядком вернулись на правый берег Аракса.

А с утра 5 ноября уже вступили в бой с турками, пытавшимися снова продвинуться вперед...»

На крайнем правом фланге Отдельной Кавказской армии случилось то, чего опасались в штабе Юденича: неприятель поспешил перенести боевые действия в Батумскую область. Вернее, в ее горную часть, изобиловавшую лесами. В Стамбуле не зря делали ставку на ту часть аджарцев, которая исповедовала мусульманство. Положение русского Приморского отряда генерала А.Я. Ельшина, коменданта Михайловской крепости, сразу осложнилось. В тыловом Батуме началась паника: в горах стали действовать протурецкие отряды местных мусульман, в рядах которых, как потом стало известно, оказалось много турецких жандармов. Из Тифлиса же от Ельшина требовали удерживать занимаемые позиции.

В одной из лекций по военной географии, которая читалась в 1925 году в Военной академии Рабочее-Крестьянской Красной Армии, об этом уголке Кавказа говорилось следующее:

«Значение Батума вообще велико и состоит в следующем:

1) Батумская бухта совмещает в себе все удобства для высадки десанта значительной силы и для якорной стоянки флота, и в то же время представляет собой вполне удобную базу для ведения операций вовнутрь страны.

2) Батум — значительный узел путей, которые расходятся, как по радиусам от центра, к г.г. Кутаис, Ахалцих и Артвин.

3) Батум имеет большое торговое и экономическое значение для всего Закавказья, которое усиливается неудобством Потийского порта.

4) В Батуме мы имеем пункт первостепенной стратегической важности не только по отношению к обороне Батумского участка, но и всего Причерноморского театра.

При указании выгод и недостатков операционных направлений в собственно Рионском ущелье было выяснено, какое важное преимущество получает противник, избрав исходным пунктом для своих операций внутрь страны устье р. Рион и г. Поты и далее долиной р. Рион на Кутаис. Но широкое развитие военных действий

в этом направлении возможно только при условии обладания г. Батум. До захвата же его никакие серьезные операции на Черноморском побережье Кавказа немыслимы, так как Потийский порт слишком неудобен и мал, чтобы служить главной базой для крупного десанта, а таковой может быть только Батумская бухта, которая в первую очередь может сделаться главным объектом совокупных усилий неприятельского флота и его десанта.

5) Наконец, Батум, как показал опыт войны 1914—18 гг., может являться базой для десантных операций на турецком побережье, с целью оказания содействия правому флангу нашей армии при ее наступлении на Армянском театре. Особое значение в этом отношении получит г. Трапезонд (так в тексте. — *А. Ш.*)».

Положение на границах Аджарии после начала войны сразу же осложнилось. Русский Приморский отряд состоял из 264-го пехотного Георгиевского полка, батальона кубанских казаков-пластунов и нескольких сотен пограничных стражников, артиллерия почти вся была крепостная. Этим силам противостояла переброшенная из Стамбула 3-я турецкая пехотная дивизия со своей штатной артиллерией. Она была усилена отрядами местной жандармерии и несколькими тысячами иррегулярных ополченцев. Они больше всего походили на разбойников-башибузуков из прошлых русско-турецких войн.

Турки стремились прорваться в Батумскую область по узкой полосе черноморского побережья. Но это им не удалось, и они были остановлены на дальних подступах к Батуму. С получением в поддержку 19-го Туркестанского стрелкового полка генерал Ельшин отбил повсюду вражеский натиск.

Однако действия против протурецких отрядов аджарцев-мусульман в одном из горных районов Аджарии — в Шевшетии несколько затянулись. Здесь местных повстанцев-четников (их набиралось около трех тысяч) поддерживало несколько батальонов турецкой пограничной жандармерии под общим командованием немецкого советника майора Штанге.

В итоге неприятельского наступления вдоль берега Черного моря русские портовый Батум удержали. Но Южный Аджаристан с Артивином и Арданучем был уже занят турками. По планам Стамбула через эту область должны были двигаться на город Ардаган части 1-го Константинопольского корпуса, которые перебрасывались на театр войны морем.

...Юденич, с согласия Ставки Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича-младшего, провел реорганизацию Эриванского отряда. Он был переименован в 4-й Кавказский армейский корпус. К тому времени эриванцы выдержали несколько сильных боев с турками в Алашкертской долине. Неприятелю удалось потеснить русских с перевала Клыч-Гядук и захватить две пушки. Однако подоспевший пехотный Ахульгинский полк смелой атакой восстановил положение на перевале и отбил у врага два полевых орудия.

Новая война России против Турции всколыхнула местное армянское население. И.И. Воронцов-Дашков одобрил идею формирования семи армянских добровольческих дружин, которым было выделено стрелковое оружие и боеприпасы. Первоначально дружины получили название «Араратской группы», пройдя боевое крещение в Баязетском отряде генерала Николаева.

Однако на берегах Невы к вооружению армян отнеслись неоднозначно — Министерство внутренних дел высказало свою озабоченность происходящим. Правительству была представлена ведомственная докладная записка, в которой отмечалось, что для многонационального Кавказского края вооружение для ведения войны какой-то части населения в последующем может быть чревато осложнениями. Министр внутренних дел, среди прочего, писал в докладной записке следующее:

«Над этим думать некому. Этот обширный край, представляющий собой хотя второстепенный, но все же самый серьезный, в смысле вопросов будущего, театр военных действий, остается без власти, без руководителя. Нынешний наместник на Кавказе, генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков — человек совершенно больной и дряхлый, фактически уже не способный к трудовой жизни.

В самые тревожные дни, переживавшиеся Кавказом, во время наступления турок на Сарыкамыш, он никого не принимал, но тем не менее никому не передавал своей власти. Поэтому в результате на Кавказе царило и сейчас царит полное безвластие. Всякий делает что и как ему угодно, а народная молва упорно твердит, что Кавказом управляет графиня Воронцова-Дашкова».

Спустя некоторое время армянские добровольческие дружины получили свою организацию. Первоначально они назывались по именам своих выборных командиров — Андраника Сасунского, Амазаса, Дро, Кери, Бехамбека. Однако по настоя-

нию Юденича дружины были переформированы в армянские стрелковые батальоны, то есть приобрели армейскую организацию. Так, 1-я дружина одного из героев сопротивления османскому игу Андраника Сасунского стала именоваться 1-м армянским стрелковым батальоном.

Формировались и грузинские добровольческие дружины — Ку-таисская и Тифлисская. Затем они были сведены в Грузинский стрелковый батальон, который затем развернули в одноименный полк.

... После первых наступательных действий и контрударов вблизи государственной границы лицо войны несколько изменилось. Стороны действовали уже меньшими силами, но тоже проводили атаки, получая от противника ответные. Юденич маневрировал на линии фронта войсками в ожидании ответной наступательной операции Гасан-Иззет-паши. В том, что она скоро последует, оперативники армейского штаба не сомневались.

На оперативной карте приграничья было заметно, что первые дни войны дали русским некоторый тактический перевес. Эрзерумский отряд, сформированный из подходивших к границе частей 1-го Кавказского армейского корпуса, углубился на 20—30 километров на турецкую территорию. Эрзерумцы решительной ночной атакой заняли командные высоты в окрестностях города Алашкерт. Особенно трудной оказалась схватка за «Рыжую гору».

После этих начальных событий Кавказский фронт замер. В конце ноября пришла зима с ее снежными бурями и обильными снегопадами, отчего дороги и тропы в горах сделались почти непроходимыми. О каких-то наступательных операциях с задействованием многих тысяч людей и десятков артиллерийских орудий сторонам не приходилось и думать. Но, как показали последующие события, только до поры до времени.

Стороны не дремали, проявляя похвальную бдительность. На линии соприкосновения каждодневно проходили яростные стычки разведывательных партий. Но они редко превышали числом одну-две сотни человек. Это свидетельствовало о том, что генерал Юденич и Гасан-Иззет-паша стерегли друг друга, стараясь разобрататься в замыслах противной стороны.

Думается, что в Стамбуле доподлинно знали, что русская армия на Кавказе еще долго не получит значительного усиления: на

фронтах России против немцев и австро-венгров шли тяжелые бои. Поэтому германская военная миссия стала настойчиво подталкивать султанский генералитет активизировать свои действия на Кавказе с тем, чтобы туда с Восточного фронта русское командование перебросило часть сил.

После таких усилий Берлина события на Кавказе стали разворачиваться стремительно. 3 декабря 1914 года в командование 3-й турецкой армии вступает сам военный министр султана Мехмеда Решада V — мушир Энвер-паша. Гасан-Иззет-паша за свою осторожность был отстранен от командования, номинально оставаясь во главе армии.

О том, что сменилось высшее командование вражеской армией, русские узнали от пленных. Затем пришло официальное подтверждение из города Могилева, где располагалась Ставка Верховного главнокомандующего. Появление в Эрзерумской крепости энергичного, смелого в планах и самоуверенного Энвер-паши насторожило Юденича: он понял, что в неприятельском стане готовится что-то действительно серьезное.

Юденич, отдававший приказы от имени командующего кавказскими войсками генерала от кавалерии Воронцова-Дашкова, потребовал от всех воинских начальников активизировать разведку, усилить дежурство в штабах и на линиях связи, боевое охранение на передовой и привести в готовность имеющиеся резервы. Среди прочего приказывалось оборудовать в фортификационном отношении занимаемые в горах позиции.

Появление военного министра султана на Кавказе, а не на Месопотамском или, скажем, Палестинском фронтах против англичан, говорило о многом. И в первую очередь о том, что мушир Энвер-паша в самом скором времени возглавит крупную наступательную операцию. Другин причин появления его в Эрзерумской крепости не виделось.

Энвер-паша был достаточно хорошо известным в военных кругах человеком, имевшим опыт Первой и Второй Балканских войн: именно в них выдвинулся как большой военачальник. Имел в рядах султанской армии, особенно среди ее офицерства, личный авторитет. Солдатам он импонировал прежде всего тем, что происходил родом из простой, бедной семьи. Популярность давало ему и то, что в 1911 году руководил народным восстанием против итальянских войск в ливийской провинции Триполитании.

Мушир отличался не просто решительным, а еще и деятельным характером. Ему было всего 33 года, а он, выпускник константинопольской Академии Генерального штаба, был членом руководства партии младотурок и, вместе с Махмуд-Шевкет-пашой и Ниазим-беем, организатором заговора 1909 года против «кровавого» султана Абдул Гамида II. Это дало Энвер-паше известность уже в политических кругах страны.

В январе 1913 года Энвер-паша произвел военный переворот в Стамбуле и сверг правительство Киамиля-паши, которое в ходе двух Балканских войн было настроено на мирное решение спорных вопросов, прежде всего территориальных, с европейскими соседями Турции. В основе политических взглядов Энвер-паши лежали идеи панисламизма, получившие тогда распространение из стран мусульманского мира не в арабских землях, а в султанской Турции.

Мушир Энвер-паша не первый год вынашивал планы создания великого «Туранского государства». Оно должно было вобрать в себя огромные территории от Суэцкого канала до Казани, от Самарканда до балканского города Адрианополя. При этом автора такого замысла совсем не смущало то, что здесь проживали многие миллионы людей, ислам не исповедовавших. Энвер-паша не скрывал своего желания захватить российский Кавказ и поднять там исламское зеленое знамя.

К посту военного министра он пришел не только благодаря своей доблести и личной популярности. Два года он был военным атташе в Германии, произведя в Берлине самое благоприятное впечатление. Побывал на посту начальника Генерального штаба. В январе 1914 года женился на племяннице султана и уже в феврале был назначен военным министром.

Германские военные советники, сам Лиман фон Зандерс, хорошо знавшие лично Энвер-пашу многие годы, следующим образом характеризовали султанского военного министра:

«38 лет, очень заботившийся о своей внешности, лично очень храбрый, хладнокровный в минуты опасности, упрямый, самоуверенный, энергичный. Несмотря на несколько лет, проведенных в Германии, его хорошие военные способности не получили всестороннего развития, как того требовало бы его положение вице-генералиссимуса и военного министра. Логичность же и последовательность изменяли ему в тех случаях, когда ему казалось, что он

может приобрести славу завоевателя, как это было в период Сарыкамыша».

Действительно, именно безвестный до того в военной истории Сарыкамыш стал, как говорится, камнем преткновения в планах панисламиста Энвер-паши по созданию великого «Туранского государства». Его «возведение» начиналось с российских земель — Закавказья и Северного Кавказа...

Тот же генерал Лиман фон Зандерс, много беседовавший с Энвер-пашой, обращал внимание на то, что военный министр султанской Турции не скрывал перед иностранцами своих планов создания в самые короткие исторические сроки огромной по территории «державы Туран». Фон Зандерс писал:

«Он мне высказывал идеи фантастические и курьезные. Он имел желание достичь позднее Афганистана и Индии».

Советский историк комбриг Н. Корсун, преподававший в 1930-х годах в Военной академии имени М.В. Фрунзе и исследовавший ход Первой мировой войны на Кавказском фронте, так характеризовал Энвер-пашу:

«Он был большой интриган и типичный кондотьер, способный на любую авантюру. Однако он не всегда соглашался с мнениями и советами своих друзей германцев. Последних он стремился допускать, главным образом, лишь на технические должности...

...Вскоре в штаб Отдельной Кавказской армии стали поступать сведения о том, что мушир Энвер-паша готовит широкомасштабную наступательную операцию, направление же удара было неясным. Но речь велась о захвате всего Закавказья. В горных селениях Аджарии усилилась агитация против «неверных». С гор снова стали угрожать портовому Батуму. В случае его утраты Севастопольская оперативная эскадра лишалась передового пункта базирования».

Наиболее важная разведывательная информация поступала оперативникам Юденича от перебежчиков, преимущественно армян-христиан. Информация суммировалась, и вскоре картина неприятельских приготовлений стала проясняться. Стало известно, что 11-му турецкому армейскому корпусу предписано совместно со 2-й кавалерийской дивизией и курдским конным корпусом сковать активность русского Сарыкамышского отряда, то есть главные силы 1-го Кавказского корпуса, основы Отдельной армии. Сковать

так, чтобы из него нельзя было взять ни одной части для усиления фронта в других местах.

Планы наступательной операции у панисламиста Энвер-паши были действительно более чем обширные. Он намеревался одним ударом на Сарыкамыш наголову разбить главные силы русских, после чего двинуться на Кавказ, занять город Баку с его нефтепромыслами и поднять среди кавказских народов восстание против России под зеленым знаменем ислама. Такой план султанского полководца получил полное одобрение со стороны его германских военных советников.

Если в штабе Юденича примерно знали о задачах 11-го турецкого корпуса, то о приказах Энвер-паши 9-му и 10-му корпусам не было известно ничего. А им приказывалось в ходе наступления уничтожить в считанные дни малочисленный Ольгинский отряд русских и обходным маневром в горах, двигаясь через селение Бардус, отрезать передовую тыловую базу противника в селении Сарыкамыш, где находились большие артиллерийские склады. Таким образом, главные силы Отдельной Кавказской армии, находившиеся на переднем крае, оказывались в окружении и подлежали истреблению (или пленению).

Той турецкой группировке, нацеленной на Аджарию с ее батумской бухтой, предписывалось занять важный перекресток горных путей — город Ардаган — и тем самым обеспечить безопасность с севера действий 9-го и 10-го корпусов. С захватом Батума боевые действия переносились на землю Грузии, прежде всего в соседнюю область — Гурию.

Юденич не зря обладал, по мнению современников, стратегическим мышлением. Из той «разнокалиберной» информации, которая каждодневно ложилась ему на рабочий стол, он понял главное в ожидаемых событиях: Энвер-паша задумал одним решительным ударом выйти к Главному Кавказскому хребту, чтобы сперва оказаться на Тереке, а потом и на Кубани.

Армейская разведка перешла на усиленный режим работы, что стало давать неплохие результаты. Уже 5 декабря стало известно о движении одной из пехотных дивизий 9-го вражеского корпуса в район селений Пертанус и Кош, отстоявших от селения Бардус на расстоянии всего 55 километров. Захваченный пленный показал, что его 31-я дивизия 10-го корпуса выдвигается к Иту. Юденич

приказал впредь все указания армейского штаба войскам передавать по радио (по искровым станциям).

Через несколько дней казачья конная и воздушная разведка, независимо друг от друга, обнаружили выдвижение к линии фронта еще двух дивизий турецкой пехоты. Как потом оказалось, это были 30-я и 32-я дивизии из того же 10-го корпуса. Они двигались в направлении селения Ольты по дороге из Тортума. От позиций русского Ольтинского отряда их отделяло в горах всего около сотни верст трудного пути.

Начальник армейского штаба приказал, по возможности, выдвинуть как можно дальше вперед конные казачьи дозоры. В них предписывалось включать пограничных стражников, которые по долгу службы хорошо ориентировались в горах и знали местные языки.

Одновременно, даже в сложных метеоусловиях, стали вести активную воздушную разведку экипажи летательных аппаратов авиационного отряда (первоначально звена) армии, размещавшегося в крепости Карс. Каждый такой экипаж состоял из двух человек: пилота и наблюдателя. В дальнюю разведку теперь посылались только наиболее подготовленные летчики, выпускники Гатчинской и Севастопольской авиационных школ.

Показания взятых в разных местах пленных удивляли: военный министр Энвер-паша старался лично посетить как можно больше воинских частей. Он интересовался всем: готовностью к наступлению, состоянием дорог в горах, а самое главное — боевым духом своих войск. Мушир издал специальный приказ по 3-й султанской армии, который волей случая вскоре оказался в штабе Юденича. В приказе говорилось:

«Солдаты, я всех вас посетил. Видел, что и ноги ваши босы, и на плечах ваших нет шинелей. Но враг, стоящий против вас, боится вас. В скором времени вы будете наступать и вступите на Кавказ. Там вы найдете продовольствие и богатства. Весь мусульманский мир с надеждой смотрит на ваши усилия».

Окончательный план наступательной операции, задуманной Энвер-пашой, был изложен в приказе, который разработал опытный оперативник немецкий майор Фельдман. Приказ был разослан в войска 3-й армии за подписью начальника армейского штаба генерала Бронзарта фон Шеллендорфа. В нем говорилось следующее:

«Кепри-кей, 6 декабря 1914 г.

Приказ на 9 декабря 1914 г.

1) Главные силы противника на старом месте.

2) Все силы 3-й армии с Ольтинского направления двигаются прямо в тыл правого фланга противника с целью отрезать его главные силы от Карского направления и сбросить их прямо на юг — в устье реки Аракс.

3) 2-я кавалерийская дивизия, усиленная пехотой и артиллерией, наступая на фланг противника к югу от р. Аракс, отвлекает его внимание на этот фланг (согласно отдельно данным указаниям).

4) 11-й корпус, оставаясь на своих позициях для отвлечения внимания противника, на всем фронте производит демонстрационное наступление. В случае наступления всех сил противника, он останавливает его (11-му корпусу даны специальные указания).

5) 9-й корпус движется, по крайней мере, двумя колоннами (левая колонна дорогой Эмрек — Ени-кей) и достигает дороги Кизил-килиса — Ид. Он будет всемерно препятствовать соединению неприятельского отряда в районе Ида с главными силами, расположенными восточнее.

6) 10-й корпус одной дивизией достигает Ида, двумя другими дивизиями — Ардоса. Оба корпуса атакуют встречного противника. По выполнении этого движения вероятно наступление 10 декабря: 9-й корпус — на линию Чатах—Петкир, а 10-й корпус — прямо в сторону Ольты; 11 декабря: 9-й корпус — в направлении на Кетек, а 10-й корпус — в направлении на Бардус.

7) Граница между зонами разведки 2-й дивизии и 11-го корпуса — р. Аракс.

Граница между зонами 9-го и 11-го — линия, проходящая через Кара-быих, Сичан-Кала, Кюлли-даг. Граница между зонами 9-го и 10-го корпусов — хребет Карга-базар, Ольты, Ид.

8) Относительно способа доставки донесений последует особое приказание.

9) Штаб армии — в Кепри-кее».

План Энвер-паши, с внесенными в него германскими советниками поправками, теоретически был правилен. Слишком выдвинутое вперед положение русского Сарыкамышского отряда указывало на выгоды обхода его справа. Вне всякого сомнения, это

понимал и Н.Н. Юденич, опытный штабной работник оперативного звена.

О том, что 3-я турецкая армия перешла в наступление, генерал-лейтенанту Юденичу доложили ранним утром 9 декабря. К вечеру того же дня картина прояснилась: неприятель крупными силами стремился охватить Ольгинский отряд генерала Истомина, состоявший из одной пехотной бригады, 3-го Горско-Моздокского полка терских казаков, одной армянской добровольческой дружины, нескольких других подразделений и 24 артиллерийских орудий. То есть у русских не набиралось здесь сил даже на одну сводную дивизию.

Но, начав наступление на возможно более широком фронте, 3-я турецкая армия сразу же лишилась главного своего преимущества — внезапности главного удара. Это был просчет Энвер-паши и его немецких советников. Русские своевременно узнали о готовящемся неприятельском наступлении. Вопрос для них заключался лишь в том, куда нацеливались султанский мушир и генерал Бронзарт фон Шеллендорф. И тому и другому тактического искусства было не занимать.

Последующие события показали, что планирование наступательной операции оказалось не на высоте. Вражеское командование не смогло согласовать действия наступающих корпусов и дивизий ни по времени, ни по месту. Такие непростительные просчеты привели к самым плачевным, вернее — трагическим для турок результатам.

Уже на второй день наступления, то есть 10 декабря, две турецкие дивизии, выдвигавшиеся соответственно из селений Из и Тортум, соприкоснулись на горных дорогах и приняли друг друга за русских. На дальних дистанциях завязался жаркий огневой бой, в котором стороны не жалели ни снарядов, ни патронов. Когда о неожиданном появлении противника за линией фронта доложили Энвер-паше, то тот, оправившись от изумления, приказал выяснить, откуда взялись крупные силы русской пехоты. Однако наступления на этом участке отменять он не стал, решив не считаться с потерями.

Когда в случившемся разобрались, военный министр султана пришел в неопишемую ярость. И было отчего: две столкнувшиеся в горах турецкие дивизии за день огневого боя потеряли в общей сложности до двух тысяч убитыми и ранеными, расстреляв при этом немалую часть имевшегося при себе боезапаса.

Не встревожило в тот день Энвер-пашу, думавшего только о блистательной Сарыкамышской победе, и более серьезное обстоятельство: в войсках, которые шли по заснеженным горным дорогам налегке, появились первые обмороженные. Число их все увеличивалось.

Сначала все шло так, как и задумывалось в штабе 3-й армии. Слабые заслоны русских не могли остановить продвижение вперед турок. 17-я и 29-я их дивизии, подошедшие вечером 11 декабря к селению Бардус, стоявшему на пересечении горных дорог, заняли его и без отдыха двинулись в направлении на Сарыкамыш.

Однако вскоре наступавшие турки натолкнулись на крепкий заслон русских. Стоявшие в Бардусе передовой заставой две сотни пограничной стражи — конная и пешая, отошли на заснеженный Бардусский перевал и там заняли оборону, бесстрашно изготовившись встретить подходившего врага огнем из двух с половиной сотен винтовок. Уж чего-чего, а такого турки никак не ожидали.

События показывали, что мушир Энвер-паша и его штаб из немецких военных специалистов владели быстро менявшейся обстановкой из рук вон плохо. Еще не зная, что 10-й корпус вместо запланированного поворота от Ольты на восток увлекся преследованием русского Ольтинского отряда, командующий 3-й армией направил к Сарыкамышу еще и 32 пехотную дивизию. Однако та из-за сильных морозов в горах и снежных заносов на дорогах туда дойти не смогла и остановилась «на отогрев» в Бардусе.

Затем в планы Энвер-паши неожиданно вмешался один-единственный полк русской пехоты — славный делами в Великой войне 18-й туркестанский стрелковый. Он нанес атакующий удар со стороны селения Ени-Кей, и турецким 32-й дивизии совместно с 28-й дивизией 9-го корпуса пришлось разворачиваться для прикрытия путей сообщения. Появившиеся перед ними туркестанские стрелки, которые выдвинулись через Ханский перевал, были приняты за крупные силы начавшего контрнаступление противника.

Естественно, что один полк отважных стрелков не мог остановить продвижение двух турецких армейских корпусов — 9-го и 10-го. Они вышли на рубеж селений Арсенян — Косор. Именно в это время 11-й корпус, выполняя предписание Энвер-паши, повел наступление на русский Сарыкамышский отряд и завязал упорные бои на линии селений Маслагит — Арди.

Муширу Энвер-паше и генералу фон Шеллендорфу казалось, что все идет по намеченному ими плану, если не считать «маленьких сбоев и недоразумений». Наступавшим среди гор турецким войскам удалось достичь немалого тактического успеха. После кровопролитного боя был захвачен город Ардаган. Турки устроили там массовую резню христианского армянского населения. Когда русские отобьют Ардаган, то увидят страшную картину — вырезанные до последнего человека армянские семьи, дома, подвалы, колодцы, заваленные безжалостно убитыми мирными людьми.

Переданное по радио сообщение о потере Ардагана серьезно встревожило начальника штаба кавказских войск. Из этого города шел прямой путь в Боржомское ущелье, выход из которого у Боржоми стерегла лишь одна дружина ополчения. Юденич сумел парировать такой выпад Энвер-паши в ближайшие же дни. Из Тифлиса к месту событий сперва по железной дороге, а потом походным порядком была срочно переброшена Сибирская казачья бригада с конно-пулеметной командой и оренбургской казачьей батареей. Они своевременно закрыли туркам путь в Боржомское ущелье.

В эти дни на Кавказ прибыл император Николай II, который совершал поездку по фронтам для поднятия боевого духа русских войск. Император побывал в крепости Карс и селении Сарыкамыш. Государя сопровождали начальствующие лица Отдельной Кавказской армии, в том числе и генерал-лейтенант Н.Н. Юденич.

Свидетельницей посещения кавказских войск монархом оказалась Христина Семина, медицинская сестра одного из карских госпиталей, жена полкового врача Ивана Семина. Оказавшись после Гражданской войны в белой эмиграции, рядовая участница Великой войны писала в своих воспоминаниях о том памятном для нее дне:

«— Барыня! Сейчас приходил казак из штаба, спрашивал барина, я сказал, что их нету — уехал на позицию за ранеными. Император приезжает сегодня в три часа! Государь будет ехать по нашей улице. Так чтобы на заборе не висело солдатское белье, сказал казак.

Бедный мой Ваня. Только несколько часов не дождался, чтобы посмотреть на Государя! Мне хотелось плакать от обиды, что его

здесь нет. Такая великая радость увидеть живого, не на портрете, вот здесь, в глуши, на краю великой России, нашего Государя!.. Мне хотелось с кем-нибудь поделиться с таким великим событием, говорить о Нем! Я пошла и постучала в дверь к Штровманам.

— Мадам Штровман, Государь приезжает в три часа.

Она открыла дверь и сейчас же спросила:

— Вы думаете, что я могу стоять на улице?..

— Я не знаю!

— Дайте мне вашу форму, чтобы я могла стоять поближе к Нему!

— Вон, посмотрите, солдаты пришли. Идемте, я дам вам козынку.

Потом я надела шубу и пошла на улицу. Она была полна солдат. Они становились по два в ряд вдоль всей улицы от поворота с главной и до самого госпиталя.

Никогда еще, кажется, у меня не было такого чувства радости и каких-то сладких слез!.. Я радуюсь такому счастливому дню. Может быть, единственному дню моей жизни? И почему-то хочется плакать! Слезы сами катятся из глаз. В носу мурашки, губы дрожат, не могу слова выговорить.

Солдаты стоят веселые, здороваются со мною, а я плачу.

— Здравствуйте, сестрица! Радость-то какая — сам Государь приезжает к нам!

— Да! Большая радость! — еле выговариваю я, а слезы ручьем льются из моих глаз.

Солдаты тоже как-то присмирели.

— Да! Это не каждому доводится видеть-то Государя Императора, — говорит солдат.

— Погодка-то какая стоит! Только для парада Государева! — говорит другой.

Они поближе придвинулись ко мне, чтобы вести общий разговор.

— Прямо, значит, с поезда и в церковь, а оттедова, по этой самой улице, в штаб и госпиталь. Поздоровается с ранеными, поздравит! Кому Егория повесит. Ну, потом, конечно, и по другим, прочим делам поедет.

— Я так думаю, что Государь по другим улицам обратно поедет, чтобы, значит, все могли его видеть, — сказал бородастый солдат.

— А вы весь день будете стоять, пока Государь не уедет?

— Нет, сменят. Как обратно проедет — так и уйдем! Мороз сегодня шибко крепкий, — говорит солдат, постукивая нога об ногу.

Я только сейчас обратила внимание на их шапки, на которых вместо кокарды были крестики. Да и сами-то они какие-то бородастые и совсем не молодые!

— Почему у вас на шапках крестики?

— Мы второочередники! Здесь фронт спокойный, как раз для таких, как мы — старики. А вы, сестрица, из каких краев будете? — спросил солдат.

— Я здешняя, кавказская, — из Баку.

Вышла мадам Штровман, в моей белой косынке.

Все сразу обернулись.

— Впереди стоять нельзя! Но тут стойте, нам не мешаете! Места хватит, только долго не простойте на таком морозе! Еще рано! Пооди, в церкви сейчас!

Я пошла в комнату, чтобы согреться, замерзла стоять, но в комнате еще тоскливее стало.

— Барыня! Едет, едет! — кричит Гайдамакин.

Я выбежала на улицу и сразу точно горячей волной обдало меня! — Ура! Ура! Урааа! — неслось снизу улицы. Солдат узнать нельзя было: лица строго-суровые. Стоят как по ниточке, по два в ряд, держа ружья перед собой. Офицеры чуть впереди солдат, вытянув шеи туда, откуда несется все громче и громче урааа! Варуг снизу волна словно поднимается: ширится в громком ура!.. И дошло до нас. Я хотела тоже кричать ура, — раскрыла рот, но спазма сжала мне горло и вместо ура вырвались рыдания.

И ура неслось все громче и громче! Показались какие-то автомобили — один, другой. Я протираю глаза, хочу лучше видеть, а слезы снова ручьями бегут. А солдаты так радостно, так могуче кричали приветствие своему Государю!

Вот! Вот он! Кланяемся на обе стороны. — Какое грустное лицо! Почему так Ему грустно?..

Вот и приехал! Скрылось светлое видение.

Я оглянулась. Мадам Штровман сидела на дощатом заборе и счастливо улыбалась.

— Слыва Тебе, Господи! Удостоился увидеть Государя! Теперь и умирать не страшно! — оборачиваясь ко мне, говорит солдат, утирая рукой слезы.

И не один он плакал. Плакали и другие: вытирали глаза кулаком.

— Не поедет больше по этой улице Государь, — говорит солдат, сморкаясь прямо рукой и сбрасывая на снег.

— Ну вот, теперь пойдем обедать. Прощайте, сестрица.

— С Богом! — говорю я и тоже иду домой.

Сейчас же тоже пришла Штровман.

— Знаете, что я думала. Он — что-нибудь совсем особенное!

А Он такой же, как и все офицеры.

— Мне все равно, что вы думали, но это Россия, это моя родина, это все, все, чем мы, русские люди, живем. — Я ушла в свою спальню и долго еще там плакала. О чем? И сама не знаю».

Посетив крепость Карс и Сарыкамыш, император Николай II посетил полки на передовой, на виду у конных пикетов турок, стоявших дозорами на ближайших вершинах. Монарх всюду щедрой рукой раздавал Георгиевские кресты — солдатские «Егории», посещал раненых в госпиталях и полковых лазаретах, обедал среди воинов.

Николай II покинул горный край, крайне довольный состоянием и боевым настроением Отдельной Кавказской армии...

Битва за Сарыкамыш — главное событие Первой мировой войны на Кавказе в кампании 1914 года — началась уже после отъезда императора. Именно это приграничное селение стало целью наступательной операции, задуманной Энвер-пашой для 3-й султанской армии. Военный министр Турции, решивший лично возглавить ее, уповал только на победу. Но сражение прославило не панисламиста-мушира, а русского полководца Николая Николаевича Юденича.

Исследователи, военные специалисты отмечают, что план, разработанный немецкими военными советниками Энвер-паши, был действительно хорош. Будь он исполнен так, как задумывался, русской Отдельной Кавказской армии грозил если не полный разгром, то тяжелое поражение в приграничье, на своей же территории. И, как следствие понесенного поражения, появление турецких войск в Закавказье. Но этого не случилось во многом благодаря полководческому дарованию Юденича.

Почему атакующий удар 3-й турецкой армии планировался именно на Сарыкамыш? А не, скажем, по другой тыловой базе русских, Карской крепости? Крепость имела сильный гарнизон и немало артиллерии. На конечной же станции фронтовой узкоколей-

ной дороги русский гарнизон разительно отличался своей немногочисленностью. На этот счет разведывательные данные штаб Энвер-паши имел самые достоверные.

Тыловой Сарыкамышский гарнизон состоял из двух дружин государственного ополчения, охранявших пристанционные армейские склады. Такие дружины состояли из призываемых по случаю войны военнообязанных старших возрастов. Офицерский состав тоже составляли запасники. И те и другие отвыкли от воинской службы и давно не держали в руках оружие. Вооружали таких ратников зачастую устаревшим оружием — берданками, которые бережливо хранились в арсеналах для такого случая.

На конечной станции узкоколейки были расквартированы еще и два железнодорожных эксплуатационных батальона. Люди в них были годны к воинской службе еще меньше, чем ратники ополчения. Они были вооружены теми же берданками, имея по пятнадцать патронов на человека. В местном военном госпитале имелось небольшое число вооруженных санитаров-нестроевиков. Это было все, из чего состоял Сарыкамышский гарнизон.

Но по совершенной случайности в тот день на железнодорожной станции оказалось несколько стрелковых взводов. Они отправлялись в тыл из разных частей для формирования нового 23-го Туркестанского стрелкового полка. Стрелков набиралось на две неполные роты. По подобному случаю в Сарыкамыше оказались и два орудийных расчета с трехдюймовыми пушками. Также случайно оказались в тот день на станции прибывшие с последним поездом и более сотни (по ряду сведений — две сотни) досрочных выпускников-прапорщиков Тифлисского военного училища, ехавшие на фронт и имевшие личное оружие.

Из старших офицеров проездом на станции оказался полковник Николай Адрианович Букретов. С началом войны выпускник Николаевской академии Генерального штаба занимал должность старшего адъютанта в армейском штабе, после чего был назначен офицером для поручений в штаб 2-й Кубанской пластунской бригады. Он ехал к месту новой службы и в тот день задержался в Сарыкамыше.

...Когда авангарды походных колонн двух турецких армейских корпусов обнаружили на дальних подступах к Сарыкамышу, штаб Отдельной Кавказской армии находился в Тифлисе. Юденич стал горячо настаивать на том, чтобы штаб немедленно переехал в Сары-

камыш, которому грозила участь стать эпицентром ожидавшегося приграничного сражения. Старший по положению генерал от инфантерии А.З. Мышлаевский колебался. Бывший ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба, бывший в 1909 году начальником Генерального штаба русской армии, фактически исполнял обязанности командующего Отдельной армии.

Только 10 декабря Мышлаевский согласился с доводами Юденича, и армейский штаб экстренным поездом выехал в селение Меджингерт у границы, которое находилось всего в 20 километрах от Сарыкамыша. Там стоял штаб 1-го Кавказского корпуса генерала от инфантерии Берхмана.

Когда по прибытии в Меджингерт стали выяснять сложившуюся на фронте обстановку, то оказалось, что во 2-м Туркестанском корпусе нет ни командира, ни начальника штаба. Первый (генерал Слюсаренко) серьезно заболел, второй отбыл по приказу выше. Тогда Юденич и его генерал-квартирмейстер Л.М. Болховитинов настояли на том, чтобы Мышлаевский принял на себя командование всеми войсками на Сарыкамышско-Эрзерумском направлении.

Одним из своих первых приказов генерал от инфантерии А.З. Мышлаевский назначил Юденича временным командующим 2-м Туркестанским корпусом с сохранением обязанностей по должности начальника армейского штаба.

Когда поступили сведения о движении колонн турецкой пехоты в горах по направлению к Сарыкамышу и фронтальных атаках 11-го неприятельского корпуса со стороны Эрзерума. Мышлаевскому и Юденичу стал ясен замысел Энвер-паши. Он явно намеревался устроить русским кавказские Канны. Или, проще говоря, собирался «загнать» их в «мешок».

...Руководство Сарыкамышской операцией, начинавшейся как оборонительная, Н.Н. Юденич начал с принятия командования 2-м Туркестанским корпусом. Корпусной штаб-офицер Б.А. Штейфон, ставший впоследствии генералом, вспоминал:

«11 декабря 1914 г. Стало совсем темно, когда прибыл Юденич в сопровождении своих доблестных помощников — полковника Масловского и подполковника Драценко. Засыпанные снегом, сильно промерзшие, они спустились в саклю-штаб. Непослушными от мороза руками Юденич сейчас же придвинул к огню карту, сел и, не развязывая даже башлыка, коротко приказал:

— Доложите обстановку.

Его фигура, голос, лицо — все свидетельствовало об огромной внутренней силе. Бодрые, светящиеся боевым азартом лица Масловского и Драценко дополняли картину. Одобрив наше решение не отходить, Юденич немедленно отдал директивы продолжать сопротивление на фронте и организовать в тылу оборону Сарыкамыша».

С вокзалом станции Сарыкамыш (там полковник Букретов устроил свой импровизированный штаб) была налажена постоянная связь. Юденич сообщил ему, что на помощь уже послан полк туркестанских стрелков. Один из его батальонов, для ускорения движения, был посажен на обозные телеги. Возникшим приказывалось спешить.

Мышлаевский с Юденичем пошли на немалый риск, решив снять с передовой часть войск 1-го Кавказского армейского корпуса и перебросить их в тыл, к Сарыкамышу. Речь пока шла о 20 батальонах пехоты, 6 сотнях казаков и 20 орудиях. Но оба генерала понимали, что этих сил будет скорее всего мало, когда турецкая пехота силой в несколько дивизий начнет массированные атаки позиций защитников Сарыкамыша.

За день 12 декабря, незаметно для атакующего врага снявшись с фронта, в дальний тыл, двинулись пять батальонов 1-й Кубанской пластунской бригады, 80-й пехотный Кабардинский, 155-й пехотный Кубинский, 15-й Туркестанский стрелковый и 1-й Запорожский кубанских казаков полки, 20 орудийных расчетов 20-й Кавказской артиллерийской бригады, отдельная Терская казачья батарея и Кавказский мортирный дивизион.

Силы с фронта для помощи снимались немалые. Но этим войскам предстояло проделать по зимним горным дорогам марш-бросок в 70—100 верст труднейшего пути, да еще в морозные дни.

Турки взяли в полукольцо селение Сарыкамыш и железнодорожную станцию 13 декабря. Выход неприятеля на ближайшие подступы гладким не получился: две сотни пограничных стражников держали оборону на перевале до последнего. И только тогда, когда перед ними скопились до нескольких батальонов вражеской пехоты, начавшей обтекать перевал по заснеженным лесам на склонах гор, пограничники, унося всех раненых (часть из них замерзла в снегу), отошли к железнодорожной станции.

Помощь с передовой подоспела к Сарыкамышу за одни сутки. Именно столько времени хватило кубанскому 1-му Запорожскому

казачьему полку и батальону стрелков, посаженному на обозные телеги, чтобы прибыть на место. Казаки спешили и сразу же вступили в бой. Теперь полковник Н.А. Букретов мог вздохнуть свободно: обещанную поддержку, пусть только ее малую часть, он уже получил.

Казачий полковник оказался подлинным героем сарыкамышской эпопеи. Приняв командование гарнизоном на себя, он разбил линию обороны на секторы. Из взводов стрелков-туркестанцев создал две сводные роты. Для начала они были направлены на усиление пограничных стражников, которые вели упорный бой на вершине горного хребта. Молодые прапорщики пошли на усиление дружин ополченцев и железнодорожников-эксплуатационников. Для всех на стационарных складах нашлись трехлинейные винтовки вместо берданок. Букретов приказал свезти к вокзалу артиллерийские боеприпасы с дальних складов, которые защищать он не мог из-за неимения людей.

Уже в самом начале организации обороны полковнику повезло. На одном из складов нашлось 16 станковых пулеметов системы «Максим». Так Букретов в трудные дни стал обладателем оружия огромной огневой силы: в первый год Мировой войны станковые пулеметы еще не стали оружием пехотных рот, их было во фронтовых войсках немного.

Пока защитники железнодорожной станции, торопясь, устраивали оборонительные позиции, неприятель показался у них на виду. Тысячи турок-пехотинцев, обессиленных дальним и трудным маршем в зимних горах, где снег лежал по колено, продвигались вперед крайне медленно. Полки и дивизии растянулись по горным дорогам на многие версты, управление ими сильно затруднялось.

Случилось то, чего мушир Энвер-паша и генерал фон Шеллендорф меньше всего ожидали: внезапного удара, на силе которого строились все их расчеты, по Сарыкамышу у них не получилось. Когда турецкие колонны начали спускаться с гор в узкую долину, русские дозоры обнаружили их еще издалека.

Испросив разрешение по телеграфу у начальника армейского штаба, полковник Букретов выслал навстречу туркам на санях оба железнодорожных эксплуатационных батальона, успевших перевооружиться винтовками. Железнодорожники стрелковому делу не обучались, и неприятель к исходу 12 декабря сбил этот слабый заслон, высланный на 8 километров от станции.

Авангардные турецкие пехотные дивизии — 17-я и 29-я за ночь сумели сосредоточиться перед Сарыкамышем. На рассвете 13 декабря они спустились с гор в долину и повели атаки крупными силами. Букретов был вынужден организовать круговую оборону. Русские защищались умело, используя главным образом огонь станковых пулеметов «Максим» и пальбу в упор из имевшихся двух полевых орудий.

Подкрепление с передовой подоспело в самый критический эпизод боя того дня: турки овладели селением Северный Сарыкамыш. Под вечер 13 декабря пехотинцы 80-го Кабардинского полка провели результативный контрудар. Рота за ротой пошли с шоссе на горы. Турки в частых рукопашных схватках были отброшены от дороги, по которой с фронта подходили подкрепления.

На исходе 13-го числа в бою за Сарыкамыш с русской стороны уже участвовало до девяти батальонов пехоты и семь казачьих сотен, которые сражались в пешем строю. Но и неприятель час от часа увеличивал свои силы. Русским в тот день просто чудом удалось отстоять вокзал, селение и большинство тыловых складов. Вокзал был удержан благодаря вводу в дело последнего резерва обороняющихся — двух сотен кубанцев-пластунов.

На следующий день, 14 декабря, число турецких пехотных батальонов заметно увеличилось. Они спускались с гор один за другим в поредевшем составе: немало турок отстало или замерзло в снегах лесистых гор по пути. Турки тешили себя надеждой найти в Сарыкамыше тепло и кров, провиант и теплую одежду на русских складах, поэтому замерзшие люди так яростно бросались в атаки.

Для Энвер-паши, если только он владел полной информацией о ходе боев, картина выглядела откровенно удручающей. 29-я пехотная дивизия потеряла замерзшими на привалах по пути и сильно обмороженными солдатами до половины своего списочного состава! И это не считая боевых потерь убитыми и ранеными. В соседней 17-й дивизии ситуация была несколько лучше. Но и здесь число замерзших и обмороженных исчислялось не на сотни, а на тысячи людей.

Трагизм положения наступающих турок выражался в том, что помочь обмороженным людям было некому и нечем. Разведенные в лесах костры от мороза солдат, лишенных теплого зимнего обмундирования, не спасали. Русские после боев в горах нашли немало кострищ, вокруг которых кольцом лежали замерзшие.

Один из участников той операции, начальник штаба 9-го турецкого корпуса, в своих послевоенных мемуарах так оценивал бесславные для него сарыкамышские события:

«Драма, порожденная Энвер-пашой, завершилась».

Для 3-й турецкой армии драматические события, действительно, начались уже с первого дня марш-броска через зимние горы. Планы мушира Энвер-паши на осуществление «кавказских Канн» рушились безвозвратно. Но несмотря ни на что, турки весь день 14 декабря раз за разом пробовали крепость русской обороны с трех сторон. С четвертой стороны по защитникам станции постреливали местные жители-мусульмане, которые не остались в стороне от происходящих событий.

К полудню 15 декабря весь 10-й турецкий армейский корпус сосредоточился перед Сарыкамышем. Кольцо окружения, не без деятельной помощи местных жителей-курдов, почти сомкнулось вокруг селения и железнодорожной станции. Узкоколейка, уходящая к крепости Карс, оказалась перерезанной неприятелем. В довершение всех бед неприятельским снарядом была выведена из строя единственная радиостанция на железнодорожном вокзале. Так защитники Сарыкамыша, третьи сутки проводившие без горячей пищи и почти без сна, лишились связи со штабом Кавказской армии.

В тот же день, утром, авангард турецкого 9-го армейского корпуса вышел к селению Ново-Селиму, что окончательно отрезало Сарыкамыш от главных сил Кавказской армии. Исполнявший обязанности армейского командующего генерал Мышлаевский отдал приказ через командира 1-го Кавказского корпуса Берхмана об общем отступлении по последней оставшейся свободной дороге вдоль государственной границы.

Отдав такой приказ, генерал от инфантерии Мышлаевский по этой дороге убыл в Тифлис с тем, чтобы там собрать оставшиеся войска для обороны столицы Кавказского наместничества. В Тифлисе среди его жителей началась паника, многие стали, бросая все, покидать город. Ходили слухи, что турки-османы уже наступают на столицу Грузии. Фаэтончики брали по тысяче рублей до Владикавказа. Тех, кто ехал по Военно-Грузинской дороге, часто грабили местные разбойники, и многие беженцы приезжали во Владикавказ обобранными дочиста.

Считая себя за старшего, генерал от инфантерии Берхман начал было отводить войска, выполняя приказ Мышлаевского. Тогда

Юденич 17 декабря послал к нему полковника Драценко, чтобы убедить в необходимости прекратить начавшееся отступление корпусных войск и продолжить борьбу за Сарыкамыш.

Ссылаясь на «Положение о полевом управлении войск», генерал-лейтенант Н.Н. Юденич, как начальник армейского штаба, взял на себя главное командование. 1-й Кавказский и 2-й Туркестанский корпуса прекратили отход и заняли сильные для обороны позиции. Они не сдвигались с них, несмотря на яростные атаки 11-го турецкого корпуса генерала Абдул-Керим-паши.

Решение Мышлаевского об отступлении могло повлечь за собой самые трагические последствия. Характеристикой настроения в тыловых частях, создавшегося после начала выполнения генералом Берхманом указания старшего начальника, может послужить следующий случай. При отходе с позиций близ Сонамера начальник армейского штаба при переезде в Караурган стал свидетелем такой картины: какой-то интендантский чиновник уничтожил свой склад, высыпая муку в реку. Юденич приказал немедленно прекратить истребление нужных запасов провианта. Чиновник стал оправдываться тем, что приказано отступить, а он не хотел оставлять врагу запасы вверенного ему продовольствия.

Юденич ответил ему, что он не собирается никуда отступить со своим 2-м Туркестанским корпусом и поэтому приказывает ему тщательно хранить запасы муки, отвечая за них головой. Вскоре эта самая мука, спасенная от поспешного уничтожения, очень пригодилась, поскольку генерал Берхман откровенно поторопился отправить обозы 1-го Кавказского корпуса в глубокий тыл.

Вечером 15 декабря в Сарыкамыш прибыли новые подкрепления: пехотные 154-й Дербентский и 155-й Кубинские полки из 39-й пехотной дивизии, последние батальоны 1-й Кубанской пластунской бригады генерал-майора М.А. Пржевальского. Они помогли защитникам Сарыкамыша с большим трудом отразить мощный натиск уже двух турецких армейских корпусов.

До самой ночи в тот день то там, то здесь завязывались штыковые схватки. Бой за местный железнодорожный вокзал носил самый бескомпромиссный характер. В итоге туркам пришлось откатиться на исходные позиции в окрестные леса в свои прежние окопы — снежные ямы. Еще одну ночь им пришлось провести под открытым небом.

Бои, не менее тяжелые, шли и в последующие дни. Со стороны казалось, что весь Сарыкамыш завален трупами убитых и замерзших турок и русских. После очередных взаимных атак сражавшихся порой разделяло расстояние в несколько десятков шагов. С наступлением темноты на склонах гор, окружавших железнодорожную станцию, турки разводили сотни костров, пытаясь хоть так спастись от сильных морозов.

Турки чувствовали по всё возрастающей силе сопротивления русских, что сил у них тоже становится больше. К вечеру 15-го числа оборону держало уже более 22 батальонов пехоты, 8 спешенных казачьих сотен при почти 80 пулеметах и около 30 различных артиллерийских орудий.

В тот день «заявил» о себе царский наместник, он же по должности командующий Отдельной Кавказской армией. На имя Юденича из Тифлиса пришел телеграфной строкой приказ, который круто менял его фронтовую судьбу. Телеграмма гласила следующее:

«Генералу Юденичу. Срочно.

Ввиду прорыва турок, предлагаю вам вступить в командование войсками 1-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов.

Вы должны разбить турок у Сарыкамыша и открыть себе выход на Карс вдоль железной дороги, а при невозможности — на Каракурт и даже по обходным путям в направлении к Карсу, уничтожая турок, которые перебрались с Ольтинского направления на пути между Сарыкамышем и Карсом.

Для обеспечения вашего движения можно уничтожить часть ваших обозов и бросить излишние тяжести. В случае недостатка продовольствия широко пользуйтесь местными средствами.

Сам я переезжаю в Александрополь, чтобы принять дальнейшие меры. Необходимо, чтобы связь ваша с Тифлисом и Александрополем не прерывалась, организуйте ее на Кагызман, оттуда до Каракурта есть летучая почта.

Генерал от кавалерии Воронцов-Дашков.

15 декабря 1914 г.

Тифлис».

Телеграмма была продублирована в Ставку Верховного главнокомандующего. Царский наместник расписывался в ней о полной

своей несостоятельности командовать кавказскими войсками. Более того, он давал своему начальнику штаба право отступить с Сарыкамышской позиции к крепости Карс, то есть отступить по территории России вглубь от государственной границы, бросая при этом «излишние тяжести» русской армии и реквизируя провиант и фураж у местного населения.

В не менее удручающем состоянии в день 15 декабря, чем Воронцов-Дашков, находился мушир Энвер-паша: замысел приступить в 1914 году к созданию великого «Туранского государства» рушился среди заснеженных лесов вокруг небольшой конечной станции русской узкоколейки. Настроение у военного министра султана было испорчено в тот день в силу трех удручающих случаев.

Во-первых, командир 9-го корпуса, откровенно сгущая краски, донес, что в 29-й пехотной дивизии осталось всего около 300 активных штыков, 11 горных орудий и 8 пулеметов.

Во-вторых, доставленный в штаб 3-й армии пленный русский солдат показал, что противник в районе Сарыкамыша располагает пятью полками, «стремящимися окружить турок», и что роты у русских имеют по 160 винтовок. Это надломило Энвер-пашу, поскольку он воочию видел печальное состояние своих 9-го и 10-го корпусов.

И, наконец, в-третьих, в тот день, как писал турецкий мемуарист, Энвер-паша «сам остался голодным со всем штабом в диких ущельях и лесах Сарыкамыша и ему пришлось разделить кусок хлеба убитого поручика 29-го артиллерийского полка».

Оборонять Сарыкамыш становилось все тяжелее. К вечеру 16 декабря в лесу севернее железнодорожного вокзала было замечено скопление больших сил вражеской пехоты, — она хорошо просматривалась на снегу боевыми дозорами русских. К тому же промерзшие солдаты, несмотря на угрозы своих начальников, разжигали среди деревьев костры. Над привокзальным лесом стелилась дымная пелена.

Когда уже почти стемнело, сторожевая застава 80-го пехотного Кабардинского полка, углубившись в лес, сумела перехватить вражеского посыльного с приказом дивизионного начальника. Документ адресовался командиру 10-го корпуса. Среди прочих сведений в нем говорилось о подготовке к общей ночной атаке позиции русских.

Было высказано предположение, что это дезинформация, подброшенная неприятелем. Но около 22 часов вечера 3-й батальон кубанцев-пластунов, занимавший высоту Орлиное гнездо, вокзал и мост на шоссе, был атакован колоннами вражеской пехоты. Турки знали, куда нанести удар: здесь располагались основные склады провианта и боеприпасов.

Дело быстро дошло до ближнего боя — бились штыками, прикладами, кинжалами, кулаками. При всей ярости рукопашных схваток стало сказываться заметное превосходство числом атакующих. Пластуны, ведя бой, стали шаг за шагом отступать к селению Сарыкамыш, чтобы там «зацепиться» за его каменные дома. Начальник вокзального участка обороны командир 1-го Запорожского казачьего полка полковник И.С. Кравченко попытался остановить отступавших, но был убит.

Турецкая пехота, захватив вокзал, с ходу ворвалась в центральную часть селения Сарыкамыш и заняла расположенные там казармы 156-го Елисаветпольского пехотного полка, стоявшего здесь в мирное время. Неприятель стал спешно закрепляться в каменных казарменных зданиях, пытаясь при этом продвинуться еще дальше, но безуспешно. Бой затих только под утро, когда турки окончательно утратили атакующий пыл.

В тех событиях туркам впервые пришлось столкнуться под Сарыкамышем с огнем гаубичной артиллерии. К 16 часам сюда прибыла 1-я батарея (шесть гаубиц) 2-го мортирного дивизиона с прожекторной ротой 1-го Кавказского саперного батальона. Батарея сделала суточный переход около 50 километров. На большом привале в районе Менджигерта упряжные лошади батареи от усталости легли и с большим трудом были подняты для дальнейшего движения. Батарея была направлена в Сарыкамыш с приказом:

«Потерять конский состав, но к вечеру 16 декабря обязательно прибыть в назначенный пункт».

17 декабря части, подчиненные полковнику Букретову, получили приказ выдвинуться в сторону Бардусского перевала и подойти на тысячу шагов к окопанной там вражеской пехоте. Турки, укрывшиеся в лесу и в складках гор, стали поражаться огнем гаубичных батарей, которых у русских уже было две.

Против турок силой до батальона, засевших в «красных каменных саклях» селения курдов-мусульман Восточный Сарыкамыш, действовали две роты 80-го пехотного Кабардинского полка. Вы-

бить неприятеля из горного селения не удавалось на протяжении трех суток, так как все подступы к саклям простреливались турками с окружающих высот. Юденич приказал очистить селение, поскольку в противном случае нарушалась система обороны железнодорожной станции.

Только под воздействием огня прибывших гаубиц, местами подвезенных на огневые позиции на быках, так как лошади оказались бессильны втащить эти орудия на высоты, турки очистили часть селения. К вечеру охотники-саперы подползли к ближайшей сакле и взорвали ее мощным зарядом пироксилиновых шашек, положенных на крышу сакли. Каменное строение рухнуло, и все оборонявшиеся, засевшие в сакле, погибли под ее обломками.

Взрыв деморализующе подействовал на остальных турок, засевавших в других саклях. Большая часть их сдалась в плен: 11 офицеров и три сотни солдат из различных полков во главе с командиром одного из пехотных полков. Эти пленные показали, что Сарыкамышской операцией руководит лично Энвер-паша, при котором находились два немецких генерала и один штаб-офицер из германской военной миссии.

В день 17 декабря турки в районе вокзала предприняли несколько сильных атак, которые были встречены контрударами. Русские захватили здесь свыше 200 человек пленных. Вражеские атаки тут прекратились только с наступлением темноты благодаря установленному на ближайшей высоте мощному прожектору, который высвечивал окрестности вокзала.

К исходу этого дня в результате продолжительных боев в Сарыкамыше скопилось пленных свыше двухдесятков турецких офицеров и около полутора тысяч солдат. Они крайне стесняли русских, так как им были нужны конвой, помещения, пища, а многие раненые, кроме того, требовали медицинского ухода и перевязок. Между тем во всем этом защитники Сарыкамыша испытывали крайнюю нужду.

В далеком Могилеве, в Ставке Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича-младшего с трудом разобрались в происходящих на Кавказе событиях. В полдень 17 декабря оперативный дежурный по штабу Отдельной Кавказской армии в Тифлисе получил срочную телеграмму из Ставки. В ней предписывалось генерал-лейтенанту Н. Н. Юденичу вступить в командование армией. В телеграмме сообщалось, что высочайший

приказ на него императором Николаем II будет подписан в самое ближайшее время (24 декабря).

В той же телеграмме новому командующему Отдельной Кавказской армией настоятельно предписывалось «локализовать прорыв противника и восстановить положение».

Вскоре в Тифлис телеграфной строкой пришли новые указания. Бывший командующий армией генерал-адъютант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, в силу своего преклонного возраста и неспособности начальствовать над войсками, отзывался в резерв Верховного главнокомандующего.

Но император Николай II не мог так просто «отставить» бывшего друга своего отца и заслуженного сановника. Государь специально для него учредил должность — «состоять» при особе Его Величества». Более того, неизвестно, за какие военные заслуги граф Воронцов-Дашков в 1915 году был награжден императорским Военным орденом Святого Победоносца и Георгия 3-й степени.

Новую должность Н.Н. Юденич принимал в пылающем пожаре Сарыкамыше. Он прекрасно осознавал критичность ситуации: для контрудара требовались свежие силы, а резервы были на исходе. С передовой снимать войска было больше нельзя. Донесения командиров частей, сражавшихся у Сарыкамыша, говорили о том, что люди измотаны до предела, что их все труднее стало поднимать в атаки, что много раненых и погибших, что приходится уже беречь патроны. Многие просили поддержки из резерва.

Больше всего Юденича поразило донесение за прошедшие сутки полковника Букретова, подлинного героя сарыкамышской эпопеи. Тот в донесении, датированном 19 декабря, докладывал на имя генерала-майора Пржевальского, у которого находился в оперативном подчинении, следующее:

«...Вчерашний день, 18 декабря, гнал людей в бой, а сегодня не желаем, пока не подойдут подкрепления. В ротах осталось по 70—80 человек, офицеры командуют 3—4 ротами; был случай, когда командир полка командовал ротой. Пока подкрепление не подойдет и не будут присланы боеприпасы, до тех пор в наступление переходить не буду. Люди изнурены, голодны.

Как прикажете действовать дальше? Я сделал все возможное. Обстановка неизвестна. Страшные потери в людях; в особенности много пошло сопровождать раненых, не возвращаются больше на-

зад. Пулеметов нет, орудия не стреляют якобы за отсутствием целей. Держаться на позиции не в состоянии...»

День 19 декабря был одним из самых тяжелых во время сарыкамышских боев. Мушир Энвер-паша приказал в очередной раз штурмовать район железнодорожной станции и само селение. С рассветом огневой бой возобновился, турки яростно обстреливали позиции противника из винтовок, пулеметов и орудий. Они особенно стремились удержать за собой Бардусский перевал. В 14 часов дня на землю внезапно опустился густой туман, различить цели можно было лишь в 4—5 шагах.

Огневой бой усилился. Юденичу со всех сторон стали поступать доклады о том, что неприятель готовится к сильной атаке. Действительно, по условному сигналу, с криками «Алла!», раздававшимися по всему фронту, турки в очередной раз бросились с гор в узенькую долину. Однако их общая атака повсюду была отражена.

К 16 часам командир центрального участка обороны Сарыкамыша доложил в армейский штаб, что уже отбиты три вражеские атаки, а четвертая вот-вот начнется, а в его резерве остался только один взвод. Но и четвертая атака турок, ставшая в тот день последней, закончилась полной неудачей и с большими потерями.

Именно в день 18 декабря, как свидетельствуют очевидцы, Энвер-паша окончательно понял, что его план наступательной Сарыкамышской операции не осуществится. Командующий 3-й армией приказал своим войскам под Сарыкамышем перейти к обороне, и он порекомендовал командирам корпусов отправить в Эрзерум знамена. Впервые с начала операции в приказе военного министра Турции появилась такая фраза:

«Я надеюсь, что мы завтра сумеем удержаться на наших позициях».

Так как Энвер-паша предвидел, что неизбежное отступление будет по уже знакомым дорогам в заснеженных горах тяжелым, то знамена в турецких частях были, согласно его требованию, сняты с древков. Они были отправлены в Эрзерумскую крепость с несколькими офицерами и унтер-офицерами. Для большей сохранности знамен сопровождающие должны были обмотать полотнища вокруг тела.

...Юденич в такой тяжелой обстановке стал готовить контр-наступление. Он начал с того, что наладил надежную связь, кото-

рая обеспечила ему нормальное управление. Связь теперь осуществлялась через три десятка радиостанций. Только благодаря этому командующий армией смог получить всю картину последних дней и на передовой, и в тыловом Тифлисе.

Картина вырисовывалась из оперативных данных такая: 3-я турецкая армия, усиленная за счет резервов (в том числе и из столицы) и других султанских армий, во главе с военным министром муширом Энвер-пашой повела наступление на российское Закавказье. Ближайшей задачей наступающих виделось окружение, то есть взятие главных сил русской Отдельной армии в «мешок». Неприятель нацеливался прежде всего на Грузию. Пока.

В тех событиях и проявился впервые полководческий дар Н. Н. Юденича. Он решил в такой, самой неблагоприятной для кавказских войск ситуации, нанести ответный удар по вражеской 3-й армии. Он понимал, что ее командование держало в своих руках стратегическую инициативу в войне. Эту инициативу и требовалось вырвать из рук Энвер-паши и его германских советников.

Юденич стал наращивать силы под Сарыкамышем. К вечеру 20 декабря туда подошла 1-я Кавказская казачья дивизия и 2-я Кубанская казачья бригада. Командующий лично направил в тыл туркам на Бардусский перевал уже отличившийся в боях 17-й Туркестанский стрелковый полк. По его приказанию комендант Карса отправил части 3-й Кавказской стрелковой бригады в Ново-Селим: благодаря такому расчетливому ходу движение по узкоколейной железной дороге полностью восстановилось. Неприятеля оттеснили от узкоколейки в окрестные горы.

План контр наступления русских вырисовывался следующим образом. Движение вперед начиналось одновременно с трех сходящихся направлений: главными силами из района Сарыкамыша с фронта, из города Ардаган и селения Ольты. На Ардаганском горном плато Сибирская казачья бригада уже нанесла туркам жестокое поражение. Одновременно в движение приходили сильные обходные отряды, которым ставилась задача создать во вражеском тылу угрозу полного окружения сил Энвер-паши.

За счет перегруппировки полков 39-й пехотной дивизии, 1-й и 2-й Кубанских пластунских бригад, а также двух артиллерийских бригад, подходивших из Карской крепости, предполагалось достичь оперативного успеха. То есть был задуман широкий маневр

силами на горном театре войны. Но все, как говорится, гладко бывает только на бумаге.

Приходилось опасаться вражеских лазутчиков, которых среди местного мусульманского населения было хоть отбавляй. Поэтому встал вопрос маскировки на маршрутах передвижения войск и согласованности их действий. (Именно это и не удалось Энвер-паше и начальнику его штаба генералу Бронзарту фон Шеллендорфу).

Штаб Отдельной Кавказской армии сумел решить все эти вопросы на должном, похвальном уровне. Результаты декабрьского наступления 1914 года русских на Кавказе продемонстрировали качество штабной культуры ближайших помощников Юденича.

Самые срочные меры были предприняты в отношении организации надежной связи, без которой оперативность управления армейскими силами резко снижалась. Да еще в условиях зимнего высокогорья. Командующий армией приказал в войсках, действовавших на главных направлениях контрудара, оборудовать несколько радиопередающих станций. Конечные искровые станции размещались в армейском штабе, а также в штабах дивизий и отдельных отрядов. Приказы Юденича передавались действующим войскам теперь не телеграфом и не конными вестниками, а по радио. При этом больших помех не возникало.

На линии огромной протяженности — от Батума на черноморском побережье и до Товиза в горах Турецкой Армении работало одновременно до 30 полевых радиостанций. Они обеспечивали днем и ночью надежное управление дивизиями, бригадами и отрядами. У представителей государств Антанты, аккредитованных при Ставке Верховного главнокомандующего России, такая организация связи в условиях горной войны вызвала немалое удивление и откровенный восторг.

Подобная схема организации радиосвязи в Первой мировой войне применялась впервые. И вообще, организация такого масштабного контрнаступления на горном театре аналогов в военной истории еще не знала.

Юденич владел ситуацией, удачно выбрав время для ответной наступательной операции. К началу ее подготовки атакующие усилия 3-й турецкой армии находились уже на исходе. Это чувствовалось по оперативным донесениям с мест боев. Теперь было исключительно важно не упустить драгоценное время.

Во время сарыкамышских событий Н. Н. Юденич спустя более столетия вновь применил основы суворовской тактики по «Науке побеждать», которые заключались в трех принципах русского военного гения: глазомер, быстрота, натиск. Генералиссимус Александр Васильевич Суворов-Рымникский оставил для будущих поколений воинства России и такое правило:

«Деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего».

21 декабря перешли в контрнаступление все войска Сарыкамышского района, вынудив турок к отходу по обледелым горам через дальние перевалы. На следующий день пришли в движение остальные силы Кавказской армии. Она наступала в горах на гораздо более широком фронте, чем перед этим наступал ее противник. Контрудар по 3-й турецкой армии всюду венчался успехом.

Особенно упорными оказались наступательные бои вокруг Бардусского перевала. Позиция оборонявшихся здесь турок атаковывалась с двух сторон. В туманную погоду, по глубокому снегу бойцы шли в гору вяло, выбиваясь из сил. Выстрелы гулко раздавались в морозном воздухе. Кубанские пластуны овладели перевалом к 14 часам дня, взяв при этом батарею из шести орудий с поразительно большим запасом снарядов.

Пластуны, ободренные успехом, стали теснить турок дальше вдоль горного хребта Турнагель. Но на опушке Турнагельского леса они натолкнулись на «батарею из 16 пулеметов» и окопавшуюся в большом числе вражескую пехоту. Тогда в поддержку атакующим был послан 17-й Туркестанский стрелковый полк. Только к исходу дня от турок были очищены все роши близ Бардусского перевала.

Надо отдать должное муширу Энвер-паше и его немецким военным советникам: они попытались спасти от разгрома свою армию и увезти ее от Сарыкамыша. Был отдан поспешный приказ об отступлении. Но он опоздал: турки не смогли «оторваться» от наступающих русских войск.

Суть заключалась в том, что кавказский командующий тактически «чисто» переиграл военного министра Турции. Генерал-лейтенант Н. Н. Юденич оказался прекрасным тактиком войны в горах. Он грамотно организовал атаки и преследование 9-го и 10-го вражеских корпусов колоннами войск, которыми командовали генералы и полковники Пржевальский, Букретов, Масленников, Баратов, Попов, Габаев, Чаплыгин, Барковский, Воронов. Каждый

такой отряд имел четко поставленную боевую задачу, схему взаимодействия с соседями справа и слева.

Как и предполагалось, первоначально главные события разыгрались под Сарыкамышем. Там в горно-лесном районе в полном окружении оказался почти весь неприятельский 9-й армейский корпус. Уже в первый день контрнаступления кавказских войск там случилось настоящее чудо для военной истории.

14-я рота 154-го пехотного Дербентского полка под командованием капитана Вашакидзе смелым ударом в тыки прорвалась в самую глубину обороны турок. Результат такой поистине лихой атаки превзошел все мыслимые и немыслимые ожидания командира этого полка: рота захватила 8 орудий, корпусной штаб во главе с командиром 9-го корпуса Исхан-пашой и всех трех командиров его дивизий — 17-й, 28-й и 29-й с их штабами. Интересно и то, что вражеские штабы сдались бойцам-дербентцам, которых насчитывалось всего 40 (!) человек. Отроты капитана Вашакидзе в ходе сарыкамышских боев осталось в строю чуть больше одного взвода.

Вместе с Исхан-пашой сложили оружие 107 султанских офицеров и немногим более двух тысяч солдат. К слову сказать, Исхан-паше в плену создали хорошие условия. В 1916 году он удачно бежал из плена (из Баку) и через Афганистан и Персию пробрался в Турцию, и в конце Первой мировой войны уже с отличием сражался против англичан. За свой смелый побег из русского плена историки порой величали его «вторым генералом Корниловым».

В одной из своих работ по истории Первой мировой войны, вышедшей в 1930-х годах, комбриг Н. Корсун писал о том удивительном эпизоде сарыкамышских боев:

«Русские с утра 22 декабря усилили артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь и сжимали остатки 9-го турецкого корпуса. 80-й пехотный Кабардинский полк наступал в стык 9-го и 10-го турецких корпусов, стремясь овладеть районом Ягбасан и охватывая левый фланг 17-й турецкой пехотной дивизии. 154-й пехотный Дербентский полк наступал на центр 9-го корпуса. В то время колонна Масленникова, имея в главных силах 155-й пехотный Кубинский полк и шесть рот 15-го Туркестанского стрелкового полка, продвигаясь с Бардусского перевала, охватывала правый фланг 9-го корпуса.

Давление наступающих усиливалось. Со всех сторон турки просили о помощи.

2-й эшелон штаба 9-го корпуса и его оперативные документы турки успели заблаговременно отправить через Бардус в Эрзерум. Прибывший в 14 часов командир 10-го корпуса с улыбкой заявил командиру 9-го корпуса Исхан-паше по-французски: «Все кончилось», и отдал приказ о начале общего отступления, указав, что в районе Кизил-килиса — Чермук имелась горная дорога, связывавшая оба корпуса, по которой командир 10-го корпуса и рекомендовал Исхан-паше начать отход, так как русские вряд ли могли понять на пересеченной местности этот маневр турок.

Около 16 часов штаб 9-го корпуса оказался под обстрелом русских, стрелковая цепь которых показалась на просеке в стыке между 17-й пехотной дивизией и 10-го корпуса.

В то время как прибывший из 28-й пехотной дивизии ординарец доложил, что последняя окружена и взята в плен и чины штаба начали сжигать оперативные документы, вблизи раздался окрик по-русски: «Не двигайтесь, сдавайтесь!» С этими словами обращался к туркам русский офицер с револьвером в руке, шедший впереди пехоты.

Командир корпуса и его штаб сдались этому офицеру, который принял этих пленников за пост сторожевого охранения, так как в людях, проживших 11 дней в Сарыкамышских лесах, закопченных дымом костров, нельзя было узнать командиров...»

Разгром корпусного и дивизионных штабов лишил войска 9-го корпуса управления. Его части были уничтожены в горах, а остатки взяты в плен. Армейский корпус «таял на глазах»: к 19 декабря в плену оказались уже более пяти тысяч его солдат и офицеров. Трофеями стали вся артиллерия и обоз. Отличился пехотный Бакинский полк, который в одной из атак захватил девять вражеских орудий. О тех боях полковник Е. В. Масловский, занимавший должность генерал-квартирмейстера в полевом штабе Юденича, один из крупнейших историков-белоэмигрантов, писал:

«Турки оказывали упорное сопротивление. Полузамерзшие, с черными отмороженными ногами, они тем не менее принимали наш удар в штыки и выпускали последнюю пулю, когда наши части врывались в окопы».

Понесся большие потери, 30-я и 3-я турецкие дивизии начали отступать от Сарыкамыша в великом беспорядке через горный перевал к Бардусу, надеясь там закрепиться на выгодной позиции. В это селение прибыл и Энвер-паша со своим штабом и немецки-

ми советниками. Он сумел так счастливо покинуть штаб 9-го корпуса, который за восемь дней сарыкамышских боев фактически перестал существовать.

Показательно, что в Бардусе султанский военный министр уверял всех, что его 3-я армия сражается доблестно и успешно. Но словам мушира уже мало кто верил и на Кавказе, и в Стамбуле.

Под натиском контратакующих русских войск не удалось устоять и 10-му турецкому корпусу, хотя он оказался в более выгодных условиях, чем силы Исхан-паши. Дивизии 10-го корпуса отходили с большими потерями повсеместно, по пути теряя свою прежнюю организованность. Их выручало то обстоятельство, что противник не сумел по горным заснеженным дорогам вовремя выйти на ближние подступы к Бардусу.

У этого селения турки попытались дать организованный отпор преследователям. Сильно потрепанная 32-я пехотная дивизия нанесла удар во фланг и тыл русского Сарыкамышского отряда, который в это время вел упорные бои с 11-м неприятельским корпусом на укрепленном пограничном рубеже. Положение там спас отряд генерала Н. Н. Баратова, командира 1-й Кавказской казачьей дивизии. Левая колонна контрнаступающего баратовского отряда захватила в плен остатки 32-й вражеской дивизии — более двух тысяч человек. Дело облегчалось тем, что турки уже не хотели сражаться, отчаявшись найти спасение среди снегов окрестных гор.

Тактический успех казачьего генерала Баратова разрешил назревший кризис на правом крыле передового Сарыкамышского отряда. В ходе приграничной битвы он устоял перед всеми атаками действовавшего против него 11-го турецкого корпуса. После разгрома 32-й пехотной дивизии, наносившей удар от Бардуса, натиск войск армии мушира Энвер-паши повсеместно ослаб.

В ходе контрудара, задуманного и осуществленного генерал-лейтенантом Н. Н. Юденичем, серьезный бой состоялся у Ардагана. Близ этого приграничного города боевое крещение приняла только что сформированная 5-я Кавказская стрелковая дивизия, полки которой поддержали славу старых кавказских гренадер. Один из ее полков — 10-й во главе с князем Цулукидзе захватил штаб 30-й турецкой дивизии вместе с ее начальником и 4-орудийную артиллерийскую батарею.

Повторное взятие Ардагана овеяло славой Сибирскую казачью бригаду генерал-майора П. П. Калитина. Бригада прибыла в

Тифлис из Туркестана походным порядком. Свой основной резерв командующий Отдельной Кавказской армией был вынужден перебросить на правое крыло растянутого по горам фронта.

25-верстный конный переход к Ардагану бригада проделала без потерь обмороженными людьми. В одну из темных и морозных ночей по глубокому снегу калитинцы подошли к городу. На подступах к нему были встречены кубанские пластуны, которые после жаркого боя оставили Ардаган под натиском превосходящих сил турецкой пехоты.

Тогда генерал-майор Калитин решил, беря инициативу в свои руки, отбить Ардаган в ту же ночь. Турки еще не знали о появлении перед городом русской конницы. Дав коням и людям немного отдохнуть, Калитин двинул бригаду к городу, до которого, судя по карте, оставалось идти еще три-четыре версты. Шел густой снег, темнота стояла полная.

1-й Сибирский казачий полк имени Ермака Тимофеевича должен был сойти с шоссе и обойти Ардаган, вновь выйти на шоссе уже за городом. Второму полку приказывалось идти по шоссе до первых домов и там остановиться. Бой должны были начать ермаковцы: шум начавшихся схваток должен был быть услышан на другом конце Ардагана, поскольку город тянулся вдоль дороги версты полторы: горы не давали разрастаться вширь.

Турки проявили полнейшую беспечность: устроив в армянской части города пожар и увлекшись грабежом домов, они не выставили на ночь ни боевого охранения, ни даже часовых. Шесть сотен казачьей конницы без шума обошли город по его окраине и оказались в ближнем тылу у неприятеля.

Дальше ардаганские события разворачивались так. Первой в город молчаливо вошла четвертая сотня 1-го Сибирского полка есаула Волкова. Уже через несколько минут она натолкнулась на густую толпу турок (это оказался целый батальон пехоты), шедших по шоссе. Была ли подана команда для атаки — никто после боя не мог сказать с уверенностью. После нескольких беспорядочных выстрелов казаки уже рубили направо и налево вражеских пехотинцев, с которыми они перемешались в толпе.

Дело было кончено в считанные минуты: пехотный батальон оказался частью вырублен, а часть сдался в плен вместе с полковым знаменем. Вслед за четвертой сотней полка ермаковцев в город влетели и остальные пять сотен: таиться в ночи теперь уже не

было смысла. Услышав на противоположном конце Ардагана ружейную пальбу, в атаку пошел и 2-й Сибирский казачий полк.

Разгром турок в Ардагане оказался полный и впечатляющий. Среди прочих трофеев 1-го Сибирского казачьего полка имени Ермака Тимофеевича оказалось знамя 8-го Константинопольского пехотного полка, одного из самых привилегированных в султанской армии. По решению Юденича оно было выставлено в Тифлисе, в музее Кавказского военного округа как один из самых почетных экспонатов.

Казаки изрубили на ардаганских улицах около 500 вражеских пехотинцев, взяв в плен около 900 человек. Только небольшой части турок удалось ускользнуть из города под покровом ночи. Потери сибирских казаков составили 16 убитых и 36 раненых, они лишились около семи десятков лошадей.

Арданское дело сибирских казаков разрушило план мушира Энвер-паши ворваться в Грузию через Боржомское ущелье. Подходившая к городу свежая турецкая пехотная дивизия, встретив случайных беглецов, остановилась и затем отошла к селению Ольты, заняв там оборону, ожидая наступления русских со стороны Ардагана.

...Главным армейским силам — Передовому Сарыкамышскому отряду, оборонявшемуся на рубеже селений Ени-Кей, Баш-Кей, генерал-лейтенант Юденич приказал наступать повсеместно, в едином порыве. Но продвижение вперед здесь шло медленно из-за глубокого снега и отчаянного сопротивления турок, которые еще только вчера сами настойчиво атаковали русских. Дело часто доходило до штыковых схваток, после которых появлялось много раненых, которых с санитарными обозами сотнями отправляли в тыл.

Поняв, что войска 11-го турецкого корпуса будут и дальше стойко обороняться, Юденич решил сломить их сопротивление обходом левого неприятельского фланга у селения Кетек. Приказ на этот нелегкий фланговый маневр получил командир 18-го Туркестанского стрелкового полка полковник Довгирт. Полк усилили четырьмя орудиями. Турки, не имея дальних дозоров, просмотрели выход русских во фланг их позиции.

В двадцатиградусную стужу туркестанские стрелки, с трудом прокладывая себе дорогу в снегу, нередко перенося орудия и боеприпасы на руках, упорно продвигались вперед. В ущельях и распадах снег местами превышал человеческий рост. Обходной путь

полк проделал за пять суток; при этом люди, не получая горячей пищи, питались почти одними сухарями.

Неожиданно появившись во вражеском тылу, стрелки развернулись в боевой порядок и перешли в атаку. На фланге 11-го турецкого корпуса началась паника. Его полки стали один за другим поспешно отступать из-за явной угрозы окружения: силы зашедших во фланг русских были неизвестны. Солдаты перестали подчиняться офицерам, а те не могли выполнять распоряжения Абдул-Керим-паши.

Под Караурганом в ходе скоротечного боя в плен был захвачен начальник 34-й турецкой пехотной дивизии со своим штабом и дивизионным знаменем.

Внезапный удар силой в один 18-й Туркестанский стрелковый полк и переход в наступление всего Сарыкамышского отряда имели полный успех. Отступление неприятельских войск вскоре стало напоминать повальное бегство. В ночь на 29 декабря турки начали скрытный отход и от селения Ольты. На горных высотах к северо-западу от Сегдасора они заняли арьергардную позицию по обе стороны от шоссе, кое-как смогли окопаться, устроить завалы на горных дорогах и тропах.

Русские обнаружили отход неприятеля только на рассвете следующего дня и сразу же двинулись в преследование. Пройдя всего восемь километров, они были встречены сильным артиллерийским огнем с закрытых позиций. Своя же полевая артиллерия находилась еще на подходе. Положение выправила вовремя подоспевшая 2-я Оренбургская казачья батарея: ее орудийные расчеты быстро развернулись и открыли огонь, который оказался на удивление всем метким и губительным.

Под прикрытием огня казачьих пушек стрелки смогли развернуться вдоль шоссе. Это напугало турок угрозой обхода их позиции с флангов. Они отступили еще дальше, заняв новую выгодную позицию. Ночью на разведку ушли четыре сотни сибирских казаков с конно-пулеметной командой. Успешно выполнив поставленную им задачу, казаки без потерь возвратились к своим. Местоположение вражеских заслонов оказалось точно установленным.

На рассвете русские вновь начали атаку вдоль шоссе. Удача сопутствовала 263-му пехотному Гунибскому полку. Его роты, попав под перекрестный огонь, все же сбили турок с позиции и обратили их в бегство. Те теперь думали только о спасении, рассеявшись по

окрестным горным лесам. Бежать по шоссе оказалось опасно из-за казачьей конницы...

Контрнаступление русских, начатое под Сарыкамышем, имело полный успех и в тактическом, и в стратегическом плане. У панисламиста Энвер-паши «кавказских Канн» не получилось. Теперь уже не он «диктовал» ход событий, полностью лишившись инициативы в начавшейся войне.

Новый, 1915 год Отдельная Кавказская армия встречала в наступательном порыве. К 5 января она вышла, перейдя повсеместно линию государственной границы, на рубеж селений Ит, Арди, Даяр. С этой линии открывались благоприятные возможности для развития наступления в глубь Турецкой Армении. Но, углубившись на вражескую территорию на 30—40 верст, Юденич приказал прекратить преследование отступающих турок.

Преследовать оказалось некого: 3-я турецкая армия была наголову разгромлена. Из ее 90-тысячного состава у мушира Энвер-паши уцелела едва седьмая часть — 12 400 полностью деморализованных людей. Продолжавшаяся почти месяц на фронте более чем в сто километров Сарыкамышская операция завершилась убедительной победой русского оружия. Ее противник понес урон в 78 тысяч человек, из которых 15 тысяч попали в плен, а остальные или были убиты и ранены, или замерзли в горах.

Теперь перед военной администрацией встала сложная по исполнению задача: в самый кратчайший срок произвести захоронение павших под Сарыкамышем турок, чтобы избежать опасности возникновения эпидемии чумы или другой заразы. Юденич приказал использовать для этой цели военнопленных; только после этого они отправлялись в глубокий тыл.

В марте 1915 года Карский окружной начальник доложил командующему армией о захоронении в братских могилах только в окрестностях селения Сарыкамыш 23 тысяч убитых турок, и что осталось предать земле еще несколько тысяч трупов.

Всего к весне 1915 года в ходе работ по очищению окрестностей Сарыкамыша было захоронено 28 тысяч человек и 13 тысяч животных (лошадей, обозных верблюдов и быков). То, чего так боялось армейское командование — эпидемии чумы, удалось избежать.

Победителям достались богатые трофеи: около 70 горных и полевых орудий (вся артиллерия 9-го и 10-го корпусов), многочис-

ленные обозы с вьючными верблюдами и лошадьми. Количество трофейного оружия и военного имущества подсчету не поддавалось. Но запасов провианта было взято немного.

3-я турецкая армия до 1918 года, до самого окончания Первой мировой войны, пребывала на Кавказском фронте против России. Но, несмотря на все значительные пополнения в людях и вооружении, она больше никогда не достигала той численности, которую имела перед началом наступательной операции на российский Сарыкамыш «с последующим выходом на берега Терека и Кубани». Стамбул оказался не в состоянии укомплектовать ее до прежней численности.

Блистательная победа для русских кавказских войск далась дорогой ценой, хотя и с меньшими людскими потерями. Отдельная армия лишилась около 26 тысяч своих бойцов убитыми, ранеными и обмороженными. Последних набиралось 6 тысяч человек. Число погибших могло быть значительно больше, но многие тяжелораненые воины были спасены в полевых госпиталях, некоторые из них героически работали под вражеским огнем в почти окруженном Сарыкамыше.

Всего же в Сарыкамышской наступательной операции участвовало около 45 тысяч русских войск. Неприятель имел в людях почти двойное превосходство.

Военный министр Турции, сложивший с себя обязанности командующего разгромленной 3-й султанской армии, 25 декабря прибыл в Эрзерум. По словам турецкого мемуариста отставного полковника Шериф-бея Кеprüлю, бывшего начальника штаба 9-го турецкого корпуса, Энвер-паша вскоре отбыл из Эрзерумской крепости в Сивас, «проклинаяемый бывшими соратниками как наемник германского императора, похоронивший в снегах Анатолийскую армию и обвинявший всех командиров в трусости.

Чтобы оправдать себя в Константинополе перед лицом партии “Единение и прогресс”, он, искажая события и факты, распространял ложные версии и клеветал на тех, кто доблестно сложил свои головы под его водительством.

Такова была цена попытки Энвера овладеть районом Карс и Ардаган, пропагандировать панисламизм и реализовать мечты пантуранизма».

Общепризнанным в мировой военной истории является то, что Сарыкамышская победа русского оружия имела сильный резо-

нанс в начавшейся полгода назад Великой войне. О победе русской армии на Кавказе много писалось в газетах, прежде всего стран Антанты.

Император Николай II, высшее командование не поскупились на награды героям-победителям. Более тысячи солдат, казаков, ополченцев и офицеров было представлено к Георгиевским наградам — Георгиевским крестам и Золотому оружию с надписью «За храбрость».

Командующий Отдельной Кавказской армией Николай Николаевич Юденич, принявший бразды правления в критические «сарыкамышские» дни, сумел продемонстрировать истинное полководческое искусство. Его заслуги были оценены высоко: званием генерала от инфантерии и орденом Святого Георгия 4-й степени «за Сарыкамыш». В наградном листе говорилось:

«Вступая 12 минувшего декабря в командование 2-м Туркестанским корпусом и получив весьма трудную и сложную задачу — удержать во что бы то ни стало напор превосходных турецких сил, действовавших в направлении Сонамер — Зивин — Караурган, и выделив достаточные силы для наступления от Сарбасана на Бардус, с целью сдержать возраставший натиск турок, наступавших от Бардуса на Сарыкамыш, выполнил эту задачу блестяще, проявив твердую решимость, личное мужество, спокойствие, хладнокровие и искусство вождения войск, причем в результате всех распоряжений и мероприятий названного генерала была обеспечена полная победа под г. Сарыкамышем».

За Сарыкамыш последовали не только награждения, но и наказания. От своих командных должностей были отстранены генералы Мышлаевский и Берхман. В прошедших событиях они продемонстрировали явную несостоятельность командования вверенными им войсками. Первый — армией, второй — 1-м Кавказским армейским корпусом. Было указано на то, что оба они в сложной обстановке утратили боевой дух и твердость в принимаемых решениях, проявив в критические минуты известные колебания. Именно они хотели отступить от Сарыкамыша и отдать его неприятелю.

Союзники России по Антанте не остались в стороне от событий на Кавказе. В Великобритании и особенно во Франции отметили блестящую победу русского оружия. 6 января 1915 года посол Французской Республики в Петрограде М. Палеолог с известной долей восторга записал в своем дневнике, который про-

дивал свет на многие события Первой мировой войны, следующие слова:

«Русские нанесли поражение туркам вблизи Сарыкамыша, по дороге из Карса в Эрзерум. Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами. Там ужасный холод, постоянные снежные бури. К тому же — никаких дорог и весь край опустошен. Кавказская армия русских совершает там каждый день изумительные подвиги...»

В самом начале Великой войны на Кавказе полководец Н.Н. Юденич показал себя мастером ведения горной войны, гораздо более многосложной, чем боевые действия в чистом поле, на равнине. Вне всякого сомнения, ему была известна мысль императора французов Наполеона Бонапарта о горной войне:

«Где может пройти козел, там может пройти человек, где пройдет человек, пройдет батальон, а где батальон, там и армия».

Еще учась в московском 3-м Александровском училище, Юденич юнкером познакомился с трудами такого видного военного теоретика прошлого, как Клаузевиц, который в эпоху наполеоновских войн успел послужить и в рядах русской армии. Уже тогда он понял, что война в горах имеет свои законы, знание которых дает военачальнику известное преимущество над любым, даже более сильным противником. С трудами Клаузевица Н.Н. Юденич более основательно и вдумчиво познакомился еще раз в стенах Николаевской академии Генерального штаба. И тогда, и теперь на него впечатление произвел трактат «О войне».

Ему, ставшему во время Сарыкамышских боев общепризнанным тактиком ведения горной войны, например, запомнились из этого военно-теоретического труда выражения автора о том, что «ничтожный отряд, прикрытый с фронта крутым скатом, а справа и слева ущельями», приобретает большую силу. Развивая эту мысль, Клаузевиц отмечал:

«Не подлежит сомнению, что небольшой отряд, удачно выбравший позицию в горах, приобретает необычную силу. Небольшая часть, которую на равнине легко прогнали бы несколько эскадронов кавалерии и которая сочла бы для себя счастливой, если поспешным отступлением ей удалось спастись бы от разгрома и плена, в горах имеет с известной, мы сказали бы с тактической наглостью выступить на глазах целой неприятельской армии и по-

гребовать от последней, чтоб ей, небольшой кучке, был оказан почет по-военному — методическим наступлением, обходом и прочим».

В противостоянии панисламисту муширу Энвер-паше и его советникам из германской военной миссии кавказский полководец продемонстрировал собственную школу ведения горной войны. Она тогда блеснула Сарыкамышской эпопеей, действиями Ольтинского отряда генерала Истомина, Ардаганским делом. Но пока это было еще только началом Первой мировой войны, когда ее волнующие мир события не развернулись в глубине Турецкой Армении, на берегах Евфрата и горной Персии.

По мнению исследователей Первой мировой войны, значение Сарыкамышской наступательной операции, так умело проведенной Н.Н. Юденичем, состояло в том, что теперь государственная граница России на Кавказе была надежно защищена. После провала плана Энвер-паши о «кавказских Каннах» союзник Германии и Австро-Венгрии султанская Турция больше не помышляла о вторжении в Закавказье и дальше за Большой Кавказский хребет. Она теперь была вынуждена защищать собственную территорию от русской армии. Только октябрь 1917 года резко изменил военно-политическую ситуацию на Кавказском фронте. Изменил определенно в пользу... проигрывавшей стороны.

После Сарыкамыша полководцу Н.Н. Юденичу больше не довелось на поле брани встретиться с муширом Энвер-пашой. Тот, после провала операции по окружению главных сил русской армии на Кавказе в духе «Канн», бесславно отбыл в Стамбул. Ярый поклонник взглядов видного германского военного теоретика генерал-фельдмаршала Альфреда фон Шлиффена так и не смог стать его великим учеником. Энвер-паше пришлось навсегда забыть о планах достижения больших побед на Кавказе.

В Стамбуле Энвер-паше больше не доверяли, в том числе и в германской военной миссии, престиж его заметно упал: настолько жестоким оказалось поражение 3-й султанской армии, самой сильной из других, под Сарыкамышем. Однако мушир и не думал расставаться с мечтой создания великого «Туранского государства», хотя сторонников у него в том после известных событий заметно поубавилось.

Панисламисты все так же считали, что в новую исламскую державу должны были войти значительные территории России, часть

населения которой составляли мусульманские народы: Закавказье, Северный Кавказ с Терекком и Кубанью, Поволжье до Казани и немалая часть Туркестана (Средней Азии). Это, не считая собственно Турции, арабских земель в Азии до Суэцкого канала, Ирана, Афганистана и прочих территорий. Таковы были мечты Энвер-паши и его единомышленников по идеям пантуранизма.

После поражения султанской Турции в Первой мировой войне и свержения младотурецкого правительства Энвер-паша бежал за границу. Так же, как и членов правящего триумvirата, Джамаль-пашу и Талаат-пашу, бывшего военного министра под давлением победителей — стран Антанты заочно приговорили к смертной казни.

Однако для истории Востока деятельный и энергичный мечтатель о великом Туране мушир Энвер-паша не потерялся. После недолгого пребывания в побежденной Германии, где у него имелись хорошие связи среди бывших военных, он в 1919 году... переехал на временное жительство в Советскую Россию, в которой еще не завершилась Гражданская война. По приглашению Карла Радека, члена Исполкома Коминтерна, известный панисламист посетил Москву.

Осенью 1920 года Энвер-паша участвовал в конференции мусульманских деятелей в городе Баку, организованной по линии Коминтерна. Однако попытка проникнуть в Турцию из советского Закавказья и организовать там борьбу против Мустафы Кемаль-паши (Ататюрка) закончилась для него неудачей.

Тогда мушир Энвер-паша осенью 1920 года уехал в Советский Туркестан, где Красной армией велась настоящая война с басмачами. Там бывший военный министр Турции создал подпольный «Комитет национального объединения», основанный на идеях панисламизма. Он становится одним из признанных лидеров басмаческого движения.

Перебравшись в Восточную Бухару (современный Таджикистан), Энвер-паша стал «прорабатывать» идею сближения на религиозной основе Турции, Афганистана, Персии и... России, имея целью создание некоего союза против Великобритании. В этом деле сторонников у него нашлось намного меньше, чем в декабрьской попытке 1914 года начать создавать великое «Туранское государство» из завоеванного российского Кавказа.

Россия все же стала местом гибели воинственного панисламиста. Только случилось это не на Кавказе, когда мушир вместе со

своими германскими советниками так счастливо избежал пленения в лесах под Сарыкамышем и у Бардусского перевала. Его деятельность завершилась тем, что в 1922 году Энвер-паша возглавил банды басмачей, действовавших при поддержке англичан, и организовал поход на Бухару, которая была взята Красной армией и эмир которой бежал в Афганистан. В одной из небольших стычек близ Бальджуана бывший военный министр Турции был убит, а его отряд разбит.

...Бывший командующий Кавказским фронтом, а затем командующий белой добровольческой Северо-Западной армией, штурмовавшей красный Петроград, генерал от инфантерии Н.Н. Юденич по газетным публикациям был знаком со многими событиями на Кавказе и в Средней Азии. Имя мушира Энвер-паши в начале 1920-х годов часто мелькало в прессе.

Юденич, оказавшись после Гражданской войны на положении эмигранта во Франции, внимательно следил по французским и эмигрантскими газетам за военными событиями, которые происходили в Советской России после официального завершения в ней Гражданской войны. В том числе ему была знакома и информация о басмаческом движении в Средней Азии, одним из лидеров которого являлся так хорошо знакомый ему мушир Энвер-паша, мечтавший водрузить зеленое знамя ислама на Тереке и Кубани, в Казани и Самарканде.

Но этого не случилось, потому что просто не могло случиться. Планы Энвер-паши по созданию великого «Туранского государства» стали достоянием мировой и отечественной истории, хотя сторонники их имеются на Востоке и в наши дни. Только сегодня «открытая» вооруженная рука для реализации этого панисламистского проекта годится мало. В ход идут иные приемы из арсеналов тайной дипломатии и возбуждения крайних религиозных настроений. И при этом как-то стараются не вспоминать ход и финалы кавказских войн России.

Глава 11

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ, ШАГНУВШАЯ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЗАКАВКАЗЬЕ

Сепаратный Брест-Литовский мирный договор, по которому Советская Россия выходила из Первой мировой войны, в своих последствиях неизбежно отразился и на Кавказе. Германские войска появились в Грузии, что было сделано по договоренности с Грузинским национальным советом во главе с меньшевиком Н. Жордания.

25 мая 1918 года 3-тысячный отряд немецких войск высадился в Поти. 10 июня германские части вошли в Тифлис. Генерал Э. Людендорф в своих мемуарах писал по поводу оккупации западной части бывшего российского Закавказья:

«По соглашению с Турцией, полковник фон Кресс должен был организовать эксплуатацию железной дороги Батум — Тифлис — Баку, на которой имелся большой парк вагонов-цистерн. Но основным вопросом во всем этом, конечно, было, как нам попасть в Баку. Счеты с Советским правительством и в данном случае мешали действовать быстро и энергично».

Фон Кресс, ставший генералом, и германская миссия действовала в Грузии, 26 мая объявившей о своей государственной независимости, как в стране, оказавшейся под эгидой Германии и которую оккупировали немецкие войска. С тифлисским правительством заключаются соглашения о взятии под свой контроль железнодорожного и морского транспорта, Чиатурских марганцевых рудников и Ткибульских угольных шахт. Оккупанты получают право беспрепятственного вывоза сырья и продовольствия.

Глава германской миссии генерал Кресс в письме рейхсканцлеру от 8 сентября 1918 года представил список лиц из руководства Грузии к награждению орденами. Первым в этом списке стоял министр-президент Н. Жордания.

Когда правительственная делегация Грузии посетила с официальным визитом Берлин. Один из членов делегации в ходе переговоров задал немецкой стороне такой вопрос:

«Как вы рисуете себе в будущем положение представителя Германии в Грузии?»

На это последовал такой ответ:

«По форме — это обычный дипломатический представитель; по существу он, может быть, приближался бы к английскому резиденту при самостоятельном Индийском государстве».

В 1918 году наряду с меньшевистской Грузией в Закавказье было создано еще два независимых государства — дашнакская Армения и мусаватистский Азербайджан. Между этими тремя странами, в свое время по доброй воле ставшими частью Российской империи, почти сразу же начались вооруженные пограничные конфликты.

Вместе с Германией на территорию Закавказья ввела свои войска и ее союзница Турция, военный министр которой Энвер-паша, идеолог пантюркизма, мечтал о великом Туранском государстве до Самарканда и Казани. Турция, в годы Первой мировой войны терпевшая от русской Кавказской армии генерала от инфантерии Н.Н. Юденича только одни тяжелые поражения, теперь смело шагнула через уже бывшую границу бывшей старой России.

В апреле турецкие войска начали наступление на Армению. Был взят город Александрополь, после боев турки оказались перед Эриванью (Ереваном). Путь потомков османов по армянской земле сопровождался массовой резней местных жителей-христиан и грабежами.

После этого турецкие войска (две пехотные дивизии) стали сосредотачиваться в Гяндже для похода на Баку. Здесь 17 июня подопекой султанского командующего Нури-паши было сформировано мусаватистское правительство Азербайджана. Вскоре турки вошли в Баку, где произошла резня армян.

Бакинская коммуна и ее вооруженные силы не смогли отстоять город. Казачий отряд полковника Л. Бичерахова, прибывший в Баку из северной Персии, ушел в Дагестан, где на Тереке готовил

антибольшевистское восстание Г. Бичерахов. Советская власть в Баку пала.

С официальным признанием Германии и ее союзников поражения в Первой мировой войне немецкие и турецкие войска покинули Закавказье. На их месте в Баку пришли англичане. Главные силы их экспедиционного корпуса находились на Каспии в иранском порту Энзели.

Англичане объявили Каспийское море своим. Они даже заявили, что не потерпят на этом море вида русского Андреевского флага. Вооруженные пароходы, ставшие на время военных действий вспомогательными крейсерами, позволили англичанам взять под свой контроль Каспий.

Разгром деникинских Вооруженных сил Юга России, а затем — освобождение Крыма и уход Русской армии генерала Врангеля в добровольную эмиграцию поставило на повестку дня установление Советской власти в Закавказье. К тому времени державы Антанты признали де-факто существование правительств Грузии, Армении и Азербайджана.

По указанию Совнаркома РСФСР 22 марта 1920 года была отдана директива о наступлении на Баку. Операция поручалась 11-й армии М. К. Левандовского. Обстановка складывалась самая благоприятная. Правительственные партии Азербайджана «Мусават» («Единство») и «Иттихад» («Единение») переживали внутренний раскол. В мусаватистских войсках процветало дезертирство. Подпольные большевистские организации Баку были готовы поднять восстание.

Мусаватистское правительство Усуббекова располагало вооруженными силами численностью до 30 тысяч человек, в том числе регулярной пехоты — до 15 тысяч штыков, кавалерии — до 5 тысяч сабель. Артиллерия была малочисленной и состояла из легкой и гаубичной батарей, береговой артиллерии (15 орудий). Кроме того, имелось 2 бронепоезда, 2 тяжелых броневика и 3 самолета.

В это время шла Армяно-азербайджанская война 1919—1920 годов. Главные силы азербайджанской армии (20 тысяч человек) вели бои с дашнакской армией в районе Карабаха и Зангезура. Вблизи границы Дагестана с Азербайджаном находилось около 3 тысяч войск с двумя бронепоездами. Непосредственно на границе стоял жандармский дивизион. Бакинский гарнизон имел около 3 тысяч человек.

Сосредоточившись для наступления в районе Дербента, 11-я армия включала в себя три стрелковые и одну кавалерийскую дивизии, отдельный конный корпус. Всего: 23 276 человек, 129 орудий, 732 пулемета, 8 бронепоездов и 15 самолетов. В ходе операции армию поддерживала со стороны моря Волжско-Каспийская военная флотилия.

Председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ленин телеграфировал в адрес Реввоенсовета Кавказского фронта:

«Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам...

Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее. О ходе дела сообщайте точнее и чаще».

Бакинская наступательная операция началась в ночь на 28 апреля 1920 года. Четыре бронепоезда 11-й армии («III Интернационал», «Красный Дагестан», «Тимофей Ульянов» и «Красная Астрахань») с десантом из двух стрелковых рот (300 человек) вышли из района Дербента и двинулись к границе.

Задача армейского авангарда состояла в стремительном прорыве по железной дороге в Баку с целью, прежде всего, недопущения сожжения неприятелем бакинских нефтепромыслов и запасов нефти (на складах к началу года скопилось ее 241 тысяча пудов), захвата в городе железнодорожной станции и морского порта.

Отряд бронепоездов, сбив пехотные и кавалерийские заслоны мусаватистов у станций Ялама и Леджет, обратив в бегство неприятельский бронепоезд, занял позиции близ Баку. Утром 28 апреля два головных бронепоезда с десантом на борту прибыли на станцию Баку.

В 40 километрах южнее Баку, близ станции Аляты был высажен десант (650 штыков с 4 орудиями и пулеметами) с кораблей Волжско-Каспийской флотилии. Каспийская военная флотилия мусаватистов (канонерские лодки «Карс» и «Ардаган», вооруженный пароход «Геок-Тепе» и 12 торговых судов) перешла на сторону Советской власти. В тот же день произошло восстание в Гяндже. Мусаватистское правительство бежало в Грузию.

День 28 апреля 1920 года стал днем рождения Азербайджанской ССР. В телеграмме в Москву на имя В.И. Ленина Реввоенсовет 11-й армии доносил:

«Азербайджанские трудовые массы с помощью Красной Армии свергли буржуазное правительство и установили Советскую власть...

Многомиллионные запасы нефти отныне вырваны из рук международной буржуазии и стали достоянием пролетариата...

Трудящиеся массы Азербайджана восторженно приветствуют Красную Армию, как освободительницу от ига капитала. Красноармейцы ведут себя как достойные сыны пролетарского государства...»

Части 11-й армии Левандовского, почти без сопротивления со стороны военных сил мусаватистов, заняли всю территорию Азербайджана, выйдя 4 мая к границе с Ираном. Единственным серьезным столкновением в те дни стал бой частей 7-й Кавалерийской дивизии с Кубинским пехотным полком мусаватистов.

В двухтомной «Истории Гражданской войны в СССР» (издание 1986 года) говорится:

«1 мая в Баку состоялся парад частей 11-й армии, демонстрация трудящихся и массовое гулянье жителей. Стоявшие на Бакинском рейде в полной боевой готовности корабли Волжско-Каспийской военной флотилии охраняли эти торжества от возможных провокаций со стороны контрреволюции».

В состав Волжско-Каспийской флотилии входило свыше 200 боевых кораблей и различных судов, в том числе 3 вспомогательных крейсера, 13 эсминцев, 3 миноносца, 4 подводные лодки, 38 канонерских лодок, 30 сторожевых кораблей, 6 плавучих батарей и около 90 вспомогательных судов, а также отряды самолетов и дирижаблей. Главной базой флотилии являлась Астрахань.

5 июля 1920 года Волжско-Каспийская военная флотилия была переименована в Каспийскую военную флотилию. В середине того же месяца она была объединена с Красным флотом Советского Азербайджана в морские силы Каспийского моря. Теперь главной базой стал Баку.

Далее на повестку дня встало полное очищение Каспийского моря от морских сил неприятеля. Речь шла об Энзелийской операции: белогвардейцы и англичане увели на юг Каспия, в иранский порт Энзели, большую часть флота. В этом городе располагалась бригада 36-й английской пехотной дивизии (индийцы-сипаи) с двумя батареями (одна из них была плавучей, защищая вход в бухту).

Для операции выделялось 2 вспомогательных крейсера, 4 эсминца, 2 канонерские лодки, 2 сторожевых катера, один тральщик, три транспорта с 2-тысячным десантом моряков.

Для действий с суши на Энзели был выделен от 11-й армии кавалерийский дивизион, тыл которого обеспечивался 7-м Ширванским полком (ему предстояло на время занять иранский город Ардебиль). Энзелийской операцией руководил И. К. Кожанов.

Появление 18 мая перед Энзели советских кораблей и высадка сильного десанта стала для местного гарнизона полной неожиданностью. После артиллерийского обстрела с моря Казьяна, где находился штаб британцев, единственным боевым эпизодом стала попытка английского торпедного катера атаковать вспомогательный крейсер «Роза Люксембург». Однако эта попытка неприятеля была пресечена сторожевым катером «Дерзкий».

Английское командование отвело свои войска из Энзели в соседний Решт. Советские корабли вошли в гавань Энзели и «приняли уведенный врагами» Каспийский флот: 10 вспомогательных крейсеров (вооруженных пароходов), 7 морских транспортов, 4 минных катера-истребителя.

Трофеями морского десанта стали свыше 50 орудий, 6 гидросамолетов, 20 радиостанций, 20 тысяч артиллерийских снарядов, 160 тысяч пудов хлопка, 25 тысяч пудов рельсов, до 8 тысяч пудов меди и прочее.

Выполнив поставленную задачу, 6 июня советская флотилия покинула территорию и территориальные воды Ирана. Совет Народных Комиссаров РСФСР объявил Каспийское море свободным для плавания иранских судов и безвозмездно, как дружеский шаг, передал соседнему Ирану русские торговые учреждения в Энзели.

Установление новой власти в Азербайджане не прошло без осложнений. Вскоре 11-й армии Левандовского, а также местным советским воинским формированиям (в том числе дивизии, созданной из рабочих отрядов Баку) в мае — июне 1920 года пришлось столкнуться с рядом мятежей, организованных мусаватистами в Гяндже, Карабахе, Закаталах и ряде других уездов. В рядах мятежников присутствовали турецкие офицеры.

Особенно упорные 6-дневные бои прошли в Гяндже. В них от 11-й армии участвовали части стрелковой и кавалерийской дивизии, Таманская кавалерийская бригада. Мятежники-мусаватисты подверглись разгрому и в других уездах.

В ходе тех событий войска 11-й армии «освободили от контрреволюционеров» Нахичевань, где прекратились кровавые столкновения между армянами и азербайджанцами. Была образована Нахичеванская АССР, а местные крестьяне-беженцы получили от СНК РСФСР безвозмездно 100 тысяч пудов пшеницы.

Приближение войск 11-й армии Левандовского к границам Армении сильно повлияло на ситуацию в этой республике. Там вспыхнуло Майское восстание, во главе которого встал Военно-революционный комитет Армении во главе с А.С. Нуридзяном. Центром восстания стал город Александрополь.

Дашнакское правительство А. Хитисяна подало в отставку. Верховный комиссар Антанты американский полковник Хаскел со своей миссией покинул страну. Во главе нового правительства стал лидер дашнакской партии А. Оганджян, который, получив чрезвычайные полномочия, смог силой оружия подавить Майское восстание.

10 августа 1920 года между державами Антанты и султанской Турцией был подписан Севрский мирный договор. По нему к дашнакской Армении отходили Ванский, Битлисский, часть Эрзурумского и Трапезундского (Трабзонского) вилайетов (областей) побежденной Турции.

Однако Турция и не думала лишаться немалой части Турецкой Армении (Западной Армении). Она решила решить территориальный вопрос с соседом до ратификации Севрского мирного договора. 20 сентября между турецкими войсками (50 тысяч человек) и войсками дашнаков (30 тысяч человек) начались первые бои. Турки, наступая, овладели Сарыкамышем, Ардаганом, городом-крепостью Карс.

В том военном конфликте меньшевистская Грузия заявила о своем нейтралитете. Ереван отверг предложения Москвы о посредничестве в дипломатическом урегулировании начавшейся войны. В ноябре турки захватили Александрополь и железнодорожную станцию Агин. Теперь под ударом оказалась Эривань.

2 декабря Армения подписала с Турцией уничижительный Александропольский договор. За ней оставались лишь районы Эривани и озера Гокча (Севан). Дашнакская армия разоружалась. Армения имела право содержать лишь полк пехоты в 1500 человек с 8 орудиями и 20 пулеметами.

Однако Александропольский договор реализован не был. Созданный в ноябре того же года в Баку Революционный комитет Армении во главе с С.И. Касьяном перебрался к армянской границе в Казах. Туда же прибыл Армянский коммунистический полк, который вместе с Ревкомом утром 29 ноября пересек границу. Дашнакские части без сопротивления переходили на сторону повстанцев.

На следующий день, 30 ноября, Ревком из Дилижана телеграфной строкой обратился к Москве за помощью. Командарм Левандовский своим приказом создает специальную группу эриванского направления во главе с начальником 20-й стрелковой дивизии М.Д. Великановым. В авангардную колонну вошло четыре полка и Армянский полк особого назначения.

Войска дашнакского правительства в приграничной полосе насчитывали около 7 тысяч штыков, до 1200 сабель, 66 пулеметов, 26 орудий, 3 бронепоезда, не считая так называемых отрядов маузеристов. Но эти силы сопротивления наступающей группе Великанова сопротивления не оказали. Дашнаки складывали оружие и сдавались в плен.

4 декабря 1920 года войска 11-й армии и отряды местных повстанцев вступили в Эривань. За два дня до этого события правительство РСФСР подписало с правительством Советской Армении соглашение о военном и экономическом союзе.

Теперь в Закавказье «оплотом Антанты» оставалась только меньшевистская Грузия, «где подвизались бывшие лидеры II Интернационала». Дипломатические отношения между Москвой и Тифлисом не сложились сразу. Тогда по директиве Кавказского бюро ЦК РКП(б) ЦК компартии Грузии принял решение поднять восстание, которое началось в ночь на 12 февраля 1921 года в Лорийском районе. Вскоре оно перекинулось на другие районы.

Уже 14 февраля председатель Совнаркома В.И. Ленин телеграфировал в штаб 11-й армии:

«Цека склонно разрешить 11-ой армии активную помощь восстанию в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены РВС 11 (армии) после серьезного рассмотрения всех данных ручаются за успех».

16 февраля в городе Шулавери был создан Ревком Грузии. В тот же день он обратился в Москву с просьбой об оказании помощи. В обращении выражалась уверенность, что Советская Россия ока-

жет помощь новорожденной Социалистической Советской Республике Грузия.

Оказании помощи грузинским трудящимся было поручено войскам Кавказского фронта (командующий — В.М. Гиттис). Непосредственная задача ставилась 11-й (новый командующий — А.И. Геккер) и 9-й армиям (командующий — В.Н. Чернышов) и Терской группе войск.

11-я армия наступала на Тифлис со стороны Азербайджана и Армении. 9-я армия — вдоль черноморского побережья Кавказа. Терская группа войск — из Северной Осетии по Военно-Грузинской дороге. Содействие им оказывали отряды грузинских повстанцев и Абхазский партизанский отряд.

Тифлисская наступательная операция началась утром 16 февраля. Участвовавшие в ней войска 11-й армии насчитывали около 40,2 тысяч штыков и сабель, 196 орудий, 1065 пулеметов, 7 бронепоездов, 8 танков и броневедомостей, 50 самолетов. Это не считая отряда повстанцев Ревкома Грузии.

11-й армии противостояли главные силы армии меньшевистской Грузии: до 50 тысяч штыков и сабель, 122 орудия, 1225 пулеметов, 4 бронепоезда, 16 танков и броневедомостей, 56 самолетов. Основу грузинской армии составляла так называемая «народная гвардия».

Из этих сил приграничье на тифлисском направлении прикрывали 32,8 тысячи штыков, 264 сабли с 521 пулеметом, 56 легкими и 18 тяжелыми орудиями. Они оборонялись на подготовленных позициях.

В результате внезапного удара 172-го стрелкового полка и бронепоезда был захвачен Красный мост через реку Куру. Прорвавшийся на противоположный берег бронепоезд взял в плен 300 грузинских солдат с 4 пулеметами. Однако другой мост через Куру — Пойлинский — был взорван противником.

Теперь дорога на Тифлис бронепоездам оказалась перекрыта. Советские части, пехота и кавалерия, форсировали бурную Куру и закрепились с боем на противоположном берегу. В первый день наступления, 16 февраля, в плен сдались до 2 тысяч солдат и офицеров противника.

За четыре дня Пойлинский мост был восстановлен под руководством начальника Азнефти А.П. Серебровского, и по нему стали перебрасываться артиллерия, танки, пошли бронепоезда. Пер-

вым восстановленный мост прошел бронепоезд № 7 «имени Шаумяна — Джапаридзе».

Войска меньшевистского правительства Н. Жордания отошли на укрепленные ягулджинские позиции, защищавшие ближайшие подступы к Тифлису. Но наступление советских войск вскоре замедлилось по ряду серьезных причин.

9-я армия встретила упорное сопротивление в самом начале продвижения. Терская группа задержалась на перевалах из-за сильных снегопадов. Командование 11-й армии вынуждено было часть своих сил направить в Армению, где начался мятеж дашнаков.

17—19 февраля под Тифлисом прошли сильные бои, но 11-я армия не смогла выполнить свою главную задачу — «освободить Тифлис». Противная сторона послала в бой все, что имелось под рукой, в том числе юнкерское училище, унтер-офицерскую школу и «народную гвардию».

Наступление на Тифлис 11-я армия возобновила на рассвете 24 февраля. В следующую ночь была взята укрепленная позиция на Коджорских высотах. Путь к городу был открыт. К тому времени 18-я и 12-я кавалерийские дивизии после упорного боя овладели поселком Фриденталь и железнодорожной станцией Вазиани.

Когда началась решительная атака на сам Тифлис, остатки разбитой армии меньшевистского правительства отступили в сторону Кутаиса (Кутаиси) и дальше на Батум (Батуми). 25 февраля советские войска вступили в столицу Грузии. Этот день 1921 года стал считаться днем рождения Грузинской ССР.

26 февраля Ревком Грузии опубликовал свой первый приказ — о свержении меньшевистской власти. В тот же день было образовано рабоче-крестьянское правительство Советской Грузии.

Однако отступившие из Тифлиса войска правительства меньшевиков складывать оружия не собирались. В начале марта центром военных действий стала Западная Грузия с центром в Кутаисе. Абхазия, Аджария, Ахалцыхский уезд. Считается, что противник на 1 марта имел 5 тысяч штыков, 300 сабель, несколько бронепоездов и бронемашин.

10 марта, в результате охвата с трех сторон, после двухчасового боя части 31-й отдельной Черноморской стрелковой дивизии и 98-й стрелковой бригады вместе с дигорскими (осетинскими) отрядами повстанцев и Терским кавалерийским эскадроном заняли город Кутаис.

Правительство меньшевиков укрылось в Батуме, гарнизон которого насчитывал до 4 тысяч грузинских и до 3,5 тысяч турецких войск. 10 марта командующий 11-й армией Геккер в своем приказе по армии потребовал немедленно ликвидировать грузинскую армию и занять Батум.

На следующий день, 11 марта, бежавшее в Аджарию правительство Грузии во главе с Н. Жордания дало согласие на оккупацию Батума турецкими войсками. Стал назревать конфликт между Советской Россией и Турцией Кемаля Ататюрка, которого в противостоянии Антанте поддерживала Москва.

Командующий турецкими войсками в Аджарии Карабекир-паша в телеграмме на имя командующего 11-й армией сообщил, что по постановлению Великого национального собрания Турции Батум и области Ахалцых и Ахалкалаки присоединяются к Турции как ее законная часть. И что он, Карабекир-паша, отдал приказ своим войскам о занятии упомянутых районов.

Такая телеграмма не смутила командарма Геккера. Его полки начали наступление на Батум сразу по нескольким направлениям: через труднодоступный, лежащий в снегах Годерзский перевал из Ахалцыха, вдоль железной дороги по берегу Черного моря.

Было решено занять Батум до подхода к нему главных сил Карабекир-паши. Наступающие войска по пути серьезного сопротивления не встретили. Противник оставил город. Меншевицское правительство в ночь на 18 марта на итальянском пароходе отправилось в эмиграцию в Турцию под прикрытием французских миноносцев.

Советские войска и отряды местных повстанцев заняли Батум 21 марта. С вечера 17 марта в нем уже действовал Ревком под председательством С.И. Кавтарадзе, созданный местными жителями и солдатами грузинской армии, который 18 марта провозгласил Советскую власть в Аджарии.

Вскоре после занятия Батума последние очаги сопротивления Советской власти были погашены. Пограничный конфликт на границе с Турцией так и не вспыхнул. Один из участников тех событий С. Лекишвили вспоминал:

«Солдаты меньшевицской армии очевидно не расположены были к защите правительства, которое привело страну к ужасающему голоду и кровавым расправам над крестьянством.

Ожесточенно дрались только юнкера и всякого рода добровольческие отряды, наскоро сколоченные из дворян и "золотой молодежи". С ними были довольно серьезные стычки...»

Однако бегство правительства Н. Жордания из страны совсем не означало, что противники власти Советов в Грузии сложили оружие. В августе 1922 года в горы Хевсурети была направлена военная экспедиция в составе 1-го стрелкового легиона (полка), Тифлисского пехотного училища, Сводной военной школы и учебного батальона (школы младших командиров). В задачу экспедиции входила ликвидация крупной «уголовно-меньшевистской банды», которой руководил князь Кайхосро (Какуца) Чолокашвили.

Бои с отрядом бывшего командира дивизиона армии бежавшего правительства и подполковника старой русской армии проходили в Телавском и Тианетском районах. К началу сентября в Хевсуретии были ликвидированы очаги сопротивления Советской власти.

В феврале 1923 года подобная операция проводилась в Озургетском (ныне Махарадзевском) уезде (районе). Здесь были ликвидированы «уголовно-меньшевистские банды» Власа Манцава и Гогия Глonti.

Летом 1924 года проводились операции против «крупных контрреволюционных банд в Западной Грузии». Бои велись в Чнатурском, Сачхерском и близлежащих к ним районах...

Установление Советской власти в Азербайджане, Армении и Грузии проходило под эхо боев на Северном Кавказе. Там осенью 1920 года в Дагестане и Чечне вспыхнули, как писали газеты, «контрреволюционные мятежи». Во главе их стояли турок Нури-паша, Узун-Хаджи, Казим-бек, «лжеимам» Али-Гаджи Акушинский. Подавление мятежей было связано с известными трудностями, поскольку военные действия проходили в горах.

В январе 1921 года советские войска, действовавшие в Дагестане и Чечне, объединяются в оперативном отношении в единую Терско-Дагестанскую группу войск. Во главе ее ставится теперь уже бывший командующий 11-й армией М.К. Левандовский, хорошо зарекомендовавший себя при проведении наступательных операций в Азербайджане и Армении. Он находился в непосредственном подчинении Реввоенсовета Кавказского фронта.

В состав этого объединения вошли две группы войск, участвовавших в подавлении мятежей в горах. В Чечне действовала Терс-

кая (или Ботлихская) группа (командующий — Г. Гусельников). Она состояла из 33-й стрелковой дивизии, бригады 9-й стрелковой дивизии, бригады 18-й кавалерийской дивизии, кавалерийского полка, бронечастей и авиации.

Дагестанской группой командовал А.И. Тодорский. Его силы состояли из 2-й Московской курсантской бригады, 14-й стрелковой дивизии, двух бригад 32-й стрелковой дивизии, полка 20-й стрелковой дивизии, бригады 18-й стрелковой дивизии, бронечастей и авиации.

Эти войска с прибытием командарма Левандовского повели последовательные наступательные операции в горах против мятежников. Большую помощь им оказывали местные партизанские отряды горской бедноты. К 15 марта 1921 года мятежи в горах Дагестана и Чечни были ликвидированы.

Эти повстанческие выступления начались почти сразу же после оставления белыми Вооруженными силами Юга России Северного Кавказа в начале 1920 года. Уже в сентябре этого года в Чечне и горном Дагестане вновь загремели выстрелы, началось противостояние мятежных горцев с Красной Армией. В соседнем дагестанском Хасавюртовском районе было введено осадное положение.

В Дагестане это вылилось в так называемое «квазишамилевское движение». Его лозунгами были ликвидация дагестанской автономии и создание шариатской монархии «образца имамата Шамиля» середины XIX столетия. Нашелся и вождь, которым оказался внук Шамиля, офицер французской службы Сеид-бек. В воззваниях и документах он подписывался «знаковым» именем своего знаменитого деда.

Впрочем, на место вождя претендентов было более чем достаточно. Это были один из самых богатых людей горного края Нажмудин Гоцинский, Узун-Хаджи, полковник Алиханов... К началу весны 1921 годы силы повстанцев доходили «до 10 тысяч штыков и сабель».

К началу лета они были разбиты, «оставшиеся формирования повстанцев рассеялись по недоступным горным ущельям и пещерам». 21 апреля штаб Северо-Кавказского военного округа получил с места событий телеграмму о «ликвидации политического бандитизма».

В Чечне те события географически стали неким прообразом событий Первой и Второй Чеченских войн на рубеже XX и XXI веков. «Устойчивыми» центрами антисоветских мятежей стали Урус-Мартановский, Шатоевский и Веденский районы.

В дагестанских горах сторонники идей имама Шамиля были особенно активны в районах аулов Хунзах и Гуниб, с которыми были связаны многие события канувшей в историю Кавказской войны 1817—1864 годов.

Созданная для борьбы с мятежами в горах Терско-Дагестанская группа Красной Армии в начальный период понесла ряд неудач, продвижение войск в горы велось темпами, которые вызывали у командования опасения за успех операции. В марте 1922 года штаб Северо-Кавказского военного округа доносил в Москву о необходимости следующих мер для ликвидации мятежа в Чечне и разоружения ее населения:

«Необходимо усилить гарнизоны крепостей Шатой и Ведено, выставить достаточной силы заслон на границе Чечни и Дагестана. Разоружение должно начаться с плоскостной Чечни, дабы обезопасить район Грозного.

Операция должна вестись самым настоящим образом вплоть до уничтожения непокорных аулов...»

Эта операция началась в мае 1922 года, когда дороги подсохли и было стянуто достаточно войск. Особенно много оружия «дали» аулы Махкеты, Гойты и Катыр-Юрт. Но оружие сдавалось не добровольным порядком, а принуждением силой. Последние из этих аулов пришлось даже подвергнуть бомбардировке с воздуха. В дело пускалась и артиллерия.

Очередная операция, и тоже с применением военной силы, по разоружению Чечни была проведена войсками Северо-Кавказского военного округа в декабре 1924 года. Ее «плоды» впечатляли не менее, чем результаты первой спецоперации.

Однако и после нее «вооруженные беспорядки и уголовно-политический» бандитизм не прекратился. На местных рынках, таких как в Шатое и Урус-Мартане, почти в открытую торговали винтовками и револьверами, патронами и прочими предметами вооружения. Кавалерийская винтовка стоила 12 рублей, пехотная — 10, револьвер «Наган» — от 15 до 25, маузер — 50—70 рублей. Цена винтовочного патрона составляла 35 копеек, а револьверного — 50 копеек.

Первые две операции по разоружению Чечни должных результатов для их организаторов не дали, хотя задействовано было, как казалось, вполне достаточно сил. Новая подобная крупномасштабная операция проводится в августе — сентябре 1925 года. Ее «разработчиками» стали командующий округом И.П. Уборевич и начальник его штаба М.И. Алафузо.

К операции привлекались около 7 тысяч человек при 240 пулеметах и 24 орудиях, бронепоезд и два авиационных отряда. Анализируя ситуацию в Чечне, штаб Северо-Кавказского военного округа констатировал следующее:

«Значительно ослабленная в результате войн и революции экономика края поставила маломощную Чечню в особотрудные условия, отбросив ее к первобытным условиям хозяйства.

В Чечне происходила ожесточенная борьба за власть под лозунгами национального освобождения, автономии и спасения религии. Эта борьба привела Чечню в состояние полной анархии с чрезвычайно усилившимся политическим и уголовным бандитизмом...»

Операция по разоружению чеченских аулов и в 1925 году планировалась тщательно, тем более, что учитывался опыт предыдущих подобных силовых действий. Она строилась так, как это говорилось в одном из штабных документов:

«... На стремительном разоружении крупными силами наиболее бандитски настроенных регионов с применением максимума репрессий, дабы сразу заставить население выдать скрывающихся там главарей.

В дальнейшем при удачном исходе планировалось более мелкое дробление сил с целью охвата всей Чечни...»

В первый день операции аул Ачхой сдал 228 винтовок и 32 револьвера. Аул Зумсой за два дня сдал 129 винтовок, аул Келой за день выдал 59 винтовок и 9 револьверов. Урус-Мартан («столица Чечни») — более 1000 винтовок и около 400 револьверов...

В итоговом донесении о результатах операции по разоружению Чечни в 1925 году приводились следующие результаты:

«...Потери участвовавших в операции частей составили 5 убитых, 9 раненых и 10 лошадей.

Репрессии выразились в воздушной бомбардировке 16 аулов, ружейно-пулеметном и артиллерийском обстреле 101 населенного пункта из общего количества 242 аулов.

Среди населения во время обстрела убито 6 человек и ранено 30 человек, убито 12 бандитов, взорвано 119 домов (руководителей местных повстанцев. — *А.Ш.*).

Изъято (арестовано) более 300 человек бандэлемента, самыми видными из которого являются: Нажмудин Гоцинский, Атаби Шамилев и Эмин Ансалтинский.

За время операции изъято 25 299 винтовок, 4 319 револьверов, 1 пулемет и около 80 тысяч патронов...»

В том же 1925 году проводилась операция по разоружению населения Дагестана, прежде всего трех его районов — Даргинского, Кайтаго-Табасаранского и Кюринского. По оценке ОГПУ запасы «незаконно хранящегося оружия» в Дагестане оценивались в 100 тысяч стволов.

По решению Москвы в операции принимали участие следующие войска: 2, 22 и 28-я стрелковые дивизии, 5-я кавалерийская дивизия, сводный национальный кавалерийский полк, автобронедивизион, окружная военно-политическая школа, две школы ГПУ, авиационные части. Всего: около 16 тысяч человек, 350 пулеметов, более 30 орудий, 6 бронемашин, бронепоезд и 18 самолетов.

К началу операции границы Дагестана были блокированы войсками Кавказской армии, отрядами Чеченского и Терского отделов ОГПУ.

Количество изъятого оружия составило три четверти «запланированного» числа стволов: почти 39 тысяч винтовок, почти 20 тысяч револьверов, 563 гранаты и 9 пулеметов. «Перевыполнили» план сдачи оружия Хасавюртовский район (150 процентов) и Ачикулакский район (200 процентов).

Из этого числа бывшим красным партизанам, членам партии и комсомола, работникам сельских советов — опоре Советской власти, а также для вооружения пастухов и работников лесной охраны было оставлено почти 5,5 тысяч винтовок, 4,7 тысяч револьверов и 4 пулемета. 4 пулемета передали местной милиции.

Реввоенсовет Северо-Кавказского военного округа так оценивал операцию по «разоружению Дагестана», ситуация в котором требовала «дополнительной выкачки оружия»:

«Выкачка оружия завершена успешно, угроза Советской власти со стороны местных контрреволюционеров ликвидирована,

обезврежен мюридизм и скомпрометирована база мусульманского духовенства».

Десятки тысяч выданных местным населением частям Красной Армии винтовок, револьверов, шашек и прочего проблемы борьбы с бандитизмом и мятежными настроениями в Чечне проблемы не решили. В горах испокон веков всякого оружия бережно хранилось более чем достаточно.

Новый крупный антисоветский мятеж в Чечне вспыхнул в декабре 1929 года. Он был подавлен военной силой — сводным окружным отрядом (около 2 тысяч человек при 75 пулеметах, 11 орудиях и 7 самолетах). Потери отряда составили 21 красноармейцев погибших и умерших от ран, 22 раненых. Было изъято 290 винтовок, а также значительное число устаревшего огнестрельного и холодного оружия, которое ранее не изымалось.

Мятеж, начавшись в ауле Беной, повторился в 1932 году, но уже с новой силой. Его центрами стали селения Шали, Гойты, Беной, Ножай-Юрт. Особенностью его было то, что «бандформирования» пытались перенести военные действия на соседние районы горного Дагестана — Гунбетовский, Андийский и Ауховский.

Расследование показало, что планировалось всяческое препятствие частям Красной Армии, стягивавшимся для подавления мятежа. С этой целью намечалось взятие железнодорожной станции Гудермес, разрушение мостов на железной дороге, устройство заволов и прочее.

Штаб Северо-Кавказского военного округа по итогам операции по ликвидации мятежа 1932 года подготовил ряд аналитических материалов, актуальность которых не умаляется и в наши дни, когда на Кавказе льется кровь. В одном из таких документов говорилось следующее:

«Отличительные черты выступления: организованность, массовое участие населения, исключительная жестокость повстанцев в боях. непрерывные контратаки, невзирая на большие потери, религиозные песни при атаках, участие женщин в боях...»

В том же документе приводятся итоги операции по ликвидации мятежа в Чечне: «Потери повстанцев — 333 убитых, 150 раненых. Наши потери — 27 убитых, 30 раненых»

После подавления мятежа 1932 года наступило некоторое затишье. Однако отдельные выступления местных «бандформиро-

ваний» и «глухое брожение» против Советской власти на Кавказе продолжались еще многие годы, вплоть до 1941 года, до начала Великой Отечественной войны. Не раз, особенно в Чечне, проводились «спецоперации» по изъятию оружия у местного населения, но меньшего, локального масштаба.

Глава 12

ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА КАВКАЗЕ И ДЕПОРТАЦИИ 1940-Х ГОДОВ

Германские войска вышли на подступы к Северному Кавказу осенью 1941 года, население Чечни «почувствовало непрочность власти» и в ней вновь началось повстанческое движение. То есть вновь на повестку дня стал вопрос борьбы с «политическим и уголовным бандитизмом».

Руководители Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) и управления областного НКВД планировали на первых порах подавить проявления повстанчества силами одного батальона. Потом в дело вступил горнострелковый полк, который своими усилиями не смог навести должный порядок. Да и к тому же линия фронта приближалась к Грозному.

Нападения на колхозы с целью грабежа продолжались, равно как и нападения на небольшие подразделения советских войск и отдельных военнослужащих.

Известно, что часть чеченских повстанцев сумела установить связь с германским командованием. Продвигавшиеся на юго-восток горнопехотные части группы армий «Юг» получили от них помощь, которую значительной назвать, пожалуй, нельзя.

Согласно рассекреченным архивным документам, сегодня можно утверждать, что немецкая разведка загодя готовилась к появлению на Северном Кавказе армий гитлеровского вермахта. То есть готовилась к 1941 году. Итогом деятельности германской агентуры можно считать создание подпольной организации фашистского

толка, известной под названием «Кавказские орлы». То есть внутри Советского союза была оформлена «пятая колонна», готовая выступить с оружием в руках.

География этой организации охватывала Чечню и Пригородный район Ингушетии. Лидерами ее были братья Хасан и Хусейн Исраиловы. Особенно активен и приметен был их племянник Магомет Хасан Исраилов (известный также под фамилией Терлоев), активный участник мятежа 1935 года, осужденный на пребывание в исправительно-трудовых лагерях.

Досрочно освобожденный в 1937 году, Терлоев создал в Галанчожском районе боевую группу, а в Итумкалинском районе — «бандгруппу», которой руководил совместно с Деркизановым. Боевые группы были сформированы в населенных пунктах Борзое, Харсиное, Даги-Борзое, Ачхене и в целом ряде других.

Организация «Кавказских орлов» по рассекреченным данным насчитывала в своих рядах 6540 человек. О ее планах свидетельствуют личные документы Хасана Исраилова, которые были обнаружены в пещере Бачи-Чу, где он скрывался, находясь в Итумкалинском районе. «Личные записи» были «весом около двух кг».

Из этих записей видно, что в Чечено-Ингушетии было создано три основных повстанческих округа с центрами в Грозном, Гудермесе и Малгобеке, а кроме них организовано еще пять: «всего 24 970 человек».

Среди бумаг Терлоева сотрудники НКВД обнаружили карту Кавказа на немецком языке с помеченными (подчеркнутыми) населенными пунктами Чечено-Ингушетии и Грузинской ССР, в которых имелись повстанческие ячейки. Считается, что их выступление намечалось на 10 января 1942 года, но оно не состоялось по разным причинам. Вероятнее всего — из-за своей неподготовленности и изменения ситуации на фронте.

Были и другие проявления враждебности к Советскому государству. В докладе Отдела спецпереселения НКВД СССР от 5 сентября 1944 года говорится следующее:

«...С июля 1941 года по апрель 1942 года из числа призванных (жителей Чечено-Ингушетии. — А.Ш.) в Красную армию и трудбатальоны дезертировало более 1500 человек. И уклонившихся от военной службы насчитывалось свыше 2200 человек. Из одной национальной кавалерийской дивизии дезертировало 850 человек...»

В конце 1943 года началось контрнаступление советских войск на Северном Кавказе: германские войска отступили сперва на Кубань, а оттуда в Крым и на Украину. Руководство НКВД вышло к Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину с предложениями о «стабилизации» обстановки в Северо-Кавказском регионе.

В конце февраля 1944 года состоялась массовая депортация чеченцев и ингушей в Казахстан. Всего было выселено более 496 тысяч человек. То есть проводилась масштабная зачистка территории целой автономной республики. Операция шла под прикрытием более 100 тысяч военнослужащих НКВД и нескольких тысяч оперативных работников.

Правда истории всегда сурова. Это напрямую относится и к сталинским репрессиям, к депортации целых народов, вокруг которых и по сей день идет много споров. Споры порой идеологизированных, пристрастных, без опоры на документальные источники. Эта тема болезненна, бесконечна, и ставить под ней окончательную точку в ближайшем будущем, думается, нам не предвидится. Ясна только сама констатация исторического факта.

Но если ознакомиться с Постановлением Совета Народных Комиссаров № 127 от 28 июня 1945 года «О льготах спецпереселенцев», то можно узнать в нем и такое: на 1945 и 1946 год спецпереселенцы с Северного Кавказа, из Крыма, Грузинской ССР, Калмыкии в новых местах их поселения (Казахстане и Средней Азии) освобождались:

а) от обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству;

б) от уплаты сельскохозяйственного налога, по доходам от сельского хозяйства в городских поселениях.

В Постановлении СНК говорилось и такое:

«Списать с упомянутых спецпереселенцев задолженность по сельскохозяйственному налогу, налогу по доходам сельского хозяйства в городских поселениях и по обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов государству, образовавшуюся за ними в местах нового поселения».

О переселениях народов в сталинские годы написано много. Считается, что с середины 1930-х годов и до конца 1940-х годов на территории Советского Союза претерпели принудительное переселение 3,5 миллиона граждан. Проведенный в 1949 году переучет спецпереселенцев дает нам следующую картину.

Среди учтенных переселенцев на 1949 год значилось 1 024 722 человека немецкой национальности («российских немцев»), около 640 тысяч чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, 92 тысячи калмыков, 692 тысячи бывших кулаков преимущественно русской национальности, 194 тысячи крымских татар, около 40 тысяч греков, армян и болгар из Крыма, около 30 тысяч греков с черноморского побережья Грузии (Абхазии) и Краснодарского края, около 100 тысяч турок из Месхетии, курдов и хемшин, более 400 тысяч поляков, граждан Украины и Белоруссии, более 203 тысяч литовцев, латышей и эстонцев, 12 тысяч финнов, 172 тысячи корейцев, 8 тысяч китайцев, 8 тысяч иранцев и представителей других народов.

Однако не эти люди стали первыми выселенными со своей земли. Первым подверглось репрессиям русское казачество, которое в своем большинстве в начале Гражданской войны в России встало на сторону Белого движения. До середины 1930-х годов из казачьих областей было выселено более 1 миллиона человек.

Репрессировалось прежде всего население бывших Донского, Кубанского, Терского казачьих войск. Но оно коснулось и казаков бывших Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Енисейского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск.

В итоге спецпереселения казачества только на Севере СССР (в Коми-Пермяцком, Остяко-Вогульском и Ямальском округах) появилось 650 населенных казачьих пунктов.

Переучет спецпереселенцев 1949 года дал и такие красноречивые цифры для характеристики сталинских репрессий. Среди спецпереселенцев насчитывалось 8343 офицера, 28 тысяч сержантов, 173 201 рядовой, служивших до применения к ним репрессий в Красной Армии. Всего 209 545 человек.

В ходе депортации народов СССР на ее территории были ликвидированы Калмыцкая, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская и Немцев Поволжья АССР, Карачаевская автономная область, ряд национальных районов, таких как Ауховский район, в котором проживали чеченцы-аккинцы.

Есть данные о том, в каких местах проживали переселенцы. В Казахстане их оказалось на 1949 год 859 109 человек, в Узбекистане — 184 122, в Киргизии — 137 203, в Таджикистане — 33 192, в Туркмении — 3802 человек.

Вторым регионом по числу спецпереселенцев после Казахстана и Средней Азии стал юг Западной и Восточной Сибири, Урал. Здесь больше всего спецпереселенцев приняла Кемеровская область — 154 134 человека. Красноярский край — 137 876, Алтайский край — 132 622, Новосибирская область — 104 983, Пермская область — 90 860, Омская область — 84 016, Свердловская область — 71 150, Иркутская область — 70 567, Тюменская область — 59 749 человек...

Все это достоверная правда сталинского периода в истории Советского государства. Об этой правде написано много. Чтобы как-то решить проблему «депортацию народов», был принят Закон Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов». Однако он не в состоянии полностью изжить последствия тех трагических для судьбы Отечества событий. Это нынешнему поколению граждан современной России надо осознать.

Глава 13

«КОНФЛИКТНЫЕ ПЛОДЫ» РАЗВАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА: КАРАБАХ, АБХАЗИЯ, ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Конфликты между Арменией и Азербайджаном начались почти сразу же после прихода к власти в СССР Михаила Горбачева. Армянское население Нагорного Карабаха стало требовать от советского правительства передачи области под юрисдикцию Армении. В 1988 году в регионе начались первые столкновения на национальной почве, имевшие стародавнюю, кровавую историю в несколько столетий.

Для восстановления порядка и законности в союзных республиках Закавказья (Азербайджане и Армении) в Карабах были введены дополнительные части Советской Армии. Однако остановить эскалацию волнений и беспорядков, вооруженных столкновений конфликтующих сторон они не смогли.

Действия советского руководства во главе с Горбачевым отличались непоследовательностью, и не было никакой ясности, была ли Москва на стороне одной из противоборствующих сторон. Баку или Еревана. Стала проливаться людская кровь.

Спасаясь от угрозы физической расправы, в Азербайджан прибыло свыше 147 тысяч беженцев из Армении, в Армению — более 182 тысяч беженцев из Азербайджана. Разжигание межнациональной розни, нагнетание шовинизма и расовой нетерпимости довело население двух пока еще союзных республик до массового националистического психоза.

Так, 23 ноября в городе Кировобаде (ныне Гянджа, Азербайджан) при защите армянской части населения погибли три воен-

нослужащих, а еще 67 получили ранения, в том числе шесть — тяжелые. Была сожжена одна бронемашина, повреждения получили еще 17 единиц бронетехники. Попытку погрома здания горисполкома предотвратить не удалось.

Когда в январе 1990 года в Баку начались кровавые армянские погромы, которым предшествовали такие же события в городах Сумгаит и Кировобад, поселках Закаталы и Шеки, советские войска заняли столицу Азербайджана. Они сумели восстановить в ней спокойствие, но при этом в столкновениях погибло до 150 азербайджанцев. Появилась надежда, что конфликт между двумя союзными республиками может быть улажен.

Но последовавший в декабре 1991 года распад СССР развеял эти надежды. Азербайджан 26 ноября объявил о ликвидации автономии Нагорного Карабаха и непосредственном подчинении области Баку: президент Аяз Муталибов своим указом ввел в автономной области прямое правление.

Однако проведенный вскоре (в декабре) референдум подтвердил решение карабахцев добиться своей независимости, то есть присоединения к Армении. Азербайджанскому президенту Муталибову вскоре, в марте, пришлось уйти в отставку.

Карабахский конфликт после этого в короткий срок принял формы необъявленной войны. Армяне-карабахцы и вооруженные силы Армении всю первую половину 1992 года вели успешные боевые действия против войск Азербайджана. В конце февраля был взят второй по величине город Нагорного Карабаха Ходжалы, населенный азербайджанцами.

Границы Карабахской области стали больше напоминать линию фронта. В тех случаях, когда силы Баку пытались предпринять наступательные действия, то они натывались на более мощные контрдействия своего противника. Правительство нового президента Азербайджана пантюркиста Абульфазы Эльчибея оказалось бессильным в попытках «вернуть» Карабах под власть Баку.

9 мая карабахские силы самообороны праздновали важную для себя победу: штурмом был взят город Шуша, древний город-крепость. Из Шуши азербайджанцами обстреливался из артиллерии Степанокерт.

Недостатка в огневых припасов командование войсками Азербайджана не имело. Только при захвате Агдамского окружного склада боевых припасов бывшей Советской Армии было «приватизи-

ровано» 728 вагонов артиллерийских и 245 вагонов реактивных снарядов, 131 вагон боеприпасов к стрелковому вооружению.

18 мая ими был захвачен азербайджанский районный центр Лачин, через который шла дорога из карабахской столицы Степанокерта в Армению, в Горис. Образовавшийся Лачинский коридор теперь надежно связывал Нагорно-Карабахскую Республику (НКР) с Арменией. По этому коридору стала поступать гуманитарная помощь, которая позволяла карабахцам выстоять в противостоянии с властями в Баку, организовав, среди прочего, надежную противовоздушную оборону.

Вооруженные силы Азербайджана перешли к ответным, активным действиям только летом 1992 года. Реквизировав боевую технику и вооружение в гарнизонах бывшей Советской Армии, азербайджанские войска начали контрнаступление. Им удалось отбить у карабахцев часть ранее занятых ими территорий (большую часть Шаумяновского района), но при этом Лачинский коридор не пострадал. В ходе боев азербайджанская сторона понесла большие потери в людях.

В октябре была сделана попытка разрешить карабахский кризис путем переговоров. 19-го числа в Сочи состоялись закрытые переговоры с участием министров обороны России, Грузии, Азербайджана и Армении. Речь шла о перемирии на два месяца и начале последующих переговоров.

То, что сочинская встреча не дала желаемых результатов, засвидетельствовали события, начавшиеся 22 сентября. В этот день в районе Нагорного Карабаха опять вспыхнули ожесточенные бои между армянскими и азербайджанскими войсками. Карабахские силы самообороны, поскольку представитель НКР не участвовал в сочинской встрече, сочли себя не обязанными выполнять достигнутые в ее ходе соглашения.

Боевые действия продолжались и в декабре 1992 года. Стороны применяли танки, вертолеты, авиацию. Упорные бои велись вдоль Лачинского коридора. В итоге боевых действий армянские вооруженные формирования захватили многие азербайджанские селения, население которых бежало.

28 января 1993 года была предпринята еще одна попытка начать разрешение карабахского кризиса мирным путем. На сей раз при посредничестве представителей России, США и Турции кон-

фликтующие стороны разработали новый план урегулирования проблемы Нагорного Карабаха.

План предусматривал прекращение военных действий на 120 дней, то есть на четыре месяца. За это время намечался полный вывод «иностранных» войск с территории Азербайджана под международным контролем и прекращение блокады Нагорно-Карабахской области.

Однако и этот план оказался далек от исполнения его на деле. Уже в феврале начались новые вооруженные столкновения сторон. Силы самообороны Нагорно-Карабахской Республики провели наступательную операцию и отбили у азербайджанских войск часть Мардакертского района на севере области.

После этого армянские войска предприняли крупную операцию по защите Лачинского коридора. 25 марта они приступили к окружению правительственных сил Баку в Кельбаджарском районе. Эти азербайджанские войска реально угрожали прорвать сообщение между Нагорным Карабахом и Арменией по суше.

3 апреля армянские отряды вошли в районный центр Кельбаджар, завершив окружение сил противной стороны. Теперь Лачинскому коридору угрожали только азербайджанские войска силой до двух пехотных полков, сосредоточенных в соседних Кубатлинском и Зангеланском районах. Именно эти войска могли в самое ближайшее время нанести удар по отвоеванному армянами коридору.

Однако азербайджанская сторона таких попыток не предприняла ни в мае, ни в начале лета. Хотя было известно, что наиболее крупная азербайджанская группировка войск была сосредоточена в городе Агдаме, откуда до этого не раз предпринимались военные акции против НКР. К тому же из Агдама по карабахской территории шла важная дорога к иранской границе, которая связывала местную группировку с группировкой войск Баку в Физули.

К тому времени в столице НКР городе Степанакерте была разработана концепция создания так называемых зон безопасности вокруг Нагорного Карабаха. Первой такой зоной стал Кельбаджарский район, второй — район города Агдама. Армянские отряды предприняли в направлении его два наступления: в июне и июле 1993 года.

Под сильным давлением противника в боях 24 и 25 июля азербайджанские войска оставили Агдам. Это стало важной победой

армянской стороны в необъявленной войне, которая шла в Закавказье уже второй год.

Развивая агдамский успех, силы самообороны карабахцев провели новую наступательную операцию с целью занятия азербайджанского города Физули. Добившись успеха, 18 августа они вступили в него.

Физули по своему местоположению являлся основой так называемой Зангеланской дуги, охватывавшей Нагорный Карабах. Этот город становился центром третьей «зоны безопасности», в которую включались четыре района юго-западной части Азербайджанской Республики.

После занятия Физули и соседнего города Джебраила дальнейшее здесь наступление отрядов самообороны НКР теряло всякий военный смысл. Дезорганизованные войска бакинского правительства серьезной угрозы не представляли, а со стороны юго-запада Нагорному Карабаху больше никто не угрожал. Местное азербайджанское население превращалось в беженцев. Окруженные армянами войска противника остались без какой-либо поддержки и тылового обеспечения.

После первых успехов на юге силы самообороны НКР начали наступательные действия против сил неприятеля, сконцентрированных в районных центрах Кубатлы и Зангелан. Здесь 25—31 августа произошли сильные бои сторон. 1 сентября штурмом берется город Кубатлы.

Эта победа имела не сколько военное, сколько политическое значение. По замыслу руководителей операции она при успешном исходе должна была подтолкнуть официальный Баку пойти на прямые переговоры со Степанокертом.

После взятия Кубатлы линия фронта оказалась на расстоянии 4—5 километров от государственной границы Ирана. Это создавало качественно новую международную ситуацию, с учетом того, что в июне 1993 года мятежный полковник Сурет Гуссейнов во главе верных ему воинских сил вошел в Баку и сверг президента Эльчибея. Новым президентом Азербайджана стал Гейдар Алиев.

Взятие армянами Зангелана создавало прямую опасность Нахичевани. Анкара высказала беспокойство по этому поводу. Вооруженные силы Турции были приведены в повышенную боевую готовность к действию «в любой чрезвычайной ситуации» после активизации армянских наступательных операций.

Тогда премьер-министр Турции Тансу Чиллер даже заявила о том, что она запросит разрешение парламента на ведение военных действий в случае, если Армения затронет какую-либо часть Нахичевани.

После всех этих военных побед стало фактом существование единого оборонного пространства Армении и НКР. Это подтверждало и то, что в августе 1993 года министром обороны Армении был назначен Серж Саркисян, председатель карабахского комитета самообороны, который руководил боевыми действиями карабахцев против войск Азербайджанской Республики.

В конце этого года Комиссия ООН по беженцам дала следующую оценку положения в зоне Карабахского конфликта. По ее данным, 60 тысяч человек вынуждены были покинуть свои жилища, а пять тысяч человек пропали без вести. Предположительно, за четыре месяца армянских наступательных операций со своих мест было изгнано около одного миллиона азербайджанцев.

К концу 1993 года успехи вооруженных сил армянской стороны территориально выражались следующим образом. Полностью была очищена от азербайджанских воинских сил вся территория Нагорного Карабаха. Было захвачено около пятой части земель Азербайджана.

Баку в декабре 1993 года попытался взять военный реванш. Азербайджанская армия теперь численно превосходила противника. Была произведена перегруппировка войск, которые прошли курс обучения под руководством военных инструкторов из Ирана, Турции, США и Афганистана.

Однако тщательно подготовляемое наступление на Нагорный Карабах завершилось полной неудачей. К тому же оно оказалось кратковременным, и после первых серьезных неудач затухло. Армяне-карабахцы, наоборот, ответными контрударами добились для себя новых боевых успехов.

По официальным заявлениям правительственных органов Еревана Армения не участвовала в Карабахском конфликте 1991—1993 годов. Там, как говорилось, воевали сами карабахцы и беженцы из Азербайджана, добровольцы из Армении.

Однако остается фактом, наступательные операции армяно-карабахских войск проводились при поддержке таких современных боевых средств, как танки Т-72, вертолеты Ми-24, новейшие боевые самолеты. Министр обороны Армении в марте 1993 года

совершил инспекционную поездку в Нагорный Карабах. Хорошо известно о материальной и финансовой поддержке НКР Ереваном.

До настоящего времени Карабахский кризис в Закавказье, который погас как военный конфликт к началу 1994 года, до сих пор не разрешен. Полтора десятилетия после начала необъявленной войны двух бывших советских союзных республик, ставших после развала СССР суверенными государствами, свидетельствует, что противоборствующие стороны «зашли в тупиковую ситуацию».

Все же мир (на время ли?) пришел на землю Карабаха. При посредничестве России, Киргизии и Межпарламентской Ассамблеи СНГ 5 мая 1994 года Азербайджан, Армения и НКР подписали в киргизской столице Бишкекский протокол. На основе его стороны достигли договоренности о прекращении огня. Трехсторонняя договоренность была подписана 12 мая.

Линия соприкосновения войск противоборствующих сторон, сформировавшаяся на тот день, стала фактической границей НКР. Под ее контроль перешло 9 процентов территории Азербайджана, и Нагорный Карабах перестал быть анклавом. Под контролем Азербайджана остались Мардакертский и Мартунинский районы бывшей Нагорно-Карабахской автономной области.

Территории, опаленные войной, покинуло большое число беженцев. Считается, что число беженцев-азербайджанцев составляет 420 тысяч человек, а число беженцев-армян из Карабаха — 61 тысяча, то есть примерно треть населения НКР на 1998 год.

На сегодняшний день существует несколько планов выхода из армяно-азербайджанского конфликта, названного Карабахским, который имеет давние исторические корни. Но ни один из них до сих пор заинтересованными сторонами не реализован.

Другим до сих пор неразрешенным конфликтом на Кавказе, на постсоветском пространстве, стал Абхазский. Распад Советского Союза, который повлек за собой образование сразу пятнадцати независимых государств, привел к целому ряду серьезных военных конфликтов на территории бывшего СССР.

«Пальму первенства» в этом взял себе Кавказский регион, как Северный Кавказ, так и Закавказье. Абхазский конфликт, или война в Абхазии 1992—1993 годов, стал одним из наиболее кровопролитных и затяжных. И неразрешенным по многим причинам до настоящего времени.

С первых дней своего самообразования Грузия испытала на себе сильное давление националистических движений. Опасность такого давления крылась в том, что четверть населения страны составляли национальные меньшинства. Да и среди самой грузинской нации большие отличия имеют жители Аджарии и Сванетии.

Особенно сильное сопротивление своей политике официальный Тбилиси встретил в автономной республике Абхазия. Ее население еще в советское время неоднократно желало войти в состав РСФСР, так как не без оснований на то считало, что подвергается различного рода дискриминации со стороны Грузии, в состав которой Абхазия входила на правах автономии.

Абхазия потребовала для себя полного суверенитета в конфедерации. На что Тбилиси предложил сухумскому правительству только «широкую автономию в конфедерации». Так начался Абхазский конфликт, который вскоре вылился в маленькую войну на кавказском Черноморском побережье.

В июле 1992 года Государственный совет Грузии принял решение возобновить действие Конституции 1921 года. Договор 1922 года о вступлении Грузинской ССР в Советский Союз объявлялся недействительным

В ответ Верховный Совет Абхазии ввел в закон свою Конституцию 1925 года. Председатель Верховного Совета Абхазии Владислав Ардзинба заявил о выходе из состава Грузии. Государственный совет Грузинской Республики отменил такое решение сухумских властей.

Президент Грузии Эдуард Шеварднадзе решил прекратить Абхазский конфликт силой, хотя за несколько дней до начала военных событий в телефонном разговоре с абхазским руководством уверял, что войска на территорию Абхазии вводиться не будут.

Для «утверждения правопорядка» в автономию отправляется Тенгиз Китовани с войском из более чем трех тысяч гвардейцев (1200 из них предстояло взять под охрану местные железные дороги). Операция имела кодовое название «Меч».

14 августа 1992 года грузинские войска заняли абхазскую столицу Сухуми. Бронетанковая колонна вошла в город без единого выстрела. На куполом здания Совета министров Абхазии торжественно водружается государственный флаг Грузии.

На территории республики к тому времени уже полыхала братоубийственная война на национальной почве. Только в абхазс-

ком селении Отхара было убито 120 человек. В первые дни абхазская сторона могла противопоставить силам вторжения только несколько сот бойцов «абхазской гвардии» МВД и ополченцев.

Президиум Верховного Совета Республики Абхазия издал постановление о мобилизации среди взрослого населения (от 17 до 40 лет). В населенных пунктах стали создаваться отряды самообороны. В Абхазии началась локальная война.

Командующий грузинскими войсками в Абхазии полковник Гия Каркарашвили заявил, что он готов положить сто тысяч грузин, чтобы уничтожить девяносто семь тысяч абхазов. Премьер-министр Грузии Тенгиз Сигуа был такого же мнения: «Абхазский конфликт можно решить только военным путем».

Поэтому абхазский лидер Ардзинба имел все основания сказать в интервью газете «Советская Россия» следующее: «Стратегическая цель грузинских националистов — уничтожение абхазского этноса и полная грузификация территории от Псоу (пограничная река с Россией. — А.Ш.) до Ингура».

19 августа грузинские войска взяли город Гагру. Теперь у абхазов оставались только город Гудаута с округой, шахтерский город Ткварчели (ныне — Ткварчал), которому предстояло пережить жестокую, голодную блокаду и воздушные налеты, и горные абхазские села, в которые за всю войну так и не вошли грузинские военные.

С целью урегулирования конфликта с августа по сентябрь при посредничестве российского правительства враждующие стороны вели переговоры. 3 сентября в Москве Грузия и Абхазия договорились о прекращении огня.

Однако 19 сентября Тбилиси значительно усиливает свои войска на абхазской территории. Туда перебрасываются еще шесть батальонов пехоты, усиленные бронетехникой и танками. То есть президент Эдуард Шеварнадзе открыто демонстрирует возможность решения спора с помощью оружия. Так началась эскалация военных событий.

Ответной акцией со стороны вооруженных отрядов местного населения стало наступление абхазов на Гагру. Оно началось 23 сентября, и 3 октября после боя Гагра была взята. Теперь под контролем абхазских вооруженных формирований оказались пограничная с Россией территория.

Перед штурмом Гагр абхазы обстреляли позиции противника из градобойных орудий типа «Алазань», выпустив из них двенадцать ракет. Трофеями стали более двадцати единиц бронетанковой техники.

Так абхазы получили бесперебойную связь с поддерживающими их народами Северного Кавказа. Они в своей войне против Грузии получили отсюда серьезную помощь. Только осенью 1992 года, в самый накал боев, в Абхазию через российскую границу прибыло от 4 до 7 тысяч вооруженных бойцов Конфедерации народов Кавказа (КНК). В их числе были вооруженные формирования из Чечни — батальон (286 человек) Шамиля Басаева. Сражался Славянский батальон, составленный из казаков и добровольцев из русских регионов России. Они приняли самое непосредственное участие в боевых действиях против грузинской армии.

Считается, что абхазское руководство, избравшее в начале военного конфликта с Грузией тактику ведения партизанской войны, стремилось выгадать время для от мобилизации своих сил. Для абхазов было важно не сколько увеличить численность своих отрядов, сколько добыть средства для ведения войны.

Такая задача решалась достаточно успешно. В боях с грузинскими гвардейцами отбивались танки, артиллерия, стрелковое оружие, боевые припасы, военное снаряжение. То есть партизанская война велась абхазской стороной с целью создания собственного арсенала.

Бои за Гагру показали слабую готовность вооруженных сил Грузии к войне в Абхазии. Город обороняли только-только «родившиеся на свет» батальоны, которыми командовали самозванные полковники: зугдидский, хашурский и другие. Как утверждал государственный министр Грузии по Абхазии Гоги Хаиндрава, численность таких батальонов составляла по 7—8 тысяч человек.

В Тбилиси скоро поняли, что военный конфликт грозит Грузии серьезной опасностью. В городах Гантиади и Леселидзе правительственный генерал Георгий Каркаршвили начал формировать «Отдельную группу войск», чтобы взять на себя всю тяжесть вооруженного противостояния с местным абхазским населением.

В начале октября 1992 года вооруженные формирования абхазов перешли в наступление. 5 октября они с боями заняли города

Леселидзе и Гантиади. Теперь вся линия российско-абхазской границы оказалась под их полным контролем. 11 октября было создано Министерство обороны Абхазии.

На этом наступательные операции абхазов не прекратились. Продвигаясь к южным границам автономии, они начали блокаду города Ткварчели. Правительственные войска Грузии повсеместно отступали, оказывая слабое сопротивление и демонстрируя откровенно низкую боеспособность...

23 июля 1993 года в российском городе Сочи конфликтующие стороны подписывают при посредничестве Москвы соглашение о прекращении огня. К тому времени война сорвала с насиженных мест тысячи мирных граждан Абхазии, которые превратились в беженцев, желая избежать кровавых последствий конфликта.

16 сентября Эдуард Шеварнадзе подписывает указ о введении в стране чрезвычайного положения. 20-го числа абхазы нарушили перемирие, и начали наступление на свою столицу Сухуми с целью ее освобождения от грузинских войск. В их рядах отличился чеченский добровольческий батальон во главе с Шамилем Басаевым, который находился на земле Абхазии до 1994 года.

Перед этим абхазское руководство смогло договориться с противниками Шеварнадзе из числа сторонников свергнутого военной силой законно избранного президента Грузии Звиада Гамсахурдия. В то время «звиадисты» контролировали Западную Грузию, и их предводитель, полковник Лоти Кабалия, принял решение не ввязываться в бои, которые шли в Абхазии. При этом он чинил всякие препятствия продвижению правительственных войск из Тбилиси к Сухуми, сумев «прибрать к рукам» часть их тяжелой техники и вооружения.

Абхазы атаковали Сухуми со стороны близлежащих гор. Перед этим они сделали ряд безуспешных попыток взять соседний город Очамчиру. Абхазская столица была освобождена 27 сентября.

В ходе Сухумской наступательной операции и боев в самом городе «перестал функционировать» 2-й армейский корпус вооруженных сил Грузии численностью до 12 тысяч человек. В разгар сухумских событий 1-й армейский корпус еще только пробивался к осажденной абхазами Очамчире.

4 октября Министерство обороны Абхазии объявило о том, что территория республики полностью очищена от грузинских войск.

И что абхазские войска, полностью контролируя свою территорию, вышли к границе с Грузией, на реку Ингури.

Абхазская война при своем ограниченном «размахе» оказалась кровопролитной. Потери грузинских войск составили убитыми около двух тысяч человек и приблизительно 20 тысяч — ранеными. Считается, что потери абхазской стороны были чуть меньше. В это число не входят жертвы среди мирного населения.

Историки Эрнест и Тревор Дюпюи в своей книге «Всемирная история войн» закончили описание Абхазской войны и ее оценку следующим образом:

«Имея подавляющий перевес в силах, грузины не сумели им воспользоваться. Грузинская армия явила на поле боя абсолютную беспомощность. Единого командования в ней не было до самого последнего времени. В порядке вещей стали ссоры и обиды между военачальниками...

Грузинская армия за год с лишним войны в Абхазии не провела ни одной мало-мальски грамотной с военной точки зрения операции».

После войны стороны вновь занялись переговорным процессом. Президент Эдуард Шеварднадзе пошел на него в условиях, когда Грузию раздирали внутренние противоречия, экономика оказалась практически разрушенной, а национальная армия находилась в состоянии полной дезорганизации.

В 1994 году подписываются два важных документа. По российско-грузинскому договору о дружбе и сотрудничестве Россия получила право иметь на территории Грузии в течение десяти лет три военные базы: в Батуми, Ахалкалаки и Вазиани. Было подписано на правительственном уровне между Тбилиси и Сухуми соглашение о прекращении огня и военных действий.

По этому соглашению российские миротворческие войска были развернуты по реке Ингури, которая отделяет Абхазию от Грузии. Именно здесь могли спонтанно вспыхнуть новые конфликтные ситуации, грозящие эскалацией вооруженного противостояния. Вдоль этой границы вводилась 12-километровая «зона безопасности».

Эта зона дополнялась еще так называемой зоной ограничения вооружений. Из нее конфликтующие стороны обязывались вывести тяжелое артиллерийское и минометное вооружение калибром свыше 80-мм, танки, боевые машины пехоты и бронетранспортеры.

В конце 1998 года этот российский воинский контингент состоял из штаба, военных наблюдателей, двух мотострелковых батальонов, минометной батареи, инженерно-дорожного батальона, инженерно-саперной роты, подразделения обслуживания. Всего — 1720 человек, 114 единиц бронетехники, 189 автомобилей и четырех вертолетов.

«Зона безопасности» оказалась далеко не мирной. Только за первые три года российские миротворцы задержали 1042 нарушителя «пограничного режима», изъяли у них 346 единиц стрелкового оружия и большое число боеприпасов. Были подорваны на месте 11 единиц бронетехники и 6 орудий, оказавшихся в зоне ограничения вооружений.

Российские миротворцы за те же первые три года проделали большую работу по ликвидации «минных последствий» Абхазской войны 1992—1993 годов. Саперы очистили от мин большие территории и 154 административных здания, восстановили более 25 километров разрушенных дорог и три моста. Один из них, в Кодорском ущелье, был построен фактически заново.

За три года своего пребывания в Абхазии российские «голубые каски» потеряли убитыми 42 человека, более ста человек получили ранения.

О значимости такого разграничения конфликтующих сторон говорит следующее. Примерно 80 процентов населения по обеим сторонам реки Ингури считают российских миротворцев единственным гарантом мира, спокойствия и стабильности в этом кавказском регионе.

Третьим, после Нагорного Карабаха и Абхазии, регионом Закавказья, опаленным военным пожаром, оказалась Южная Осетия. Осетины, единый народ, разделенный в имперской России не государственными границами, а Большим Кавказским хребтом, после развала СССР оказались в разных государствах.

В 1918 году Южная Осетия впервые познала геноцид со стороны правительства меньшевистской Грузинской Республики. Его итогом стало около 20 тысяч убитых мирных жителей и около 50 тысяч беженцев, оказавшихся на Северном Кавказе.

Распад Советского Союза привел к межэтническим столкновениям в Южной Осетии. Пришедшее к власти в Грузии в октябре 1990 года националистическое правительство Звиада Гамсахурдии решило решить «осетинский вопрос» вооруженной рукой. К это-

му времени обстановка уже накалилась, поскольку Осетия была полна решимости остаться в Союзе.

23 ноября 1989 года грузинские национал-экстремистские организации решили провести в столице Южной Осетии Цхинвале (Цхинвали) митинг. Со всей Грузии к городу были стянуты около 50 тысяч человек, но войти в Цхинвал колонне не удалось, и после суточного противостояния она повернула обратно.

400 автобусов с «добровольцами» Звиада Гамсахурдия повернули назад. Когда колонна ушла от Цхинвал, члены неформальной организации «Белый легион» остались в грузинских селах, окружавших город, через которые проходили дороги в него. Все проезжавшие по ним осетины превратились в объект систематического террора.

События усугубляли ситуацию. В июне 1990 года Верховный Совет Грузии, заявивший о своей преемственности законоположений правительства социал-демократов (меньшевиков), принял решение об упразднении всех законодательных актов СССР. В том числе и того, по которому 20 апреля 1922 года была образована Южно-Осетинская автономная область в составе Грузинской ССР.

Из Цхинвала последовал ответ. 20 сентября 1990 года сессия областного совета Южной Осетии приняла Декларацию о Юго-Осетинской Республике. Основанием для ее создания стало апрельское решение 1990 года Верховного Совета СССР о повышении статуса автономных образований до республиканского.

В столицу Южной Осетии вводится батальон советских войск. В ходе развития событий Цхинвал «был практически разоружен», обезоружена даже милиция под предлогом чрезвычайного положения.

На рассвете 6 января 1991 года, когда были сняты посты советских военных, в Цхинвал вошли 6 тысяч вооруженных людей, представлявших различные грузинские воинские формирования. 17 осетин, в том числе несколько работников правоохранительных органов, погибли в первый же день.

В городе стала нагнетаться атмосфера террора. Спасаясь от него, часть жителей, прежде всего старики, женщины и дети, стали искать спасения на территории военных городков. Началось разрозненное сопротивление тем силам, которые заняли Цхинвал. Осетины добывали оружие, где только могли, сумев, среди прочего, разоружить роту тбилисских курсантов.

28 января столица Южной Осетии была освобождена от отрядов грузинских вооруженных формирований: это стало итогом «самовооружения народа Южной Осетии». Но город по-прежнему обстреливали из соседнего Горийского района, продолжался террор на дорогах. Так, 20 мая грузинскими боевиками на одной из дорог было убито 36 осетин.

14 июля 1992 года, согласно Сочинской договоренности, в республику были введены трехсторонние миротворческие силы. К этому дню в Южной Осетии (территория — 4 тысячи кв. км) с населением всего 100 тысяч человек (62 процента — осетины) погибло 1500 человек, около 2500 получили ранения. Значительная часть жертв приходится на многомесячный период обстрела Цхинвала. Половина населения республики стала беженцами. Было сожжено 111 осетинских деревень.

Сегодня вокруг Южной Осетии ведется переговорный процесс при посредничестве ОБСЕ, в котором участвуют, согласно Владикавказской договоренности, четыре заинтересованные стороны: Россия, Грузия, Северная Осетия и Южная Осетия.

Стабильность в РЮО обеспечивается силами ограниченного контингента российских миротворцев, которым приходится постоянно сталкиваться с откровенными провокациями грузинской стороны. Южная Осетия остается в рублевой зоне и в правовом поле Российской Федерации. Почти все ее жители осетинской национальности имеют паспорта РФ.

Глава 14

НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ: «НЕОБЪЯВЛЕННАЯ» ВОЙНА В ЧЕЧНЕ

Развал Советского Союза не мог не отразиться на внутренней ситуации в современной Российской Федерации, и, прежде всего, на Северном Кавказе. Конфликтные события с использованием сторонами военной силы здесь были связаны с Чечней.

События в Чечне развивались так. 27 октября 1991 года там состоялись выборы президента автономной республики в составе Российской Федерации. На выборах победил генерал-майор авиации Джохар Мусаевич Дудаев, командир тяжелой бомбардировочной дивизии, дислоцировавшейся в Эстонии, начальник Тартуского гарнизона, подавший в 1990 году в отставку.

1 ноября был опубликован указ Д. Дудаева «Об объявлении суверенитета Чеченской Республики». Объявив о независимости Чечни, одного из субъектов Российской Федерации, он, однако, не прервал всех связей с Москвой, особенно в финансово-экономической сфере.

Начинается создание чеченских вооруженных формирований, причем далеко не все они напрямую подчиняются президенту генералу Дудаеву. Созданная в самый короткий срок регулярная чеченская армия, называвшаяся ополчением, достигла численности 15 тысяч человек. В это число не входили местные вооруженные формирования различной политической окраски и численности.

В оружии недостатка не имелось. Оно досталась дудаевским формированиям от 12-й учебной мотострелковой дивизии (пять полков), которая зимой 1992 года была выведена из Чечни. То есть создаваемая чеченская армия практически бесплатно получила 40 танков, 53 БТР и БМП, 153 артиллерийских орудия, 18 реактивных установок «Град» и около 40 тысяч автоматов, не считая другого оружия, боеприпасов и военного снаряжения.

Боевой авиации у чеченцев не было, а все учебные транспортные самолеты, располагавшиеся на аэродроме близ Грозного, были уничтожены еще перед началом широкомасштабных действий в ходе налетов российской авиации.

И тогда, и впоследствии оружие и боеприпасы чеченскими боевиками добывалось любыми путями, в том числе и на «черном рынке». Так, в частности, оно поступало из Грузии. Часть вооружения и боеприпасов Дудаеву удалось нелегально закупить в России.

2 ноября 1991 года, через день после дудаевского указа, V съезд народных депутатов РСФСР признал выборы президента в Чечне незаконными, противоречащими Конституции РСФСР. В выборах, на которых присутствовали международные наблюдатели из Великобритании и США, приняло участие, по ряду оценок, всего 10—12 процентов избирателей.

В Чечне начались события, связанные с насильственными действиями против русскоязычного населения республики. После выделения из состава Чечено-Ингушской АССР Ингушетии, общее число жителей Чечни до начала военного конфликта составляло от 1,2 до 1,5 миллионов человек, в том числе русских — от 150 до 200 тысяч человек. Подавляющая часть их была вынуждена покинуть территорию Чечни, превратившись в беженцев.

Резко ухудшилась криминальная обстановка. Убийства и похищения людей (большой частью для получения выкупа) стали нормой жизни Чечни более чем на десятилетие.

На границах Чечни вызрела взрывоопасная ситуация. Российские войска вошли в зону осетино-ингушского конфликта, в том числе в Сунженский и Малгобекский районы. Навстречу им выдвинулись чеченские вооруженные формирования.

Между официальной Москвой и дудаевским правительством (генерал Д. Дудаев в марте 1992 года стал председателем правительства Чеченской Республики) начались длительные перегово-

ры. Они, как правило, велись под «покровом» большой тайны. Стало ясно, что Дудаеву противостоят значительные оппозиционные силы в самой Чечне.

В ноябре 1992 года закончилась полным провалом тайная спецоперация оппозиции, базировавшейся в северном Надтеречном районе республики, по захвату Грозного. Город подвергся воздушным налетам, а затем был атакован танковой колонной из 43 боевых машин.

В ходе боев в городе большая часть бронетехники была уничтожена. В плен к дудаевцам попало 70 российских военнослужащих. Среди погибших и пленных оказались офицеры подмосковной Кантемировской дивизии, в октябре 1993 года обстреливавшие Белый дом из танков.

После этого события в Чеченском конфликте стали разворачиваться с калейдоскопической быстротой. Началось вооруженное противостояние России с одной из ее территорий на Северном Кавказе — Чечней (или Ичкерией). В ноябре социально-политическая обстановка в Чечне резко обострилась: незаконные вооруженные формирования стали реально угрожать стабильности на Северном Кавказе и юге России.

29 ноября российский президент Борис Ельцин обратился к участникам вооруженного конфликта в Чечне: в течение 48 часов прекратить огонь, сложить оружие, распустить незаконные вооруженные формирования и освободить захваченных заложников.

7 декабря 1994 года состоялось заседание Совета безопасности Российской Федерации. На нем практически и было принято решение о силовом решении Чеченского конфликта. Речь шла о восстановлении конституционной законности и правопорядка, разгроме незаконных вооруженных формирований.

Официально начинавшаяся в Чечне война называлась «мерами по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике», которые преследовали цель «разоружения незаконных вооруженных формирований». Речь о борьбе с терроризмом тогда еще не шла.

Впервые после окончания Великой Отечественной войны 1941—1945 годов российским войскам предстояло проводить такую крупномасштабную операцию на собственной земле. К ее участию привлекались десантные и сухопутные войска, авиация, внутренние войска и подразделения ОМОН, пограничники.

На базе соединений Северо-Кавказского военного округа (СКВО) была создана Объединенная группировка войск (ОГВ), в которую вошли воинские части и подразделения всех силовых структур государства. К концу декабря группировка насчитывала 38 тысяч человек, 230 танков, 454 единицы бронированных машин, 388 орудий и минометов.

В первый же день операции так называемые «незаконные вооруженные формирования» Дудаева начали оказывать сильное организованное сопротивление. Оказалось, что они не только достаточно хорошо организованы, но обучены и оснащены современным оружием, в том числе и новейших образцов. Непосредственно операциями с чеченской стороны руководил начальник Главного штаба генерал Аслан Масхадов, бывший полковник Советской Армии.

Штурм города Грозного в новогоднюю ночь 1995 года оказался плохо подготовленным. 131-я Майкопская отдельная мотострелковая бригада, ворвавшаяся в Грозный, оказалась в ловушке среди городских кварталов. 20 из 26 ее танков, десятки бронемашин были потеряны, как и много людей. Командир бригады полковник Савин не смог организовать прорыв из кольца окружения и погиб вместе со своим штабом. Выйти из окружения удалось только сотне с небольшим солдат.

После месяца ожесточенных боев город Грозный превратился в развалины. В феврале 1995 года правительственные войска штурмом овладели Президентским дворцом. Но и после этого бои в Грозном велись еще несколько недель.

Уже первые дни военных действий показали, что операция была подготовлена поспешно, начало ее выявило немало ошибок в расчетах штабов. Постепенно военный конфликт в Чечне принял такие формы, что, по словам тогдашнего премьер-министра Российской Федерации В. Черномырдина, спустя полгода после начала боев превратился в «кровавую бойню».

В бои со стороны российских сил вводились недоукомплектованные воинские части, личный состав которых не прошел необходимого обучения. Армейские части не имели должного взаимодействия с силами Министерства внутренних дел.

Перед федеральными войсками встал противник, хорошо подготовленный в морально-идеологическом отношении и коварный в своих действиях, опирающийся на помощь большей части местного населения.

Первые три месяца боевых действий (с декабря 1994 года по начало марта 1995 года) обнадеживали правительство Бориса Ельцина. Федеральные войска контролировали три района, где им практически не оказывалось вооруженного сопротивления: Наурский, Надтеречный и Шелковский.

После почти двухмесячных, кровопролитных боев был взят город Грозный. Под контролем военных сил федералов оказалась большая часть грозненского района и ряд других мест (анклавов). Было восстановлено железнодорожное движение по рокаде Моздок — Червленная — Кизляр.

За время этих боев стороны понесли значительные потери. У федеральных войск они оценивались в пределах от 1100 до 8000 человек, у «незаконных вооруженных формирований» чеченской стороны от 3000 до 6690 человек. Оценки были явно заниженные или явно завышенные.

Около 300 тысяч человек, почти треть населения Чечни, стали беженцами.

Среди мирных жителей велико оказалось число убитых и раненых в результате воздушных бомбардировок и артиллерийских обстрелов, от неприцельного огня и действий снайперов, при расстрелах и убийствах в ходе грабежей и разбойных нападений. Велики были и санитарные потери от различных заболеваний.

На 15 февраля 1994 года, по данным чеченской стороны, в городе Грозном погибло около 30 тысяч мирных жителей, причем 80 процентов из них составляли русские. По другим данным, в Грозном погибло около 25 тысяч горожан.

С начала марта на конец апреля 1995 года в Чечне произошла новая эскалация военных действий. Война стала принимать позиционный характер. 6 марта внутренние войска установили контроль над последним оплотом дудаевцев в Грозном — в Черноречье. Армейские части оказались на переднем крае борьбы, войска МВД занялись восстановлением и обеспечением правопорядка на освобожденной территории.

В марте российские власти попытались начать политический диалог с противной стороной. Дудаев и его сподвижники использовали время переговоров для перегруппировки своих отрядов, которые получили новое вооружение и пополнили огневые припасы, укрепились на занимаемых позициях. Переговоры ни к чему не привели, да и не могли привести.

После прекращения переговоров федеральные войска, выступив из Грозного, перешли в наступление. Они подошли к городам Аргун, Гудермес, Шали и стали там, закрепляясь, окапываясь. И хотя прямых столкновений в это время почти не было, федеральные войска несли ощутимые потери в людях от снайперского огня, стрельбы «блуждающих» орудий и танков. Естественно, что на такие действия противника федералы тоже отвечали огнем.

По сообщениям российской печати, в этот период в зоне военного конфликта находилось около 200 тысяч армейских войск и до 18 тысяч военнослужащих МВД. Непосредственно в Чечне находилось около четверти этих сил.

После отступления из Грозного «незаконные вооруженные формирования» сконцентрировались в две группировки. Западная занимала оборону по линии Самашки — Бамут — Ассиновская. Восточная (главная) держалась на линии Аргун — Гудермес — Шали. Чеченцы в то время располагали 30 танками и 15 реактивными системами залпового огня (РСЗО).

Федеральные войска начали новое наступление. 21 марта вокруг города Аргун замкнулось внешнее кольцо окружения. Его падение было предопределено действиями десантно-штурмового батальона 165-го полка морской пехоты Тихоокеанского флота, который скрытно, «на одном дыхании», овладел господствующей над городом высотой Гойтен-Корт.

Морские пехотинцы отбили несколько атак, но важную высоту за собой удержали. Вскоре они взяли под свой контроль еще несколько соседних горных вершин. 23 марта федеральные войска вошли в город Аргун.

После этого федералы обошли неприятельские укрепления на восточном берегу реки Аргун и ночью в двух местах форсировали водную преграду. Решительность действий стала неожиданностью для дудаевцев. В бою за город Аргун отличились, кроме морских пехотинцев-тихоокеанцев, 506-й мотострелковый полк, сводный полк 106-й воздушно-десантной дивизии и батальон мотострелкового полка из Уральского военного округа.

Отряды чеченцев попытались прорваться в Аргун со стороны Шали и Гудермеса. Однако дудаевские боевики попали под эффективный заградительный огонь артиллерии. Одновременно по ним наносились удары с воздуха. Понеся потери, они отступили на исходные позиции.

29 марта, прорвав сплошную линию обороны чеченских боевиков, морские пехотинцы и мотострелки успешно завершили операцию по окружению Гудермеса и Шали. Вечером 30 марта федеральные войска заняли второй по величине город Чечни Гудермес, находившийся в 40 километрах от Грозного, важный железнодорожный узел. Это позволяло с большой надежностью контролировать восточные районы республики.

Войска федералов подступили к Гудермесу с самой неожиданной стороны — через заболоченную местность, которая считалась непроходимой для бронетехники и вообще любых машин. Воздушные десантники выбили боевиков из долговременных укреплений на высотах Терского хребта.

Уличные бои в городе 30 марта велись весь день. По данным чеченской стороны, атакующая сторона потеряла за два дня боев под Гудермесом 43 бронемашинны.

На следующий день федеральные войска за 14 часов практически без людских потерь заняли соседний город Шали. Дудаевцы оборонять его не стали. Армейские части сразу покинули Шали, в котором остались только подразделения МВД.

Взятие городов Гудермеса и Шали имело в ходе военных действий принципиальное значение. В срединной части Чечни распался единый фронт дудаевских формирований против федеральных войск.

После этого чеченские боевики все чаще стали переходить к тактике партизанских действий. Они старались вырваться из окруженных городов и селений и рассредоточиться в ближайших их окрестностях. Это им удавалось достаточно легко, особенно в горно-лесных районах.

После того как федеральные силы входили в населенные пункты, картина боев менялась. Боевики старались отсечь друг от друга армейские подразделения и вели огонь на поражение. Артиллерия в таких случаях оказывалась бесполезной. Война в Чечне знает немало случаев, когда один и тот же населенный пункт приходилось окружать и брать несколько раз.

В Чечне началась широкомасштабная минная война. И та, и другая сторона ставила мины и фугасы в большом количестве, особенно для защиты населенных пунктов и на дорогах. По данным командования группировки федеральных войск в Чечне, саперы ежедневно обезвреживали по 50—80 мин, преимущественно про-

тивнопехотных. Подрывы на минах выводили из строя много автомашин и вели к людским потерям.

После падения Аргуна, Гудермеса и Шали дудаевцы лишились единой армии. Она распалась на большое число отрядов, которые в ходе боев стали прижиматься к предгорьям. О какой-то масштабности ответных наступательных операций теперь говорить было трудно.

Здесь боевикам стали изменять морально-психологические установки: основной мотивацией их действий стала кровная месть за погибших. Теперь не соблюдались никакие законы и правила войны. Ожесточенность боев на чеченском горном юге стала крайней. Стремясь поднять дисциплину в своих формированиях, дудаевское командование стало применять к боевикам наказания по законам шариата.

9 апреля 1995 года войска МВД завершили в Чечне первую самостоятельную операцию. В ходе двухдневных боев они без применения артиллерии и при поддержке нескольких танков овладели на границе с Ингушетией населенным пунктом Самашки, где проживали представители клана Дудаева.

По официальным данным, в ходе операции были убиты 150 боевиков, 124 взяты в плен. Потери федеральных войск составили тринадцать человек. В ходе боя из 700 домов селения было разрушено 50.

Вместе с Самашками от боевиков были очищены соседние селения Давыденко и Новый Шарай. В Самашках было обнаружено более 30 укрепленных пунктов, то есть речь шла о заранее подготовленных долговременных оборонительных сооружениях. При очистке от боевиков лесного массива восточнее этого населенного пункта были применены артиллерия и боевые вертолеты.

10 апреля последовала новая крупная операция федеральных войск. Были заняты селения Ачхой-Мартан и Закан-Юрт. Здесь командование федералов вело переговоры с местными старшинами, что имело частичный успех.

Тем временем стала резко осложняться ситуация в освобожденном от дудаевцев Грозном. Под видом беженцев в него и другие города забрасывались диверсионные группы. По имеющимся сведениям, только с 16 по 18 мая в городские кварталы Грозного просочилось до 200 боевиков.

С наступлением темноты начинались обстрелы и нападения на военные комендатуры и блок-посты, они забрасывались грана-

тами. Широко использовались подствольные гранатометы. В ходе ответных мер в городе были обнаружены многочисленные тайники с оружием и боеприпасами.

В 1995 году одни из самых тяжелых боев произошли в поселке Бамут, который защищали от 750 до 1000 боевиков. Штурм федеральные войска начали утром 15 апреля. Атакующих встретил шквал огня из всех видов оружия. После провала переговоров старейшин с боевиками федеральные войска вышли из захваченной части Бамута и подвергли поселок многодневному артиллерийскому обстрелу.

Гражданское население покинуло Бамут. Теперь в нем держались отдельными группами по 5—10 человек боевики, укрепившиеся в отдельных домах и на окрестных высотах. Артиллерийские обстрелы почти не приносили им потерь, поскольку они отсиживались в добротных бетонированных подвалах домов.

По имеющимся сведениям, на середину апреля у генерала Дудаева только в трех горных районах: Веденском, Ножай-Юртовском и Шатойском имелось до 7 тысяч боевиков, достаточно хорошо вооруженных и оснащенных.

На это время в Чечне было задействовано 35 тысяч солдат и офицеров федеральных войск и МВД. Бои в лесистых предгорьях носили откровенно выраженный ожесточенный характер, что отразилось прежде всего на людских потерях сторон.

На период боев в Чечне с 11 декабря 1994 года по 19 апреля 1995 года пришлось почти половина всех людских потерь в войне, получившей в средствах массовой информации название Чеченской. Объединенная группировка федеральных войск потеряла за этот период погибшими — 1518, ранеными — 4891, пропавшими без вести — 250 человек. 40 российских военнослужащих находилось в заложниках.

В мае—июне 1995 года в войне начался новый этап. Он был связан с указом президента Российской Федерации Бориса Ельцина «О дополнительных мероприятиях по нормализации обстановки в Чеченской Республике» от 26 апреля. Добровольно сдавших оружие предписывалось не привлекать к уголовной ответственности, если эти лица не совершали тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан.

Подобные призывы к добровольному прекращению участия в «незаконных вооруженных формированиях» и сдаче оружия име-

ли место не раз и в будущем. Как, к примеру, это было объявлено в 2006 году. Но, как считается, эти акции властей полноты цели не достигали.

Чеченские воинские формирования использовали время прекращения огня их противником в своих целях. Одновременно они стали проводить диверсионные действия. Так, 30 апреля над Гилянами из зенитного пулемета был сбит вертолет. 5 мая у Сержень-Юрта был сбит самолет федеральных сил Су-25. Всего за время одностороннего прекращения огня федералы потеряли 38 человек погибшими и 223 ранеными.

В ночь на 14 мая боевики, подтянув к Грозному значительные силы, восемнадцать раз подвергали город обстрелу. Грозный практически перешел на осадное положение.

Пресс-центр МВД России опубликовал ряд сведений о ходе войны в Чечне. По состоянию на 19 мая 1995 года федеральные силы уничтожили все танки дудаевцев, свыше 110 бронетранспортеров и боевых машин пехоты, 19 РСЗО «Град», 15 зенитных установок, 146 орудий и почти 500 автомашин.

Во второй половине мая боевые действия велись уже повсеместно. Федеральные войска стали использовать армейскую и фронтовую авиацию, дальнобойную артиллерию. Отряды боевиков стали оттесняться в горные районы. Особенно упорные бои велись на веденском, шатойском и агиштынском направлениях. Блокировались дороги, которые вели в горные селения, вход в Аргунское ущелье. Потери дудаевцев оценивались в 12 тысяч человек.

3 июня федеральные войска овладели горным селением Ведено, который являлся в юго-восточной части Чечни стратегически важным пунктом. Под Ведено высаживался тактический воздушный десант. В ходе боя за селение было убито более 30 дудаевцев, уничтожено 8 их танков и 13 единиц бронетехники.

Тактика «выдавливания» боевиков в горы Кавказа давала свой результат, требовалось только проводить ее последовательно и настойчиво. После падения Ведено штаб дудаевцев перебазировался в горный поселок Кири. В узел долговременной обороны был оборудован населенный пункт Аги-Шатой.

Стало известно, что чеченцы усиленно готовят разведывательно-диверсионные группы в учебных центрах на озере Валанчет и у поселка Мехкеты. Ставка в подготовке террористов, в том числе и смертников, делалась и в последующие годы на обучение мино-

взрывному делу. Среди инструкторов появились иностранцы из числа исламистов.

Летом 1995 года силы боевиков оказались разрезанными на две группировки — Шатойскую и Ножай-Юртовскую. Именно на этих направлениях в последующем развернулись наиболее ожесточенные столкновения. Упорные бои велись в районе населенных пунктов Агишти, Сержень-Юрт, Бамут, Орехово, Старый Ачхой, Ярыш-Марды.

Все же указ об амнистии частично возымел свое дело. В Ачхой-Мартановском и Наурском районах до 400 боевиков добровольно сложили оружие и вернулись в свои селения. Были сданы самоходная артиллерийская установка, крупнокалиберный пулемет, 26 гранатометов, 510 снарядов, 181 самодельное взрывное устройство, 50 килограммов взрывчатки, много единиц стрелкового оружия.

Операция в предгорьях и горах Большого Кавказского хребта продолжалась. Вечером 11 июня вблизи Шатоя был высажен тактический воздушный десант из 7-й воздушно-десантной дивизии. К Шатой с двух сторон подступили подразделения двух мотострелковых полков, и к вечеру 13 июня этот крупный населенный пункт в горах был блокирован. Поняв бесполезность его обороны, боевики смогли беспрепятственно покинуть Шатой.

Как говорилось в официальных источниках, с взятием Шатоя «завершилась последняя фаза горной войны в Чечне». Шатой стал последним из двенадцати районных центров республики, занятых федеральными силами. Теперь встала задача борьбы с разрозненными отрядами боевиков, которые полностью перешли к тактике партизанских и диверсионных действий.

14 июня 1995 года подразделения внутренних войск МВД, потеряв 24 человека убитыми и ранеными, овладели селением Ножай-Юрт. Потери боевиков в бою только убитыми составили 70 человек. Было объявлено, что 60 процентов боевиков, которые вели здесь бой, состояли из наемников — иностранных граждан и представителей северокавказских республик.

Терпя военные поражения в горах, боевики приступили к проведению крупных террористических акций, имевших явное пропагандистское значение. 14 июня 1995 года отряд командира «абхазского батальона» Шамиля Басаева (около 100 человек, по другим источниками вдвое больше) провел террористическую операцию в

городе Буденновске Ставропольского края, расположенном в 150 километрах от границ Чечни.

Итогами этого рейда стало убийство и смерть от полученных ранений 128 человек, ранение около 200 человек, в основном мирных жителей. Басаевцы захватили в заложники около тысячи человек (больных, медперсонал и просто горожан), которые держались в здании районной больницы.

На рассвете 17 июня была предпринята неудачная попытка взять штурмом здание районной больницы. В штурме приняло участие около 300 человек спецподразделений внутренних войск и группы «Альфа». Они потеряли убитыми пять человек. Были убиты 21 боевик, 6 заложников, 48 ранено.

Все эти дни с террористами велись переговоры. В итоге 19 июня отряд Басаева на автобусах, в которых находилось около 150 заложников-добровольцев, 16 журналистов и 9 депутатов Государственной Думы беспрепятственно покинули степной Буденновск и вечером 20 июня прибыли в Вено.

«Победное» возвращение басаевцев резко ухудшило психологический климат в Чечне. В ряде населенных пунктов воинственно настроенные жители стали открыто угрожать физической расправой российским военнослужащим и работникам местной милиции. Тем временем Басаев заявил, что он готов совершить похожий на буденновский террористический акт в одном из городов России.

29 июня 1995 года Совет безопасности РФ обсудил вопрос «О теракте в Буденновске и мерах по борьбе с терроризмом». Так война в Чечне стала превращаться в контртеррористическую операцию, аналогов которой мировая история еще не знала.

Президент Борис Ельцин 7 июля подписывает указ о размещении федеральных войск в Чеченской Республике. В ответ на это Басаев, вскоре ставший генералом Ичкерии, заявил, что в его распоряжении имеются два контейнера с радиоактивным веществом, семь — с биологическим оружием, пять химических боевых снарядов с бинарным отравляющим веществом, и что он готов пустить их в дело.

В Чечне и вокруг нее вновь начались переговорные процессы. Они были прерваны после того, как глава российской делегации, командующий внутренними войсками, генерал Анатолий Романов был тяжело ранен в результате покушения, осуществленного с помощью радиоуправляемого фугаса.

Во время этого временного «затишья» проводятся выборы нового главы Республики Ичкерия. Им становится Доку Завгаев. Однако его администрация реальной власти не имела. Тем временем боевики накапливают оружие и боевые припасы, которые им доставляются из-за Кавказских гор и через территорию Дагестана.

В январе 1996 года боевые действия в Чечне возобновились. Они начались с террористического акта: отряд боевиков в 200 человек под командой зятя Дудаева Салмана Радиева захватил в дагестанском городе Кизляре родильный дом и больницу. Повторилась ситуация, схожая с событиями в Буденновске. Террористы были беспрепятственно выпущены из Кизляра под «охраной» заложников.

На границе Чечни и Дагестана колонна автобусов с террористами была обстреляна российскими вертолетами. Отряд Радиева занял оборону в близлежащем дагестанском селении Первомайском, который был блокирован федералами. Штурм, предпринятый ими, оказался неудачен. Под покровом ночи большинству радиевцев с частью заложников удалось вырваться из окружения. Этот рейд отряда дудаевцев, как говорится, «заметно подлил масла в огонь» идущей войны в стане дудаевцев.

В феврале федеральные войска успешно провели спецоперацию в Гудермесском районе. В ходе ее была ликвидирована опорная база боевиков в станице Новогрозненской.

В марте Шамиль Басаев, который уже значился как «террорист № 1» со своими людьми, посаженными на легковые автомашины, на несколько дней «вошел» в Грозный. Машины на большой скорости «курсировали» по городским улицам, подвергая атакам военные комендатуры и блок-посты.

16 апреля отряд араба-исламиста Хаттаба, родом из Иордании, близ селения Ярыш-Мардан совершил провокационное нападение на армейскую колонну, которая находилась на марше. Было убито и ранено несколько десятков российских военнослужащих. Нападавшие — хаттабовцы беспрепятственно и без потерь возвратились на базу.

В ночь на 22 апреля в результате ракетного удара с боевого вертолета по штабной ставке боевиков близ селения Гехи-Чу был убит генерал Д. Дудаев. Авиационная ракета наводилась на сигнал его сотового телефона.

Обязанности главы Республики Ичкерия возложил на себя вице-президент Залимхан Яндарбиев. Он побывал для перегово-

ров в Москве и в итоге с ним было достигнуто соглашение о взаимном прекращении огня. 16 июня в Чечне состоялись выборы местного парламента. Казалось, что они могли стать началом мирного процесса.

Боевики выступили против такого мирного процесса. 6 августа они (до 6—7 тысяч человек) совершили нападение на Грозный. На их сторону перешла часть местной милиции, подчиненной президенту Завгаеву. В городе прошли многодневные ожесточенные уличные бои.

По официальным данным, в ходе августовских боев 1996 года в Грозном было убито около 420, ранено 1300 и пропало без вести более 120 российских военнослужащих. По некоторым оценкам, было сожжено до 200 единиц бронетехники. В российских газетах писалось: «Под натиском разрозненных бандформирований наши войска оставили город Грозный».

В итоге ожесточенных схваток Грозный и часть его пригородов оказались в руках боевиков. Они заняли города Аргун, Гудермес и Шали. То есть ими под контроль вновь была взята большая часть территории Чечни.

10 августа президент Российской Федерации Борис Ельцин объявил днем национального траура. Он публично признал поражение федеральных войск в Грозном.

Федеральные силы были готовы нанести ответный удар. Командовавший российскими войсками в Чечне генерал Константин Пуликовский принял решение начать штурм Грозного. Но прибывший в Чечню секретарь Совета безопасности генерал Александр Лебедь добился отмены такого приказа.

В конце августа в дагестанском городе Хасавьюрт генерал Лебедь подписал с чеченским руководством соглашение о выводе из Ичкерии федеральных войск, за исключением двух бригад, расположенных в окрестностях Грозного. Чеченцы требовали вывода всех войск, отказавшись гарантировать безопасность тем российским военнослужащим, которые оставались на территории Ичкерии. Предполагалось не позднее конца 2001 года определить политический статус республики.

На страницах печати это событие было названо окончанием Первой Чеченской войны. Она обошлась России почти в 6 тысяч погибших и пропавших без вести военнослужащих, пограничников, милиционеров и сотрудников службы безопасности.

Эта же Первая Чеченская война обошлась Чечне, по разным оценкам, в 70—80 тысяч человеческих жизней. В подавляющем большинстве это были мирные жители, погибшие большей частью от артиллерийских обстрелов и бомбардировок.

После вывода российских войск с территории Чечни, там состоялись президентские выборы, на которых победил Аслан Масхадов. В мае 1997 года президенты Ельцин и Масхадов подписали мирный договор между Россией и Чечней, по которому стороны обязывались никогда не использовать силу или угрозу ее применения в отношениях друг с другом. Это означало признание Россией Ичкерии независимой де-факто. Однако пойти на признание чеченской независимости де-юре Москва не могла по многим внутривнутриполитическим и внешнеполитическим причинам.

Однако кровь на земле Чечни продолжала литься не только в ходе внутренней междоусобицы. Стороны готовились к новому вооруженному противостоянию. Москва не могла допустить развала Российской Федерации по национально-территориальному признаку, как это было сделано с Советским Союзом. Остро стоял вопрос о борьбе с терроризмом, который финансировался извне.

Отряды боевиков пополнились значительным числом иностранных наемников, среди которых особенно много оказалось арабов. Один из них, Хаттаб, занимался подготовкой диверсантов. Он же руководил финансированием (распределением денежных сумм) террористических действий. То есть никакого мирного развития событий на Северном Кавказе не ожидалось.

Вторая Чеченская война началась в августе 1999 года. Отряды чеченских боевиков (до полутысячи человек) под командованием генерала Шамиля Басаева и араба Хаттаба вторглись через Снеговой перевал в соседний Дагестан, рассчитывая получить поддержку местных ваххабитов. В Цумадинском районе было захвачено несколько селений. К тому времени ваххабиты создали на земле Дагестана «независимые территории», где не функционировала республиканская власть.

Однако дагестанцы не поддержали чеченских боевиков, которым не удалось «одеть в пламя войны» их землю. Действия армейских сил вынудили отряды вторжения укрыться в Ичкерии.

4—5 августа отряды боевиков численностью до двух тысяч человек вторглись с территории Чечни через перевал Харамы в Бот-

лихский район Дагестана. Были захвачены села Ийгаль, Годобери, Шодрода, Рахата, Тандо и Ансалта. Бои за них носили самый ожесточенный характер. 17 августа операция по их освобождению была завершена.

Бои в Ботлихском районе показали, что силы вторжения в Дагестан из соседней Чечни имели серьезные намерения и хорошее вооружение: минометы, безоткатные орудия, ПТУРЫ, крупнокалиберные пулеметы ДШК и «Утес»... В достатке оказалось и боеприпасов.

В конце августа около полутора тысяч боевиков Басаева и иорданца Хаттаба совершили новое вторжение в Дагестан с чеченской территории — в Новолакский район. Они взяли районный центр село Новолакское и укрепились в нем. Первый штурм райцентра успеха не дал, поэтому при его повторении широко действовала артиллерия и авиация.

Потери российской стороны составили 197 человек убитыми, 20 пропавшими без вести и 645 ранеными. Потери боевиков составили до 40 процентов их численного состава.

Ответным шагом чеченских боевиков на их трехкратное поражение на земле Дагестана стало проведение ряда громких террористических акций. К ним относятся взрывы в сентябре 1999 года жилых домов в Москве и дагестанском городе Буйнаксе, повлекшие за собой многочисленные человеческие жертвы.

4 сентября при взрыве дома в Буйнаксе погибло 64 человека. 9 сентября взрывается жилой дом в Москве на улице Гурьянова, погибает 96 человек. 13 сентября в столице на Каширском шоссе взрывается еще один дом, что привело к гибели 130 человек. Завершилась эта серия терактов против мирного населения взрывом в Волгодонске, жертвами которого стало 17 человек.

Решением Москвы 23 сентября 1999 года на территории Чеченской Республики создается Объединенная группа войск (сил). В ее задачу входило ведение боевых действий против чеченских боевиков и стабилизация обстановки в регионе, который предстояло взять под контроль.

В том же сентябре федеральные войска начали вторжение в Чечню. Широкомасштабная наступательная операция проводилась армейскими частями и войсками МВД. К началу февраля 2000 года российская армия овладела Грозным, который после упорных боев оказался большей частью разрушенным.

По приказу президента Ичкерии Аслана Масхадова город был поделен на четыре сектора обороны, которыми командовали наиболее опытные полевые командиры (генералы) Шамиль Басаев, Руслан Гелаев, Магомед Хамбиев и Бислан Бикуев. Численность боевиков (по разным источникам) составляла от 5 до 9 тысяч.

Над Грозным были сброшены листовки следующего содержания: «Вы окружены. Дальнейшее сопротивление бессмысленно. Лица, оставшиеся в городе, будут считаться террористами и уничтожаться».

Штурм города начался со взятия Старопромысловского района Грозного. Когда начались бои за другие городские районы, то федералы столкнулись с массовым применением снайперов. Боевики имели снайперские винтовки с электронным прицелом, которые в российскую армию еще не поступали.

В ночь на 29 января отряды боевиков стали покидать Грозный. Отряд Басаева численностью около тысячи человек на мосту попал в засаду, был обстрелян с двух берегов реки и в итоге оказался на минном поле. Более половины боевиков было убито, в том числе мэр Грозного Леча Дудаев. Шамиль Басаев был ранен: от взрыва мины он потерял ступню.

Последовали упорные бои в Аргунском ущелье, которое долгое время являлось одной из опорных баз боевиков. Бои в ущелье велись в течение двух месяцев: с февраля по март. При штурме укрепленного селения Комсомольское был разгромлен крупный отряд под командованием Р. Гелаева.

Продолжая наступление, федеральные войска в феврале—марте установили контроль над горными районами Чечни, который не отличался эффективностью. Создание по всей территории республики системы блокпостов с небольшими гарнизонами из армейцев и военнослужащих МВД проблему борьбы с боевиками не решило.

Теперь боевые действия на территории Чечни официально назывались «контртеррористической операцией», которая затягивалась на неопределенное время. Боевики уже не обладали бронетехникой и потеряли большую часть тяжелого вооружения. Однако недостатка в современном стрелковом вооружении и боеприпасах они по-прежнему не испытывали.

18 апреля 2000 года в Москве было официально заявлено о завершении войскового этапа контртеррористической операции в Чеченской Республике. Теперь главные усилия по борьбе с боеви-

ками должны были ложиться на войска МВД, службу безопасности и милицию. Однако на деле все оказалось иначе: армейские части продолжали активно участвовать в операциях против боевиков и обеспечении внутреннего порядка в Чечне.

Противник федеральных сил изменил тактику ведения войны. Боевики, находившиеся под командованием генерала Аслана Масхадова, стали отказываться от прямых боевых действий с федеральными войсками. Вторая Чеченская война быстро изменила свой облик.

Она приняла характер партизанских действий, которые тесно переплетались с террористическими актами как на территории самой республики, так и за ее пределами, прежде всего в соседних регионах Северного Кавказа. Речь шла о Дагестане, Ингушетии, Осетии, Кабардино-Балкарии...

Террористические акты (заранее подготовленные взрывы) следовали один за другим. В жилых домах, на транспорте гибли мирные люди. Боевики для проведения террористических акций все шире использовали смертников, в том числе женщин, становившихся «обладательницами поясов шахидов».

Одновременно на чеченской территории совершались обстрелы блокпостов, отделов местной милиции, нападения на колонны военных машин, минирование дорог. Мощные фугасы неоднократно взрывались в городе Грозном. Из переносных ракетных комплексов было сбито несколько вертолетов федеральных войск.

В 2001 году был создан оперативный штаб по руководству контртеррористической операцией. Руководство им было возложено на директора Федеральной службы безопасности (ФСБ) Николая Патрушева. Одновременно сохранялось командование армейскими силами и войсками МВД, расположенными на территории Чечни и близлежащих к ней районах Северного Кавказа. Усиливается охрана государственной границы по Большому Кавказскому хребту.

В последующие годы крупные отряды боевиков оказались или разгромленными, или рассыпавшимися на более мелкие группы для удобного ведения вооруженной борьбы. Боевые действия масштабностью теперь не отличались. После гибели араба-исламиста Хаттаба из рядов боевиков наметился отток иностранных наемников.

В 2002 и 2003 годах чеченские боевики совершили целый ряд громких террористических актов, прежде всего взрывов в городах Северного Кавказа, что привело к гибели прежде всего мирных

жителей. Ставка боевиков на террор становилась все более очевидной, и потребовала ответных мер.

Наиболее шумевшим актом террора стал захват в Москве в октябре 2002 года группой чеченских боевиков в здании театрального центра на Дубровке в заложники зрителей спектакля «Норд-Ост». В ходе операции по их освобождению силы безопасности взяли штурмом здание театрального центра, в ходе которого были убиты все террористы, участвовавшие в захвате заложников.

Затем последовала Бесланская трагедия, которая потрясла, шокировала весь мир. В североосетинском городе Беслане боевики захватили в праздничный день 1 сентября среднюю школу с учениками и учителями. Жертвами этого нападения басаевских боевиков стали десятки и десятки детей-школьников. Такого «практика» международного терроризма еще не знала.

9 мая 2004 года в Грозном на стадионе «Динамо» во время концерта по случаю Дня Победы в Великой Отечественной войне прогремел взрыв. В результате террористического акта погибли президент Чечни Ахмад Кадыров и председатель Государственного совета республики Хусейн Исаев.

После создания в Чеченской Республике национальных воинских и милицейских формирований, находящихся в подчинении нового главы республиканского правительства Героя России Рамзана Кадырова, сына Ахмада Кадырова, борьба с остатками сил боевиков стала вестись настойчиво и эффективно. Изменили тактику борьбы с террористами и федеральные силовые структуры. На территории Чечни началось расквартирование ряда воинских частей с постоянным местом дислокации.

Показательным в этом отношении оказался 2006 год. В этот год чеченские террористы лишились практически всех своих главарей. Речь идет не только о средних фигурах в бандитской табели о рангах — уничтоженных «эмиров» и «генералов» небольших селений и районов, но и тех лиц, которые олицетворяют собой международный терроризм.

Были уничтожены Аслан Масхадов (застрелен своими же телохранителями) и (в Аргуне) самозванный «президент Ичкерии» Абдул-Халим Садулаев. Нашел на земле России бесславный конец иностранный наемник и представитель «Аль-Каиды» в Чечне араб Абу-Хавс, через которого боевикам, окончательно вставшим на путь террора, шли зарубежные деньги.

В июле 2006 года в селе Экажево Назрановского уезда Ингушетии при мощном взрыве «КамАза», груженого взрывчаткой (снарядами) был убит «террорист № 1» генерал Шамиль Басаев. За все время чеченской драмы не было ни одной крупной кровавой трагедии, крупного террористического акта, ниточки от которых не вели бы лично к Басаеву.

Его ликвидация была осуществлена в ходе спецоперации. Директор ФСБ Николай Патрушев подчеркнул, что она стала возможной лишь благодаря тому, что была создана оперативная подготовительная база, прежде всего в тех странах, где собиралось оружие, которое впоследствии переправлялось боевикам в Россию.

Борьба с проявлениями терроризма на территории Чеченской Республики была не решена и в 2007 году. Федеральные силы продолжают борьбу с боевиками. СМИ время от времени приносят сведения о ликвидации отдельных бандгрупп в Чечне и Дагестане. Рассказывается о вкладе России в дело борьбы с международным терроризмом.

Одной из мер налаживания мира на земле Чечни стала очередная амнистия членам незаконных вооруженных формирований, добровольно сложившим оружие, не будучи при этом замешанным ранее в совершении тяжких преступлений. Другой, не менее эффективной мерой, стало восстановление экономики республики, разрушенной в ходе Первой и Второй Чеченских войн, равно как и города Грозного.

Однако вопрос борьбы с террором с повестки дня не снят и по сегодняшний день. Считается, что на сегодняшний день чеченские террористические группировки стали частью сети «Аль-Каиды». Недооценка этой опасности привела к образованию на территории Чеченской Республики террористического анклава, центра генерации терроризма на Северном Кавказе. Россия одной из первых в XXI столетии в полной мере ощутила последствия акций международного терроризма.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ГЛАВА 1 Кавказ среди исламского мира. Сближение с Россией	5
ГЛАВА 2 Петр I торит через Кавказ персидскую тропу в Индию	54
ГЛАВА 3 Екатерина Великая повторяет ошибку Петра Великого	103
ГЛАВА 4 Царская Грузия и ханства Кавказа под сенью империи	138
ГЛАВА 5 Кавказская укрепленная линия — граница державной России	214
ГЛАВА 6 Война в Черкесии. Турецкая Анапа — кавказский Измаил	230
ГЛАВА 7 Присоединение Восточной Армении к России. Паскевич-Эриванский	251
ГЛАВА 8 1845 год. Апогей Кавказской войны. Даргинская экспедиция ...	283
ГЛАВА 9 Крымская война на Кавказе. Севастопольская цена Карса	315
ГЛАВА 10 «Туранские» иллюзии Энвер-паши. Несостоявшийся поход на Терек	357
ГЛАВА 11 Гражданская война в России, шагнувшая с Северного Кавказа в Закавказье	420
ГЛАВА 12 Повстанческое движение на Кавказе и депортации 1940-х годов	438
ГЛАВА 13 «Конфликтные плоды» развала Советского Союза: Карабах, Абхазия, Южная Осетия	443
ГЛАВА 14 На рубеже XX и XXI веков: «необъявленная» война в Чечне ...	458

Научно-популярное издание
Военные тайны России

Шишов Алексей Васильевич

**СХВАТКА ЗА КАВКАЗ
XVI—XXI ВЕКА**

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректоры *Б.С. Тумян, В.Ю. Рязанова*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *М.А. Виноградов*

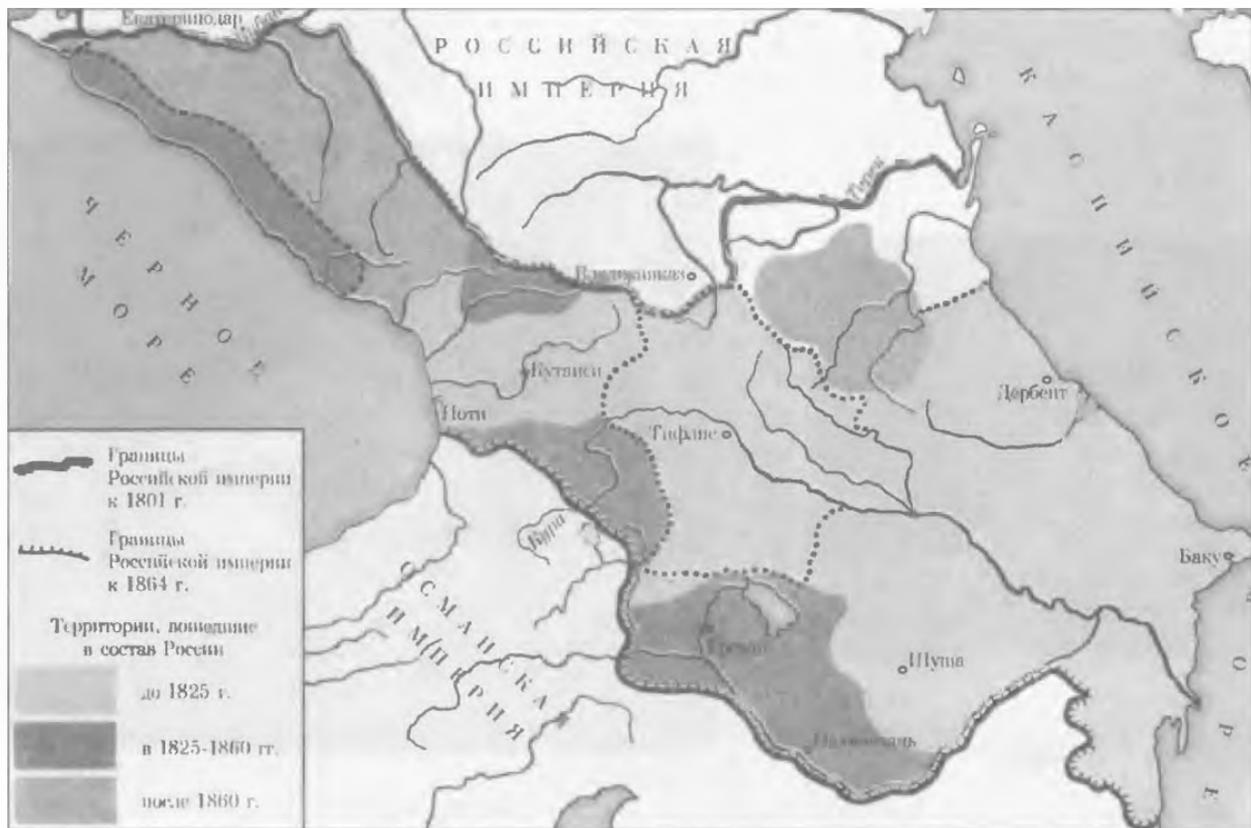
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.012232.12.06 от 21.12.2006 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 25.04.2007. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 15. Тираж 3 000 экз. Заказ № 5643

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Россия и Кавказ. Карта

Князь П.Д. Цицианов

Генерал-адъютант Валериан Зубов

*Царский наместник в Тифлисе и
главнокомандующий русскими кавказскими войсками
генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев*

Наместник Кавказа граф М.С. Воронцов

*Генерал А.П. Ермолов,
прозванный еще при жизни «проконсулом Кавказа»*

Дарьяльское ущелье. Рисунок М.Ю. Лермонтова

*Военно-Грузинская дорога. Башня царицы Тамары
и Дарьяльское укрепление*

Омер-паша

Керим-паша

Курд и армянин

Горец во время намаза

Мингрелы

Муллы. Батум

Тифлис. Старый город

Мечеть во Владикавказе

Взятие Эрзерумской крепости

Бой под Ардаганом

*Солдат отдельного
Кавказского корпуса
во время зимнего похода
в Дагестан*

*Унтер-офицер
кавказского саперного
батальона в походной форме*

*Наградной крест
«За службу
на Кавказе»*

*Медаль «В память русско-турецкой
войны 1877–1878 гг.»*

*Имам Чечни и Дагестана Шамиль.
Турецкий султан возвел его в звание генералиссимуса
и очень надеялся на то, что «немирные» горцы
нанесут сильный удар в спину русским войскам
в Закавказье*

Шамиль с сыновьями

Именная печать Шамиля

Знак отличия Шамиля

Родной аул Шамиля

Пленный Шамиль представляется князю Барятинскому

Офицеры 1-й бригады Кубанского казачьего полка

Группа турецких офицеров

Граф И. И. Воронцов-Дашков

Генерал И. И. Юденич

Эвер-паша

ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ РОССИИ

СХВАТКА ЗА КАВКАЗ

Кавказ в истории Российской державы занимает особое место. С горным кряжем связано несколько столетий великих героических битв, военных походов и конфликтов, мятежей и восстаний, вооруженных заговоров. Эти события следовали непрерывно на протяжении столетий, достигли своего апогея только в последние десятилетия династии Романовых. Но и после этого мир не оставил на древнюю кавказскую землю своим свидетелем событий и победителем.

Книга известного военного историка и писателя А. В. Шипилова рассказывает об одной из войн в Кавказском регионе, которая пришлось вести Абхазской Руси, Российской империи, Советскому Союзу и Российской Федерации с XVI до начала XXI века, о союзниках и противниках России, о выдающихся отечественных полководцах и дипломатах, защищавших интересы Отечества на южных рубежах.

ISBN 978 5 9533-2236-2

9 785953 322362

